ИЗЪ ИСТОРІИ

УГРІИ И СЛАВЯНСТВА

ВЪ XII ВѢКѢ

(1141—1173)

КОНСТАНТИНА ГРОТА.

ВАРШАВА.
Въ типографіи Маріи Земкевичъ.
Краковское-Предмѣстье N. 17.

1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета.
Ректоръ Тайный Совѣтникъ **Н. Лавровскій.**

БРАТУ МОЕМУ

НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ

ГРОТУ

ПОСВЯЩАЮ ТРУДЪ МОЙ.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета.

Ректоръ Тайный Совѣтникъ **Н. Лавровскій.**

ИЗЪ ИСТОРІИ

УГРІИ И СЛАВЯНСТВА

ВЪ XII ВѢКѢ

(1141—1173)

КОНСТАНТИНА ГРОТА.

ВАРШАВА.

Въ типографіи Маріи Земкевичъ.
Краковское-Предмѣстье N. 17.

1889.

Печатано по опредѣленію Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Варшавскаго Университета.

Ректоръ Тайный Совѣтникъ **Н. Лавровскій.**

БРАТУ МОЕМУ

НИКОЛАЮ ЯКОВЛЕВИЧУ

ГРОТУ

посвящаю трудъ мой.

связаннаго со славянствомъ и игравшаго такую видную роль въ его историческихъ судьбахъ, слишкомъ очевиденъ и не нуждается въ особомъ разъясненіи. Само собой понятно также, какую пользу можетъ принести основательное изученіе угорской исторіи разработкѣ частныхъ исторій — западной Руси, южныхъ Славянъ, Чехіи, Польши, наконецъ и Византіи.

Я избралъ для своего изслѣдованія періодъ времени съ 40-выхъ годовъ XII вѣка конечно прежде всего потому, что этотъ періодъ особенно возбуждалъ мою пытливость. Но независимо отъ этого, такъ сказать, личнаго предрасположенія, такой выборъ можетъ быть оправданъ и дѣйствительно выдающимся интересомъ, представляемымъ этой эпохой угорской исторіи и самой по себѣ, и тѣмъ еще, что изученіе ея можетъ способствовать лучшему уразумѣнію послѣдующихъ событій всемірно-историческаго значенія на юговостокѣ Европы.

Въ политической жизни Угріи избранная эпоха (XII вѣкъ вообще) столько же важна, сколько и любопытна. Венгерскіе и нѣмецкіе историки называютъ её обыкновенно эпохой „византійскаго вліянія." Но это опредѣленіе далеко не соотвѣтствуетъ сущности дѣла. Скорѣе это была эпоха *внѣшняго завоевательнаго натиска Византіи и отпора ему*, которымъ сумѣлъ воспользоваться латино-германскій западъ для своего усиленія въ Угріи, ибо именно этимъ явленіемъ преимущественно опредѣляется направленіе угорской политической жизни за это время. Вліяніе запада въ самой Угріи тогда не только не смѣнилось вліяніемъ греческимъ, политическимъ или культурнымъ, — вслѣдствіе внѣшнихъ пріобрѣтеній императора Мануила — и не ослабѣло, а напротивъ сдѣлало еще бо́льшіе успѣхи. Вторая половина XII в. въ этомъ отношеніи даже можетъ быть признана въ извѣстномъ смыслѣ періодомъ *переходнымъ*, когда Угрія стала все болѣе поддаваться вліянію латинства и папства, и вообще западной Европы, становясь все болѣе на путь

воспріятія типическихъ чертъ державы латинской, если и не западно-европейской, то западно-славянской, какою она уже и становится постепенно съ XIII в. И однакожъ и въ XII в. и еще долго послѣ въ народныхъ массахъ Угріи привязанность къ державшейся еще старинѣ, къ старой вѣрѣ, т. е. къ восточному церковному обряду и къ національно-славянскимъ бытовымъ началамъ, вообще православно-славянскія стихіи были еще очень сильны и явно давали себя знать.

Нечего и говорить послѣ того, что изученіе политической судьбы и роли Угріи во второй полов. XII в. среди современныхъ историческихъ движеній и международныхъ отношеній европейскаго востока и запада въ высшей степени интересно и поучительно. Притомъ особенно оживленныя, часто очень интимныя связи Угріи съ сосѣднимъ западнымъ, южнымъ и восточнымъ славянствомъ придаютъ этому времени еще бо́льшую занимательность.

Но и въ отношеніи къ послѣдующей эпохѣ изученіе этого времени, какъ сказано, и полезно и важно. Конецъ XII-го и начало XIII в. ознаменовались великими политическими событіями. Въ эту пору юговостокъ Европы переживалъ важный историческій кризисъ. Латинскій западъ послѣ своего вѣкового завоевательнаго напора на греко-славянскій востокъ на всѣхъ доступныхъ ему пунктахъ восторжествовалъ наконецъ въ 4-мъ крестовомъ походѣ надъ изнемогшей отъ внутреннихъ неурядицъ и разлагавшейся Византіей и основалъ въ самомъ этомъ центрѣ восточно-христіанскаго міра свою латинскую имперію. Одновременно и въ явной связи съ этими успѣхами латинской Европы на православномъ востокѣ, какъ-бы въ возмѣщеніе за великія потери послѣдняго, совершается прогрессивное движеніе въ южномъ славянствѣ. Изъ развалинъ Византійской имперіи при содѣйствіи ея западныхъ враговъ поднимается, организуется политически и культурно вос-

кресаетъ это южное славянство, энергически сбрасывая съ себя оковы обезсилѣвшей Византіи: здѣсь слагается и укрѣпляется сербская держава Стефана Немани, тамъ образуется второе болгарское царство... Вполнѣ понять и уяснить себѣ эти важныя историческія явленія можно только послѣ внимательнаго изученія предшествующей, ихъ подготовившей эпохи исторіи юговостока Европы; а такъ какъ въ этой исторіи и въ этихъ великихъ явленіяхъ видное мѣсто и выдающаяся политическая роль принадлежатъ и Угріи, то понятно, что и съ этой точки зрѣнія ея судьба въ XII в. представляетъ несомнѣнный общій интересъ.

Настоящее изслѣдованіе, имѣя исходнымъ моментомъ вступленіе на престолъ Гейзы II (1141), доведено до многознаменательнаго событія 1173 года, именно возведенія на угорскій престолъ воспитаннаго въ Византіи и призваннаго оттуда Арпадовича, византійскаго кандидата, полугрека и мануилова свояка Бѣлы III. По первоначальному плану я предполагалъ включить въ свое изысканіе и царствованіе этого государя (1173—1196), что дало бы труду еще бо́льшую полноту и цѣльность, рельефнѣе выставило бы руководящую мысль и взглядъ мой на историческое развитіе Угріи и ея отношенія къ востоку и западу въ ту эпоху, но отъ этого плана, слишкомъ обширнаго, пришлось отказаться. Царствованіе Гейзы II является у меня раздѣленнымъ на три періода — согласно подмѣченнымъ мною довольно рѣзкимъ измѣненіямъ въ политическомъ направленіи и симпатіяхъ этого государя, а тѣмъ самымъ и въ политикѣ Угріи.

Не лишнимъ считаю оговориться, что занимаюсь въ своемъ сочиненіи почти исключительно *политической* исторіей Угріи, оставляя пока въ сторонѣ спеціальныя разсужденія по вопросамъ ея внутренней, соціальной и религіозной жизни, государственнаго и церковнаго устройства, быта, культуры и проч., не отказываясь однако вернуться къ нимъ впослѣдствіи. Впрочемъ и въ изло-

женіи исторіи политической эти частные вопросы неизбѣжно затрогиваются и до нѣкоторой степени освѣщаются разборомъ и критикой отдѣльныхъ фактовъ и явленій этой исторіи; во всякомъ случаѣ здѣсь, надѣюсь, болѣе или менѣе выясняются общій внутренній характеръ и духъ старой Угріи, направленіе, условія и факторы ея внутренней и внѣшней политики.

Что касается *источниковъ* этого періода, то и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ свою особенность, требуя болѣе сложнаго или, такъ сказать, болѣе „разбросаннаго" изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что со второй половины XII в. въ домашнихъ угорскихъ источникахъ оказывается существенный пробѣлъ: они почти безмолвствуютъ до начала XIII в. (Андрея II), а потому все вниманіе изслѣдователя невольно сосредоточивается на многочисленныхъ источникахъ иноземныхъ, именно византійскихъ, западно-европейскихъ и славянскихъ, которые представляютъ довольно обширный матеріалъ для изученія и свидѣтельства которыхъ объ Угріи и угорскихъ дѣлахъ требуютъ согласованія, провѣрки, всегда самой осторожной и строгой критики въ виду ихъ часто недостаточной достовѣрности или же явной тенденціозности. Открытіе какихъ-либо новыхъ важныхъ источниковъ для этого времени, равно какъ существенное пополненіе еще очень не многочисленныхъ изъ этой поры угорскихъ грамотъ и другихъ документовъ, представляется понятно весьма желательнымъ; но такія желанія не могутъ и не должны останавливать изслѣдователей въ ихъ трудахъ по изученію уже извѣстнаго. И тотъ матеріалъ, который имѣется въ распоряженіи историка, далеко еще не исчерпанъ критикой подобающимъ образомъ и, будучи основательно разработанъ, можетъ многое раскрыть и разъяснить, многое исправить въ прежнихъ взглядахъ и мнѣніяхъ, многому дать новое, болѣе правильное освѣщеніе.

Отдавая свой трудъ на судъ исторической критики,

я позволяю себѣ надѣяться, что онъ при всѣхъ несовершенствахъ будетъ признанъ не излишнимъ и что быть можетъ онъ окажется способнымъ возбудить у насъ нѣсколько бо́льшій интересъ къ исторіи Угріи, чѣмъ какой былъ замѣтенъ до сихъ поръ, и дать толчокъ къ ея внимательной и разносторонней разработкѣ русскими учеными силами.

К. Гротъ.

Варшава.
Май 1889 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

и баварскимъ (Вельфами), часто парализовавшая съ тѣхъ поръ силы имперіи во внѣшней политикѣ.

Восторжествовавшіе въ Германіи послѣ упорной борьбы Гогенштауфены (Конрадъ III, съ 1138 г.) должны были вслѣдъ за тѣмъ устремить все свое вниманіе на Италію, гдѣ сосредоточились силы и интересы враговъ и ихъ собственныхъ и Германіи. Этими врагами были не только продолжавшіе враждовать съ императорами за первенство папы и поддерживавшіе ихъ обыкновенно въ этомъ властители южной Италіи Норманны, но и стремившіеся къ независимости сѣвероиталіанскіе (ломбардскіе) города. Интересы этихъ враговъ Германіи совпадали въ то время съ интересами не хотѣвшихъ признавать швабскаго господства Вельфовъ, которые часто дѣйствовали за одно — вспомнимъ напр. союзъ короля сицилійскаго Рожера съ Вельфомъ VI противъ Конрада III, — и вотъ почему возникшія такимъ образомъ продолжительныя войны изъ-за интересовъ имперіи въ Италіи прослыли и здѣсь борьбою Вельфовъ и Гибелиновъ (швабскаго дома), т. е. сторонниковъ папства, политической независимости и автономіи съ одной стороны, и стоятелей за власть и авторитетъ имперіи и всѣ ея верховныя права — съ другой.

Итакъ по всѣмъ этимъ причинамъ Германіи, т. е. собственно западной имперіи пришлось на время поступиться нѣсколько своей активной политикой на восточныхъ окраинахъ своихъ, главнымъ образомъ по отношенію къ представлявшей наибольшую силу сопротивленія Угріи, которая именно тогда, по смерти Коломана, переживала у себя дома тревожное время и для которой обезпеченность со стороны запада оказывалась особеннымъ благополучіемъ.

Между тѣмъ на дальнемъ востокѣ, на главной сценѣ всемірно-историческихъ событій той эпохи, непрерывно шла кровопролитная борьба, въ которой принимала самое дѣятельное участіе другая европейская культурно-историческая сила, ближайшая сосѣдка Угріи съ юга, т. е. восточная имперія, снова начавшая подниматься въ началѣ XII вѣка изъ своего бѣдственнаго, критическаго положенія — благодаря сильнымъ, даровитымъ и искуснымъ Комнинамъ. Тамъ, на азіатскомъ востокѣ, боролся весь христіанскій міръ съ быстро наступавшимъ къ европейскимъ предѣламъ исламомъ, а съ другой стороны

тамъ же боролась восточно-христіанская имперія съ одинаково враждебными и ей крестоносными борцами западнаго латинскаго міра.

Давно уже Византія, со времени императора Василія II Болгаробойца († 1025), принуждена была отказаться отъ активной, наступательной политики, и съ напряженіемъ всѣхъ силъ своихъ защищать почти со всѣхъ сторонъ свои владѣнія отъ сильныхъ враговъ, которые успѣшно вели съ ней борьбу, постепенно подкапывались подъ ея могущество и благосостояніе и грозили самому ея существованію. То были во первыхъ хищныя кочевыя турецкія полчища Печенѣговъ и Половцевъ, почти полвѣка громившія имперію съ сѣвера и которымъ принадлежитъ едва-ли не главная роль въ этомъ общемъ на нее натискѣ; затѣмъ Турки-сельджуки, грозно напиравшіе на нее въ Азіи, дошедшіе въ своемъ стремительномъ движеніи до самой столицы и готовые подать руку своимъ сѣвернымъ соплеменникамъ; наконецъ смѣлые и предпріимчивые Норманны, отвоевавшіе у Византіи почти всѣ ея южноиталіанскія владѣнія и не перестававшіе ее безпокоить.

Доведенная до крайности, до почти безвыходнаго положенія къ концу XI вѣка, Византія рѣшилась прибѣгнуть къ такому средству, которое, совершенно противорѣча традиціямъ имперіи, толкало ее на новый, въ высшей степени скользкій путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ привлекало къ ней новыхъ опасныхъ враговъ, расплата съ которыми въ концѣ концевъ стоила ей очень дорого. Императоръ Алексѣй Комнинъ (1081—1118) обратился съ мольбою о помощи противъ двойнаго турецкаго нашествія къ латинскому западу (1091) [1]). Этотъ роковой шагъ съ одной стороны ускорялъ развитіе крестоваго движенія въ Европѣ и осуществленіе перваго похода, а съ другой [illegible] на всю дальнѣйшую судьбу и политику Византіи при Алексѣ[illegible] его преемникахъ.

Успѣвъ однако и безъ помощи запада, до прибытія крестонос[illegible]гополучно справиться съ Печенѣгами и Половцами, Византія

---

[1]) [illegible] знаменитаго посланія Алексѣя Комнина къ графу Ро[illegible], какъ извѣстно, [illegible] убѣдительно доказана, [illegible] [illegible] и его подлинности, и вопросъ [illegible] [illegible] В. Г. Васильевскимъ. См. его статьи въ Ж. М. Н. Пр., ч. [illegible] стр. [illegible], равно и ст. „Византія и Печенѣги.“

въ первой четверти XII в., отсрочивъ на время борьбу съ Сельджуками, должна была устремить всѣ свои силы противъ водворившихся въ ея бывшихъ азіатскихъ владѣніяхъ латинскихъ рыцарей, и прежде всего противъ давнихъ и злѣйшихъ своихъ враговъ Норманновъ, принявшихъ дѣятельное участіе въ предпріятіяхъ перваго крестоваго похода. Дальнѣйшую борьбу въ Азіи, но уже не съ крестоносцами, а съ мусульманами удачно велъ сынъ и преемникъ императора Алексѣя доблестный Іоаннъ Комнинъ (1118—1143 г.), который къ концу своей жизни сильно импонировалъ какъ Сельджукамъ и другимъ азіатскимъ народамъ, такъ и Латинамъ въ Сиріи и Палестинѣ. Изъ этого ясно, что Византія въ этотъ періодъ времени должна была поневолѣ нѣсколько менѣе заниматься своими европейскими дѣлами и отношеніями, къ которымъ она обращалась однако всякій разъ, какъ того требовали не терпѣвшія отлагательства дѣла въ сѣверныхъ окраинахъ ея владѣній или обстоятельства западноевропейскія. Во всякомъ случаѣ она по прежнему зорко слѣдила за ходомъ событій здѣсь и тамъ. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы пресловутый союзъ Іоанна Комнина съ западнымъ императоромъ Лотаремъ, возобновленный имъ потомъ съ королемъ Конрадомъ III (въ 1140—1142 г.)—союзъ, который былъ очевидно вызванъ не только необходимостью обезопасить свои владѣнія на западѣ противъ Норманновъ, въ виду отвлеченія главныхъ военныхъ силъ имперіи на востокъ, но и завоевательными планами. Другимъ моментомъ западной политики Комниновъ были сношенія ихъ съ папствомъ. Уже императоръ Алексѣй завязывалъ сношенія съ папой (Пасхаліемъ II) и заводилъ рѣчь о соединеніи церквей (1112), при чемъ главнымъ побужденіемъ было конечно другое, а именно мечты о возстановленіи византійской власти въ Италіи, о возвращеніи ему папой титула римскаго императора, какъ о томъ же мечталъ и внукъ его Мануилъ, столь упорно добивавшійся этой цѣли полустолѣтіемъ позже. Борьба папства съ императоромъ нѣмецкой націи за инвеституру и отлученіе отъ церкви Генриха V казалось Алексѣю благопріятнымъ для его цѣлей временемъ. Но если Византія уже тогда преслѣдовала опредѣленныя задачи на западѣ, то Угрія стояла всетаки еще внѣ этихъ политическихъ вожделѣній, и со стороны Византіи она была въ ту пору, казалось, не менѣе обезпечена, чѣмъ со стороны запада.

Преемникъ Алексѣя Іоаннъ, хотя главное его вниманіе было поглощено успѣшнымъ возстановленіемъ византійскаго верховнаго господства въ Азіи, былъ вынуждаемъ въ началѣ своего царствованія неоднократно поднимать оружіе въ своихъ европейскихъ владѣніяхъ и сѣверныхъ окраинахъ имперіи: ему приходилось то вступать въ борьбу съ притязательной Венеціей, чтобъ въ концѣ концевъ всетаки сдѣлать ей уступки, то отражать послѣдній набѣгъ Печенѣговъ (1122), то наконецъ усмирять мятежныхъ Сербовъ. Но на Дунаѣ, въ отношеніи къ Угріи самъ Іоаннъ не велъ наступательной политики и вѣроятно не столкнулся бы съ Угріей, еслибъ не вызвалъ этого столкновенія (около 1128 г.) самъ король угорскій Стефанъ II, вздумавшій напасть на Византію подъ предлогомъ оказаннаго Іоанномъ, и еще болѣе его угорскою женою Ириной (дочерью Ладислава Св.) гостепріимства его слѣпому дядѣ, несчастному Альмушу. На этотъ разъ Угрія отдѣлалась довольно дешево отъ грозившей опасности, но съ тѣхъ поръ вниманіе Византіи было уже гораздо болѣе привлекаемо сѣверной сосѣдкой, къ которой она и безъ того питала чувства недовѣрія и ревности со времени утвержденія угорской власти въ Хорватіи и Далмаціи.

Разсмотримъ теперь нѣсколько ближе отношенія, существовавшія между Угріей и сосѣдними государствами въ правленіе ближайшихъ предшественниковъ Гейзы II, чтобы вполнѣ такъ сказать держать въ рукахъ нить историческихъ событій, которыя подлежатъ нашему изслѣдованію со вступленія на престолъ этого короля.

Что касается отношеній къ Германіи, то мы уже говорили выше объ интересахъ германской политической жизни въ это время, мѣшавшихъ нѣмецкимъ государямъ вести съ обычной энергіей традиціонную наступательную политику на восточныхъ границахъ имперіи. Тѣмъ не менѣе когда представлялся удобный случай нанести вредъ славянству или Угріи, Нѣмцы по мѣрѣ возможности спѣшили пользоваться имъ. Такъ въ первый же годъ царствованія Стефана (1115) они оказали помощь Венеціанцамъ въ ихъ борьбѣ съ этимъ королемъ за Далмацію [1]). Этимъ впрочемъ и ограничилось враждеб-

[1]) Danduli chron., l. IX, c. 11. Muratori, T. XII, p. 266.

ное выступленіе Генриха V по отношенію къ Стефану. За то съ ближайшимъ своимъ сосѣдомъ австрійскимъ маркграфомъ Леопольдомъ III и вообще сосѣдними Нѣмцами Угры не могли мирно ужиться. По видимому безъ всякой уважительной причины [1]) нѣсколько разъ около 1118 г. ходили угорскіе военные отряды опустошать сосѣднія цвѣтущія австрійскія владѣнія заодно съ чешскими, куда короля Стефана влекла вражда къ чешскому князю Владиславу.

Леопольдъ сперва ограничивался отраженіемъ этихъ безпричинныхъ хищныхъ нападеній, но затѣмъ выведенный изъ терпѣнія, въ союзѣ съ чешскимъ княземъ, онъ предпринялъ опустошительный походъ въ самую Угрію и разрушилъ Желѣзный градъ (Eisenburg, мад. Vasvár), чѣмъ на время и остановилъ дальнѣйшіе наѣзды Угровъ [2]). Вскорѣ послѣ того, около 1125 г. Стефанъ и маркграфъ Леопольдъ оказываются уже въ столь хорошихъ отношеніяхъ, установившихся безъ сомнѣнія при содѣйствіи архіепископа зальцбургскаго Конрада, который около того времени тоже заключилъ миръ съ Угріей [3]), что Стефанъ по убѣжденію своихъ приближенныхъ, очевидно сторонниковъ сближенія съ Нѣмцами, вступилъ въ бракъ съ родственницей Леопольда Адельгейдой (Udilhilde) изъ дома ландграфовъ Стефлингскихъ (Steffling, Steveningen) и вмѣстѣ бургграфовъ Регенсбургскихъ [4]), — бракъ по видимому безъ взаимнаго сочувствія и оставшійся безплоднымъ. Около 1127 г., пока Стефанъ воевалъ въ предѣлахъ Руси, нѣкоторые угорскіе магнаты вновь произвели самовольно изъ западныхъ окраинъ Угріи довольно значительныя опустошенія въ Штиріи, но маркграфъ штирійскій Оттокаръ ничего не предпри-

---

[1]) По крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ указаній, чтобъ эти походы были чѣмъ-нибудь вызваны съ австрійской стороны, развѣ только дружественнымъ союзомъ маркграфа съ чешскимъ княземъ, недругомъ короля Стефана.

[2]) Извѣстія объ этомъ см. въ австрійскихъ анналахъ: Ann. Melic; Ann. Admunt; Cont. Claustroneoburg. Pr. ad. a. 1118 г. (Pertz, M. G. SS., IX), у Otto Frising. Chr. l. VII, c. 15, и еще въ другихъ источникахъ.

[3]) Vita Chunr. arch. Salisbg. c. 18, M. G. SS. XI, p. 73—74; Срв. Bernhardi, Lothar v. Supplinburg (Leipz. 1879), S. 528, Anm. 11.

[4]) Schier, Reginae Hung. pr. stirpis, p. 100. Thurocz, c. 63, Schwandtn. Scr. I, p. 172. (Marci Chron., c. 68, изд. Toldy) называетъ несогласно съ этимъ, и кажется ошибочно женою Стефана — дочь Роберта Гюискара Апулійскаго. Срав. объ этомъ бракѣ Стефана съ сестрою бургграфа Регенсб. Оттона Mayer, Gesch. der Burggrafen von Regensburg (1883), S. 27.

ны въ 1134 г., когда Бѣла крестилъ сына Собѣслава, а одновременно сестра угорской королевы Елены Урошевны Марія была выдана замужъ за князя Конрада II Зноймскаго [1]). Въ 1137 г. Собѣславъ и Бѣла вновь имѣли свиданіе и переговаривались о разныхъ дѣлахъ; жена же Собѣслава Адельгейда все еще гостила въ Угріи у своего брата и присутствовала при погребеніи своего отца Альмуша, тѣло котораго только тогда, почти черезъ 10 лѣтъ по смерти, было перевезено изъ Греціи въ Угрію и здѣсь торжественно предано землѣ [2]). Итакъ союзъ Угріи съ Чехіей казался тогда очень прочнымъ. Но смерть Собѣслава въ 1140 г. все измѣнила. На престолъ былъ избранъ сынъ Владислава I-го Владиславъ II, а устраненный такимъ образомъ сынъ и законный преемникъ Собѣслава, тоже Владиславъ бѣжалъ съ своими приверженцами въ Угрію въ концѣ 1140 г., расчитывая получить помощь у своего дяди. Но эти надежды оказались тщетны, ибо уже въ началѣ слѣдующаго 1141 г. смерть похитила и самого Бѣлу Слѣпого. Въ Владиславѣ II Угрія въ началѣ нашла себѣ недруга, готоваго ей мстить за ея покровительство Собѣславичамъ; Чехія же пріобрѣла въ немъ правда несомнѣнно одного изъ выдающихся своихъ государей, спасшаго ее отъ раздробленія и сравнительно поднявшаго ея политическое значеніе, но зато и втянувшаго ее еще болѣе въ германскую политику и чуждыя славянству западно-европейскія дѣла.

Отношенія Угріи къ Польшѣ имѣли приблизительно тотъ же характеръ и подкладку, какъ и отношенія къ Чехіи. И здѣсь союзы и враждебныя столкновенія слѣдовали другъ за другомъ по большей части въ зависимости отъ личныхъ связей правителей и имѣли обыкновенно поводомъ внутреннія дѣла и междоусобія въ обоихъ государствахъ: какъ претенденты на престолъ угорскій искали поддержки въ Польшѣ, такъ и терпѣвшіе преслѣдованія и обиды князья польскіе въ свою очередь искали и находили пріютъ въ Угріи.

Впрочемъ издавна во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ державъ играли большую роль и политическіе интересы, соперничество и при-

---

[1]) Cont. Cosm. (Kan. Wyš.), a. 1134; Font. R. B., II. p. 219. Срв. Dudik, o. c., S. 80—81.

[2]) Cont. Cosm. (Kan. Wyš.), ibid., p. 227, ad a. 1137.

тязанія той и другой; ибо будучи обращены то на тогда еще оспариваемую Поляками карпатскую русскую область Спишъ (до ея окончательнаго присоединенія къ Угріи), то на одну и ту же сосѣднюю съ ними предкарпатскую землю, Галицкую Русь, эти притязанія естественно сталкивались, и здѣсь на русской почвѣ происходила часто борьба между ними, кончавшаяся то въ пользу одной, то въ пользу другой стороны. Польша въ первую половину XII вѣка при Болеславѣ III Кривоустомъ (1102—1139 г.) развивала свою политическую дѣятельность правда болѣе по направленію къ западу, чѣмъ къ востоку и югу; она была занята преимущественно своими отношеніями къ западнымъ сосѣдямъ, войной съ Нѣмцами, расширеніемъ и утвержденіемъ своей власти въ землѣ Поморянъ и распространеніемъ тамъ христіанства (Оттонъ епископъ Бамбергскій); съ другой стороны она была отвлекаема отъ внѣшней активной политики также и внутренними своими дѣлами, такъ что не имѣла уже возможности заявлять себя столь же дѣятельно въ отношеніи къ Угріи и Руси. Однакожъ всетаки, оставаясь вѣрною своей всегдашней политикѣ, она и въ занимающую насъ эпоху первой половины XII-го вѣка — два раза, и второй разъ въ концѣ царствованія Болеслава III особенно энергично вмѣшивалась въ угорскія дѣла. Въ 1107—9 гг. во время борьбы Коломана съ братомъ Альмушемъ Болеславъ былъ союзникомъ угорскаго короля и воевалъ по этому поводу съ Генрихомъ V [1]); однако въ началѣ этой борьбы Альмушъ (1107 г.) набиралъ себѣ войска въ Польшѣ же [2]), впрочемъ можетъ быть не съ разрѣшенія самого Болеслава, какъ нѣкоторые думаютъ, и скорѣе среди партіи его брата Сбигнѣва, какъ дѣлалъ и Святополкъ чешскій — въ борьбѣ съ Боривоемъ, за котораго стоялъ Болеславъ [3]). Въ концѣ своего

---

[1]) Chron. Polon III, Pertz. SS. IX, 468. Есть мнѣніе, которое впрочемъ нельзя считать доказаннымъ, что Болеславъ III даже породнился съ Коломаномъ, выдавъ за его сына Стефана свою дочь Юдиѳь, скоро впрочемъ умершую, при чемъ въ приданое за нею была уступлена Угріи Спишская область. Это сообщается польскими хронистами (Кромеръ, Длугошъ, Богухвалъ), но оспаривается мадьярскими историками. См. разборъ вопроса въ статьѣ А. И. Д въ Жур. М. Н. Пр. 1880, мартъ. Авторъ защищаетъ показанія польскихъ источниковъ.

[2]) Thurocz, c. 60, p. 169.

[3]) Dudik, Dějiny Moravy, II, S. 398—99.

ны въ 1134 г., когда Бѣла крестилъ сына Собѣслава, а одновременно сестра угорской королевы Елены Урошевны Марія была выдана замужъ за князя Конрада II Зноймскаго [1]). Въ 1137 г. Собѣславъ и Бѣла вновь имѣли свиданіе и переговаривались о разныхъ дѣлахъ; жена же Собѣслава Адельгейда все еще гостила въ Угріи у своего брата и присутствовала при погребеніи своего отца Альмуша, тѣло котораго только тогда, почти черезъ 10 лѣтъ по смерти, было перевезено изъ Греціи въ Угрію и здѣсь торжественно предано землѣ [2]). Итакъ союзъ Угріи съ Чехіей казался тогда очень прочнымъ. Но смерть Собѣслава въ 1140 г. все измѣнила. На престолъ былъ избранъ сынъ Владислава I-го Владиславъ II, а устраненный такимъ образомъ сынъ и законный преемникъ Собѣслава, тоже Владиславъ бѣжалъ съ своими приверженцами въ Угрію въ концѣ 1140 г., расчитывая получить помощь у своего дяди. Но эти надежды оказались тщетны, ибо уже въ началѣ слѣдующаго 1141 г. смерть похитила и самого Бѣлу Слѣпого. Въ Владиславѣ II Угрія въ началѣ нашла себѣ недруга, готоваго ей мстить за ея покровительство Собѣславичамъ; Чехія же пріобрѣла въ немъ правда несомнѣнно одного изъ выдающихся своихъ государей, спасшаго ее отъ раздробленія и сравнительно поднявшаго ея политическое значеніе, но зато и втянувшаго ее еще болѣе въ германскую политику и чуждыя славянству западно-европейскія дѣла.

Отношенія Угріи къ Польшѣ имѣли приблизительно тотъ же характеръ и подкладку, какъ и отношенія къ Чехіи. И здѣсь союз[illegible] и враждебныя столкновенія слѣдовали другъ за другомъ по больш[illegible] части въ зависимости отъ личныхъ связей правителей и имѣли об[illegible] новенно поводомъ внутреннія дѣла и междоусобія въ обоихъ го[illegible] дарствахъ: какъ претенденты на престолъ угорскій искали подде[illegible] въ Польшѣ, такъ и терпѣвшіе преслѣдованія и обиды князь[illegible] скіе въ свою очередь искали и находили пріютъ въ Угріи.

Впрочемъ издавна во взаимныхъ отношеніяхъ [illegible] играли большую роль и политическіе интересы, сопер[illegible]

---

[1]) Cont. Cosm. (Kan. Wyš.), a. 1134; Palacký, D. B., [illegible] dík, n. c., S. 80—81.

[2]) Cont. Cosm. (Kan. Wyš.), ibid., p. 227, ad a. 113[illegible]

ждаютъ мадьярскіе историки, а за ними повторяютъ и другіе, а по ясному свидѣтельству русской лѣтописи—*Евфимія,* дочь Владиміра Мономаха, какъ это не такъ давно разъяснилъ проф. В. Г. Васильевскій [1]). Обвинивъ ее вскорѣ послѣ брака въ супружеской невѣрности, Коломанъ отвергъ ее и отправилъ обратно въ Кіевъ, гдѣ и родился у нея сынъ Борисъ.

Такимъ образомъ на Руси выросъ и воспитался, среди понятно какихъ политическихъ внушеній и нашептываній, будущій искатель угорской короны, причинившій столько хлопотъ и бѣдствій Угріи. Стефанъ II, которому отецъ завѣщалъ отомстить за свою неудачу въ русскомъ походѣ (1099 г.), по вступленіи на престолъ искалъ случая вмѣшаться въ русскія дѣла, что вполнѣ было по его воинственнымъ наклонностямъ, и такой случай не замедлилъ представиться. Къ нему обратился за помощью въ 1123 г. Ярославъ Святополковичъ, князь Волынскій, возбудившій противъ себя великаго князя кіевскаго Владиміра Мономаха и изгнанный изъ своего удѣла. Ярославъ съ пришедшими ему на помощь Стефаномъ угорскимъ и вспомогательными польскими и чешскими отрядами явился къ городу Владиміру Волынскому, гдѣ находился Андрей, сынъ Мономаха, и началъ его осаду; но тутъ, подъ стѣнами города, Ярославъ по своей неосторожности былъ смертельно раненъ осажденными. Это событіе лишило значенія и все предпріятіе, и союзники, въ томъ числѣ и Угры, какъ извѣстно — вопреки волѣ самого Стефана, разошлись каждый въ свою сторону [2]). Этотъ походъ Стефана очевидно никакого отношенія къ судьбѣ Бориса не имѣлъ. Многіе историки, не только мадьярскіе, но и русскіе [3]) относятъ къ 1127 г. еще другое вмѣшательство Стефана въ русскія (галицкія) дѣла, о которомъ сообща-

---

[1]) „Изъ Исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“. Приложеніе II. Славянскій Сборникъ, т. II, стр. 265—66.

[2]) Эту войну описываютъ согласно угорская хроника у Туроція, с. 63. р. 173 (Marc. Chr., 168, р. 89) и русская лѣтопись (Ипатьев.) подъ 1123 г. См. Васильевскій, о. с. (Слав. сбор.), стр. 267—68; Карамзинъ, Ист. Г. Р. (изд. Смирд. 1852), II, 165—166; Соловьевъ, Ист. Россіи съ древ. вр., т. II, стр. 80—81.

[3]) Карамзинъ, тамъ же, т. II, стр. 182—83. Прим. 249; Соловьевъ, II, стр. 115.

царствованія Болеславъ Кривоустый былъ вторично, и на сей разъ очень серіозно вовлеченъ въ дѣла Угріи, но весьма для себя несчастливо. Онъ дѣятельно принялъ сторону коломанова сына Бориса противъ Бѣлы Слѣпого и предпринималъ два, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ даже три неудачныхъ похода въ Угрію (1132—34 г.), чѣмъ навлекъ еще на свои силезскія владѣнія всѣ бѣдствія двукратнаго опустошительнаго вторженія непріятеля, прежняго своего союзника Собѣслава чешскаго. Только въ 1135 г. при посредствѣ Германіи (имп. Лотаря) на собраніи въ Мерзебургѣ (или Магдебургѣ) удалось достигнуть мирнаго соглашенія между воевавшими, а окончательный миръ между ними состоялся кажется только въ 1137 году [1]); вскорѣ затѣмъ кончили жизнь одинъ за другимъ оба государя.

Взлянемъ теперь на угро-русскія отношенія за то же время. Очень рано, еще съ первыхъ шаговъ исторической жизни Угріи, начались эти отношенія. Угры вѣдь познакомились съ Русью еще въ періодъ своего переселенія на Дунай съ дальняго сѣверовостока, въ южнорусской „Лебедіи“ [2]). Эти отношенія поддерживались не одними политическими связями и условіями близкаго сосѣдства. Весьма важныя причины заключались въ этнографіи и культурѣ. Русскій элементъ былъ сильно представленъ въ старой Угріи: не только вся нынѣшняя угро-русская территорія, уже входившая тогда во владѣнія угорской короны, была населена русскими, но и болѣе западные, нынѣ мадьярскіе и словацкіе комитаты, а также отчасти и угорская Трансильванія были населены ими же [3]). Неудивительно поэтому, что издавна начались многоразличныя сношенія и связи угорскихъ государей съ сосѣдними русскими князьями [4]). Сношенія эти обу-

---

[1]) Ann. Patherbr. и Ann. Erphesf., a. 1135; Cont. Cosm. (Kan. Wyš.) an. 1135 и 1137. Срв. Bernhardi, Lothar v. Supplinb., S. 532—536, 568 и 574.

[2]) См. наше изслѣдованіе „Моравія и Мадьяры“, Спб. 1881 года. и „О пути Мадьяръ съ Урала въ Лебедію“, замѣтки Н. Я. Данилевскаго и К. Я. Грота, Извѣстія Имп. Р. Геогр. Общ. т. XIX.

[3]) Срв. вышеупомянутую статью А. И. Д. въ Ж. М. Н. Пр. 1880 г., а относительно Трансильваніи — Rösler., Rom. Studien, Leipz. 1871; Васильевскій, Прилож. къ статьѣ „Византія и Печенѣги“, Ж. М. Н. Пр. 1872, дек., стр. 299 и сл.

[4]) Эту склонность (Vorliebe) Угріи къ сношеніямъ съ Русью и къ вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла, это „своеобразное явленіе” (eigenthümliche Erscheinung) не могъ не отмѣтить и нѣмецкій историкъ. См. Huber, Gesch. Oesterr. I, S. 353.

словливались между прочимъ необезпеченностью восточныхъ границъ Угріи отъ опустошительныхъ набѣговъ кочевыхъ турецкихъ ордъ— Печенѣговъ, Узовъ и Половцевъ, жившихъ въ черноморскихъ степяхъ, отчасти нынѣшней Бессарабіи и на нижнемъ Дунаѣ и игравшихъ такую видную роль въ XI—XII в. въ домашней и политической жизни всего юговостока Европы, въ частности же въ государственной исторіи и междоусобицахъ удѣльнаго періода Руси. Здѣсь они постоянно вмѣшивались въ отношенія князей, будучи призываемы ими самими, и помогали однимъ противъ другихъ. Изъ русской земли эти страшные грабители совершали частыя вторженія въ предѣлы сосѣдней Угріи — не безъ вѣдома конечно, иногда и не безъ поощренія со стороны русскихъ князей, а случалось—и не безъ участія русскихъ дружинъ. Естественно, что къ такому положенію вещей не могли равнодушно относиться угорскіе короли, и это являлось однимъ изъ поводовъ къ раздорамъ и столкновеніямъ. Другою важною причиною вмѣшательства Угріи въ дѣла Руси было состояніе самой Руси, непрерывныя междоусобія русскихъ князей, часто искавшихъ опоры на сторонѣ, на чужбинѣ. Князья удѣльной эпохи Руси не прочь были завязывать родственные союзы съ угорскими королями (какъ и съ польскими князьями); ибо они давали имъ сильную поддержку въ ихъ борьбѣ за удѣлы и великокняжескій престолъ, а въ случаѣ неудачи—гостепріимный пріютъ въ Угріи. Въ свою очередь и Русь играла такую-же роль по отношенію къ послѣдней: угорскіе претенденты пользовались помощью своихъ русскихъ родственниковъ. Однимъ словомъ и тутъ повторялось то же, что въ отношеніяхъ угро-чешскихъ и угро-польскихъ. Но особенно важнымъ моментомъ, опредѣлявшимъ очень часто характеръ угро-русскихъ отношеній, были политическіе виды и замыслы Угріи, обратившіеся впослѣдствіи въ прямыя притязанія ея на западную (Галицкую) Русь и находящіе себѣ объясненіе въ одноплеменности и взаимномъ тяготѣніи населенія по обѣ стороны Карпатскаго хребта, а также въ направленіи политики средневѣковой Угріи. Здѣсь, въ Галичѣ, Угрія встрѣчалась съ интересами русскаго государства и съ притязаніями Польши. Въ ущербъ первымъ изъ нихъ двѣ другія стороны, т. е. Угры и Поляки часто входили въ компромисъ между собою.

Угро-русскія отношенія и въ занимающую насъ эпоху (до половины XII вѣка) характеризуются наступательной политикой Угріи въ западной Руси. Уже Коломанъ мечталъ о завоеваніяхъ здѣсь и, когда походъ его (1099 г.) въ Галицію на помощь кіевскому князю (Святополку) окончился неудачей по винѣ послѣдняго, онъ завѣщалъ своему сыну Стефану отомстить за него русскимъ [1]. Стефанъ былъ конечно одушевленъ той же политической идеей. Впослѣдствіи въ концѣ XII вѣка, уже при Бѣлѣ III эти угорскія притязанія даже достигали временнаго осуществленія, но Уграмъ однакожъ не удалось здѣсь удержаться.

Замѣтимъ еще о связахъ Угріи съ Русью, что эти связи, особенно родственныя династическія узы, были чрезвычайно важны для внутреннихъ дѣлъ Угріи, для ея церковныхъ и культурныхъ отношеній; они поддерживали интересы восточной церкви и вообще народныя православно-славянскія начала, давали силу народной партіи, которой уже давно приходилось бороться со все усиливавшимся вліяніемъ партіи запада, дѣйствовавшей на руку латинству и Нѣмцамъ. Связи съ Чехіей и Польшей въ этомъ отношеніи не только не приносили пользы національному дѣлу Угріи, а часто напротивъ содѣйствовали проискамъ запада, что впрочемъ и вполнѣ понятно при господствовавшихъ въ нихъ вліяніяхъ.

Каковы же были угро-русскія отношенія именно въ первую половину XII в. съ *фактической* стороны? Какъ мы выше видѣли, королю Стефану II и Бѣлѣ II Слѣпому въ отношеніяхъ къ Руси, какъ и къ другимъ сосѣдямъ, пришлось считаться съ результатами крупныхъ политическихъ ошибокъ, совершенныхъ въ концѣ своего правленія Коломаномъ. Одною изъ нихъ былъ жестокій поступокъ Коломана со второй своей женой Евфиміей Владиміровной, матерью Бориса. По согласнымъ показаніямъ угорской хроники и русской лѣтописи [2] Коломанъ по смерти (около 1104 года) своей первой жены Бузиллы, дочери Рожера сицилійскаго, женился вторично на русской княжнѣ (1112 года). Это была не Предслава, дочь Святополка II кіевскаго, какъ ошибочно утвер-

---

1) Thurocz, c. 62, p. 171. (Marci Chron., c. 67, p. 87).

2) Thurocz, c. 61, p. 170. (M. Chr., c. 66, p. 86); Лѣтоп. по Ипат. списку, подъ 1112 г. (изд. 1871 г., стр. 197).

ждаютъ мадьярскіе историки, а за ними повторяютъ и другіе, а по ясному свидѣтельству русской лѣтописи—*Евфимія*, дочь Владиміра Мономаха, какъ это не такъ давно разъяснилъ проф. В. Г. Васильевскій [1]). Обвинивъ ее вскорѣ послѣ брака въ супружеской невѣрности, Коломанъ отвергъ ее и отправилъ обратно въ Кіевъ, гдѣ и родился у нея сынъ Борисъ.

Такимъ образомъ на Руси выросъ и воспитался, среди понятно какихъ политическихъ внушеній и нашептываній, будущій искатель угорской короны, причинившій столько хлопотъ и бѣдствій Угріи. Стефанъ II, которому отецъ завѣщалъ отомстить за свою неудачу въ русскомъ походѣ (1099 г.), по вступленіи на престолъ искалъ случая вмѣшаться въ русскія дѣла, что вполнѣ было по его воинственнымъ наклонностямъ, и такой случай не замедлилъ представиться. Къ нему обратился за помощью въ 1123 г. Ярославъ Святополковичъ, князь Волынскій, возбудившій противъ себя великаго князя кіевскаго Владиміра Мономаха и изгнанный изъ своего удѣла. Ярославъ съ пришедшими ему на помощь Стефаномъ угорскимъ и вспомогательными польскими и чешскими отрядами явился къ городу Владиміру Волынскому, гдѣ находился Андрей, сынъ Мономаха, и началъ его осаду; но тутъ, подъ стѣнами города, Ярославъ по своей неосторожности былъ смертельно раненъ осажденными. Это событіе лишило значенія и все предпріятіе, и союзники, въ томъ числѣ и Угры, какъ извѣстно — вопреки волѣ самого Стефана, разошлись каждый въ свою сторону [2]). Этотъ походъ Стефана очевидно никакого отношенія къ судьбѣ Бориса не имѣлъ. Многіе историки, не только мадьярскіе, но и русскіе [3]) относятъ къ 1127 г. еще другое вмѣшательство Стефана въ русскія (галицкія) дѣла, о которомъ сообща-

---

[1]) „Изъ Исторіи Византіи въ XII вѣкѣ“. Приложеніе II. Славянскій Сборникъ, т. II, стр. 265—66.

[2]) Эту войну описываютъ согласно угорская хроника у Туроція, c. 63. p. 173 (Marc. Chr., 168, p. 89) и русская лѣтопись (Ипатьев.) подъ 1123 г. См. Васильевскій, о. с. (Слав. сбор.), стр. 267—68; Карамзинъ, Ист. Г. Р. (изд. Смирд. 1852), II, 165—166; Соловьевъ, Ист. Россіи съ древ. вр., т. II, стр. 80—81.

[3]) Карамзинъ, тамъ же, т. II, стр. 182—83. Прим. 249; Соловьевъ, II, стр. 115.

ютъ польскіе источники [1]), именно что когда возникла междоусобица между сыновьями Володаря Ростиславомъ Перемышльскимъ и Владимíркомъ Звенигородскимъ, Стефанъ будто бы помогъ послѣднему отстоять Звенигородъ и даже взялъ Перемышль. Русскія лѣтописи совсѣмъ умалчиваютъ объ этомъ, и только косвенное указаніе одного западнаго источника [2]) мѣшаетъ намъ рѣшительно отвергнуть эти показанія. Во всякомъ случаѣ, если въ главномъ и довѣрять этому извѣстію, Борисъ и тутъ не игралъ роли — вопреки сбивчивымъ разсказамъ польскихъ хроникъ, впутывающихъ его въ дѣла галицкія, повторяемымъ и многими мадьярскими историками. Одно, что можно допустить, — это то, что сношенія Стефана съ Русью дали ему поводъ такъ или иначе познакомиться и быть можетъ примириться съ Борисомъ Коломановичемъ, на котораго очень многіе въ Угріи — вслѣдствіе бездѣтности Стефана — смотрѣли, какъ на правоспособнаго и желательнаго ему преемника. Извѣстенъ сообщаемый угорской хроникой фактъ изъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Стефана, когда онъ подумывалъ будто бы о назначеніи себѣ въ преемники своего племянника Саула, сына сестры Софіи и маркграфа Каринтійскаго, — именно фактъ появленія во время тяжкой болѣзни короля какихъ-то двухъ претендентовъ на угорскій престолъ, графа Борса и Ивана (Bors comes et Ivan), которые дѣйствительно и были даже избраны своими партіями въ короли. Съ выздоровленіемъ короля Стефана они были примѣрно наказаны: Иванъ былъ казненъ, а Борсъ былъ изгнанъ и бѣжалъ въ Грецію [3]). Не лишено вѣроятности предположеніе, что подъ этимъ Борсомъ слѣдуетъ разумѣть именно Бориса Коломановича, который вѣроятно, будучи передъ тѣмъ признанъ Стефаномъ за брата, былъ имъ приглашенъ жить въ Угріи и получилъ почетный титулъ. Это нѣсколько

---

[1]) Długosz, Hist. Polon. IV, и Bogufał, Chron. Polon. (Bielowski, Monum. Polon.). Впрочемъ нѣкоторые мадьярскіе историки пріурочиваютъ всѣ извѣстія о дѣлахъ кор. Стефана съ Русью къ 1127 году, причемъ Клейнъ признаетъ даже только второе вмѣшательство, но это совершенно произвольно. См. F.-Klein, Gesch. v. Ung., S. 230—231, пр. 4.

[2]) Vita Chunr. arch. S., l. c. (M. G. SS. XI), p. 74, говоря о посольствѣ арх. Конрада въ Угрію въ 1127 г., выражается о королѣ угорскомъ: qui tunc in marchia Ruthenorum morabatur.

[3]) Thurocz, c. 63, p. 175—6 (Marci Chr., c. 68, p. 91).

подтверждается тѣмъ, что Борисъ дѣйствительно около 1131 года оказывается въ Византіи [1]). Если все это такъ, то слѣдовательно и предположеніе, что Стефанъ, видимо очень колебавшійся въ вопросѣ о назначеніи преемника, смотрѣлъ одно время и на Бориса, какъ на возможнаго наслѣдника престола, и покровительствовалъ ему, становится довольно вѣроятнымъ. Только измѣнническій поступокъ Бориса, провозглашеннаго своей партіей королемъ во время болѣзни Стефана, заставилъ послѣдняго бросить всякую мысль о немъ. Борисъ началъ дѣйствовать уже самостоятельно — какъ только умеръ въ 1131 году Стефанъ и на престолъ угорскій вступилъ Бѣла Слѣпой. Хотя претендентъ и встрѣтилъ повидимому наилучшій пріемъ въ Византіи и даже женился на родственницѣ императора Іоанна Комнина [2]), но содѣйствія въ своихъ планахъ онъ тамъ не добился. За то ему удалось склонить въ свою пользу польскаго короля Болеслава III, а также заручиться помощью нѣкоторыхъ русскихъ князей, вѣроятно ближайшихъ родственниковъ; въ самой Угріи у него была тогда, какъ видно изъ угорскаго источника, многочисленная и сильная партія. Какъ извѣстно, эта борьба Болеслава и Бориса съ Бѣлой, продолжавшаяся съ 1132 до 1135 г., была совершенно неудачна для первыхъ. Разсказывать ее въ подробностяхъ—здѣсь не мѣсто; выше мы имѣли уже случай упоминать о ней, говоря о помощи, оказанной Бѣлѣ со стороны маркграфа австрійскаго (сына его Адальберта) и Собѣслава чешскаго [3]). Война кончилась сперва перемиріемъ въ 1135 г., достигнутымъ при посредствѣ императора Лотаря на Мерзебургскомъ сеймѣ, а затѣмъ черезъ два года (1137) формальнымъ миромъ между воевавшими сторонами. Итакъ Борисъ ничего не достигъ. Онъ на время удалился съ политической сцены, но, какъ покажутъ дальнѣйшія событія, не оставилъ своего замысла.

---

[1]) Васильевскій въ статьѣ о Борисѣ Коломановичѣ: Слав. Сборн., стр. 268—69.

[2]) Cinnam, ed. Bonn., p. 117; Otto Frising., Chron. c. VII; Васильевскій, тамъ же.

[3]) Наиболѣе полныя извѣстія о ней, какъ мы ужъ видѣли, находятся въ угорскихъ (Thurocz) и чешскихъ (Cont. Cosm.) источникахъ, а также у Оттона Фрейзинг. Эти извѣстія собраны и основательно разобраны Васильевскимъ въ вышеупомянутой статьѣ о Борисѣ (стр. 269—274).

Исторіей Бориса почти исчерпываются извѣстія наши объ отношеніяхъ угро-русскихъ при Бѣлѣ Слѣпомъ. Слѣдуетъ упомянуть еще, что въ началѣ 1139 г. (или въ концѣ 1138) Бѣла послалъ войско на помощь великому князю Ярополку Владиміровичу противъ Ольговичей, князей Черниговскихъ (Всеволода Ольговича) [1]), чтó свидѣтельствуетъ о дружественныхъ связяхъ его съ Ярополкомъ. Сношенія Угріи съ Русью завязываются опять съ новымъ для насъ интересомъ при Гейзѣ II, женившемся на племянницѣ этого князя Евфросиньѣ Мстиславовнѣ.

Перейдемъ теперь къ южной сосѣдкѣ Угріи—къ Византійской имперіи. Каковы были отношенія къ ней въ первой половинѣ XII вѣка? Мы уже замѣтили выше, что въ ту эпоху ходъ событій всемірноисторическаго значенія увлекалъ едва оправлявшуюся отъ испытанныхъ ею ударовъ Византію при первыхъ Комнинахъ — на юговостокъ, въ Азію, гдѣ борьба съ опаснѣйшими врагами являлась настоятельно необходимой и неотложной, и потому поглощала преимущественно ея вниманіе. Однако это не мѣшало ей внимательно слѣдить и за положеніемъ дѣлъ въ ея европейскихъ владѣніяхъ вообще и на сѣверной границѣ въ особенности. Утвержденіе Угріи въ Далмаціи въ началѣ XII в. было прямымъ нарушеніемъ историческихъ правъ византійской имперіи въ этой части Балканскаго полуострова, а потому оно не могло не возбудить въ ней сильнаго неудовольствія; послѣднее и выразилось скоро на дѣлѣ, а именно въ 1116 г., когда Алексѣй Комнинъ по просьбѣ венеціанскаго дожа Орделафо Фалиери оказалъ ему помощь въ предпринятой имъ войнѣ съ Угріей изъ-за Далмаціи [2]). При Іоаннѣ Комнинѣ угро-византійскія отношенія могли нѣсколько улучшиться благодаря родственнымъ связямъ византійскаго императора съ Арпадовичами: Іоаннъ былъ женатъ на дочери Владислава Св. — Иринѣ (угор. Пирошка, Priska, Pyrisk у Туроція, с. 63), слѣдовательно двоюродной сестрѣ Коломана и Альмуша, сыновей Гейзы I. Но эта связь не могла уничтожить тѣхъ чувствъ взаимнаго недовѣрія и соперничества, которыя успѣли

---

[1]) Лѣтоп. по Ипатск. сп., подъ 1139 г.: „и король Угры посла помощь" (стр. 216). См. Карамзинъ, Ист. Г. Р. II, стр. 197.

[2]) Andr. Danduli, IX. 11, p. XVII, XXI. Muratori, XII, p. 265—266.

образоваться съ теченіемъ времени у обоихъ сосѣднихъ государствъ. Іоаннъ Комнинъ, занятый болѣе дѣлами азіатскими, не былъ повидимому особенно расположенъ по собственному почину нарушать миръ съ Угріей, хотя онъ и очень желалъ пріобрѣсти вліяніе и роль посредника во внутреннихъ ея дѣлахъ. Это мы видимъ изъ того, что онъ съ такимъ радушіемъ и почетомъ принялъ бѣжавшаго изъ Угріи Альмуша и его спутниковъ и далъ ему въ Македоніи городъ, названный по его новому, въ Греціи полученному имени Константина [1]). Конечно тутъ вѣроятно играли роль жалость къ несчастному и родственныя чувства императрицы Ирины къ своему двоюродному брату, но у Іоанна были безъ сомнѣнія и другія побужденія политическаго свойства. Не забудемъ, что нѣсколько позже (1129—31 г.) такое же гостепріимство было оказано и другому родственнику, обездоленному члену угорскаго королевскаго семейства—Борису Коломановичу, расчитывавшему на помощь византійскаго императора въ исполненіи своихъ замысловъ. За него была даже выдана замужъ какая-то родственница Кало-Іоанна [2]). Однакожъ никакой активной помощи онъ тогда не могъ получить [3]). Но если византійскій императоръ воздерживался отъ открытаго наступательнаго образа дѣйствія относительно Угріи, а лишь подготавливалъ такъ сказать почву для будущаго вмѣшательства въ ея дѣла, то другая сторона — пылкій Стефанъ II угорскій не могъ смотрѣть спокойно на хитрую политику Византіи и искалъ только повода вступить съ ней въ открытую борьбу. За внѣшнимъ поводомъ дѣло не стало. Таковымъ, по свидѣтельству Никиты Хоніата, былъ враждебный образъ дѣйствія жителей придунайскаго города Браничева по отношенію къ приходившимъ къ нимъ для торговли Badграмъ [4]). Но главною причиною наступленія Стефана оба византійскіе историка XII-го вѣка, и Никита и Киннамъ, согласно считаютъ пріемъ, оказанный императоромъ Альмушу, при чемъ Киннамъ разсказываетъ даже, что угорскій король требовалъ выдачи или высылки этого послѣдняго изъ имперіи,

---

1) Thurocz, c. 63, p. 175. (M. Chr., c. 68, p. 91).
2) Cinnam, p. 117; Otto Frising. Chron., c. VII.
3) Это было вскорѣ по окончаніи войны съ Угріей.
4) Nicet. Chon., 5, p. 24.

но получилъ отказъ [1]). Однако есть основаніе думать, что и покровительство Альмушу было не единственной причиной, побудившею Стефана напасть на византійскую имперію. На это указываетъ напр. то, что война продолжалась непрерывно въ теченіе двухъ лѣтъ, не смотря на послѣдовавшую очень скоро послѣ ея начала смерть Альмуша. По всей вѣроятности Стефанъ придрался къ этому обстоятельству также, какъ къ поводу ссоры, а рѣшеніе его было результатомъ какъ накопившейся у него злобы противъ Византіи еще со времени ея помощи Венеціанцамъ (1116 г.), такъ и личной неpріязни къ императору. Если вѣрить угорской старой хроникѣ, которая — кстати сказать — разсказываетъ про бѣгство Альмуша и про войну Стефана съ Греками независимо одно отъ другого и безъ причинной связи, то разрыву предшествовалъ неблагопріятный отзывъ императора о Стефанѣ, поведшій къ ссорѣ его съ женою (Ириной), которая будто-бы передала объ этомъ угорскому королю. Стефанъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, рѣшился взяться за оружіе [2]). Византійскіе историки и угорская хроника въ общихъ чертахъ описываютъ эту войну, сообщая и нѣкоторыя подробности. Вообще эта война, длившаяся года два (1128—29 г.) съ перемѣннымъ счастіемъ, не была выгодна для Угріи и не привела ни къ чему важному. Стефанъ могъ благодарить судьбу и за то, что выпутался изъ этого дѣла довольно благополучно и не совсѣмъ безславно [3]). Въ назначеніи Бѣлы наслѣдникомъ престола Византіи едва-ли могло принадлежать какое-либо вліяніе. При Стефанѣ отношенія остались кажется по прежнему натянуты, ибо скоро по заключеніи мира (около 1130 г.) императоръ оказалъ гостепріимство Борису Коломановичу, выступившему уже претендентомъ на престолъ угорскій. При Бѣлѣ Слѣпомъ, къ которому Іоаннъ Комнинъ относился благосклоннѣе, какъ къ сыну принятаго имъ подъ защиту Альмуша, не было столкновеній съ Византіей, ибо не было и повода. Въ 1137 г. Бѣла перенесъ изъ Греціи, какъ было выше упомянуто,

---

1) Cinnam, l. I, p. 10.

2) Thurocz, c. 63, p. 174 (Marc. Cron., c. 68, p. 90).

3) Извѣстія объ этой войнѣ, въ общемъ довольно согласныя между собой, у Cinn., I, 4, p. 9 и сл.; Nic. Chon., Ioan. Comn., p. 24 и сл. и угорская хроника—Thurocz, p. 174—175; Marcus, p. 90.

тѣло своего отца и похоронилъ его торжественно въ Стольномъ Бѣлградѣ [1]). Однакожъ соперничество между Угріей и Византіей продолжало развиваться по мѣрѣ расширенія угорскаго вліянія и власти на Балканскомъ полуостровѣ и возникавшаго сближенія Угріи съ южнымъ славянствомъ (особенно Сербами), которое все болѣе стремилось къ освобожденію отъ византійской власти и искало для этого опоры въ сосѣдней независимой и сильной Угріи. Въ этомъ отношеніи женитьба Бѣлы Слѣпого на княжнѣ сербской Еленѣ имѣла рѣшающее значеніе и не могло конечно нравиться Византіи.

Намъ остается взглянуть поближе на эти связи Угріи съ южнымъ славянствомъ въ первой половинѣ XII-го вѣка. Сношенія и связи Угріи съ балканскими Славянами начались очень рано. Этому способствовали какъ взаимное тяготѣніе славянскаго населенія Угріи и сосѣднихъ южнославянскихъ земель, такъ и то, что эти послѣднія были на пути всякихъ сношеній Угріи съ Византіей. Родственная связь Арпадовичей съ хорватской династіей въ XI вѣкѣ повела за собой, какъ извѣстно, вмѣшательство угорскихъ королей въ хорватскія дѣла, а затѣмъ и присоединеніе Хорватіи къ Угріи — участь, каковая вскорѣ постигла и Далмацію. Утвержденіе угорской власти въ этихъ областяхъ еще сильнѣе втянуло Угрію въ политическую жизнь и дѣла балканскихъ Славянъ. Послѣдніе переживали тогда трудную эпоху своего государственнаго роста. Принужденные въ 1018—19 г. безусловно покориться власти Византіи, они не долго выносили покойно эту власть.

Около половины XI вѣка начинаются возстанія *Сербовъ*, и театромъ ихъ является сперва одна изъ самыхъ западныхъ сербскихъ областей, самой природой какъ-бы приспособленная для этого *Зета*, откуда оно распространяется затѣмъ — благопріятствуемое затруднительнымъ положеніемъ самой имперіи — и на сосѣднія области, не смотря на всѣ старанія Византіи его локализировать. Но сербская независимость особенно упрочивается съ того момента, какъ центръ политической жизни и государственности переносится изъ Зеты во внутреннюю часть сербской территоріи, въ *Расу*, владѣтели которой и становятся скоро объединителями всего сербскаго племени на

[1]) Thurocz, p. 175 (M. Chr., p. 91) и Cont. Cosm. (Kan. Wyš.) ad an. 1137.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

имѣемъ нѣкоторое основаніе предполагать, что этому браку уже предшествовали какія-нибудь связи съ Сербами. У старыхъ угорскихъ историковъ есть свѣдѣніе, не знаемъ впрочемъ — откуда именно почерпнутое, о томъ, что Урошъ старшій, тесть Бѣлы Слѣпого, хорошо зналъ и былъ даже въ дружескихъ отношеніяхъ съ Альмушемъ [1]), вѣроятно когда послѣдній жилъ въ изгнаніи, а можетъ быть и ранѣе. Если это правда — а въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, — то это обстоятельство еще лучше освѣщаетъ фактъ выхода дочери Уроша Елены замужъ за сына Альмуша Бѣлу II-го. Но не одна только королева Елена была представительницей сербской народности у престола угорскаго и сербскихъ интересовъ въ угорскомъ королевствѣ. Извѣстно, что и братъ ея Бѣлушъ, вѣроятно прибывшій съ нею, будущій банъ и палатинъ, уже тогда достигъ виднаго и почетнаго положенія въ Угріи, ставши воспитателемъ сына и наслѣдника Бѣлы Слѣпого Гейзы и кажется также его братьевъ. Позже при Гейзѣ мы встрѣчаемъ въ Угріи еще какого-то графа Уроша, быть можетъ другого брата или родственника Елены. Когда именно Бѣлушъ поселился въ Угріи — мы достовѣрно не знаемъ, но всего естественнѣе предположить, что онъ прибылъ туда одновременно съ сестрой, невѣстой будущаго короля, или вслѣдъ за нею. Такимъ образомъ онъ сразу занялъ почетное и вліятельное положеніе. Однако есть и другое мнѣніе, что и онъ и его братъ Урошъ прибыли въ Угрію гораздо ранѣе, т. е. еще въ дѣтскомъ возрастѣ, вынужденные къ тому будто-бы бѣдствіемъ, постигшимъ ихъ семейство [2]). Но это предположеніе не только не имѣетъ твердаго историческаго основанія, но и вообще

---

p. 104), но едва-ли онъ былъ ранѣе 1130 года, ибо въ 1129 еще продолжалась война Стефана съ Византіей. Въ 1131 новобрачные имѣли уже сына Гейзу.

[1]) A. Bonfinii, Rerum Hungaricarum decades IV, 1744, Dec. II, l. VI, p. 197.

[2]) J. Kukuljević-Sakcinski, Prvovjenčani vladaoci Bugara, Hrvata i Srba i njihove krune, (Zagr., 1881), p. 106—107. Онъ думаетъ, что Бѣла-Урошъ дважды былъ жупаномъ Расы; въ первый разъ онъ былъ де сверженъ и уведенъ въ Зету ок. 1085 г. Бодиномъ, который посадилъ на его мѣсто Влкана, и тогда разбѣжались де и дѣти его, и два сына ушли въ Угрію. Но дѣло въ томъ, что имѣющіяся извѣстія не представляютъ достаточныхъ данныхъ для такого предположенія.

нало вѣроятно [1]). Въ всякомъ случаѣ съ женитьбой Бѣлы Слѣпого и появленіемъ у кормила правленія такого человѣка, какъ Бѣлушъ, Угріи стали очень близки сербскія дѣла и интересы, что имѣло для нея скоро важныя послѣдствія.

Къ правленію Бѣлы Слѣпого пріурочиваютъ обыкновенно и переходъ Босніи подъ верховную зависимость отъ Угріи — въ видѣ западной области, управляемой своимъ баномъ. Уже давно было высказано предположеніе, повторяемое многими и въ новѣйшее время, что Боснія была уступлена Бѣлѣ Слѣпому великимъ жупаномъ Урошемъ, какъ приданое дочери Елены и съ тѣхъ поръ, съ 30-хъ годовъ XII-го вѣка, входила подъ именемъ *Рамы* въ титулъ угорскихъ королей [2]). Но дѣло въ томъ, что никакихъ прямыхъ или косвенныхъ указаній въ современныхъ источникахъ на такой фактъ, т. е. на переходъ Босніи подъ власть Угріи по поводу брака сербской Елены съ королемъ угорскимъ мы не имѣемъ, да и для этого пришлось бы предварительно доказать, что Боснія составляла лишь часть владѣній великаго жупана Уроша, который могъ ею распоряжаться полновластно, что также еще вопросъ. Болѣе правдоподобно поэтому предположеніе одного новѣйшаго историка Босніи, что боснійскіе баны сами признали верховную власть Угріи, видя, что она овладѣла сосѣдней Хорватіей и Далмаціей, и надѣясь найти въ ней опору противъ Византіи [3]). Но когда именно это произошло, въ правленіе ли Бѣлы Слѣпого, женившагося на сербкѣ, или еще раньше — на этотъ вопросъ мы не беремся отвѣчать съ рѣшительностью. Это тѣмъ труднѣе, что мы не знаемъ въ точности, когда стало примѣняться названіе „Рамы", находящееся въ угорскомъ королевскомъ титулѣ, ко всей бановинѣ Босніѣ, какъ оно несомнѣнно примѣнялось уже при Гейзѣ II [4]).

---

[1]) Пришлось бы допустить, что Бѣлушу уже въ 1130 г. было за 50 лѣтъ, что трудно согласить съ его послѣдующей дѣятельностію при Гейзѣ II (1141—1161).

[2]) Такъ думали Engel, Gesch. v. Servien u. Bosnien, S. 192 и А. Майковъ, Исторія сербскаго языка, стр. 171; за ними повторяютъ то же и другіе. См. Klaić, Poviest Bosne (1882), стр. 47.

[3]) Klaić, ibid.

[4]) Это видно напр. изъ Оттона Фрейзинг., по словамъ котораго (въ 1157) Рама граничила съ Угріей между Болгаріей и хорвато-далматинской землей. Otto Frising., Gesta Frid. L. I. c. 31. M. G. SS. XX. p. 368: Attingitur... inter austrum et orientem Rama... Очевидно тутъ Рама=Босна.

Извѣстно, что Рама, первоначально очевидно названіе страны по теченію одноименной рѣки, притока р. Неретвы въ предѣлахъ нынѣшней южной Босніи и Герцеговины [1]), впервые встрѣчается въ угорскомъ титулѣ въ одной грамотѣ 1103 г., т. е. еще при Коломанѣ [2]), а затѣмъ снова появляется въ немъ съ 30-хъ годовъ (грам. 1135 и 1138 гг.) [3]). Если не подвергать подозрѣнію подлинность самой грамоты 1103 г., то употребленіе въ ней термина *Рамы* можетъ быть объяснено или тѣмъ, что вмѣстѣ съ Далмаціей тогда же признала власть Угріи (Коломана) и примыкавшая къ ней землица по р. Рамѣ, т. е. небольшая часть тогдашней Босны, отъ которой вскорѣ это названіе перешло и на всю Босну, или желаніемъ выразить такимъ образомъ лишь притязанія Угріи и на сосѣднюю сербскую (боснійскую) землю,—пріемъ практиковавшійся Угріей и въ позднѣйшія времена. Какъ бы то ни было переходъ хотя-бы части Босны (собственной Рамы?) подъ верховную власть Угріи совершился не позже 1137 года, ибо изъ документа этого года мы узнаемъ, что Бѣла Слѣпой назначилъ „боснійское воеводство" (ducatus Bosnensis) своему сыну Владиславу [4]). При Гейзѣ II первый достовѣрно извѣстный по имени боснійскій банъ Боричъ уже оказывается вассаломъ Угріи.

Брачный союзъ Арпадовича съ сербской княжной представляетъ для насъ еще одну любопытную сторону. Благодаря ему возникли родственныя связи нѣсколькихъ славянскихъ династій между собой: именно сербской велико-жупанской съ чешскими Премысловичами и русскими Рюриковичами. Въ 1134 году устроился бракъ сестры Елены, другой дочери Бѣлы-Уроша Маріи (или Мары) съ моравскимъ княземъ Конрадомъ Зноемскимъ [5]), а позднѣе, уже при Гейзѣ, — дочери бана Бѣлуша съ русскимъ княземъ Владиміромъ Мстиславичемъ

---

[1]) О различномъ употребленіи имени „Рамы" и отождествленіи ея съ Босніей см. тамъ же, у Клаича, стр. 47, прим. 11.

[2]) Fejér, Cod. Dipl. II, p. 39; Kukuljević, Cod. Dipl., II, p. 8: „Dei gratia Hungariae, Dalmatiae, Chroaciae, Ramaeque rex" (списокъ нов. врем.).

[3]) Fejér, ibid., p. 82. Сомнѣваться въ подлинности грамоты 1135 г., кажется, нѣтъ достаточнаго основанія.

[4]) Fejér, ib. p. 88; Kukuljević, ib., p. 30 (грам. 1137 г.):... quod rex Bela inclitus, in conventu strigoniensi, ubi filio suo Ladislao, communi regni consilio, *bosnensem ducatum* dedit...

[5]) Cont. Cosm. (Kan. Wyšehr.), a. 1134. Font. R. B., II. p. 219.

Дорогобужскимъ. Такимъ образомъ Угрія здѣсь въ полномъ смыслѣ слова послужила дѣлу славянской взаимности.

Что касается отношеній Угріи къ *Болгарамъ*, то о нихъ почти нечего сказать. Болгары, сдавленные и угнетенные византійскою властью до самаго конца XII-го вѣка, не могли принимать дѣятельнаго участія въ политической жизни народовъ византійской имперіи и своихъ сосѣдей, а потому до эпохи борьбы за независимость у нихъ не могло быть и съ Угріей никакихъ самостоятельныхъ политическихъ отношеній. Угры встрѣчались съ Болгарами или по поводу пограничныхъ торговыхъ дѣлъ [1]), или во время своихъ походовъ противъ Византіи и мирныхъ дѣловыхъ (опять торговыхъ) сношеній съ нею [2]). Тутъ они знакомились съ ними самими, ихъ внутренними дѣлами и состояніемъ ихъ страны. На почвѣ общихъ интересовъ по отношенію къ Византіи они могли и сближаться между собой. Въ своихъ мечтахъ объ освобожденіи Болгарамъ было естественно думать о возможности поддержки со стороны сосѣдней державы, уже связавшей свою политику съ государственными интересами ихъ соплеменниковъ Сербовъ. Но какихъ-либо ясныхъ указаній на такого рода сближеніе мы однако не находимъ въ событіяхъ первой половины XII вѣка.

Наконецъ владѣнія Угріи на сѣверовосточномъ берегу Адріатическаго моря и господство ея надъ городами далматинскими приводили ее въ близкія отношенія къ властолюбивой и ревнивой сосѣдкѣ — *Венеціанской республикѣ*; но отношенія эти по существу могли быть конечно только враждебныя — вслѣдствіе старыхъ притязаній Венеціи

---

[1]) Эти пограничныя встрѣчи обращались подчасъ и во враждебныя столкновенія; такое столкновеніе жителей гор. Браничева — въ ту эпоху еще болгарскаго — съ приходившими туда торговать Уграми, было ближайшимъ поводомъ (какъ мы выше видѣли), по словамъ Никиты Хоніата, вторженія короля Стефана II въ византійскую имперію въ 1128 г. Nicetae Chon., Ioan. Comn., 5, p. 24.

[2]) Торговля съ Византіей началась вѣроятно очень рано, и въ Византіи существовала повидимому уже при Стефанѣ Св. угорская колонія (преимущественно торговая?), для которой Стефанъ построилъ церковь. Vita s. Stephani reg., c. 12. (M. G. SS. XI, 235). Cм. Heyd, Histoire du commerce du levant au moyen âge (ed. Raynaud), Leipz. 1885, p. 83—84. Изъ XII в. есть извѣстіе о торговлѣ Угріи съ Византіей (особ. шелковыми тканями) у арабск. путешественника Веньямина Тудела (Ed. Elzevir, Leyden, 1633). Cм. Marczali, Ung. Geschquellen (Berl. 1882), S. 160.

на далматинскій берегъ и раздраженія, возбужденнаго въ ней завоеваніемъ послѣдняго Угріей при Коломанѣ. Соперничество этой державы на Адріатическомъ морѣ было для Венеціи въ высшей степени не понутру, и примириться съ потерей власти надъ Далмаціей она никакъ не могла, что и показала на дѣлѣ. И занимающій насъ періодъ времени ознаменовался столкновеніемъ и войной Венеціи съ Угріей изъ-за Далмаціи тотчасъ по вступленіи на престолъ Стефана II-го (1115—17 г.); Венеціи помогали при этомъ обѣ имперіи, и восточная и западная, благодаря чему ей удалось одержать большіе успѣхи надъ Угріей. Объ этой войнѣ была уже у насъ рѣчь выше: она кончилась однако тѣмъ, что Угрія возвратила себѣ всѣ свои далматинскія владѣнія (1117 г.), но послѣ новаго нападенія Венеціанцевъ (дожа Михаила) въ 1124 г. она принуждена была всетаки оставить во власти Венеціи гор. Задръ и нѣкоторые острова [1]). Однакожъ послѣдовавшее примиреніе не могло быть прочно, разумѣется. Борьба возобновилась при первомъ благопріятномъ случаѣ,—но это было уже въ третьей четверти XII-го вѣка.

Этимъ мы и ограничимся въ разсмотрѣніи политическихъ отношеній Угріи къ сосѣднимъ государствамъ въ періодъ непосредственно предшествовавшій вступленію на угорскій престолъ Гейзы II-го. Политическое положеніе Угріи въ этотъ моментъ, думается намъ, теперь настолько выяснено предложеннымъ очеркомъ, что мы безъ затрудненія можемъ приступить къ изложенію событій царствованія этого короля. Понятно, что въ частностяхъ нашего изслѣдованія намъ придется не разъ еще возвращаться къ предыдущему. Дѣлая общій выводъ изъ вышеизложеннаго обозрѣнія угорскихъ политическихъ отношеній въ первыя десятилѣтія XII-го вѣка, мы можемъ сказать, что король Гейза II-ой получилъ въ наслѣдство отъ отца Бѣлы государство нѣсколько умиротворенное и во всякомъ случаѣ въ лучшемъ состояніи, чѣмъ его принялъ послѣдній отъ Стефана II-го; внѣшнія дѣла были на время улажены: на границахъ наступили мирныя, а съ нѣкоторыми сосѣдями даже и дружественныя отношенія. Съ Нѣмцами

---

[1]) Danduli Chr., L. IX, c. 11, p. XXIV. Muratori, Scr. R. It. XII, p. 267, 272; Thomas archid. Spal. Hist. Salon., c. 18. Срв. Huber, Gesch. Oesterreichs, Gotha, 1885, B. I, S. 343—344.

и западной имперіей установилось полное согласіе, скрѣпленное даже родственнымъ союзомъ (Конрадъ III и Бѣла); съ Византіей поддерживался также миръ, хотя и при вполнѣ естественномъ взаимномъ недовѣріи и затаенной враждебности. Съ сосѣдними славянскими державами возстановлены были также добрыя отношенія, въ особенности же съ Сербами, съ которыми родственно сблизились сами Арпадовичи.

Но могло ли быть что-нибудь прочно въ политической жизни того времени?

Перемѣна правителей и обстоятельствъ какъ въ Угріи, такъ и въ сосѣднихъ государствахъ въ началѣ 40-хъ годовъ XII-го вѣка быстро нарушила временное затишье на границахъ угорскихъ и дала новый оборотъ историческимъ событіямъ и международнымъ отношеніямъ не только самой Угріи, но и на всемъ юговостокѣ Европы.

I.

Гейза II.

I. Первый періодъ: 1141—1149 г.

---

13 февраля 1141 года, въ послѣдній четвергъ передъ великимъ постомъ, процарствовавъ всего десять лѣтъ, умеръ король Бѣла II Слѣпой — болѣзненный и еще болѣе разстроившій свое здоровье несчастной страстью къ вину, какъ о томъ свидѣтельствуетъ старая угорская хроника [1]).

Черезъ два дня, въ воскресенье первой недѣли поста, т. е. 16 февраля былъ коронованъ его старшій малолѣтній еще сынъ Гейза [2]).

---

[1]) Thurocz, Cron. Ung., c. 64, p. 179 (Marci Chr., c. 69, p. 94): Migravit autem ad Dominum anno Domini MCXLI Idibus Februarii, feria quinta; cuius corpus Albae quiescit. Выше о немъ: ...utebatur ex vino multum etc. 13 февраля приходилось въ 1141 году дѣйствительно въ четвергъ. Если о фактѣ пьянства умалчиваетъ въ своей хроникѣ восхваляющій Бѣлу Генрихъ Мюгельнскій (G. Muglen, Kovachich, Sammlung kleiner noch ungedruckter Stücke, Ofen, 1805, S. 74—75), то это еще не достаточная причина не вѣрить показанію угорской хроники, какъ дѣлаетъ Podhradczky въ коментаріи къ Chron. Budense, Budae, 1838, p. 186.

[2]) Туроцій (=Marcus) не сохранилъ точной даты коронаціи. Точнѣйшее и, если только сдѣлать одно исправленіе, согласное съ показаніемъ о смерти Бѣлы свидѣтельство даетъ Будимская хроника: coronatus est quarto (читай: decimo quarto) Kalendas Marcii, in Dominica Invocavit me transactis duobus diebus post mortem patris (умершаго Idibus Februarii). По вычисленію это и выходитъ 16 февраля въ воскресенье. Chron. Bud., ib. p. 187. Тутъ поправку *decimo quarto* вм. quarto предложилъ Katona, Hist. crit. reg. Hung. stirp. Arp. (Pest, 1780) III, p. 541; равно какъ онъ же предложилъ вм. die S. Caeciliae virginis (22 ноябр.), къ которому ошибочно пріурочиваетъ коронацію Туроцій (Marcus), читать S. Julianae (16 февр.).

Ему тогда не могло быть болѣе 10—11 лѣтъ, ибо женитьба его отца произошла около 1130 г., и онъ родился не ранѣе этого года. Десятилѣтній мальчикъ-король нуждался конечно въ опекѣ, которая должна была стать во главѣ управленія государствомъ. Хотя мы и не имѣемъ прямыхъ извѣстій объ учрежденіи регентства и его составѣ, но данныя, которыми мы располагаемъ, приводятъ насъ къ заключенію, что главными членами регентства были, кромѣ матери Гейзы королевы Елены [1]), ея братъ хорватскій банъ воевода Бѣлушъ и архіепископъ Остригомскій (примасъ Угріи), каковымъ въ то время былъ Фелиціанъ [2]). Къ нимъ могли примыкать, но лишь въ роляхъ второстепенныхъ, знатнѣйшіе чины угорскіе, имена которыхъ встрѣчаются въ современныхъ документахъ рядомъ съ именемъ Бѣлуша [3]). Главная же власть была безъ сомнѣнія сосредоточена въ рукахъ этого умнаго и энергическаго дяди и воспитателя короля, занимавшаго повидимому уже тогда важнѣйшія государственныя должности и продолжавшаго играть первенствующую роль и послѣ совершеннолѣтія Гейзы.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя области угорскаго королевства имѣли и тогда, какъ и въ другія времена, своихъ какъ-бы удѣльныхъ князей, въ тотъ моментъ впрочемъ неправоспо-

---

[1]) О жизни королевы Елены въ правленіе Гейзы II и о времени ея смерти мы никакихъ извѣстій не имѣемъ. По достиженіи Гейзой совершеннолѣтія она вѣроятно уже не играла болѣе роли въ государственныхъ дѣлахъ. Намъ извѣстно только — по письму къ ней ея дочери Софіи, жившей въ Адмонт. монаст., отъ 1146 г. (см. Приложенія), — что тогда она была еще жива. Приблизительно тогда же кончилась и политическая роль ея, ибо въ этомъ году какъ увидимъ, Гейза достигъ совершеннолѣтія и женился.

[2]) Schmitth, Archiep. Strigoniens. (1758), p. 58—62. Архіепископъ Остригомскій (въ г. Strigonium, Esztergom, Gran), какъ высшій духовный сановникъ, игралъ часто важную роль въ дѣлахъ государственнаго управленія, становился въ иныхъ случаяхъ и во главѣ правительства или регентства. Срв. о его роли Krainer, Urspr. Staatsfervass. Ungarns (Wien, 1872), S. 240, 469, 491. Кстати: ссылаясь на этотъ трудъ, мы должны заранѣе оговориться, что онъ требуетъ вообще очень осторожнаго отношенія къ себѣ, какъ написанный не безъ тенденціи и съ исключительно западной, нѣмецкой точки зрѣнія.

[3]) Fejér, Cod. Dipl. II, p. 117—118: ...Belus Dux, Calanus comes, Gereon (Gerson?) Comes и др. Всѣ грамоты и акты во время малолѣтства королей угорскихъ писались тогда не иначе, какъ отъ имени самого короля Срв. Fessler, Gesch. d. Ungern. (Leipz., 1815), II, S. 198.

собныхъ, ибо тоже еще малолѣтнихъ, какъ и король, а именно его братьевъ. У Бѣлы Слѣпого было всего четыре сына: Гейза, Владиславъ, Стефанъ и Альмушъ [1]). Изъ нихъ младшій Альмушъ умеръ по всей вѣроятности не достигнувъ зрѣлаго возраста. Владиславу же и Стефану отецъ еще при жизни своей — согласно заведенному изстари въ Угріи порядку или обычаю — назначилъ удѣлы: Владиславу — принадлежавшую Угріи часть Босны (Раму?), а Стефану — какъ кажется, Срѣмъ (Sirmium, Frankochorion) [2]). Прибавимъ кстати, что у Бѣлы были еще двѣ дочери, Софія и Гертруда [3]), изъ которыхъ первая жила тогда въ Германіи — въ качествѣ невѣсты сына Конрада III-го. О ней еще будетъ рѣчь.

Изъ всѣхъ участниковъ въ управленіи Угріей по смерти Бѣлы Слѣпого особенное наше вниманіе привлекаетъ къ себѣ интересная и крупная личность близкаго королевскаго родственника и опекуна —серба Бѣлуша. О томъ, какъ онъ попалъ въ Угрію и сталъ у кормила правленія, была уже рѣчь выше (во введеніи).

Бѣлушъ (Βέλοσις, Βελούσης у Кинн.) [4]), *дядя* Гейзы, былъ безъ всякого сомнѣнія родной братъ королевы Елены и сербскаго великаго жупана Уроша младшаго, слѣдовательно одинъ изъ сыновей Бѣлы-Уроша, а вовсе не своякъ Бѣлы Слѣпого, женатый будто-бы на сестрѣ Елены, какъ принимаютъ многіе, введенные въ заблужденіе сбивчивымъ свидѣтельствомъ Киннама. Дѣло въ томъ, что этотъ византійскій историкъ, говоря объ архижупанѣ сербскомъ (въ эпоху войнъ Мануила), очевидно объ Урошѣ-сынѣ, и братѣ его Бѣлушѣ, прибавляетъ о послѣднемъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ архижупана,

---

[1]) Chron. Bud., l. c., p. 184.

[2]) О Владиславѣ: „...rex Bela inclitus in conventu Strigoniensi, ubi filio suo Ladislao, communi regni consilio, *bosnensem ducatum* dedit,...“ 1137. Codex Diplomat. regni Croatiae, Slavoniae et Dalmatiae. (J. Kukuljević Sakcinski), II, p. 30. Объ удѣлѣ Стефана достовѣрнаго указанія не находимъ и въ извѣстіяхъ о послѣдующихъ событіяхъ по смерти Гейзы, но есть нѣкоторыя основанія предполагать таковымъ—Срѣмъ.

[3]) Chron. Bud., ibid. p. 185. О Гертрудѣ см. примѣч. 2, тамъ же.

[4]) Мы будемъ называть его уже установившимся въ славянской исторіографіи именемъ—Бѣлушъ. Любопытно, что хроника Heinr. Muglen'а c. LI у Ковачича, S. 75, называетъ его *Polislau*, т. е. Болеславъ—по ошибкѣ? или быть можетъ это—Beloslav, другая форма имени Бѣлуша?

былъ лишенъ зрѣнія и удалился въ Угрію [1]). Ошибка, въ которую впалъ здѣсь Киннамъ, для насъ очевидна. Благодаря созвучію или тождеству именъ, онъ спуталъ то, что зналъ съ одной стороны о Бѣлушѣ, съ другой — о Бѣлѣ Слѣпомъ, и упомянутыя извѣстія его о женитьбѣ на сестрѣ архижупана (разумѣй Елену) и объ ослѣпленіи безъ малѣйшаго сомнѣнія относятся къ королю Бѣлѣ Слѣпому и по недоразумѣнію приписаны имъ Бѣлушу [2]). Итакъ Бѣлушъ приходился роднымъ дядей (по матери) Гейзѣ II-ому, какъ его вполнѣ согласно и называютъ угорская хроника, Оттонъ Фрейзингенскій и русская лѣтопись [3]). Такимъ образомъ подтверждается тождество угорскаго бана Бѣлуша и Бѣлуша, брата Первослава (Уроша) и Дѣжи, и фактъ призванія его впослѣдствіи на престолъ сербскій Мануиломъ является вполнѣ понятнымъ и естественнымъ.

Какое же именно положеніе занималъ Бѣла, управляя Угріей во время несовершеннолѣтія Гейзы, и позже? На этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ различные титулы, съ которыми встрѣчается его имя въ современныхъ документахъ и свидѣтельствахъ: онъ титулуется то *воеводой (Dux)*, то *баномъ (Banus)*, то *графомъ-палатиномъ (Comes Palatinus)*, то наконецъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ *(„Comes Palatinus et Banus")* [4]). Бѣлушъ по близкому родству

---

[1]) I. Cinnami (Ed. Bonn.), l. III, p. 104: ...ἀδελφὸς δὲ αὐτῷ Βέλοσις ἦν, ἄμφω λογίμω παρὰ Δαλμάταις ὄντε. οὗτος τοῦ ἀρχιζουπάνου μὲν ἀδελφῇ ξυνοικῶν ἦν, τὼ ὀφθαλμὼ δὲ πηρωθῆναι τυχὼν τρόπῳ ὥπερ αὐτὸς οὐδαμῇ ἐρεῖν ἔχω, ἐς Παιονίαν ἀνεχώρησεν.

[2]) В. Г. Васильевскій въ своей извѣстной статьѣ „О первыхъ Неманичахъ" тоже выражаетъ нѣкоторое сомнѣніе относительно этого родства Бѣлуша съ угорскимъ королевскимъ домомъ, не рѣшая вопроса—въ виду трудности согласить показаніе Киннама съ другими источниками, хотя онъ съ обычной ему проницательностью и подозрѣваетъ „какую нибудь ошибку у византійскаго писателя". Изъ исторіи Византіи въ XII в. Приложеніе III (Славянскій Сборн., т. II), стр. 279—280. Срв. тамъ же, стр. 237 прим.

[3]) Thurocz, c. 65, p. 180 (M. Chr., p. 96); Otto Frising. Gesta Frid., L. I. Pertz, M. G. SS. XX, p. 369: avunculus suus (regis) Bela dux.; Лѣтоп. по Лаврент. сп. (изд. 1872), подъ 1144 г., стр. 295: „и Угры приведъ, Бана королева уя" (*уй*—дядя съ матерней стороны).

[4]) Объ этихъ достоинствахъ слѣдуетъ замѣтить слѣдующее. Что касается достоинства *dux*, воевода (транс. wajvoda), князь, которому соотвѣтствуетъ понятіе *ducatus*—воеводство, княжество, то оно возникло еще въ древнѣйшую эпоху—сложенія угорскаго государства (въ XI в.) и первоначально имѣло особенно важное значеніе. Хотя dux и ducatus и играли под-

своему съ королемъ угорскимъ и согласно своему сербскому происхожденію, получилъ вѣроятно еще при Бѣлѣ Слѣпомъ высокій постъ *хорватскаго бана* или воеводы (dux), какъ онъ иногда титулуется [1]). Съ этимъ онъ позже совмѣщалъ и высшую государственную должность графа-палатина. Вопросъ только въ томъ, когда именно

властную роль въ отношеніи къ королю и королеству (rex и regnum Hungariae), эта роль была всеже довольно самостоятельною и предоставлялась обыкновенно старшему сыну или брату короля: ducatus охватывалъ въ тѣ времена цѣлую треть государства, а dux былъ первымъ лицомъ послѣ короля. (См. Thurocz, II, c. 42; 55 и др. Срв. Píč, d. nationale Kampf gegen d. ungarische Staatsrecht (1882), S. 94—5). Впослѣдствіи, съ расширеніемъ угорскаго государства, постепенно титулъ dux'а утратилъ свое исключительное значеніе. Съ присоединеніемъ къ Угріи въ концѣ XI и нач. XII в. сербо-хорватскихъ земель, именно Хорватіи, Далмаціи и потомъ Рамы, которыя стали управляться угорскими королями примѣнительно къ ихъ прежнимъ національнымъ политическимъ установленіямъ, выплываетъ въ Угріи наравнѣ съ dux'омъ достоинство и терминъ южносл. *бана* (Banus), какъ главнаго правителя этихъ областей. Иногда мѣсто бана заступалъ мѣстный епископъ (Fejér, II, 260, 294, III, v. I, 76—80, VI, 125 и др.). Къ бану примѣняется иногда и титулъ dux'а, воеводы (какъ къ Бѣлушу); этотъ послѣдній титулъ, именно *воеводы* (wayvoda, woyvoda) присваивается также съ XI в. правителямъ или намѣстникамъ Трансильваніи и сохраняется за ними и въ послѣдующія времена. Что же касается достоинства *графа-палатина*, comes palacii, comes palatinus, (н. Pfalzgraf), мад. *nador*=надворный (?), то оно въ ту пору означало высшаго придворнаго и государственнаго сановника, замѣстителя и намѣстника королевскаго въ высшемъ судѣ, вообще также одну изъ высшихъ судебныхъ инстанцій. Въ разное время функціи его впрочемъ видоизмѣнялись. См. о палатинѣ Krainer, Urspr. Staatsverf. Ungarns (Wien, 1872), S. 469; 503—521. Впослѣдствіи оно получило и мѣстно-административное значеніе, такъ что въ этомъ званіи могло быть одновременно нѣсколько лицъ, что подтверждается грамотами изъ XIII и XIV вв. См. Píč, ib., S. 125 и сл. и Krainer, ibid., S. 517. Какъ видно изъ примѣра Бѣлуша, званіе бана или dux'а было совмѣстимо съ постомъ графа-палатина. О банахъ сербохорватскихъ (Далмаціи, Хорватіи и Славоніи) въ эпоху угорскаго владычества и ранѣе, и въ частности о банѣ Бѣлушѣ см. впрочемъ уже нѣсколько устарѣвшее изслѣдованіе J. Mikoczy, Banorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae ad seculum XIV usque perducta series, anno d. 1792, изд. Кукулевичемъ-Сакцинскимъ въ Arkiv za povjestn. jugoslav., kn. XI, Zagr. 1872, стр. 1—206; о Бѣлушѣ 53—56. Еще срв. о нихъ Krainer, o. c. II, S. 566—568.

[1]) Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ баномъ Хорватіи и—должно быть—Далмаціи, административно съ ней соединенной. *Хорватскимъ* баномъ его прямо называютъ Klaić, Bysant. vlad. u Hrv. za c. Eman. Komn., Izv. Gymn. u Zagr. 1883, стр. 11 и другіе. Нѣтъ ровно никакого основанія думать, какъ Фесслеръ (Fessler, Gesch. d. U., S. 54), что онъ занималъ постъ воеводы въ Трансильваніи.

онъ сдѣлался баномъ и когда палатиномъ, и не совмѣщалъ ли въ себѣ эти достоинства уже при смерти Бѣлы Слѣпого [1]).

Въ одной грамотѣ 1142 г. находимъ его подпись Belus dux, а затѣмъ въ документахъ начиная съ 1144 г. онъ подписывается то *баномъ*, то *палатиномъ*, то тѣмъ и другимъ вмѣстѣ [2]). Баномъ же его называетъ и Киннамъ и русская лѣтопись (уже въ 1144 г.) [3]). Хотя и нѣтъ у насъ прямыхъ свидѣтельствъ, но едва-ли можно сомнѣваться, что Бѣлушъ носилъ достоинство бана уже при Бѣлѣ Слѣпомъ, какъ его шуринъ, соединявшій въ себѣ всѣ условія къ тому; въ актѣ 1142 г. терминъ *dux* безъ сомнѣнія лишь замѣняетъ титулъ бана [4]). Что же касается палатината, то тутъ труднѣе сказать, занималъ ли Бѣлушъ этотъ постъ еще до 1141 года. Какъ „Comes Palatinus" онъ является впервые въ актѣ 1145 года, т. е. еще въ малолѣтство Гейзы, а въ 1138 г. эту должность занимало другое лицо, какъ видно изъ акта этого года [5]). Итакъ Бѣлушъ сталъ палатиномъ между 1138 и 1145 годами. Если даже не держаться взгляда, что Бѣлушъ могъ стать во главѣ регентства только какъ палатинъ [6]), то всетаки всего правдоподобнѣе отнести это назначеніе къ самымъ послѣднимъ годамъ правленія Бѣ-

---

1) Такъ думалъ Фесслеръ, ib. S. 51 и за нимъ Klein, S. 247.

2) Fejér, C. D. II, p. 118: Belus Dux., срв. ib., p. 88: Gratiam, quam pater concesserat, concessit succedens filius in regnum Geuczha, praesente *Belos duce*... Kukuljević, C. D. II, p. 36, 1144 a: Temporibus autem regnante Geuza, Ungarie rege, atque *Bellosi bani*... Въ продолженіе всего царствованія Гейзы онъ подписывается то Banus, то Palatinus Comes. Этотъ послѣдній титулъ впервые въ докум. 1145 г. Fejér, II, p. 124; а въ 1146 г. Belus Comes Palatinus et Banus, и Existente Belos Comite Palatino. Wenzel. Cod. Dipl. Arp. Continuatus (Diplomataria VI), p. 57—58, N⁰ 24 и 25.

3) J. Cinn. l. III, p. 117: Βέλοσις δὲ ὁ τὰ πρῶτα παρ'ἐκείνῳ φέρων (Μπάνον ταύτην καλοῦσιν Οὖννοι τὴν ἀρχὴν). Въ русск. лѣтописи, въ Лаврент. сп. подъ 1144 г. (стр. 295), въ Ипатьевск.—подъ 1150 г. (стр. 283).

4) См. выше прим. на стр. 41. Что эти термины замѣняли другъ друга, примѣняясь къ тому же лицу, доказываетъ напр. документъ 1160 г., гдѣ титулы Dux и Banus, чередуясь, очевидно обозначаютъ то же лицо. Wenzel, Mon. Ung. Dipl. XI, N. 56, p. 101.

5) Fejér, C. D., II. p. 113: Fanhal Palatinus Comes; а въ 1137: Michael Palatinus Comes. Fejér, VII. v. V. p. 110.

6) См. Klein, S. 247, прим. По угорскимъ обычаямъ, а потомъ и закону—регентомъ въ малолѣтство короля, а также намѣстникомъ его былъ всегда *палатинъ;* но дѣло въ томъ, что Бѣлушъ, какъ дядя короля, могъ и помимо этого стать во главѣ регентства.

лы II. Этому не противорѣчитъ то, что въ 1142 г. онъ названъ только *dux*, ибо и послѣ онъ иногда титулуется только баномъ, будучи и палатиномъ. Скорѣе напротивъ, то обстоятельство, что Belus dux въ этой грамотѣ явно заступаетъ мѣсто обычнаго comes palatinus, говоритъ въ пользу того, что Бѣлушъ въ 1142 г. уже исправлялъ эту должность, а по всей вѣроятности и годомъ раньше, т. е. при вступленіи на престолъ малолѣтняго Гейзы [1]).

Но роль Бѣлуша не ограничивалась ролью регента и высшаго государственнаго сановника. Онъ былъ еще и воспитателемъ юнаго Гейзы, не только какъ короля, но и ранѣе — какъ наслѣдника, съ самого дѣтства (кажется, и братьевъ его), а потому естественно долженъ былъ пользоваться его особеннымъ расположеніемъ, довѣріемъ и уваженіемъ [2]). Этимъ по преимуществу обусловливалось его сильное вліяніе въ первое время на политику Угріи — и именно въ смыслѣ сближенія съ его отечествомъ Сербіей. Впрочемъ и самъ король Гейза шелъ на встрѣчу этому вліянію: вѣдь и въ немъ текла сербская кровь...

Бѣлушъ, по всему видно, былъ человѣкъ сильнаго и рѣшительнаго характера, равно искусный и способный на поприщѣ государственной дѣятельности, внѣшней и внутренней политики и въ военномъ дѣлѣ, а потому ему не трудно было сосредоточить въ своихъ рукахъ всю правительственную власть въ малолѣтство Гейзы и удержать потомъ, по сложеніи съ себя званія регента, въ теченіе многихъ лѣтъ роль перваго совѣтника короля и самаго вліятельнаго лица въ государствѣ. Но онъ былъ славянинъ, принадлежалъ восточной, греческой церкви, оставался вѣренъ своей народности и православію и въ новомъ своемъ отечествѣ, стоялъ на стражѣ ихъ интересовъ и едва-ли могъ сочувствовать вліянію нѣмецкаго запада и латинства и всему тому, что было чуждо и враждебно угорскому сла-

---

[1]) Съ тѣхъ поръ Бѣлушъ занималъ эту высшую должность до своего удаленія изъ Угріи (1157 г.), ибо въ грамотахъ онъ является въ этой роли еще въ 1156 г. Fejér, Cod. dipl. II, p. 139, 140. Невольно поэтому возбуждаетъ сомнѣніе одинъ документъ 1155 г., въ которомъ палатиномъ является какой-то графъ Герсонъ (comes Gerson), а послѣ него стоитъ Belus comes. См. Fejér, ib. VII, v. I, p. 148.

[2]) J. Cinn., p. 104: ...Γειτζᾷ τῷ ῥηγὶ αἰδεσιμώτατος μάλιστα κατέστη, ἅτε τῆς ἐκ παίδων αὐτῷ τροφῆς μεταδοὺς καὶ παιδεύσεως.

вянству, а потому враговъ и завистниковъ у него безъ сомнѣнія было не мало, пока онъ былъ въ силѣ, а когда одолѣло въ Угріи противное, западническое политическое теченіе, то они—эти враги—съ помощью интриги и клеветы, въ концѣ концевъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, и достигли своей цѣли, т. е. его удаленія отъ власти... Но не будемъ однакожъ забѣгать впередъ.

Уже ко второму году царствованія Гейзы (1142-му) нѣкоторые историки относятъ помолвку или даже бракъ его, 11-лѣтняго мальчика, съ русской княжной Евфросиньей Мстиславовной. По существу дѣла тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, ибо въ то время заключать браки коронованныхъ лицъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ — было въ обычаѣ, и невѣста или юная жена, привезенная на свою новую родину, продолжала здѣсь свое воспитаніе. Но дѣло въ томъ, что въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого историческаго оправданія для отнесенія этого событія къ 1142 году, и мы не знаемъ, на какомъ свидѣтельствѣ, хотя бы косвенномъ, оно можетъ быть основано [1]). Очень возможно, что мысль о пріисканіи подходящей невѣсты для короля уже тогда занимала властныя сферы, и прежде всего вѣроятно бана Бѣлуша, и что взоры послѣдняго устремлялись уже на православный славянскій востокъ, на Русь, съ которой и при Бѣлѣ были связи — не забудемъ дружественныхъ отношеній его и помощи, оказанной имъ въ 1138—39 г. в. к. Ярополку Владиміровичу кіевскому [2]),—но чтобъ они тогда же окончательно остановились на будущей женѣ Гейзы — въ этомъ мы въ правѣ сомнѣваться и постараемся разъяснить этотъ вопросъ въ своемъ мѣстѣ.

Мы видѣли выше, какъ старанія гейзина отца Бѣлы Слѣпого были направлены къ установленію и поддержанію мирныхъ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ, и какъ они были въ возможной

---

[1]) Fessler-Klein, Gesch. v. Ung., S. 250; онъ ссылается на Туроція, который однако не даетъ никакого хронологическаго указанія, и ошибочно на сочиненіе Schier'a, Reginae Hungariae primae stirpis, Viennae 1876, которое само по себѣ и не можетъ быть авторитетомъ, но гдѣ (pag. 110) на дѣлѣ мы находимъ совершенно другое опредѣленіе времени, а именно почти то, къ которому мы пришли на основаніи собственнаго изысканія. Клейну послѣдовалъ и В. Г. Васильевскій въ привед. статьѣ, стр. 234, пр. 39.

[2]) Ипат. Лѣтоп., 1139 (стр. 216). См. выше, во введеніи, стр. 26.

мѣрѣ достигнуты къ концу его жизни. Теперь, при новомъ королѣ, Угріи вновь предстояло выяснить свои политическія отношенія къ сосѣдямъ и свою внѣшнюю политику—тѣмъ болѣе, что во внутреннихъ дѣлахъ у этихъ сосѣдей происходили перемѣны и подготовлялись событія, которыя не могли не отразиться на политической жизни Угріи.

Но прежде чѣмъ перейдемъ къ изложенію внѣшнихъ отношеній угорскихъ, мы, чтобы потомъ не прерывать нашего разсказа, остановимся еще на одномъ фактѣ, касающемся, правда, болѣе внутренней, такъ сказать, домашней жизни Угріи, но имѣвшемъ вообще не малое вліяніе на ея исторію и политическую жизнь, а потому заслуживающемъ полнаго вниманія и въ нашемъ изложеніи. Это событіе обыкновенно, однакожъ безъ достаточнаго основанія, пріурочиваютъ тоже къ самому началу царствованія Гейзы, а именно къ 1143 году. Мы разумѣемъ водвореніе нѣмецкихъ поселенцевъ, такъ называемыхъ *Саксовъ* въ Трансильваніи [1]). Въ историческомъ процессѣ постепеннаго срастанія Угріи съ западной, латинской Европой и отчужденія отъ востока такой фактъ, какъ приливъ въ ея предѣлы значительныхъ массъ иноземнаго, и притомъ нѣмецкаго населенія—иной вѣры и иной культуры, не можетъ не играть весьма замѣтной роли.

Самый фактъ *призыва* нѣмецкихъ поселенцевъ въ Трансильванію—*при Гейзѣ II* не подлежитъ сомнѣнію. О немъ прямо свидѣтельствуетъ грамота короля Андрея II-го 1224 г., подтверждающая ихъ права, а также болѣе раннiй документъ 1189 г., о независимомъ церковномъ устройствѣ этихъ поселенцевъ при Белѣ III [2]).

---

[1]) Мы можемъ здѣсь только въ общихъ чертахъ отмѣтить это событіе, такъ какъ его подробное и спеціальное изслѣдованіе, особенно того политическаго положенія и условій, въ которыя стали новые поселенцы по отношенію къ угорскому государству, принадлежитъ исторіи внутренней жизни и учрежденій Угріи, которое пока стоитъ внѣ нашей задачи.

[2]) Andreae II regis libertas Saxonum Transilvaniae, изд. у Schlözer'a Gesch. d. Deutschen in Siebenbürgen, Göttingen, 1795, S. 535 и сл., гдѣ и подробный разборъ грамоты. Endlicher, Monum. Arpadiana (Sangalli 1849), II. Leges, p. 420—423. Еще Teutsch u. Firnhaber, Urkundenbuch zur Gesch. Siebenb. Fontes Rer. Austr. XV, Wien, 1857, p. 30. Тамъ читаемъ: „fideles nostri hospites Theutonici Ultrasilvani.... vocati fuerunt a piissimo rege Geysa, avo nostro"... А въ грамотѣ 1189 г. папскаго легата Григорія

Что же касается болѣе точнаго опредѣленія времени этого событія, то на это никакихъ прямыхъ и достовѣрныхъ историческихъ указаній не имѣется, ибо извѣстная надпись въ Брашовскомъ (Kronstadt) соборѣ, указывающая на 1143 годъ, не можетъ имѣть документальнаго значенія, будучи сама позднѣйшаго сомнительнаго происхожденія [1]). Итакъ въ какомъ именно году были призваны Нѣмцы въ Трансильванію — мы не знаемъ, а можемъ утверждать только то, что это произошло между 1141 и 1161 годами; отнесеніе же этого факта даже вообще къ самому началу царствованія, т. е. ко времени несовершеннолѣтія Гейзы не имѣетъ никакихъ твердыхъ основаній, такъ что всѣ разсужденія о „великой заслугѣ", выпадающей въ этомъ дѣлѣ на долю регентства и самого бана Бѣлуша,—являются по меньшей мѣрѣ праздными [2]). Намъ кажется даже болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобъ *сербъ* банъ Бѣлушъ могъ быть особенно усерднымъ покровителемъ нѣмецкой колонизаціи въ Угріи [3]).

Кромѣ вопроса о времени поселенія „Саксовъ" въ Угріи—особенную важность имѣютъ вопросы о томъ, откуда они были

о подчиненіи поселенныхъ Гейзой Фландровъ Сибиньскому (Германштад.) пробсту: ...„de illis qui tunc erant in illo solo deserto, quod gloriosae memoriae G. Rex Flandrensibus concessit" и другія мѣста той же грамоты. Fejér, Cod. Dipl., II, 250—251.

[1]) Надпись эта: „1143. Gejza II avus Andreae regis Saxones evocavit in Transsylvaniam", срв. Szalay, Gesch. Ungarns (Pest, 1866), S. 294. Schlözer, ib., S. 207.

[2]) Fessler, o. c., S. 52—54; Schlözer, ib., 208; срв. еще Borchgrave, Essai historique sur les colonies Belges, qui s'établirent en Hongrie et en Transylvanie pend. les 11, 12 et 13 s., Brux. et la Haye, 1871 (p. 30—31). См. по вопросу о времени перв. поселеній до Гейзы: G. Seivert, въ Sächsischer Hausfreund, 1875. Kronstadt. Съ его выводами согласенъ и Hunfalvy, Ethn. v. Ung. (1877), S. 431.

[3]) Довольно правдоподобна гипотеза, что починъ въ этомъ дѣлѣ—въ смыслѣ вліянія и побужденія правительства принадлежалъ уже дѣйствовавшимъ въ Угріи монашескимъ орденамъ, особенно цистерціанамъ, премонстратамъ и бенедиктинцамъ. (Borchgrave, ibid., S. 65—68), которымъ вообще должна была принадлежать видная роль въ дѣлѣ латинизаціи Угріи. Цистерціане были главные и усерднѣйшіе пропагандисты и проводники латинства и западной культуры. Ихъ призвали и водворили въ Угріи, давъ имъ привиллегіи, Стефанъ II и Бѣла Слѣпой въ 1130—1135 гг. Впослѣдствіи имъ особенно покровительствовалъ Бѣла III. Ихъ цѣнили поэтому выше призванныхъ приблизительно въ то же время бенедиктинцевъ, не столь фанатичныхъ латинниковъ, которыхъ въ виду этого часто и замѣняли ими. См. Fessler, B. II, S. 299 и сл.; 314—317 и сл.

призваны, гдѣ именно и на какихъ правахъ расселены и наконецъ какіе мотивы руководили угорскимъ правительствомъ въ этомъ дѣлѣ.

На первый вопросъ отвѣчаетъ отчасти одинъ изъ вышеупомянутыхъ документовъ (грамота 1189 г.), гдѣ поселенцы названы Flandrenses, т. е. происходящими изъ *Фландріи*—береговой полосы у Нѣмецкаго моря, расположенной между м. Гревелингенъ и устьями Рейна (слѣдовательно на западъ отъ нынѣшней Голландіи), или пожалуй вѣрнѣе вообще изъ такъ называемой *Нидерландіи*, такъ какъ имя Фландры (Фламандцы) было въ то время дѣйствительно однимъ изъ общихъ наименованій нижненѣмецкаго или нижнесаксонскаго населенія, и часто примѣнялось тогда къ выходившимъ изъ него колонистамъ—приморскимъ жителямъ, которыхъ природа, т. е. бѣдствія частыхъ наводненій, и другія условія заставляли искать новой родины въ разныхъ мѣстностяхъ внутренней Европы [1]). Грамота Андрея II (1224 г.) называетъ трансильванскихъ Нѣмцевъ „hospites Teutonici Ultrasilvani", но этотъ терминъ *Teutones* былъ издавна употребителенъ въ Угріи—для Нѣмцевъ вообще, особенно же для принадлежавшихъ верхненѣмецкому племени (Алеманнъ и Баварцевъ), съ которыми, какъ съ сосѣдями, Угры познакомились прежде всего [2]). Въ грамотѣ Андрея этотъ терминъ имѣетъ очевидно общее значеніе. Колонисты же, которые тутъ разумѣются и вообще расселившіеся въ Трансильваніи и въ сѣверной Угріи во второй половинѣ XII вѣка, были, по господствовавшему до послѣдняго времени мнѣнію, въ своей главной массѣ бельгійскаго и нижненѣмецкаго происхожденія (изъ Фландріи, и вообще съ береговъ нижняго Рейна), а по взгляду нынѣ возобладавшему—изъ областей *среднерейнскихъ* или „среднефранкскихъ" (Mittelfränkisch) [3]), а затѣмъ и изъ сѣ-

---

[1]) Schlözer, S. 209, 394; Borchgrave, Essai hist. sur les colonies Belges etc., p. 31—32, 56, Здѣсь читатель найдетъ собранными и разсмотрѣнными всѣ данныя, подтверждающія это свидѣтельство о первоначальной родинѣ призванныхъ при Гейзѣ колонистовъ.

[2]) Собственно Мадьяры издавна называли и донынѣ называютъ германцевъ общимъ именемъ „német", которое очевидно взяли у славянъ, искони звавшихъ ихъ „нѣмцами".

[3]) Это послѣднее рѣшеніе вопроса, какъ извѣстно, издавна привлекавшаго вниманіе людей науки (съ 16—17 в.) и ставшаго предметомъ обширной ученой литературы, основано на изслѣдованіяхъ *языка* трансильван-

верной Германіи, гдѣ первенствующую во всѣхъ отношеніяхъ роль играло племя Саксовъ, отчего угорскіе и въ частности трансильванскіе Нѣмцы извѣстны уже въ тѣ времена подъ именемъ *Саксовъ*, употребляемымъ въ примѣненіи къ нимъ въ документахъ съ начала XIII вѣка и возобладавшее въ XIV-мъ [1]).

Какимъ же образомъ, спрашивается, жители такихъ отдаленныхъ отъ Угріи странъ, какъ Фландрія или вообще прирейнскія и нижненѣмецкія области, попали при Гейзѣ II колонизаторами восточныхъ окраинъ угорскаго государства? Мотивы призыва („vocati" въ грамотѣ Андрея) иноземцевъ для колонизаціи заключались конечно во внутреннихъ условіяхъ—политическихъ и этническихъ—самой Угріи того времени, но ближайшей причины приглашенія именно Фландровъ и другихъ нижненѣмецкихъ колонистовъ не безъ основанія искали въ историческихъ событіяхъ и экономическихъ условіяхъ тѣхъ земель, откуда прибыли поселенцы, а также въ какихъ-нибудь уже ранѣе существовавшихъ сношеніяхъ Угріи съ Нидерландіей, хотя достовѣрныхъ извѣстій о таковыхъ мы не имѣемъ. Очевидно прирейнскимъ жителямъ случалось находиться въ такомъ положеніи, что далекое странствованіе и поселеніе въ невѣдомой имъ странѣ, среди некультурнаго

скихъ Саксовъ, какъ наиболѣе надежномъ методѣ—въ виду полнаго отсутствія историческихъ документовъ или достовѣрныхъ свидѣтельствъ. Начало этимъ изслѣдованіямъ положилъ Фр. Маріенбургъ въ своемъ трудѣ „Ueber das Verhältniss der Siebenbürgisch-sächsischen Sprache zu den niederrheinischen Dialecten (1845), Archiv des Ver. f. Siebenb. Landeskunde, I, 3 Heft, 45. Въ томъ-же направленіи и смыслѣ писалъ по этому вопросу Wolff: Der Consonantismus des Siebenbürg.-sächsischen, Progr. gymn. v. Mühlbach, 1873. Наконецъ вновь подвергъ вопросъ основательному изслѣдованію и пришелъ къ заключенію о болѣе южномъ, „среднефранкскомъ" (Mittelfränkisch) происхожденіи главной массы семиградскихъ Нѣмцевъ въ XII—XIII в., причемъ обозначилъ точно и границы этой прирейнской родины,— G. Keintzel „Ueber die Herkunft der Siebenbürger Sachsen, Progr. d. evang. Gymn. v. Bistritz, 1887.

[1]) Германскіе короли заселяли Саксами покоренныя ими земли Полабскихъ и Балтійскихъ Славянъ и имя Саксовъ въ XII—XIV в., равно какъ и могущество ихъ, достигло громкой славы на всемъ протяженіи Нѣмецкаго и Балтійскаго морей. Финны и Эсты до сихъ поръ называютъ Нѣмцевъ *Saksa*. См. Hunfalvy, o. c., p. 276—7. Срв. Schlözer, ib. S. 209; Rösler, Rom. St., S. 96. Срв. тоже Borchgrave, ibid., p. 32, 70—71. Въ употребленіи имя Саксовъ было у Угровъ уже въ XII в., какъ видно изъ Киннама, l. III, p. 131.

(особенно съ ихъ точки зрѣнія) населенія въ сосѣдствѣ съ дикими азіатскими кочевниками, представлялось имъ всетаки привлекательнымъ, и они, конечно не безъ гарантій и выгодныхъ формальныхъ условій, охотно принимали приглашеніе.

Дѣйствительно, такое соображеніе оправдывается историческими извѣстіями о сильномъ колонизаціонномъ движеніи въ ту эпоху въ сѣверной Германіи, вызванномъ отчасти экономическими условіями и предпріимчивымъ характеромъ населенія нидерландскихъ странъ, отчасти природными бѣдствіями, а именно наводненіями на берегахъ Нѣмецкаго моря, наконецъ отчасти и политическими обстоятельствами, связанными съ завоевательнымъ движеніемъ Нѣмцевъ въ земли Балтійскихъ Славянъ. Это колонизаціонное движеніе шло главнымъ образомъ изъ западныхъ частей нидерландской территоріи, изъ земель Фландровъ, Фризовъ и Голландцевъ, — трудолюбиваго, промышленнаго и закаленнаго въ борьбѣ съ природой, т. е. съ моремъ, населенія, и первые шаги его относятся еще къ концу XI-го и началу XII в. [1]); но особенно развилось и усилилось оно съ 30-хъ годовъ этого вѣка —подъ вліяніемъ многихъ причинъ. Къ причинамъ внутреннимъ, избытку населенія, смутамъ и междоусобіямъ, прибавились страшныя бѣдствія, причиненныя наводненіями 1129 и 1135 года, лишившими массу народа всего достоянія и крова. Несчастные вынуждены были искать новыхъ жилищъ, и охотно отзывались на всякій призывъ изъ ближнихъ и дальнихъ земель, нуждавшихся въ колонистахъ. Время было для нихъ благопріятно. На востокѣ, на границахъ германскихъ владѣній, разыгрывались послѣдніе акты трагической борьбы Балтійскихъ и Полабскихъ Славянъ за независимость, и нѣмецкому племени открывалось широкое поприще для колонизаціонной дѣятельности. Итакъ туда между прочимъ, въ запустѣлыя послѣ опустошительныхъ войнъ земли порабощенныхъ Славянъ стали на-

---

[1]) Архіепископу Гамбургскому Фридриху I принадлежитъ первый починъ въ этомъ призывѣ нидерландскихъ колонистовъ въ Германію—въ 1106 г. См. Schlözer, o. c., S. 391—92, но еще ранѣе, съ конца XI в. они были призываемы въ разныя мѣстности Великобританіи. Примѣру архіепископа Гамбургскаго послѣдовали вскорѣ и другіе высшіе духовные и свѣтскіе князья средней и восточной Германіи. Срв. Borchgrave, Histoire des Colonies Belges, qui s'établirent en Allemagne pendant le XII et le XIII siècle 1864 (Brux.), p. 53 и сл.

правляться партіи нидерландскихъ колонистовъ (Фландровъ, Голландцевъ, Фризовъ, Вестфальцевъ), и это движеніе продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Однимъ изъ многихъ такихъ предпріятій было переселеніе бездомныхъ жителей нидерландскихъ береговъ въ славянскую Вагрію въ 1140 году.

Вагрія, область племени Вагровъ, занимавшая въ XII в. восточную, прилегающую къ Балтійскому морю часть Голштиніи, приблизительно между городами Любекомъ и Килемъ, составляла самую западную окраину Балтійскаго славянства, хотя первоначально славянскія поселенія простирались и нѣсколько далѣе на западъ и сѣверъ—за ея предѣлы [1]). Окруженные почти со всѣхъ сторонъ или моремъ, или заклятыми врагами своими — Нѣмцами и Датчанами, и лишь съ юга Полабцами и приморскими Бодричами, Вагры не могли долѣе отстаивать своей независимости, и около 1140 г. земля ихъ стала добычею Нѣмцевъ и досталась графу голштинскому Адольфу. Чтобы упрочить свою власть здѣсь и вызвать къ жизни опустошенную войной и обезлюдѣвшую страну, онъ призвалъ колонистовъ изъ сосѣднихъ нѣмецкихъ земель, и вотъ рядомъ съ ближайшими саксонскими племенами Гользатами и Стормарами, потянулись сюда многочисленные нидерландскіе колонисты изъ Фландріи, Голландіи и прирейнской земли [2]). Такимъ образомъ Нѣмцы прочно утвердились на Балтійскомъ морѣ. Распространеніе германскаго владычества и онѣмеченіе Балтійскаго и Полабскаго славянства съ тѣхъ поръ пошло невѣроятно быстрыми шагами впередъ. Однако пришлымъ издалека нѣмецкимъ колонистамъ (Фландрамъ, Фризамъ и др.) на первыхъ порахъ не очень-то хорошо жилось на новой родинѣ, гдѣ ихъ притѣсняли мѣстные голштинскіе поселенцы. Къ тому же въ 1147 г. Вагрія подверглась жестокому опустошенію со стороны бодричскаго князя Никлота, этого мужественнаго борца за славянскую свободу. При такихъ условіяхъ могли удержаться вѣроятно

---

[1]) О Babrахъ и о крайнихъ предѣлахъ славянскаго племени на сѣверозападѣ (въ Голштиніи)— см. А. Павинскій, Полабскіе Славяне, Спб. 1871, стр. 1—17, и I. Первольфъ, Германизація Балтійскихъ Славянъ (Спб. 1876), 119—128; срв. Гильфердингъ, Соб. Соч., IV, стр. 24—32 и сл.

[2]) Helmold (Pertz, SS. XXI), I, c. 57. Срв. Schlözer, o. c., S. 404—5; тоже Павинскій, стр. 153—154 и Первольфъ, стр. 121.

лишь немногіе изъ новыхъ поселенцевъ [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что часть ихъ, неудовлетворенная новыми жилищами, покинула Вагрію и нашла себѣ гдѣ-нибудь лучшія мѣста для поселенія; однако у насъ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ для заключенія, что именно эти вагорскіе колонисты были призваны въ Угрію [2]). Колонизаціонное движеніе изъ нижненѣмецкихъ и прирейнскихъ областей въ разные края сѣверной Германіи и Полабскаго славянства продолжалось въ періодъ слѣдующихъ десятилѣтій, и такая переселенческая партія могла быть вызвана угорскимъ правительствомъ прямо съ береговъ Рейна, изъ Фландріи или сосѣдняго нѣмецкаго побережья—во всякое время. Положительныхъ данныхъ для точнаго опредѣленія этого времени намъ не даетъ и сѣверогерманская исторія. Что же касается обстоятельствъ этого призыва, то мы не отрицаемъ впрочемъ и той возможности, что трансильванскіе „Flandrenses" не были вызваны прямо изъ родины своей, а успѣли уже передъ тѣмъ поскитаться, причемъ къ нимъ могли присоединиться и жители другихъ нѣмецкихъ земель.

Было давно высказано еще предположеніе, имѣвшее своихъ усердныхъ защитниковъ, что поселившіеся при Гейзѣ II трансильванскіе Нѣмцы принадлежали крестоносному ополченію 1147 года и остались въ Угріи на своемъ обратномъ пути на родину, но мысль эта была скоро оставлена, хотя—надо оговориться—на нашъ взглядъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, что къ колонистамъ, вызваннымъ изъ Германіи, могли присоединиться партіи отставшихъ во время похода или уже возвращавшихся домой крестоносцевъ [3]). Безъ сомнѣнія примѣръ первыхъ переселенцевъ соблазнилъ многихъ, и съ

---

1) Helmold, I, 63; Schlözer, S. 406.

2) Г. Клейнъ (o. c., стр. 247) повидимому такъ представляетъ себѣ дѣло. Но въ такомъ случаѣ эти колонисты не могли попасть въ Угрію ранѣе конца 40-хъ годовъ (1148 г.), что впрочемъ во всякомъ случаѣ болѣе вѣроятно.

3) Въ пользу этой мысли особенно рѣшительно высказался M. Reschner, ставившій съ нею въ связь свое мнѣніе о южномъ пути, которымъ будто бы прибыли нѣмецкіе колонисты Трансильваніи при Гейзѣ II (Archiv des Ver. f. Sieb. Landeskunde, I, 3 Heft, 71), но еще Schlözer (ibid., S. 209) отвергалъ это предположеніе. Однакожъ къ принятію его въ той формѣ, въ которой и мы его допускаемъ, склонился и Borchgrave, Essai hist., p. 33—34.

той поры начался цѣлый рядъ переселеній Нѣмцевъ въ Угрію — во второй половинѣ XII-го и въ XIII вѣкѣ.

Что же заставило угорское правительство прибѣгнуть къ столь важной мѣрѣ, какъ призывъ съ запада большихъ массъ колонистовъ, и гдѣ именно поселились Нѣмцы при Гейзѣ II?

Единичные представители нѣмецкой народности, разные рыцари-эмигранты и искатели приключеній, а равно и цѣлыя нѣмецкія семейства издревле время отъ времени переселялись въ Угрію, какъ переселялись и иноземцы другихъ народностей. Со времени политическаго и культурнаго сближенія Угріи съ западными сосѣдями, еще при герцогѣ Гейзѣ и королѣ Стефанѣ Св., такія переселенія стали учащаться [1]), и нѣкоторые короли относились особенно благосклонно къ нѣмецкимъ выходцамъ, между которыми бывали и знатныя лица. Они приближали и возвышали таковыхъ и находили въ нихъ вѣрныхъ слугъ и защитниковъ королевскихъ интересовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не менѣе усердныхъ проводниковъ какъ нѣмецкихъ порядковъ и нравовъ, такъ и латинства. Отъ такихъ выходцевъ произошли многіе знатнѣйшіе мадьярскіе роды [2]).

Но нѣмецкій элементъ проникалъ въ Угрію и иными путями [3]). Такъ напримѣръ услугами нѣмецкихъ наёмныхъ войскъ тоже издавна стали пользоваться угорскіе короли, и естественно предположить, что эти часто многочисленныя наёмники не безслѣдно покидали Угрію, что многіе изъ нихъ потомъ навсегда поселялись въ Угріи. Въ занимающую насъ эпоху, въ 50-хъ годахъ XII-го вѣка, о нѣмецкомъ вспомогательномъ отрядѣ („Саксахъ“) въ угор-

---

[1]) Thurocz, c. 22 p. 111 (Marci Chr., c. 30, p. 28): Praeterea intraverunt Hungariam, tam tempore Regis (Ducis?) Geychae et sancti Regis Stephani, quam diebus Regum aliorum, Bohemi, Poloni, Graeci, Hispani, Hismahelitae, seu Saraceni, Bessi, Armeni, Saxones, Turingi, Misnensis, et Rhenenses, Cumani, et Latini, etc.

[2]) Въ угорскихъ хроникахъ (Thurocz = Marcus, Keza) мы находимъ перечисленіе и генеологію мадьярскихъ родовъ иноземнаго происхожденія, но въ ней разумѣется много вымышленнаго и вздорнаго. Срв. Schlözer, S. 194—196; P. Hunfalvy, Ethn., S. 277.

[3]) Изъ многочисленныхъ западноевропейскихъ пилигримовъ, направлявшихся издавна через Угрію въ Святую Землю (не говоря уже о крестоносцахъ), безъ сомнѣнія многіе по тѣмъ или другимъ причинамъ задерживались и навсегда поселялись въ Угріи, и увеличивали собой контингентъ иноплеменниковъ, въ томъ числѣ и Нѣмцевъ въ ея населеніи.

скомъ войскѣ въ войнѣ съ Греками сообщаетъ историкъ Киннамъ [1]). Въ этихъ Саксахъ, правда, довольно соблазнительно видѣть тѣхъ нижненѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ поселеніе въ Трансильваніи привыкли относить къ началу царствованія Гейзы [2]), но рѣшительно утверждать этого нельзя. Способъ выраженія Киннама, т. е. упоминаніе ихъ рядомъ съ Чехами, побуждаетъ насъ склониться ко взгляду, что скорѣе тутъ аналогично съ послѣдними разумѣются силы, добытыя Угріей извнѣ, чѣмъ новые трансильванскіе поселенцы[3]). Но съ этимъ вмѣстѣ невольно напрашивается предположеніе, не могли ли превратиться эти самые Саксы 1154 года, если они были наёмники (solidarii), по окончаніи своей военной службы, въ колонистовъ-Саксовъ разныхъ краевъ Угріи, можетъ быть и Трансильваніи? и не случалось ли это и въ другое время? Вѣдь для тѣхъ цѣлей, которыя между прочимъ имѣлись въ виду при колонизаціи, т. е. для защиты окраинъ государства, — военные люди были особенно полезны [4]). Свидѣтельство Киннама подтверждаетъ еще и то, что названіе „Саксы" было въ употребленіи въ Угріи и при Гейзѣ, и что слѣдовательно оно примѣнялось можетъ быть уже тогда къ нижненѣмецкимъ колонистамъ въ Трансильваніи и сѣверной Угріи.

Когда именно и гдѣ раньше стали селиться въ Угріи собственно колонисты-земледѣльцы и представители промышленнаго класса изъ Нѣмцевъ—для рѣшенія этого вопроса мы не имѣемъ никакихъ

---

[1]) J. Cinn., l. III, p. 131. ὁ δὲ Παιονίας ῥὴξ.... δυνάμεις ἔκ τε Τζέχων καὶ Σαξόνων ἄλλων τε πλείστων ἑαυτῷ συστησάμενος ἐθνῶν....

[2]) В. Васильевскій, въ озн. ст., стр. 258.

[3]) Такъ думаетъ и Schlözer, ib., S. 539.

[4]) Не случайно можетъ быть и то, что къ термину „наемниковъ" (solidarii) какъ-бы приравнивается въ то время и наименованіе *hospites* (гости, чужеземцы), какъ это видно изъ свидѣтельства современника Оттона Фрейзингенскаго, т. е. тотъ терминъ, который вообще прилагается потомъ къ Нѣмцамъ-колонистамъ и которымъ грамота Андрея II обозначаетъ трансильванскихъ Саксовъ (hospites nostri Theutonici). Otto Fris. Gesta Frid. L. I, 31 (M. G. SS. XX, p. 369) пишетъ объ угорскомъ войскѣ: „At in ipsa regis acie hospites, quorum ibi magna copia est.... Omnes pene tetri tetris in armis procedunt, nisi quod iam ab *hospitibus, quos nunc solidarios dicimus*, educati" etc. Впослѣдствіи эти угорскіе Нѣмцы—колонисты (hospites), какъ войско, оказываютъ важныя услуги Уграмъ. Такъ 50 лѣтъ спустя съ ихъ помощью кор. Эмерикъ побѣждаетъ своего мятежнаго брата Андрея. Chron. reg. Colon. (Waitz, Hann. 1880), p. 168: Ille, accitis Theutonicis, quorum ibi copia magna est, qui et hospites ibi vocantur, fratrem devicit...

положительныхъ данныхъ. Одно намъ кажется уже a priori несомнѣннымъ, что первыя нѣмецкія колоніи — если и незначительныя — должны были водвориться въ самыхъ западныхъ окраинахъ Угріи, на границахъ нѣмецкихъ владѣній, и что онѣ принадлежали племени верхненѣмецкому (баварскому?), но когда именно, при какихъ обстоятельствахъ онѣ возникли — мы не знаемъ.

Что касается того, существовали ли уже нѣмецкія поселенія въ восточныхъ и сѣверныхъ частяхъ Угріи — тамъ, гдѣ потомъ оказываются ихъ главныя массы, — уже до половины XII в., даже въ XI, то и этотъ вопросъ рѣшается нынѣ знатоками предмета утвердительно [1]). Но откуда именно прибыли эти Нѣмцы — на это мы опредѣлительно отвѣчать не можемъ; къ существующимъ на этотъ счетъ разнымъ мѣстнымъ преданіямъ слѣдуетъ относиться осторожно [2]).

Во всякомъ случаѣ въ пол. XII в. при Гейзѣ въ Угріи уже были знакомы съ Нѣмцами вообще [3]) — какъ колонистами, умѣли цѣнить ихъ необыкновенное трудолюбіе и другія добрыя качества, а потому охотно стали отводить имъ свободныя и нуждавшіяся въ обработкѣ земли, а также употреблять ихъ для горнаго дѣла. Водвореніе Нѣмцевъ собственно въ Трансильваніи и вообще въ восточныхъ окраинахъ государства, имѣло, кромѣ общихъ мотивовъ, дѣйствовавшихъ во всей Угріи, свое особое назначеніе и характеръ, ибо зависѣло отъ особыхъ мѣстныхъ условій, которыя необходимо имѣть въ виду.

---

[1]) См. указанія въ статьѣ Zimmermann'a, Ueber den Weg der deutschen Einwanderer nach Siebenbürgen, Mittheil. des Instituts f. oesterr. Geschichtsforschung, IX B., I Heft. (1888), S. 52.

[2]) Есть правда ученые, которые считаютъ заслуживающими вѣры извѣстныя преданія люттихскихъ хроникъ о колонистахъ угорскихъ въ Люттихѣ и люттихскихъ — въ Угріи, въ Ягерской эпархіи, — преданія, относящія эту колонизацію уже къ половинѣ XI вѣка и дѣйствительно способныя бросить свѣтъ на рано установившіяся отношенія Угріи съ Бельгіей. См. Borchgrave, Essai historique etc., p. 16—29, изслѣдованіе, въ которомъ есть впрочемъ много и дѣльныхъ указаній. Но мы на основаніи однихъ этихъ сказочныхъ повѣтствованій не считаемъ возможнымъ дѣлать рѣшительныхъ заключеній объ этихъ отношеніяхъ для XI в. Это опредѣленіе времени не внушаетъ довѣрія и Шлѣцеру, o. c., S. 284.

[3]) Не забудемъ и пути *торговыхъ сношеній*, которымъ поддерживалось это знакомство съ Нѣмцами, и южными, и сѣверными, напр. съ предпріимчивыми купцами Фландріи.

Заселеніе Нѣмцами значительныхъ пространствъ Трансильваніи находитъ себя объясненіе въ этническихъ и географическихъ условіяхъ этой области. Мы не можемъ углубляться здѣсь въ темный вопросъ о составѣ населенія Трансильваніи и его распредѣленіи до XII в. Въ немъ еще много невыясненнаго, но есть общія положенія, которыя могутъ считаться доказанными исторической наукой. Такимъ уже неоспоримымъ фактомъ мы признаемъ во первыхъ то, что древнѣйшимъ преобладавшимъ въ этой странѣ населеніемъ были Славяне, однoплеменные съ Славянами сосѣдней сѣверокарпатской территоріи, нынѣшнихъ Буковины и Молдавіи, т. е. русской народности, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ географическая номенклатура Трансильваніи [1]), но что это населеніе благодаря отсутствію политической сплоченности и особенностямъ своего быта, къ тому же сильно порѣдѣвшее отъ внѣшнихъ бурь (опустошительныхъ набѣговъ кочевниковъ) должно было распуститься въ массѣ новыхъ поселенцевъ, его постепенно поглотившихъ. Впрочемъ въ эпоху колонизаціи Саксовъ славянскій элементъ несомнѣнно еще держался, а впослѣдствіи подкрѣплялся и новыми переселеніями изъ сосѣднихъ русскихъ земель во многихъ частяхъ Трансильваніи.

Далѣе неопровержимымъ фактомъ считаемъ мы и то, что другимъ стародавнимъ этническимъ элементомъ, который застало здѣсь мадьярское завоеваніе, были Влахи или Румыны, потомки романизованныхъ туземцевъ, удержавшіеся въ горахъ трасильванскихъ и вынужденные историческими условіями стать по преимуществу пастухами [2]). Возраженіе Рёслера, что еслибъ Трансильванія была уже населена Влахами, то безцѣльно было бы призывать издалека нѣмец-

[1]) См. по этому вопросу: Надеждинъ, Путешествіе по южнослав. землямъ, Ж. М. Н. Пр. 1842, VI, стр. 103—105; Rössler, R. S., 321 и сл.; Васильевскій, Византія и Печенѣги, Прилож. 2. (Ж. М. Н. Пр. 1872, стр. 299—303); Успенскій, Образованіе второго болг. царства, Прил. V, стр. 37—39 и рец. на это сочиненіе Васильевскаго (Ж. М. Н. П. 1879, іюль и авг.); Кочубинскій, Записки Новоросс. Унив., т. XIII, стр. 87 и въ другихъ его статьяхъ, и проч.

[2]) Обоснованіе этого взгляда представлено было нами не разъ. См. Моравія и Мадьяры, стр. 41—55; Новый нѣм. трудъ чеш. слависта. Ж. М. Н. Пр. 1886, іюль; Рец. на другой трудъ г. Пича. Ж. М. Н. Пр. 1887, ноябрь. Тамъ же читатель найдетъ ссылки на довольно богатую литературу этого сложнаго вопроса.

нихъ колонистовъ [1]), очевидно не можетъ нисколько поколебать нашего положенія, ибо рѣчь идетъ не о сплошномъ земледѣльческомъ румынскомъ населеніи, а о горныхъ жителяхъ-пастухахъ, о которыхъ уже изъ XIII в. есть прямое свидѣтельство въ подтвердительной грамотѣ Андрея II (1224) [2]). Этотъ элементъ именно съ XII—XIII в. началъ повидимому особенно усиливаться и размножаться на сѣверѣ отъ Дуная, но въ эпоху нѣмецкой колонизаціи онъ въ Трансильваніи еще не могъ быть многочисленъ. То же можно сказать и о Мадьярахъ, которыхъ, по завоеваніи этой области въ XI в., стоило не мало усилій утвердиться въ ней: поселенія ихъ (т. наз. Секлеровъ), предназначенныя спеціально для защиты восточной границы [3]), были сосредоточены въ этой окраинѣ и по всей вѣроятности были тоже еще немногочисленны, тогда какъ въ другихъ частяхъ Трансильваніи, кромѣ самой западной окраины, Мадьяры въ своемъ поступательномъ движеніи еще не сдѣлали тогда почти никакихъ успѣховъ. Если мы при всемъ этомъ примемъ въ соображеніе, что Трансильванія въ теченіе XI в. и первой половины XII в. подвергалась частымъ опустошительнымъ набѣгамъ безпокойныхъ и полудикихъ восточныхъ сосѣдей, Печенѣговъ и Куманъ (Половцевъ), партіи которыхъ, если и оставались въ этой странѣ [4]), во всякомъ случаѣ составляли элементъ некультурный и неблагонадежный, то еще болѣе убѣдимся, что она въ пол. XII в. представляла территорію значительно обезлюдѣвшую и заброшенную, мѣстами совсѣмъ дикую [5]), нуждающуюся въ культурномъ и дѣятель-

---

1) Rom. Stud., S. 36—7.

2) „Silvam Blacorum et Bissenorum cum aquis, usus communes exercendo cum predictis scilicet Blacis et Bissenis, eisdem contulimus"... Endlicher, M. A., p. 428, срв. Pič, Ueber die Abstamm. d. Rum. (Leipz., 1880), S. 179—186. Подъ Bisseni (=Печенѣги) слѣдуетъ, конечно, разумѣть здѣсь собственно Кумановъ.

3) О томъ, что такое Секлеры, см. „Мор. и Мад." 305—8, тоже стр. 126—37.

4) См. прим. 2.

5) То, что современникъ Otto Freising., Gesta Fr. M. G. SS. XX, p. 368 говоритъ о дикости и заброшенности страны, прилежащей къ Угріи съ востока, въ которой бродили толпы кочевниковъ, можетъ быть до нѣкоторой степени примѣнимо и къ тогдашней Трансильваніи (хотя не ее непосредственно разумѣетъ лѣтописецъ, какъ думалъ Schlözer, S. 280): „...inter aquilonem et foris orientem Pecenatorum et Falonum maximam venationis copiam habentia, sed vomere ac rastro pene expertia campania...". Подъ Falones слѣдуетъ разумѣть Половцевъ. Срв. Otto Fr. Chron. l. VI. 10. (...Pecenati et hii qui Falones dicuntur). Срв. о томъ Müllenhof, Haupt Zeitschr. f. D. Alterth. X, p. 165.

номъ населеніи, земледѣльческомъ и промышленномъ, и въ стойкихъ защитникахъ отъ внѣшнихъ враговъ.

Такимъ образомъ мысль о колонизаціи Трансильваніи подходящимъ элементомъ, на который можно было бы положиться, и обращеніе къ Нѣмцамъ при Гейзѣ II являются вполнѣ своевременными и цѣлесообразными.

Что нижненѣмецкіе поселенцы были призваны для заселенія *запустѣлыхъ* мѣстностей, это подтверждается и вышеупомянутымъ документомъ 1189 г., относящимся къ Фландрамъ, вызваннымъ Гейзою, гдѣ прямо говорится о предоставленной имъ „пустынѣ“ Сибиньской (desertum) [1]). Изъ этого источника мы узнаемъ слѣдовательно и то, куда именно были направлены нѣмецкіе пришельцы при Гейзѣ. Подъ выраженіемъ „desertum“ на основаніи того же акта слѣдуетъ разумѣть запустѣлый, обезлюдѣвшій въ то время край въ самой южной части Трансильваніи около нын. Германштадта (древ. castrum Cibin, Sibin) между рѣками Марошемъ, его притокомъ соединеннымъ Кокелемъ и Олтой (Алутой). Конечно трудно и приблизительно опредѣлить размѣры и границы какъ первоначальныхъ, такъ и этихъ нѣмецкихъ колоній [2]).

Съ вопросомъ о мѣстностяхъ занятыхъ первыми колонистами тѣсно связанъ также вопросъ о пути, какимъ они пришли въ Трансильванію. Разсмотрѣніе высказанныхъ по этому предмету мнѣній рѣшительно заставляетъ склониться въ пользу того, что Нѣмцы пришли сюда по старой торговой дорогѣ, ведшей изъ собственной Угріи въ Трансильванію, именно черезъ г. Сатмаръ (Szathmar) и вверхъ по долинѣ рѣки Самоша [3]).

---

[1]) Fejér, II, p. 250—51: ...qui tunc erant in illo solo deserto, quod gloriosae memoriae G. Rex Flandrensibus concessit, и далѣе.

[2]) См. попытку болѣе точнаго опредѣленія у Borchgrave, Essai historique sur les colonies Belges etc., p. 52—3 и сл. и въ трудахъ мѣстныхъ, трансильванскихъ ученыхъ (см. упомян. статью Циммерманна).

[3]) F. Zimmermann, Ueber den Weg der deutschen Einwanderer nach Siebenbürgen, Mittheil. d. Instit. f. oest. Gesch. IX B. I Heft, S. 46—62—весьма интересный и основательный этюдъ, посвященный спеціально вопросу о пути нѣмецкихъ колонистовъ въ Трансильванію, въ которомъ авторъ рядомъ вѣрныхъ и остроумныхъ соображеній опровергаетъ мнѣнія другихъ ученыхъ (Leonhard, Reschner и др.) о югозападномъ, западномъ и южномъ (долиною Алуты) путяхъ и обосновываетъ свое собственное убѣжденіе, что

Можетъ быть и одновременно, а также и позднѣе—въ теченіе второй половины XII-го и въ нач. XIII-го вв., послѣдовали новыя колонизаціонныя движенія, и Нѣмцы стали водворяться и въ другихъ частяхъ какъ Трансильваніи (сѣверо-восточной и юго-восточной), такъ и сѣверной Угріи, напр. въ Спишскомъ комитатѣ [1]), въ Зволенскомъ, въ Щавницѣ (Schemnitz), Кремницѣ и другихъ мѣстахъ, но къ сожалѣнію документальныхъ извѣстій о возникновеніи отдѣльныхъ нѣмецкихъ колоній почти не сохранилось. Впрочемъ изслѣдованіе этого вопроса и не входитъ въ нашу задачу.

Что касается условій договора и правъ, на которыхъ Саксы устроились въ своей новой родинѣ, то безъ всякаго сомнѣнія эти условія и привилегіи были документально, письменно установлены съ самаго начала — при Гейзѣ, но къ сожалѣнію эти первоначальные акты не дошли до насъ. Мы знаемъ о широкихъ привилегіяхъ нѣмецкихъ колонистовъ лишь изъ послѣдующихъ подтвердительныхъ грамотъ королей, и прежде всего изъ не разъ уже цитованной грамоты Андрея II (1224). Главные пункты этихъ саксонскихъ привилегій были: полноправное и исключительное владѣніе землей, какъ своею собственностью; полная автономія — на основаніи своихъ собственныхъ законовъ и обычаевъ; выборъ своей администраціи и судей, и непосредственная зависимость отъ короля или иногда его воеводы; права *особой націи* и свое національное собраніе (universitas nationis Saxoniae); наконецъ кромѣ опредѣленной ежегодной податной суммы и участія въ военной повинности — свобода отъ всякихъ другихъ повинностей и пошлинъ [2]).

этимъ путемъ могъ быть только старинный путь торговыхъ сообщеній между собств. Угріей и Трансильваніей на сѣверо-западѣ, а именно черезъ Сатмаръ—и вверхъ по долинѣ р. Самоша; на этомъ пути находится цѣлая цѣпь старыхъ нѣмецкихъ колоній, вполнѣ подтверждающая это мнѣніе. Такое рѣшеніе вопроса бросаетъ конечно свѣтъ и на направленіе и послѣдовательность заселенія отдѣльныхъ частей Трансильваніи.

[1]) Есть мнѣніе, основанное на изученіи родства Нѣмцевъ Спиша и Трансильваніи, что первые спишскіе колонисты прибыли одновременно съ трансильванскими при Гейзѣ II. Keintzel въ цит. ст. (Bistritz, 1887), S. 41—52; Zimmermann, o. c., S. 61.

[2]) О первыхъ нѣмецкихъ колоніяхъ въ Трансильваніи и ихъ мѣстоположеніи, какъ и вообще о судьбахъ Саксовъ въ Угріи существуетъ весьма богатая литература и въ общихъ сочиненіяхъ и спеціальная у самихъ Нѣмцевъ въ Трансильваніи, у Румынъ и у Мадьяръ, начавшаяся съ ка-

Возвращаясь къ вопросу о времени призыва, мы признаемся, что не находимъ возможнымъ при имѣющихся данныхъ рѣшить, когда именно произошло при Гейзѣ первое поселеніе Нѣмцевъ въ Трансильваніи, но мы сомнѣваемся, чтобъ это случилось въ самые первые годы — при его несовершеннолѣтіи, и чтобъ это было дѣломъ регентства (бана Бѣлуша). Намъ кажется правдоподобнѣе отнести эту мѣру къ эпохѣ собственнаго управленія Гейзы и не ранѣе 1148 года. Подтвержденіе этого нашего взгляда мы видимъ въ томъ, что бывшій въ Угріи и изучавшій ее въ 1147 г. (во время втор. крестов. похода) Оттонъ Фрейзингенскій ни словомъ не упоминаетъ о нѣмецкой колонизаціи въ Угріи въ своемъ извѣстномъ очеркѣ быта и внутренняго состоянія угорскаго государства[1]), хотя и говоритъ въ то же время о дикомъ и невоздѣланномъ состояніи восточныхъ окраинъ Угріи и о сосѣднихъ кочевникахъ [2]). Этотъ умный и свѣдущій нѣмецкій писатель-патріотъ и политикъ не преминулъ бы упомянуть о такомъ важномъ и для него конечно особенно интересномъ фактѣ, какъ заселеніе Нѣмцами цѣлыхъ краевъ угорской земли, еслибъ оно уже было тогда въ ходу; онъ знаетъ и говоритъ только о пришлыхъ родовитыхъ иноземцахъ (Нѣмцахъ)-рыцаряхъ или о наёмникахъ въ угорскомъ войскѣ, и его выраженіе hospites прилагается именно къ нимъ, причемъ онъ употребляетъ и терминъ „solidarii" [3]). Итакъ до 1148 г.

питальныхъ трудовъ Шлёцера (1795) и Эдера, за которыми слѣдовали труды Schuller'а, Teutsch'а, Kővåry и друг., а въ нов. время Maurer'а, Seivert'а, Wenzel'а, Hunfalvy и проч. Для подробныхъ библіографическихъ справокъ отсылаемъ читателя къ сочиненіямъ: Fessler-Klein, S, 249; Szalay, S. 294; Hunfalvy, Ethnogr., S. 431. Спеціально о правахъ и привилегіяхъ, на которыхъ селились Саксы, см. еще Borchgrave, ibid., S. 73—92 и Циммерманъ, o. c.; Срв. еще Krainer, Die Urspr. Staatsverfass. Ungarns, Wien, 1872, S. 344 и слѣд.

[1]) Правда, Оттонъ Фрейзингенскій писалъ свои Gesta Frid. только въ 1156 г. (см. Приложеніе I), но его извѣстія объ Угріи были безъ сомнѣнія записаны имъ еще въ 1147 г., или вскорѣ послѣ — подъ свѣжими впечатлѣніями видѣннаго и слышаннаго. Во всякомъ случаѣ ихъ содержаніе относится къ 1147 г., и то, что творилось во внутренней жизни Угріи послѣ того, осталось неотмѣченнымъ.

[2]) Gesta Frid. I, 31, (Pertz, XX, p. 368): „inter aquilonem et item orientem Pecenatorum et Falonum (Половцы?) maximam venationum copiam habente, sed vomere ac rastro pene experte campania".

[3]) Gesta Frid., ibid., p. 369: „in ipsa regis acie hospites, quorum ibi magna copia est"... „nisi quod iam ab *hospitibus, quos nunc solidarios dicimus*, educati".

[illegible] тѣмъ [illegible] въ Гер- [illegible] [illegible] [illegible] въ Угрія въ [illegible]

[illegible] между Угрией [illegible]

[illegible]

[illegible]

сел. Живогости (Siwohost) [1]), гдѣ справлялся великій Праздникъ, въ Угрію къ своему дядѣ королю Бѣлѣ [2]), расчитывая конечно на его заступничество. Трудно сказать, захотѣлъ ли бы вообще миролюбивый Бѣла впутываться въ чешскія дѣла,—но судьба рѣшила за него: онъ умеръ, какъ знаемъ, уже 13 февраля 1141 г.—къ великому разочарованію и горю его племянника и сопровождавшихъ его приверженцевъ [3]). Однако это обстоятельство не повліяло на замыслы чешской оппозиціи, которая уже приняла опредѣленныя рѣшенія и стала дѣятельно готовиться къ борьбѣ съ Владиславомъ II. Чешскіе бѣглецы очень скоро вернулись изъ Угріи и примкнули къ союзу мятежныхъ князей (чешской и моравской линій), которые собирались въ Моравіи для организаціи и окончательныхъ приготовленій. Однако сношенія ихъ съ Угріей не были вѣроятно прерваны, и Угрія не осталась повидимому совсѣмъ въ сторонѣ отъ движенія. Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1142 г. оппозиція избрала своимъ главой и княземъ чешскимъ, имѣвшимъ замѣстить Владислава II, одного изъ моравскихъ Премысловичей Конрада II Зноемскаго (сына Лютольда), того самого, который былъ женатъ на сербкѣ Маріи, сестрѣ королевы Елены и бана Бѣлуша. Если Конрадъ и самъ домогался этого [4]), то это не измѣняетъ дѣла: его избраніе имѣло всеже особую политическую подкладку, было расчитано на полученіе поддержки со стороны Угріи.

Мы не знаемъ, какъ относились угорскіе регенты, королева Елена и Бѣлушъ къ дѣйствіямъ чешской оппозиціи, но нѣтъ ничего невозможнаго, что они даже обѣщали Конраду свою активную поддержку. Въ апрѣлѣ 1142 г. началось предпріятіе Конрада Зноемскаго и прочихъ князей—съ цѣлью сверженія Владислава съ престола,—пред-

---

[1]) Недалеко отъ Праги, въ южномъ направленіи (въ Бераун. окр.), гдѣ былъ вѣроятно замокъ, нын. Žiwhošt' (зам. Ostromeč). См. Palacky, Popis král. českého. (Pr. 1848), стр. 253.

[2]) Contin. Cosm. (Kan. Wyš.), a. 1141 (собст. конецъ 1140):..... puer Wladizlaus... iniit fugam ad avunculum suum nomine Bela, qui tunc regnabat in Ungaria: Font. B. R. II, p. 234. срв. Ann. Gradic. ib., p. 396.

[3]) Ibid.: „Bela, rex Ungarorum, obiit, et nostrates profugi submissis capitibus doluerunt."

[4]) Vincent. ann., a. 1142 (Font. R. B. II, p. 410): ...principem Chonradum ipso ad hoc aspirante sibi in ducem eligunt... срв. Loserth, o. c., S. 50.

пріятіе не увѣнчавшееся успѣхомъ и завершившееся въ концѣ концевъ полнымъ торжествомъ послѣдняго. Описывать эту междоусобную чешскую борьбу Премысловичей—здѣсь не мѣсто [1]). Насъ занимаетъ только отношеніе Угріи къ этимъ событіямъ. Оказала ли она фактическую поддержку Конраду?—для утвержденія этого мы не находимъ въ современныхъ источникахъ никакихъ указаній, но такая помощь въ виду близкихъ родственныхъ связей угорскихъ правителей съ моравскимъ претендентомъ довольно вѣроятна, и чешскій историкъ XVII вѣка, говорящій объ угорской помощи въ этомъ случаѣ, можетъ быть основывался на какомъ-нибудь дѣйствительно старомъ, но неизвѣстномъ намъ источникѣ [2]). Во всякомъ случаѣ, если у Конрада и не было угорскаго вспомогательнаго отряда, онъ и вся чешская оппозиція несомнѣнно пользовались нравственной поддержкой и всѣми симпатіями Угріи и ея королевскаго дома, что продолжалось и позже — при послѣдующей дѣятельности Конрада, а этого было достаточно, чтобы сразу установились враждебныя отношенія между обоими новыми государями, т. е. Владиславомъ II и Гейзой II (или пока регентствомъ); дѣйствительно, отношенія эти очень скоро выразились и на дѣлѣ. Если же мы вспомнимъ еще, что Владислава въ его борьбѣ съ оппозиціей дѣятельно поддержалъ и лично водворилъ въ Прагѣ король нѣмецкій Конрадъ III, къ которому онъ обратился, то для насъ освѣтятся нѣсколько и новые угро-нѣмецкія отношенія.

Въ отношеніяхъ Угріи къ другимъ сосѣднимъ славянскимъ государствамъ, Польшѣ и Руси, не произошло повидимому никакой существенной перемѣны по смерти Бѣлы и не было ничего, что бы грозило нарушеніемъ установившагося мира съ этой стороны. Но узелъ европейской политической жизни и политическихъ интересовъ

---

[1]) Извѣстія о ней: Vinc. Ann., a. 1142 и 1143. Font. R. B. ib., p. 410—414; Cont. Cosm. (Kan. Wyš.), ib. 235—237; Mnich Sazaw. ib. 261; Otto Frising. Chron. Lib. VII, cap. 26 (Pertz, XX, p. 262); Ann. Gradicenses, a. 1142. Font. R. B. II, p. 397. Подробное изложеніе у D u d i k'a, Gesch. Mähr. III, S. 131—135; 142—154; P a l a c k ý, Dějiny nar. č. (1859) I, 2. S. 28—33.

[2]) Pešina z Čechorodu въ I т. своего сочиненія о военныхъ дѣлахъ Моравіи „Mars Moravicus“ (1677) говоритъ (p. 301): Igitur collecto in Znoymensi provincia milite et a Geisa II, novo Hungarorum rege... aliquot equitum turmis... instructus, iter in Bohemiam suscepit. см. D u d i k, ib. S. 142.

эпохи конечно находился тогда не въ Чехіи, Польшѣ или Руси, а потому политическая роль и значеніе Угріи лишь въ малой степени зависѣли отъ отношеній ея къ этимъ второстепеннымъ участницамъ тогдашнихъ міровыхъ событій. Оне, эта роль и значеніе, обусловливались прежде всего ея отношеніями къ господствовавшимъ на западѣ и востокѣ политическимъ силамъ, и прежде всего къ западной и восточной имперіямъ, или иначе говоря къ Германіи и Византіи. На этихъ-то сосѣдей Угріи мы и обратимъ теперь наше вниманіе.

Европейскія событія второй половины XI вѣка и начала XII-го, между которыми особенно выдаются по важности своей утвержденіе и усиленіе Норманновъ въ Италіи, ихъ союзы съ папствомъ и борьба съ восточной имперіей, а съ другой стороны ожесточенная борьба западныхъ императоровъ съ папами, создали извѣстную группировку государствъ и историческихъ факторовъ, на долго опредѣлившую ходъ европейской политической жизни и международныя отношенія.

Безспорно однимъ изъ самыхъ крупныхъ и знаменательныхъ фактовъ въ этой группировкѣ европейскихъ силъ было съ перваго взгляда не совсѣмъ естественное сближеніе (обратившееся потомъ даже въ тѣсный союзъ) двухъ имперій, скрѣпленное дружественными и родственными связями ихъ государей — восточнаго царя и западнаго императора нѣмецкой націи (или нѣм. короля). Правда, соперничество обѣихъ имперій относительно нераздѣльнаго наслѣдованія правъ и титула римскихъ императоровъ ставило ихъ по большей части во взаимно-враждебное положеніе, но вѣдь рядомъ съ этимъ у обѣихъ имперій было теперь двое общихъ враговъ, дѣйствовавшихъ обыкновенно заодно и съ которыми борьба была необходима: это были съ одной стороны *Норманны*, утвердившіе и распространившіе свое господство въ той странѣ (Италіи), на которую обѣ имперіи имѣли притязанія, и съ другой *папы*, опиравшіеся на нихъ въ своей борьбѣ съ нѣмецкими государями и постоянно стремившіеся къ завоеваніямъ на ближнемъ и дальнемъ востокѣ — на счетъ греческой церкви. Но было и еще нѣчто общее въ политическомъ положеніи обѣихъ имперій: это были ихъ отношенія къ политически развивавшимся и усиливавшимся сосѣднимъ Славянамъ и Угріи, упорно, хотя и не

всегда успѣшно отстаивавшимъ свою независимость и свои національные интересы.

Такимъ образомъ общіе враги и общіе стремленія въ политическіе задачи и цѣли, пока эти послѣдніе оставались болѣе или менѣе [illegible] и не успѣли въ свою очередь столкнуться, естественно вели къ сближенію [illegible] и возрожденію союза двухъ имперій, которое не разъ осуществлялось и прежде и выражалось формальными союзами еще недавно, при императорахъ Алексѣѣ Комнинѣ и Генрихѣ IV, и затѣмъ при Іоаннѣ Комнинѣ (1118—1143) и Лотарѣ (1125—1137). Еще въ 1135 г. (на Мерзебург. рейхстагѣ) послы Іоанна Комнина, просили Лотаря [illegible], переговаривали съ нимъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ короля Рожера, слѣдствіемъ чего и сталъ союзъ императоровъ [1]. Этотъ союзъ былъ возобновленъ тѣмъ же византійскимъ императоромъ Іоанномъ и королемъ Конрадомъ III нѣсколько разъ въ то время, съ котораго мы дѣлаемъ начало(?) нашихъ разсказовъ(?), именно въ 1140 г., къ которому относится первое посольство Іоанна К. къ Конраду. Затѣмъ переговоры продолжались, и къ концу 1141-го или къ нач. 1142-го относится второе византійское посольство, которое и вызвало извѣстное сообщаемое Оттономъ Фрейзингенскимъ письмо Конрада къ Іоанну К. (февр. 1142), гдѣ бракъ младшаго сына византійскаго императора, царевича Мануила, съ сестрою королевской жены Гертруды Бертою Зульцбахъ является дѣломъ уже рѣшеннымъ [2] и которое особенно замѣчательно по выраженнымъ въ немъ воззрѣніямъ на взаимныя отношенія имперій [3]).

---

[1]) Ann. Saxo a. 1135. M. G. SS. VI, 769; Ann. Magdeb. и Ann. Erphesfurt. a. 1135. Ib. VI, 540 и Annal. Wirz. a. 1135. Срв. Giesebrecht, Gesch. B. IV, S. 146; Raumer, Gesch. d. Hohenstaufen. B. I (Leipz. 1840), S. 355 и Bernhardi, Lothar v. Supplinb. S. 573—575 и 753—754.

[2]) Otto Fris. Gesta Fr. I, 23. Pertz. XX, p. 363; также Stumpf, Reichskanzler. N. 3437: „Conservamus igitur quae justa et amicabilia sunt ad vos, eodem vos ad nos et tanti studiosius, quanto per conjugium sororis dilectissimae conjugis nostrae, imperatricis videlicet nobilissimae, et illi ut confoederati sumus propinquius“... Срв. Otto Fr. Chron. VII, 28 (Ib. p. 263). Jaffé, Gesch. d. deutsch. Reichs u. Conrad III. Hann. 1845. S. 100 и Bernhardi, Konrad III, I, Th. S. 265—272, гдѣ точно установлена хронологія этихъ событій и выяснены всѣ обстоятельства.

[3]) Эти отношенія между прочимъ характеризуются такъ: „Nota est omnibus, regnum nostrum [illegible] populus, qui non solum nomine Romanae rei publicae verum [illegible] et dici et esse filium... Sint ergo [illegible] utriusque communes, amicos, inimi-

Союзъ этотъ, скрѣпленный такимъ образомъ брачнымъ договоромъ, имѣлъ въ виду все того же общаго врага — короля Рожера. По смерти Іоанна въ слѣдующемъ 1143 г. сношенія новаго императора Мануила съ его будущимъ своякомъ завязались правда не тотчасъ, а лишь въ 1145 г. [1]), но послѣ состоявшагося въ нач. 1146 г. предположеннаго брака установилась уже полная и самая искренняя связь между обоими государями и имперіями [2]).

Каково же было отношеніе Угріи къ этому союзу? Достаточно извѣстно, какъ западная имперія смотрѣла на Угрію, какія стремленія и цѣли издавна одушевляли нѣмецкихъ государей въ ихъ политикѣ на восточныхъ границахъ имперіи; извѣстно также, какія существенныя политическія интересы имѣла на Дунаѣ византійская имперія, какія опасности ей грозили съ этой стороны, и къ чему она стремилась въ своей борьбѣ съ Угріей въ XII в., особенно при

---

que amicus idem, idem inimicus, sive in terra, sive in mari, et cognoscat ac timeat matris virtutem et valentiam, qui non honoraverit filiam, sive Northmannus, sive Siculus, sive quis alter quicumque ubicumque..." Оттонъ приводитъ еще отвѣтъ Іоанна Комн. и письмо Конрада къ Мануилу, въ которыхъ высказываются такія же мысли о взаимной дружбѣ и преданности.—Въ этой перепискѣ любопытно еще очень характеристичное обращеніе Конрада къ виз. императору съ просьбой принять мѣры противъ какихъ-то *русскихъ*, ограбившихъ нѣмецкихъ подданныхъ (купцовъ?). О значеніи этого извѣстія въ вопросѣ о торговыхъ сношеніяхъ Нѣмцевъ съ Русью см. Васильевскій, Древняя торговля Кіева съ Регенсбургомъ, Ж. М. Н. Пр., 1888, іюль, стр. 138—140. Изъ этого извѣстія слѣдуетъ, что кор. Конрадъ признавалъ верховныя права визант. императора надъ Русью (какъ частью восточно-христіанскаго міра), такъ какъ тутъ едва-ли можетъ быть рѣчь о прямыхъ подданныхъ имперіи. Это подтверждается и тѣмъ, что Іоаннъ К. нашелъ просьбу эту вполнѣ умѣстною и обѣщалъ удовлетворить ее, т. е. принять мѣры относительно случившагося на Руси (in Rossia). Не разумѣется ли тутъ Галицкая Русь, которой князья состояли въ родственныхъ связахъ съ Комнинами, а кн. Владимірко позже оказывается „вассаломъ" Мануила?. На культурно-историческое значеніе этого факта обратилъ уже вниманіе В. И. Ламанскій, Видные дѣятели западно-слав. образованности въ XV, XVI, XVII вв. Слав. Сбор. I т. (1875), стр. 467.

[1]) Къ 1143—1144 г. относятся сношенія Мануила съ Рожеромъ, который, желая разстроить союзъ имперій, искалъ сближенія съ Византіей (посредствомъ родственныхъ узъ). Но сближеніе не состоялось, и Мануилъ возобновилъ сношенія съ Германіей. Срв. Bernhardi, ibid., S. 410—413.

[2]) Срв. объ этомъ союзѣ В. Г. Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в. (Слав. Сб., II), гдѣ союзъ этотъ разсматривается съ 1148 г. Еще Ѳ. Успенскій, Цари Алексѣй II и Андроникъ Комнины, Ж. М. Н. Пр. 1880 г. ч. 212, стр. 114—117 и сл. Срв. его же Вступительн. лекція по всеобщ. исторіи, Записки Имп. Новоросс. Универс., т. 16, 1875, стр. 9, 12—13.

Византіи. Очевидно слѣдовательно, что тѣсный союзъ этихъ двухъ сосѣдей не только былъ невыгоденъ Угріи, но и представлялъ для нея серьезныя опасности. Онъ могъ бы стать даже гибельнымъ для нея, если бъ не другія условія и обстоятельства времени, ослаблявшія его силу въ отношеніи къ ней. Всего важнѣе то, что политическіе интересы западной имперіи и все вниманіе нѣмецкихъ государей съ нѣкоторыхъ поръ были направлены совсѣмъ въ другую сторону. Италія съ папами, Норманнами и могучими ломбардскими городами, династическія смуты и борьба съ Вельфами у себя дома,—вотъ главные моменты ихъ политики, ихъ государственныхъ заботъ и властолюбивыхъ стремленій, отвлекавшіе ихъ вниманіе временно отъ восточныхъ сосѣдей, которые могли этимъ пользоваться. Но кромѣ того общему рѣшительному выступленію двухъ имперій противъ угорской державы—положимъ съ цѣлью ея разрушенія и раздѣленія между собой—мѣшало именно и собственное ихъ дальнѣйшее соперничество на угорской почвѣ, борьба политическихъ интересовъ, двухъ церквей и двухъ культуръ. Господство Византіи на сѣверъ отъ Дуная надъ Славянами паннонскими—въ сосѣдствѣ съ находившимися уже въ сферѣ нѣмецкаго вліянія другими западными Славянами (чехами, поляками и полабскими) было столь же невыгодно и нежелательно для Германіи, сколько и водвореніе Нѣмцевъ и власти запада на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ не согласовалось съ видами и интересами восточной имперіи. Но если союзъ двухъ имперій и не грозилъ прямо существованію Угріи, то вовсе онъ не могъ ее не тревожить. Венгерская политика Византіи была наиболѣе по смыслу, а на [illegible] господствующую роль Германіи относительно угорскихъ дѣлъ также [illegible] было много расчитывать.

Вопреки [illegible] сближенія между Гогенштауфенами и Арпадами [illegible] не могло быть, ибо политическіе интересы ихъ были не существенно противоположны. Мы видимъ, что въ 1139 г. [illegible] Белѣ Сл., не безъ содѣйствія чешскаго князя (Собѣслава), удалось расторгнуть союзъ между Конрадомъ и угорскимъ королемъ, при чемъ [illegible] дочь Белы Софія была помолвлена за малолѣтняго [illegible] сына и наслѣдника Конрада Генриха [1]. Но союзъ этотъ не [illegible]

[1]) См. выше, стр. 34—35.

въ себѣ никакихъ прочныхъ основаній и элементовъ. Бракъ помолвленной четы, какъ увидимъ потомъ, вовсе не состоялся, и уже тотчасъ по вступленіи на престолъ Гейзы добрыя отношенія оказываются нарушенными, а вскорѣ затѣмъ дальнѣйшій ходъ событій привелъ къ совершенному разрыву. Мы не знаемъ, какъ и когда именно начались взаимныя неудовольствія, но въ 1142 г. разладъ уже явно сказывается въ томъ, что въ чешской междоусобицѣ изъ-за престола Угрія поддерживаетъ притязанія Конрада Зноемскаго, а король Конрадъ — Владислава II. Но можетъ быть дружественныя отношенія были нарушены уже раньше? Конрадъ III съ самаго вступленія на престолъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Вельфами, сперва съ Генрихомъ Гордымъ (герц. Баварскимъ и Саксонскимъ † 1139), а потомъ съ его братомъ Вельфомъ VI — лишенными имъ владѣній. Примиреніе 1142 г. не положило конца борьбѣ, которая скоро опять возобновилась, и тутъ уже союзникомъ Вельфовъ, кромѣ Рожера сицилійскаго, оказывается угорскій король, поддерживающій ихъ деньгами [1]). Спрашивается, не началась ли подобная поддержка уже до 1142 г.? Для утвердительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ данныхъ, но что уже тогда (1140 — 41) Вельфы имѣли планъ и можетъ быть дѣлали попытки привлечь на свою сторону Угрію и Чехію — возведеніемъ на престолъ Конрада Зноемскаго вмѣсто Владислава II, — это болѣе чѣмъ вѣроятно. Если Угрія тогда на дѣлѣ и не послѣдовала еще призыву Вельфовъ, то кор. Конрадъ всетаки имѣлъ причины не довѣрять ея пріязни.

Итакъ начало царствованія Гейзы или вѣрнѣе правленіе регентства ознаменовалось, если не прямымъ, то косвеннымъ нарушеніемъ заключеннаго столь недавно союза съ нѣмецкимъ королемъ и наступленіемъ враждебныхъ отношеній [2]). Эти отношенія, правда, не доходили еще до разрыва и объявленія войны — отчасти потому, что

---

[1]) Otto Fris. Chron., c. VII, 34 (Pertz, SS. XX. p. 266). Въ союзѣ съ Вельфами были еще Рожеръ сицилійскій и чешская оппозиція Конрада Зноемскаго. Срв. Historia Welforum Weingardensis (Pertz, SS. XXI, 468). О союзѣ Рожера съ Вельфомъ еще Gotifredi Viterbiensis Pantheon, p. XXIII, 48. (M. G. SS. XXII, 260).

[2]) Поэтому Гизебрехтъ (Gesch. d. d. Kaisertz. IV, S. 204 и 377) заблуждается, говоря о самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ между Угріей и Германіей въ первые годы (1141—1145) царствованія Гейзы II.

Конрадъ былъ слишкомъ занятъ другими дѣлами, но послѣдующія событія показали, что Нѣмцы были готовы воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для враждебнаго выступленія противъ Угріи.

По мѣрѣ охлажденія отношеній угро-нѣмецкихъ обострялись постепенно и отношенія новаго угорскаго правительства къ другому члену союза имперій — къ Византіи, міръ съ которой и при Бѣлѣ, какъ мы видѣли выше, былъ также непроченъ и неискреневъ. Византійская имперія не могла помириться съ фактомъ распространенія угорской власти въ сѣверозападной части Балканскаго полуострова, нарушавшимъ историческія права самой имперіи и грозившимъ ей въ будущемъ; она съ основательными опасеніями смотрѣла и на сближеніе и родственную связь своего славянскаго вассала, сербскаго великаго жупана съ угорскимъ королевскимъ домомъ и справедливо подозрѣвала въ первомъ серіозныя стремленія къ пріобрѣтенію политической самостоятельности. Сильные и искусные Комнины поставили себѣ задачей возвратить своей имперіи прежнее ея могущество и авторитетъ вмѣстѣ съ потерянными частями ея владѣній въ Европѣ и Азіи, однимъ словомъ возстановить все то, что было утрачено и упущено въ предшествовавшую эпоху бѣдствій, крайняго униженія и истощенія силъ имперіи. Мужественный воинъ и вмѣстѣ тонкій политикъ Іоаннъ Комнинъ скоро уже успѣлъ достигнуть блестящихъ результатовъ какъ на военномъ, такъ и на политическомъ поприщѣ — въ дѣлѣ усиленія восточной имперіи; слава и обаяніе греческаго оружія были въ полной мѣрѣ возстановлены въ Малой Азіи и Сиріи: оно внушало подобающій страхъ и Туркамъ-сельджукамъ и латинскимъ рыцарямъ-крестоносцамъ. Главныя силы имперіи были направлены именно въ ту сторону, но не упускались изъ виду и европейскія дѣла и отношенія, впрочемъ тѣсно связанныя съ событіями азіатскими, и здѣсь на западѣ преслѣдовались опредѣленныя политическія задачи, завязывались сношенія и строились планы, заключались выгодные союзы...

На первомъ планѣ были конечно дѣла италіянскія, политика относительно Норманновъ — въ связи съ видами на возвращеніе утраченныхъ южноиталіанскихъ владѣній, и этимъ цѣлямъ долженъ былъ служить союзъ съ западной имперіей, заключенный

сперва съ императоромъ Лотаремъ и возобновленный потомъ съ Конрадомъ III. Но и Угрія, становившаяся все болѣе опасною сосѣдкою, не мало занимала Іоанна Комнина. Надо было обезпечить себя и съ этой стороны, и лучшимъ средствомъ къ тому представлялось пріобрѣтеніе вліянія во внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ Угріи. Такими соображеніями и задачами руководился безъ сомнѣнія Іоаннъ К., давая у себя пріютъ и почётъ сперва несчастному Альму, брату коломанову (впрочемъ и родственнику своему), а затѣмъ принимая у себя и женя на своей родственницѣ угорскаго претендента Бориса Коломановича (ок. 1131 года). Первый изъ этихъ фактовъ послужилъ даже поводомъ къ войнѣ съ угорскимъ королемъ Стефаномъ II, оскорбленнымъ непріязненнымъ и коварнымъ образомъ дѣйствія византійскаго императора. Война эта, какъ мы знаемъ, не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій, но съ той и другой стороны остались чувства раздраженія и скрытаго недовѣрія, а пріёмъ, оказанный Борису Коломановичу въ Византіи уже послѣ этой войны, не могъ не произвести большого, конечно самаго неблагопріятнаго впечатлѣнія въ Угріи, даже на миролюбиваго Бѣлу, хотя впрочемъ его соперникъ тогда еще и не получилъ дѣятельной поддержки у Іоанна.

Съ перемѣной на угорскомъ престолѣ, т. е. со смертію Бѣлы II-го и съ переходомъ власти въ руки королевы Елены и серба бана Бѣлуша, отношенія угро-византійскія не только не могли улучшиться, но—по всему видно—стали еще болѣе натянутыми. Гейза II вступилъ на престолъ въ началѣ 1141 года, когда переговоры между Византіей и Германіей о союзѣ были уже въ ходу, а въ началѣ слѣдующаго 1142-го уже былъ скрѣпленъ брачнымъ договоромъ этотъ союзъ Іоанна К. съ Конрадомъ III. Если главнымъ мотивомъ его было соединеніе силъ противъ общаго южноиталіанскаго врага, Рожера II сицилійскаго [1]), то всеже позволительно думать, что при этомъ имѣлись въ виду еще и другіе недруги обѣихъ имперій, между которыми не послѣднее мѣсто занимала отдѣлявшая ихъ другъ отъ друга сосѣдка Угрія. Мы не знаемъ, какъ императоръ Іоаннъ предполагалъ держать себя по отношенію къ послѣдней и не замы-

---

[1]) См. письмо Конрада III къ Іоанну въ нач. 1142 г. Otto Frising. Gesta Fr., I, 23 (Pertz, SS. XX, p. 363).

шлялъ ли чего-нибудь послѣ своего сближенія съ Конрадомъ. Судьба однако не дала ему ни пожать плодовъ новаго союза, ни даже дождаться условленнаго брака своего сына съ нѣмецкой принцессой. Онъ умеръ въ апрѣлѣ 1143 г. во время одного похода въ Киликію, оставивъ престолъ и возвеличенное имъ царство младшему сыну своему Мануилу.

Главный интересъ занимающей насъ эпохи угорской исторіи,— эпохи, полной чрезвычайно важныхъ, знаменательныхъ и поучительныхъ явленій, сосредоточивается по преимуществу именно на политической дѣятельности императора Мануила въ отношеніи къ Угріи, а потому вступленіе его на престолъ было фактомъ первостепенной важности для сѣверной сосѣдки имперіи, а личность новаго императора невольно останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе изслѣдователя этого періода исторіи Угріи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Мануилъ съ полнымъ правомъ можетъ быть причисленъ къ замѣчательнѣйшимъ государямъ Византіи и вообще средневѣковой Европы. Царствованіе его ознаменовалось рядомъ блестящихъ военныхъ и политическихъ успѣховъ, какихъ давно не имѣла Византія: продолжая дѣло отца, онъ поднялъ восточную имперію на небывалую степень внѣшняго могущества и вліянія. Это вліяніе чувствовалось и признавалось одинаково въ Европѣ и Азіи: отъ береговъ Рейна — съ одной стороны и восточныхъ окраинъ Руси— съ другой до далекихъ предѣловъ Сиріи и Палестины. Но, чтобъ быть справедливымъ, надо признать вмѣстѣ съ тѣмъ, что этой силой и этими успѣхами византійская имперія обязана не столько истинной политической мудрости императора, какимъ-либо особымъ его государственнымъ доблестямъ или наконецъ исключительному военному таланту, сколько нѣкоторымъ особенно выдающимся свойствамъ его характера и темперамента, которыя рядомъ съ природною ловкостью и хитростью и съ блестящими дарованіями дѣлали его, правда, личностью и героическою и съ внѣшней стороны даже обаятельною, но однакожъ въ своей крайности составляли вмѣстѣ и слабость его и были причиной его частыхъ и вредныхъ для дѣла увлеченій... Одаренный отъ природы дѣйствительно блестящими способностями и получивъ прекрасное образованіе не одно политическое, но и научное (богословское), Мануилъ не только не уступалъ отцу,

но отчасти и превосходилъ его въ дипломатическомъ искуствѣ, энергіи и рѣшительности характера, неутомимости и настойчивости въ дѣятельности, — при всемъ этомъ однакожъ онъ отличался отъ отца свойствами, которыя, если и способствовали его личной славѣ и вліянію, то государству принесли положительно болѣе вреда, чѣмъ пользы. Это были его чрезвычайно пылкій, страстный и увлекающійся темпераментъ, крайнее честолюбіе, славолюбіе и самонадѣянность, постоянное увлеченіе слишкомъ широкими, мечтательными и непосильными замыслами, и неутолимая жажда внѣшнихъ успѣховъ, подвиговъ и политическаго вліянія. Справедливо замѣчено, что многими чертами своего характера, равно какъ и въ усвоенныхъ имъ внѣшнихъ пріёмахъ и обращеніи, Мануилъ приближался скорѣе къ типу современныхъ западноевропейскихъ рыцарей, съ которыми, какъ извѣстно, и сходился такъ легко, какъ никто другой изъ византійскихъ монарховъ, и которымъ очень любилъ подражать. Но и это пристрастіе къ иноплеменникамъ, ко всему западному, имѣло для Византіи къ сожалѣнію только печальныя, можно сказать— роковыя послѣдствія.

Стремясь возвеличить имперію, Мануилъ не умѣлъ вникать въ истинные государственные и народные потребности и интересы, а увлекался широкими политическими задачами и мечтами на западѣ и на сѣверѣ, тратилъ на нихъ всѣ силы и средства имперіи, а въ концѣ концевъ достигъ результатовъ совершенно противоположныхъ тому, чего добивался. Каковъ онъ былъ въ политикѣ, таковъ былъ и въ военномъ дѣлѣ: личная его храбрость и геройство поражали современниковъ; въ походѣ онъ держалъ себя какъ простой солдатъ, готовъ былъ на всякія лишенія и даже вопреки благоразумію подвергалъ свою жизнь опасности, но ему рѣшительно недоставало предусмотрительности, мудрой осторожности и другихъ необходимыхъ дарованій и свойствъ полководца, безъ которыхъ одна смѣлость и рѣшительность могутъ быть только вредны. И дѣйствительно, византійской имперіи пришлось испытать на себѣ послѣдствія несдержанности Мануила и въ этомъ отношеніи... Есть голоса, которые обвиняютъ Мануила еще въ несправедливости и нечестности (политической) и въ томъ, что онъ вносилъ всюду (т. е. въ политическія и международныя отношенія) одну только смуту и своимъ вмѣшательствомъ вездѣ

нарушалъ покой [1]). Но дѣло въ томъ, что это обвиненіе затрогиваетъ не столько личность Мануила, сколько сущность и характеръ византійской политики вообще. То, что здѣсь разумѣется, т. е. такіе дипломатическіе пріёмы и средства, какъ всяческая политическая интрига, подкупъ, возстановленіе однихъ своихъ враговъ и сосѣдей противъ другихъ и возбужденіе усобицъ среди иноплеменниковъ, т. е. „варваровъ“ — съ цѣлью ихъ ослабить и т. п., все это издавна было въ традиціяхъ византійской внѣшней политики и считалось высшею политическою мудростью (вспомнимъ наставленія Константина Багрянороднаго своему сыну!), и если императоръ Мануилъ не только не гнушался такими пріёмами, но напротивъ съ особеннымъ искуствомъ ими пользовался и основывалъ на нихъ все свое политическое вліяніе и успѣхи, то онъ оставался лишь вѣренъ старымъ традиціямъ византійской политики [2]).

Точно также трудно вмѣнять ему въ особое преступленіе — ту несогласную съ нашими нравственными понятіями невоздержность въ удовлетвореніи своихъ страстей, тѣ роскошь и наслажденія, которымъ онъ предавался въ мирное и досужее время — въ своей столицѣ. Господствовавшая въ тогдашнемъ византійскомъ дворѣ испорченность и распущенность нравовъ слишкомъ извѣстны. Мануилъ былъ въ этомъ отношеніи лишь сыномъ своего вѣка и современнаго ему общества. Смягчающимъ для него обстоятельствомъ можетъ служить то, что неограниченная власть монарха и всѣ ея искушенія достались на его долю еще въ очень молодые годы, когда порывы молодости еще не улеглись и характеръ еще не остепенился... Но пока достаточно о личности Мануила. Исторія его отношеній къ Угріи выяснитъ намъ ее еще лучше [3]).

---

[1]) Fessler, o. c. B. II, S. 76.

[2]) Эта политика Мануила въ специіально-византійскомъ духѣ рельефно обрисована его современникомъ Евстаѳіемъ Солунскимъ въ посвященной ему надгробной рѣчи. См. Tafel, Eustathii Opuscula, Frankf. 1832: Manuelis Comneni Imp. laudatio funebris, p. 199 — 200, c. 17—19. Срв. русское извлеченіе у Успенскаго, Обр. втор. Болг. ц., стр. 67—70. Также у Никиты Хоніата, Nic. Chron. VII, 1, p. 260.

[3]) Обильный матеріалъ для характеристики Мануила мы находимъ въ сочиненіяхъ византійцевъ Киннама и Никиты Хоніата, а также у Вильгельма Тирскаго и нѣкоторыхъ иныхъ западныхъ современныхъ писателей.

Первые годы своего правленія (1143—46) Мануилъ посвятилъ продолженію военныхъ дѣлъ своего отца въ Азіи противъ крестоносныхъ владѣтелей (Раймунда Антіохійскаго) и Турокъ-сельджуковъ, и съ честью поддерживалъ тамъ авторитетъ Византіи и обаяніе ея оружія. Но европейскія событія отозвали его скоро оттуда.

Посмотримъ же, что творилось въ это время, т. е. съ 1143 г. на западныхъ и восточныхъ границахъ Угріи и въ ней самой и какими событіями былъ подготовленъ и вызванъ разрывъ послѣдней съ нѣмецкимъ сосѣдомъ вмѣстѣ съ выступленіемъ вновь на историческую сцену все того же претендента на угорскій престолъ, безпокойнаго Бориса Коломановича, уже надѣлавшаго Угріи столько бѣдъ и готовившаго ей не менѣе хлопотъ въ ближайшемъ будущемъ.

Чешскія внутреннія дѣла и политика Владислава II, желавшаго обезпечить себя со стороны Угріи въ своей борьбѣ съ оппозиціей чешско-моравскихъ князей, играютъ здѣсь первенствующую роль. Мы видѣли, что остается подъ сомнѣніемъ, оказали ли Угры дѣятельную помощь Конраду Зноемскому въ его походѣ противъ Владислава (1142); но во всякомъ случаѣ регентство поступало весьма осторожно и очевидно не намѣрено было слишкомъ впутываться въ дѣла чешскія, ибо въ 1143 г., когда Владиславъ совершалъ свою месть надъ мятежными князьями — предпринявъ опустошительный походъ въ Моравію [1]), Конрадъ Зноемскій не получилъ никакой помощи изъ Угріи. Что онъ однако не отчаивался въ этой помощи—это доказываютъ его послѣдующія смѣлыя предпріятія.

Не одни впрочемъ западныя дѣла и отношенія занимали въ то время Угрію. Извѣстія, имѣющіяся у насъ о ея участіи въ дѣлахъ Руси въ 1144 г., краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что угорскіе правители устремляли одинаково свое вниманіе и на востокъ и дорожили своими отношеніями къ сосѣдней Руси. В. к. Ярополкъ

Не мало замѣчаній и мыслей къ характеристикѣ Мануила встрѣчается въ спеціальныхъ и цѣльныхъ трудахъ по византійской исторіи (Тафеля, Гопфа, Финлея, Герцберга и др.), въ сочиненіяхъ о второмъ крестовомъ походѣ, о западной политикѣ Мануила. Въ русской ученой литературѣ—особенно въ монографіяхъ гг. Васильевскаго и Успенскаго, на которыя намъ еще часто придется ссылаться въ теченіе работы.

1) Dudik, III, S. 153—154.

Владиміровичъ передъ своею смертію (1139 г.) пользовался угорскою помощью въ борьбѣ съ Ольговичами. Но уже по этой причинѣ такихъ же дружественныхъ отношеній между Угріей и преемникомъ Ярополка Всеволодомъ Ольговичемъ (1139—1146) не могло быть. Угорскіе короли явно держали сторону Мономаховичей. Между тѣмъ раздоры и междоусобія между князьями русскими все только усложнялись и принимали все бо́льшіе размѣры, естественно подавая поводъ къ вмѣшательству иноземцевъ, которыхъ часто спѣшили призывать сами князья — одни противъ другихъ.

Въ 1144 г. всю галицкую землю соединилъ подъ своею властью предпріимчивый и хитрый князь Владимірко — по смерти своего брата Ростислава и двоюродныхъ братьевъ Васильковичей, изгнавъ передъ тѣмъ своего племянника Ивана Ростиславича — знаменитаго „Берладника" изъ его удѣла. Онъ покушался и на Владимірскую область, гдѣ сидѣлъ сынъ великаго князя Всеволода Ольговича (Святославъ), и изъ-за этого вызвалъ на борьбу кіевскаго в. князя, отославъ ему такъ называемую „крестную" (присяжную) грамоту [1]). Всеволоду удалось уговорить къ походу общими силами противъ Владимірка другихъ русскихъ князей, а также своего зятя князя польскаго Владислава. Противники сошлись на берегахъ рѣки Серета, но до битвы дѣло не дошло, ибо отрѣзанный искуснымъ маневромъ отъ Перемышля и Галича Владимірко долженъ былъ вступить въ переговоры съ великимъ княземъ и помирился съ нимъ черезъ всеволодова брата Игоря [2]). Вотъ тутъ-то на сторонѣ Владимірка является вспомогательное войско Угровъ, и притомъ не какое-нибудь наёмное: самъ правитель, дядя короля банъ Бѣлушъ пришелъ на помощь къ галицкому князю, какъ свидѣтельствуетъ русская лѣтопись [3]). Это

---

[1]) Ипатск. лѣт., 1144 г. (стр. 225): Въ тоже лѣто роскоторостася Всеволодъ с Володимѣркомъ про сына, оже сѣде сынъ его Володимирп, и почаста на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестьную, Всеволодъ же с братьею иде на нь.

[2]) Ипат. л., тамъ же; Лѣтоп. по Лаврент. сп., подъ тѣмъ же 1144 г. (стр. 295—96). Срв. Карамзинъ, II, стр. 211—213; Соловьевъ, II, стр. 116—117.

[3]) Лавр. лѣт. (295): ....„И выйде противу имъ Володимеръ, весь совкупивъся, къ Теребовлю, и Угры приведъ, Бана королева уя, и не могоша битися .... " Ипатск. л.: ...„а Угры приведшю ему къ собѣ въ помочь, и быша ему нѣ на кую же ползу."

участіе во внутреннихъ дѣлахъ Руси характеризуетъ тогдашнюю политику Угріи и то значеніе, которое придавала она этимъ отношеніямъ.

Но эта угорская помощь галицкому князю противъ кіевскаго в. князя и его приверженцевъ обращаетъ на себя наше вниманіе и въ другомъ отношеніи: въ числѣ князей—союзниковъ Всеволода противъ Владимірка были и Мстиславичи, его шурья и будущіе шурья короля Гейзы, Изяславъ князь переяславскій и Ростиславъ смоленскій [1]). Если Угры (подъ начальствомъ самого бана Бѣлуша) помогали противъ нихъ Владимірку, то кажется позволительно сдѣлать изъ этого заключеніе, что въ то время (1144) ихъ сестра и свояченица Всеволода Евфросинья Мстиславна не была еще за Гейзой, да и помолвки безъ сомнѣнія еще не было. Только послѣ 1144 года могла зайти рѣчь объ этомъ бракѣ.

Въ Моравіи между тѣмъ Конрадъ Зноемскій со своими приверженцами не думалъ смириться передъ Владиславомъ и очевидно по прежнему питалъ враждебные противъ него замыслы. Его упорство и смѣлость трудно объяснить чѣмъ-либо инымъ, какъ только твердой надеждой на поддержку со стороны сильныхъ внѣшнихъ союзниковъ. Изъ предшествующаго мы уже знаемъ, на кого именно расчитывалъ Конрадъ. Его дѣло было связано съ политическимъ положеніемъ и внутренними событіями въ самой Германіи, съ отношеніями угро-нѣмецкими и чешско-нѣмецкими. Со времени соглашенія Конрада III съ Вельфами, по которому сынъ умершаго Генриха Гордаго — Генрихъ Левъ удовольствовался герцогствомъ саксонскимъ, отказавшись отъ Баваріи, которая была предоставлена маркграфу австрійскому Генриху *Язомирготу* [2]) (прав. съ 1141 г.), женившемуся на вдовѣ Генриха Гордаго Гертрудѣ († 1143), борьбу за вельфскія права на Баварію, слѣдовательно съ герцогомъ Генрихомъ Язомирготомъ, продолжалъ дядя Генриха Льва Вельфъ VI. Борьба эта, утихая лишь на время, не прекращалась впол-

---

[1]) Ипат. л., тамъ же: ...„Всеволодъ съ братома, съ Игоремъ, Святославомъ, Давыдовиць Володимиръ и Вячеславъ Володимеричь, Мьстиславича два, Изяславъ, Ростиславъ и Святославъ Всеволодичь..." и проч.

[2]) Это прозвище „Jasomirgott", по стар. написанію „Jochsamergott"— онъ получилъ ради любимой имъ поговорки. Срв. J. Sporschil, Gesch. d. Entstehens der Oesterr. Monarchie (Leipz. 1843), B. I, S. 128.

нѣ, выражаясь въ междоусобіяхъ сторонниковъ той и другой партіи. Въ 1145—46 гг. она происходила въ Баваріи—около Регенсбурга. Генриху Язомирготу приходилось вести ее противъ епископа регенсбургскаго Генриха, а вмѣстѣ съ тѣмъ отбиваться отъ его союзника, другого сосѣда своего герцога Оттокара Штирійскаго, тоже вельфскаго сторонника (и родственника),—и онъ въ свою очередь призвалъ на помощь своего зятя (т. е. женатаго на его сестрѣ Гертрудѣ) чешскаго князя Владислава II, преданнаго королю Конраду, который и не замедлилъ прислать помощь. Осада Регенсбурга Австрійцами и Чехами, начавшаяся еще въ 1145 году, длилась до лѣта 1146 г. [1]). Но у Вельфовъ былъ еще союзникъ, который насъ всего болѣе занимаетъ и которому принадлежала немаловажная роль въ нѣмецкихъ междоусобіяхъ. Оттонъ Фрейзингенскій, какъ извѣстно, братъ Генриха Язомиргота и близко стоявшій къ событіямъ, сообщаетъ прямо о томъ, что тутъ дѣйствовала Угрія — подкупомъ, денежной поддержкой внутреннихъ враговъ нѣмецкаго короля, т. е. конечно Вельфовъ, и дѣйствительно, это подтверждается также и другими извѣстіями [2]). Очень возможно, что она подкрѣпляла тѣмъ же способомъ и враговъ Генриха Язомиргота въ войнѣ 1145 г., т. е. гор. Регенсбургъ [3]) и Оттокара штирійскаго [4]).

Къ началу (янв.) того же 1145 г. относится одинъ изъ возмутительныхъ эпизодовъ чешской усобицы между Владиславомъ II и Конрадомъ Зноемскимъ,—грубое и дерзкое нападеніе сего послѣд-

---

[1]) Bernhardi, Konrad III, B. II, S. 480—482; Huber, Gesch. Oesterreichs, I, S. 245—246; срв. Dudik, o. c., S. 180—182.

[2]) Otto Fris. Chron., l. VII, 34 (Pertz, XX, 266): „Ecce enim inter nostrum et Ungarorum regnum, non solum isto militem instaurante, sed et illo multos ex nostris pecunia corrumpente, valida expectatur commotio.“ Histor. Welf. Weingartensis (Pertz, SS. XXI, 468): ...Item quoque rex Ungariae... Guelfonem ad se accersivit, dataque pecunia non modica, ac deinceps omni anno dandam pollicens, ad debellandum nichilominus instigat. Bernhardi (ib. 498) относитъ эти извѣстія ко времени угро-нѣмецкой войны 1146 г.

[3]) Не забудемъ, что съ Регенсбургомъ у Угріи были довольно близкія отношенія: вѣдь жена короля угорскаго Стефана II была изъ семьи бургграфовъ Регенсбургскихъ: а затѣмъ въ томъ городѣ еще пребывала тогда невѣста конрадова сына, сестра короля Гейзы II Софія—именно въ домѣ тѣхъ же бургграфовъ. См. цитов. статью Jaksch'a, Mittheil. d. Inst. d. österr. Geschforsch. II Ergänzungsband, H. II, (1888), S. 363—4.

[4]) Sporschil, o. c., S. 127.

няго со своими приверженцами на выдающагося церковнаго дѣятеля епископа оломуцкаго Генриха (иначе Здика) и покушеніе на его жизнь въ отмщеніе за его дѣятельность въ пользу князя Владислава II въ 1142 г. Нападеніе было предательски совершено на границѣ Моравіи, когда епископъ Генрихъ предпринялъ путешествіе въ Римъ въ сопровожденіи князя оломуцкаго Оттона III. Впрочемъ послѣдняго тогда еще не было съ Генрихомъ; епископъ избѣгъ смерти рѣшительно какимъ-то чудомъ [1]). Чтобы отважиться на такое преступное дѣло очевидно политическаго свойства, ибо Конрадъ руководился безъ сомнѣнія не однимъ чувствомъ мести, но и расчётомъ — пострадавшій былъ большой помѣхой его планамъ, — надо было чувствовать себя сильнымъ, если не собственными средствами, то чьей-либо поддержкой. О существованіи таковой, и именно со стороны родственнаго ему угорскаго королевскаго дома было уже говорено.

Другой силой, не только посвященной въ замыслы Конрада Зноемскаго, но по всей вѣроятности и поощрявшей его, были конечно Вельфы, которымъ торжество Конрада могло доставить важнаго и надёжнаго союзника въ предпринятой борьбѣ съ Гогенштауфенами. Есть одно обстоятельство, которое бросаетъ достаточный свѣтъ на эту связь чешской оппозиціи съ Вельфами. Неслыханное злодѣяніе не могло быть оставлено безъ строгаго наказанія, которое и было поручено папой духовной и свѣтской власти. Между виновыми, подвергнутыми церковному наказанію (экскоммуникаціи), оказывается Депольдъ, братъ Владислава II [2]), бывшій въ 1142-мъ году его вѣрнымъ союзникомъ. Какъ же онъ могъ теперь очутиться въ оппозиціи? Эта измѣна брату, по вѣрному заключенію моравскаго историка, можетъ быть объяснена только связью, существовавшею между пред-

---

[1]) Подробный и любопытный разсказъ объ этомъ прискорбномъ эпизодѣ находимъ въ хроникѣ Викентія Пражскаго: Ann. Vincent., ad a. 1145 (Font. R. B., II, p. 414 — 416). Срв. Dudik, ib. S. 167 — 171. См. о немъ же и о мѣстѣ нападенія изысканіе Шемберы: O úkladném útoku, jejž učinil Kunrat, kníže Znojemský, na Olomouckého biskupa Jindřicha Zdika roku 1845, гдѣ между прочимъ доказывается, что Оттонъ, князь оломуцкій, не былъ при происшествіи. Časop. Mus. česk., č. 49 (1875), str. 47—81, 58—59.

[2]) Объ его участіи узнаемъ изъ двухъ грамотъ папы Евгенія III отъ 1145 и 1146 г. См. Codex dipl. Mor. (Boček) I, 235 и 246, срв. Šembera, ibid., str. 57—58.

пріятіями чешской оппозиціи и дѣлами германскими, а именно интересами Вельфовъ, съ которыми Депольдъ былъ въ личныхъ отношеніяхъ. Дѣло въ томъ, что Депольдъ былъ по женѣ (изъ рода Wittelsbach) въ родствѣ съ Вельфами, которые такимъ образомъ и имѣли полную возможность переманить его на сторону Конрада Зноемскаго [1]. Итакъ въ 1145 г. политическое положеніе еще оставалось неопредѣленнымъ. Если въ Германіи Вельфы еще не считали своего дѣла потеряннымъ, то и въ Чехіи Владиславъ не могъ быть еще спокоенъ: чтобы обезопасить себя дома, надо было отнять у своего соперника всякую надежду на внѣшнюю помощь.

Итакъ наилучшее, къ чему могла быть направлена политика чешскаго князя, т. е. Владислава II, было отвлечь въ другую сторону силы и вниманіе той державы, которая составляла опору его враговъ, т. е. занять чѣмъ-нибудь Угрію. Съ этой точки зрѣнія появленіе въ томъ же 1145 г. вновь на исторической сценѣ, и именно при дворѣ чешскаго князя, угорскаго претендента — непризнаннаго королевича Бориса Коломановича — представляется какъ нельзя болѣе понятнымъ и своевременнымъ. Владиславъ, какъ увидимъ, оказывается въ роли его покровителя и ходатая о его дѣлѣ передъ нѣмецкимъ королемъ Конрадомъ III, какъ извѣстно, своимъ довольно близкимъ родственникомъ [2].

Нечего и говорить, что Борисъ былъ весьма удобнымъ орудіемъ въ рукахъ враговъ угорскаго государства. Послѣднее не могло смотрѣть равнодушно на это новое выступленіе на политическую арену того лица, притязанія и предпріимчивость котораго такъ дорого стоили ему въ предыдущее царствованіе. Эта была большая угроза внѣшнему и внутреннему миру Угріи. Говоримъ и *внутреннему*, ибо Борисъ Коломановичъ еще имѣлъ повидимому очень многихъ приверженцевъ въ самой Угріи, на которыхъ онъ, какъ извѣстно, опирался и при Бѣлѣ Слѣпомъ. Будучи по матери (Евѳиміи Владиміровнѣ) и по воспитанію *русскій*, онъ лично естественно могъ пользоваться

---

[1] Dudik, o. c., S. 180, 182—3.

[2] Жена Владислава Гертруда, сестра Генриха Язомиргота, была сводная сестра Конрада III-го — отъ той же матери Агнесы (дочери Генриха IV), но отъ другого отца. Срв. Dudik, ibid., S. 124; Huber, o. c. S. 242. Другая сестра ея Агнеса была за Владиславомъ II польскимъ (съ 1140 г.).

нѣкоторымъ сочувствіемъ въ значительной части населенія Угріи, а именно въ русскомъ населеніи сѣверной и восточной Угріи, а отчасти и у другихъ угорскихъ Славянъ. Кромѣ того, выступая теперь подъ покровительствомъ Нѣмцевъ и вообще запада, Борисъ могъ вѣроятно расчитывать на содѣйствіе и той партіи западнаго и нѣмецкаго вліянія, которая въ ту пору была уже довольно сильна въ Угріи и составляла элементъ оппозиціонный — при вступленіи на престолъ Гейзы и при управленіи за него государствомъ славянина-серба Бѣлуша. Обращеніе Бориса за помощью къ Нѣмцамъ могло казаться этой партіи ручательствомъ, что онъ, и ставъ государемъ угорскимъ, останется вѣренъ Нѣмцамъ и доставитъ ея коноводамъ власть и вліяніе въ Угріи. Вообще всѣ элементы, не расположенные къ юному наслѣднику Бѣлы Слѣпого и почему-либо недовольные временнымъ правительствомъ, легко могли быть увлечены въ пользу Бориса и такимъ образомъ облегчить ему достиженіе его замысловъ. Итакъ смотрѣть безъ опасеній на появленіе и происки Бориса въ Германіи угорское регентство конечно не могло. Событія не замедлили оправдать эти опасенія.

Но теперъ посмотримъ, какимъ образомъ Борисъ Коломановичъ сошелся съ чешскимъ княземъ Владиславомъ II и очутился подъ его покровительствомъ. Судьба этого претендента и искателя приключеній до 1135, когда отъ поддержки его отказался Болеславъ польскій (на Мерзебург. сеймѣ), намъ уже извѣстна [1]. Въ этомъ году Борисъ сходитъ со сцены, и всякія извѣстія о немъ прекращаются до 1145 г., или пожалуй точнѣе до нач. 1146 г. Гдѣ онъ находился или странствовалъ въ теченіе этихъ 10 лѣтъ — мы совершенно не знаемъ. Онъ могъ жить и въ Польшѣ при дворѣ своего благопріятеля Болеслава III Кривоустаго († 1139), и въ Византіи, откуда была родомъ его жена [2], или наконецъ у своихъ родственниковъ на Руси; но во всякомъ случаѣ онъ на время отказался отъ

---

[1]) Извѣстія объ немъ собраны и критически провѣрены В. Г. Васильевскимъ въ Приложеніи II къ его статьѣ: „Изъ исторіи Византіи въ XII в.“ въ Слав. Сбор. (II), на которое мы уже не разъ имѣли случай ссылаться.

[2]) О его бракѣ съ родственницей Іоанна Комнина сообщаютъ Киннамъ, L. III, p. 117 и Оттонъ Фрейзингенскій Chron., l. VII, c. 21 (p. 259).

своихъ плановъ, такъ какъ Угрія была въ мирѣ съ сосѣдями и обстоятельства не благопріятствовали его видамъ: ни Польша, ни Византія, ни Русь не были нисколько расположены вступать въ борьбу съ Угріей только изъ-за притязаній Бориса. Но послѣдній конечно не унывалъ—это не было въ его характерѣ—и ждалъ лишь терпѣливо той поры, когда въ немъ можетъ оказаться надобность. Онъ навѣрно зорко слѣдилъ за политическими событіями, и обострившіяся съ 1141 г. отношенія Угріи къ западнымъ сосѣдямъ—къ Нѣмцамъ и къ Владиславу чешскому легко могли ему внушить мысль попытать счастья на западѣ. Въ помощи славянскаго востока онъ уже почти разочаровался— тѣмъ болѣе, что какъ разъ къ этому времени (1145), какъ мы полагаемъ, должно относить брачные переговоры, а затѣмъ и бракъ Гейзы съ русской княжной—внучкою Мономаха, т. е. съ тѣмъ именно княжескимъ родомъ, изъ котораго произошелъ и Борисъ [1]. У насъ впрочемъ нѣтъ данныхъ для рѣшенія вопроса, собственному ли почину Бориса слѣдуетъ приписать исканіе помощи на западѣ для новаго задуманнаго имъ предпріятія, или починъ принадлежалъ этому западу, именно Владиславу чешскому, желавшему создать политическія затрудненія для Угріи, и Борисъ былъ вызванъ откуда-то лишь какъ подходящее орудіе; но по крайней мѣрѣ мы располагаемъ кое-какими указаніями, бросающими свѣтъ на то, почему Борисъ началъ дѣйствовать именно черезъ посредство Владислава, или какимъ образомъ Владиславъ завязалъ съ нимъ сношенія, если именно онъ затѣялъ все дѣло.

Самъ собою напрашивается вопросъ, не существовало ли именно въ то время какихъ-либо сношеній между Чехіей и Русью, которыя могли привести Бориса ко двору чешскаго князя? Дѣйствительно, современныя извѣстія даютъ нѣкоторыя указанія на такія сношенія и позволяютъ намъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько догадокъ.

Выше было упомянуто о едва не пострадавшемъ вмѣстѣ съ архіепископомъ Генрихомъ въ 1145 г. оломуцкомъ князѣ Оттонѣ III. Судьба этого князя довольно интересна. Происходя изъ моравской линіи Премысловичей, онъ по смерти своего отца Оттона II

---

[1]) Мать Бориса Евфимія Владиміровна умерла уже въ 1139 г., см. Ипат. лѣт., стр. 216.

претендента на чешскій простолъ, погибшаго въ борьбѣ противъ Собѣслава въ 1126 г., не могъ ни на что болѣе расчитывать и долженъ былъ оставить родину. Та же участь постигла и всю семью Оттона II. Оттонъ III, которому было тогда не болѣе 9-ти лѣтъ, нашелъ убѣжище на Руси [1]), гдѣ и пробылъ до 1141 года, когда вступившій на чешскій престолъ Владиславъ II, его двоюродный братъ — ибо ихъ отцы Владиславъ I и Оттонъ II были женаты на родныхъ сестрахъ [2]) — вызвалъ его по ходатайству епископа оломуцкаго Генриха и возвратилъ ему княжество оломуцкое [3]). Гдѣ именно прожилъ эти 15 лѣтъ князь Оттонъ, мы не знаемъ, но по всей вѣроятности онъ пребывалъ, можетъ быть и не короткое время — въ Польшѣ, у своей тётки Соломоніи, жены Болеслава III-го польскаго. Здѣсь-то онъ могъ познакомиться и сблизиться съ Борисомъ Коломановичемъ, своимъ человѣкомъ при дворѣ покровительствовавшаго ему Болеслава. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что онъ именно, т. е. Оттонъ, былъ посредникомъ въ сношеніяхъ Владислава II съ Борисомъ, котораго вѣроятно рекомендовалъ чешскому князю и своякъ его польскій князь Владиславъ II Болеславичъ (съ 1140 г.) [4]). Оттонъ могъ встрѣтиться съ Борисомъ и на Руси, гдѣ онъ (Оттонъ) безъ сомнѣнія тоже жилъ и имѣлъ связи. Здѣсь кстати будетъ высказать предположеніе и насчетъ этихъ связей. Дѣло въ томъ, что Владиславъ II чешскій нѣсколько позднѣе (1149 г.) оказывается въ свойствѣ („сватомъ") съ кн. Изяславомъ Мстиславичемъ. Объ этомъ свойствѣ мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ; а знаемъ только изъ русской лѣтописи, что братъ Изяслава Святополкъ Мстиславичъ новогородскій въ нач. 1144 г., т. е. передъ самой вышеописанной войной съ Владимірвомъ галицкимъ женился на какой-то княжнѣ, привезенной

---

[1]) Vincent. Ann., a. 1141. (Font. R. B. II, 409): „...v Rusich u vyhnanství dospěl až k letům jinošskym..."

[2]) Рихенцѣ и Софіи (доч. графа Бергскаго); третья сестра Соломонія была за мужемъ за Болеславомъ III польскимъ. Срв. Dudik, III, S. 15—16.

[3]) Vincent., ibid.; Let. Hrad.-Opatov., ib., p. 396 тоже сообщаетъ объ этомъ призваніи, но ошибочно называетъ Оттона—*Детлебомъ*. По всей вѣроятности Владиславъ расчитывалъ найти въ немъ дѣятельнаго сообщника противъ Владислава Собѣславича, отецъ котораго былъ врагомъ его отца (Оттона) и всей семьи.

[4]) Онъ былъ женатъ на Агнесѣ, сестрѣ Гертруды чешской и маркграфа Генриха Язомиргота.

11

изъ Моравiи [1]), и вѣроятно черезъ нее-то, родственницу князя Владислава II, этотъ послѣднiй и породнился съ Мстиславичами [2]). Мы позволимъ себѣ, кажется, не слишкомъ смѣлую догадку, что въ этомъ бракѣ Святополка Мстиславича съ моравскою княжною игралъ опять-таки роль князь Оттонъ III оломуцкiй, и притомъ такую, что новобрачною былъ ни кто другой, какъ его собственная сестра, вѣроятно Евфимiя, родившаяся въ 1115 г. [3]), и о судьбѣ которой ни въ чешскихъ, ни вообще въ западныхъ анналахъ никакихъ извѣстiй нѣтъ. Помолвлена могла быть эта чета еще до 1141 г., когда Оттонъ былъ еще на Руси и самъ могъ устроить этотъ союзъ; получивъ затѣмъ княжество оломуцкое, онъ въ 1143-мъ году снарядилъ свою сестру-невѣсту въ далекое путешествiе — въ Новгородъ. Евфимiя приходилась двоюродною сестрою Владиславу II-му, слѣдовательно черезъ нее — невѣстку Изяслава Мстиславича — онъ сталъ сватомъ послѣдняго.

Итакъ Оттонъ III былъ безъ сомнѣнiя виновникомъ или посредникомъ новыхъ связей Чехiи съ Русью. Теперь насъ занимаетъ прежде всего сближенiе Владислава II съ Борисомъ Коломановичемъ, въ которомъ мы тоже заподозрили его посредничество. Владиславъ чешскiй конечно не былъ въ состоянiи самъ оказать матерiальную помощь Борису, но онъ расчитывалъ заинтересовать въ немъ нѣмецкаго короля Конрада III, своего шурина, которому могло быть только выгодно всякое осложненiе и политическое затрудненiе, создаваемое для Угрiи, а тѣмъ болѣе, еслибъ предпрiятiе Бориса удалось. Конрадъ III былъ въ концѣ 1145 г. на сеймѣ въ Ахенѣ, гдѣ справлялъ и праздникъ Рождества, и оттуда въ началѣ января (не ранѣе 6-го) [4]) отправился въ Баварiю. Уже здѣсь или еще въ Ахенѣ

---

1) Соф. 1-ая лѣтоп. (П. С. Р. Л. (1851) т. V, стр. 158) къ г. 1143 (6651): „Оженися князь Святополкъ Всеволодичь (очевидно ошибка вмѣсто Мстиславичь) въ Новѣгородѣ, а княгиню приведе изъ Моравы“; Новгород. 1-ая лѣтоп. (тамъ же, т. III, стр. 9), подъ 6651 (1143) г.: „Въ томже лѣто оженися Святопълкъ Новѣгородѣ, приведе жену изъ Моравы, межи Рожествомь и Крещенiемь“. Бракъ совершился так. обр. между Рождествомъ 1143 г. и Крещенiемъ 1144 г. Срв. Карамзинъ т. II, стр. 110, прим. 282. Изяславъ былъ на свадьбѣ брата. См. Карамзинъ, тамъ же.

2) Карамзинъ, II, стр. 110, и прим. 318.

3) Letop. Hradišt.-Opatov. ad a. 1115. Font. R. B. II, p. 394.

4) На основанiи даты грамоты, см. Jaffé, Konrad III, S. 75, п. 16. Срв. Dudík, S. 206—7, прим.

(первое — скорѣе) — трудно сказать навѣрно вслѣдствіе не довольно яснаго выраженія хроники Оттона Фрейзингенскаго — явился къ нему Владиславъ чешскій въ сопровожденіи Бориса Коломановича и рекомендовалъ ему послѣдняго, усердно поддерживая его жалобныя мольбы о покровительствѣ и помощи для отвоеванія отцовскаго престола. Ходатайство Владислава и его жены Гертруды, сестры (сводной) короля, оказали свое дѣйствіе, и Борисъ былъ принятъ Конрадомъ благосклонно и получилъ обѣщанія [1]). Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что претендентъ пустилъ въ ходъ и деньги или посулилъ что-либо въ будущемъ, на что есть даже и лѣтописное указаніе [2]). Не забудемъ еще одного обстоятельства, которое могло также лично расположить Конрада къ Борису. Какъ извѣстно, Борисъ былъ въ родствѣ съ византійскимъ императоромъ, а какъ разъ въ то самое время, когда Конрадъ принималъ угорскаго претендента, т. е. въ январѣ 1146 г. въ Византіи справлялась свадьба молодого императора Мануила, за котораго была выдана свояченица Конрада Берта Зульцбахъ (т. е. сестра королевы Гертруды), получившая императрицей имя Ирины [3]), и этимъ бракомъ скрѣплялся союзъ обѣихъ имперій. Такимъ образомъ связи Бориса съ Византіей могли также имѣть вѣсъ въ глазахъ нѣмецкаго короля. Но въ чемъ же заключались обѣщанія или заступничество Конрада?

Такъ какъ никакой прямой поддержки или военной помощи съ его стороны не послѣдовало, то мы должны допустить, что его покровительство состояло въ томъ, что онъ одобрилъ предпріятіе

---

[1]) Otto Frising. Chron. l. VII, c. 34. (Pertz, XX, p. 266): „Rex quoque eadem nativitate in palatio Aquis celebrata, Baioariam ingreditur. Ibi eum Boemorum dux Labezlaus, supra nominatum Boricium secum ducens, adiit. Is flebili ac miserabili voce querimoniam suam de privatione paterni regni depromens, quatenus auctoritate imperiali, ad quam totius orbis spectat patrocinium, ei subveniatur deposcit, ejusque super hoc promissum interventu praedicti Boemorum ducis eiusque consortis Gerdrudis sororis regis, honesto intercedente placito impetravit.“ Выраженіе *ibi* можетъ быть относимо и къ Ахену, и къ Баваріи. В. Г. Васильевскій (указ. ст., 274) относитъ къ Ахену, Dudik (стр. 186—207) и Bernhardi, Konrad III, S. 465—къ Баваріи.

[2]) Ann. Admunt. (Pertz, SS. IX, 581): Porsa quidam patruelis regis Ungarorum Chunradum regem promissa pecunia flexit, ut regnum Ungariae patri illius ablatum sibi restitueret...

[3]) Otto Frising. Gesta Fr. Imp. lib. I, 23. Pertz, SS. XX, p. 363. Срв. Bernhardi, Konrad III, I, S. 415—416, 495.

Бориса и предоставилъ ему полную свободу найти себѣ дѣятельныхъ пособниковъ въ Германіи, а можетъ быть далъ ему и нѣкоторыя ближайшія указанія въ этомъ смыслѣ.

Самъ Конрадъ не рѣшился выступать въ роли возстановителя правъ коломанова сына на угорскій престолъ—во первыхъ потому, что у него и безъ того было достаточно дѣла и заботъ, хотя бы изъ-за Вельфовъ, съ которыми борьба не была еще кончена, а во вторыхъ и потому отчасти, что его еще связывали нѣсколько въ отношеніи къ Угріи—условія и слѣдствія его прежняго сближенія съ отцомъ Гейзы, и въ особенности можетъ быть то, что сестра послѣдняго Софія жила еще въ Регенсбургѣ - офиціально повидимому еще въ качествѣ невѣсты его сына, хотя въ дѣйствительности при нѣмецкомъ дворѣ ее уже не считали таковою, и въ ту же весну 1146 г. она удалилась въ Адмонтъ. Но дѣло Бориса было несомнѣнно близко сердцу германскаго короля и соотвѣтствовало вполнѣ его политическимъ интересамъ, состоявшимъ между прочимъ въ томъ, чтобъ чѣмъ-нибудь занять Угрію, и такимъ образомъ отвлечь ее отъ тайнаго союза съ Вельфами Поэтому можно безъ колебанія утверждать, что та поддержка, которую Борисъ вслѣдъ за тѣмъ нашелъ въ Баваріи и Австріи, явилась не безъ извѣстнаго вліянія самого Конрада [1]). Борису удалось именно заручиться содѣйствіемъ нѣсколькихъ князей пограничныхъ съ Угріей областей, безъ сомнѣнія и самого Генриха Язомиргота, на котораго могъ прямо влiять Владиславъ II, благодаря чему въ пользу него выступило нѣсколько нѣмецкихъ графовъ и приближенныхъ герцога баварскаго Генриха Язомиргота. Нѣмецкіе источники называютъ двухъ графовъ Германна (изъ Peugen) и Луитольда (изъ Plaien), людей и „министеріаловъ" герцога Генриха, а Туроцій — какого-то графа Рапольта (Ratbold?) [2]). Набравъ достаточно силь-

---

[1]) Не даромъ хорошо посвященный въ тогдашнюю политику Оттонъ Фрейзингенскій, братъ Генриха Язомиргота, прямо приписываетъ послѣдовавшія бѣдствія и неудачи Нѣмцевъ—отношенію Конрада къ дѣлу Бориса. Сказавъ объ обѣщаніяхъ, данныхъ послѣднему, онъ прибавляетъ: Ex hinc non solum inpraesentiarum perturbationes sentimus, sed et majores superventuras ex his aliisque argumentis formidando conicimus (Chron., l. VII, 34, SS. XX, p. 266).

[2]) Ann. Admunt. Contin. (M. G. IX, 581): a quo (т. е. Борисомъ) etiam persuasi quidam comites Herimannus et Luitoldus castrum Presburch fraude invaserunt in paschali ebdomada.—Cont. Claustroneoburg. sec. (ib. IX, p. 614): Ho-

ный отрядъ, эти нарушители мира въ концѣ марта 1146 года [1]) вторглись въ угорскія владѣнія, врасплохъ напали въ ночное время на городъ Пресбургъ, и благодаря какому-то графу Юліану [2]) легко захватили его, при чемъ гарнизонъ его частью былъ взятъ въ плѣнъ, частью истребленъ, частью разбѣжался [3]). Гейза, выступающій здѣсь впервые самолично (ему было тогда 15—16 лѣтъ, у Thurocz'а—*adolescens)*, узнавъ объ этомъ событіи, поспѣшилъ съ большимъ войскомъ на выручку Пресбурга, пославъ впередъ нѣсколькихъ вельможъ узнать у жителей, въ чемъ дѣло и что за причина вражескаго нападенія. Между тѣмъ жители повидимому искренно перешли на сторону Бориса: они отвѣчали посламъ Гейзы, что дѣло сдѣлано не ради римскаго государя (т. е. нѣмецкаго короля) и не ради герцога (т. е. Генриха), а ради ихъ законнаго государя Бориса [4]). Изъ этого отвѣта уже видно, что въ Угріи напротивъ знали хорошо, чья рука здѣсь

---

mines et ministeriales ducis Henrici... Otto Frising. (Gesta I, 30) просто говоритъ: quidam milites de Orientali marchia; см. Thurocz, c. 65, p. 179, 181 (Marci Chr., c. 70, p. 95): Rapolth vero miles Almanus, castrum Poson... ceperat. Далѣе Rapolt называется уже comes. Въ какомъ отношеніи этотъ Rapolt находится къ Герману и Луитольду нѣмецк. историка — рѣшительно не знаемъ. Имя нѣкаго Rapoto, министеріала гр. Эккеберта, попадается не разъ въ современныхъ грамотахъ (Urkundenb. des L. ob. d. Enns), но это насъ не подвигаетъ впередъ. О происхожденіи графовъ Германна и Луитольда см. Riezler, Gesch. von Baiern, Gotha, 1878, I, S. 644; 860, 866. Срв. объ этомъ Bernhardi, Konrad III, B. II, S. 496 и Hannenheim, Ungarn unter Bela II u. Geisa II (Hermannst. 1884), S. 27, пр. 54.

1) Это было передъ Пасхой. Срв. Dudik, l. c., S. 187, 207.

2) Thurocz, c. 65: Rapolt... castrum Poson ex industria et probitate Juliani comitis coeperat. Въ другихъ текстахъ стоитъ только: „ex probitate", а Toldy исправляетъ въ своемъ изданіи Marci Chronica (Pest, 1867 p. 95, n. 149) „probitate" въ „improbitate", но едва-ли не вполнѣ произвольно. По первому чтенію выходитъ, что городъ былъ взятъ благодаря доблести графа Юліана (принадлеж. къ Нѣмцамъ); а Toldy хочетъ видѣть въ немъ угорскаго графа, измѣнившаго своимъ и предавшаго городъ Нѣмцамъ,—основываясь вѣроятно на упоминаніи графа Юліана въ одной угорской грамотѣ 1157 г. (Fejér, Cod. Dipl. II, p. 146). Но едва-ли такого основанія достаточно. Срв. Hannenheim, ibid.

3) Otto Fris., Gesta, I, 30 (M. G. SS. p. 368): quidam milites ...Pannoniam latenter ingrediuntur, ac noctu castrum Bosan quod et Bresburc... ex improviso agressi capiunt, quibusdam comprehensis, nonnulis occisis, aliis per fugam elapsis...

4) Otto Fris., ibid: ...qui responderunt (oppidani), se nec pro Romanorum principe, nec pro duce suo hoc fecisse, sed pro domino suo Boricio.

орудовала, и конечно не ошибались. Получивъ столь неудовлетворительный отвѣтъ, Гейза немедленно осадилъ городъ.

Запертые въ осажденномъ городѣ Нѣмцы, ниоткуда не надѣясь получить помощи, ибо герцогъ (Генрихъ) былъ занятъ въ Баваріи, гдѣ продолжалась еще осада Регенсбурга, а самъ король Конрадъ былъ еще дальше—отвлеченный войной съ Польшей,—вступили въ переговоры съ Гейзой и, взявъ съ него клятвенное обѣщаніе въ уплатѣ 3000 марокъ серебра, сдали ему городъ и удалились [1]). Угры вернулись, опустошивъ земли австрійской марки по обѣ стороны Дуная [2]). Разсказывающій весь этотъ эпизодъ Оттонъ Фрейзингенскій ни словомъ не упоминаетъ однако объ участіи въ этой экспедиціи самого Бориса, о чемъ умалчиваютъ и другія нѣмецкія свидѣтельства. Вездѣ онъ является лишь виновникомъ или подстрекателемъ предпріятія (*Ann. Adm*: a quo persuasi...). Угорская же хроника (Туроцій) даже вовсе не говоритъ о Борисѣ, разсказывая объ этихъ событіяхъ. На этомъ основаніи мы въ правѣ предположить, что Борисъ изъ осторожности или еще не рискнулъ участвовать лично въ походѣ, или во́ время успѣлъ спастись—первое впрочемъ вѣроятнѣе,—и что Угры во всякомъ случаѣ его не видѣли. Еслибъ Борисъ находился въ Пресбургѣ при его осадѣ, то конечно Гейза его не выпустилъ бы изъ своихъ рукъ,—и тогда едва-ли бы ему сдобровать.

Между тѣмъ угорскій король, возмущенный нарушеніемъ мира и убѣжденный, что тутъ дѣйствовала рука герцога баварскаго, рѣ-

---

[1]) Все это разсказываетъ Оттонъ Фрейзингенскій, тамъ же, Gesta I, c. 30. Такъ обыкновенно понимаютъ это свидѣтельство: „mutuo colloquentes, accepto a rege sub iureiurando promisso trium milium librarum in pondere, castrum sibi reddunt.“ Только Ф е с с л е р ъ (II, S. 57) понялъ его въ смыслѣ выкупа, даннаго Нѣмцами за свою свободу; но приведенный текстъ не допускаетъ такого толкованія, впрочемъ и не правдоподобнаго. Thurocz=Marci Chron. (c. 70, p. 95) говоритъ: Quod (castrum Poson) Hungari non pro modica habuerunt penuria, и B e r n h a r d i (o. c., S. 497) удачно рекомендуетъ читать p e c u n i a вм. penuria; хотя и первое чтеніе не лишено смысла, срв. H a n n e n h e i m, o. c., S. 28, a. 55.—Слова Оттона: „eo quod dux in superioribus Baioariae partibus moraretur“ переданы Ф е с с л е р о м ъ (II, S. 57) такъ, что Борисъ изъ Пресбурга отправился куда-то за помощью, но очевидно ошибочно, ибо тутъ (dux) разумѣется явно не Борисъ, а Генрихъ Язомирготъ.

[2]) Contin. Zwetl. I. (M. G. SS. IX. 538) 1147 вм. 1146: Castrum Bresburc.... pro pecunia redditur. Ungari ea causa ex utraque parte Danubii terram nostram devastaverunt. Срв. Auctar. Zwetl., ib. p. 540.

шился отомстить и, собравъ огромное войско, объявилъ ему войну [1]). Эта война, состоявшая собственно въ одномъ только сраженіи, проигранномъ Нѣмцами, описана подробно все тѣмъ же Оттономъ Фрейзингенскимъ, братомъ герцога Генриха, который, какъ извѣстно, счёлъ полезнымъ и поучительнымъ предпослать этому разсказу — свои любопытныя и высокоцѣнныя замѣчанія объ Угріи и ея государственномъ устройствѣ, составленныя имъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій 1147 года [2]),—замѣчанія, на которыя мы имѣли уже и еще не разъ будемъ имѣть случай ссылаться. Другой, не менѣе достовѣрный разсказъ объ этой войнѣ, гораздо менѣе полный и обстоятельный, но довольно согласный съ первымъ и его дополняющій — мы находимъ въ старой угорской хроникѣ [3]).

По всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ дѣло было такъ. Осенью король Гейза выступилъ съ 70,000-мъ войскомъ къ западной границѣ своей земли, ad portam Mesiam, по словамъ Оттона Фрейз., и сталъ лагеремъ на простирающейся между этимъ мѣстомъ и рѣкою Литавой (Leitha) равнинѣ, которую тотъ же источникъ называетъ „teutonica lingua *Virfeld*“, поясняя, что это означаетъ пустынное (порожнее) поле [4]). Подъ названіемъ porta Mesia, представляющей пограничный пунктъ, слѣдуетъ по всѣмъ признакамъ разумѣть нынѣшній городъ *Мошонь* (Mošoň, Musun, Mosonium, нѣм. Wieselburg), лежащій на рукавѣ Дуная, нѣсколько южнѣе впаденія Литавы и гор.

---

1) Otto Frising., ibid., p. 368. Болѣе, чѣмъ сомнительно, чтобъ Нѣмцы получили обѣщанную сумму въ 3000 марокъ.

2) O. F., Gesta Fr. l. I, c. 31, p. 368. Въ 1147 г. Оттонъ сопровождалъ Конрада III въ крестовомъ походѣ черезъ Угрію.

3) Thurocz, c. 65, p. 179—181 (Marci Chron. c. 70, p. 95—96): писано современникомъ, и видно—подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія. Кратко повторяетъ то же хроника Мюгельна. Muglen, kap. LI (Kovachich, Sammlung kleineren noch ungedruckter Stücke, Ofen, 1805, S. 75), но ошибочно говоритъ объ участіи въ походѣ самого короля Конрада, котораго смѣшиваетъ съ герц. Генрихомъ, хотя впрочемъ и его называетъ.

4) Pertz, XX, p. 369: Igitur rex ad portam Mesiam 70 pugnatorum milia vel amplius habens erupit, in campoque inter praefatam portam et fluvium Lithahe, qui Teutonica lingua Virvelt, quod nos vacantem campum dicere possumus, castra posuit. Hannenheim (S. 32, a. 59) не согласенъ переводить это *Virfeld* — черезъ Vierfeld (какъ Bernhardi и Riezler) и сближая *Vir* съ средневерхненѣмецкимъ viren, праздновать, быть празднымъ (Mittelhochd. Wörtb. v.

Старгорода (Ungar. Altenburg) [1]). Итакъ угорское войско расположилось по правому берегу нижней Литавы между Дунаемъ и Незидерскимъ озеромъ (Neusiedl. See). Не заставили себя ждать и Нѣмцы: герцогъ Генрихъ сталъ со своимъ войскомъ на лѣвой сторонѣ пограничной рѣки Литавы (гдѣ находится нын. городъ Брукъ), въ трехугольникѣ, образуемомъ этой рѣкой, Дунаемъ и его притокомъ Вышавой (Fischa). Генрихъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи большія силы, собранныя вѣроятно по распоряженію самого Конрада, не только въ Австріи и Баваріи, но и въ Саксоніи [2]). Но сошлись еще не всѣ, какъ видно. Въ ожиданіи подкрѣпленій герцогъ послалъ развѣдчиковъ, чтобъ узнать о положеніи непріятеля. Вѣроятно то же сдѣлали и Угры. Это было 10-го сентября 1146 г. На другой день, 11-го [3]), въ угорскомъ лагерѣ стали серіозно готовиться къ предстоявшему столкновенію. Самъ юный король Гейза хотѣлъ вести свои войска въ бой, но для этого надъ нимъ, до сихъ поръ юношей, еще долженъ былъ быть совершенъ обычный обрядъ торжественнаго провозглашенія воиномъ, и этотъ обрядъ, состоявшій въ церковной церемоніи и опоясаніи мечемъ, былъ немедленно совершенъ высшимъ духовенствомъ въ деревянной церкви [4]), можетъ быть нарочно для того сооруженной [5]).

Benecke, S. 326), переводитъ это названіе словомъ Brachfeld (паров поле). *Leerfeld* оно прозвано вслѣдствіе вставки въ одномъ изъ старыхъ изданій Оттона Фрейзингенскаго — очевидно пояснительной: „et Lervelt“, см. Otto Fr. SS. XX, p. 369 и д.

[1]) Позволительно ли сближать это названіе Mesia = Mošoň съ названіемъ Moesia—нѣкогда употребительнымъ будто-бы и для Угріи, сказать трудно. Срв. Dudik, o. c., S. 208.

[2]) Thurocz, 65, p. 180 (M. Ch., 70, p. 95).

[3]) Дату эту даетъ Цветленская лѣтоп.: Chron. Zwetlen. (Pertz, SS. IX, 538): Cedes facta est juxta Litha 3. Idus Septembris (ошиб. 1147 г.). Jaffé, Conrad III, p. 85, пр. 51. Еще сообщаютъ объ этой войнѣ: Cont. Claustroneob. II, SS. IX, 614; Ann. Reichersperg. (SS. XVII, 461); Chron. Magni Presb. (SS. XVII, 487); Ann. Poson. (SS. XIX, 573) къ 1145 г. и друг. Срв. Hannenheim, o. c., S. 33.

[4]) Thur., c. 65, (M. Chr., p. 70): Rex autem accinctus est gladio... Otto Fris. Gesta F. I, c. 32: Altera die rex in praedicto campo ad quandam ligneam ecclesiam accedit, ibique ab episcopis, nam eo usque in puerilibus annis positus nondum militem induerat, accepta sacerdotali benedictione ad hoc instituta, armis accingitur.

[5]) Мѣстоположеніе этой церкви считаютъ возможнымъ пріурочивать къ нынѣ каменной часовнѣ Св. Анны, расположенной на небольшомъ холмѣ къ югозападу отъ дер. Gattendorf—на Литавѣ. См. Fessler, II, S. 58.

Между тѣмъ надежный угорскій развѣдчикъ по имени Гунцель принесъ извѣстіе о близости нѣмецкаго войска и совѣтовалъ немедленно сдѣлать нападеніе, такъ какъ непріятель еще не многочисленъ и не все войско еще собралось [1],—вѣроятно не успѣли еще подойти отряды изъ болѣе отдаленныхъ краевъ. Король рѣшилъ послѣдовать совѣту. Онъ построилъ войско такъ, что авангардъ составляли два отряда (крыла) стрѣлковъ изъ Печенѣговъ (разумѣй и Куманъ) и Секлеровъ, которые должны были отразить натискъ врага, въ центрѣ находилась главная часть войска подъ начальствомъ дяди короля, бана Бѣлуша, а самъ Гейза сталъ во главѣ 12,000 конницы. Въ такомъ порядкѣ Угры двинулись впередъ, неожиданно перешли черезъ Литаву и развели по сосѣдству огонь, вѣроятно съ цѣлью обмануть непріятелей [2]. Тѣмъ временемъ герцогъ Генрихъ, приведши своихъ въ боевой порядокъ, совѣтовался съ приближенными о томъ, что́ дѣлать, тщетно ожидая развѣдчиковъ, которые не возвращались „или изъ коварства (т. е. измѣны), или по безпечности“ [3]) и не извѣстили о приближеніи Угровъ. Пока одни совѣтовали наступать, а другіе—отступивъ на другой берегъ рѣки Вышавы, выжидать и развѣдать лучше о непріятельскихъ силахъ, — показавшіеся вдругъ вдали дымъ и огонь дали знать о близости Угровъ; но многіе въ нѣмецкомъ лагерѣ объясняли дѣло тѣмъ, что непріятель отступаетъ, предавая огню свой лагерь. Тогда герцогъ, сильный и храбрый, но характера нетерпѣливаго, какъ о немъ выражается его братъ-историкъ [4]), не могъ долѣе выдержать: онъ повелъ свои войска въ аттаку, но не въ боевомъ

---

[1]) Thurocz, c. 65, p. 180 (M. Chr., 70, p. 95): Cumque appropinquasset Guncel quidam autenticus, qui utramque linguam eorum bene noverat, nuntiavit Regi, quod exercitus Teutonicorum appropinquaret, et dicit optimum tempus esse Regi, ut irrueret super eos... etc. Guncel=Guncellus—имя не безъизвѣстное (Fejér, cod. dipl. III, 2, 198) въ документахъ и читать въ немъ Henczel (Bonfini, Dec. II, l. VI, p. 203), Hansel или Vencel (Sasinek, Dej. k. U., 98) нѣтъ основанія.

[2]) Otto Fris., l. c. Мы такъ по крайней мѣрѣ понимаемъ выраженіе „apposito mox in vicinis igne“ и не думаемъ, чтобъ здѣсь шла рѣчь о зажженныхъ ими селеніяхъ (F.-Klein, S. 251 и Szalay, S. 296), ибо тогда Нѣмцы не были-бы введены въ заблужденіе.

[3]) Ibid.: „qui aut dolo aut pigritia tardabant.“ Очень возможно, что они были перехвачены или подкуплены Уграми.

[4]) Ibid.: ...est enim manu fortis, mente audax, sed morae impatiens. p. 369 — 370.

порядкѣ, какъ требовала военная дисциплина, а стремительно, въ разсыпную и въ безпорядкѣ, думая лишь о преслѣдованіи мнимо-бѣгущихъ Угровъ. Завидѣвъ это, послѣдніе тоже двинулись имъ на встрѣчу—съ трубными звуками и военными криками, какъ повѣствуетъ угорская хроника [1]), и завязался бой.

Стремительнаго и неудержимаго натиска Нѣмцевъ не могли выдержать передовые отряды кумано-печенѣжскихъ и секлерскихъ стрѣлковъ, хотя тоже быстрыхъ въ аттакѣ: они были почти всѣ истреблены вмѣстѣ со своими начальниками—двумя графами, а по другому свидѣтельству предались бѣгству [2]). Тогда Нѣмцы аттаковали главныя угорскія силы, предводимыя самимъ королемъ и его дядей баномъ Бѣлушемъ, но въ отрядѣ короля никто не подался, и онъ стоялъ цѣлъ и неподвиженъ подобно лѣсу [3]). Но вотъ однако Угры дрогнули подъ напоромъ Нѣмцевъ, и сильно тѣснимые передніе ряды подумывали уже также о бѣгствѣ, какъ вдругъ произошло замѣшательство въ рядахъ ихъ противниковъ, которое измѣнило все дѣло.

Угорскій хронистъ приписываетъ благопріятный для Угровъ поворотъ сраженія сильной аттакѣ храбраго бана Бѣлуша, а затѣмъ королевской конницы, прорвавшихъ ряды наступавшихъ Нѣмцевъ и произведшихъ въ нихъ страшное опустошеніе [4]); Оттонъ Фрейзинг. сообщаетъ еще одну подробность: когда Нѣмцы, очевидно потерявъ присутствіе духа, обратились въ бѣгство, предводитель ихъ, Генрихъ Язомирготъ, не замѣтивъ этого за столбами пыли, поднятой сражающимися, остался впереди въ большой опасности, такъ какъ непріятель со всѣхъ сторонъ устремился на него. Ему только и оставалось также бѣжать: онъ прорвался сквозь ряды враговъ только бла-

---

[1]) Thurocz, c. 65 (M. Chr., c. 70, p. 96).

[2]) Otto Fris., ib.: ...ac illas cum duobus comitibus, qui eisdem praeerant, ferme funditus delevit... Thur., c. 65 (M. Chr., c. 70): Bisseni vero pessimi, et Siculi vilissimi, omnes pariter fugerunt, sicut oves a lupis... Любопытны эти эпитеты Печенѣговъ и Секлеровъ, характеризующіе отношеніе къ нимъ хрониста!

[3]) O. F.: Sed tanquam in modum silvae fixa immobiliter manente.

[4]) Thur., l. c.: Tunc avunculus domini Regis, Bela Ban nominatus, gloriosus in millibus suis, irruens super agmina Teutonicorum, percussit eos ex adverso graviter, et magnam stragem fecit in illis. (Въ изд. Schwandner'a, 1766 ошибочно: ...domini *Regis Belae, Ban* nominatus...).

годаря силѣ своихъ мышцъ и густой пыли, все покрывавшей, и бѣжалъ въ сосѣднюю Вѣну [1]). Дѣло Нѣмцевъ было совершенно проиграно. Побѣдоносные Угры преслѣдовали бѣгущихъ только до р. Вышавы. По угорскому свидѣтельству болѣе 7,000 Нѣмцевъ пало на полѣ битвы. По признанію самого нѣмецкаго лѣтописца, здѣсь пало много („большая часть") знатныхъ и сановныхъ лицъ и безчисленная масса войска [2]).

Изъ угорскаго источника мы узнаемъ еще относително нѣмецкихъ потерь, что графъ Рапольтъ, тотъ самый, который отличился при взятіи Пресбурга, былъ взятъ въ плѣнъ графомъ Урошемъ, а нѣкто Оттонъ (вѣроятно тоже графъ и одинъ изъ военачальниковъ)— графомъ Гавріиломъ [3]). Изъ этихъ лицъ привлекаетъ особенно наше вниманіе графъ Урошъ — потому, что въ немъ видятъ многіе родного брата Бѣлуша и королевы Елены [4]). Что это былъ знатный сербъ и даже какой-нибудь родственникъ Бѣлуша - очень вѣроятно, но признать его братомъ послѣдняго — мы нѣсколько затрудняемся на томъ основаніи, что носившій это имя (Уроша) старшій братъ

---

[1]) O. F.: ...in vicinum oppidum Hienis (=Viennis?), quod olim a Romanis inhabitatum Favianis dicebatur, declinavit. Срв. Ann. Reichersperg. ad a. 1146 Pertz, SS. XVII, 461).

[2]) Thur. (M. Chr., ib.): ...et corruerunt in ore gladii plus quam septem millia bellatorum; residui vero fugerunt.— O. F.: Cecidit in hoc praelio virorum nobilium et illustrium pars magna, vulgi vero multitudo innumerabilis, major tamen, ut dicitur, de (ex) Ungaris. Это послѣднее впрочемъ довольно сомнительно. Срв. и Muglen, l. c., p. 75. Здѣсь кстати привести сполна разсказъ этой хроники: In desselben kuniges zeiten riet der hertzog heinrich von osterreich dem keyser daz er gen ungern (zugen) do nam der keyser heinrich (ошибочно вм. Конрада), die pairn und die sachsen und tzoh geweldig gegen ungern, do begegent dem keyser der kunig geysa und schickten die spitzen auf paid seiten zu dem streit. Do tzugen fur den kunig geysam die pessen und die tzeckel dieselben wurden von den deuschen an den ersten rennen erslagen do tzoh der kunig nach mit grossem heer (volk) do tzu prach des kuniges ohem polislau mit sein gesellen und ritterschaft die spitze der deuschen und gewunnen den streit do pliben der deuschen auf dem velde wol sibentaussent man die andern fluhen mit dem kaiser aus dem streyt...

[3]) Thurocz (p. 181) = Marcus (p. 96): In eodem autem praelio comes Uros cepit comitem *Rapolt* Teutonicum; qui jam pridem nocturnis insidiis castrum Poson occupaverat, et Gabriel Ottonem.

[4]) Fessler, Gesch. Ung., II, S. 59; J. Kukuljević Sakc., Prvovjenčani vladaoci (Zagr. 1881), str. 107, n. 3.

Бѣлуша былъ повидимому тогда уже великимъ жупаномъ сербскимъ, преемникомъ своего отца Бѣлы-Уроша [1]).

Итакъ Нѣмцы понесли серіозное пораженіе, такъ что по замѣчанію угорскаго хрониста не смѣли болѣе ни тревожить, ни обижать пограничное крестьянское населеніе [2]), что очевидно въ другое время было въ обыкновеніи. Не говоря уже о чувствительныхъ матеріальныхъ потеряхъ и гибели столькихъ высокопоставленныхъ личностей, Нѣмцы понесли значительный ущербъ и въ политическомъ отношеніи; наконецъ и, такъ сказать, нравственная тяжесть этого пораженія пала не на одного только герцога баварскаго и маркграфа австрійскаго: ее глубоко почувствовала вся Германія, начиная съ самого короля Конрада и кончая простымъ нѣмецкимъ солдатомъ; не будучи въ состояніи — вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и условій — тогда же предпринять что-либо въ отомщеніе, Нѣмцы затаили въ себѣ злобу противъ Угріи [3]).

Высказывалось мнѣніе, что Конрадъ излилъ прежде всего свою злобу противъ Гейзы на его ни въ чемъ неповинной сестрѣ, невѣстѣ его сына, Софіи, которая де вскорѣ не по доброй волѣ оказывается монахиней Адмонтскаго монастыря [4]). Но это мнѣніе вполнѣ опровергается тѣми вновь найденными документами, касающимися Софіи, о которыхъ уже упоминалось выше. Изъ переписки Софіи съ ея родными и зальцбургскимъ архіепископомъ Конрадомъ оказывается, что она, сознавая свое безнадежное положеніе — какъ невѣсты Генриха, (съ 1145 г., когда уже задуманъ былъ союзъ съ Византіей), и неимовѣрно страдая отъ жестокаго и пренебрежительнаго съ ней обращенія, еще весною 1146 г., т. е. приблизительно за полгода до пораженія Нѣмцевъ Гейзой, при содѣйствіи регенсб. графини Liutgard,

---

[1]) По крайней мѣрѣ въ 1149 г. Урошъ младшій положительно былъ уже на сербскомъ престолѣ, наслѣдовавъ отцу, сошедшему со сцены гораздо ранѣе, едва-ли не до 1141 г.

[2]) Thurocz, l. c., p. 181 (Marcus, p. 96).

[3]) Незабудемъ, что Конрадъ негодовалъ на Угрію и за поддержку вельфскаго движенія. Нѣкоторые думаютъ, что Гейза поддерживалъ Вельфовъ деньгами и сѣялъ смуту въ Германіи (Otto Fris. Chron. l. VII, 34, и Hist. Welf., M. G. SS. XXI, 468) именно передъ войной 1146 г., чтобъ отвлечь самого Конрада отъ участія въ ней. Срв. Bernhardi, o. c. S. 498 и Hannenheim, o. c. S. 33—34.

[4]) Marczali, Ung. Geschquell., S. 151; Giesebrecht, o. c., IV, S. 232. Срв. Bernhardi, o. c., S. 502.

удалилась изъ Регенсбурга въ Адмонтъ съ тѣмъ, чтобъ постричься въ монахини, что́ и не замедлила исполнить. Она сдѣлала это по собственному побужденію, но съ разрѣшенія короля Конрада и своего (бывшаго) жениха Генриха. Изъ тѣхъ же писемъ мы узнаемъ, что братъ ея, король угорскій, былъ сперва недоволенъ этимъ ея поступкомъ и даже не отвѣчалъ на ея письмо изъ Регенсбурга, въ которомъ она просила его содѣйствія, но затѣмъ подъ вліяніемъ архіепископа Конрада, явившагося по просьбѣ Софіи посредникомъ и ходатаемъ за нее, примирился съ фактомъ и отправилъ къ ней посольство и подарки. Такое же посольство явилось къ ней отъ ея матери, королевы Елены [1]). Отвѣтныя письма ея относятся еще къ 1146 г., но ко времени послѣ сентябрьской побѣды Гейзы. По всей вѣроятности и самыя посольства относятся къ тому же времени. Итакъ эти новые документы заставляютъ иначе взглянуть на извѣстный разсказъ о судьбѣ Софіи и ея постриженіи въ гербордовой біографіи Оттона Бамбергскаго [2]),—разсказъ, которому многіе за неимѣніемъ

---

[1]) Jaksch, Zur Lebensgesch. Sophias, der Tochter König Bela's II von Ungarn. см. Mittheil. des Instit. für oesterr. Geschichtsforsch. 1888, B. II, H. II, S. 361—379; здѣсь изданы самыя письма и присоединенъ комментарій къ нимъ. См. Приложеніе II.

[2]) Vita Ottonis, l. I, c. 38, M. G. SS. XX, p. 718—720; также Jaffé, t. V, Mon. Bamberg., p. 733—738. Разсказъ этотъ Гербортъ могъ слышать въ Адмонтскомъ монастырѣ, куда онъ ѣздилъ въ 1160 г.; но очевидно въ ходившей тамъ изъ устъ въ уста исторіи Софіи—многое истинное уже забылось, а многое было присочинено; къ тому же и самъ Гербортъ могъ еще отъ себя разукрасить это сообщеніе. Въ немногихъ словахъ его содержаніе слѣдующее. Когда за Софіей прибыли послы изъ Германіи, Бѣла торжественно благословилъ и передалъ имъ свою дочь вмѣстѣ съ мощами св. Власія и множествомъ даровъ. Въ горахъ Каринтіи встрѣтили невѣсту другіе послы Конрада—съ приказомъ отвезти ее въ Адмонтскій монастырь до наступленія времени брака, а дары доставить ему—Конраду. Но различныя дѣла государственныя помѣшали ему исполнить брачный планъ, а сынъ его между тѣмъ умеръ (1150). Умеръ вскорѣ (раньше конечно) и кор. Бѣла. Сынъ его Гейза посылалъ нѣсколько разъ за сестрою, чтобъ привезти ее обратно въ Угрію. Но она не хотѣла возвращаться. Подозрѣвая, что ее насильно держатъ въ монастырѣ, Гейза сталъ грозить нападеніемъ и опустошеніемъ Адмонта, желая освободить силою сестру. Но она посвятила себя совершенно монашеской жизни и ее не привлекали мірскія почести. По совѣту своихъ приближенныхъ Гейза, во избѣжаніе войны, отправилъ въ Адмонтъ почетнаго посла со свитой—съ приглашеніями сестрѣ вернуться. Этотъ передалъ аббату монастыря, встревоженному такимъ посольствомъ, требованіе короля — выдать дѣвицу, присоединивъ и угрозу. Аббатъ съ большимъ почетомъ и гостепріимствомъ привѣтствовалъ посольство и обѣщалъ отвѣтъ на другой день. Когда на-

другихъ извѣстій придавали полную вѣру, хотя болѣе осторожная критика уже высказала мнѣніе о его малой достовѣрности и легендарномъ характерѣ [1]). Теперь онъ несомнѣнно уже долженъ быть признанъ таковымъ.

Въ то время, какъ отношенія Угріи къ западу все обострялись и разрѣшились наконецъ вышеописанной войной съ Нѣмцами, на востокѣ — напротивъ, Угрія старалась скрѣпить свои дружественныя связи съ Русью — самымъ обычнымъ и естественнымъ способомъ: семейными узами царствующихъ домовъ. Кромѣ племенныхъ симпатій къ русской народности со стороны самого юнаго Гейзы и его сербской родни (матери и дяди) — здѣсь играла роль безъ сомнѣнія и политика: бракомъ короля съ русскою княжною можно было во первыхъ парализовать до нѣкоторой степени силу и вліяніе приверженцевъ Бориса Коломановича въ Угріи, опиравшихся между прочимъ на сочувствіи части угорскаго населенія къ его русскому происхожденію, а во вторыхъ окончательно лишить этого претендента поддержки на востокѣ.

Мы уже видѣли, что относить помолвку или бракъ этотъ къ 1142 г., какъ дѣлаютъ иные, нѣтъ никакого основанія, далѣе — что судя по вмѣшательству Угріи въ русскія дѣла въ 1144 г. (помощь Владимирку галицкому) не было еще этихъ родственныхъ связей и въ этомъ году. Теперь мы хотѣли бы показать, что всего вѣроятнѣе пріурочить помолвку и затѣмъ вступленіе Гейзы въ бракъ съ княжной Евфросиньей Мстиславовной [2]), внучкой Владиміра Мономаха,

---

стало время, онъ спросилъ посла: что, если сама Софія откажется вернуться домой? Неужели они употребятъ силу и всетаки увезутъ ее? На это ему отвѣчали, что силы употреблять относительно ея и не думаютъ, что если ея воля — остаться, то никто ее не заставитъ ѣхать. Тогда съ большой церемоніей отведены были послы къ Софіи, которая торжественно объявила свой отказъ и свое рѣшеніе посвятить себя Богу и монашеской жизни. Такъ ни съ чѣмъ и вернулись послы въ Угрію, и король отказался отъ своего намѣренія. Срв. А. Петровъ, Гербордова біографія Оттона, еп. Бамбергскаго, Спб. 1883, стр. 184—185. Годъ смерти (15 сен.) Софіи неизвѣстенъ.

[1]) Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, IV, S. 470, Anm. z. S. 232 (слѣдуетъ разсказу Vita Gebhardi, SS. XI, 44). Довѣрчивое отношеніе къ извѣстіямъ герборд. біографіи встрѣчаемъ еще у Hannenheim'a S. 37, п. 71.

[2]) *Евфросиньей* ее называютъ западные источники. См. царственграмота ея дочери Елизаветы, жены Фридриха чешскаго, ордену Іоаннитовъ: Ego Elisabeth, ducis Bohemie Uxor, sequens vestigia Eurosine matris mee...

слѣдовательно двоюродной сестрой Бориса Коломановича—къ 1145—1146 гг., и никакъ не позже.

Къ сожалѣнію въ источникахъ мы не находимъ никакихъ прямыхъ указаній на время заключенія этого брачнаго союза. Какъ угорскія хроники, такъ и русскія лѣтописи говорятъ о немъ лишь по поводу событій 1148—1149 г., когда угорскій король оказалъ помощь своему шурину Изяславу Мстиславичу [1]). А потому приходится на этотъ счетъ довольствоваться лишь догадками, основанными на сопоставленіи имѣющихся данныхъ и другихъ соображеніяхъ. Въ трудахъ новѣйшихъ историковъ Угріи мы не находимъ и попытки точнѣе изслѣдовать вопросъ, и въ опредѣленіи года этого событія оказывается у нихъ полное разногласіе и ничѣмъ не мотивированныя мнѣнія [2]). Свое пріуроченіе этого брака къ 1145—46 гг. мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Мы только-что замѣтили, что извѣстія наши объ угро-русскихъ отношеніяхъ не позволяютъ пріурочивать заключенія его къ періоду до 1145 г., ибо участіе Угровъ подъ предводительствомъ Бѣлуша на сторонѣ Владимірка галицкаго въ 1144 г. въ его войнѣ съ в. княземъ кіевскимъ Всеволодомъ Ольговичемъ и Мстиславичами исключаетъ всякую вѣроятность того, что первый изъ нихъ былъ уже тогда свояком Гейзы (ибо Всеволодъ былъ женатъ на старшей сестрѣ Евфросиньи) [3]), а Мстиславичи были уже его шурьями. Теперь мы надѣемся показать, что и позже 1146 г. этотъ бракъ едва-ли

Fejér, II, p. 230; Erben, Regesta M. et B. I, 175; Pray (Ann. R. H. I, lib. III, 136) ссылается еще на буллу Иннокентія IV, что повторяетъ и Карамзинъ, II, стр. 249; Katona, Hist. cr., ib., III, p. 560; Schier, Reg. Hung., 117.

[1]) Thur. c. 66, p. 182 (M. Chr., c. 71, p. 97). Лѣтоп. по Ипат. сп., 1149, стр. 268—69.

[2]) Fessler (II, S. 65), отвергая мнѣніе Катоны (Hist. crit. reg. Hung. t. III, p. 559—560) относительно 1144 г., принимаетъ самъ лишь 1148 г., и за нимъ слѣдуютъ многіе другіе. Klein (250), какъ мы видѣли, впадаетъ въ другую крайность и относитъ помолвку уже къ 1142 году. Schier, Reg. Hung. (S. 119) и очевидно слѣдующій за нимъ Janisch, Geschichte der hung. Königinen (Pesth, 1820, S. 34) принимаютъ 1146 г., и такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, всего ближе къ истинѣ. Многіе совсѣмъ умалчиваютъ о времени этого событія.

[3]) Мстиславичи—шурья Всеволода, см. Ипат. лѣт. подъ 1142 г., стр. 224. См. Соловьевъ, II, стр. 90.

[illegible] сообщаетъ [illegible] втораго похода [illegible] король французскій Лю- [illegible] крестилъ [illegible] Стефаны; такъ [illegible] aeternitatis [illegible] Фридриха. [illegible] вмѣсто [illegible] роль [illegible] Братъ [illegible] 1147 г.— самъ по [illegible] Стефанъ [illegible] Ста- [illegible] Фридрихъ [illegible] Бла- [illegible] Греціи [illegible] ро- [illegible]

[illegible]

Итакъ на основаніи изложенныхъ соображеній у насъ остается двухлѣтній періодъ 1145 —1146 гг., къ которому должно пріурочить этотъ брачный союзъ. Разсматривая затѣмъ внимательно ходъ событій этихъ лѣтъ, мы невольно приходимъ къ выводу, что болѣе вѣроятнымъ срокомъ заключенія брачнаго договора должно признать 1145 годъ, самый же бракъ могъ быть совершенъ въ 1146 г.,— и вотъ по какимъ мотивамъ.

Прежде всего въ самой Угріи политическія обстоятельства 1146 года до самой битвы при Литавѣ (въ сент.) имѣли весьма тревожный характеръ: все вниманіе правителей было направлено на внѣшнія дѣла — появленіе Бориса и причиненную этимъ войну съ Нѣмцами, такъ что это время было едва-ли благопріятно для брачныхъ переговоровъ; если же мы допустимъ съ большою вѣроятностью, что бракъ Гейзы могъ состояться тотчасъ послѣ этой войны, когда возмужалость и совершеннолѣтіе короля были торжественно признаны воинскимъ и церковнымъ обрядомъ (а это крайній срокъ, ибо менѣе чѣмъ черезъ годъ (1147) Людовикъ французскій крестилъ его сына), то надо думать, что все ему предшествовавшее, т. е. обычные переговоры, сборы и пріѣздъ невѣсты и т. д. произошло значительно ранѣе, т. е. еще въ 1145 году.

Вглядываясь въ событія, совершавшіяся въ это время (1145 —1146) на Руси, мы не только не находимъ ничего, что противорѣчило бы нашему предположенію, но видимъ обстоятельства, скорѣе его оправдывающія. Правда, нѣтъ прямыхъ указаній или вполнѣ ясныхъ намёковъ въ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ этихъ годовъ, но это еще не аргументъ—противъ.

На Руси въ то время происходила безконечная борьба и раздоры за кіевскій столъ и другіе удѣлы между линіями Мономаховичей и Ольговичей, и въ свою очередь между старшими и младшими членами каждой изъ этихъ линій,— бѣдственное положеніе вещей, последствіе родовыхъ счетовъ, ведшее къ тому между прочимъ, что князья, добивавшіеся своихъ правъ и вступавшіе въ борьбу со своими соперниками, частенько прибѣгали къ внѣшней помощи, которую искали то у сосѣднихъ государей—своихъ родственниковъ, то у дикихъ степняковъ, жадныхъ до всякой добычи Половцевъ и другихъ кочевниковъ. Кіевъ былъ тогда еще центромъ государственной жи-

зии. Ему еще принадлежало главенство надъ прочими областями русской земли (хотя приближалось уже время его упадка), и усобица князей велась еще главнымъ образомъ за его обладаніе.

Съ 1139 года на престолѣ кіевскомъ сидѣлъ ловкій въ политикѣ, но мало симпатичный кіевской Руси Всеволодъ Ольговичъ, ставшій великимъ княземъ лишь благодаря враждѣ, раздѣлявшей Мономаховичей и только ею державшійся; ему помогало впрочемъ и то, что онъ былъ женатъ на старшей Мстиславовнѣ и такимъ образомъ былъ въ свойствѣ съ этой линіей Мономаховичей. Но члены послѣдней не могли равнодушно смотрѣть на старшинство, доставшееся Ольговичу, и Всеволоду приходилось — чтобъ удержать свое положеніе — кое-какъ ладить съ Мономаховичами и въ то же время ссорить ихъ между собою; такой же политики онъ держался и относительно своей собственной родни, которой онъ много обѣщалъ, но которую не могъ удовлетворить изъ-за своихъ отношеній къ князьямъ мономахова рода. Самымъ достойнымъ представителемъ этого рода, игравшимъ первенствующую роль въ отстаиваніи родовыхъ правъ и интересовъ, былъ старшій Мстиславичъ, мужественный Изяславъ — князь владиміро-волынскій, потомъ туровскій и наконецъ (послѣ обмѣна съ дядей Вячеславомъ) переяславскій, старшій шуринъ Всеволода. Своими личными свойствами и доблестями онъ выдавался между всѣми князьями, напоминалъ нѣсколько своего достойнаго и примѣрнаго дѣда, и былъ поэтому особенно любимъ всѣмъ народомъ, и всего болѣе южнорусскимъ. На него съ сочувствіемъ и надеждами смотрѣла кіевская Русь [1]). Господство Ольговича въ Кіевѣ не давало покою этому энергическому и властолюбивому князю. Всеволодъ, не могши съ нимъ справиться, старался съ нимъ ладить, и мы видѣли, что Мстиславичи, Изяславъ и Ростиславъ, въ 1144 году участвовали въ походѣ Всеволода противъ Владимірка галицкаго, что повторилось потомъ и въ 1146 году [2]). Но Изяславъ хорошо понималъ своего зятя: онъ не могъ быть искренно расположенъ къ нему, совсѣмъ не довѣралъ ему, и только вражда съ другими Мономаховичами, особенно съ Юріемъ Владиміровичемъ ростовскимъ, съ кото-

---

[1]) Срв. Соловьевъ, II, стр. 108—115.

[2]) Ипатск. лѣт., 1146, стр. 228.

рымъ сблизиться ему не удалось — не смотря на желаніе, мѣшала ему съ оружіемъ въ рукахъ искать отцовскаго наслѣдія. Ему было извѣстно о рѣшеніи Всеволода посадить въ Кіевѣ послѣ себя брата Игоря и о помощи, обѣщанной послѣднему въ 1144 году Владимір-комъ галицкимъ [1]), и нѣтъ сомнѣнія, что онъ, будучи вынужденъ обстоятельствами при жизни Всеволода подчиниться его распоряженіямъ, уже тогда серіозно помышлялъ о возвращеніи старшинства своему роду и о кіевскомъ столѣ для себѣ, и готовился къ тому.

Еще въ 1145 году Всеволодъ, созвавъ къ себѣ родню и шурина Изяслава, объявилъ о назначеніи своимъ преемникомъ Игоря, и заставилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Изяслава, цѣловать ему крестъ. „И много замышлявшу Изяславу Мьстиславичю, нужа бысть цѣловати крестъ", говоритъ кіевскій лѣтописецъ [2]). Это свидѣтельство весьма краснорѣчиво: покорность Изяслава была конечно вынуждена; онъ противъ своего расположенія дѣлалъ одно, а задумывалъ совсѣмъ другое. И въ 1146-мъ году, передъ смертью Всеволода, посылавшаго къ нему своего зятя Болеслава Владиславича польскаго съ цѣлью убѣдиться въ его вѣрности, онъ опять подтвердилъ свою покорность, но затѣмъ, какъ только умеръ Всеволодъ (1-го авг. 1146 г.) и вступилъ въ свои права Игорь, — онъ тотчасъ отказался его признать, быстро, безъ колебаній выступилъ противъ него и безъ особеннаго труда съ нимъ справился [3]); безъ сомнѣнія это торжество его было заранѣе подготовлено. Южнорусскій лѣтописный сводъ (Ипатская лѣтоп.), описывающій событія до 1146 г. (особенно начала 40-хъ гг.) довольно кратко, разсказываетъ послѣдующее (съ 1146 г.) — о вступленіи на престолъ кіевскій Изяслава Мстиславича, его правленіи и войнахъ съ чрезвычайною подробностью и точностью; разборъ этой полной интереса и живыхъ чертъ части лѣтописи привелъ къ выводу, что значительную часть ея составляютъ записки сторонника или даже соратника Изяслава, очевидца описываемыхъ событій, оставившаго быть можетъ цѣлое сказаніе о немъ, которымъ и воспользовался лѣтописецъ, переплетя этотъ разсказъ показаніями другихъ источниковъ, явно вышедшихъ изъ противнаго лагеря Ольговичей и въ

---

[1]) Тамъ же, 1144, стр. 226. Срв. Соловьевъ II, стр 116—117.

[2]) Ипат. лѣт., 1145 г., стр. 227.

[3]) Тамъ же, 1146 г., стр. 228—232, Соловьевъ, II, стр. 124—126.

которыхъ „слышится голосъ черниговца или сѣверянина“ [1]). Событія 1146 года, равно какъ все касающееся Изяслава Мстиславича, записаны съ величайшими обстоятельностью и подробностью. Опираясь на это, мы въ правѣ кажется заключить, что это близкое къ Изяславу лицо не преминуло бы сообщить о такомъ важномъ фактѣ, какъ о выдачѣ сестры Изяслава Евфросиньи за угорскаго короля, еслибъ этотъ брачный союзъ и отсылка невѣсты въ Угрію произошли въ 1146 г.; между тѣмъ объ этомъ нѣтъ ни слова — ни тутъ, ни позже. Вотъ почему мы рѣшаемся отнести это событіе къ 1145 году, о происшествіяхъ котораго лѣтопись говоритъ очень кратко и упоминаетъ объ Изяславѣ лишь то, что ему пришлось цѣловать крестъ назначенному преемникомъ Всеволода — Игорю, хотя онъ и „*замышлялъ много*“, и что онъ по болѣзни не участвовалъ въ походѣ Игоря въ Польшу. Переговоры о женитьбѣ Гейзы велись конечно не иначе, какъ съ Изяславомъ — старшимъ братомъ невѣсты, который былъ очень радъ пріобрѣсти этимъ путемъ союзника въ угорскомъ королѣ — въ виду своихъ замысловъ и грозившихъ ему впереди съ разныхъ сторонъ опасностей. Не даромъ же сказано лѣтописцемъ, что онъ „замышлялъ много“. Здѣсь какъ-будто слышится намёкъ на его иноземныя сношенія. Наконецъ, какъ мы уже выше замѣтили, появленіе Бориса Коломановича на западѣ съ его притязаніями въ началѣ 1146 года находится, быть можетъ, въ связи съ заключеннымъ въ 1145 г. договоромъ о бракѣ его двоюродной сестры (Евфросиньи) съ Гейзой, послѣ чего ему не на что было уже расчитывать на Руси, — и такимъ образомъ это тоже оправдываетъ нашу хронологію.

Какъ бы то ни было, въ самомъ концѣ 1146 года Гейза былъ уже женатъ на Евфросиньѣ Мстиславовнѣ, чрезвычайно умной и энергической женщинѣ, и въ ней такимъ образомъ русско-славянская стихія въ Угріи, во внѣшней и внутренней ея политикѣ, должна была получить новую сильную опору.

Между тѣмъ истекалъ важный и славный для Угріи 1146 г. и наступалъ высоко интересный и не менѣе важный въ общеевропей-

[1]) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, О составѣ русскихъ лѣтописей (Лѣтоп. зан. Археограф. Комм., вып. 4), стр. 71—82 и сл. и Русск. Исторія, I, стр. 87; срв. Соловьевъ, III, стр. 133—34.

ской исторіи, во взаимныхъ отношеніяхъ запада и востока 1147-й г. Угорская хроника заканчиваетъ свое повѣствованіе о событіяхъ перваго сообщеніемъ о великомъ голодѣ, постигшемъ Угрію и стоившемъ жизни массѣ населенія [1]). Выходитъ по этому свидѣтельству, что бѣдствіе голода разразилось еще въ 1146 году и весной слѣдующаго. Есть дѣйствительно извѣстіе, что голоднымъ годомъ во всей Европѣ былъ именно $114^6/_7$ годъ [2]), но по ходу событій является весьма правдоподобнымъ, что голодъ въ Угріи съ особенною силою продолжался и въ $114^7/_8$ году, т. е. какъ разъ послѣ прохода крестоносцевъ черезъ Угрію, — ибо послѣдніе должны были еще истощить и безъ того скудные продовольственные запасы страны.

На дальнемъ востокѣ и въ западной Европѣ совершались въ послѣдніе годы важныя событія, подготовившія новое великое завоевательное движеніе запада на востокъ, т. е. *второй крестовый походъ*. Сколько-нибудь систематическое и полное изложеніе или изслѣдованіе его, т. е. всего хода и всѣхъ событій похода — безспорно одного изъ любопытнѣйшихъ движеній общеевропейской и міровой исторіи — не входитъ конечно въ нашу теперешнюю задачу, не смотря на то, что интересъ нашъ къ нему сильно возбуждается его связью со многими вопросами западно- и южно-славянской исторіи. Въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ спеціально *отношеніе Угріи къ событіямъ второго крестоваго похода* и то, какъ повліяли они на ея общее политическое положеніе, внутреннія дѣла и отношенія къ сосѣдямъ.

Въ декабрѣ 1144 г. пала Эдесса, одинъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ крестоносцевъ въ Азіи, подвергшись внезапному нападенію грознаго Имадеддина Ценки. Въ 1146 г. она снова попала-было въ руки христіанъ, но вслѣдъ затѣмъ опять была взята и на этотъ разъ окончательно разрушена сыномъ Ценки Нуреддиномъ. Положеніе крестоносцевъ становилось все менѣе надежнымъ и возникали опа-

---

[1]) Thurocz, c. 65. p. 181 (M. Chr., c. 70, p. 96): Post haec in diebus illis fames affixit Hungariam, quae magnam partem hominum in morte absorbuit.

[2]) Лѣтописныя извѣстія объ этомъ страшномъ голодѣ 1146 г. собраны у Bernhardi, Konrad III, B. II, S. 481, n. 35. Дороговизна всюду продолжалась однако и въ 1147 г., какъ видно изъ Ann. Col. Max., M. G. SS. XVII, 761 (Chron. Reg. Col. Waiz, p. 82) ad a. 1147.

сенія за Іерусалимъ. Вѣсть о паденіи Эдессы и новыхъ опасностяхъ для христіанскихъ владѣній въ Сиріи и Палестинѣ быстро распространилась по всей Европѣ и не могла не произвести сильнаго впечатлѣнія на народы запада, особенно тѣ, изъ которыхъ вышли первые крестоносные рыцари. Изъ самой Азіи доносились призывавшіе на помощь голоса, впрочемъ не оффиціальные [1], обращавшіеся къ папѣ (Евгенію III) и къ могущественнѣйшимъ западнымъ государямъ — королямъ французскому и германскому. Занимавшая тогда почти для всякаго болѣе интелигентнаго западноевропейца мысль о новомъ крестовомъ походѣ на востокъ, но — надо сознаться — не столько для удовлетворенія возвышеннаго душевнаго порыва и изъ жажды духовнаго подвига, какъ это было въ періодъ перваго крестоваго похода, сколько ради новыхъ возможныхъ завоеваній тамъ, обогащенія и разныхъ другихъ выгодъ, естественно была у всѣхъ на умѣ [2]). Нужны были только иниціатива и энергическій починъ свыше, а затѣмъ краснорѣчивое проповѣдническое слово о бѣдствіяхъ, грозящихъ гробу Господню и христіанству, чтобъ вызвать всеобщее воодушевленіе собственно въ народныхъ, болѣе воспріимчивыхъ къ религіозной идеѣ массахъ, и готовность оставить домъ, семью и родину для рискованнаго и полнаго всякихъ опасностей и лишеній далекаго похода. И то и другое дѣйствительно не замедлило явиться.

Итакъ всегда вѣрная своимъ традиціоннымъ политическимъ и религіозно-культурнымъ стремленіямъ западная Европа и на сей разъ не преминула живо откликнуться на призывъ своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ — передовыхъ борцовъ своихъ на дальнемъ востокѣ, хотя и нельзя сказать, чтобъ европейскія политическія обстоятельства особенно благопріятствовали такому предпріятію, такъ какъ повсюду, и во Франціи и въ Англіи, а особенно въ Германіи внутреннія дѣла и домашнія смуты доставляли повидимому

---

[1]) Срв. Sybel, Ueber den Zweiten Kreuzz., Kleine hist. Schriften (Münch., 1863), S. 424—425. Противъ — Kugler, Stud. z. Gesch. d. 2 Kr., S. 34—36.

[2]) Это настроеніе умовъ характеризуется достаточно ходившимъ въ народѣ пророчествомъ, что Людовикъ VII завоюетъ и Константинополь, и Вавилонъ, и овладѣетъ всѣмъ востокомъ подобно Киру и Геркулесу. См. Prosaium въ Gesta Frid., у Оттона Фрейзингенск. Pertz, SS. XX, p. 351. Срв. Jaffé, Monum. Corbeiens. (Berl., 1864). Chronogr. Corb., p. 64.

и безъ того достаточно заботъ государямъ. Притомъ авторитетъ церкви и главы ея стоялъ уже далеко не такъ высоко, какъ въ концѣ XI вѣка; теперь во всѣхъ сферахъ жизни имѣла преобладающее значеніе свѣтская власть и вообще свѣтская, мірская стихія, а потому инициативы папскаго престола, на которомъ сидѣлъ Евгеній III—личность мало выдающаяся, не было достаточно для осуществленія такого великаго дѣла. Очевидно требовался главный починъ со стороны представителей свѣтской власти, а для возбужденія необходимаго настроенія въ массахъ нужна была другая, истинно духовная сила, способная непосредственно дѣйствовать на умы и сердца, на нѣсколько уже притупленное религіозное чувство... Что касается властной инициативы, то первымъ по собственному почину принявшимъ на себя крестъ—былъ государь того народа, который всего болѣе былъ заинтересованъ въ судьбѣ христіанскихъ владѣній въ Азіи, именно молодой король французскій Людовикъ VII, побуждаемый къ духовному подвигу и личными мотивами. Духовной же силой, снова наэлектризовавшей все западноевропейское общество и народъ своимъ могучимъ и вдохновеннымъ словомъ и своими дѣлами въ пользу крестоваго похода былъ знаменитый французскій монахъ-проповѣдникъ св. Бернардъ Клервалльскій (изъ Клерво), которому папа Евгеній, узнавъ о серіозныхъ намѣреніяхъ французскаго короля, поручилъ это святое дѣло. Во Франціи крестовый походъ былъ рѣшенъ на пасхѣ 1146 г. на собраніи въ Vèzelai въ Бургундіи.

Изъ Франціи одушевленіе стало переходить въ сосѣднія земли. Бернардъ, покончивъ проповѣдь въ своемъ отечествѣ, перенесъ свою дѣятельность въ Германію, гдѣ поднятое имъ и его подражателями движеніе осложнилось нѣкоторыми непредвидѣнными результатами и явленіями, съ которыми приходилось считаться. Такимъ явленіемъ было между прочимъ возбужденное во имя креста однимъ фанатичнымъ монахомъ (Рудольфомъ) въ прирейнскихъ странахъ лѣтомъ 1146 г. жестокое преслѣдованіе евреевъ, этихъ домашнихъ враговъ христіанства,—движеніе, быстро охватившее многія мѣстности средней Европы, и съ трудомъ подавленное германскимъ правительствомъ. Успѣхи проповѣди Бернарда были не менѣе дѣйствительны и въ нѣкоторыхъ германскихъ земляхъ. Но главнымъ его успѣхомъ, который онъ самъ считалъ чудеснымъ, было привлеченіе

къ участію въ походѣ самого главы западной римской имперіи, короля Конрада III, чего достигнуть было не легко, въ виду понятнаго нерасположенія послѣдняго къ такому предпріятію —вслѣдствіе далеко неудовлетворительнаго и неумиротвореннаго состоянія государства,— привлеченіе, которое было несомнѣнно дѣломъ неблагоразумнымъ, въ концѣ концевъ отразившимся крайне неблагопріятно на результатахъ похода. Пламенныя, краснорѣчивыя убѣжденія Бернарда превозмогли продолжительное упорство Конрада, сумѣли зажечь и въ его душѣ пламя религіознаго воодушевленія. На рейхстагѣ въ Шпейерѣ 27 декабря 1146 г. Конрадъ торжественно объявилъ свое участіе въ крестовомъ походѣ, и его примѣру послѣдовали тотчасъ многіе нѣмецкіе князья, и прежде всего его племянникъ молодой герцогъ Фридрихъ швабскій, будущій императоръ Фридрихъ I. Между владѣтельными особами, принявшими то же рѣшеніе были и намъ хорошо знакомые герцогъ баварскій и маркграфъ австрійскій Генрихъ Язомирготъ и Владиславъ II чешскій; принялъ крестъ и братъ перваго изъ нихъ, славный историкъ епископъ Оттонъ Фрейзингенскій [1]). Съ начала 1147 г. начались и въ Германіи дѣятельныя приготовленія къ походу, которыя для Конрада состояли также въ поспѣшномъ умиротвореніи государства и устройствѣ дѣлъ управленія, причемъ на рейхстагѣ франкфуртскомъ (въ мартѣ 1147 г.) послѣдовало провозглашеніе королемъ его 10-лѣтняго сына Генриха [2]). Относительно самаго похода требовалось рѣшеніе вопросовъ, — въ какомъ порядкѣ должно было произойти движеніе изъ Франціи и Германіи совмѣстно ли, или отдѣльно, а главное —какой путь долженъ

---

[1]) Перечень всѣхъ Нѣмцевъ, участниковъ 2-го крестоваго похода у Röhricht, Beiträge zur Gesch. d. Kr., II, S. 311—320; о французскихъ крестоносцахъ см. Revue nobiliaire, VIII (1870—71), p. 418—423.

[2]) Для всѣхъ этихъ событій и вообще исторіи 2-го крестов. похода отсылаемъ читателя къ слѣдующимъ трудамъ: Wilken, Gesch. d. Kreuzzüge. (Leipz., 1817), B. III, 1 Abt.; Sybel, Zeitsch. f. Geschichtswissensch., Berlin, 1145 (B. IV) и Kl. hist. Schr. (Münch. 1863); Kugler, Studien zur Gesch. des zweit. Kreuzzuges (Stuttg. 1866); Его же Gesch. d. Kreuzzüge, Berl. 1880, S. 128 и сл.; Röhricht, Beiträge zur Gesch. d. Kreuzzüge, Berl., 1878; Michaud, Histoire des Croisades, T. II и VI (1818, 1822); Bernhardi, Konrad III, Leipz. 1883, Th. II; Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, Bd. IV; Jaffé, Gesch. d. deutsch. Reiches unter Konrad III, Hann. 1845; Raumer, Gesch. d. Hohenstaufen u. ihrer Zeit., Leipz., 1840, I. B. и проч. Срв. Dudik, Gesch Mährens, B. III S. 212 и слѣд.

былъ быть избранъ. Понятно, что эти вопросы имѣли первостепенное значеніе для Угріи, которой при извѣстномъ рѣшеніи не могли миновать крестоносныя ополченія.

По этимъ вопросамъ начались между обоими государями дѣятельные переговоры, въ которыхъ приняли участіе черезъ пословъ своихъ и заинтересованныя особенно въ рѣшеніи вопроса о пути южно- и восточно-европейскіе властители Рожеръ II сицилійскій и византійскій императоръ Мануилъ. Но прежде, чѣмъ мы скажемъ о сущности и результатахъ этихъ переговоровъ, необходимо отмѣтить тотъ интересный фактъ, что крестовое движеніе въ Германіи не ограничилось своею общею и главною цѣлью, а нашло себѣ еще и другую болѣе близкую политическую задачу, весьма характерную для выясненія идеи и смысла крестовыхъ походовъ вообще и въ частности современнаго настроенія Германіи.

Мы разумѣемъ предпріятіе особаго крестоваго похода *противъ языческихъ славянъ Балтійскихъ*, вытекшее какъ-бы изъ идеи о необходимости общаго ополченія противъ нехристіанскаго міра. Мысль о немъ возникла въ сѣверной Германіи, у дѣлового и неувлекавшагося фантастическими цѣлями саксонскаго народа и его князей: они не были расположены предпринимать далекій походъ противъ невѣдомыхъ имъ Турокъ, но вмѣсто того давно жаждали водворенія нѣмецкой власти и культуры у сосѣднихъ славянскихъ племенъ—по ту сторону Лабы. Знамя креста должно было служить лишь орудіемъ или оправданіемъ насилія, творимаго исключительно ради цѣлей политическихъ и германизаціи. Этотъ планъ былъ вполнѣ одобренъ и поддержанъ верховною властью—и духовною (папой) и свѣтскою (Конрадомъ III), и самъ св. Бернардъ Клервалльскій издалъ горячее воззваніе ко всему христіанскому міру, приглашая къ этому святому подвигу, т. е. къ походу противъ Славянъ—всѣхъ, кто не могъ почему-либо примкнуть къ главному крестовому движенію на востокъ. Участникамъ этого предпріятія внушалась настоятельная задача во что бы то ни стало „или водворить христіанство или истребить все языческое населеніе“. Походъ назначался на лѣто 1147 года [1]).

---

[1]) Jaffé, Konrad III, S. 120 — 121; Dudik, Gesch. M. III, 221—226; Bernhardi, Konrad III, S. 548, 559, 563 и слѣд.; еще А. Павинскій, Балтійск. Славяне, стр. 157—161.

Въ настоящемъ случаѣ все это интересуетъ насъ, какъ явленіе, вѣрно характеризующее настроеніе западной Европы, ополчившейся въ защиту христіанства — въ сущности съ широкими завоевательными и политическими цѣлями. Что же касается собственно идеи защиты христіанства, то и въ этомъ отношеніи мы знаемъ, что на первомъ планѣ были интересы не этой христіанской идеи вообще, а собственно *римской церкви и латинства*, которыя одушевляли крестоносцевъ не только относительно странъ и народовъ нехристіанскихъ, противъ которыхъ они шли, но не менѣе и въ отношеніи къ христіанскому, но „схизматическому" греко-славянскому востоку. Это слѣдуетъ имѣть въ виду отчасти и въ примѣненіи къ Угріи, какъ странѣ еще полуправославной.

Переговоры о пути, какой слѣдовало выбрать крестоносцамъ, велись Людовикомъ VII еще въ 1146 г. и потомъ продолжались до самой весны 1147 года, послѣ присоединенія Германіи къ предпріятію. Людовикъ сносился сперва отъ себя съ государями державъ, лежавшихъ на пути къ востоку,—съ Конрадомъ, Гейзой, императоромъ Мануиломъ и Рожеромъ сицилійскимъ, и всѣ они изъявили полную готовность пропустить крестоносныя ополченія черезъ свои владѣнія и дать имъ нужное продовольствіе, причемъ король Сициліи предлагалъ особыя свои услуги Французамъ, именно свой флотъ для перевоза ихъ въ Сирію, стараясь всячески ихъ склонить къ выбору пути черезъ южную Италію; византійскій же императоръ предоставлялъ имъ требуемое на тѣхъ же условіяхъ, что́ нѣкогда императоръ Алексѣй—крестоносцамъ перваго похода [1]). Людовикъ повидимому колебался: національныя симпатіи и особенно дружественныя отношенія его и Французовъ къ королю Норманновъ могли повернуть дѣло согласно желаніямъ послѣдняго – не смотря на то, что историческія традиціи располагали Людовика въ пользу другого, среднеевропейскаго пути. Но присоединеніе къ предпріятію Конрада, вызвавшее совмѣстное обсужденіе вопроса, естественно тотчасъ же дало перевѣсъ тому, что было болѣе въ интересахъ нѣмецкаго короля. Вспомнимъ

---

[1]) См. письма имп. Мануила къ папѣ Евгенію III и къ Людовику VII, Recueil des hist. des Gaules XV, 440—441; XVI, 9—10. Что Мануилъ съ самаго начала относился подозрительно къ крестоносцамъ, видно изъ свидѣтельства Никиты Хонскаго Nic. Chon., I, p. 81.

только о враждѣ обѣихъ имперій къ усилившемуся на счетъ одной и въ ущербъ другой сицилійскому королю, о греко-германскомъ союзѣ, на этой враждѣ основанномъ, и объ обоюдныхъ воинственныхъ замыслахъ той и другой стороны, и тогда станетъ вполнѣ очевиднымъ, что Конрадъ не могъ не быть сильно настроенъ противъ предложеній Рожера, клонившихся въ сущности къ тому, чтобъ воспользоваться французскими крестоносцами для своихъ завоевательныхъ цѣлей относительно Византіи, а Людовикъ въ свою очередь не могъ отдѣлиться отъ Конрада, какъ ради добрыхъ отношеній къ нему, такъ главное ради успѣха предпринятаго великаго дѣла [1]).

Итакъ въ февралѣ 1147 г. на собраніи въ Этампѣ (Etampes), гдѣ присутсвовали послы всѣхъ заинтересованныхъ державъ, былъ рѣшенъ походъ, однако для удобства продовольствія — врозь, сперва Нѣмцевъ, а затѣмъ ужъ Французовъ черезъ Угрію, византійскую имперію и Малую Азію, — чѣмъ послы Рожера остались конечно очень недовольны, и въ такомъ настроеніи оставили собраніе, предсказывая крестоносцамъ всякія невзгоды и непріятности со стороны коварныхъ и вѣроломныхъ Грековъ [2]). Рожеръ же далъ тотчасъ волю своему негодованію и рѣшился одинъ на дерзкое предпріятіе противъ Византіи, которое и не замедлилъ осуществить въ томъ же 1147 г.

Еще весной 1147 года были окончены въ Германіи всѣ приготовленія къ походу, и Конрадъ, справивъ праздникъ Пасхи (20 апрѣля) въ Бамбергѣ, отправился черезъ Нюрнбергъ — въ Регенсбургъ, бывшій сборнымъ мѣстомъ для главной массы ополченія и многихъ князей, соучастниковъ похода. Въ маѣ мѣсяцѣ [3]) Конрадъ выступилъ на судахъ внизъ по Дунаю къ границамъ государства и высадился въ Ардакерѣ (Ardacker) въ Восточной маркѣ, гдѣ и отпраздновалъ праздникъ Вознесенія 29 мая и пробылъ еще

---

[1]) Объ этихъ переговорахъ срв. Jaffé, Conr. III, S. 122; Kugler, Studien zur Gesch. des zw. Kr., S. 93—103; Bernhardi, o. c., S. 538 — 539.

[2]) Odo de Diogilo (Deogilo): de Ludovici VII Francorum regis profectione in orientem (изд. Chifletius, S. Bernardi genus illustre assertum, 1660, p. 9 — 77; Migne, Patrol. lat. T. 185 и извлеченіе у Pertz, SS. XXVI, 59—73). На этого важнаго французскаго свидѣтеля о событіяхъ 2-го крестоваго похода намъ еще часто придется ссылаться.

[3]) Bernhardi, o. c., S. 595—96; у Dudik'a (S. 227) дата 3 мая (Bucher, Gesch. d. Baiern, B. IV, S. 179), относится къ прибытію въ Регенсбургъ?

нѣсколько дней, поджидая стекавшіяся отовсюду новыя партіи крестоносцевъ; затѣмъ выступилъ далѣе и близь рѣки Вышавы (Fischa), не доходя угорской границы, провелъ еще день св. Троицы, бывшій въ тотъ годъ 8 іюня [1]). Послѣ небольшой остановки, кажется, и въ этомъ пограничномъ пунктѣ, гдѣ, какъ думаютъ, примкнулъ къ нѣмецкимъ крестоносцамъ Владиславъ II чешскій [2]), Конрадъ съ своими безчисленными полчищами перешелъ черезъ Литаву и вступилъ въ предѣлы Угріи.

О численности крестоносныхъ ополченій, которыя предстояло угорскому королю пропустить черезъ свою территорію и снабдить продовольствіемъ — мы можемъ составить себѣ понятіе по тому, что однихъ рыцарей, т. е. тяжело вооруженныхъ всадниковъ было, по свидѣтельству историковъ похода, 70,000 [3]), а сверхъ того масса легкой конницы и пѣшаго войска, не считая безчисленнаго сброда всякаго и владѣвшаго и невладѣвшаго оружіемъ народа; въ этой разнородной, пестрой, и безъ того недисциплинированной толпѣ находилась еще масса примкнувшаго къ крестоносцамъ въ большинствѣ конечно не съ чистыми цѣлями негоднаго, воровского и разбойническаго люда, отъ котораго ничего, кромѣ вреда и помѣхи исполненію великаго предпріятія, нельзя было ждать [4]). По численности нѣмецкимъ крестоносцамъ не уступало и ополченіе Людовика VII [5]),

---

[1]) Этотъ путь и хронол. даты сообщаетъ Otto Fris., Gesta Fr., l. I, c. 44 (Pertz, 375): „Inde (Ardacher) usque ad terminos ferme regni sui procedens, non longe a fluvio Vischahe mansionem locavit, celebratoque ibi sancto pentecoste, cum universis pene copiis suis Litahe transiens, in Pannonia tentoria fixit, aliis per Danubium navigantibus, aliis per terram euntibus."

[2]) Такъ Dudik, III, S. 228, ссыл. на Палацкаго, Dějiny, I, 38. Срв. Kugler, Studien, S. 112, прим. О немъ подробнѣе ниже.

[3]) Это показаніе находится въ источникѣ, который дошелъ до насъ въ ист. Вильгельма Тирскаго: Wil. Tyr. arch. historia, XVI, 19 и Gesta Ludovici VII, Du Chesne, Historiae Francorum SS. IV. p. 394, c. 5 и еще Ann. Palidens. M. G. SS. XVI, 82, a. 1147, срв. Kugler, Studien, S. 107 — 108, прим. 38, и S. 130—31. Срв. Bernhardi, S. 598, n. 19.

[4]) Объ этомъ элементѣ свидѣтельствуетъ Otto Frising., Gesta Fr. I, c. 40 (Pertz, 373); Срв. Röhricht, Beiträge, II, S. 65—66 и n. 27 (S. 96); Bernhardi, Konrad III, S. 597—98. Самъ Бернардъ Клерв. призывалъ къ участію въ святомъ дѣлѣ—этого рода людей въ своемъ извѣстномъ посланіи изъ Шпейера къ вост. Франкамъ и Баварцамъ. См. Kugler, Studien, S. 99.

[5]) Wil. Tyr., XVI, 19.

такъ что общее число двинувшихся на востокъ западноевропейскихъ ратниковъ, движимыхъ самыми различными мотивами и побужденіями, но одинаково воинственно настроенныхъ, составляло, какъ думаютъ, нѣсколько сотенъ тысячъ [1]). Совершенно понятно, что правительства и населенія тѣхъ государствъ, черезъ которыя пролегалъ путь этихъ полчищъ, должны были съ невольнымъ смущеніемъ и опасеніями относиться къ нимъ.

Такія чувства волновали вѣроятно особенно молодого короля Гейзу II, его приближенныхъ, да и все угорское населеніе — въ ожиданіи движенія нѣмецкихъ крестоносцевъ. Давно ли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла теперь несмѣтная дружина Конрада, было нанесено Уграми жестокое пораженіе Генриху Язомирготу, а тѣмъ самымъ матеріальный вредъ и нравственный ударъ всей Германіи? Вѣдь это пораженіе еще не было отомщено. Можно ли было ожидать отъ Нѣмцевъ дружественнаго или хоть миролюбиваго образа дѣйствія въ въ Угріи, хотя-бы Гейза выказалъ полную къ нимъ предупредительность? О предварительномъ особомъ соглашеніи относительно прохода крестоносцевъ между Конрадомъ и Гейзой мы ничего не знаемъ. Такового повидимому не было, хотя послы нѣмецкіе, бывшіе въ февралѣ 1147 года на собраніи въ Этампѣ вмѣстѣ съ угорскими [2]), имѣли случай переговорить объ этомъ съ послѣдними, да и не трудно было снестись и прямо съ Гейзой. По всей вѣроятности Нѣмцы, послѣ событій 1146 г., считали для себя унизительнымъ обращаться съ какими-либо особыми просьбами о содѣйствіи къ королю угорскому и предпочитали идти прямо, такъ сказать на авось, основываясь на общемъ разрѣшеніи, данномъ главному организатору крестоноснаго движенія Людовику VII со стороны угорскаго короля, и расчитывая вѣрно, что ихъ во первыхъ обезпечиваетъ самое знамя, съ которымъ они идутъ, а во вторыхъ, что Угры изъ понятныхъ

---

[1]) Kugler, ibid., S. 107. Оттонъ Фрейзингенскій (Gesta I, c. 44) такими словами характеризуетъ численность конрадова ополченія: „Tantam autem post se multitudinem traxit, ut et flumina ad navigandum camporumque latitudo ad ambulandum vix sufficere videretur."

[2]) Odo de Diogilo (Pertz, SS. XXVI, p. 61): Alemannorum et Hungarorum etiam reges de foro et transitu requisivit; quorum nuntios et litteras ad suam voluntatem recepit. Срв. Röricht, S. 64 и n. 22 (S. 96).

опасеній страшной мести не посмѣютъ имъ воздвигнуть какихъ-либо затрудненій и помѣхъ [1]). Конечно расчетъ ихъ былъ вѣренъ. Изъ извѣстій, дошедшихъ до насъ о проходѣ ихъ черезъ Угрію, вполнѣ ясно, что они шли по ней, какъ по землѣ вражеской, нисколько не стѣсняясь въ своемъ вызывающемъ образѣ дѣйствія и увѣренные въ своей безнаказанности, тогда какъ Гейза, не помышляя объ обузданіи ихъ силой, старался лишь о томъ, чтобъ предотвратить еще худшее проявленіе ихъ мести, какихъ-бы матеріальныхъ жертвъ это ни стоило, и скорѣе выпроводить ихъ изъ своей земли. Въ этомъ смыслѣ согласно свидѣтельствуютъ какъ угорская хроника, такъ и западные историки этого похода [2]). „Конрадъ", по словамъ Туроція, „явился въ Угрію не какъ Христовъ паломникъ, не миръ онъ принесъ съ собой, а злобу тирана и разбойника" [3]). Если онъ уже по вступленіи въ Угрію завелъ переговоры о свободномъ пропускѣ, то лишь съ тѣмъ, чтобъ заполучить отъ угорскаго короля и Угровъ безмѣрную кучу денегъ. „Не осталось во всей Угріи ни одной церкви или монастыря, изъ которыхъ онъ не выжалъ бы денегъ или которые сами не снабдили бы его ими—страха ради" [4]). Одонъ изъ Дейля пря-

---

[1]) Въ виду этого Bernhardi, S. 591 и 599 n. 22 едва-ли правъ, предполагая, что Конрадъ еще изъ Регенсбурга и послѣ, передъ самымъ вступленіемъ въ Угрію сносился съ Гейзой относительно своего прохода.

[2]) Odo de Diogilo, o. c., (ib., p. 62): Ut autem verum fatear, valde imperialiter egressus est (Конрадъ) et navali apparatu et pedestri exercitu. Et bene; habebat enim tunc Hungaros *inimicos*. Igitur *Imperator animosus*... ingressus est Hungariam. См. еще Ann. S. Disibodi, M. G. SS. XVII, подъ 1147 г. Срв. Jaffé, Conrad III, S. 124, прим. — Ann. S. Disibodi (ibid., p. 27: „Cuonradus rex Ungariam intrat, ac ducem eorum Wardiz nomine bello petit, igne praedaque vastat universa, et rebellem ducem obsides dare sibique jurejurando fidelitatem confirmare coartat") упоминаютъ здѣсь о какомъ-то непокорномъ воеводѣ „dux Wardiz", съ которымъ Конрадъ имѣлъ дѣло въ Угріи и котораго онъ принудилъ въ покорности. Ученые отказываются рѣшить, кто тутъ разумѣется (Giesebrecht, IV, S. 478). Hannenheim (S. 35, n. 63 ставитъ догадку, не былъ ли онъ тайно посланъ Гейзой противъ Конрада. Huber (Gesch. Oesterr., I, S. 353, a. 1) однако не сомнѣвается, что тутъ надо разумѣть самого угорскаго короля, а не какого-либо магната. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не вѣритъ этому извѣстію, какъ и показаніямъ угорской хроники о враждебныхъ дѣйствіяхъ и вымогательствахъ Конрада, хотя основаній къ такому недовѣрію совершенно нѣтъ.

[3]) Thurocz, c. 66, p. 181 (M. Chr., c. 71, p. 96): Hungariae vero non Christi peregrinus apparuit, in qua non pacem, sed potius iram tyranni et praedonis exercuit.

[4]) Ibid.: Nam petitionis simulatione inventa pro aditu, a regno Hungariae pecuniam non modicam extorsit; ita, ut nulla Ecclesia, sive monasterium

только о враждѣ обѣихъ имперій къ усилившемуся на счетъ одной и въ ущербъ другой сицилійскому королю, о греко-германскомъ союзѣ, на этой враждѣ основанномъ, и объ обоюдныхъ воинственныхъ замыслахъ той и другой стороны, и тогда станетъ вполнѣ очевиднымъ, что Конрадъ не могъ не быть сильно настроенъ противъ предложеній Рожера, клонившихся въ сущности къ тому, чтобъ воспользоваться французскими крестоносцами для своихъ завоевательныхъ цѣлей относительно Византіи, а Людовикъ въ свою очередь не могъ отдѣлиться отъ Конрада, какъ ради добрыхъ отношеній къ нему, такъ главное ради успѣха предпринятаго великаго дѣла [1]).

Итакъ въ февралѣ 1147 г. на собраніи въ Этампѣ (Etampes), гдѣ присутсвовали послы всѣхъ заинтересованныхъ державъ, былъ рѣшенъ походъ, однако для удобства продовольствія — врозь, сперва Нѣмцевъ, а затѣмъ ужъ Французовъ черезъ Угрію, византійскую имперію и Малую Азію, — чѣмъ послы Рожера остались конечно очень недовольны, и въ такомъ настроеніи оставили собраніе, предсказывая крестоносцамъ всякія невзгоды и непріятности со стороны коварныхъ и вѣроломныхъ Грековъ [2]). Рожеръ же далъ тотчасъ волю своему негодованію и рѣшился одинъ на дерзкое предпріятіе противъ Византіи, которое и не замедлилъ осуществить въ томъ же 1147 г.

Еще весной 1147 года были окончены въ Германіи всѣ приготовленія къ походу, и Конрадъ, справивъ праздникъ Пасхи (20 апрѣля) въ Бамбергѣ, отправился черезъ Нюрнбергъ — въ Регенсбургъ, бывшій сборнымъ мѣстомъ для главной массы ополченія и многихъ князей, соучастниковъ похода. Въ маѣ мѣсяцѣ [3]) Конрадъ выступилъ на судахъ внизъ по Дунаю къ границамъ государства и высадился въ Ардакерѣ (Ardacker) въ Восточной маркѣ, гдѣ и отпраздновалъ праздникъ Вознесенія 29 мая и пробылъ еще

---

[1]) Объ этихъ переговорахъ срв. Jaffé, Conr. III, S. 122; Kugler, Studien zur Gesch. des zw. Kr., S. 93—103; Bernhardi, o. c., S. 538—539.

[2]) Odo de Diogilo (Deogilo): de Ludovici VII Francorum regis profectione in orientem (изд. Chifletius, S. Bernardi genus illustre assertum, 1660, p. 9—77; Migne, Patrol. lat. T. 185 и извлеченіе у Pertz, SS. XXVI, 59—73). На этого важнаго французскаго свидѣтеля о событіяхъ 2-го крестоваго похода намъ еще часто придется ссылаться.

[3]) Bernhardi, o. c., S. 595—96; у Dudik'a (S. 227) дата 3 мая (Bucher, Gesch. d. Baiern, B. IV, S. 179), относится къ прибытію въ Регенсбургъ?

позволили ему въ свою очередь эксплоатировать сколько возможно и его врага Гейзу [1]. Тогда Борисъ возложилъ всѣ свои надежды на Людовика VII французскаго.

Но если Конрадъ самъ ограничился въ своихъ враждебныхъ относительно Гейзы чувствительнымъ вымогательствомъ возможно большихъ суммъ денегъ, то онъ конечно не стѣснялъ своихъ воиновъ и спутниковъ въ проявленіи вражды собственно къ Уграмъ и ихъ хищническихъ инстинктовъ вообще, а напротивъ предоставлялъ имъ полную волю, какъ-бы они находились дѣйствительно во вражеской странѣ: такимъ образомъ движеніе нѣмецкихъ крестоносцевъ по всей Угріи сопровождалось грабежемъ, опустошеніями и всякими насиліями, о чемъ узнаемъ изъ вышеприведеннаго свидѣтельства угорской хроники. О платѣ за поставленные припасы и продовольствіе не могло быть и рѣчи.

Крестоносцы двигались черезъ Угрію двумя путями: сухимъ— черезъ западныя ея области по правой сторонѣ Дуная и на безчисленныхъ судахъ внизъ по Дунаю до г. Браничева, гдѣ и соединились (ок. 20 іюля) [2]. Конечно главная масса, съ которой вѣроятно былъ и Конрадъ, шла сухимъ путемъ [3]). Ей приходилось переправляться черезъ рѣки Драву и Саву (и южн. Мораву), причемъ переправа черезъ первую изъ нихъ не обошлась безъ бѣды: по свидѣтельству Одона изъ Дейля, которому нѣтъ причины не вѣрить, множество Нѣмцевъ погибло, вѣроятно вслѣдствіи какой-либо оплошности, въ волнахъ Дравы [4]). Когда плывшіе по Дунаю крестоносцы прибыли и выса-

---

[1]) Срв. Васильевскій, Изъ ист. Виз. въ XII в. (Сл. Сборн. II), Прилож., стр. 275.

[2]) Otto Fris., Gesta F., c. 44 (SS. XX, p. 375); Odo de Diog. (p. 62—3). Срв. Chron. Petershus., или Casus monasterii Petrishusensis (Pertz, SS. XX, p. 674), lib. V, a. 1147: Perrexerunt igitur armati, exercitus infinitus nimis, per Pannoniam et Bulgariam silvam, et copiosa navium multitudine per Danubium, portantibus arma et quelibet necessaria. Относительно времени Срв. Bernhardi, S. 606.

[3]) Изъ словъ Одона „Imperator, ... habens in navibus copiosum militem secum et juxta se per terram equos et populum, ingressus est Hungariam" еще нельзя выводить заключенія, что Конрадъ ѣхалъ все время водой, какъ дѣлаетъ Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserz. (1875) IV, S. 478. Срв. Hannenheim, S. 34, n. 62.

[4]) Odo de Diog. (ib., p. 62); ...In medio sui fluvium habet (Hungaria) Droam, qui stanni more unam ripam proclivem habet et alteram arduam. Unde

такъ что общее число двинувшихся на востокъ западноевропейскихъ ратниковъ, движимыхъ самыми различными мотивами и побужденіями, но одинаково воинственно настроенныхъ, составляло, какъ думаютъ, нѣсколько сотенъ тысячъ [1]). Совершенно понятно, что правительства и населенія тѣхъ государствъ, черезъ которыя пролегалъ путь этихъ полчищъ, должны были съ невольнымъ смущеніемъ и опасеніями относиться къ нимъ.

Такія чувства волновали вѣроятно особенно молодого короля Гейзу II, его приближенныхъ, да и все угорское населеніе — въ ожиданіи движенія нѣмецкихъ крестоносцевъ. Давно ли на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла теперь несмѣтная дружина Конрада, было нанесено Уграми жестокое пораженіе Генриху Язомирготу, а тѣмъ самымъ матеріальный вредъ и нравственный ударъ всей Германіи? Вѣдь это пораженіе еще не было отомщено. Можно ли было ожидать отъ Нѣмцевъ дружественнаго или хоть миролюбиваго образа дѣйствія въ въ Угріи, хотя-бы Гейза выказалъ полную къ нимъ предупредительность? О предварительномъ особомъ соглашеніи относительно прохода крестоносцевъ между Конрадомъ и Гейзой мы ничего не знаемъ. Таковаго повидимому не было, хотя послы нѣмецкіе, бывшіе въ февралѣ 1147 года на собраніи въ Этампѣ вмѣстѣ съ угорскими [2]), имѣли случай переговорить объ этомъ съ послѣдними, да и не трудно было снестись и прямо съ Гейзой. По всей вѣроятности Нѣмцы, послѣ событій 1146 г., считали для себя унизительнымъ обращаться съ какими-либо особыми просьбами о содѣйствіи къ королю угорскому и предпочитали идти прямо, такъ сказать на авось, основываясь на общемъ разрѣшеніи, данномъ главному организатору крестоноснаго движенія Людовику VII со стороны угорскаго короля, и расчитывая вѣрно, что ихъ во первыхъ обезпечиваетъ самое знамя, съ которымъ они идутъ, а во вторыхъ, что Угры изъ понятныхъ

---

[1]) Kugler, ibid., S. 107. Оттонъ Фрейзингенскій (Gesta I, c. 44) такими словами характеризуетъ численность конрадова ополченія: „Tantam autem post se multitudinem traxit, ut et flumina ad navigandum camporumque latitudo ad ambulandum vix sufficere videretur."

[2]) Odo de Diogilo (Pertz, SS. XXVI, p. 61): Alemannorum et Hungarorum etiam reges de foro et transitu requisivit; quorum nuntios et litteras ad suam voluntatem recepit. Срв. Röricht, S. 64 и n. 22 (S. 96).

ператоромъ византійскимъ Мануиломъ было положено основаніе еще до похода, въ 1146 г. Въ Чехіи и Моравіи энергически дѣйствовалъ въ пользу крестоваго предпріятія извѣстный намъ епископъ Генрихъ, на котораго была возложена эта обязанность св. Бернардомъ Клервалльскимъ. Рѣшеніе самого Владислава надѣть на себя крестъ было принято тоже подъ его вліяніемъ, хотя посѣщеніе святой земли было и безъ того завѣтною мечтою чешскаго князя. Къ Владиславу примкнули и другіе два Премысловича — его братъ Генрихъ и племянникъ Спитигнѣвъ Боривоевичъ [1]). Изъ чешской хроники Викентія пражскаго мы узнаемъ, что Владиславъ еще въ 1146 году сносился съ византійскимъ императоромъ: онъ именно посылалъ къ нему своего канцлера Александра (брата будущаго столь извѣстнаго епископа Даніила), который вскорѣ и умеръ тамъ, при дворѣ Мануила [2]). Къ сожалѣнію хроника ни слова не сообщаетъ о цѣли или поводѣ этого посольства, интересующаго насъ именно — какъ начало сношеній Владислава съ византійскимъ дворомъ. Дудикъ дѣлаетъ предположеніе, что посольство въ Византію могло находиться въ связи съ имѣвшимся въ виду крестовымъ походомъ, а съ другой стороны — съ дѣломъ угорскаго претендента Бориса, какъ извѣстно, находившагося подъ покровительствомъ Владислава и будто-бы отправившагося въ Византію. Первое возможно, хотя въ то время мысль объ участіи въ походѣ далеко еще не созрѣла у чешскаго князя; второе же не совсѣмъ правдоподобно потому, что Борисъ не только еще не отправился тогда въ Византію, но питалъ еще большія надежды достигнуть своихъ цѣлей при помощи западныхъ государей, т. е. Конрада III или Людовика VII. Къ тому же, если онъ и обращалъ уже свои взоры къ Византіи, то тамъ, какъ родственникъ императора Мануила, онъ едва-ли нуждался въ чьей-либо рекоменда-

---

[1]) Let. Vinc., a. 1147 (Fontes, II, s. 416—417). Объ участіи Владислава чешскаго въ походѣ говорятъ еще: Otto Fris., Gesta I, c. 40, (Pertz, XX, 373); Ann. Palid. (SS. XVI, 82); Erben, Reg. Boh. I, p. 119—20: посланіе Бернарда Клерв.—Boczek, Cod. Dipl. Morav. I, 258 (письмо папы Евгенія III къ епископу Генриху). Срв. Dudik, Gesch. M. III, S. 216—218.

[2]) Let. Vinc., a. 1146 (ib. p. 416): Eodem anno felicis memoriae dominus Alexander, frater domini Danielis, Pragensis praepositi, ad imperatorem Graeciae a duce Waladizlao dirigitur, et ibi feliciter in bona confessione in festo S. Lucae evangelistae migravit a seculo.

мо говоритъ, что Гейза, зная, что ему легче одолѣть золотомъ, чѣмъ желѣзомъ, роздалъ Нѣмцамъ массу денегъ и избѣгъ такимъ образомъ ихъ нападенія [1]). Дѣло въ томъ, что Гейза боялся не однихъ только бѣдствій войны и пораженія: онъ не безъ основанія трепеталъ и за престолъ свой, ибо ему должно было быть извѣстно о новыхъ сношеніяхъ Бориса Коломановича съ Конрадомъ. Неутомимый искатель угорской короны Борисъ обратился къ Людовику VII письменно съ просьбою о возстановленіи его правъ—еще въ началѣ 1147 г., когда Людовикъ совѣщался съ послами державъ въ г. Этампѣ. Вызванный имъ во Францію—Борисъ встрѣтилъ на пути ополченіе Конрада и не преминулъ снова обратиться къ нѣмецкому королю, который могъ теперь такъ легко соединить исполненіе замысла Бориса съ собственнымъ мщеніемъ Гейзѣ, конечно отступая при этомъ отъ прямой цѣли своего предпріятія. Борисъ подкрѣпилъ свою просьбу и денежными подарками [2]). Конрадъ не могъ не оказать вниманія Борису уже въ виду своихъ и его отношеній къ византійскому императору: онъ принялъ подарки и не поскупился на обѣщанія, чѣмъ и внушилъ большія опасенія Гейзѣ, но перейти отъ словъ къ дѣлу онъ очевидно и не помышлялъ, считая это дѣло неумѣстнымъ и съ цѣлями крестоваго похода не согласимымъ [3]). Подарки, взятые отъ Бориса, не

---

totius Hungariae remaneret, de quo pecunia non extraheretur, et peregrinanti Caesari prae timore non offerretur. Срв. Ann. Hungarici (ed. Trausch, I, 13): Imperator enim redditus templorum, xenodochiorum et coenobiorum extorsit tanquam sibi debitos in tam sanctam militiam, qua debebat a Saracenis liberare Christianos. (См. Röchricht, II, S. 98).

[1]) Odo de Diogilo (p. 62): Rex autem Hungaricus, sciens se posse vincere facilius auro quam ferro, multam pecuniam inter Alemannos effudit et eorum impetum evasit.

[2]) Odo de Diogilo, (ibid., p. 62): Erat autem quidam Boricius nomine, qui ius hereditarium in regno illo clamabat et super hoc Stampas Regi nostro litteras miserat plenarie querimoniam exponentes et humiliter iusticiam postulantes. Hic dum Regi nostro veniret obviam litteras suas sequens, offendit, in quo confidere posset imperatorem. Causam igitur illi suam exponit, multa promisit, immo, sicut audivimus, dedit et ab eo spem sui juris accepit. Сомнѣваться въ новомъ полученіи денегъ Конрадомъ отъ Бориса при этомъ случаѣ—нѣтъ основанія. См. Hannenheim, 35, n. 64.

[3]) Röhricht (o. c., S. 66) приписываетъ эту сдержанность Конрада вліянію сопровождавшаго его папскаго легата Дитвина (Theodewinus, Dietwin), о которомъ Ann. Ratisp., Pertz, XVII, p. 586 и Ann. Palid. ib., XVI, p. 85; но быть можетъ Конрадъ самъ не расчитывалъ на успѣхъ такого предпріятія.

помѣшали ему въ свою очередь эксплоатировать сколько возможно и его врага Гейзу [1]). Тогда Борисъ возложилъ всѣ свои надежды на Людовика VII французскаго.

Но если Конрадъ самъ ограничился въ своихъ враждебныхъ относительно Гейзы чувствахъ вымогательствомъ возможно большихъ суммъ денегъ, то онъ конечно не стѣснялъ своихъ воиновъ и спутниковъ въ проявленіи вражды собственно къ Уграмъ и ихъ хищническихъ инстинктовъ вообще, а напротивъ предоставлялъ имъ полную волю, какъ-бы они находились дѣйствительно во вражеской странѣ: такимъ образомъ движеніе нѣмецкихъ крестоносцевъ по всей Угріи сопровождалось грабежемъ, опустошеніями и всякими насиліями, о чемъ узнаемъ изъ вышеприведеннаго свидѣтельства угорской хроники. О платѣ за поставляемые припасы и продовольствіе не могло быть и рѣчи.

Крестоносцы двигались черезъ Угрію двумя путями: сухимъ — черезъ западныя ея области по правой сторонѣ Дуная и на безчисленныхъ судахъ внизъ по Дунаю до г. Браничева, гдѣ и соединились (ок. 20 іюля) [2]). Конечно главная масса, съ которой вѣроятно былъ и Конрадъ, шла сухимъ путемъ [3]). Ей приходилось переправляться черезъ рѣки Драву и Саву (и южн. Мораву), причемъ переправа черезъ первую изъ нихъ не обошлась безъ бѣды: по свидѣтельству Одона изъ Дейля, которому нѣтъ причины не вѣрить, множество Нѣмцевъ погибло, вѣроятно вслѣдствіи какой-либо оплошности, въ волнахъ Дравы [4]). Когда плывшіе по Дунаю крестоносцы прибыли и выса-

---

[1]) Срв. Васильевскій, Изъ ист. Виз. въ XII в. (Сл. Сборн. II), Прилож., стр. 275.

[2]) Otto Fris., Gesta F., c. 44 (SS. XX, p. 375); Odo de Diog. (p. 62—3). Срв. Chron. Petershus., или Casus monasterii Petrishusensis (Pertz, SS. XX, p. 674), lib. V, a. 1147: Perrexerunt igitur armati, exercitus infinitus nimis, per Pannoniam et Bulgariam silvam, et copiosa navium multitudine per Danubium, por[illegible]ibus arma et quelibet necessaria. Относительно времени Срв. Bernhar[illegible], S. 606.

[3]) Изъ словъ Одона „Imperator, ... habens in navibus copiosum militem secum et juxta se per terram equos et populum, ingressus est Hungariam" еще нельзя выводить заключенія, что Конрадъ ѣхалъ все время водой, какъ дѣлаетъ Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserz. (1875) IV, S. 478. Срв. Hannenheim, S. 34, n. 62.

[4]) Odo de Diog. (ib., p. 62); ...In medio sui fluvium habet (Hungaria) [illegible]anni more unam ripam proclivem habet et alteram arduam. Unde

дились въ Браничевѣ, извѣстномъ придунайскомъ, тогда еще болгарскомъ городѣ (на мѣстѣ нын. Костолца) [1]), то Конрадъ предоставилъ всю массу судовъ жителямъ города, которые потомъ долго употребляли ихъ для построекъ и на дрова [2]). Изъ Браничева крестоносцы двинулись вверхъ по Моравѣ уже по территоріи византійской имперіи, заключивъ предварительно извѣстныя условія съ присланными имъ навстрѣчу послами императора Мануила. Слѣдить за ними далѣе намъ нѣтъ надобности.

Мы упомянули выше о присоединеніи къ нѣмецкимъ крестоносцамъ чешскаго государя Владислава II. Въ виду той роли, которую онъ игралъ въ послѣдующихъ угро-византійскихъ отношеніяхъ, мы не можемъ упускать изъ виду участія этого лица въ общеевропейскихъ событіяхъ вообще, а въ частности и въ исторіи 2-го крестоваго похода. Объ этомъ участіи и его послѣдствіяхъ мы будемъ имѣть случай говорить еще ниже, а пока отмѣтимъ только, что утвердившемуся во время этого крестоваго похода сближенію Владислава съ им-

---

modica pluvia effluit, et adiutus vicinis paludibus, etiam aliquanto remota submergit. Audivimus eum multos Alemannorum, qui nos precesserant, subito inundasse. Wilken, Gesch. d. Kr. III, S. 104, пр. 39, считаетъ этотъ эпизодъ столь незначительнымъ, что Оттонъ Фрейзингенскій не нашелъ де нужнымъ о немъ упоминать; но Kugler (Studien, S. 113, n. 7) справедливо замѣчаетъ, что Оттонъ вообще несообщителенъ относительно пути крестоносцевъ въ Сирію, и упоминаетъ лишь объ одномъ эпизодѣ (у Chōrobacchi).

[1]) *Браничево*, крѣпость и мѣстопребываніе виз. стратега, начинаетъ встрѣчаться у визант. писателей подъ им. Βρανίτζοβα (Βρανιτζόβη) съ 1000 года и играетъ важную роль въ угро-византійскихъ войнахъ. У современнаго нашей эпохѣ (пол. XII в.) арабскаго географа Идриси встрѣчается этотъ городъ подъ им. Afranisofâ (у Jaubert'а, Géographie d'Édrisi, II, 382, неправильно Aqridisqâ), очевидно изъ греческаго источника, въ другой формѣ *Abrandis*— изъ франкскаго (какъ и южноитал. Briudisi); латинскія формы: Brandiz, Brandis, Brandisium, Brundisium, Brondusium (угор. Boroncs, Brones). Идриси вѣрно опредѣляетъ положеніе города. Онъ стоялъ на мѣстѣ древняго Viminacium, недалеко (на вост.) отъ впаденія Моравы, на сѣв. отъ нын. гор. Пожаревца, приблизительно на мѣстѣ г. Костолца. Одонъ изъ Дейля (ib. p. 62) описываетъ его такъ: „Inde (de Bellagrava) ad unam dietam interposito quodam fluvio, Brundusium civitatem pauperculam"... Срв Tomaschek, Zur Kunde d. Hāmushalbins. II, S. 88—89. Jireček, Die Heerestrasse v. Belgr. n. Const., S. 77 и 85. Объ исторіи Браничева см. Safařik, въ коммент. къ Ансберту: Jahrbüch. d. Literat., XLII, 1828, S. 29—37.

[2]) Odo de Diog. (p. 63): ...Erat ibi (in Brondusio) tanta navium multitudo, quas Alemanni adduxerant, ut domibus edificandis et igni civibus in longum sufficerent.

быть въ данный моментъ король французскій Людовикъ съ своимъ ополченіемъ. Отъ него всецѣло зависѣлъ успѣхъ замысла Бориса, а слѣдовательно все сводится къ тому, какъ онъ относился къ этому дѣлу. Все поведеніе Людовика и то, что произошло по поводу обнаруженнаго присутствія Бориса въ его лагерѣ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Людовикъ, не имѣя причинъ принимать близко къ сердцу борисова дѣла, а напротивъ по своимъ политическимъ расчётамъ сочувствуя болѣе Гейзѣ и его политикѣ, самъ ничего не замышлялъ предпринимать ради него и вовсе не намѣренъ былъ отвлекаться изъ-за него отъ своей прямой цѣли, но съ другой стороны, что онъ — вопреки сообщенію Одона изъ Дейля — не могъ не знать о присутствіи въ рядахъ своихъ спутниковъ Бориса, а только смотрѣлъ на это сквозь пальцы и даже готовъ былъ пожалуй оказать ему покровительство, еслибъ онъ (Борисъ) встрѣтилъ въ Угріи всеобщее сочувствіе и открытое содѣйствіе своимъ планамъ, — и все это безъ сомнѣнія лишь во вниманіе къ родственному Борису византійскому императору, съ которымъ надо было ладить, — мотивъ, которымъ между прочимъ руководился и Конрадъ III [1]). Въ пользу этого заключенія — о нахожденіе претендента во французскомъ ополченіи *не безъ вѣдома* Людовика — говорятъ уже предварительныя сношенія Бориса съ французскимъ королемъ, письмо, имъ посланное въ Этампъ, и вызовъ его во Францію [2]). Все это дѣлалось лишь ради вышесказаннаго мотива. Что же случилось въ Угріи? Участникъ похода и очевидецъ случившагося Одонъ изъ Дейля разсказываетъ, что Борисъ, дождавшись прохода французскихъ крестоносцевъ, вмѣшался тайкомъ въ ихъ ряды. Но это едва не стоило ему жизни. Гейза, узнавъ о его присутствіи во французскомъ войскѣ, требовалъ и умолялъ у Людовика его выдачи. Когда угорскіе послы получили разрѣшеніе схватить Бориса во французскомъ лагерѣ, то Борисъ, застигнутый въ расплохъ — это было ночью, — бросился бѣжать и пытался для этого отнять лошадь у одного всадника, но при этомъ былъ

---

[1]) Odo de Diogilo (p. 62—63): Dicitur tamen, hoc duos principes (т. е. Конрадъ и Людовикъ) scisse et gratia imperatoris Constantinopolitani, neptem cujus habebat, hunc illis satis favorabiliter adhesisse. Срв. Kugler. Studien, S. 137, n. 74.

[2]) Ibid., p. 62.

чего его съ честью проводили въ дальнѣйшій путь [1]). Почетное и гостепріимное обращеніе, оказанное Людовику и въ Угріи, подтверждается и его собственнымъ письмомъ съ похода къ извѣстному аббату Сугерію [2]). О фактѣ кумовства, о мало правдоподобномъ толкованіи этого мѣста хроники инымъ образомъ (*confraternitas* вмѣсто compaternitas) и о томъ значеніи, которое представляетъ это свидѣтельство для насъ по вопросу о времени женитьбы Гейзы (если принимать первое чтеніе), мы говорили выше, а потому считаемъ излишнимъ здѣсь повторять сказанное.

Но дружескія отношенія, завязавшіяся между Гейзой и Людовикомъ, рисковали нѣсколько быть нарушенными случившимся очевидно уже послѣ ихъ свиданія приключеніемъ съ тѣмъ же безпокойнымъ претендентомъ Борисомъ Коломановичемъ. Потерявъ надежду на содѣйствіе Конрада, Борисъ рѣшился попытать счастья, присоединившись къ французскому ополченію. Онъ повидимому сильно расчитывалъ на своихъ приверженцевъ въ самой Угріи. По словамъ угорской хроники, онъ даже слѣдовалъ будто-бы призыву ихъ, надѣясь, что, какъ скоро онъ появится въ Угріи, очень многіе оставятъ Гейзу и примкнутъ къ нему [3]). Мы видѣли выше, что такіе расчёты имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ всѣ оппозиціонные элементы въ Угріи дѣйствительно въ благопріятномъ случаѣ могли подняться въ пользу Бориса. Но для этого необходимо было прежде всего дѣятельное вмѣшательство за него внѣшней силы, каковою и могъ

---

[1]) Thurocz, c. 66 p. 181 (Marci Chr., p. 97): Cujus Caesaris praecessum egregius Rex Francorum venerabiliter, et ut decet Christi peregrinum, subsecutus, a Rege Geysa honorabiliter susceptus est; apud quem aliquamdiu commoratus, compaternitatis vinculo Regi Geysae sociatur: et tali dilectionis nodo internexo multis muneribus a Rege Geysa honeste conducitur; et praeter omnem regni molestiam per Hungariae fines cum suo exercitu in Graeciam penetravit. Бросается въ глаза сочувственное отношеніе угорскаго хрониста-современника событій — къ французскому королю.

[2]) Wenzel, Monum. Hung. historica. Diplomataria VI (1860), p. 59, N. 26: De portis Hungariae scribimus vobis, illicusque Divino nutu recto limite procedentes cum omni sospitate, gaudio et honore nos et principes nostri laeti pervenimus, ubique nobis auxiliante Domino. Terrarum principes et ovantes occursant, et leti nos recipiunt, et libenter deserviunt, et honorant devoti. Et in his omnibus benedicimus Domino etc.

[3]) Thurocz, c. 66 p. 181 (M. Chr., p. 97): Borich autem venerat consilio quorundam Hungarorum; ut, si ipse regnum intrare posset, tunc a multis pro domino haberetur, et relicto Rege ei multi adhaererent.

быть въ данный моментъ король французскій Людовикъ съ своимъ ополченіемъ. Отъ него всецѣло зависѣлъ успѣхъ замысла Бориса, а слѣдовательно все сводится къ тому, какъ онъ относился къ этому дѣлу. Все поведеніе Людовика и то, что произошло по поводу обнаруженнаго присутствія Бориса въ его лагерѣ, убѣждаютъ насъ въ томъ, что Людовикъ, не имѣя причинъ принимать близко къ сердцу борисова дѣла, а напротивъ по своимъ политическимъ расчётамъ сочувствуя болѣе Гейзѣ и его политикѣ, самъ ничего не замышлялъ предпринимать ради него и вовсе не намѣренъ былъ отвлекаться изъ-за него отъ своей прямой цѣли, но съ другой стороны, что онъ — вопреки сообщенію Одона изъ Дейля — не могъ не знать о присутствіи въ рядахъ своихъ спутниковъ Бориса, а только смотрѣлъ на это сквозь пальцы и даже готовъ былъ пожалуй оказать ему покровительство, еслибъ онъ (Борисъ) встрѣтилъ въ Угріи всеобщее сочувствіе и открытое содѣйствіе своимъ планамъ, — и все это безъ сомнѣнія лишь во вниманіе къ родственному Борису византійскому императору, съ которымъ надо было ладить, — мотивъ, которымъ между прочимъ руководился и Конрадъ III [1]). Въ пользу этого заключенія — о нахожденіе претендента во французскомъ ополченіи *не безъ вѣдома* Людовика — говорятъ уже предварительныя сношенія Бориса съ французскимъ королемъ, письмо, имъ посланное въ Этампъ, и вызовъ его во Францію [2]). Все это дѣлалось лишь ради вышесказаннаго мотива. Что же случилось въ Угріи? Участникъ похода и очевидецъ случившагося Одонъ изъ Дейля разсказываетъ, что Борисъ, дождавшись прохода французскихъ крестоносцевъ, вмѣшался тайкомъ въ ихъ ряды. Но это едва не стоило ему жизни. Гейза, узнавъ о его присутствіи во французскомъ войскѣ, требовалъ и умолялъ у Людовика его выдачи. Когда угорскіе послы получили разрѣшеніе схватить Бориса во французскомъ лагерѣ, то Борисъ, застигнутый въ расплохъ — это было ночью, — бросился бѣжать и пыталск для этого отнять лошадь у одного всадника, но при этомъ былъ

---

[1]) Odo de Diogilo (p. 62—63): Dicitur tamen, hoc duos principes (т. е. Конрадъ и Людовикъ) scisse et gratia imperatoris Constantinopolitani, neptem cujus habebat, hunc illis satis favorabiliter adhesisse. Срв. Kugler. Studien, S. 137, n. 74.

[2]) Ibid., p. 62.

схваченъ и, какъ бродяга, приведенъ къ Людовику, которому онъ и открылся. Одонъ разсказываетъ, какъ онъ — Борисъ, не зная французскаго языка, немногими знакомыми ему словами и частымъ повтореніемъ своего имени далъ понять, кто онъ. Людовикъ на другой день посовѣтовался съ приближенными (епископами и вельможами), которые и рѣшили, что ему слѣдуетъ оставаться въ дружбѣ съ угорскимъ королемъ, но не подобаетъ однако выдавать на вѣрную смерть благороднаго человѣка, который въ его рукахъ, такъ какъ одинаково преступно выдать на смерть человѣка и разорвать дружескій союзъ безъ причины. Тогда будто-бы Гейза, съ нетерпѣніемъ ожидавшій отвѣта на свои мольбы и недовольный такимъ результатомъ, болѣе не довѣряя Французамъ, ушелъ далѣе вглубь своей земли, а Борисъ послѣдовалъ за Французами въ Грецію [1]). Разсказъ этотъ вообще правдоподобенъ, но нѣкоторое недоумѣніе возбуждаетъ обстоятельство, что посламъ угорскаго короля сперва предоставляется найти и схватить Бориса, а затѣмъ Людовикъ отказывается его выдать, когда онъ хотѣлъ бѣжать, былъ схваченъ и приведенъ къ нему. Трудно допустить, чтобъ Людовикъ не зналъ раньше о его присутствіи среди ополченія.

Происшествіе это значительно разъясняется въ еще болѣе подробномъ и нѣсколько уклоняющемся отъ перваго разсказѣ угорской хроники, который по нашему мнѣнію заслуживаетъ болѣе вниманія, чѣмъ ему удѣляютъ нѣкоторые ученые, считающіе его почему-то гораздо ме-

---

[1]) Ibid. (p. 62, 63): Boricius .....regis transitum expectavit et nescio quo intentione furtivus se Francis immiscuit..... (rex Hungarus) intelligit, inter Francos esse Boricium. Mittit ergo, qui regi fedus novum dilectionis et pacis pretenderent et inimicum suum, qui latebat in exercitu, sibi tradi prece humili postularent. Hoc totum factum est nocte. Rex autem totius duplicitatis ignarus, id penitus non credebat. Sed tandem illis constanter hoc asserentibus et precantibus adquievit... Слѣдуетъ разсказъ о бѣгствѣ и поимкѣ Бориса и объ объясненіи его передъ Людовикомъ. ...Hungarus autem rex, qui prope nos tentoria fixerat et Boricium iam expertus metuebat, loco vicinus et timore curiosus, ilico scivit quod gestum est. Онъ умоляетъ Людовика о выдачѣ Бориса, sed non valet extorquere a rege instantia precum aut munerum, nisi quod prius indicasset communis sententia sapientium. Suum hunc fatebatur amicum. Non tamen propter eum sibi faciendum esse quod dedeceret peregrinum. Episcopi tandem et optimates alii convocati discussa ratione indicaverunt, ut rex regi pacem servaret et viro nobili licet capto vitam servaret; quia scelus esset utrumque, et morti hominem vendere et amici sine ratione fedus rumpere. Ergo rex Hungarus se nostris non credens, sed tristis abscedens, tuciora et remotiora sui regni requirit, noster autem Boricium satis honeste secum habens, de Hungaria educit.

нѣе правдоподобнымъ и точнымъ [1]). Въ Угріи могли имѣть о дѣлѣ тоже достовѣрныя свѣдѣнія отъ пословъ угорскихъ — свидѣтелей происшествія [2]). У Туроція мы читаемъ, что Гейза узналъ черезъ одного воина (по имени Gurk) о нахожденіи Бориса во французскомъ лагерѣ, и послалъ сказать Людовику, что „дурно платить зломъ за добро (разумѣется конечно дружественный пріёмъ, оказанный Французамъ и ихъ королю) и укрывать человѣка, злоумышляющаго противъ его, Гейзы, жизни.“ Тогда у Французовъ (т. е. ихъ предводителей) произошла распря (contentio), ибо воины спрашивали, кто между ними злоумышляетъ на жизнь короля (угорскаго), чтобы найти и казнить злодѣя. Далѣе повѣтствуется, что Борисъ, узнавъ объ этомъ (т. е. о грозившей ему опасности), тотчасъ бросился къ ногамъ Людовика и просилъ его даровать ему жизнь и прощеніе, и позволить ему безъ обиды выйти съ нимъ изъ Угріи. Вслѣдствіе этого Людовикъ на просьбу Гейзы — ради дружбы къ нему выдать Бориса отвѣчалъ: „пусть король знаетъ, что домъ короля—какъ-бы храмъ, а ноги его—какъ алтарь; какъ же могу я выдать узникомъ того, кто прибѣгъ къ дому королевскому, какъ къ храму, и палъ къ погамъ короля, какъ къ алтарю?“ На это посолъ угорскій отвѣчалъ, что, согласно разъясненію ихъ духовныхъ наставниковъ, съ церковью не могутъ имѣть общенія сыны прелюбодѣянія. Тогда Борисъ, видя, что ему грозитъ выдача и смерть, ночью похитилъ одного изъ коней короля Людовика и бѣжалъ, сразивъ мечемъ конюха, хотѣвшаго его задержать [3]).

Несогласіе въ средѣ Французовъ, о которомъ здѣсь говорится, могло произойти между благопріятелями Бориса (изъ приближенныхъ

---

1) Kugler, Studien, S. 137, n. 75; Васильевскій, Изъ ист. Византіи въ XII в. (Слав. Сбор. II), стр. 275—276.

2) Самъ Одонъ (ib. 63) говоритъ между прочимъ, что угорскій король былъ по близости и зналъ, что творилось въ французскомъ лагерѣ.

3) Thurocz, c. 66 (181): Postmodum autem Rex Geysa referente quodam milite suo, nomine Gurk, audivit, quod Borich adulterinus Regis Colomani esset in comitatu Regis Franciae, misitque ad eum dicens: *non est bonorum, reddere malum pro bono: nec insidiantem vitae meae vestrum erit defendere.* His auditis, facta est contentio inter Reges Francorum. Quaerebant enim milites ejus, quisnam esset inter eos, qui mortem Regi machinaretur, ut inventus, ab his interficeretur.... Qui vero, cum talia audisset, statim ad pedes Regis Francorum se prostravit, vitam ab eo et veniam rogaturus; ut eum absque laesione extra regnum cum eo ire per-

Людовика), желавшими его спасти, и тѣми, кто о замыслахъ его до того или ничего не зналъ или не сочувствовалъ имъ и былъ искренно расположенъ къ Гейзѣ за оказанное имъ гостепріимство. Какъ было рѣшено поступить, не говоритъ нашъ источникъ, но едва-ли точно показаніе Одона, что Уграмъ было дѣйствительно предоставлено изловить Бориса и что, когда онъ хотѣлъ бѣжать и его схватили и привели къ Людовику, то послѣдній только тутъ узналъ о его личности и по совѣту своихъ приближенныхъ измѣнилъ свое рѣшеніе [1]. Правдоподобнѣе на нашъ взглядъ другая версія. Можетъ быть для того, чтобъ удовлетворить Угровъ, имъ и было позволено изловить злоумышленника, но конечно въ то же время друзья предупредили Бориса, и онъ поспѣшилъ отдаться на милость короля Людовика. Послѣдній послѣ этого, боясь отвѣтственности передъ сильными покровителями Бориса, объявилъ дѣломъ королевской чести — защитить и не выдать Уграмъ Бориса. Но когда Угры настаивали, находя резоны Людовика несостоятельными по отношенію къ „сыну прелюбодѣянія", то самъ Борисъ, боясь вѣроятно, чтобъ Людовикъ не уступилъ во избѣжаніе ссоры съ Гейзой, рѣшился бѣжать, что дѣйствительно и удалось ему. Свидѣтельству Одона о неудовольстіи Гейзы и слѣдованіи Бориса за Французами въ Византію эта развязка нисколько не противорѣчитъ, ибо Борисъ могъ по выступленіи Французовъ изъ Угріи вновь присоединиться къ нимъ, а Гейза конечно не могъ быть особенно доволенъ даже и бѣгствомъ Бориса; между тѣмъ такая развязка лучше объясняетъ то, что инцидентъ этотъ всетаки не испортилъ окончательно отношеній Людовика и Гейзы; ею, т. е. бѣгствомъ Бориса, непріятное впечатлѣніе отказа Людовика было какъ-бы сглажено.

Итакъ образъ дѣйствія французскаго короля въ этой исторіи дѣйствительно оправдываетъ вышеприведенный взглядъ нашъ на отношеніе его къ Борису: онъ только по необходимости и болѣе для ви-

---

mitteret, Cumque hoc Rex Francorum audisset, dixit: noverit Rex etc.... Borich autem videns sibi mortem imminere, ea nocte rapuit unum dextrarium Regis Ludovici, et aufugit. Quidam autem de Agasonibus occurrens ei, voluit eum tenere, quem Borich cum gladio percutiens a vertice usque ad medium pectus ejus discidit, et ipse manus sequentis evasit.

[1]) Одонъ, близкое къ Людовику лицо, имѣлъ причины передавать дѣло въ такомъ видѣ, чтобъ не компрометировать своего монарха.

ду игралъ роль покровителя угорскаго претендента (особенно когда убѣдился въ твердости престола Гейзы) — вынуждаемый къ тому своими тогдашними отношеніями къ благожелателямъ Бориса, королю Конраду III и Мануилу, но въ душѣ онъ искренно сочувствовалъ Гейзѣ, какъ политическому противнику этихъ двухъ въ сущности враждебныхъ ему государей, и вѣроятно небезуспѣшно старался утвердить угорскаго короля въ этомъ настроеніи.

Мы охарактеризовали здѣсь отношеніе Угріи, т. е. собственно ея правителей [1]), къ обоимъ ополченіямъ второго крестоваго похода, — отношеніе, обусловленное чисто политическими мотивами. Но говоря объ этомъ важномъ культурно-историческомъ явленіи той эпохи, мы не можемъ не задать себѣ другого интереснаго вопроса: какъ относилась Угрія, такъ сказать неофиціальная, въ самой идеѣ и цѣли крестоваго похода, раздѣляла ли она хоть сколько-нибудь настроеніе, которымъ были проникнуты крестоносцы, и почему не было повидимому даже попытки втянуть угорскаго короля въ великое предпріятіе всей западной Европы, какъ это было уже при первомъ крестовомъ походѣ и будетъ впослѣдствіи? Современные источники не сообщаютъ ничего по этому вопросу, но это молчаніе и очевидный фактъ безучастнаго отношенія Угріи къ крестовому движенію 1147 г. говорятъ сами за себя. Ихъ не трудно понять на основаніи всего, что болѣе или менѣе извѣстно о тогдашней Угріи, ея отношеніяхъ къ востоку и западу, церковныхъ дѣлахъ, общественномъ и народномъ настроеніи, а также объ обстоятельствахъ общеевропейскихъ. Движеніе, охватившее тогда всю западную Европу, увлекшее къ великому предпріятію двухъ могущественныхъ государей, не перешло черезъ границу угорскую. Мы говорили выше о сущности и характерѣ этого движенія, о томъ, что чистое, безкорыстное религіозное одушевленіе идеей защиты величайшей христіанской святыни отъ невѣрныхъ играло въ немъ лишь второстепенную роль, овладѣвъ сравнительно небольшою частью европейскаго общества и народа, а что большинство крестоносцевъ, не исключая даже вождей, руководилось побужденіями совсѣмъ другого характера, т. е. мірскими

---

[1]) Мы разумѣемъ здѣсь Гейзу и его дядю — ближайшаго совѣтника Бѣлуша, пользовавшагося тогда огромнымъ вліяніемъ.

и корыстными: то были или цѣли политическія и завоевательныя, или стремленіе къ обогащенію и наживѣ, или наконецъ просто авантюризмъ и жажда военныхъ подвиговъ. Латинская же церковь, насколько она принимала участіе въ этомъ движеніи, была одушевлена, въ своей ненависти къ „схизматикамъ“, подобными же завоевательными стремленіями въ отношеніи ко всему православному востоку и питала надежду тѣмъ или другимъ способомъ [1]) распространить туда, сколько окажется возможнымъ, духовный авторитетъ Рима. Понятно, что всѣ подобныя идеи и задачи западно-европейскія и латинскія не могли найти себѣ отклика въ Угріи, еще въ ядрѣ своемъ тоже „схизматической“, т. е. православной и враждебно относившейся ко всякимъ поползновеніямъ Рима и латинства противъ народной церкви и восточнаго обряда: онѣ, эти идеи, были совершенно чужды массамъ угорскаго населенія, и могли повліять развѣ только на чужеземные или олатиненные элементы высшихъ классовъ общества. Православное же славянское, да и неславянское населеніе не только не могло сочувствовать крестоносцамъ, но даже относилось къ нимъ недовѣрчиво и боязливо, чуя въ нихъ враговъ своей вѣры и народности. Притомъ и римская церковь съ своимъ верховнымъ представителемъ не стояла тогда на высотѣ той великой задачи, которая была ей навязана ходомъ историческихъ событій. Ея авторитетъ въ Угріи въ тотъ моментъ очевидно еще не былъ достаточно силенъ, и повидимому съ ея стороны не было даже попытки пропагандировать идею похода въ Угріи. Не могли наконецъ раздѣлять одушевленія и вожделѣній крестоносцевъ и молодой государь Угріи съ своими ближайшими совѣтниками; полусербъ по происхожденію, воспитанный своимъ дядей, православнымъ сербомъ Бѣлушемъ, Гей-

---

[1]) Извѣстно, что папа Евгеній III мечталъ о томъ, чтобъ при помощи участниковъ второго крестоваго похода осуществить возсоединеніе церквей, т. е. вѣрнѣе унію востока съ Римомъ. Въ іюлѣ 1147 г. онъ поручалъ въ письмѣ къ знакомому намъ епископу оломуцкому Генриху склонить Конрада III къ тому, чтобы всѣми мѣрами способствовать, когда онъ будетъ въ Византіи, приведенію греческой церкви въ унію съ Римомъ. Однако это письмо застало уже Генриха въ крестовомъ походѣ противъ Вендовъ, и осталось безъ послѣдствій. Дальше этого, кажется, не пошелъ и починъ Евгенія III. См. письма, къ этому относящіяся: Boczek, Codex Diplom. et Epist. Moraviae (Olom. 1836), NN. 276 и 277, p. 257—58; срв. Kugler, Studien, S. 107; Dudik, III, S. 231.

за только-что женился на умной и энергической внучкѣ мономаховой Евфросиньѣ Мстиславовнѣ, которой вліяніе еще тѣснѣе связывало его съ интересами славянства и православія. Въ томъ же смыслѣ вліялъ на короля безъ сомнѣнія и Бѣлушъ. Другое дѣло — международныя отношенія и политика. Ради политическихъ цѣлей сближеніе и связи съ государями латинскаго запада казались угорскому королю и съ нимъ многимъ въ Угріи позволительны и даже неизбѣжны, хотя на нихъ-то и опиралось потомъ разлагающее вліяніе чуждыхъ западныхъ началъ и сила западнической партіи,—и такими-то политическими мотивами вполнѣ объясняется дружественное отношеніе Гейзы къ французскому королю и его ополченію, оказанный имъ радушный пріёмъ, равно какъ и послѣдующія связи и сношенія Гейзы съ западомъ.

Но если Угрія и не принимала дѣятельнаго участія въ крестовомъ походѣ 1147 г., то всеже ея чисто политическія отношенія къ главнымъ дѣятелямъ этого грандіознаго движенія поставили ея внѣшнія дѣла и политику въ зависимость отъ его судьбы и результатовъ, и потому лишь въ связи съ послѣдними, съ оборотомъ дѣлъ на юговостокѣ Европы станетъ для насъ вполнѣ понятнымъ дальнѣйшій ходъ событій въ Угріи. Дѣло въ томъ, что со времени непредвидѣннаго исхода второго крестоваго похода главный узелъ политической жизни Угріи переносится съ западныхъ ея границъ на южныя—византійскія, гдѣ въ отношеніяхъ ея къ византійской имперіи и императору Мануилу и сосредоточиваются главнѣйшія нити и весь интересъ ея внѣшней и внутренней политики на долгій періодъ времени. Но передъ этимъ Угрія нѣсколько времени провела въ мирѣ, хотя наступившее еще въ 1146 году бѣдствіе голода, усиленное въ 1147 году обременительнымъ проходомъ крестоносцевъ, и помѣшало угорскому народу вполнѣ имъ насладиться. Впрочемъ Угрія всетаки могла нѣсколько отдохнуть отъ тревогъ послѣднихъ лѣтъ [1]).

Отмѣтимъ же вкратцѣ ходъ событій, связанныхъ съ крестовымъ походомъ, котораго главнымъ результатомъ оказались — не успѣхи христіанъ въ Азіи, а столкновеніе и обращеніе другъ противъ друга христіанскихъ государствъ Европы, взаимныя отношенія которыхъ уже выяснились къ этому 1147 году.

---

[1]) Къ 1148 г. всего скорѣе можетъ быть отнесено, какъ мы выше показали, начало колонизаціи Нѣмцами („Саксами") Трансильваніи.

Благодаря обстоятельнымъ и подробнымъ свидѣтельствамъ какъ византійскихъ писателей (Киннама, Никиты Хонскаго), такъ и западныхъ историковъ — очевидцевъ событій (Одона изъ Дейля, Оттона Фрейзингенскаго) и другихъ источниковъ, — свидѣтельствамъ, давно и много разъ подвергавшимся разбору, критикѣ и повѣркѣ въ цѣломъ рядѣ ученыхъ изслѣдованій [1]), можно сказать, что обстоятельства и результаты второго крестоваго похода являются достаточно выясненными и оцѣненными.

Всеопредѣляющимъ моментомъ въ ходѣ и возможныхъ успѣхахъ похода были конечно отношенія западной Европы вообще и вождей крестоваго движенія въ особенности къ восточной имперіи, черезъ земли которой приходилось идти. Каковы были эти политическія отношенія, когда начинала осуществляться идея западно-европейскаго предпріятія, мы уже знаемъ изъ предыдущаго. Вспомнимъ о возобновленномъ и скрѣпленномъ родственною связью монарховъ въ 1146 году греко-германскомъ союзѣ противъ ненавистнаго обѣимъ сторонамъ норманскаго короля Рожера, о томъ, какъ этотъ Рожеръ, не успѣвъ убѣдить французскихъ крестоносцевъ направить путь черезъ южную Италію съ цѣлью сообща ударить прежде всего на Византію, рѣшился одинъ совершить новое нападеніе на восточную имперію, что дѣйствительно и исполнилъ еще лѣтомъ 1147 года, — сообразимъ его дружественныя связи и солидарность въ политикѣ съ Людовикомъ VII, и съ другой стороны неискреннія отношенія между послѣднимъ и его соучастникомъ въ предпріятіи Конрадомъ III, будемъ имѣть въ виду общее крайне непріязненное настроеніе людей запада вообще, равно германскаго, какъ и романскаго племени, къ чуждому и непонятному имъ греко-славянскому и восточно-христіанскому міру, и ихъ политическія властолюбивыя мечтанія, а также обратное столь же недружелюбное и недовѣрчивое отношеніе подданныхъ византійской имперіи къ западноевропейцамъ, наконецъ войдемъ въ положеніе императора Мануила, которому, кромѣ своихъ дѣлъ азіатскихъ, приходилось съ одной стороны отражать новое нападеніе неу-

[1]) Изъ трудовъ, уже не разъ нами цитованныхъ, отмѣтимъ здѣсь въ особенности: Jaffé, Konrad III и Bernhardi, Konrad III; Kugler, Studien zur Gesch. d. 2 Kreuzzuges; Röhricht, Beiträge zur Gesch. d. Kreuzz. и Васильевскій, Изъ исторіи Византіи въ XII в.

гомоннаго норманскаго короля, а съ другой—имѣть дѣло съ нашествіемъ всего запада въ лицѣ рожерова союзника Людовика VII и того самаго короля Конрада, съ которымъ онъ только-что породнился и отъ котораго ждалъ помощи противъ Норманновъ,—нашествіемъ, направленнымъ правда не прямо противъ его царства, но всеже возбуждавшимъ его справедливыя опасенія, — сообразимъ все это, — и намъ станетъ до очевидности яснымъ, каковы были вѣроятія успѣха крестоваго движенія относительно его главной задачи, и какъ несообразно съ ожиданіями и мечтами его участниковъ и всего запада должны были сложиться его конечные результаты...

Мы не можемъ здѣсь разсказывать послѣдовательно о движеніи крестоносцевъ черезъ византійскую имперію и Малую Азію, о разныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ его сопровождавшихъ, о неудачныхъ военныхъ дѣлахъ ихъ съ врагами христіанства на востокѣ, наконецъ о дѣйствіяхъ и предпріятіяхъ Мануила за это время. Отмѣтимъ лишь главные факты и моменты въ отношеніяхъ крестоносцевъ къ византійской имперіи.

Прохожденіе крестоносныхъ ополченій Конрада и Людовика черезъ византійскія владѣнія и самую столицу имперіи сопровождалось, какъ извѣстно, цѣлымъ рядомъ проявленій взаимной враждебности и недовѣрія, обмѣномъ довольно рѣзкихъ объясненій и угрозъ между Мануиломъ и Конрадомъ, наконецъ даже болѣе или менѣе значительными вооруженными столкновеніями между необузданными толпами крестоносцевъ и мѣстнымъ населеніемъ, или даже войсками императора, и притомъ все это главнымъ образомъ при движеніи Нѣмцевъ, не смотря на то, что Конрадъ считался союзникомъ, и въ политическомъ смыслѣ не внушалъ серіозныхъ опасеній—какъ врагъ Норманновъ, тогда какъ Людовикъ VII, напротивъ, былъ извѣстенъ своею близостью къ заклятому врагу имперіи Рожеру.

При внимательномъ и безпристрастномъ разсмотрѣніи причинъ этихъ прискорбныхъ проявленій вражды между христіанскими народами и государями, нельзя не придти къ убѣжденію, что почти вся отвѣтственность за нихъ падаетъ на наступавшій западъ, —ибо прежде всего его политическими замыслами и поведеніемъ нѣмецкихъ крестоносцевъ были вызваны крайняя взаимная подозрительность и недружелюбіе, и соотвѣтственный образъ дѣйствія Мануила

Какъ разъ во время движенія крестоносныхъ полчищъ по Балканскому полуострову берега Греціи со многими цвѣтущими городами подверглись опустошительному нападенію норманскаго флота. Мануилу, послѣ такого поступка одного изъ „защитниковъ христіанства“ на востокѣ, оставалось только заключить перемиріе съ Турками-сельджуками, съ тѣмъ, чтобъ возвратить отнятый Рожеромъ островъ Корфу, обезопасить свои владѣнія съ запада и подумать о мщеніи дерзкому королю сицилійскому. Но приходилось имѣть дѣло не съ однимъ этимъ врагомъ. Лучшія силы европейскаго запада двигались по направленію къ Византіи—невѣдомо, съ какими въ сущности замыслами; первымъ шелъ во главѣ многочисленнаго войска и недисциплинированныхъ, необузданныхъ массъ всякаго сброду— не кто другой, какъ союзникъ и родственникъ Мануила король Конрадъ, на котораго онъ передъ тѣмъ именно расчитывалъ въ своихъ планахъ противъ Норманновъ, и тѣмъ не менѣе своимъ ополченіемъ внушавшій страхъ подозрительнымъ Грекамъ; за нимъ слѣдовалъ дружественный Рожеру король французскій съ своими полчищами. Было надъ чѣмъ призадуматься Мануилу... Когда же вскорѣ затѣмъ императоръ убѣдился въ дѣйствительно враждебномъ къ Грекамъ настроеніи нѣмецкихъ крестоносцевъ, позволившихъ себѣ всякія насилія и беззаконныя дѣйствія въ странѣ, оказавшей имъ благосклонный пріёмъ, то недовѣрчивое чувство его къ этимъ непрошеннымъ гостямъ и къ самому Конраду не могло не обостриться, и его главной цѣлью стало поскорѣе отдѣлаться отъ нихъ, хотя, какъ сказано, самъ Конрадъ по своимъ отношеніямъ къ Рожеру и не внушалъ ему особенныхъ опасеній. Взаимныя отношенія монарховъ подъ стѣнами Константинополя приняли даже повидимому настолько натянутый характеръ, что свиданіе ихъ не могло состояться, и Конрадъ поспѣшилъ переправиться въ Малую Азію (въ сентябрѣ 1147 года) [1]. Прохожденіе затѣмъ французскаго ополченія Людовика пред-

---

[1] Киннамъ (Cinn., c. 15 и 16, p. 75), впрочемъ наперекоръ другимъ современнымъ извѣстіямъ, изображаетъ отношенія Конрада и Мануила крайне натянутыми и враждебными и сообщаетъ даже нѣсколько писемъ Мануила къ Конраду (и одно Конрада) съ угрозами, подъ давленіемъ которыхъ Нѣмцамъ оставалось только спѣшить изъ Византіи. Онъ же сообщаетъ о цѣломъ сраженіи между крестоносцами и Греками подъ Константинопо-

пространенія власти имперіи въ Европѣ. Походомъ противъ Рожера начинался періодъ европейской завоевательной политики Мануила, въ сущности столь мало послужившей къ истинному благу имперіи. Однакожъ въ этомъ первомъ европейскомъ предпріятіи Мануилъ былъ задержанъ внезапнымъ появленіемъ на Дунаѣ и вторженіемъ въ земли имперіи дикихъ Половцевъ (Куманъ), этого давнишняго бича восточной имперіи, впрочемъ уже довольно давно ее не безпокоившаго. Лишь раздѣлавшись съ этимъ врагомъ, онъ могъ начать дѣйствія противъ Норманновъ.

Нельзя не остановиться нѣсколько на этомъ эпизодѣ 1148 года въ виду интереса, представляемаго имъ и для насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Куманы или Половцы, эти ближайшіе родичи и преемники Печенѣговъ и Узовъ (Торковъ) въ роли громителей и раззорителей юговосточной Европы, со второй половины XI вѣка утвердились въ степяхъ южной Руси, на Дону и Днѣпрѣ, ставъ грозою всей Руси, и оттуда шли по стопамъ Печенѣговъ, занимая постепенно ихъ бывшія кочевья до самаго нижняго Дуная и вторгаясь за ними во владѣнія византійской имперіи и сосѣдней Угріи. Со времени ихъ дѣятельнаго и знаменательнаго вмѣшательства вмѣстѣ съ Печенѣгами и въ роли ихъ противниковъ въ дѣла имперіи въ концѣ XI в. и понесенныхъ тамъ чувствительныхъ потерь (послѣдн. набѣгъ Куманъ въ 1094 г.), они оставили въ покоѣ задунайскія земли и тѣмъ усерднѣе продолжали въ первой половинѣ XII вѣка свои набѣги на русскія и отчасти угорскія земли. И теперь главнымъ ихъ мѣстопребываніемъ были южнорусскія степи между Дономъ и Днѣпромъ и далѣе на западъ — по низовьямъ Днѣстра, Прута и Серета.

Въ 1148 г. Половцы впервые вновь появляются на нижнемъ Дунаѣ и, переправившись черезъ него, берутъ городъ Демничикъ (Δεμνίτζικος), опустошаютъ сѣверныя византійскія области и доходятъ до Балканъ. Объ этомъ нападеніи Половцевъ и экспедиціи Мануила противъ нихъ сообщаютъ вкратцѣ Никита Хонскій и довольно подробно Киннамъ [1]). Чѣмъ именно былъ вызванъ на этотъ разъ набѣгъ По-

[1]) Nic. Chon., De Man. l. II, p. 103: ἐξ ἐφόδου δὲ τοὺς Σκύθας διαθροήσας οἳ τὸν Ἴστρον διαβάντες τὰ περὶ τὸν Αἷμον ἐσίνοντο... Едва-ли можно заключить отсюда, что они проникли и на югъ отъ Балканъ. Cinn., p. 93: .... στρατεύματα Σκυθικὰ Ἴστρον περαιωσάμενα καίρουσί τε τὰ ἐν ποσὶ καὶ λῃίζονται πάντα, καὶ εἷλόν

ловцевъ за Дунай —намъ неизвѣстно, но очень возможно, что —дошедшими до нихъ слухами о новыхъ опасностяхъ, грозившихъ Византіи и поглощавшихъ ея вниманіе. Мануилъ самъ отправился на сѣверъ наказать дерзкихъ кочевниковъ, пославъ одновременно нѣсколько судовъ въ устья Дуная, для переправы черезъ рѣку въ случаѣ надобности. Это было лѣтомъ 1148 г. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ приблизиться къ Дунаю, онъ узналъ, что Половцы уже ушли съ своей добычей на лѣвый берегъ. Тогда, не дожидаясь судовъ, Мануилъ переправился черезъ рѣку на связанныхъ однодеревкахъ съ отрядомъ изъ 500 человѣкъ и бросился въ погоню за непріятелями. Киннамъ, разсказывающій кое-какія подробности объ этой экспедиціи Мануила на сѣверъ, сообщаетъ о томъ, что Мануилу удалось настигнуть и разбить Половцевъ довольно далеко, послѣ переправы черезъ двѣ судоходныя рѣки, у границъ Тавроскиѳскихъ [1]) т. е. *русскихъ* — по общепринятому, не возбуждающему сомнѣній толкованію.

Вотъ этимъ-то географическимъ опредѣленіемъ и интересуетъ насъ это свидѣтельство, такъ какъ оно, заключая въ себѣ указаніе о южной границѣ русской, по всей вѣроятности *галицкой* земли, можетъ имѣть значеніе вообще при разъясненіи вопросовъ, касающихся отношеній угро-русскихъ и угро-византійскихъ. Конечно, самое важное было бы точнѣе опредѣлить, какимъ путемъ шелъ Мануилъ и приблизительно въ какой мѣстности онъ настигъ Половцевъ. Для этого византійскій историкъ даетъ правда нѣсколько указаній, но они къ сожалѣнію по своей неясности и неопредѣленности позволяютъ различное толкованіе, а потому не даютъ рѣшить вопроса съ полною достовѣрностью.

Прежде всего спрашивается, гдѣ Мануилъ переправился черезъ Дунай? По всѣмъ признакамъ — не далеко отъ того города (или крѣпости), который достался въ руки Куманъ при ихъ набѣгѣ и который

γε καὶ πόλιν λόγου ἀξίαν, τῶν Ἴστρου καὶ αὐτὴν πίνουσαν ναμάτων. Къ Куманамъ прилагается имя *Скиѳовъ*, унаслѣдованное ими у византійцевъ отъ Печенѣговъ. Послѣднихъ совершенно безосновательно разумѣютъ здѣсь нѣкоторые ученые (напр. Kugler, Stud., S. 216). Въ такъ назыв. „варварскомъ" текстѣ (codex barbarus) Никиты прямо названы Куманы — этимъ именемъ. Срв. Васильевскій, въ цит. ст., стр. 221, прим. 13.

[1]) Cinn, l. III, p. 94: χῶρόν τέ τινα δολιχὸν διαμείψαντες ἄχρι καὶ ἐπὶ ὅρος τένου δρυμὸν ἦλθον, ὅπερ ἀγχοῦ τῶν Ταυροσκυθικῆς ὁρίων ἀνέχει.

веръ, Мануилъ долженъ былъ перейти широкую степную равнину и, оставивъ за собою рѣку Яломицу и мѣстность нын. города Урсиченъ, приблизиться къ самому юговосточному краю широкаго лѣсистаго пояса Трансильванскихъ Альпъ. Здѣсь онъ нашелъ сперва пустой лагерь Половцевъ, а затѣмъ, продолжая погоню къ сѣверовостоку, настигъ вскорѣ и самихъ кочевниковъ, которые бывъ разбиты спасались въ лѣса близьлежащихъ горъ. Если въ этомъ мѣстѣ византійское войско очутилось уже *вблизи отъ русской границы (тавроскиѳской)* [1]), то очевидно эта граница русской, и по всей вѣроятности именно *галицко-русской* земли проходила гдѣ-то здѣсь, приблизительно отъ юговосточнаго угла Трансильваніи на востокъ къ нижнему Дунаю —тамъ, гдѣ онъ круто поворачиваетъ въ Черное море. Изложеніе дальнѣйшей исторіи отношеній Угріи и южной Руси къ сосѣдямъ дастъ намъ еще случай вернуться къ этому вопросу, чтобы найти и въ другихъ фактахъ подтвержденіе такого именно мнѣнія о сказанной границѣ.

Мануилъ, наказавъ Половцевъ и взявъ многихъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ какого-то знатнаго „родоначальника" Лазаря (*Сота*— покумански) [2]), тотчасъ вернулся и сталъ наконецъ собираться въ походъ противъ Рожера сицилійскаго. Слѣдовать за нимъ въ этомъ предпріятіи, сперва довольно неудачномъ и лишь черезъ годъ (осенью 1149 г.) завершившемся взятіемъ острова Корфу —внѣ нашего плана [3]). Для насъ интереснѣе новое свиданіе и сношенія Мануила съ вернувшимся изъ Палестины Конрадомъ —въ Византіи, гдѣ послѣдній, какъ мы уже сказали, пробылъ зиму $114^8/_9$ года; но чтобы соблюсти хронологическую послѣдовательность, мы должны взглянуть, что́ еще интереснаго для насъ происходило въ теченіе 1148 г. —пока Конрадъ былъ въ Палестинѣ, а Мануилъ ходилъ противъ По-

---

[1]) Срв. Васильевскій, тамъ-же (рец. Успенск.) стр. 91. Понимать подъ Тавроскиѳіей *Крымъ* и представлять себѣ, что Мануилъ преслѣдовалъ Куманъ до самыхъ границъ его (Tenihormo, см. Mangiuca, Die Chronik des Huru etc., Romaen. Revue, 1887, VIII Heft., S. 405) — совершенно неосновательно. Срв Васильевскій, Русско-византійскіе отрывки, VII, Ж. М. Н. П. 187?, янв., стр. 134.

[2]) Cinn., p. 95, срв. Васильевскій, Изъ ист Виз., стр. 222; Tomaschek, Zur Kunde d. Hämhalb. I (Wien, 1882), S. 51.

[3]) Читатель найдетъ обстоятельный разсказъ объ этомъ все въ томъ же изслѣдованіи В. Г. Васильевскаго (изъ Исторіи Византіи).

ловцевъ. Здѣсь привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе во первыхъ пребываніе на югѣ и возвращеніе съ крестоваго похода на родину Владислава II чешскаго и затѣмъ особенно — укрѣплявшіяся связи между Угріей и Русью въ лицѣ Гейзы II и Изяслава Мстиславича.

Что касается Владислава, то прежде всего не маловажное для насъ значеніе имѣетъ его сближеніе съ Мануиломъ. Вспомнимъ, что чешскій князь еще въ 1146 г. сносился съ Византіей. Свиданіе его съ императоромъ зимой $114^{7}/_{8}$ г. послужило къ установленію взаимныхъ дружественныхъ связей между ними; тутъ же въ Византіи Владиславъ сблизился еще болѣе и съ Конрадомъ. Объ этихъ отношеніяхъ сообщаетъ довольно любопытныя извѣстія Киннамъ. Послѣдній по поводу участія Владислава въ крестовомъ походѣ дважды упоминаетъ о томъ, что Владиславъ получилъ за это участіе титулъ короля отъ Конрада [1]), хотя впрочемъ изъ его словъ отнюдь нельзя заключить, что это произошло именно въ Византіи [2]). Свидѣтельство это впрочемъ по существу своему не выдерживаетъ критики и должно быть признано плодомъ какого-то недоразумѣнія со стороны византійскаго историка. Можетъ быть поводомъ послужили слухи о какихъ-либо соотвѣтственныхъ обѣщаніяхъ Конрада. Извѣстно, что король Конрадъ самъ не имѣлъ императорскаго титула, хотя современники по традиціи часто и величали его императоромъ [3]), и не могъ слѣдовательно возводить кого бы то ни было въ королевское достоинство: это обстоятельство дало, какъ извѣстно, поводъ Киннаму подробно высказать свой отрицательный взглядъ вообще на императорскія права западнаго государя нѣмецкой націи и на власть римскаго папы [4]). Тотъ же византійскій историкъ при другомъ случаѣ (гораздо позже) сообщаетъ о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія вступилъ тогда Владиславъ чешскій къ императору Мануилу. Выходитъ

---

1) Cinn., II, 18, p. 84 и V, 7, p. 218.

2) Такой смыслъ напрасно усмотрѣлъ Д у д и к ъ, Gesch. M. III, S. 246.

3) Такъ угорская хроника (Thurocz, p. 66) назыв. его Conradus Caesar. Odo de Diogilo величаетъ его всегда Imperator; тоже въ Гербордов. біографіи Оттона Бамбергскаго (M. G. SS. XX, p. 718). Это не удивительно, когда самъ Конрадъ въ извѣстной перепискѣ своей съ Іоанномъ Комниномъ узурпируетъ титулъ Romanorum imperator Augustus и называетъ жену свою *imperatrix*; см. Otto Fris., Gesta F. I, 23 (SS. XX, p. 363).

4) Cinn., V, 7, p. 218—220.

изъ его словъ, будто-бы чешскій князь поставилъ себя въ какую-то *вассальную зависимость* отъ восточнаго императора, которую онъ де впослѣдствіи нарушилъ, помогая Угріи противъ Грековъ [1]). Въ виду будущей роли Владислава въ угро-византійскихъ отношеніяхъ — это извѣстіе о заключеніи какого-то политическаго договора между нимъ и Мануиломъ дѣйствительно имѣетъ большое значеніе. Но что это былъ за договоръ? Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что о настоящей ленной присягѣ, данной будто-бы чешскимъ государемъ Мануилу и вообще о формальномъ добровольномъ политическомъ подчиненіи перваго власти восточнаго императора здѣсь не можетъ быть рѣчи, а что мы имѣемъ тутъ дѣло лишь съ точкой зрѣнія самихъ грековъ на роль византійскаго (истинно *римскаго*) императора по отношенію къ иноземнымъ князькамъ, искавшимъ сближенія и союза съ нимъ, причемъ для вящшаго вразумленія ихъ употреблялся и терминъ западноевропейскій [2]). По мнѣнію Дудика здѣсь слѣдуетъ разумѣть скорѣе родъ оборонительнаго союза, по которому Владиславъ „обѣщалъ не нападать (?) на имперію и не помогать ея врагамъ“ [3]). Мы тоже склонны присоединиться къ такому взгляду, но нѣсколько исправивъ и развивъ его далѣе: у Мануила и Владислава было одно дѣло, которое ихъ занимало обоихъ, и не только ихъ, но столько же и Конрада, и которое было вѣроятно однимъ изъ главныхъ предметовъ ихъ бесѣдъ и совѣщаній. Этимъ дѣломъ — можетъ всякій догадаться — было дѣло родственника Мануила и покровительствуемаго Владиславомъ и Конрадомъ угорскаго претендента Бориса, который кстати самъ былъ на лицо, прибывъ въ Византію съ французскими крестоносцами. Не можетъ быть сомнѣнія, что скрѣплявшійся тогда союзъ императора съ королемъ германскимъ, имѣя въ виду прежде всего Норманновъ и Италію, затронулъ однакожъ и отношенія имперіи къ Угріи, которая не могла не привлекать уже тогда вниманія такого

---

[1]) Cinn., V, p. 223: δοῦλος ἐπὶ δεσπότην ἥκεις πολεμησείων, καὶ δοῦλος οὐ βίᾳ τὸν ζυγὸν ὑποδύς... ἀλλὰ δοῦλος ἐθελόδουλος (ἑρμηνεύει δέ σοι τοῦτο τὸ λέξιον), εἴ γε μὴ διέφυγέ σου τὴν μνήμην ὅσα ἐν Βυζαντίῳ πάλαι τετέλεκας, ἡνίκα σὺν τῷ Κορράδῳ ἐπὶ Ἀσίαν ἐστέλλου.

[2]) Такимъ же вассаломъ своимъ, какъ скоро окажется, императоръ Мануилъ считалъ и князя Владимірка галицкаго. Cinn., l. III, p. 115: Βλαδιμηρκῷ... ἀνδρὶ ὑποσπόνδῳ Ῥωμαίοις ὄντι.

[3]) Dudik, S. 246.

дали Угріи удержаться на избранномъ ею пути и увлекли ее въ концѣ концевъ въ совершенно противную сторону. Самымъ трагическимъ моментомъ въ этомъ историческомъ процесѣ является то, что въ ряду факторовъ наиболѣе содѣйствовавшихъ подпаденію Угріи вліянію запада оказываются сама Византія — верховная представительница восточно-православнаго міра – и агрессивная политика Мануила, мечтавшаго насильственнымъ водвореніемъ на среднемъ Дунаѣ византійскаго господства и вліянія обезпечить имперію съ этой стороны и вмѣстѣ съ тѣмъ вытѣснить оттуда латинскій западъ, и достигшаго къ концу своей жизни на дѣлѣ совсѣмъ противоположныхъ результатовъ, т. е. толкнувшаго Угрію въ объятія ея и своихъ враговъ...

---

2. Періодъ второй: 1149 – 1156 г.

Знаменательный союзъ имперій, западной и восточной, поставивъ Угрію между двухъ огней — въ положеніе одинокое и опасное, заставилъ ее невольно думать о пріобрѣтеніи друзей на сторонѣ, къ чему ее еще побуждали теперь, послѣ крестоваго похода 1147 г. нѣкоторые угрожающіе признаки на югѣ — въ родѣ происковъ Бориса Коломановича при дворѣ Мануила. Отношенія ея къ Византіи были уже давно натянуты и обострялись постепенно. Главными причинами этой возраставшей враждебности со стороны Византіи было распространеніе угорской власти въ началѣ XII в. въ предѣлы бывшихъ владѣній имперіи, соперничество Угровъ на Адріатическомъ морѣ съ Венеціей, состоявшей подъ покровительствомъ имперіи, и родственное сближеніе Арпадовичей съ династіей сербскихъ жупановъ, дававшее послѣднимъ сильную опору въ сосѣднемъ государствѣ. Событія не замедлили оправдать недовѣріе Византіи. Въ свою очередь Угрія не могла равнодушно смотрѣть на происходившее въ Византіи при особенныхъ обстоятельствахъ скрѣпленіе греко-германскаго союза: личные переговоры Мануила съ Конрадомъ и Владиславомъ чешскимъ, одновременное пребываніе тамъ Бориса Коломановича, ими покровительствуемаго мануилова родственника – все это не могло не тревожить Гейзу, знавшаго конечно предпріимчивость и властолюбіе Мануила. При такихъ обстоятельствахъ ничего нѣтъ

удивительнаго, что онъ довольно легко поддался на предложенія Рожера сицилійскаго и Вельфа примкнуть къ ихъ союзу.

Съ Вельфами у него и прежде были сношенія. Вспомнимъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ не только Рожеръ, но и Угрія поддерживали Вельфа деньгами въ его борьбѣ съ Конрадомъ. Близкія отношенія къ Рожеру имѣли также свои историческія традиціи. Не забудемъ прежней родственной связи: Коломанъ въ первомъ бракѣ былъ женатъ на Бузиллѣ, дочери графа норманнскаго, тоже Рожера. Общіе политическіе интересы сближали и теперь королей угорскаго и сицилійскаго. Въ этомъ сближеніи извѣстная роль принадлежала по всей вѣроятности и королю французскому Людовику VII, вскорѣ затѣмъ тоже примкнувшему къ союзу. Дружеское свиданіе его съ Гейзой во время крестоваго похода 1147 г. не чуждо было и политическаго значенія, и какъ мы уже замѣтили, могло оставить опредѣленный слѣдъ въ политическомъ настроеніи угорскаго короля; и если при этомъ случаѣ обсуждались вопросы политическіе, то не могло не быть рѣчи и о Рожерѣ. Сближали королей угорскаго и сицилійскаго и одинако враждебныя отношенія къ Венеціи. Угрія стремилась вытѣснить ее изъ Далмаціи, а Норманнамъ она мѣшала господствовать на Средиземномъ морѣ. Такимъ образомъ и ее не могъ не имѣть въ виду новый союзъ. Теперь Рожеръ завязалъ сношенія съ Угріей вѣроятно черезъ посредство Вельфа, но что затѣмъ между ними завязались и прямыя сношенія, объ этомъ мы имѣемъ современное документальное свидѣтельство, а именно завѣщаніе нѣкого угорскаго магната Адальберта, изъ котораго видно, что этотъ Адальбертъ былъ посломъ Гейзы къ Рожеру—безъ сомнѣнія по дѣлу союза, быть можетъ еще въ 1149 г. или нѣсколько позже [1]. Мы уже сказали, что сицилійскій король, привлекая Угрію къ своему союзу, имѣлъ прежде всего въ виду вооружить ее противъ Мануила и отвлечь этимъ вниманіе императора отъ Италіи, дабы тѣмъ вре-

[1]) Wenzel, Monum. Hung. Hist. Diplomat. VI, p. 63. Nr. 30, a. 1150—1154: Ego Adalbertus jussu gloriosissimi G(eise) Regis Hungarie etc...: Rogerio Regi Sicilie, Apulie, Capueque verba legacionis laturus...Впрочемъ это посольство относится быть можетъ только къ 1152 году, когда Гейза послѣ смерти Конрада III задумалъ новый походъ на Мануила, затѣявшаго морскую войну противъ Рожера.

менемъ организовать противъ него сильную европейскую коалицію. Дѣйствительно, еще осенью 1149 г. Мануилъ послѣ взятія острова Корфу долженъ былъ устремиться на сѣверъ, гдѣ Сербы рѣшились сбросить съ себя византійскую власть.

Сопоставляя эти факты и соображая тогдашнія отношенія Сербіи къ Угріи, — нельзя не придти къ выводу, что возстаніе Сербовъ является первымъ прямымъ результатомъ присоединенія Угріи къ противоимперскому союзу. Это подтверждается впрочемъ и извѣстіемъ современнаго византійскаго историка Киннама [1]). Сербы могли конечно и сами по себѣ найти своевременнымъ привести въ исполненіе завѣтную цѣль, къ которой они давно стремились, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, т. е. войной Мануила съ Рожеромъ, но такіе моменты бывали и ранѣе—и они не поднимались. Все заставляетъ насъ поэтому думать, что они рѣшились дѣйствовать по сигналу, поданному изъ Угріи, а можетъ быть не безъ внушенія и со стороны Норманновъ. Гейза обѣщалъ имъ конечно свою поддержку и, если въ 1149 г. эта помощь еще не была оказана, то къ посылкѣ ея уже тогда готовились, и Гейза очевидно не дѣлалъ изъ этого тайны. Это подтверждаютъ русскія лѣтописныя извѣстія объ угро-русскихъ отношеніяхъ этого же года, о которыхъ будетъ скоро рѣчь, а именно что Гейза тогда (ок. 1149) въ отвѣтъ на просьбу своего шурина Изяслава Мстиславича о помощи выражается, что онъ „ратенъ съ царемъ“, т. е. съ византійскимъ императоромъ [2]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что драгоцѣнныя сообщенія русской, а именно кіевской лѣтописи (Ипатск. сп.), за весь этотъ періодъ времени отличающіяся замѣчательной хронологическою точностью и вообще характеромъ полной достовѣрности, не только важны сами по себѣ, какъ разъясняющія исторію угро-русскихъ отношеній, но и даютъ возможность повѣрки и установленія болѣе точной хронологіи современныхъ событій на Дунаѣ и войнъ угро-византійскихъ, которыя безъ нихъ оста-

---

[1]) Cinn., l. III, p. 101: Πυθόμενος δὲ (т. е. Мануилъ) ὅτι δὴ Ἀλαμανοὶ καὶ Δαλμάται καὶ Παίονες ἐπὶ τὸν κατὰ Σικελίας συσκευάζεσθαι πόλεμον μεμαθηκότες αὐτὸν αὐτοὶ μὲν ἐξ ἑσπέρας Ῥωμαίοις ἐπιτεθήσεσθαι εἰς ὁμολογίαν ἀλλήλοις ξυνῆλθον...

[2]) Ипат. лѣт. 1149 г., стр. 269.

вались бы не вполнѣ разъясненными благодаря нѣкоторой неполнотѣ и запутанности повѣствованія византійцевъ [1]).

Говоря о томъ, что союзъ Угріи съ Рожеромъ и вообще вступленіе ея въ западноевропейскую коалицію, направленную прежде всего противъ главы восточно-христіанскаго міра, опредѣлили на долго направленіе угорской политики и ея внѣшнія дѣла, мы не можемъ не отмѣтить тутъ же другой не менѣе важной стороны этого политическаго шага, а именно того вліянія, которое онъ оказалъ на внутреннія угорскія отношенія и народное настроеніе. Насколько массѣ населенія Угріи, еще неиспорченной вліяніемъ латинства и остававшейся вѣрной восточной церкви и обряду, были по душѣ тѣсныя связи своего отечества съ Русью, настолько несочувственно и недовѣрчиво она относилась къ сближенію съ латинской Европой, грозившему усиленіемъ иноземныхъ элементовъ и удвоеннымъ наступленіемъ Рима и папства (какъ новаго политическаго союзника Угріи) противъ „схизмы", т. е. православія. Этимъ не могла не воспользоваться затихшая было партія Бориса Коломановича для привлеченія себѣ новыхъ приверженцевъ и для возбужденія недовѣрія къ правительству, хотя король еще и не думалъ измѣнять своимъ русскимъ отношеніямъ, находившихъ тогда еще достаточно сильную поддержку въ королевѣ Евфросиньѣ и банѣ Бѣлушѣ. Въ то же время партія сближенія съ западомъ, имѣвшая безъ сомнѣнія представителей и среди высшихъ сановниковъ, руководимая высшимъ латинскимъ духовенствомъ, относилось конечно небезучастно къ дѣлу союза съ Норманнами и съ заключеніемъ его она должна была себя почувствовать сильнѣе и тверже. Что дѣятельность ея въ смыслѣ отстаиванія во

[1]) Эти русскія извѣстія впервые вполнѣ оцѣнилъ съ этой стороны и сдѣлалъ ихъ сводъ за періодъ 1149 — 1151 г. В. Г. Васильевскій, въ той же статьѣ „Изъ исторіи Византіи въ XII в." въ Приложеніи IV стр. 288—290 (Слав. Сбор. II). Насколько безъ пользованія этими русскими лѣтописными извѣстіями трудно установить вѣрную хронологію событій на Дунаѣ за это время по однимъ византійцамъ и западнымъ лѣтописнымъ отмѣткамъ, свидѣтельствуетъ попытка г. Кар-Herr'a въ его Abendländ. Politik kais. Manuels (Strassb., 1881), Exc. II: Regesten zur Gesch. Manuels, vornehmlich als Controle der Chronologie des Cinnams. S. 132 — 138, которому при всемъ стараніи не удалось распутать хронолог. путаницу византійцевъ. Онъ впрочемъ подозрѣваетъ всю важность русской лѣтописи, но сознаетъ, что она (по языку) ему не доступна (S. 136, п. 3).

всемъ интересовъ запада и Рима и отвлеченія Гейзы отъ связей съ востокомъ (Русью) именно съ этихъ поръ усилилась и не была безплодна — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что западная интрига постепенно и искусно старалась опутать своими сѣтями и самое королеву Евфросинью, какъ главную опору сближенія съ востокомъ, и въ нѣкоторомъ смыслѣ быть можетъ и не совсѣмъ безъ успѣха. Итакъ съ усиленіемъ этой партіи должно было расти и неудовольствіе въ населеніи Угріи, такъ что расчеты Мануила найти въ немъ довольно сильную партію, готовую содѣйствовать ему въ проведеніи на престолъ угорскій Бориса (а потомъ другихъ претендентовъ) являются вполнѣ понятными

Посмотримъ теперь, въ какой ближайшей связи съ угорской политикой находится вспыхнувшее осенью 1149 года возстаніе Сербовъ противъ верховной власти восточной имперіи. Сербскимъ архижупаномъ былъ тогда Урошъ младшій, старшій сынъ Бѣлы-Уроша (отца кор. Елены), котораго Киннамъ называетъ также Примиславомъ (*Первославъ* сербскихъ источниковъ) [1]). Онъ былъ родной братъ бана Бѣлуша и королевы Елены, слѣдовательно тоже дядя Гейзы, былъ безъ сомнѣнія на короткой ногѣ съ угорскимъ королевскимъ домомъ и охотно слѣдовалъ внушеніямъ, исходившимъ оттуда, особенно когда они соотвѣтствовали національнымъ стремленіямъ сербскаго народа. Банъ Бѣлушъ былъ естественно посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ съ Урошемъ. Трудно сказать, являлся ли онъ въ данномъ случаѣ патріотомъ сербскимъ, стремившимся создать политическую независимость своему народу, или онъ какъ государственный дѣятель Угріи, преданный всецѣло ея интересамъ, имѣлъ въ виду подготовить подчиненіе Сербіи своему второму отечеству. Если вѣрить византійцу Киннаму, то таково было именно его стремленіе, вытекавшее будто-бы изъ благодарности Гейзѣ за давнее расположеніе къ нему [2]). Но это конечно собственное со-

---

[1]) Nicet. Chon., l. II, p. 119—121 (Οὔρεσι); Cinn., l. III, p. 113 (Οὔρεσις), p. 204 (Πριμίσθλαβος). Срв. Васильевскій, въ Прилож. „О первыхъ Неманичахъ", стр. 278, 280. Объ отношеніи къ этому лицу называемаго тѣми же источниками Вакхина — будетъ сказано ниже.

[2]) Cinn., l. III, p 104: διὰ δὴ ταῦτα χάριτας ὀφλῶν Γειτζᾷ Δαλματίαν ὑπόσπονδον αὐτῷ καθιστᾶν ἐπεχείρει, ξυμβουλεύων τε ἑκάστοτε περὶ τούτου τῇ ἀειλογίᾳ πείθειν ἔσχε τὸν ἄνθρωπον.

ображеніе историка—надо сказать — довольно неправдоподобное. Едва ли Бѣлушъ ради Угріи былъ въ состояніи пожертвовать интересами своей сербской родины. Во всякомъ случаѣ вооружая Сербовъ противъ императора Мануила, онъ служилъ одновременно и угорскимъ и сербскимъ интересамъ: Угріи нужно было занять Мануила, и она искала случая расширить свое вліяніе на его счетъ, а Сербія уже давно мечтала о независимости.

Итакъ осенью 1149 г. началось движеніе въ Сербіи и къ той же осени относится первый походъ Мануила, который болѣе подробно описывается Киннамомъ: Мануилъ беретъ многіе города и укрѣпленія, разоряетъ ихъ окрестности, уводитъ массу плѣнныхъ, но не можетъ настигнуть велик. жупана (Уроша, хотя онъ при описаніи этого похода не названъ по имени), скрывшагося въ горы и не хотѣвшаго смириться, а потому сильно опустошивъ страну, онъ съ наступленіемъ зимы возвращается въ столицу, отложивъ окончательное усмиреніе Сербовъ до слѣдующаго года [1]. Итакъ на этотъ разъ Сербы

---

[1]) Cinnam, ib., p. 101—103; Nicet. Chon., ib., p. 119—120. Васильевскій, o. c., стр. 237—238. Этотъ ученый на основаніи нѣсколькихъ не совсѣмъ ясныхъ географическихъ указаній Киннама (Νικαβάν χώραν, Γαλίτζη) считаетъ театромъ этой войны восточные предѣлы нынѣшней Сербіи, т. е. область рѣкъ Нишавы и такъ назыв. Болгар. Моравы. Между тѣмъ всѣ современныя извѣстія и данныя, которыми мы располагаемъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что эта область въ то время продолжала оставаться въ византійской власти и сербское движеніе на нее не простиралось. Это подтверждается и извѣстіями того же Киннама о войнѣ Мануила въ слѣдующемъ 1150 году. П. Сретьковичъ въ своей статьѣ „Стање и односи српских архонтија према Угрији и према Византији у половини XII века" (Гласник, кн. 54, 1883, стр. 155) справедливо исправляетъ въ этомъ пунктѣ изложеніе г. Васильевскаго, признавая театромъ дѣйствій 1149 г. югозападные края сербской территоріи, приблизительно область по верховьямъ р. Вардара между гор. Шаромъ и р. Черн. Дриномъ (Γαλίτζη=Галичникъ), что вполнѣ вяжется съ ходомъ и подробностями разсказа Киннама. Но г. Сретьковичъ неправъ по моему мнѣнію, утверждая, что въ этотъ разъ Мануилъ имѣлъ дѣло не съ *рашкимъ* великимъ жупаномъ (Урошемъ), а съ жупаномъ, зависѣвшимъ отъ „далматинскаго" (Дуклянскаго) великаго жупана Радослава Градинича, который и долженъ былъ подчиниться Мануилу, и что разсказъ византійца относится къ тому же, что сообщаетъ относительно Радослава лѣтопись Дуклянина (с. 47, изд. Crnčić'a (1874), S. 59). Несправедливо утвержденіе г. Сретьковича (стр. 168), что Киннамъ въ 1149 г. говоритъ будто-бы спеціально о *Далмаціи*, а въ 1150 — о *Сербіи*. Въ описаніи событій 1150 г. онъ тоже неизмѣнно употребляетъ для Сербовъ терминъ *Далматы*, а рядомъ съ Сербіей употребляетъ и названіе *Далмаціи*, т. е. термины употребительные у византій-

не вступили въ открытую борьбу съ Греками, можетъ быть потому именно, что они ждали военной помощи изъ Угріи, которой въ этомъ году еще не получили. Но мы замѣтили выше, что Гейза уже тогда готовилъ ее и былъ озабоченъ сербскими дѣлами, какъ это видно изъ его сношеній съ Русью, гдѣ также разчитывали на его помощь.

Вмѣшательство Угровъ въ русскія дѣла, вызванное Изяславомъ Мстиславичемъ, началось, какъ мы видѣли, уже въ 1148 г., и продолжалось въ 1149 г. и слѣдующихъ, а потому своевременно будетъ вернутся теперь къ этимъ событіямъ. Своимъ неосторожнымъ и вызывающимъ образомъ дѣйствія въ отношеніи къ дядѣ своему Юрію Владиміровичу суздальскому, и безъ того замышлявшему отстаивать свои права на Кіевъ, Изяславъ Мстиславичъ приготовилъ себѣ слишкомъ скорое паденіе. Разбитый Юріемъ при Переяславѣ въ августѣ 1149 г., онъ долженъ былъ уступить ему кіевскій престолъ, хоть Кіявляне и любили его болѣе, чѣмъ Юрія, съ которымъ не надѣялись ужиться, и удалился во Владиміръ волынскій. Вотъ въ этихъ-то обстоятельствахъ еще въ концѣ 1149 г. Изяславъ обратился съ просьбою о помощи къ зятю своему угорскому королю, равно какъ и къ сватамъ своимъ князьямъ Болеславу IV польскому и Владиславу чешскому [1]). Конечно обращаясь къ Гейзѣ, Изяславъ расчитывалъ главнымъ образомъ на усиленное ходатайство за него сестры Евфросиньи, хотя ему было извѣстно и славянолюбивое настроеніе самого Гейзы и его главнаго совѣтчика бана Бѣлуша. Но мы знаемъ, что въ это самое время Угрія была вовлечена въ западноевропейскую политику и что ради этого ей надо было держать на готовѣ всѣ свои силы на южныхъ границахъ государства, а потому, если не смотря на то—даже среди борьбы съ такимъ опаснымъ противникомъ, какимъ былъ Мануилъ,—Гейза въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ поддерживаетъ военною помощью, конечно съ нѐмалыми затратами и потерями

цевъ для Сербовъ и Сербіи вообще. Никита же Хонскій въ обоихъ случаяхъ говоритъ одинаково о *Сербіи* и *Сербахъ*, и въ разсказѣ о войнѣ 1150 г. (с. 7, р. 121) прямо говоритъ, что Мануилъ узналъ, что *владѣтель Сербіи снова бунтуетъ хуже прежняго*... Очевидно отсюда, какъ и изъ хода киннамова разсказа, что оба раза говорится о томъ же возставшемъ великомъ жупанѣ, что вторая война была прямымъ продолженіемъ первой.

[1]) Объ этомъ свойствѣ мы уже знаемъ изъ предыдущаго, см. стр. 81—82.

и безъ всякой прямой выгоды, своего шурина на Руси, то нельзя не объяснить этого факта въ значительной мѣрѣ сильнымъ вліяніемъ, которое въ то время еще имѣла на короля его жена Евфросинья Мстиславовна.

Объ этихъ русскихъ походахъ угорскихъ войскъ сообщаетъ лишь общее и краткое извѣстіе угорская національная хроника, — всѣ наши свѣдѣнія о нихъ мы почерпаемъ главнымъ образомъ изъ подробнаго и обстоятельнаго повѣствованія нашей кіевской лѣтописи, одного изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ источниковъ той эпохи. Приводя эти извѣстія, мы не можемъ не коснуться вкратцѣ и тѣхъ русскихъ отношеній, которыми всякій разъ было вызвано угорское вмѣшательство.

Итакъ еще осенью 1149 года, вѣроятно вскорѣ послѣ своего пораженія, Изяславъ послалъ въ Угрію просить помощи, а также въ Чехію и Польшу. Гейза отвѣчалъ ему, что теперь у него *война съ царемъ греческимъ*, но что когда онъ освободится, то или самъ придетъ на помощь, или полки свои отпуститъ [1]). Князья польскіе и чешскій обѣщали свою помощь [2]). Но Изяславъ не удовлетворился этими обѣщаніями и вторично послалъ своихъ пословъ въ Угрію, Чехію и Польшу съ большими подарками и съ такою рѣчью: „Помоги Вамъ Богъ за то, что Вы взялись мнѣ помогать, но говорю Вамъ, братья: садитесь на коней съ Рождества Христова“. Такъ и было исполнено, а король угорскій, бывъ самъ занятъ, послалъ шурину 10-ти тысячный отрядъ и велѣлъ сказать: „отпускаю тебѣ свои

---

[1]) Ипат. лѣтоп. г. 1149, стр. 268—69: Изяславъ же пришелъ во Володимеръ, ся слати въ Угры къ зятю своему королеве и въ Ляхы къ свату своему Болеславу и Межцѣ и Индриховѣ, и къ Чешьску князю свату своему Володиславу, прося у нихъ помочи ... Король же ему отречеся, река ему: „ратенъ есмь съ царемъ; аже буду порожень, а самъ поиду, а пакы ли, а полкы своя пущю.“

[2]) Помощь, обѣщанная чешскимъ княземъ Владиславомъ, обращаетъ на себя вниманіе, какъ мы выше видѣли, — въ виду до тѣхъ поръ враждебныхъ отношеній Владислава къ Угріи и дружественнымъ къ Византіи, а слѣдовательно и къ ея союзнику Владимірку. Любопытно однакожъ то, что въ дальнѣйшемъ повѣствованіи о дѣйствіяхъ союзниковъ Изяслава рѣчь идетъ только объ Уграхъ и Полякахъ, а о Чехахъ умалчивается, какъ-бы ихъ и не было. Быть можетъ Владиславу дѣйствительно не удалось исполнить обѣщанія?

полки а самъ хочу подойти къ галицкимъ горамъ, чтобъ не дать двинуться галицкому князю (т. е. Владимірку), а ты справляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда же у тебя войска истомятся, я пришлю тебѣ еще другое сильнѣйшее, или и самъ сяду на коня" [1]). Изъ этого отвѣта видно, что Владимірко галицкій, будущій сватъ Юрія Долгорукаго — за его сына Ярослава была потомъ выдана дочь Юрія — уже готовился выступить въ союзѣ съ нимъ противъ Изяслава, и королю угорскому это было извѣстно. Изяславъ обратился еще съ мирными предложеніями къ дядѣ своему Вячеславу, но не достигнувъ ничего, соединился со своими союзниками и сталъ готовиться къ борьбѣ, такъ какъ его противники Юрій съ сыновьями и Вячеславомъ, съ вспомогательнымъ отрядомъ галицкимъ тоже уже собрались у Пересопницы. Самъ Владимірко галицкій придвинулся къ границѣ, чѣмъ внушилъ страхъ উграмъ и Полякамъ и повліялъ на ходъ всего дѣла. Мы видимъ изъ этого, что Гейза не успѣлъ исполнить своего намѣренія парализовать своимъ движеніемъ къ галицкой границѣ силы Владимірка, который является не только ничѣмъ не связаннымъ, но и оказываетъ еще рѣшительное вліяніе на все предпріятіе.

Увидѣвъ себя въ опасности, иноземные союзники Изяслава, изъ которыхъ Поляки въ добавокъ стремились домой, получивъ тревожныя вѣсти оттуда, рѣшились съ согласія Изяслава выступить посредниками между враждующими Мономаховичами и обратились къ Юрію и Вячеславу съ предложеніемъ покончить дѣло миромъ и не проливать братской крови: пусть дядья поладятся съ своимъ племянникомъ: за ними пусть останется Кіевъ, а за Изяславомъ Владиміръ и Луцкъ. Юрій и Вячеславъ отвѣчали на это, что они очень благодарны имъ, т. е. иноземнымъ государямъ, за добрые совѣты, но если они хотятъ помирить ихъ, то пусть прежде всего сами оставятъ русскую землю и идутъ во свояси, а Изяславъ — въ свой Владиміръ, и тогда

---

[1]) Ипат. лѣт., тамъ же, стр. 269: Изяславъ же опять посла послы своѣ въ Угры ко королеви, и въ Ляхы, и въ Чехы и т. д... А король бы не пороженъ и пусти ему Угоръ 10 тысячь; и то рече ему король: „се ти пущаю полкы своя, а самъ хочю поступити подъ горы Галичьскаго князя, не дати же ся ему двигнути, а ты ся прави съ кимъ ти обида есть; аче ти ся полки иструдять, а язъ силнѣйши пущю другыя, пакы ли, а самъ всяду на конѣ".

они, сами князья русскіе, ужъ уладятъ дѣло между собой и сведутъ счеты другъ съ другомъ.

Союзники Изяслава такъ и поступили и поспѣшили разъѣхаться въ свои земли, оставивъ Мономаховичей однихъ вѣдаться между собой [1]). Но эта развязка не повела къ добру. Стороны не могли договориться, а Юрію только и нужно было лишить Изяслава помощи его иноземной родни. Отмѣченный лѣтописью „страхъ" Угровъ и ихъ старанье избѣгнуть войны легко объясняется еще и тѣмъ, что Гейза, занятый на югѣ помощью Сербамъ противъ Византіи, не могъ самъ принять дѣятельнаго участія въ русскихъ дѣлахъ. Этотъ угорскій, какъ видно, зимній походъ на Русь относится къ самому концу 1149 года. Вернулись Угры домой уже въ началѣ 1150-го. Но, судя по дальнѣйшему, часть угорскаго отряда (равно какъ и польскаго) всетаки осталась у Изяслава, ибо вскорѣ снова имя Угровъ, безъ извѣстія о призывѣ ихъ, упоминается въ его ополченіи.

Какъ только Изяславъ остался одинъ, Юрій возобновилъ дѣйствія противъ него, чтобъ лишить его удѣла, и осадилъ Луцкъ, гдѣ сидѣлъ братъ изяславовъ Владиміръ. Изяславъ не могъ ему помочь, ибо ему преградилъ путь Владимірко галицкій. Тогда по его просьбѣ въ роли примирителя выступилъ этотъ послѣдній и дѣйствительно достигъ того, что весной 1150 года былъ заключенъ миръ, по которому Юрій остался въ Кіевѣ, а Изяславъ получилъ также желаемое удовлетвореніе. Однакожъ миръ былъ не проченъ. Новой размолвкой воспользовался на этотъ разъ Изяславъ, чтобъ снова ополчиться противъ Юрія. Его поддерживало расположеніе къ нему Кіевлянъ, которые сами даже звали его въ Кіевъ. Юрій, узнавъ

---

[1]) Ипат. лѣт., 1149 г. (стр. 270): „Самъ Володимеръ приступилъ бяше ближе къ Шюмьску; и убояшася Ляхове и Угре... .Сдума съ Болеславомъ и Индрихомъ и съ Угры, акоже имъ послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви, а Угре отъ короля свои мужи, рекуча: „вы намъ есте въ отца мѣсто" и проч........Вячеславъ же и Гюрги тако рекоста: „Богъ помози зятю нашему Болеславу.... оже межи нами добра хочете; но обаче оже ны ся велите мирити, то не стойте на нашей земли, а жизни пашея ни селъ нашихъ не губите, но ать Изяславъ поидеть въ свой Володимирь, а вы въ свою землю поидите, а вѣ ся своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ сами вѣдамы". И то слыша Изяславъ и Болеславъ, Индрихъ и Угре, разъѣхашася; Изяславъ же иде Володимирю, а Угре въ Угры, а Ляхове въ Ляхы.

о приготовленіяхъ Изяслава, испугался и оставилъ Кіевъ, гдѣ поспѣшилъ тогда утвердиться Вячеславъ, который однакожъ долженъ былъ уступить прибывшему вслѣдъ за нимъ Изяславу. Между тѣмъ Юрій съ своими союзниками, Давидовичами, Ольговичами и галицкимъ княземъ, уже выступалъ опять противъ неуступчиваго племянника. Изяславъ поспѣшилъ склонить на свою сторону стараго дядю Вячеслава, призвавъ его въ Кіевъ и обѣщавъ имѣть его *отцемъ*. Оставивъ его въ Кіевѣ, онъ съ его и своей дружиной и Берендѣями (общ. назв: Черными Клобуками въ кіев. лѣт.) пошелъ прежде всего къ Звенигороду противъ Владимірка, но онъ уже шелъ ему на встрѣчу. Противники встрѣтились на берегахъ рѣки Стугны, но Кіевляне и Берендѣи, устрашившись силы галицкаго войска, измѣнили Изяславу и обратились въ бѣгство. Увидѣвъ себя оставленнымъ всѣми, кромѣ немногочисленныхъ Угровъ и Поляковъ, Мстиславичъ долженъ былъ тоже повернуть назадъ въ Кіевъ и избѣгъ худшаго только благодаря тому, что Галичане заподозрили хитрость въ безпричинномъ бѣгствѣ Кіевлянъ.

Итакъ при этомъ случаѣ опять упоминается угорскій вспомогательный отрядъ у Изяслава (какъ въ Лаврентьев. сп. лѣтописи, такъ и въ Ипатскомъ) [1]. Такъ какъ о новой посылкѣ угорской помощи за это время извѣстій нѣтъ, то мы въ правѣ предположить, что при Изяславѣ оставался небольшой угорскій (какъ и польскій) отрядъ изъ числа тѣхъ 10,000, которые были посланы ему въ 1149 г. и должны были вернуться, не бывъ въ дѣлѣ—вслѣдствіе мирнаго оборота событій. Изъ лѣтописнаго свидѣтельства видно, что этотъ угорскій отрядъ до конца оставался вѣренъ Изяславу.

Едва Изяславъ успѣлъ вернутся въ Кіевъ, какъ подступилъ къ нему Юрій съ большими силами. Не надѣясь удержаться, Изяславъ съ Вячеславомъ поспѣшили добровольно удалиться. Въ то же время не замедлилъ явиться къ Кіеву и Владимірко, который и водворилъ опять Юрія въ Кіевѣ, послѣ чего захватилъ часть изяславо-

---

[1]) Лаврент. лѣт., 1150 г. (стр. 310): Кыяне же начаша стужати ему, рекуще: „поѣди прочь“, и сами побѣгоша прочь, и Берендѣи с ними. Онъ же рече дружинѣ своей: „уже аще мнѣ толико доѣхати с гостьми, с Угры и с Ляхы; а уже дружина моя пострашена“; тогда и самъ поѣха прочь ... — Ипатск. лѣт. 1150 (стр 279): слова Изяслава: „уже ми толико доехати съ гостьми, съ Угры и с Ляхы; а уже дружина моя пострашена“,—тогда и самъ побѣже прочь.

вой волости и вернулся въ свой Галичъ. Изяславъ ушелъ опять въ свой Владиміръ, но конечно не съ тѣмъ, чтобъ смириться. Онъ обратился къ сидѣвшему въ Пересопницѣ Андрею Юрьевичу, съ просьбой помирить его съ Юріемъ. „Братъ, говорилъ онъ, помири меня съ отцомъ твоимъ; мнѣ нѣтъ отчины ни въ Угріи, ни въ Польшѣ, а только въ русской землѣ; выпроси мнѣ у отца волость по Горынь“ [1]). Однако Юрій ничего не далъ Изяславу, не смотря на ходатайство Андрея, и тогда Изяславъ снова обращается въ Угрію къ своему зятю: онъ посылаетъ туда своего брата Владиміра сказать Гейзѣ: „ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірко не смѣетъ головы высунуть; я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владимірко, согласившись съ Ольговичами, пришелъ и прогналъ меня изъ Кіева; сядь же нынѣ, братъ, на коня, какъ самъ обѣщалъ мнѣ...“ Услышавъ это, король угорскій собралъ всѣ свои войска и самъ сѣлъ на коня, пославъ впередъ сказать Изяславу: „я уже выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступай и ты навстрѣчу со всею силою своею; узнаетъ Владимірко, кого онъ задѣлъ“ [2]). Это было, какъ видно изъ послѣдующаго, осенью 1150 года.

Итакъ предпринятый походъ былъ на сей разъ направленъ собственно противъ Владимірка галицкаго. У Владимірка, разсказываетъ далѣе лѣтопись, были въ Угріи друзья, которые поспѣшили ему сообщить, что король идетъ противъ него. Кто были эти друзья, на это нѣтъ болѣе точныхъ указаній, но можно думать, что таковыхъ у галицкаго князя было достаточно среди соплеменнаго русскимъ галичанамъ прикарпатскаго населенія Угріи: племенное родство этого населенія съ зарубежными сосѣдями и старыя историческія связи не могли не играть своей роли и въ политическихъ отношеніяхъ... Владимірко стоялъ около г. Бельза: узнавъ о приближеніи Гейзы, онъ бросился съ дружиною

---

[1]) Ипат. лѣт., 1150, (стр. 281): Изяславу же молвящю: „мнѣ отцины въ Угрехъ нѣтуть, ни въ Ляхохъ, токмо въ Руской земли, а проси ми у отца волости по Горину“. Лаврент. лѣт., 1150, стр. 312.

[2]) Ипат. лѣт., (стр. 282): Изяславъ же, то сдумавъ, посла брата своего Володимера въ Угры ко королеви, зяти своему, и рече ему: „ты ми еси самъ реклъ, акоже Володимеръ не смѣеть головы склонити; и т. д. Король же то слыша, и посла по всей своей земли по свою дружину и по всѣ свои полкы ... и проч.

своею къ Перемышлю. Гейза перешелъ черезъ Карпаты и взялъ Санокъ, одинъ изъ пограничныхъ галицкихъ городовъ [1]).

Онъ перешелъ Карпатскія горы въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежалъ издавна обычный военный путь изъ Угріи и гдѣ Угры ходили и впослѣдствіи на Русь. Это было тамъ, гдѣ Карпаты понижаются между верховьями рѣки Сана и Вислокомъ, гдѣ долины притоковъ Сана съ одной стороны Карпатскаго хребта и долины рѣки Лаборца съ ея притоками (Черока) — съ другой стороны, близко подступая другъ къ другу, дѣлають переходъ черезъ горы наиболѣе удобнымъ. Такимъ образомъ рѣка Санъ была первымъ базисомъ военныхъ операцій Угровъ въ Галиціи, а городъ Санокъ первымъ значительнымъ мѣстомъ на ихъ пути [2]).

Гейза, взявъ Санокъ, близился уже къ Перемышлю, куда подошелъ и Владимірко. Предвидя плохой исходъ борьбы съ наступавшими на него съ двухъ противоположныхъ сторонъ врагами, изворотливый галицкій князь прибѣгъ къ переговорамъ и подкупу: онъ вошелъ въ сношенія съ сопровождавшими короля въ походѣ архіепископомъ Кукнишемъ, какъ его называетъ кіевская лѣтопись, и двумя епископами, съ угорскими вельможами („къ мужемъ королевымъ") и подкупилъ ихъ уговорить короля вернуться домой. Послѣдній дѣйствительно далъ себя убѣдить вѣроятно довольно убѣдительными доводами и повелъ такую рѣчь: „не время уже воевать теперь; рѣки уже замерзаютъ (была слѣдовательно поздняя осень), пойдемъ домой; а когда рѣки станутъ, то опять соберемся, если Богъ дастъ". „Наступилъ уже Дмитровъ день" (т. е. 26 октября), прибавляетъ лѣтопись. Король

---

[1]) Срв. Бѣляевъ, О географ. свѣдѣніяхъ въ древ. Руси Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. Кн VI, 1852, стр. 137.

[2]) Точнѣе путь Угровъ опредѣляется такъ: отъ р. Лаборца долиною его притока Чироки (Черока) мимо г. Снины (мад. Szinna) и селъ Ростоки, Старины, Полены и Руски - черезъ хребетъ къ галицкимъ селамъ Ростоки, Чисна и пр. къ р. Сану и Саноку. Срв. Барсовъ, Очерки русской истор. Географіи изд. 2 (Варш. 1885), стр. 271. Срв. объ этихъ угро-русскихъ путяхъ ст. Шараневича „Изслѣдованіе на полѣ отечеств. Географіи и Исторіи" (Старинные пути русско-угорскіи черезъ Карпаты и русско-польскіи черезъ Санъ и Вислу, съ картой). Литерат. Сборникъ галицко-русск. матицы 1869 г. вып. I и II, стр. 46 и слѣд., 79—82.

дѣйствительно вернулся, взявъ съ собой брата изяславова Владиміра Мстиславича [1]).

Извѣстіе о подкупѣ высшаго духовенства угорскаго и вельможъ съ цѣлью остановить Гейзу въ его предпріятіи, весьма любопытно, особенно потому, что бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на духъ и настроеніе окружавшихъ короля духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Если угорскіе епископы, положимъ и не безкорыстно, исполнили желаніе галицкаго князя и отвлекли короля отъ вмѣшательства въ русскія дѣла, то это безъ сомнѣнія было и въ ихъ собственномъ интересѣ, и они дѣйствовали вполнѣ обдуманно. Мы находимъ здѣсь только подтвержденіе того, что высказали выше о роли католическаго духовенства въ угорскихъ политическихъ дѣлахъ того времени — въ смыслѣ его стремленія по возможности ослабить связи Угріи съ Русью и востокомъ вообще [2]).

Однако пока они были еще довольно далеки отъ цѣли. Доказательствомъ служитъ новая родственная связь, завязанная роднею Гейзы съ Мстиславичами — какъ разъ по возвращеніи съ осенняго похода 1150 года. Исяславъ Мстиславичъ, разсказываетъ все та же лѣтопись, сладившись съ зятемъ своимъ королемъ и съ сестрою своею королевою, сосваталъ дочь бана (Бѣлуша) за брата своего

---

[1]) Ипат. лѣт., 1150, стр. 282: Володимеръ же, то видя, убоялся и посласл архиепископу Кукнишеви и ко инѣма двѣма пискупома и къ мужемъ королевымъ, и тако домолився, и вда золото много и умьзди я, да быша воротили короля, и проч.... Архіепископа этого имени мы не знаемъ въ Угріи за это время. Колочскимъ архіеп. былъ Миконъ (Mico) съ 1149 г., см. Katona, Hist. metrop. Coloc. eccl., p. 183, а что касается до *остригомскаго* примаса, то Феликіанъ умеръ по видимому въ концѣ 1149 или нач. 1150 г., а Мартирій, его преемникъ, сталъ архіепископомъ остригомскимъ не ранѣе 1151. Въ грамотахъ 1150 г. первое мѣсто среди высшаго духовенства занимаетъ Мартирій, какъ епископъ Ягерскій; слѣдовательно остригомскій престолъ былъ еще вакантенъ. Надо предполагать, что въ русской лѣтописи говорится или о Миконѣ колочскомъ, или быть можетъ о временномъ замѣстителѣ остригомскаго примаса. *Кукнишъ* есть безъ сомнѣнія *фамильное имя*, подобныя которому (Kukenes etc.) встрѣчаются въ документахъ XIII, XIV вѣка. Срв. Fejér, Index Alphabet. Codicis Dipl. Hung. (1866), p 251.

[2]) Фесслеръ (Gesch. d. Ungern, Leipz., 1815, II, S. 69), желая смягчить или оправдать фактъ, сообщаемый лѣтописью, думаетъ, что Владимірко обманулъ высшихъ угорскихъ прелатовъ обѣщаніемъ перейти въ латинскую вѣру, если они уговорятъ Гейзу вернуться. Но для такого предположенія у насъ нѣтъ никакого прочнаго основанія. Лѣтопись говоритъ просто о подкупѣ

Владиміра (бывш. кн. луцкаго), котораго Гейза, какъ мы видѣли, взялъ съ собой, возвращаясь домой: очевидно это дѣло между ними было улажено уже раньше. Невѣсту послали впередъ къ Изяславу, а самъ Владиміръ, будучи утомленъ, остался еще отдохнуть у короля [1]). Гейза, его супруга и приближенные оказывали ему большое вниманіе и почетъ: богато одаривъ, отпустили его на родину, причемъ король сказалъ ему слѣдующее: „Поклонись отцу моему и брату своему Изяславу и скажи ему: греческій царь поднимается на меня ратью, и потому этою зимою и весной мнѣ нельзя сѣсть на коня для тебя; но твой щитъ и мой не должны быть врозь; если мнѣ самому нельзя будетъ, то пришлю тебѣ помощь, сколько хочешь, 10-ли тысячь или больше. А лѣтомъ, если Богъ дастъ, я буду въ твоемъ распоряженіи; тогда Богъ дастъ отомстимъ свои обиды“ [2]). Изяславъ былъ очень доволенъ услышать такую рѣчь, какъ доказательство дружескаго расположенія короля, и сказалъ Владиміру: „Богъ тебѣ помоги, что ты потрудился ради моей и своей чести, но здѣсь моей снохѣ и твоей женѣ [3]) время показалось очень долгимъ“. Затѣмъ Изяславъ выдалъ „бановну“ за своего брата, и была у нихъ великая радость и веселье [4]).

Все это происходило зимою, въ самомъ концѣ 1150 года. Разсказанныя событія и сношенія какъ нельзя лучше характеризуютъ тѣ близкія и искренно дружественныя связи, которые установились тогда между угорскою королевскою семьею и русскими Мстиславичами, и на которыя не могла еще повліять новая западная политика Угріи. Въ этихъ любопытныхъ извѣстіяхъ важно для насъ теперь

---

[1]) Ипат. лѣт., 1150, стр. 283: В то же веремя Изяславъ, сгадавъ съ зятомъ своимъ королемъ и съ сестрою своею королевою, и пояша у бана дчерь за Володимира, и послаша ю къ Изяславу напередъ Володимирю; а Володимеръ зане труденъ безъ дружины своея, и конемъ своимъ, оста опочивати у короля.

[2]) Тамъ же, стр. 283.

[3]) Здѣсь „жена“ стоитъ повидимому вмѣсто *невѣсты*.

[4]) Послѣ словъ Изяслава брату въ лѣтописи читаемъ: „Въ то же веремя Изяславъ послалъ бяше Угры на покормъ Устилогъ; и тако пославъ Изяславъ и приведе бановну за брата своего Володимера“ etc. Здѣсь по всей вѣроятности говорится объ Уграхъ, прибывшихъ въ свитѣ невѣсты бановны или объ угорскомъ отрядѣ, находившемся все время въ распоряженіи Изяслава.

войскомъ. Этимъ повидимому объясняется то, что Греки во время похода 1150 г. имѣли дѣло съ Уграми два раза, сперва съ дополнительнымъ отрядомъ [1]). Извѣстія объ этой войнѣ, какъ и вообще объ угро-византійской борьбѣ при Мануилѣ, имѣются къ сожалѣнію почти исключительно лишь въ греческихъ источникахъ, именно у историковъ Киннама и Никиты Хонскаго, а потому, не смотря на ихъ современность и близость къ событіямъ, естественно изображеніе послѣднихъ съ одной только греческой точки зрѣнія оказывается неполнымъ и одностороннимъ. Если же такимъ образомъ altera pars не можетъ быть выслушена, то слѣдуетъ съ возможной критикой и осторожностью относиться къ имѣющимся свидѣтельствамъ одной стороны. Описаніе настоящей войны съ значительными подробностями, касающимися главнымъ образомъ военной доблести и подвиговъ самого Мануила, находимъ у Киннама, а краткій разсказъ — у Никиты Хонскаго; насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ эта греко-сербская война конечно лишь настолько, насколько въ ней принимали участіе Угры.

Силы возставшихъ Сербовъ были на этотъ разъ сосредоточены гдѣ-то въ области верхняго теченія рѣки Дрины; сюда же прибыла очевидно и угорская помощь, которая по всей вѣроятности состояла изъ войска, собраннаго въ ближайшихъ къ театру дѣйствія провинціяхъ Угріи. Мануилъ, переведши свое войско къ Нишу [2]) и узнавъ о томъ, что Сербы ожидаютъ угорскую помощь, поспѣшилъ перейти со всѣмъ своимъ войскомъ черезъ такъ назыв. *Лугомирскую* область на западъ, ожидая появленія Угровъ съ праваго фланга (т. е. со стороны Дуная и Савы) [3]) и надѣясь вѣроятно помѣшать

---

[1]) Cinn., p. 104 и 105.

[2]) Сретьковичъ въ вышеуказанной статьѣ (Гласник, к. 54) понимаетъ это выраженіе въ смыслѣ — „къ границамъ Нишской области". Причиной этого перевода могло быть просто то, что Мануилъ самъ шелъ на сей разъ прямо изъ Византіи на Средецъ (Софію) и Нишъ.

[3]) Cinn., p. 104: ἔνθα δυνάμεις ἐκ Παιονίας .. μαθών, σπουδὴν ἐποιεῖτο διὰ τοῦ Λογγομηροῦ λεγομένου χώρου διαβιβάζειν τὸ στράτευμα, ὡς τοῖς Παίοσιν ἐν δεξιᾷ πορευομένοις συμμῖξαι γένοιτο τῷ Ῥωμαίων στρατῷ... Лугомирская жупа (отъ р. Лугомира, притока Моравы) въ восточн. Шумадіи, въ нын. Ягодинскомъ округѣ. Срв. Новаковичъ, Српске области X и XII в. пре владе немањиће (Беогр. 1879). стр. 23—24.

Французовъ и Рожера относительно крестоваго похода и завоеванія Византіи — окончательно рушились, тѣмъ болѣе, что и папа Евгеній въ концѣ концевъ нѣсколько скептически отнесся къ предпріятію и не желалъ полнаго разрыва съ германскимъ королемъ. Весной 1150 года происходитъ дѣятельный обмѣнъ посольствами и переписка между Конрадомъ и Мануиломъ по поводу этихъ западноевропейскихъ замысловъ. Конрадъ объясняетъ причины, которыя заставили отложить задуманный походъ въ Италію (это — борьба съ Вельфомъ и его болѣзнь), сообщаетъ ему о враждебныхъ противъ него планахъ западноевропейской коалиціи и завѣряетъ его краснорѣчиво о своей преданности и неизмѣнной вѣрности ему, обѣщая, если нужно, выступить за него противъ Людовика VII и при первой возможности исполнить договоръ относительно общаго италіанскаго предпріятія. Свои завѣренія онъ подкрѣпляетъ повтореніемъ предложенія брачныхъ узъ для своего сына Генриха съ племянницею Мануила [1]). Нечего и говорить о томъ, какъ императоръ былъ доволенъ такимъ искренне дружественнымъ образомъ дѣйствія своего союзника. Грозившая ему съ запада опасность почти миновала, и онъ могъ обратить свои силы на сѣверъ противъ непокорныхъ Сербовъ и поддерживавшей ихъ Угріи. Однако лѣто прошло еще безъ военныхъ дѣйствій, ибо для начатія ихъ Мануилъ ждалъ осени, какъ самаго благопріятнаго для похода туда времени года.

Когда позднею осенью 1150 г. Гейза вернулся изъ Галиціи и затѣмъ извѣщалъ великаго князя Изяслава Мстиславича, что на него „встаетъ ратью греческій царъ“, угорскій отрядъ, обѣщанный въ помощь Сербамъ, находился уже безъ сомнѣнія въ Сербіи, куда онъ былъ посланъ заблаговременно. Узнавъ о выступленіи самого Мануила съ большими силами, Гейза вѣроятно послалъ новое подкрѣпленіе, которое могло лишь позже соединиться съ главнымъ сербскимъ

---

[1]) Всѣ эти политическія отношенія, происки коалиціи и переговоры заинтересованныхъ лицъ прекрасно обрисовываются въ дошедшей до насъ перепискѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. папы, самихъ монарховъ другъ съ другомъ и такихъ духовныхъ, какъ Бернардъ Клервалльскій, аббатъ Сугерій, и особенно аббатъ Вибальдъ, самое близкое къ Конраду лицо. Большая часть этихъ писемъ у Jaffé. Monum. Corbeiensia, Wibaldi Epistolae, См. изложеніе этихъ событій у Bernhardi, Konrad III, 2 Th. (Leipz, 1883), S. 808—823; Васильевскій, въ той же ст., стр. 239—245.

ское войско было повидимому малочисленнѣе непріятельскаго [1]), но это не остановило Мануила, который перешелъ черезъ рѣку (Тару) и вступилъ въ бой. Послѣ цѣлаго ряда стычекъ, въ которыхъ по словамъ Киннама всего болѣе отличался самъ императоръ своей находчивостью, силой и храбростью, и послѣ рукопашной схватки Мануила съ однимъ изъ предводителей противниковъ — Греки одержали верхъ и союзники потерпѣли полное пораженіе. Сербы должны были смириться и архижупанъ ихъ Урошъ лично явился къ Мануилу, изъявилъ покорность и согласился на всѣ условія [2]). Побѣдоносный Мануилъ вернулся въ столицу.

Таковъ былъ результатъ кампаніи. Но успѣхъ этотъ былъ достигнутъ не сразу и не безъ большого напряженія силъ Грековъ — только благодаря личной, не даромъ прославляемой храбрости и рѣшительности Мануила; вѣроятно и потери Грековъ были значительны. Все это сквозитъ въ разсказахъ византійцевъ, не смотря на ихъ стараніе прикрыть истину описаніемъ личныхъ подвиговъ Мануила и впечатлѣнія, имъ производимаго на непріятелей. Киннамъ проговаривается, разсказывая о *критическихъ* и *опасныхъ* положеніяхъ, въ которыя попадали передовыя части римскаго войска и изъ коихъ ихъ выручалъ самъ императоръ [3]). Никита же Хонскій, сказавъ въ началѣ, что Мануилъ выступилъ съ небольшими силами, пренебрегая врагами, которыхъ считалъ слишкомъ слабыми, потомъ прямо говоритъ о счастливомъ для Грековъ окончаніи сраженія *послѣ неблагополучнаго его начала* [4]). Очевидно не все такъ было, какъ разсказывается,—и Угры, которыхъ впрочемъ едва-ли было

измаильтяне, исповѣдующіе магометанство особаго толка. См. Васильевскій, ib., стр. 247, пр. 78 и Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, стр. 146. О Хвалисахъ еще Куникъ, Уч. Зап. Акад. Наукъ, т. III, стр. 737. Срв. Сретьковичъ, стр. 174.

[1]) Cinn., p. 108; Nicet. Chon., l. II, S. 121.

[2]) Cinn., 104—113; Nic. Chon., p. 121—122. Подробный пересказъ войны и этой битвы „на Шаранцима", какъ опредѣляютъ ее Сербы, у Сретьковича, тамъ же, стр. 170—177.

[3]) Cinn., p. 107: . . . ἐννοησάμενος (βασιλεὺς) μή τι καὶ βιασθεῖεν ὀλίγοι πρὸς πολλῶν κυκλωθέντες Ῥωμαῖοι... etc.; p. 108: ...συνέβη τῶν παρὰ Ῥωμαίοις στρατηγούντων τινάς . . . ἐπί τινος δυσπορεύτου καὶ ἀνάντους ἐν τῷ διώκειν γεγονότας λοχμῆς ἀγωνιᾶν ἅτε εἰς προῦπτον κίνδυνον ἐληλακότας etc.

[4]) Nicet. Chon., l. II, p. 121—122.

ихъ соединенію съ Сербами. Однако онъ прошелъ такимъ образомъ черезъ всю нын. Шумадію почти до самой Савы, а затѣмъ повернулъ къ Дринѣ, „отдѣляющей Сербію отъ Босны", никого не встрѣтивъ. Только здѣсь, гдѣ-то въ области средн. теченія Дрины передовой отрядъ греческаго войска (фуражиры) натолкнулся на отрядъ Угровъ и разбилъ ихъ съ помощью присланнаго Мануиломъ подкрѣпленія. Угры, преслѣдуемые Греками, побѣжали сперва къ Дринѣ [1]) и затѣмъ, послѣ новой неудачи, очевидно къ югу, вверхъ по ея теченію — по направленію къ мѣсту расположенія сербскаго войска; побѣдители преслѣдовали ихъ до р. Тары (ἐπὶ Τάραν τε ποταμὸν), одной изъ двухъ рѣкъ, образующихъ Дрину; но не встрѣтивъ и тутъ непріятеля, они вернулись къ своимъ [2]). Мануилъ съ своимъ войскомъ находился на пути къ Сеценицѣ — Σετζενίτζα (гор. Сѣнница или р. Ситница?) [3]), вѣроятно гдѣ-то между р. Лимомъ и верхнимъ теченіемъ сербской Моравы, и узнавъ отъ плѣнныхъ Сербовъ о мѣстѣ расположенія сербскаго войска и объ ожидаемой угорской помощи, направился на западъ къ р. Тарѣ, и дѣйствительно за этой рѣкой оказались собранными главныя сербскія силы и ихъ союзники. Кромѣ угорской конницы здѣсь были еще приведенные Уграми Хвалисы [4]) и Печенѣги (вѣроятно здѣсь разумѣются и Куманы). Греч-

---

[1]) Киннамъ (о. с., р. .05) тутъ называетъ р. Стримонъ, но очевидно Στρυμόνος здѣсь ошибкою вмѣсто Δρυμόνος. См. Васильевскій, тамъ же, стр. 246, пр. 76.

[2]) Подъ р. Τάραν τὸν ποταμὸν только и можно разумѣть р. *Тару*, см. Новаковичъ, тамъ же, стр. 124.

[3]) Cinn., p. 105. Одинаково возможно разумѣть здѣсь и то и другое, тѣмъ болѣе, что путь ко второй шелъ черезъ первую. Сѣнницу видитъ тутъ Шафарикъ, а Ситницу предлагаетъ читать В. Г. Васильевскій, съ которымъ соглашается и Сретьковичъ. Мы согласны съ послѣднимъ, что по звукамъ *Ситница* болѣе подходитъ къ греческой формѣ, но географически *Сѣнница* ближе къ Тарѣ, чѣмъ Ситница, а не наоборотъ, какъ замѣчаетъ г. В., и болѣе подходитъ къ опредѣленію движенія Мануила, который могъ находиться только сѣвернѣе Сѣнницы, а извѣстно, что именно здѣсь проходила большая дорога изъ Босніи, сходясь въ Сѣнницѣ съ большими дорогами на Дубровникъ съ одной стороны и на Новипазаръ и въ долину Ибара — съ другой. Срв. Jireček, Handelstrassen in Serbien u. Bosnien. Prag. 1879, S. 77, 86.

[4]) Cinn., p. 107: ....καὶ τῶν παρ᾽αὐτοῖς ἑτεροδοξούντων Χαλισίων; здѣсь Киннамъ опредѣляетъ ихъ принадлежащими Моисееву закону (особому толку), а въ другомъ мѣстѣ (р. 247) считаетъ ихъ единовѣрными съ Персами (*Турками*). Послѣднее вѣрнѣе, ибо эти Хвалисы — то же, что извѣстные *Кализы*,

ское войско было повидимому малочисленнѣе непріятельскаго [1]), но это не остановило Мануила, который перешелъ черезъ рѣку (Тару) и вступилъ въ бой. Послѣ цѣлаго ряда стычекъ, въ которыхъ по словамъ Киннама всего болѣе отличался самъ императоръ своей находчивостью, силой и храбростью, и послѣ рукопашной схватки Мануила съ однимъ изъ предводителей противниковъ — Греки одержали верхъ и союзники потерпѣли полное пораженіе. Сербы должны были смириться и архижупанъ ихъ Урошъ лично явился къ Мануилу, изъявилъ покорность и согласился на всѣ условія [2]). Побѣдоносный Мануилъ вернулся въ столицу.

Таковъ былъ результатъ кампаніи. Но успѣхъ этотъ былъ достигнутъ не сразу и не безъ большого напряженія силъ Грековъ — только благодаря личной, не даромъ прославляемой храбрости и рѣшительности Мануила; вѣроятно и потери Грековъ были значительны. Все это сквозитъ въ разсказахъ византійцевъ, не смотря на ихъ стараніе прикрыть истину описаніемъ личныхъ подвиговъ Мануила и впечатлѣнія, имъ производимаго на непріятелей. Киннамъ проговаривается, разсказывая о *критическихъ* и *опасныхъ* положеніяхъ, въ которыя попадали передовыя части римскаго войска и изъ коихъ ихъ выручалъ самъ императоръ [3]). Никита же Хонскій, сказавъ въ началѣ, что Мануилъ выступилъ съ небольшими силами, пренебрегая врагами, которыхъ считалъ слишкомъ слабыми, потомъ прямо говоритъ о счастливомъ для Грековъ окончаніи сраженія *послѣ неблагополучнаго его начала* [4]). Очевидно не все такъ было, какъ разсказывается,—и Угры, которыхъ впрочемъ едва-ли было

измаильтяне, исповѣдующіе магометанство особаго толка. См. Васильевскій, ib., стр. 247, пр. 78 и Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, стр 146. О Хвалисахъ еще Куникъ, Уч. Зап. Акад. Наукъ, т. III, стр. 737. Срв. Сретьковичъ, стр. 174.

1) Cinn., p. 108; Nicet. Chon., l. II, S. 121.

2) Cinn., 104—113; Nic. Chon., p. 121—122. Подробный пересказъ войны и этой битвы „на Шаранцима", какъ опредѣляютъ ее Сербы, у Сретьковича, тамъ же, стр. 170—177.

3) Cinn., p. 107: . . . ἐννοησάμενος (βασιλεὺς) μή τι καὶ βιασθεῖεν ὀλίγοι πρὸς πολλῶν κυκλωθέντες Ῥωμαῖοι... etc.; p. 108: ...συνέβη τῶν παρὰ Ῥωμαίοις στρατηγούντων τινάς . . . ἐπὶ τινος δυσπορεύτου καὶ ἀνάντους ἐν τῷ διώκειν γεγονότας λοχμῆς ἀγωνιᾶν ἅτε εἰς προῦπτον κίνδυνον ἐληλακότας etc.

4) Nicet. Chon., l. II, p. 121—122.

много, всетаки помогли Сербамъ оказать значительное сопротивленіе. Этимъ объясняется также сильное раздраженіе Мануила противъ угорскаго короля: онъ оставилъ Сербію съ твердою рѣшимостью предпринять вскорѣ походъ въ Угрію.

Въ описанной войнѣ насъ занимаетъ еще эпизодъ единоборства Мануила съ нѣкимъ *Вакхиномъ* (или Бакхиномъ), котораго оба византійца называютъ „архижупаномъ" и личность котораго возбуждаетъ нѣкоторыя недоумѣнія, давшія поводъ одному изслѣдователю предположить въ этомъ лицѣ предводителя угорскаго вспомогательнаго войска[1]); это и заставляетъ насъ посвятить нѣсколько словъ вопросу. Въ немногихъ словахъ дѣло было такъ. Во время преслѣдованія, когда непріятельское (сербо-угорское) войско уже обратилось въ бѣгство, а греческое утомилось, Мануилъ съ своими приближенными (между прочимъ двумя родственниками) продолжалъ гнаться за бѣгущими и поражать отстававшихъ изъ нихъ. Іоаннъ Кантакузенъ, котораго онъ пустилъ впередъ, схватился съ „архижупаномъ Вакхиномъ" (Βαχχῖνον τον ἀρχιζουπάνον), но подвергся большой опасности, ибо послѣдній былъ не одинъ и къ нему на выручку сбѣгались другіе. Подоспѣвшій Мануилъ, желая спасти Кантакузена, бросился сперва въ эту толпу, сталъ наносить удары направо и налѣво и вступилъ въ рукопашный бой съ однимъ варваромъ. Тогда Вакхинъ со своими оставилъ Кантакузена и бросился на царя. Произошла отчаянная схватка. Мануилъ выказалъ удивительную силу и храбрость; скоро его противникомъ остался одинъ Вакхинъ, отличавшійся и храбростью и атлетическимъ сложеніемъ и ростомъ. Ему удалось нанести Мануилу сильный ударъ по лицу, оставшійся безвреднымъ только благодаря сѣткѣ, покрывавшей послѣднее, но однакожъ кольца этой сѣтки впились въ тѣло и оставили знаки. Мануилъ тогда сильнымъ ударомъ выбилъ мечь изъ руки противника, который при этомъ былъ схваченъ. Мануилъ былъ удержанъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія племянникомъ Іоанномъ Дукой и плѣннымъ Вакхиномъ, который, указывая на свои волосы, давалъ понять, какую массу враговъ можетъ встрѣтить царь. Вскорѣ пришли въ лагерь *послы архижупана* съ просьбою простить ему. Затѣмъ по требованію императора явился и *самъ архижупанъ*, имѣя

---

[1]) Васильевскій, о. с., стр. 247 и Прилож., стр. 280.

видъ просящаго милости, и принятый Мануиломъ повергся къ ногамъ его, призналъ себя рабомъ (вассаломъ) и клятвенно обѣщалъ все, что отъ него потребовали [1]).

Кто былъ этотъ *Вакхинъ* — вотъ спорный вопросъ, который рѣшается учеными различно и до сихъ поръ остается невыясненнымъ. Одни видятъ въ немъ самого тогдашняго великаго жупана сербскаго (рашскаго), отождествляя его то съ Примиславомъ, то съ другими, которымъ они ошибочно приписываютъ великожупанское достоинство, иные признаютъ въ немъ жупана другой сербской области [2]), третьи наконецъ предводителя вспомогательнаго угорскаго отряда [3]). Киннамъ называетъ дѣйствительно Вакхина (въ первый разъ) архижупаномъ [4]), но что здѣсь не можетъ быть рѣчи о самомъ тогдашнемъ сербскомъ великомъ жупанѣ—въ этомъ насъ убѣждаютъ какъ извѣстный намъ положительно фактъ, что таковымъ былъ тогда Урошъ младшій, такъ и весь логическій ходъ и послѣдовательность разсказа Киннама. Разъ былъ въ плѣну въ рукахъ у Мануила — сэмъ архижупанъ сербскій, то нечего было приходить въ лагерь къ царю (значитъ изъ сербскаго стана) посламъ отъ него и нечего было Мануилу требовать его добровольнаго прихода. Мануилъ распорядился бы тогда совсѣмъ иначе. Скорѣе это могъ быть одинъ изъ прочихъ жупановъ сербскихъ, каковыми были и оба ранѣе захваченные въ плѣнъ, по словамъ Киннама, — Гурдесъ (Γουρδέστης, Грд?) и Вlчинъ, Булчинъ (Βουλτζῖνος) [5]). Предположеніе г. Васильевскаго о предводителѣ угорскаго войска можетъ также показаться довольно правдоподобнымъ, и его аргументовъ нельзя не принять во

---

[1]) Cinn., p. 110 — 112; Nic. Chon. (p. 122) тоже въ нѣсколькихъ словахъ.

[2]) Голубинскій (Оч. пр. церк., стр. 429, 539) принимъ. Вакхина за Первослава; Фесслеръ (S. 80) и Энгель—за Чудомила; Кукулевичъ Сакcинскій (Prvovjenč. vlad., str. 108) за Вlкана или Вукана; Дюканжъ и др.—то за Градинью, то за Радослава, владѣвшаго приморскою областью.

[3]) Васильевскій (стр. 247 и 250), который впрочемъ считаетъ возможнымъ, что Бакхинъ есть *Радославъ*.

[4]) Cinn., p. 110. Никита же Хон. (p. 122) очевидно заимствовалъ это изъ того же источника, что и Киннамъ.

[5]) Cinn., ib. 108: ὅτε δὴ Γουρδέστης τε καὶ Βουλτζῖνος, ἄνδρε δυνατωτάτω ἐπὶ Δαλμάταις...

вниманіе [1]), но нѣсколько *противъ* говоритъ во первыхъ то, что какъ архижупанъ сербскій, такъ и военачальникъ угорскій едва-ли могли очутиться позади всего войска и безъ сильнаго конвоя, а во вторыхъ и то обстоятельство, что угорскаго знатнаго плѣнника Мануилъ не легко бы отпустилъ - вслѣдствіе своего крайняго раздраженія противъ Угровъ, а въ такомъ случаѣ король угорскій не оставилъ бы дѣла такъ и первый потребовалъ бы его выдачи у Мануила. Между тѣмъ объ этомъ плѣнникѣ нѣтъ болѣе рѣчи, и не Угрія, а Мануилъ самъ затѣваетъ войну съ Уграми. Итакъ мы болѣе склоняемся къ мнѣнію, что Бакхинъ (или Вакхинъ) былъ одинъ изъ жупановъ и военачальниковъ сербскихъ (по недоразумѣнію названный архижупаномъ), но не рѣшаемся однако отождествлять его съ тѣмъ или другимъ историческимъ лицомъ [2]).

Такъ кончились военныя событія осени и зимы 115⁰/₁ г. Мануилъ вернулся въ Византію, назначивъ на слѣдующую осень походъ на Дунай противъ Угріи, которую наконецъ надо было наказать не только за поддержку Сербовъ, но и за выступленіе ея противъ сѣверныхъ, русскихъ друзей Византіи (галицк. князя Владимірка и Юрія Долгорукаго). Король же угорскій долженъ былъ снова быть готовъ къ раздѣленію своихъ военныхъ силъ, ибо былъ связанъ обѣща-

---

[1]) Васильевскій, стр. 280: Жупаны были и въ Угріи (Cinn., p. 245, 262); имена, сходныя съ Бакхиномъ, встрѣчаются и въ угорской исторіи (Vachan, Vahan, Bahaan); Мануилъ *хотѣлъ* захватить въ плѣнъ архижупана или *угорскаго военачальника*. (Cinn., p. 109).

[2]) Нельзя однако умолчать о довольно остроумной догадкѣ, предложенной г. Сретьковичемъ въ вышеуказанной статьѣ въ Гласникѣ, к. 54, стр. 180—186. Принимая въ соображеніе извѣстную рѣчь Евстафія Солунскаго $117^3/_4$ года, гдѣ ораторъ отзывается о приведенномъ въ Византію архижупанѣ Неманѣ, дававшемъ де ему и ранѣе поводъ къ рѣчамъ и поразившемъ его нынѣ своимъ огромнымъ ростомъ и величественнымъ видомъ, Сретьковичъ находитъ возможнымъ признать Стефана Неманю въ загадочномъ Бакхинѣ, при чемъ ставитъ гипотезу, что *Вакхинъ* — это христіанское имя *Вакхъ*, и что оно было дано Неманѣ — уроженцу Діоклеи, при его (первомъ) крещеніи латинскимъ священникомъ (Жив. Сим., пис. Стеф. Первовѣнчаннымъ)—во имя святого той церкви (св. Вакха), гдѣ былъ совершенъ обрядъ, впослѣдствіи же было забыто, когда Неманя получилъ имя *Стефана* — при православномъ крещеніи. Мы признаемъ нѣкоторую долю вѣроятности въ этомъ предположеніи, но намъ думается, что въ такомъ случаѣ знаменитый византійскій ораторъ едва-ли бы опустилъ удобный случай упомянуть въ своей рѣчи о фактѣ единоборства и возвеличить при этомъ силу и храбрость Мануила.

ніями поддержки своей русской родни, а съ другой стороны не могъ не предвидѣть мщенія Мануила. Уходя позднею осенью 1150 г. изъ Галиціи, по совѣту вельможъ своихъ, не сдѣлавъ ничего для своего шурина Изяслава, Гейза не могъ не предвидѣть конечно, что Изяславу очень скоро понадобится его помощь, а потому онъ, какъ мы видѣли, и обѣщалъ послать таковую, не имѣя возможности лично предпринять похода—ни зимою, ни весною. Дѣйствительно, новая просьба Изяслава о помощи не заставила себя долго ждать. Еще въ концѣ 1150 г. къ угорскому королю прибылъ за нею опять Владиміръ Мстиславичъ. Гейза согласно своему обѣщанію тотчасъ послалъ 10,000 войско [1], съ которымъ Изяславъ и пошелъ къ Кіеву, гдѣ онъ расчитывалъ легко справиться съ нелюбимымъ Кіевлянами и вообще южною Русью — Юріемъ Долгорукимъ. Вѣсть о томъ, что за нимъ по пятамъ идетъ Владиміръко галицкій, не остановила его; нахожденіе при немъ большого угорскаго войска привело въ трепетъ жителей лежавшаго на пути г. Дорогобужа, которые выразили Изяславу свои опасенія на этотъ счетъ. Но онъ успокоилъ ихъ, говоря: „я вожу Угровъ и другихъ чужеземцевъ не на своихъ людей, а на враговъ, а потому не опасайтесь ничего“ [2]. Между тѣмъ Владиміръко все слѣдовалъ за ними, и Изяславъ нѣсколько разъ на пути колебался, не дождаться ли его и не сразиться ли. Перейдя рѣку Тетеревъ и находясь уже на пути къ Бѣлгороду, Изяславъ опять совѣтовался съ своей дружиной, итти ли къ Кіеву или дожидаться галицкаго князя. Угры отвѣчали ему: „мы твои гости; ты лучше знаешь людей своихъ, можешь ли надѣяться на Кіевлянъ; а кони подъ нами,—доброе дѣло, когда еще прибудетъ другъ и новая сила; поѣдемъ въ ночь“ [3]. Тогда Изяславъ рѣшилъ итти дальше, овладѣлъ Бѣлго-

---

1) Лѣт. по Ипат. сп., 1150 г. (стр. 284): И тако Изяславъ отряди брата своего Володимера къ королеви зяти своему, река тако... Король же то слышавъ, пусти же Изяславу со Володимеромъ 10 тысячь добрыхъ людей.

2) Тамъ же, стр. 285. Въ этихъ опасеніяхъ, выраженныхъ Дорогобужцами и въ отвѣтѣ Изяслава, слышится—сдается намъ— какъ бы упрекъ Изяславу отъ своихъ же въ томъ, что онъ наводитъ на Русь иноземцевъ, съ другой стороны—какъ бы оправданіе Изяслава...

3) Тамъ же, стр. 285: И рекоша ему Угре: „мы гости есме твои, оже добрѣ надѣешися на Кіяны, то ты самъ вѣдаеши люди свои, а кони подъ нами, а добро, княже, другъ прибудеть, оже паки ни сила: а сей ночи, како ны Богъ дасть, поѣдемъ.“

идетъ. Сѣвъ съ дружиною на коней, онъ сталъ будить разоспавшихся Угровъ, но они — опьянѣлые лежали, какъ мертвые. На разсвѣтѣ нагрянулъ Владимірко и перебилъ почти всѣхъ, лишь не многихъ взявъ въ плѣнъ. Мстиславъ бѣжалъ въ Луцкъ. Это было въ началѣ лѣта 1151 года [1]).

Не могло сильно не огорчить извѣстіе объ этой катастрофѣ — Изяслава, но онъ не упалъ духомъ и конечно рѣшилъ тогда же отомстить Владимірку [2]). Но надо было еще обезпечить себя окончательно со стороны Юрія, что̀ ему и удалось. Юрію приходилось пока отказаться отъ своихъ притязаній — у него болѣе уже не было сильныхъ союзниковъ. Изяславъ не замедлилъ извѣстить своего зятя Гейзу о гибели его людей — были вѣрно изъ нихъ и спасшіеся и вернувшіеся домой, — приглашая его вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ мщенію. „Не дай Богъ намъ оставить этого такъ, говорилъ онъ. Мы должны отомстить, а потому будемъ оба сбираться“ [3]). Король отвѣчалъ, что онъ уже снаряжается и тоже жаждетъ отплатить галицкому князю. Видно, что Гейза, явно горѣвшій желаніемъ наказать Владимірка, дѣйствительно былъ готовъ къ выступленію, и слѣдовательно въ ту минуту не былъ болѣе занятъ на югѣ. Изяславъ для вѣрности послалъ всетаки еще сына своего Мстислава въ Угрію, чтобъ онъ еще лично побудилъ короля къ походу. Но этотъ уже назначилъ срокъ выступленія и послалъ сказать шурину: я уже сажусь на коня и беру съ

---

[1]) Ипат. Лѣт., стр. 305: Мьстиславу же пьючи со Угры, и повѣда имъ: „идеть Володимеръ Галичьскый по насъ". Угре же пьяни величахуся, рекуще: „оже на ны придеть, а мы ся съ нимъ бьемъ". Мьстиславъ же на ту ночь роставля сторожи, а самъ леже спати съ Угры; сторожеве же прибѣгоша к нему полъночи, рекуче: „идеть Володимеръ“. Мьстиславъ же съ дружиною всѣдъ на кони, и нача будити Угры, Угре же лежахуть пьяни яко мертви; и бысть противу свѣту, и удари на нихъ Володимеръ... и мало ихъ изоимаша, вси избиша... Извѣстіе объ этомъ дошло до Изяслава приблизительно въ половинѣ іюля. Лѣтоп. Ип. 306, тамъ же: „приспѣ бо празникъ святою мученику Бориса и Глѣба", т. е. 24 іюля.

[2]) По этому поводу лѣтопись сообщаетъ извѣстное характерное изреченіе Изяслава, тамъ же, стр. 305—306: Тогда же Изяславу приде вѣсть къ Киеву, оже сынъ его побѣженъ, а Угре избити, и рече слово то, акоже и переже слышахомъ: „не идеть мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту; но абы Богъ далъ мнѣ здоровие и королеви, а мьстемъ быти“.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 307.

ною, то придемъ къ тебѣ на помощь, а если ты управишься съ царемъ, то будь намъ помощникъ" [1]).

Пока Мстиславъ ходилъ въ Угрію, Изяславу и Вячеславу пришлось продолжать борьбу съ Юріемъ, который соединился съ Давыдовичами, Ольговичами и Половцами, и пошелъ вновь добывать Кіевъ. Ничего не достигнувъ въ схваткахъ съ непріятелемъ на Днѣпрѣ и подъ Кіевомъ, Юрій пошелъ навстрѣчу къ вновь шедшему къ нему на помощь Владимірку галицкому.

Кіевскіе князья пошли за нимъ, и тутъ на пути Изяславъ получилъ извѣстіе отъ сына Мстислава, что онъ идетъ съ большою угорскою помощью, перешелъ уже горы и готовъ поспѣшить еще, если нужно [2]). Велѣвъ ему спѣшить, Мстиславичи продолжали преслѣдовать Юрія, и у рѣки Рута произошло извѣстное сраженіе, въ которомъ Юрій былъ совершенно разбитъ и бѣжалъ. Галицкій князь, узнавъ о томъ, вернулся; но на пути получивъ извѣстіе, что Мстиславъ съ Уграми идетъ на помощь къ отцу, рѣшился напасть на него. Когда Мстиславъ, ничего не зная, сталъ съ Уграми у Сапогина близь Дорогобужа, то изъ этого города прислалъ ему большое количество вина князь Владиміръ Андреевичъ (бывшій передъ тѣмъ сторонникомъ Юрія), сообщивъ при этомъ, что Владимірко идетъ [3]). Распивая съ Уграми вино, Мстиславъ не скрылъ отъ нихъ вѣсти о приближеніи галицкаго князя; пьяные Угры отвѣчали только: „пусть его идетъ; мы побьемся съ нимъ". Ложась спать, Мстиславъ поставилъ стражу, которая въ полночь и разбудила его вѣстью, что Владимірко

---

[1]) Ипат. Лѣт., стр. 291—92: ...самого тебе не имемъ, занеже царь ти ратенъ, но пусти намъ помочь..... нынѣ же брате, сеѣ весны помози намъ, даже будевѣ сеѣ весны вѣ поровнѣ, а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь, паки ли ся ты отъ царя управишь, а ты буди намъ помощникъ.

[2]) Ипат. Лѣт., стр. 300: Посолъ пригна из Угоръ... и рече: сынъ ти ся кланяеть и тако молвить: се ти ялаю, король, зять твой, пустилъ ти помочь, яка же николи же не бывала, многое множьство, и уже есмь с ними прошелъ Гору; аже ти будемъ вборзѣ надобѣ, а посли противу к намъ, нъ мы борже пойдемъ....

[3]) Тамъ же, стр. 305. Очень можетъ быть, что Владиміръ Андреевичъ послалъ вино по наущенію Владимірка, отъ котораго зависѣлъ, а ужъ отъ себя онъ—чтобъ очистить свою совѣсть, или чтобъ угодить Мстиславичамъ, предупредилъ о его приближеніи. Припомнимъ недавно передъ тѣмъ выраженное жителями Дорогобужа недовѣріе къ угорскому вспомогательному войску. Срв. Соловьевъ II, прим. 270.

идетъ. Сѣвъ съ дружиною на коней, онъ сталъ будить разоспавшихся Угровъ, но они — опьянѣлые лежали, какъ мертвые. На разсвѣтѣ нагрянулъ Владимірко и перебилъ почти всѣхъ, лишь не многихъ взявъ въ плѣнъ. Мстиславъ бѣжалъ въ Луцкъ. Это было въ началѣ лѣта 1151 года [1]).

Не могло сильно не огорчить извѣстіе объ этой катастрофѣ — Изяслава, но онъ не упалъ духомъ и конечно рѣшилъ тогда же отомстить Владимірку [2]). Но надо было еще обезпечить себя окончательно со стороны Юрія, что́ ему и удалось. Юрію приходилось пока отказаться отъ своихъ притязаній — у него болѣе уже не было сильныхъ союзниковъ. Изяславъ не замедлилъ извѣстить своего зятя Гейзу о гибели его людей — были вѣрно изъ нихъ и спасшіеся и вернувшіеся домой, — приглашая его вмѣстѣ съ тѣмъ готовиться къ мщенію. „Не дай Богъ намъ оставить этого такъ, говорилъ онъ. Мы должны отомстить, а потому будемъ оба сбираться“ [3]). Король отвѣчалъ, что онъ уже снаряжается и тоже жаждетъ отплатить галицкому князю. Видно, что Гейза, явно горѣвшій желаніемъ наказать Владимірка, дѣйствительно былъ готовъ къ выступленію, и слѣдовательно въ ту минуту не былъ болѣе занятъ на югѣ. Изяславъ для вѣрности послалъ всетаки еще сына своего Мстислава въ Угрію, чтобъ онъ еще лично побудилъ короля къ походу. Но этотъ уже назначилъ срокъ выступленія и послалъ сказать шурину: я уже сажусь на коня и беру съ

---

[1]) Ипат. Лѣт., стр. 305: Мьстиславу же пьюча со Угры, и повѣда имъ: „идеть Володимеръ Галичьскый по насъ“. Угре же пьяни величахуся, рекуще: „оже на ны придеть, а мы ся съ нимъ бьемъ“. Мьстиславъ же на ту ночь роставля сторожи, а самъ леже спати съ Угры; сторожеве же прибѣгоша к нему полъночи, рекуче: „идеть Володимеръ“. Мьстиславъ же съ дружиною всѣдъ на кони, и нача будити Угры, Угре же лежахуть пьяни яко мертви; и бысть противу свѣту, и удари на нихъ Володимеръ... и мало нихъ изоимаша, вси избиша... Извѣстіе объ этомъ дошло до Изяслава приблизительно въ половинѣ іюля. Лѣтоп. Ип. 306, тамъ же: „приспѣ бо празникъ святою мученику Бориса и Глѣба“, т. е. 24 іюля.

[2]) По этому поводу лѣтопись сообщаетъ извѣстное характерное изреченіе Изяслава, тамъ же, стр. 305—306: Тогда же Изяславу приде вѣсть къ Киеву, оже сынъ его побѣженъ, а Угре избити, и рече слово то, акоже и переже слышахомъ: „не идеть мѣсто къ головѣ, но голова к мѣсту; но абы Богъ далъ мнѣ здоровие и королеви, а мьстемъ быти“.

[3]) Ипат. лѣт., стр. 307.

въ правленіе сего послѣдняго. Въ свитѣ короля былъ и посланный къ нему Мстиславъ Изяславичъ, не менѣе Угровъ нетерпѣливый отомстить Владимірку.

Перейдя горы и подступивъ уже къ самой границѣ земли галицкой, Угры остановились; было воскресенье — день, въ который король по своему обычаю не снимался съ лагеря. Владимірко, ожидавшій ужъ Угровъ, не хотѣлъ ихъ впустить въ свою землю, встрѣтилъ и захватилъ въ плѣнъ „зажитниковъ" (фуражировъ) королевскихъ. На другой день король двинулся опять впередъ, и тогда Владимірко отступилъ нѣсколько и сталъ за „твердь", т. е. очевидно сторожевое пограничное укрѣпленіе [1]). Угры, увидѣвъ это, нисколько не медля, аттаковали ихъ. Замѣтивъ ихъ силу и не выдержавъ натиска, галицкій князь бѣжалъ, и при переправѣ черезъ рѣку, т. е. Санъ, множество Галичанъ было или побито, или потонуло, или забрано въ плѣнъ. Отступивъ къ Перемышлю, Владимірко хотѣлъ было завести переговоры съ Уграми, чтобъ заключить миръ еще до прибытія Изяслава и соединенія его съ ними. Но Гейза конечно не принялъ предложеній, а Изяславъ уже приближался [2]). Тѣмъ временемъ Угры прошли далѣе къ сѣверу и расположились гдѣ-то между рѣками Саномъ и Вислокомъ, гдѣ ихъ и нашелъ Изяславъ.

Итакъ вотъ что было до прибытія послѣдняго. Дальнѣйшее подробно излагаетъ уже кіевская лѣтопись (а въ Лаврент. кратко).

---

vorgenant ist do gesigt der kunig geysa und der hertzog floh in einen dicken hack do ging ein pruch umb do wart er genöt von dem kunig geysa daz er das lant von im emphahen must tzu lehen und den ungerischen kunigen ymmer dienen scholt. Изъ этого видно, что Муглеяъ не только знаетъ объ обоихъ походахъ на Русь и о ихъ результатахъ (хоть и не точно), но и вѣрнѣе называетъ шурина Г.—*Изяслава*, какъ виновника похода: основой его извѣстій за это время послужила современная запись, не попавшая въ сводъ *Marcus-Thurócz'a.*

[1]) Лаврент. лѣт., г. 1152, стр. 319: „И приде король съ Угры и со Мстиславомъ, и вшедъ в землю Володимеркову сташа, бѣ бо день недѣля, королеви же по своему обычаю не встанущю никгдѣже в недѣлю; Володимерку же не дадучю внити в свою землю рати, и срѣте и, и изъима зажитникы королевы. На утрий же день вставъ король поиде, Володимерко же выступяся назадъ, за твердь ста". Этотъ отрывокъ почти буквально повторяется, но неумѣстно въ Ипат. лѣт. (стр. 309). О „тверди" см. Барсовъ. Очерки русской исторической Географіи (2-е изд. Варшава, 1885), стр. 88—89, прим. 153.

[2]) Лавр. лѣт. (стр. 320) ...Прибѣгшю же ему въ Перемышль, поча слатися к королеви, мира прося, абы Изяславъ не притяглъ к королеви; бѣ бо Изяславъ слышавъ короля, пошелъ уже ис Кыева на Володимерка.

Ярославлю, по близости отъ котораго стоялъ и Гейза съ своимъ войскомъ. Безъ сомнѣнія Гейза прибылъ туда тѣмъ же путемъ, что годъ тому назадъ. Кіевская лѣтопись не говоритъ на своемъ мѣстѣ о томъ, какъ Угры вступили въ галицкія владѣнія и что́ было до прибытія Изяслава [1]). Но извѣстія объ этомъ точнѣе сохранилъ Лаврент. списокъ лѣтописи [2]), хотя въ немъ самый разсказъ объ этой войнѣ несравненно короче, чѣмъ въ Ипатской лѣтописи. Составитель послѣдней имѣлъ подъ руками, какъ видно изъ текста, и ту передачу, которую мы находимъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, но онъ же или переписчикъ, какъ увидимъ сейчасъ, перепуталъ нѣкоторыя обстоятельства, приплетя къ своему повѣствованію о бывшемъ послѣ соединенія Изяслава съ Гейзой—то, что предшествовало ему и что разсказано въ Лаврент. спискѣ. Итакъ сперва о прибытіи Гейзы.

Король угорскій собрался въ походъ очевидно гораздо скорѣе, чѣмъ думалъ Изяславъ, а потому и прибылъ на галицкую границу значительно ранѣе своего русскаго союзника. Съ нимъ повидимому были теперь и братья его, Владиславъ и Стефанъ, какъ даетъ поводъ заключить одно показаніе угорской хроники (Туроція), которая посвящаетъ нѣсколько краткихъ словъ именно этому походу [3]). Это — первое историческое упоминаніе о братьяхъ Гейзы II

---

1) Ипат. лѣт., г. 152, стр. 309.

2) Лаврент. лѣт. подъ тѣмъ же годомъ, стр. 319.

3) Thurocz, c. 66, p. 182 (M. Chr., p. 97):...Post haec autem Rex Geysa dedit ducales expensas fratribus suis Ladislao et Stephano; duxitque exercitum in Rusciam super Lodomerium Ducem; ut vindicaret injuriam soceri sui Minoslai; pro quo etiam jam pridem miserat exercitum, qui male tractatus fuerat a Ruthenis et Cunis (разумѣется конечно избіеніе сонныхъ Угровъ Владиміркомъ близь Дорогобужа). О присутствіи Владислава и Стефана см. Pray, Annal. Reg. Hung. l. III, p. 138. Карамзинъ II, стр. 272, прим. 347. Срв. Fessl.-Klein, S. 254. Туроцій спуталъ, назвавъ тутъ *тестя* Гейзы *Minoslaus*, т. е. Мстислава Вл.: онъ смѣшалъ его тутъ по всей вѣроятности съ его внукомъ, Мстиславомъ, который былъ неоднократно посылаемъ въ Угрію за помощью, и къ нему особенно относилась обида (injuri), нанесенная Владимиркомъ. Почти столь же краткія извѣстія и тоже не очень точныя и вѣрныя, но всеже достойныя вниманія, объ этихъ походахъ Угровъ противъ Владимірка читаемъ въ хроникѣ Г. Мюгельна: Heinr. v. Muglen, cap. LI, Kovachich, Sammlung klein. noch ungedruckt. Stücke (1805), S. 76: Darnach tzoh der kunig geysa mit kuniglicher gewald gen reussen auf den hertzogen ludmer und wolt rechen die gewald seines swehers Zislay genant doselb wart er umbslagen und die ungern fluhen darnach tzuh der kunig geysa tzu dem anderumal gen reussen und streit mit dem hertzogen ludmer der

въ правленіе сего послѣдняго. Въ свитѣ короля былъ и посланный къ нему Мстиславъ Изяславичъ, не менѣе Угровъ нетерпѣливый отомстить Владимірку.

Перейдя горы и подступивъ уже къ самой границѣ земли галицкой, Угры остановились; было воскресенье — день, въ который король по своему обычаю не снимался съ лагеря. Владимірко, ожидавшій ужъ Угровъ, не хотѣлъ ихъ впустить въ свою землю, встрѣтилъ и захватилъ въ плѣнъ „зажитниковъ“ (фуражировъ) королевскихъ. На другой день король двинулся опять впередъ, и тогда Владимірко отступилъ нѣсколько и сталъ за „твердь“, т. е. очевидно сторожевое пограничное укрѣпленіе [1]). Угры, увидѣвъ это, нисколько не медля, аттаковали ихъ. Замѣтивъ ихъ силу и не выдержавъ натиска, галицкій князь бѣжалъ, и при переправѣ черезъ рѣку, т. е. Санъ, множество Галичанъ было или побито, или потонуло, или забрано въ плѣнъ. Отступивъ къ Перемышлю, Владимірко хотѣлъ было завести переговоры съ Уграми, чтобъ заключить миръ еще до прибытія Изяслава и соединенія его съ ними. Но Гейза конечно не принялъ предложеній, а Изяславъ уже приближался [2]). Тѣмъ временемъ Угры прошли далѣе къ сѣверу и расположились гдѣ-то между рѣками Саномъ и Вислокомъ, гдѣ ихъ и нашелъ Изяславъ.

Итакъ вотъ что было до прибытія послѣдняго. Дальнѣйшее подробно излагаетъ уже кіевская лѣтопись (а въ Лаврент. кратко).

---

vorgenant ist do gesigt der kunig geysa und der hertzog floh in einen dicken hack do ging ein pruch umb do wart er genőt von dem kunig geysa daz er das lant von im emphahen must tzu lehen und den ungerischen kunigen ymmer dienen scholt. Изъ этого видно, что Мугленъ не только знаетъ объ обоихъ походахъ на Русь и о ихъ результатахъ (хоть и не точно), но и вѣрнѣе называетъ шурина Г.—*Изяслава*, какъ виновника похода: основой его извѣстій за это время послужила современная запись, не попавшая въ сводъ *Marcus-Thuróczʼa*.

[1]) Лаврент. лѣт., г. 1152, стр. 319: „И приде король съ Угры и со Мстиславомъ, и вшедъ в землю Володимеркову сташа, бѣ бо день недѣля, королеви же по своему обычаю не встанущю никгдѣже в недѣлю; Володимерку же не дадучю внити в свою землю рати, и срѣте и. и изъима зажитникы королевы. На утрий же день вставъ король поиде, Володимерко же выступяся назадъ, за твердь ста“. Этотъ отрывокъ почти буквально повторяется, но неумѣстно въ Ипат. лѣт. (стр. 309). О „тверди“ см. Барсовъ. Очерки русской исторической Географіи (2-е изд. Варшава, 1885), стр. 88—89, прим. 153.

[2]) Лавр. лѣт. (стр. 320) ...Прибѣгшю же ему въ Перемышль, поча одатися к королеви, мира прося, абы Изяславъ не притяглъ к королеви; бѣ бо Изяславъ слышавъ короля, пошелъ уже ис Кыева на Володимерка.

Пославъ впередъ къ Изяславу тысячный отрядъ, Гейза самъ сѣлъ на коня и со всею своею свитой торжественно выѣхалъ навстрѣчу къ приближавшемуся кіевскому князю. Произошла самая дружеская встрѣча: государи обнялись „съ великою любовью и съ великою честью", по словамъ лѣтописца. Доѣхавъ до королевскаго шатра, они спѣшились и пошли въ шатеръ, гдѣ стали совѣщаться, какъ бы на другой день уже рано ѣхать биться къ рѣкѣ Сану; такъ они и рѣшили. На другое утро король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки свои и велѣлъ сказать Изяславу, чтобы онъ съ своей дружиной ѣхалъ рядомъ съ его полкомъ: „гдѣ я стану, тамъ становись и ты, чтобъ намъ удобно было обо всемъ думать". Такъ они и прибыли къ рѣкѣ Сану, ниже Перемышля—и выстроились; на другой сторонѣ рѣки стоялъ Владимірко со своими полками. У короля было 73 полка, кромѣ изяславовыхъ и разныхъ нестроевыхъ [1]).Тутъ именно въ кіевской лѣтописи слѣдуетъ неумѣстная вставка изъ вышепереданнаго разсказа Лаврентьевской лѣтописи, давшая поводъ историкамъ къ ложнымъ заключеніямъ о границѣ галицкой земли [2]). Затѣмъ продолжается разсказъ о дѣлѣ на рѣкѣ Санѣ [3]). Король сталъ разставлять свои полки *на бродахъ* на лѣвомъ берегу Сана, а Галичане

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 309. Всего этого разсказа нѣтъ въ Лавр. лѣт., но за то въ ней—въ отличіе—говорится, что Изяславъ прибылъ къ королю только съ Берендѣями (вѣрно кромѣ своей дружины), а остальные полки свои оставилъ назади—съ братомъ Святополкомъ, что весьма правдоподобно.

[2]) Эта вставка начинается словами: „и вшедше в землю Галичкую а Володимиру ставшю (въ Лавр.: вшедъ в землю Володимеркову сташа) бѣ бо день недѣля"... и т. д. и кончается словами: „Володимеръ же въступися назадъ, за твердь ста". Совершенно очевидно, что это — неумѣстная вставка, попавшая сюда по какому-то недоразумѣнію, ибо союзники находились уже на галицкой землѣ и о границѣ съ „твердью" здѣсь не могло быть рѣчи. Между тѣмъ ученые историки излагали дѣло, стараясь согласить это свидѣтельство съ остальными, и на основаніи этого мѣста дѣлали совершенно неправильныя заключенія о галицкой границѣ—въ томъ именно смыслѣ, что Санъ—граница галицкой з., а Перемышль—пограничный городъ. Такъ Бѣляевъ, О географическихъ свѣдѣніяхъ въ древней Россіи, Зап. Имп. Геогр. Общ. VI, стр. 138. Срв. Шараневичъ въ указ. статьѣ, стр. 81; Карамзинъ, II, стр. 272. Вѣрно понялъ это мѣсто Н. П. Барсовъ, Очерки русск. ист. геогр., стр. 271.

[3]) Это продолженіе вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что разсказывалось до вставки.

диміръ присылалъ ко мнѣ: молитъ и кланяется,—онъ де жестоко раненъ и не останется живъ. Что ты на это скажешь?" „Сынъ мой, отвѣчалъ Изяславъ, если Владиміръ умретъ, то это Богъ убьетъ его за клятвопреступленіе въ отношеніи къ намъ обоимъ; что онъ обѣщалъ тебѣ и что исполнилъ? только опозорилъ насъ; что же ты ему вѣришь нынѣ, когда онъ дважды нарушилъ свою клятву. Нынѣ самъ Богъ выдалъ намъ его; возьмемъ же и его самого и его волость". Мстиславъ Изяславичъ съ особенной силой налегалъ на короля и своего отца, исчисляя всѣ вины Владимірка (бывши въ гнѣвѣ особенно за дорогобужское дѣло). Однакожъ король послушался всетаки не ихъ, а архіепископа и своихъ вельможъ, подкупленныхъ Владимірромъ. „Немогу погубить его, говорилъ онъ, когда онъ молится и кланяется и въ винѣ своей кается. Если же онъ теперь, послѣ крестнаго цѣлованія опять отступитъ отъ него, тогда ужъ — какъ Богъ дасть—либо я буду въ угорской землѣ (т. е. убитымъ), либо онъ — въ галицкой".

Къ Изяславу Владимірко также присланъ сказать: „Кланяюсь, братъ, тебѣ и каюсь, ибо виноватъ я во всѣмъ; нынѣ же, братъ, прими меня къ себѣ, и прости меня, и короля побуди принять меня. Дай Богъ мнѣ опять жить съ тобой въ мирѣ". Самъ по себѣ Изяславъ не хотѣлъ мириться, но принужденъ былъ согласиться, уступая королю и его сановникамъ, и такимъ образомъ начались переговоры. Король требовалъ отъ галицкаго князя — цѣловать крестъ на томъ, что онъ возвратитъ всѣ забранные имъ русскіе города и будетъ всегда на сторонѣ Изяслава, каковы бы ни были обстоятельства. Тотъ съ радостью на все соглашался. Къ королю въ шатеръ собрались Изяславъ съ братомъ Владиміромъ и сыномъ Мстиславомъ, чтобъ отправить пословъ съ крестомъ къ Владимірку. Когда же Изяславъ, зная коварство галицкаго князя, снова противился этому, король сказалъ: „Право, отче, я скажу тебѣ вотъ что: это тотъ крестъ, на которомъ восхотѣлъ быть пригвозженнымъ Христосъ Богъ нашъ. Богъ же волею своею привелъ его къ святому Стефану (королю угор.). Если онъ (Владимірко), поцѣловавъ этотъ крестъ, потомъ нарушитъ эту клятву и въ тотъ моментъ останется живъ, то я обѣщаю тебѣ, что или голову свою сложу, или добуду галицкую землю. А нынѣ убить его не могу." Тогда съ честнымъ

боленъ, и если Богъ возьметъ меня, то ты прими на попеченіе моего сына. Отецъ твой былъ слѣпъ, и я достаточно послужилъ ему своимъ копьемъ и своими полками—за его обиду, и съ Ляхами за него бился; вспомни все это, и прости меня". При семъ были посланы архіепископу и воеводамъ множество подарковъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными сосудами и платьемъ,— чтобы они упросили короля пощадить его и не исполнять желанія королевы (Евфросиньи)" [1]).

Итакъ мы опять встрѣчаемся здѣсь (какъ и въ 1150 году) съ фактомъ задабриванья и подкупа высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ угорскихъ галицкимъ княземъ—и притомъ опять, какъ увидимъ, вполнѣ успѣшныхъ. Усиленіе кіевскаго князя на счетъ галицкаго и черезъ это новое скрѣпленіе дружескихъ связей съ кіевскою Русью, очевидно, не было по душѣ уже довольно сильной въ Угріи и даже при дворѣ партіи приверженцевъ Рима и запада. Очевидно также, что эта партія была въ борьбѣ съ вліяніемъ королевы Евфросиньи, которая всѣми силами отстаивала интересы своего брата Изяслава и уговаривала мужа не щадить Владимірка. Послѣдняя несомнѣнно нашла бы сильную поддержку и въ банѣ Бѣлушѣ, но онъ по всѣмъ признакамъ не участвовалъ въ этомъ походѣ [2]). Такимъ образомъ убѣжденія одной Евфросиньи не были достаточны, и довольно податливый Гейза не могъ противостоять вліянію архіепископа и другихъ подкупленныхъ приближенныхъ своихъ.

На другой день, продолжаетъ лѣтописецъ, король съѣхался съ Изяславомъ и сказалъ ему: „Батюшка [3]), кланяюсь тебѣ, вотъ Вла-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 310—311: Володимеръ же поча слатися къ королеви, мира прося, на ту же ночь выслася Володимеръ къ арцибискупу и къ воеводамъ королевымъ... и далѣе: „отець твой бяше слѣпъ, а язъ отцю твоему до сыти послужилъ своимъ копиемъ и своими полкы, за его обиду, и с Ляхы ся есмь за нь билъ... и т. д. Тутъ слѣдовательно Владимірко ссылается на свою помощь Бѣлѣ Слѣпому противъ Поляковъ и претендента Бориса (въ 1130-хъ годахъ): именно когда онъ, оставивъ Бориса, ходилъ разорять Польшу съ Собѣславомъ чешскимъ. Срв. Pray, Ann., P. I, p. 127. Карамзинъ, II, пр. 271.—Кор. Евфросинья очевидно была тутъ же.

[2]) Безъ сомнѣнія Бѣлушу, какъ палатину, поручались дѣла управленія въ отсутствіе короля и наблюденіе надъ южной границей и надъ дѣйствіями императора Мануила.

[3]) Гейза могъ называть Изяслава „батюшкой", „отцемъ", а Изяславъ его — „сыномъ" по разности ихъ возраста. Гейзѣ было лѣтъ 20, а кіевскій князь былъ уже очень не молодъ.

кіевскаго князя—съ цѣлью усовѣстить его, дерзкій отказъ и издѣвательство Владимірка,—и внезапная смерть его, какъ-бы наказаніе Божіе за клятвопреступленіе [1]). Такъ и не пришлось королю угорскому самому отомстить ему за поруганіе креста св. Стефана.

Мы сказали выше, что Гейза вслѣдствіе податливости своего характера послушался совѣтовъ своихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ: это съ его стороны вполнѣ естественно и вѣроятно. Можно однакожъ предположить также и то, что у него были уважительныя причины желать скорѣйшаго окончанія похода. Такими причинами могли быть тревожные слухи о дѣйствіяхъ Мануила. Мы видѣли, что Мануилъ послѣ усмиренія сербскаго возстанія (1150 г.) рѣшилъ на слѣдующій годъ наказать Угрію за помощь, оказанную Сербамъ. Впрочемъ Угрія провинилась передъ нимъ не только своими отношеніями къ Сербіи: онъ не могъ ей простить и враждебнаго выступленія въ союзѣ съ Изяславомъ Мстиславичемъ— противъ враговъ послѣдняго, русскихъ князей, съ которыми онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ и союзѣ. Этими союзниками были Владимірко галицкій и Юрій Долгорукій. По словамъ историка Киннама, Мануилъ хотѣлъ отомстить угорскому королю именно за то, что онъ напалъ на Владимірка — вассальнаго союзника Византіи [2]) и къ тому же его родственника, ибо галицкій князь былъ братомъ тётки Мануила, т. е. жены его роднаго дяди (Исаака?) [3]). Съ Юріемъ Долгорукимъ Мануилъ былъ также въ добрыхъ отношеніяхъ; вторая жена Юрія была повидимому гречанка (м. б. и княжна) и впослѣдствіи дѣти

---

[1]) Тамъ же, стр. 318 — 320 подъ 1152 г. Соловьевъ, стр. 179 — 181. Лаврент. лѣт. отмѣчаетъ смерть Владимірка *зимою* 1152 г. (стр. 322).

[2]) Cinn., l. III, 11, p. 115: οὗ δὴ ἕνεκα μάλιστα βασιλεὺς αὐτὸν ἠμύνατο, ἅτε παρὰ γνώμην τὴν αὐτοῦ Βλαδιμηρῷ ἐπιφυέντα (τοῦτο γὰρ ὄνομα τῷ Γαλίτζης ἄρχοντι ἔκειτο) ἀνδρὶ ὑποσπόνδῳ Ῥωμαίοις ὄντι.

[3]) Въ 1104 г. дочь галицкаго кн. Володаря Ростиславича, т. е. сестра Владимірка, выдана была за мужъ за сына импер. Алексѣя (Исаака скорѣе, чѣмъ Андроника), слѣдов. дядю Мануила. Ипат. лѣт. 6612 г.: Ведена дщи Володарева за царевича за Олексинича, Царюграду, мѣсяца июля въ 20. Срв. Куникъ, Основаніе трапезунтской имперіи, въ Уч. Зап. Имп. Ак. Н., т. II (1854 г.), стр. 715, 721, прим. 6. Въ „Дополненіяхъ", стр. 788 Куникъ ужъ сомнѣвается насчетъ Исаака и Андроника, ибо старшему Андронику было де въ 1104 г. только 6 лѣтъ, но онъ очевидно упустилъ изъ виду тогдашній обычай ранняго сватовства (еще въ самомъ дѣтск. возрастѣ) въ быту государей.

крестомъ снарядили къ Владимірку король — своихъ мужей, а Изяславъ—боярина Петра Борисовича; но Мстиславъ Изяславичъ сказалъ при этомъ своему отцу и королю угорскому: „Вы по христіански поступаете, какъ вамъ и подобаетъ, когда даете вѣру честному кресту и прощаете вины; но я передъ симъ крестомъ говорю вамъ, что тотъ, кого вы приводите ко кресту, нарушитъ свою клятву. Но ты, король, не забудь своего слова и какъ только Владимірко отступитъ отъ своего крестнаго цѣлованія, приходи опять къ Галичу" [1]). На это король еще подтвердилъ свое обѣщаніе, сказавъ, что до сихъ поръ звалъ его на помощь Изяславъ, а что теперь, если галицкій князь обманетъ, онъ ужъ самъ будетъ звать Изяслава на помощь.

Послы Изяслава и короля передали Владимірку все, что имъ было наказано, и онъ во всемъ цѣловалъ крестъ; но дѣлалъ онъ это—лежа, притворяясь, что изнемогаетъ отъ ранъ, каковыхъ на немъ въ дѣйствительности вовсе не было... Такъ кончилась эта война. Изяславъ и Гейза еще разъ съѣхались, побыли другъ съ другомъ „въ великой любви и въ великомъ веселіи" и затѣмъ разъѣхались каждый восвояси [2]).

Но пророчество Мстислава Изяславича не замедлило сбыться. Владимірко и не думалъ возвращать Изяславу отвоеванныхъ городовъ [3]), и Изяславъ еще съ дороги въ Кіевъ послалъ сказать своему зятю въ Угрію: „ни тебѣ, ни мнѣ уже не возвращаться (теперь) назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко уже нарушилъ свою клятву; такъ не забывай же своего слова" [4]). Кстати будетъ прибавить здѣсь же, что Владимірко не только не исполнилъ перваго условія, но и сбирался опять итти на Изяслава въ союзѣ съ Юріемъ Долгорукимъ. А уже къ 1152 году относится пресловутое посольство къ нему боярина Петра Борисовича отъ

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 312. Мстиславъ, лучше знавшій угорскія отношенія, вѣроятно нѣсколько опасался, чтобъ Гейзу не отклонили приближенные отъ дѣятельнаго союза съ кіевскимъ княземъ.

[2]) Тамъ же, стр. 313.

[3]) Города эти были Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница (см. тамъ же). Срв. Соловьевъ, II, пр. 275.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 313.

ны повидимому не застало его уже въ Галиціи, если и было ему переслано, ибо тогда Гейза не скрылъ бы этого обстоятельства отъ Изяслава, а послѣдній не сталъ бы задерживать угорскаго короля. Какъ бы то ни было Гейзу ожидали дома непріятныя вѣсти, такъ какъ Мануилъ разумѣется не дожидался результатовъ своего письменнаго вызова, и немедленно вслѣдъ за нимъ началъ военныя дѣйствія; онъ зналъ навѣрно объ отсутствіи угорскаго короля и спѣшилъ имъ воспользоваться [1]). Изъ дальнѣйшаго разсказа въ подробномъ сообщеніи Киннама оказывается, что одною изъ частей греческаго войска предводительствовалъ Борисъ Коломановичъ. Безъ сомнѣнія Мануилъ уже тогда имѣлъ въ виду вѣроятный успѣхъ, который могъ быть достигнутъ въ войнѣ съ Угріей благодаря нѣкоторой популярности тамъ претендента Бориса, которую онъ понятно былъ склоненъ еще преувеличивать.

Перейдя р. Саву, Мануилъ поручилъ осаду гор. Землина Өеодору Ватацци, а самъ занялся опустошеніемъ Срѣма (т. е. Франкохорія). Встрѣченный имъ угорскій отрядъ, послѣ первой схватки [2]) видя невозможность сопротивляться, передался непріятелю [3]). Вѣроятно это былъ отрядъ, которому было поручено наблюденіе и первоначальная защита южной границы: главныя силы не успѣли еще прибыть. Довольно правдоподобно, что отрядъ этотъ передался не изъ одного малодушія, а и соблазненный къ тому Борисомъ Коломановичемъ [4]). Вся срѣмская область подверглась страшному опустошенію и разоренію, и массы населенія были уведены въ плѣнъ съ цѣлью поселе-

---

[1]) Nic. Chon., l. II, p. 122: . . . ἐπίκλημα φέρων τὴν τῶν Σέρβων ἐπικουρίαν, καὶ τὴν ἀπουσίαν ἁρπάζων τοῦ ἐπαρήξοντος.

[2]) Что схватка всетаки была, видно изъ разсказа Никиты Хонскаго о происшедшимъ именно здѣсь геройскомъ отраженіи Мануиломъ нападенія на него какого-то необыкновенно рослаго и храбраго Угра. Nic. Chon., ib. p. 122—123.

[3]) Cinn., p. 114: ὅτε καὶ Οὔννων στρατὸς ἐχώρει μὲν ὡς Ῥωμαίοις ἀντιταξόμενος. ἐπεὶ δὲ ἔγνω ἀνεφίκτοις ἐπιχειρεῖν μέλλων, προσεχώρει καὶ αὐτὸς τῷ βασιλεῖ . . .

[4]) Срв. Васильевскій, о. с., стр. 249. Очень возможно, что Угры встрѣтили въ отрядѣ Бориса Коломановича еще другихъ соотечественниковъ своихъ изъ Угровъ, жившихъ въ предѣлахъ имперіи. Что таковые были, видно изъ рѣчи знаменитаго Евстаөія Солунскаго о Мануилѣ (M. C. I. laudatio funebris) Tafel, Eustathii Opuscula (1832), p. 200. См. также Успенскій, Образов. 2-го Болг. царства, стр. 70.

его, какъ извѣстно, гостепріимно принятые въ Византіи, получили въ удѣлъ города на Дунаѣ [1]). Напротивъ Изяславъ держалъ себя независимо и даже враждебно къ Византіи, чему способствовало и близкое родство его съ Гейзой [2]).

Мы видимъ изъ этого, что домашняя борьба русскихъ князей за удѣлы и первенство была въ извѣстной, конечно только внѣшней связи съ той великой исторической борьбой, которая велась въ Европѣ между востокомъ и западомъ, и своеобразная обусловленная этой борьбой группировка европейскихъ державъ имѣла, такъ сказать, свои развѣтвленія и на русскомъ востокѣ. Характерную особенностью этой группировки было то, что непосредственные сосѣди были обыкновенно жестокими врагами и каждый имѣлъ своихъ союзниковъ за спиною сосѣдей [3]).

Итакъ Мануилъ рѣшилъ войну съ Угріей. Она представлялась ему теперь своевременной и потому, что италіанскіе планы противъ Рожера приходилось на время отложить — въ виду невозможности для его союзника Конрада по святить себя этому предпріятію (вслѣдствіе внутреннихъ смутъ въ Германіи). Согласно своимъ рыцарскимъ пріемамъ Мануилъ счелъ нужнымъ начать съ формальнаго объявленія войны, для чего и послалъ королю угорскому письмо съ вызовомъ и изложеніемъ его вины передъ собой [4]). Гейза былъ въ это время еще въ Галиціи; очень можетъ быть, что слухи о намѣреніяхъ Мануила или о посланіи его успѣли дойти до него, но самое объявленіе вой-

---

1) Ипат. лѣт. 6670 (1162) г. (стр. 357). Подтвержденіе у Cinn. l. V, p. 236. Срв. Карамзинъ II, прим. 405.

2) Изяславъ стремился эмансипироваться отъ Византіи и въ *церковномъ* отношеніи: выборъ митрополита Климента русскими епископами въ въ 1147 г. Срв. Карамзинъ II, стр. 232—33.

3) Такъ *Византія* имѣла врагами: Рожера, Гейзу и Изяслава, а союзниками — Конрада, Владислава чешскаго, Владимірка и Юрія Долгорукаго; *Угрія* — врагами: Мануила, Венецію, Конрада, Владислава, Владимірка, а союзниками — Рожера, Людовика, Вельфа, Изяслава; *Норманны* — врагами: Мануила, Венецію, Конрада, а союзниками — Гейзу, Сербовъ, Вельфа и Людовика; *Германія* — врагами: Вельфа, Гейзу, Рожера и Людовика, а союзникомъ Мануила; *Кіевскій князь* — врагами: Владимірка, Юрія и Византію, а союзникомъ Гейзу; наконецъ *Владимірко* — врагами: Изяслава и Гейзу, а союзниками Юрія и Мануила. Это явленіе подмѣчено уже В. Васильевскимъ, o. c., стр. 237.

4) Cinn., l. III, p. 113.

въ свою очередь направился туда же и сталъ около Браничева, разумѣется на правомъ берегу Дуная [1]). Византійскій историкъ явно несправедливо приписываетъ это движеніе трусости Угровъ [2]). Вскорѣ затѣмъ по приказанію Мануила, угорскій отрядъ подъ начальствомъ Бориса Коломановича совершилъ экспедицію за Дунай повидимому на сѣверовостокъ, въ область верхняго теченія р. Темеша („гдѣ *гора* Темешъ“) [3]).

Тамъ онъ опустошилъ много густонаселенныхъ и богатыхъ (вслѣдствіе близости къ торговому пути по Дунаю съ востока на Земливъ) мѣстечекъ и обративъ въ бѣгство три угорскіе отряда, думавшіе, что имѣютъ дѣло съ самымъ царемъ, вернулся съ большою добычею. Изъ этого можно заключить, что угорское войско съ Бѣлушемъ еще не успѣло приблизиться къ Дунаю: иначе оно бы воспрепятствовало этому походу; вѣроятно оно ожидало соединенія съ самимъ королемъ, который вслѣдъ за тѣмъ является на театрѣ дѣйствій [4]). По словамъ нашего историка, король, узнавъ, что жестокое опустошеніе темешской области совершено не императоромъ, а ненавистнымъ Борисомъ, погнался за нимъ, желая сразиться, но ужъ опоздалъ, ибо Борисъ успѣлъ ночью (при свѣтѣ факеловъ) переправиться черезъ Дунай [5]). Итакъ непріятелей теперь раздѣляла эта рѣка. Императоръ, укрѣпившись въ городахъ придунайскихъ, помышлялъ уже о новой переправѣ и походѣ противъ стоявшихъ на другомъ берегу и ничего не предпринимавшихъ Угровъ. Но въ это время Гейза, не располагая вѣроятно достаточными силами—

---

1) Cinn., p. 117. При этомъ онъ перешелъ черезъ какую-то рѣку: ἐπὶ τὸν ποταμὸν ἐπεραιοῦτο. Подъ этой рѣкой скорѣе слѣдуетъ разумѣть Саву, чѣмъ Мораву, какъ Васильевскій, стр. 250.

2) Cinn., p. 117.

3) Ibid.: οὗ δὴ τὸ ὄρος ἐστὶν ὁ Τεμίσης πρὸς τῶν ἐγχωρίων ὠνομάσται..... Можетъ быть и дѣйствительно была гора этого имени. Во всякомъ случаѣ надо разумѣть *горную*, верхнюю область Темеша.

4) Такъ какъ потомъ на Дунаѣ уже нѣтъ рѣчи о Бѣлушѣ, а только о королѣ, то можно думать, что король, принявъ войско у своего дяди, ввѣрилъ ему снова бразды правленія на время своего отсутствія.

5) Cinn., p. 118. Разсказанный Никитой Хонскимъ (p. 123) вслѣдъ за возвращеніемъ Мануила въ столицу несчастный походъ нѣкаго *Каламана* противъ Скиѳовъ относится очень вѣроятно тоже къ Борису, но во всякомъ случаѣ онъ не на мѣстѣ. О немъ еще ниже.

походы въ русскую землю не могли не истощить ихъ — и боясь навлечь худшія бѣдствія на свою родину, сдѣлалъ мирныя предложенія, которыя и были охотно приняты противною стороною. Мануилъ вернулся съ большимъ тріумфомъ въ столицу [1]). Это было уже позднею осенью 1151 года [2]). Миръ былъ на нѣкоторое время обезпеченъ.

Повидимому еще въ томъ же году, вѣроятно послѣ примиренія съ Мануиломъ, Гейза имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ маркграфомъ Генрихомъ Язомирготомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одна его дарственная грамота монастырю св. Мартина [3]). Мы ничего не знаемъ о мотивахъ и цѣли этого свиданія: не было ли оно можетъ быть въ какой-нибудь связи съ угро-византійскимъ конфликтомъ — въ виду родства Генриха съ императоромъ, напр. не просилъ ли Гейза о посредничествѣ, хотя-бы по дѣлу Бориса, или просто хотѣлъ заручиться союзникомъ? Но во всякомъ случаѣ для насъ фактъ этого свиданія имѣетъ большое значеніе — какъ первый признакъ перемѣны отношеній въ смыслѣ примиренія между Генрихомъ и королемъ угорскимъ, недавно еще такими врагами.

Какъ и по какому поводу произошло сближеніе этихъ бывшихъ противниковъ — объ этомъ также извѣстій не имѣется, но кажется есть нѣкоторое основаніе догадываться, что этому примиренію предше-

---

[1]) Cinn., p. 118; Nic. Chon., p. 123. Объ этой войнѣ упоминаетъ и Heinr.-Muglen въ своей хроникѣ, см. c. LII (Kovachich, o. c., S. 76): In denselben zeiten dieweil kunig geisa zu reussen was do tzoh emanuel der kaiser von kriechen in ungerlant und nam grossen raub und traib weib und kint hinweg. etc... но смѣшваетъ затѣмъ эту войну съ послѣдующими.

[2]) Отнесеніе этой войны къ 1152 г. (какъ у Фесслера, Клейна и др.) не вѣрно, если, какъ сказано, не считать по византійскому календарю (т. е. годъ съ 1-го сентября). Muralt, Essai de Chronogr. Byzantine, т. I (1871) стр. 162 тоже отнесъ эту войну неточно къ концу $115^0/_1$ г. вмѣсто начала $115^1/_2$ г.

[3]) Wenzel, Monum. Hung. hist., Dipl. VI, p. 60: ...anno quo Martyrius in archiep. est electus (т. е. 1151 г.), Belo Bano existente, colloquii causa Regis ac totius Regni cum Duce Austriae habita est. Ad quod cum, ut moris est, Rex cum suis proficisci voluisset... Срв. Hannenheim, o. c., S. 34. Тутъ любопытная бытовая черта. Для этого путешествія король проситъ денегъ 40 марокъ серебра у аббата мон. св. Мартина Рафаэля, у котораго однакожъ денегъ не оказывается; тогда продается кусокъ монастырской земли, и вырученныя 20 марокъ передаются королю. За это онъ послѣ вознаградилъ монастырь. Срв. Krainer, Urspr. Staatsver. Ung. II, S. 498—499.

въ свою очередь направился туда же и сталъ около Браничева, разумѣется на правомъ берегу Дуная [1]). Византійскій историкъ явно несправедливо приписываетъ это движеніе трусости Угровъ [2]). Вскорѣ затѣмъ по приказанію Мануила, угорскій отрядъ подъ начальствомъ Бориса Коломановича совершилъ экспедицію за Дунай повидимому на сѣверовостокъ, въ область верхняго теченія р. Темеша („гдѣ *гора* Темешъ") [3]).

Тамъ онъ опустошилъ много густонаселенныхъ и богатыхъ (вслѣдствіе близости къ торговому пути по Дунаю съ востока на Землинъ) мѣстечекъ и обративъ въ бѣгство три угорскіе отряда, думавшіе, что имѣютъ дѣло съ самымъ царемъ, вернулся съ большою добычею. Изъ этого можно заключить, что угорское войско съ Бѣлушемъ еще не успѣло приблизиться къ Дунаю: иначе оно бы воспрепятсвовало этому походу; вѣроятно оно ожидало соединенія съ самимъ королемъ, который вслѣдъ за тѣмъ является на театрѣ дѣйствій [4]). По словамъ нашего историка, король, узнавъ, что жестокое опустошеніе темешской области совершено не императоромъ, а ненавистнымъ Борисомъ, погнался за нимъ, желая сразиться, но ужъ опоздалъ, ибо Борисъ успѣлъ ночью (при свѣтѣ факеловъ) переправиться черезъ Дунай [5]). Итакъ непріятелей теперь раздѣляла эта рѣка. Императоръ, укрѣпившись въ городахъ придунайскихъ, помышлялъ уже о новой переправѣ и походѣ противъ стоявшихъ на другомъ берегу и ничего не предпринимавшихъ Угровъ. Но въ это время Гейза, не располагая вѣроятно достаточными силами—

---

[1]) Cinn., p. 117. При этомъ онъ перешелъ черезъ какую-то рѣку: ἐπὶ τὸν ποταμὸν ἐπεραιοῦτο. Подъ этой рѣкой скорѣе слѣдуетъ разумѣть Саву, чѣмъ Мораву, какъ **Васильевскій**, стр. 250.

[2]) Cinn., p. 117.

[3]) Ibid.: οὗ δὴ τὸ ὄρος ἐστὶν ὁ Τεμίσης πρὸς τῶν ἐγχωρίων ὠνομάσται... Можетъ быть и дѣйствительно была гора этого имени. Во всякомъ случаѣ надо разумѣть *горную*, верхнюю область Темеша.

[4]) Такъ какъ потомъ на Дунаѣ уже нѣтъ рѣчи о Бѣлушѣ, а только [illegible]ѣ, то можно думать, что король, принявъ войско у своего дяди, вв[illegible]у снова бразды правленія на время своего отсутствія.

[5]) Cinn., p. 118. Разсказанный Никитой Хонскимъ (p. 123) вслѣдъ [illegible]вращеніемъ Мануила въ столицу несчастный походъ нѣкаго *Каламана* противъ Скиѳовъ относится очень вѣроятно тоже къ Борису, но во всякомъ случаѣ онъ не на мѣстѣ. О немъ еще ниже.

походы въ русскую землю не могли не истощить ихъ — и боясь навлечь худшія бѣдствія на свою родину, сдѣлалъ мирныя предложенія, которыя и были охотно приняты противною стороною. Мануилъ вернулся съ большимъ тріумфомъ въ столицу [1]). Это было уже позднею осенью 1151 года [2]). Миръ былъ на нѣкоторое время обезпеченъ.

Повидимому еще въ томъ же году, вѣроятно послѣ примиренія съ Мануиломъ, Гейза имѣлъ свиданіе съ австрійскимъ маркграфомъ Генрихомъ Язомирготомъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ одна его дарственная грамота монастырю св. Мартина [3]). Мы ничего не знаемъ о мотивахъ и цѣли этого свиданія: не было ли оно можетъ быть въ какой-нибудь связи съ угро-византійскимъ конфликтомъ — въ виду родства Генриха съ императоромъ, напр. не просилъ ли Гейза о посредничествѣ, хотя-бы по дѣлу Бориса, или просто хотѣлъ заручиться союзникомъ? Но во всякомъ случаѣ для насъ фактъ этого свиданія имѣетъ большое значеніе — какъ первый признакъ перемѣны отношеній въ смыслѣ примиренія между Генрихомъ и королемъ угорскимъ, недавно еще такими врагами.

Какъ и по какому поводу произошло сближеніе этихъ бывшихъ противниковъ — объ этомъ также извѣстій не имѣется, но кажется есть нѣкоторое основаніе догадываться, что этому примиренію предше-

---

[1]) Cinn., p. 118; Nic. Chon., p. 123. Объ этой войнѣ упоминаетъ и Heinr.-Muglen въ своей хроникѣ, см. c. LII (Kovachich, o. c., S. 76): In denselben zeiten dieweil kunig geisa zu reussen was do tzoh emanuel der kaiser von kriechen in ungerlant und nam grossen raub und traib weib und kint hinweg. etc... но смѣшваетъ затѣмъ эту войну съ послѣдующими.

[2]) Отнесеніе этой войны къ 1152 г. (какъ у Фесслера, Клейна и др.) не вѣрно, если, какъ сказано, не считать по византійскому календарю (т. е. годъ съ 1-го сентября). Muralt, Essai de Chronogr. Byzantine, т. I (1871) стр. 162 тоже отнесъ эту войну неточно къ концу $115^0/_1$ г. вмѣсто начала $115^1/_2$ г.

[3]) Wenzel, Monum. Hung. hist., Dipl. VI, p. 60: ...anno quo Martyrius in archiep. est electus (т. е. 1151 г.), Belo Bano existente, colloquii causa Regis ac totius Regni cum Duce Austriae habita est. Ad quod cum, ut moris est, Rex cum suis proficisci voluisset... Срв. Hannenheim, o. c., S. 34. Тутъ любопытная бытовая черта. Для этого путешествія король проситъ денегъ 40 марокъ серебра у аббата мон. св. Мартина Рафаэля, у котораго однакожъ денегъ не оказывается; тогда продается кусокъ монастырской земли, и вырученныя 20 марокъ передаются королю. За это онъ послѣ вознаградилъ монастырь. Срв. Krainer, Urspr. Staatsver. Ung. II, S. 498—499.

ствовало сближеніе между угорскимъ королемъ и Владиславомъ II чешскимъ, который въ данномъ случаѣ, какъ зять Генриха, могъ быть посредникомъ между нимъ и Гейзой. Вспомнимъ только, что мы замѣтили выше по поводу путешествія Владислава черезъ Русь (1148): что къ этому путешествію и сближенію чешскаго князя съ Мстиславичами—шурьями Гейзы—можно относить начало того поворота, который вскорѣ затѣмъ замѣчается въ отношеніяхъ Владислава къ Угріи. Послѣдній очень легко могъ въ томъ же смыслѣ повліять и на своего австрійскаго родственника.

Въ началѣ 1152 года произошло событіе, которое послужило еще къ укрѣпленію этихъ новыхъ отношеній Угріи къ ея западнымъ сосѣдямъ и вообще должно было оказать огромное вліяніе на политическія отношенія средней и юговосточной Европы. Это—послѣдовавшая въ февралѣ смерть короля Конрада III, этого искренняго друга и вѣрнаго союзника византійскаго императора и вступленіе на престолъ, за смертью еще въ 1150 г. короля Генриха, племянника Конрадова,—сильнаго волею и духомъ, національнымъ сознаніемъ и служеніемъ идеѣ имперской власти Фридриха швабскаго (Барбаруссы), на которомъ легче сошлись партіи, какъ на Гогенштауфенѣ, по матери принадлежавшемъ однако и дому Вельфовъ [1]). Такъ Конраду и не суждено было дожить до осуществленія своей давнишней задачи и мечты—экспедиціи въ Италію для войны съ Рожеромъ (въ союзѣ съ Мануиломъ) и для принятія наконецъ изъ рукъ папы давно столь желанной императорской короны, — экспедиція, для которой Конрадъ осенью 1151 г. уже окончательно назначилъ срокъ—сентябрь 1152 года. Объ этомъ рѣшеніи было тогда же отправлено извѣстіе въ Византію черезъ особое посольство, которое должно было сговориться относительно военныхъ дѣйствій [2]); о томъ же сообщилъ письмомъ Мануилу и состоявшій съ нимъ въ перепискѣ аббатъ Вибальдъ, усердно поддерживавшій союзъ и дружественныя отношенія обоихъ монарховъ [3]). Но всѣ эти планы и виды неожиданно руши-

---

[1]) Мать Фридриха была *Юдифь*—сестра Генриха Гордаго, т. е. тетка Генриха Льва.

[2]) Ann. Palid. (Pertz, SS. XVI, 86), a. 1152; срв. Bernhardi, Konrad III, S. 892—93.

[3]) Jaffé, Mon. Corb. Nr. 343, p. 475—76. Онъ же, Вибальдъ, убѣдилъ Конрада жениться (вторымъ бракомъ) на византійской принцессѣ для

лись. Конрадъ, уже давно разстроившій свое здоровье и часто хворавшій, умеръ 15 февраля 1152 г., предложивъ себѣ въ преемники племянника Фридриха швабскаго и завѣщавъ ему между прочимъ слѣдовать неизмѣнно его внѣшней политикѣ и особенно держаться союза съ восточной имперіей [1]).

Насколько смерть Конрада была тяжелымъ ударомъ для византійскаго императора и его политическихъ замысловъ, настолько она приходилась на руку и была именно теперь желанною норманскому королю, которому въ слѣдующемъ году предстояла серіозная опасность. Не даромъ поэтому въ Германіи возникли подозрѣнія въ томъ, что Конрадъ умеръ не случайно, что объ этомъ постарались его придворные врачи-италіанцы, подкупленные Рожеромъ [2]). Дѣйствительно, первыя послѣдствія смерти Конрада, какъ и слѣдовало ожидать, оказались благопріятны для Рожера. Хотя осенью 1152 года Фридрихъ, слѣдуя завѣтамъ своего дяди, и рѣшилъ походъ въ Италію для полученія императорскаго титула и для войны съ Норманнами, но отсрочилъ его на два года [3]). Такимъ образомъ императоръ Мануилъ на время былъ предоставленъ однимъ своимъ силамъ и опять не могъ думать о серіозной экспедиціи въ Италію. Но оставить совсѣмъ въ покоѣ своихъ враговъ онъ тоже не хотѣлъ и затѣялъ съ ними морскую войну, въ которой однакожъ потерпѣлъ полную неудачу [4]).

Смерть вѣрнаго союзника Мануила не могла не отразиться на политическомъ настроеніи Угріи, которая живо чувствовала только-что нанесенный ей послѣднимъ уронъ и счетовъ своихъ съ Византіей отнюдь не считала оконченными. Но не только оскорбленное самолюбіе потерпѣвшаго пораженіе шевелилось въ душѣ Гейзы. Къ замысламъ Мануила, которые достаточно изобличались ролью, предо-

---

вящшаго скрѣпленія союза, о чемъ должно было хлопотать то же посольство. Къ тому же онъ затѣмъ побуждалъ и Фридриха; ibid. ep. Nr. 411, p. 550.

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Фридрихъ въ письмѣ къ Мануилу, Ibid., ep. Nr. 410, p. 549. О смерти Конрада см. Bernhardi, o. c., S. 923—925.

[2]) Otto Frising. Gest. Fr. I, c. 63. M. G. SS. XX, p. 389.

[3]) Ibid. II, c. 7, ib., p. 393.

[4]) Cinn., p. 119—121; Nicet. Chon., p. 126—127. Срв. Васильевскій, o. c. стр. 252, прим. 90.

вѣстны и успѣли уже обнаружиться. При такомъ очевидномъ стол новеніи интересовъ всего естественнѣе заключить, что Фридрих спѣшилъ предупредить византійскаго императора, т. е. думалъ пр мо отвоевать то, на что расчитывалъ и Мануилъ въ своей политик Итакъ и отношенія къ Угріи уже должны были нѣсколько подрыва силу искуственнаго союза двухъ имперій.

Теперь посмотримъ, почему Фридрихъ встрѣтилъ со сторон нѣмецкихъ князей (лѣтопись говоритъ безъ ограниченія)— противо дѣйствіе своему намѣренію, и какими „тайными причинами" обусло вливалось это противодѣйствіе. Было высказано мнѣніе, что эти при чины „вели свое начало отъ союза Вельфа и его партіи съ Роже ромъ и Гейзой" [1]), т. е. слѣдовательно что тутъ играла роль оппо зиція Вельфовъ; но эта мысль требуетъ дополненія и разъясненія. Дѣло въ томъ, что въ то время вельфская партія менѣе, чѣмъ кто-либо, могла противиться желаніямъ короля. Фридрихъ, самъ проис ходя изъ рода Вельфовъ съ матерней стороны, какъ извѣстно, съ самаго своего вступленія на престолъ стремился прекратить внутрен негерманскую распрю князей и примирить враждующія стороны, главнымъ образомъ чтобъ развязать себѣ руки для италіанскаго по хода. Раздоръ изъ-за Баваріи онъ хотѣлъ рѣшить именно въ поль зу Вельфовъ, и этимъ удовлетворить ихъ историческія притязанія. Онъ тогда покровительствовалъ своему двоюродному брату Генри ху Льву саксонскому и неоднократно склонялъ дядю своего Генриха Язомиргота къ уступкѣ ему Баваріи, пока наконецъ, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, не провелъ уже въ 1154 году формальна го присужденія этой области герцогу саксонскому Генриху [2]). Изъ этого видно, что отношенія между Фридрихомъ и Генрихомъ Язо миргомъ съ его штауфенской партіей не могли быть изъ лучшихъ уже лѣтомъ 1152 года, и что между недовольными фридриховой

нѣкому графу Конраду (Graf v. Dachau u. Herz. v. Meran) титулъ „герцога Далмаціи и Кроаціи", т. е. земель, состоявшихъ подъ властью угорскаго ко роля... Срв. Otto Fr. G. I, 25; объ этомъ еще ниже.

[1]) В. Г. Васильевскій, о. с. стр. 254. Причина, приводимая г. Клейномъ (о. с. S. 255), а именно боязнь князей, помнившихъ пораженіе Нѣмцевъ въ Угріи въ 1146 году, конечно недостаточна.

[2]) Срв. Prutz, Kaiser Friedrich I, I B., (Danzig, 1871), S. 35—55.

ниста, планъ этотъ не состоялся и былъ отложенъ до болѣе благопріятнаго времени [1]).

Что же, спрашивается, побуждало Фридриха къ нападенію на Угрію, и какія это были *тайныя причины*, заставившія нѣмецкихъ князей помѣшать этому дѣлу? Хотя политика Фридриха относительно Византіи и не вполнѣ еще опредѣлилась, однакожъ онъ съ самаго начала обнаружилъ склонность поддерживать союзъ съ восточной имперіей, направленный противъ норманскаго короля — настолько, разумѣется, насколько это согласовалось съ его собственными широкими политическими видами и интересами. Но если добрыя отношенія между Византіей и Германіей еще не нарушались, то нельзя ли искать связи между угровизантійской войной и агрессивными планами Фридриха относительно Угріи?

Никакихъ слѣдовъ какихъ-либо переговоровъ на этотъ счетъ не дошло до насъ, но a priori мы можемъ допустить лишь одно: что Фридрихъ былъ готовъ воспользоваться для своихъ цѣлей отвлеченіемъ силъ Угріи на Дунаѣ противъ Византіи? Искренняго же соглашенія въ политикѣ угорской между главами обѣихъ имперій не могло быть, какъ не могло быть такого согласія и въ конечныхъ ихъ задачахъ въ войнѣ съ Рожеромъ [2]). Притязанія западной имперіи и нѣмецкой націи на верховное господство надъ Угріей (какъ и надъ всѣмъ зап. славянствомъ) слишкомъ извѣстны, а энергическій Фридрихъ, всецѣло проникнутый идеей имперской власти, съ самаго начала поставилъ себѣ задачей достиженіе прежняго могущества, авторитета и значенія западной римской имперіи. Намѣреніе его подчинить Угрію своей верховной власти достаточно ясно заявлено было въ данномъ случаѣ [3]). Планы Мануила въ отношеніи къ Угріи также были из-

---

[1]) Otto Fris., G. Fr. II, c. 6, ib.. p. 393: ...Ibi etiam princeps... Ungaris bellum indicere ipsosque ad monarchiae apicem reducere volebat. Sed cum assensum super hoc principum quibusdam de causis latentibus habere non posset, ad effectum tunc perducere ea quae mente volvebat, non valens, ad oportuniora tempora distulit.

[2]) Фридрихъ, поддерживая свой союзъ съ Византіей, въ то же время обязывался передъ папой—препятствовать утвержденію Грековъ въ Италіи. См. договоръ съ папой. Monum. Corb., Nr. 407, p. 546 и переписка съ Мануиломъ, ib. Nr. 410, p. 548.

[3]) Otto Fris. G. Fr., II, 6, ib. p. 393: „ipsos que ad monarchiae apicem reducere". Характерно и то, что вскорѣ затѣмъ Фридрихъ предоставляетъ

вѣстны и успѣли уже обнаружиться. При такомъ очевидномъ столкновеніи интересовъ всего естественнѣе заключить, что Фридрихъ спѣшилъ предупредить византійскаго императора, т. е. думалъ прямо отвоевать то, на что расчитывалъ и Мануилъ въ своей политикѣ. Итакъ и отношенія къ Угріи уже должны были нѣсколько подрывать силу искуственнаго союза двухъ имперій.

Теперь посмотримъ, почему Фридрихъ встрѣтилъ со стороны нѣмецкихъ князей (лѣтопись говоритъ безъ ограниченія)— противодѣйствіе своему намѣренію, и какими „тайными причинами" обусловливалось это противодѣйствіе. Было высказано мнѣніе, что эти причины „вели свое начало отъ союза Вельфа и его партіи съ Рожеромъ и Гейзой" [1]), т. е. слѣдовательно что тутъ играла роль оппозиція Вельфовъ; но эта мысль требуетъ дополненія и разъясненія. Дѣло въ томъ, что въ то время вельфская партія менѣе, чѣмъ кто-либо, могла противиться желаніямъ короля. Фридрихъ, самъ происходя изъ рода Вельфовъ съ матерней стороны, какъ извѣстно, съ самаго своего вступленія на престолъ стремился прекратить внутреннегерманскую распрю князей и примирить враждующія стороны, главнымъ образомъ чтобъ развязать себѣ руки для италіанскаго похода. Раздоръ изъ-за Баваріи онъ хотѣлъ рѣшить именно въ пользу Вельфовъ, и этимъ удовлетворить ихъ историческія притязанія. Онъ тогда покровительствовалъ своему двоюродному брату Генриху Льву саксонскому и неоднократно склонялъ дядю своего Генриха Язомирггота къ уступкѣ ему Баваріи, пока наконецъ, послѣ ряда неудачныхъ попытокъ, не провелъ уже въ 1154 году формальнаго присужденія этой области герцогу саксонскому Генриху [2]). Изъ этого видно, что отношенія между Фридрихомъ и Генрихомъ Язомирготомъ съ его штауфенской партіей не могли быть изъ лучшихъ уже лѣтомъ 1152 года, и что между недовольными фридриховой

[illegible] графу Конраду (Graf v. Dachau u. Herz. v. Meran) титулъ „герцога [illegible]ціи и Кроаціи", т. е. земель, состоявшихъ подъ властью угорскаго ко[illegible]... Срв. Otto Fr. G. I, 23; объ этомъ еще ниже.

[1]) [illegible] Г. Васильевскій, о. с. стр. 254. Причина, приводимая г. [illegible] (о. с. S. 235), а именно боязнь князей, помнившихъ пораженіе [illegible] Угріи въ 1146 году, конечно недостаточна.

[2]) [illegible]ов. Prutz, Kaiser Friedrich I, I B., (Danzig, 1871), S. 35—55.

внутренней политикой князьями легко могла составиться оппозиція королю и въ вопросѣ угорскомъ [1]), особенно если мы вспомнимъ о начинавшемся сближеніи Генриха австрійскаго съ Гейзой и недавнемъ свиданіи ихъ (1151) [2]). Но и Вельфы въ свою очередь, хотя и связанные явнымъ покровительствомъ Фридриха, не были особенно расположены поддерживать планъ войны противъ ихъ еще недавней союзницы въ борьбѣ съ Гогенштауфенами (Конрадомъ III) и вѣроятно также высказывались за отсрочку предпріятія Вотъ слѣдовательно каковы были тѣ „тайныя причины", о которыхъ говоритъ Оттонъ Фрейзингенскій. Ему, какъ брату австрійскаго герцога (тогда еще маркграфа), казалось неудобнымъ раскрывать эти причины, хотя онъ не могъ не знать ихъ.

Итакъ отсутствіе одобренія князей въ противоугорскомъ предпріятіи заставило Фридриха на время отказаться отъ него. Онъ самъ впрочемъ долженъ былъ убѣдиться, что обстоятельства не особенно благопріятны, ибо именно на восточной окраинѣ его владѣній были элементы, отъ которыхъ нельзя было ждать нужной поддержки. Это были—маркграфъ австрійскій и тогда еще герцогъ баварскій Генрихъ и его зять Владиславъ II чешскій. О причинахъ оппозиціи перваго мы уже говорили. Чешскій князь сталъ въ оппозиціонное отношеніе къ Фридриху съ самаго его вступленія на престолъ. На избирательный сеймъ во Франкфуртѣ (5 марта 1152 г.) онъ не явился, какъ не явился и Генрихъ Язомирготъ. То же повторилось и на мерзебургскомъ рейхстагѣ, куда Владиславъ былъ спеціально приглашенъ и куда былъ имъ отправленъ лишь епископъ Даніилъ. Причины такого образа дѣйствія коренились можетъ быть въ прежнихъ отношеніяхъ, или находились въ связи съ самымъ фактомъ воцаренія Фридриха, или быть можетъ заключались въ политической солидарности Владислава съ своимъ недовольнымъ Фридрихомъ за Баварію шуриномъ Генрихомъ. Фридрихъ чувствовалъ себя очень оскорбленнымъ этимъ образомъ дѣйствія и, если оставлялъ его безнаказаннымъ, то лишь изъ-за особеннаго расположенія къ Генри-

---

[1]) Срв. Prutz, ib. S. 43.

[2]) Можетъ быть это сближеніе вліяло и на образъ дѣйствія Фридриха по отношенію къ Генриху Язом.

ху Льву саксонскому повидимому заинтересованному въ поддержаніи добрыхъ отношеній съ Владиславомъ [1]).

Епископу Даніилу лишь съ трудомъ удалось отстоять дѣло своего князя передъ Фридрихомъ, къ которому явились, пользуясь благопріятной минутой, съ своими притязаніями и жалобами князья-изгои Премысловичи Собѣславъ, Ольдрихъ и Спитигнѣвъ [2]). Натянутыя отношенія между Владиславомъ и королемъ продолжались и далѣе, особенно послѣ присужденія Баваріи Генриху Льву, ибо Владиславъ въ этой распрѣ явно стоялъ на сторонѣ австрійскаго маркграфа. Ни Владиславъ, ни Генрихъ Язомирготъ не приняли участія въ италіанскомъ походѣ Фридриха въ 1154 году [3]).

Итакъ слухи о замыслахъ Фридриха противъ Угріи, тогда еще неопредѣленные, могли побудить Гейзу въ 1152 году заключить миръ съ Мануиломъ. Но примиреніе конечно не было искреннимъ. Мануилъ однако, удовлетворенный пока своими успѣхами, и занятый многими другими дѣлами, держался болѣе выжидательной политики, зорко впрочемъ слѣдя за положеніемъ дѣлъ на Дунаѣ. Между тѣмъ Гейза въ своей роли побѣжденнаго и имѣя основаніе подозрѣвать у византійскаго императора злокозненныя намѣренія, очевидно не могъ примириться съ этимъ и заглушить въ себѣ чувство мести, а потому неудивительно, если онъ, узнавъ о томъ, что съ запада опасность пока миновала, снова перенесся съ своею мыслью о мщеніи на южную границу, какъ о томъ находимъ извѣстія у тѣхъ же византійцевъ. Но и теперь изъ этого ничего не вышло. Угры повидимому хотѣли застать Грековъ врасплохъ на Дунаѣ, чтобы грабежемъ и опустошеніемъ ихъ земли расплатиться съ ними, а отъ настоящей войны уклонялись. Но Мануилъ, во время предупреждаемый, всякій разъ своимъ появленіемъ парализовалъ ихъ дѣйствія. Теперь онъ тоже поспѣшилъ къ Дунаю, назначивъ сборнымъ пунктомъ для войска Со-

---

[1]) Посланіе Фридриха къ Генриху саксонскому 1152 года. См. Sudendorf, Registrum (1849), II, Nr. L, S. 129 и Erben, Regesta Boh. et Mor. I P., Nr. 289. стр. 129: „nisi forte tui causa, quia te affinem sibique amicissimum scio..."—Генрихъ Язомирготъ, шуринъ Владислава, былъ женатъ (во второмъ бракѣ) на вдовѣ Генриха Гордаго Гертрудѣ – матери Генриха Льва саксонскаго.

[2]) Vincent. Let. ошибочно къ 1154 году. Fontes R. B., P. II, p. 421, Срв. Dudik, o. c. III, S. 286.

[3]) Срв. Dudik, ib., S. 289—290.

фію (Средецъ, Сардику), гдѣ и соединился съ нимъ. Но угорское посольство съ мирными завѣреніями, посланное ему на встрѣчу, еще застало его здѣсь, и миръ былъ возстановленъ [1]). Ясно, что Гейза еще избѣгалъ серіозной борьбы. Не наступилъ еще удобный моментъ.

По всѣмъ соображеніямъ эти новыя вооруженія относятся къ веснѣ 1153 года [2]). Изъ Софіи Мануилъ направился въ сербскіе предѣлы, гдѣ было неспокойно и гдѣ надо было опять укрѣпить свой авторитетъ. Вѣроятно онъ опасался возобновленія вмѣшательства Угровъ въ сербскія дѣла. Никита Хонскій сообщаетъ, что Мануилу безъ особеннаго труда удалось отклонить сербскаго великаго жупана отъ союза съ Угріей [3]). Разсказъ Киннама, помѣщенный ранѣе и не

---

[1]) Cinn., l. III, 14, p. 121; Nic. Chon., l. III, 1, p. 132. По одному извѣстію Гейза отказался отъ своего предпріятія вслѣдствіе совѣта епископовъ, считавшихъ нарушеніе договора—дѣломъ нехристіанскимъ. Это извѣстіе встрѣчается въ одномъ изъ трудовъ извѣстнаго современнаго писателя Героха (Gerhoh): Gerohi praep. Reicherspergensis expositio in psalmum LXIV, sive liber de corrupto Ecclesiae statu, изд. у B a l u z i i Miscellanea изд. Mansi, t. II, Lucae, 1761, p. 197. Вотъ это любопытное свидѣтельство (p. 209): ...Unde refero factum justum et honestum quod in terra Hungarica et barbarica vix nomine tenus Christianorum Principum dominio subdita laudabiliter accidit. Nam cum Rex illius terrae anno plusquam praeterito se ad bellum praepararet contra Regem Graecorum, ante procinctum cum Episcopis illius terrae habuit consilium: qui tanquam viri litterati cautissime discutientes causam pugnae, atque invenientes pactum pacis ex parte Hungarorum primo violatum, recordati sunt prophetiae dicentis: *qui dissolvit pactum, numquid effugiet*? Qua prophetia instructi propheraverunt Regem, si pugnaret contra jus pacti et foedus pacis, minime triumphaturum et auxilio Dei cariturum. Quo audito Rex, licet immitis ac barbarus, tamen procinctum relaxavit, et sua ex parte ruptum foedus reparavit. Судя по упоминаемому здѣсь нарушенію договора (разум. вѣроятно экспедиція 1152 года) слѣдуетъ относить тѣ сборы, о которыхъ здѣсь рѣчь, именно къ 1153 г. Конечно нельзя вѣрить, чтобъ Угры руководствовались дѣйствительно подобными мотивами: они могли только распускать такіе слухи. Но во всякомъ случаѣ это извѣстіе интересно, какъ характеризующее взглядъ выдающагося представителя западной, нѣмецкой интеллигенціи на угорское государство.—Утвержденіе Ф е с с л е р а (S. 85) со ссылкой на P e j a c s e v i c h'a (Hist. Serviae, p. 374), что по этому миру баномъ Босніи, подъ угорской верховной властью, въ ущербъ брату Гейзы Владиславу — былъ назначенъ *Боричъ*, о которомъ вскорѣ будетъ рѣчь, не имѣетъ никакого основанія. П е я ч е в и ч ъ не говоритъ ничего подобнаго. Владиславъ владѣлъ тою частью Босніи (соб. Рамой?), которая была присоединена къ Угріи. А Боричъ былъ баномъ соб. Босніи и вассаломъ короля угорскаго.

[2]) См. вѣрный хронологическій расчетъ у г. В а с и л ь е в с к а г о, o. c., стр. 254, пр. 93.

[3]) Nic. Chon. l. III, 9, p. 132.

на мѣстѣ [1]), о рѣшеніи Мануиломъ вопроса по возникшему въ Сербіи междоусобію — по всѣмъ признакамъ, какъ справедливо уже указано [2]), относится къ этому же времени. Сербы низложили великаго жупана Уроша (Первослава) въ пользу его брата Дѣжи (Δεσέ), котораго мы находимъ полное основаніе отождествлять со Стефаномъ Неманей [3]), но затѣмъ, испугавшись, предались на судъ Мануила, и этотъ возвратилъ де престолъ Урошу.

Сопоставляя этотъ эпизодъ съ извѣстіемъ Никиты, что Мануилу удалось отвратить сербскаго жупана отъ союза съ Угріей, мы невольно приходимъ къ такому довольно вѣроятному предположенію. Дѣжа, братъ и соперникъ Уроша, хотѣлъ овладѣть престоломъ и расчитывалъ на помощь Мануила, который дѣйствительно могъ предпочесть его — въ виду испытанной преданности Уроша угорскому королю, продолжавшей вѣроятно сказываться и послѣ 1151 г. Можетъ быть приверженцамъ Дѣжи уже и удалось произвести переворотъ; но византійскій императоръ, боясь вѣроятно, чтобъ это не дало повода Угріи вмѣшаться въ дѣла Сербовъ, и можетъ быть не расчитывая, чтобъ новый великій жупанъ могъ прочно удержаться на престолѣ, счелъ болѣе политичнымъ возвратить послѣдній Урошу, но съ условіемъ, чтобъ онъ не связывался съ Униграми, на что тотъ и далъ свое согласіе. Дѣжа, какъ оказывается потомъ, владѣлъ богатою и многолюдною, сосѣднею съ Нишемъ областью Дендрой [4]).

---

1) Cinn., l. III, 9, p. 113.

2) Васильевскій, o. c., стр. 254—55, пр. 94.

3) В. Г. Васильевскому принадлежитъ заслуга основательнаго разъясненія этого тождества. Тамъ же, Приложеніе III, 280—287. Еще Голубинскій, Очеркъ ист. пр. церк., стр. 540—542. Къ такому рѣшенію вопроса былъ близокъ еще сербскій писатель І. Субботичъ, но однакожъ онъ всетаки не пришелъ къ нему. См. его рецензію на исторію С. Медаковича, Сербскій Лѣтопись, 1853 г., ч. I, стр. 188—189 и сл.

4) Cinn., l. V, p. 204. Подъ „Дендрою" понимается иными *лѣсная* область на зап. отъ соединенн. Моравы, т. е. *Шумадія* (Васильевскій, o. c. стр. 255), но едва-ли не вѣрнѣе съ С. Новаковичемъ (Землиште радне Немањине, Беогр. 1877, изъ „Годишњице Ник. Чупича", кн. I, стр. 15, пр. 1) разумѣть тутъ край по р. Топлицѣ и горную область между этой рѣкой и обѣими Моравами. Это дѣйствительно *сосѣдняя* съ Нишемъ земля и главный удѣлъ Немани. Срв. Новаковичъ, тамъ же, стр. 12 и сл. и Голубинскій, Очеркъ ист. пр. церк., стр. 541. Шумадія же была извѣстна подъ

Получилъ ли онъ при этомъ случаѣ какое-либо возмѣщеніе отъ Мануила за устраненіе отъ престола (что́ весьма возможно)—объ этомъ мы извѣстій не имѣемъ [1]); трудно также сказать навѣрно, находилось ли это владѣніе Дендрою къ нѣкоторой связи съ отношеніями Дѣжи къ Мануилу; судя по впослѣдствіи заключенному между ними условію такая связь довольно вѣроятна [2]). Осень и зиму того же 1153 года Мануилъ проводилъ въ Пелагоніи, т. е. котловинѣ Битольской (въ западн. Македоніи), откуда удобно было наблюдать за дѣйствіями его враговъ — на западѣ Норманновъ, а на сѣверѣ Угровъ, да и Сербовъ [3]). Мы увидимъ сейчасъ, что относительно Угровъ предусмотрительность и осторожность были далеко не лишними. Уже предыдущія неоднократныя попытки Угровъ нарушить миръ на Дунаѣ должны бы были побудить Мануила быть на сторожѣ. Но послѣдующія событія показали, что онъ не былъ такъ приготовленъ, какъ того требовало сомнительное положеніе дѣлъ на Дунаѣ.

Дѣйствительно, въ слѣдующемъ 1154 году угорскій король вновь и на сей разъ болѣе серіозно и рѣшительно ополчается противъ Византіи. Ясно, что теперь для его цѣли наступило удобное время, и не только потому, что онъ успѣлъ хорошо приготовиться (получивъ и иноземную помощь), но быть можетъ еще и по другимъ, *особеннымъ* причинамъ, если вѣрить нашимъ византійскимъ источникамъ. Дѣло въ томъ, что они приводятъ это предпріятіе Гейзы въ связь съ весьма любопытнымъ эпизодомъ внутренней исторіи Византіи при Мануилѣ, именно съ измѣной близкаго къ императору лица, его двоюроднаго брата—знаменитаго героя безчисленныхъ политическихъ и романическихъ приключеній, интереснаго Андроника Комнина. Справедливо ли въ данномъ случаѣ было обвиненіе и существовала ли дѣйствительно измѣна, т. е. предательское соглашеніе Андроника съ Уграми,—это конечно остается еще вопросомъ—

им. Лугомирской области. Срв. еще у Кукул. Сакс. (о. с., стр. 110, пр. 2); Сретьковичъ, Ист. Срп. нар. I, стр. 221 считаетъ Дендру нын. *Дреницей*, сосѣдившей съ Зетой. Срв. Рѣчникъ *Даничича* I, стр. 314.

1) Откуда заключаетъ объ этомъ г. Васильевскій (стр. 255), намъ не ясно.

2) Cinn., ib., p. 204.

3) Nic. Chon., l. III, p. 133.

за неимѣніемъ подтверждающихъ извѣстій съ другой стороны и въ виду обычности всякихъ интригъ и клеветъ при византійскомъ дворѣ, но надо признаться, что исторія эта достаточно правдоподобна и не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго ни тому, что̀ мы знаемъ объ Андроникѣ, ни обстоятельствамъ и условіямъ того момента.

Будущій императоръ Андроникъ, двоюродный братъ Мануила, сынъ младшаго брата Кало-Іоанна—Исаака (севастократора), какъ кажется, отъ русской матери (дочери Володаря Ростиславича галицкаго) [1]), одна изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ личностей византійской исторіи, прославился своей оригинальной судьбой и безконечными похожденіями въ восточной Европѣ и Азіи. Блестяще одаренный природой и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи, сверстникъ и товарищъ дѣтства Мануила, съ нимъ вмѣстѣ получившій воспитаніе и образованіе и во многомъ на него похожій, Андроникъ соединялъ съ нѣкоторыми типическими чертами западноевропейскаго рыцаря и съ свѣтскою привлекательностью чрезвычайную порочность и страстность въ характерѣ; по природѣ честолюбивый и наслѣдовавшій отъ отца притязанія на власть—его отецъ (Исаакъ) и братъ (Іоаннъ), недовольные отстраненіемъ ихъ линіи отъ престола, ушли къ Иконійскому султану — Андроникъ естественно потерялъ постепенно довѣріе и расположеніе Мануила, которыми сперва пользовался, и обвиненный не разъ въ политическихъ заговорахъ и покушеніяхъ противъ самого Мануила, былъ наконецъ лишенъ свободы, послѣ чего и начинается его скитальческая и исполненная приключеній жизнь [2]).

---

[1]) Выше уже было упомянуто, что Володарь Ростиславичъ (отецъ Владимірка Гал.) въ 1104 г. выдалъ дочь свою — „за царевича, за Олексиича" (Ипат. лѣт., л. 6612). Здѣсь должно разумѣть одного изъ братьевъ: Андроника или Исаака. Ученые справедливо склоняются болѣе въ пользу Исаака (К у н и к ъ, И л о в а й с к і й).

[2]) Объ Андроникѣ и его жизни— послѣ неполной и устарѣвшей біографіи у W i l k e n'a, Histor. Taschenb. v. Raumer, 1831 (S. 431) самыя лучшія указанія и изслѣдованія К у н и к а, Основаніе Трапезунтской имперіи, Учен. Зап. А. Н. т. II, 1854, стр. 712 и сл. и въ замѣчаніяхъ на „Каспій" Д о р н а: (26 т. Зап. И. Ак. Н.), стр. 389. Срв. еще У с п е н с к і й, Цари Алексѣй и Андрон. Комнины, Ж. М. Н. Пр. 1880, ч. CCXII и 1881, ч. CCXIV. Есть на этотъ сюжетъ и историческія повѣсти: (напр. P e r v a n o g l u, His. Bilder aus d. Byz. Reich. Andron. Comn., Leipz., 1879—80. и др.).

Поводомъ къ лишенію его свободы и было отчасти именно обвиненіе его въ государственной измѣнѣ и политической сдѣлкѣ съ Уграми, отчасти его поведеніе во время лагерной жизни Мануила въ Пелагоніи, о чемъ съ значительными подробностями разсказываютъ и Киннамъ и Никита Хонскій [1]).

Незадолго передъ тѣмъ Андроникъ, вызванный изъ Киликіи, гдѣ онъ неудачно дѣйствовалъ противъ одного армянскаго князька, и не смотря на то еще пользуясь милостью Мануила, былъ назначенъ *дукой* Ниша и Браничева (у Никиты Хонскаго: Бѣлграда и Браничева—-версія еще болѣе вѣроятная) [2]). Это было должно быть въ первой половинѣ 1153 года. Тою же осенью, вскорѣ по прибытіи Мануила въ лагерную стоянку на равнинѣ Битольской, до его слуха дошла вѣсть о политической измѣнѣ Андроника и сношеніяхъ его съ Уграми. По разсказу Киннама дѣло было такъ. Андроникъ завелъ сношенія и вступилъ въ союзъ съ угорскимъ королемъ, обѣщавъ ему уступить города Бѣлградъ и Браничево (а можетъ быть и Нишъ), если онъ поможетъ ему достигнуть власти (сверженіемъ Мануила), на что тотъ и согласился. Чтобы замаскировать свой планъ, Андроникъ не скрылъ отъ императора своихъ сношеній съ Угріей, но объяснилъ ихъ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ партію между вельможами угорскими и съ помощью ихъ надѣется уладить угро-византійскія отношенія къ выгодѣ Византіи. Такимъ образомъ онъ, не подозрѣвая, что его замыслы раскрыты, прямо снесся съ угорскимъ королемъ на счетъ времени присылки помощи [3]). Между тѣмъ въ руки Мануила попалось письмо Андроника къ Гейзѣ съ упомянутыми обѣщаніями; такимъ образомъ дѣло будто-бы раскрылось, и уличенный Андроникъ былъ лишенъ занимаемаго имъ поста и вызванъ въ Пелагонію. Однакожъ заслуженная кара еще не послѣдовала. Быть можетъ Андронику еще удалось какъ-нибудь обѣлить себя въ глазахъ

---

[1]) Cinn., l. III, p. 124—130; Nic. Chon., l. III, p. 133—138.

[2]) Быть можетъ и всѣхъ трехъ городовъ.

[3]) Здѣсь Киннамъ говоритъ о приглашеніи на помощь не однихъ Угровъ, но и *короля германскаго* (τὸν Ἀλαμανῶν ῥῆγα ib. p. 127), что странно и невѣроятно—въ виду именно тогда скрѣплявшагося союза Фридриха и Мануила. Быть можетъ это недоразумѣніе произошло отъ того, что потомъ дѣйствительно союзниками (б. м. наёмниками?) Угровъ оказываются Нѣмцы („Саксы"), о которыхъ рѣчь ниже.

за неимѣніемъ подтверждающихъ извѣстій съ другой стороны и въ виду обычности всякихъ интригъ и клеветъ при византійскомъ дворѣ, но надо признаться, что исторія эта достаточно правдоподобна и не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго ни тому, что̀ мы знаемъ объ Андроникѣ, ни обстоятельствамъ и условіямъ того момента.

Будущій императоръ Андроникъ, двоюродный братъ Мануила, сынъ младшаго брата Кало-Іоанна—Исаака (севастократора), какъ кажется, отъ русской матери (дочери Володаря Ростиславича галицкаго) [1]), одна изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ личностей византійской исторіи, прославился своей оригинальной судьбой и безконечными похожденіями въ восточной Европѣ и Азіи. Блестяще одаренный природой и въ физическомъ и въ духовномъ отношеніи, сверстникъ и товарищъ дѣтства Мануила, съ нимъ вмѣстѣ получившій воспитаніе и образованіе и во многомъ на него похожій, Андроникъ соединялъ съ нѣкоторыми типическими чертами западноевропейскаго рыцаря и съ свѣтскою привлекательностью чрезвычайную порочность и страстность въ характерѣ; по природѣ честолюбивый и наслѣдовавшій отъ отца притязанія на власть — его отецъ (Исаакъ) и братъ (Іоаннъ), недовольные отстраненіемъ ихъ линіи отъ престола, ушли къ Иконійскому султану — Андроникъ естественно потерялъ постепенно довѣріе и расположеніе Мануила, которыми сперва пользовался, и обвиненный не разъ въ политическихъ заговорахъ и покушеніяхъ противъ самого Мануила, былъ наконецъ лишенъ свободы, послѣ чего и начинается его скитальческая и исполненная приключеній жизнь [2]).

---

[1]) Выше уже было упомянуто, что Володарь Ростиславичъ (отецъ Владимірка Гал.) въ 1104 г. выдалъ дочь свою — „за царевича, за Олексинича" (Ипат. лѣт., л. 6612). Здѣсь должно разумѣть одного изъ братьевъ: Андроника или Исаака. Ученые справедливо склоняются болѣе въ пользу Исаака (Куникъ, Иловайскій).

[2]) Объ Андроникѣ и его жизни — послѣ неполной и устарѣвшей біографіи у Wilken'a, Histor. Taschenb. v. Raumer, 1831 (S. 431) самыя лучшія указанія и изслѣдованія Куника, Основаніе Трапезунтской имперіи, Учен. Зап. А. Н. т. II, 1854, стр. 712 и сл. и въ замѣчаніяхъ на „Каспій" Дорна: (26 т. Зап. И. Ак. Н.), стр. 389. Срв. еще Успенскій, Цари Алексѣй и Андрон. Комнины, Ж. М. Н. Пр. 1880, ч. CCXII и 1881, ч. CCXIV. Есть на этотъ сюжетъ и историческія повѣсти: (напр. Pervanoglu, His. Bilder aus d. Byz. Reich. Andron. Comn., Leipz., 1879—80. и др.).

Поводомъ къ лишенію его свободы и было отчасти именно обвиненіе его въ государственной измѣнѣ и политической сдѣлкѣ съ Уграми, отчасти его поведеніе во время лагерной жизни Мануила въ Пелагоніи, о чемъ съ значительными подробностями разсказываютъ и Киннамъ и Никита Хонскій [1]).

Незадолго передъ тѣмъ Андроникъ, вызванный изъ Киликіи, гдѣ онъ неудачно дѣйствовалъ противъ одного армянскаго князька, и не смотря на то еще пользуясь милостью Мануила, былъ назначенъ *дукой* Ниша и Браничева (у Никиты Хонскаго: Бѣлграда и Браничева—версія еще болѣе вѣроятная) [2]). Это было должно быть въ первой половинѣ 1153 года. Тою же осенью, вскорѣ по прибытіи Мануила въ лагерную стоянку на равнинѣ Битольской, до его слуха дошла вѣсть о политической измѣнѣ Андроника и сношеніяхъ его съ Уграми. По разсказу Киннама дѣло было такъ. Андроникъ завелъ сношенія и вступилъ въ союзъ съ угорскимъ королемъ, обѣщавъ ему уступить города Бѣлградъ и Браничево (а можетъ быть и Нишъ), если онъ поможетъ ему достигнуть власти (сверженіемъ Мануила), на что тотъ и согласился. Чтобы замаскировать свой планъ, Андроникъ не скрылъ отъ императора своихъ сношеній съ Угріей, но объяснилъ ихъ тѣмъ, что онъ пріобрѣлъ партію между вельможами угорскими и съ помощью ихъ надѣется уладить угро-византійскія отношенія къ выгодѣ Византіи. Такимъ образомъ онъ, не подозрѣвая, что его замыслы раскрыты, прямо снесся съ угорскимъ королемъ на счетъ времени присылки помощи [3]). Между тѣмъ въ руки Мануила попалось письмо Андроника къ Гейзѣ съ упомянутыми обѣщаніями; такимъ образомъ дѣло будто-бы раскрылось, и уличенный Андроникъ былъ лишенъ занимаемаго имъ поста и вызванъ въ Пелагонію. Однакожъ заслуженная кара еще не послѣдовала. Быть можетъ Андронику еще удалось какъ-нибудь обѣлить себя въ глазахъ

---

[1]) Cinn., l. III, p. 124—130; Nic. Chon., l. III, p. 133—138.

[2]) Быть можетъ и всѣхъ трехъ городовъ.

[3]) Здѣсь Киннамъ говоритъ о приглашеніи на помощь не однихъ Угровъ, но и *короля германскаго* (τὸν 'Αλαμανῶν ῥῆγα ib. p. 127), что странно и невѣроятно—въ виду именно тогда скрѣплявшагося союза Фридриха и Мануила. Быть можетъ это недоразумѣніе произошло отъ того, что потомъ дѣйствительно союзниками (б. м. наёмниками?) Угровъ оказываются Нѣмцы („Саксы“), о которыхъ рѣчь ниже.

императора, увѣривъ его въ клеветѣ и подлогѣ письма [1]). Но его послѣдующее вызывающее поведеніе, возбуждавшее не только злобу и доносы на него со стороны нѣкоторыхъ родственниковъ за преступную его связь съ племянницей Мануила Евдокіей, но и негодованіе самого Мануила за дерзкія рѣчи и поступки (напр. противъ брата Евдокіи), дошло до того, что его прямо обвинили въ тайныхъ замыслахъ противъ жизни Мануила (на что нашлись улики), и тогда онъ былъ схваченъ и отведенъ въ заключеніе въ Византіи [2]).

Мы сказали уже выше, что разсказанныя сношенія Андроника съ Уграми, хоть и не извѣстныя изъ другихъ источниковъ, напр. угорскихъ, весьма правдоподобны и особенныхъ сомнѣній не возбуждаютъ. Съ другой стороны въ пользу нихъ говорятъ и сами факты. Въ 1154 году (осенью) Гейза, какъ было уже сказано, предпринялъ большой походъ противъ Византіи [3]). Очень возможно, что выступая — онъ не зналъ еще объ участи, постигшей Андроника и его замыслы, и ожидалъ условленныхъ дѣйствій съ его стороны. Внѣшнія отношенія Угріи тоже благопріятствовали предпріятію. Молодой германскій король былъ занятъ своими италіанскими планами и внутренними дѣлами. На Руси союзникъ Гейзы Изяславъ послѣ смерти Владимірка (1152) обходился безъ угорской помощи. Между Угріей и ея западными сосѣдями, австрійскимъ маркграфомъ Генрихомъ и Владиславомъ чешскимъ установились добрыя отношенія, чѣмъ и объясняется то, что въ рядахъ угорскаго войска въ этомъ походѣ 1154 г. оказываются *Чехи* и *Нѣмцы*. По словамъ Киннама Гейза собралъ большое войско, составивъ его между прочимъ и изъ Чеховъ и „Саксовъ“. Чехи могли быть конечно и просто

---

[1]) Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Мануилъ не принялъ никакихъ мѣръ въ отношеніи къ Уграмъ. Киннамъ (ib p. 127) думаетъ, что Мануилъ помиловалъ его изъ жалости или изъ иного побужденія: εἴτε κηδόμενος τοῦ ἀνθρώπου... εἴτε καὶ ἄλλό τι ἐννοούμενος.

[2]) Nic. Chon., p. 133; Cinn., p. 130.

[3]) Такъ какъ Киннамъ (ib., p. 131) говоритъ въ разсказѣ объ этомъ походѣ о большихъ дождяхъ и разливѣ Дуная, то это могло быть и весною или лѣтомъ; но слова Киннама послѣ разсказа, что оттуда Мануилъ, снявшись съ лагеря, ушелъ и *перезимовалъ* близъ гор. Верреи, заставляетъ думать, что была уже поздняя осень когда военныя дѣйствія оканчивались. У иныхъ историковъ даже опредѣленіе года этого похода не вѣрно.

наёмниками, но могли быть и союзнымъ отрядомъ — именно въ виду происшедшаго сближенія Владислава съ Гейзой [1]. Что касается „Саксовъ", то разумѣть здѣсь новыхъ нѣмецкихъ поселенцевъ Трансильваніи, которымъ было присвоено это имя, нѣтъ достаточнаго основанія, какъ нами показано въ другомъ мѣстѣ [2]. Это были вѣроятно также или наёмники, набранные быть можетъ въ сосѣдней австрійской маркѣ съ разрѣшенія Генриха Язомирготa, или пожалуй даже имъ самимъ присланный вспомогательный отрядъ [3]. Наконецъ на сторонѣ Угровъ сражался и тогдашній (*первый* вполнѣ достовѣрный — намъ по имени извѣстный) банъ боснійскій Боричъ съ своими Босняками, состоявшій подъ верховнымъ покровительствомъ Угріи [4]. Гейза перешелъ Дунай, осадилъ г. Браничево и произвелъ опустошеніе въ его окрестностяхъ. Не ожидавшій этого быстраго нападенія Мануилъ поспѣшилъ на Дунай съ войскомъ, которое онъ считалъ однако недостаточнымъ для открытой борьбы съ Уграми, — остальныя византійскія силы еще не были сосредоточены. Поэтому онъ не пошелъ прямо на Угровъ, а занялъ природой укрѣпленное мѣстечко

---

1) Д у д и к ъ считаетъ ихъ повидимому присланными Владиславомъ Gesch. Mähr. III, S. 290.

2) См. выше о нѣмецкихъ переселеніяхъ въ Трансильванію (стр. 53). Такъ и S c h l ö z e r, Siebenb. Deutsche, S. 207, 539, пр. 6, считающій ихъ наёмниками. Срв. H a n n e n h e i m, o. c., S. 39, пр. 76. Киннамъ, знавшій о нѣмецкой помощи и слышавшій о „саксонскихъ" поселеніяхъ въ Угріи, высказалъ здѣсь вѣроятно свое собственное соображеніе.

3) Въ этомъ смыслѣ и D u d i k, ibid. (bairisch-oesterreichische Truppen).

4) Cinn., p. 131: Βορίτζης ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς εἰς συμμάχους τῷ Παιονάρχῃ τελέσας . etc. Этого бана Борича многіе старые историки, да и новые, какъ напр. С. Л ю б и ч ъ, смѣшиваютъ съ Борисомъ Коломановичемъ;но уже M i k o c z y въ вышеупомянутой статьѣ о банахъ „Banorum Dalm. Croat. etc. series" обнаружилъ эту ошибку. См. Arkiv za povjestn. XI, стр. 60—64. Срв. критику на Любича Ил. Р у в а р ц а, Прилошци к објашненю изв. срп. ист., Гласник, кн. 49 (1881), стр. 33 — 37. Мы видѣли уже, что трудно опредѣлить точно время, когда Босна вступила въ вассальныя отношенія къ Угріи, ибо подъ имeнемъ „Рамы", являющейся въ корол. титулѣ Коломана, не разумѣлась еще вся Босна, а лишь небольшая примыкавшая къ Далмаціи область. Но что банъ боснійскій въ эпоху, нами излагаемую, находился въ вассальной зависимости отъ Угріи — это ясно изъ извѣстій византійцевъ. О Боричѣ см. K l a i ć, Pov. Bosne, p. 49. Подъ им. „ducatus Bosnensis", котор. былъ (по док. 1137 г.) отданъ еще Бѣлой Слѣпымъ своему сыну Владиславу (брату Гейзы), разумѣлась по всей вѣроятности именно собственно обл. Рама, а не самая Босна.

Смилу (нын. Свилайнацъ?) [1]), дабы отсюда безпокоить Угровъ. Жители Браничева должны были быть извѣщены о скорой помощи и ободрены къ оборонѣ письмомъ, привязаннымъ къ стрѣлѣ, пущенной въ городъ; но стрѣла залетѣла слишкомъ далеко и попала въ угорскій лагерь. Встревоженные извѣстіемъ о приближеніи Мануила Угры поспѣшили сжечь осадныя машины и хотѣли переправиться черезъ Дунай, но разливъ рѣки (вслѣдствіе дождей) помѣшалъ имъ въ этомъ; тогда они направились къ западу къ Бѣлграду [2]), Боричъ же банъ боснійскій въ свои владѣнія. Узнавъ объ этомъ, императоръ отправилъ противъ послѣдняго отрядъ избранныхъ сильныхъ воиновъ подъ начальствомъ Василія Цинцилука (хартуларія), самъ же медленно слѣдовалъ позади. Василій вмѣсто точнаго исполненія даннаго ему приказанія увлекся мыслью пораженія самихъ Угровъ, шедшихъ къ Бѣлграду и бросился на нихъ; разсѣявъ передовые отряды, онъ ударилъ въ самый центръ угорскаго войска. Взятые врасплохъ Угры, думая, что имѣютъ дѣло съ самимъ Мануиломъ, обратились было въ бѣгство, чтобъ переправиться черезъ рѣку (м. б. Мораву), причемъ многіе, бросаясь на суда, потонули. Но узнавъ—въ чемъ дѣло, они ободрились, и обратившись къ непріятелю, опрокинули его и нанесли ему сильное пораженіе. Первыми были смяты и почти всѣ истреблены Угры, находившіеся въ византійскомъ отрядѣ (по Киннаму ошибочно — подъ начальствомъ сына Гейзы Стефана!), причемъ, какъ увидимъ ниже, потерялъ свою жизнь и Борисъ Коломановичъ. Очень правдоподобно, что именно эти Угры, вѣроятно самъ Борисъ и его приверженцы, увлекли Василія Цинцилука напасть на угорское войско вмѣсто Босняковъ [3]). Послѣ

---

1) Cinn., p. 131: ἔστι τις χῶρος... Σμήλης ὄνομα. По опредѣленію г. Васильевскаго (о. с. стр. 258)=*Смиловцы*, нѣкогда село между Моравой и Кучаиной, неподалеку отъ Раваницы, со ссылкой на Рѣчникъ Даничича III, 134; на картахъ на этомъ мѣстѣ *Свилайнацъ;* но не слишкомъ ли это далеко отъ Дуная и Браничева?

2) Нын. столица Сербіи. О Бѣлградѣ на мѣстѣ древн. *Сингидунума*, о его прошлыхъ судьбахъ до XII вѣка и послѣ см. статью М. Катанчича, серб. перевод. Л. Павловича „Спомен Београда, негдашнѣгъ Сингидуна." Гласникъ (1853) кн. V, стр. 113, о XII в. 167—171. См. K. Jireček, Die Herrstr. v. Belgr. n. Const., S. 84.

3) Срв. Васильевскій, тамъ же. Такой же угорскій отрядъ съ самимъ Борисомъ былъ въ визант. войскѣ въ первую войну.

этой побѣды Угры продолжали путь къ Бѣлграду, надѣясь теперь легко взять этотъ городъ. Но Мануилъ умѣлъ себя обезопасить отъ этой потери. Узнавъ о пораженіи своихъ и о томъ, что жители Бѣлграда тоже легко могутъ сдаться, онъ немедленно отправилъ туда Іоанна Кантакузена, который водворилъ тамъ порядокъ и поднялъ духъ жителей, схвативъ главныхъ подстрекателей къ отложенію изъ угорской партіи и приведя ихъ узниками къ Мануилу. Послѣдній жаждалъ тотчасъ же отомстить练 Уграмъ за нанесенное пораженіе и лишь съ трудомъ уступилъ благоразумнымъ совѣтамъ приближенныхъ [1]). Онъ отложилъ расплату до весны слѣдующаго 1155 года.

Въ описанной только-что войнѣ требуетъ разъясненія еще одно показаніе Киннама, невольно останавливающее вниманіе читателя. Это — извѣстіе о сражавшихся на сторонѣ Грековъ Уграхъ, будто-бы со Стефаномъ, *сыномъ* Гейзы [2]). Въ этомъ послѣднемъ показаніи безъ всякаго сомнѣнія мы имѣемъ дѣло съ ошибкой. Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о еще малолѣтнемъ тогда сынѣ Гейзы, а могла бы быть рѣчь, какъ и исправлялъ это мѣсто еще Дюканжъ, без-

---

[1]) Cinn., p. 131 — 133, краткій разсказъ у Nic. Chon., p. 133 — 134. H. Muglen, c. LII, (Kovachich, S. 76—77) въ немногихъ словахъ, но нѣсколько отлично и безъ всякихъ хронологическихъ указаній изображаетъ эти угро-византійскія войны. Впрочемъ въ общемъ его показанія сходятся съ византійскими. Вотъ его извѣстія: In denselben zeiten dieweil kunig geisa zu reussen war do tzoh emanuel der kaiser von kriechen in ungerlant und nam grossen raub und traib weib und kint hinweg und tzoh sein strass. Do der keyser von kriechen nu kom gen pulgrey und kein vorcht hett do sant er das volk hinter sich demselben heer begegent der kunig geysa und strait mit ym und slug der kriechen anzal zu tod und legt sich fur pulgrey und twang sie und nam do silber und gold und grossen raub und tzoh wieder gen ungern do sant der keyser von Constantinopel gen kunig geysa noch grosser volk das in bestreyten solt, do verparg sich der kunig geysa drey tag in welden, do die krichen nymant funden do ritten sie one sorg do viel der kunig geysa auf sie und slug die kriechen sogar zu tode daz keyner plaib der die mer doheim kunt thet... Слѣдующее у него рядомъ извѣстіе о походѣ Гейзы противъ Задра и отнятіи этого города у Венеціанцевъ (darnach sant der kunig geysa gen saders in dalmatia daz die venediger betwungen und betwang die stat tzu seinem reich), стоящее совершенно одиноко и никакими другими источниками не подтверждаемое, должно быть кажется признано ошибкой, объяснимой компилятивнымъ характеромъ работы.

[2]) Cinn., ib., p. 132: οἱ περὶ Στέφανον τὸν Ἰατζᾶ παῖδα Οὖννοι Ῥωμαίοις συστρατεύοντες...

смертный коментаторъ Киннама [1]), а за нимъ повторяютъ и другіе, лишь о братѣ Гейзы Стефанѣ, который вскорѣ (черезъ нѣсколько лѣтъ) дѣйствительно находитъ покровительство у Мануила и о которомъ разсказываютъ потомъ оба византійскіе историка.

Но такъ какъ еще до этого обращенія и послѣ событій 1154 г. этотъ Стефанъ по достовѣрнымъ западнымъ извѣстіямъ, искалъ покровительства въ Германіи, у Фридриха, то большинство мадьярскихъ историковъ принимаютъ *двукратное* пребываніе Стефана въ византійской имперіи: первое около 1154 г. и вторичное съ 1158, когда де онъ, ничего не добившись въ Германіи, можетъ быть по внушенію византійскаго посольства, съ которымъ тамъ встрѣтился, ушелъ въ Грецію [2]).

Однакожъ, какъ мы яснѣе увидимъ изъ послѣдующаго при подробномъ изложеніи событій 1157—58 г., изъ извѣстій продолжателя Оттона Фрейзингенскаго о переговорахъ Фридриха съ Гейзой по поводу бѣгства Стефана приходится сдѣлать неизбѣжное заключеніе, что Стефанъ бѣжалъ въ Германію *прямо* изъ Угріи и въ Византію еще не ходилъ [3]). Да и къ чему ему было бы искать защиты у Фридриха, еслибъ онъ уже заручился покровительствомъ Мануила (особенно послѣ смерти Бориса)? Поэтому можно вполнѣ согласиться съ предположеніемъ, что Киннамъ назвалъ въ данномъ случаѣ Стефана—по собственнымъ соображеніямъ и впалъ въ ошибку: зная только о присутствіи Угровъ въ византійскомъ войскѣ, онъ хотѣлъ какъ-нибудь объяснить это присутствіе и „некстати припомнилъ о Стефа-

---

[1]) Ibid. (Ed. Bonn.), Car. Du Fresne notae, p. 345.

[2]) Fessler, o. c., p. 86—93. По его, впрочемъ произвольному утвержденію, вѣроятно связанному съ однимъ показаніемъ Рагевина (G. Fr. III, 12—13) о немъ (bellum inferentem), Стефанъ былъ запутанъ и въ дѣлѣ Андроника: черезъ него будто-бы Мануилъ получилъ письма, компрометирующія Андроника, ибо уже тогда Стефанъ, недовольный своимъ положеніемъ, бѣжалъ въ Византію (S. 86—87); тоже Szalay, Gesch. Ung. I B., (Pest, 1866), S. 303—304; Horvath, Kurzgef. Gesch. Ung. (Pest, 1863), B. I, S. 119; Sasinek, Dejiny kral. uhorsk. D. I, s. 1 (1869), стр. 107 и друг.

[3]) Въ оправданіяхъ Гейзы передъ Фридрихомъ и въ обвиненіяхъ Стефана нѣтъ и рѣчи о переходѣ Стефана на сторону визант. имперіи Contin. Ottonis Fris., Gest. Fr. Rahewini, l. III, c. 12, M. G. SS. XX, p. 424. (Изд. Вайца, c. 13, стр. 145—46).

нѣ“, забывъ о прежнемъ угорскомъ претендентѣ [1]). А что въ этомъ неудачномъ для Византіи походѣ не только участвовалъ Борисъ Коломановичъ, но что онъ именно тутъ сложилъ свою буйную и неугомонную голову—объ этомъ мы имѣемъ достаточно ясное свидѣтельство все у того же очевидно интересовавшагося Борисомъ достовѣрнаго нѣмецкаго историка.

Оттонъ Фрейзингенскій, повѣтствуя о событіяхъ 1156 года (іюля), разсказываетъ, что „незадолго передъ тѣмъ (non longe ante haec tempora) царь греческій послалъ противъ Угровъ войско съ Борисомъ и оно потерпѣло полное пораженіе, такъ что при этомъ палъ и Борисъ, проньженный стрѣлою какого-то кумана (половчина) [2]). Но ближайшее къ 1156 году пораженіе Грековъ Уграми было именно въ 1154 году, а потому смерть Бориса остается только пріурочить къ этой экспедиціи, признавъ вышеуказанную ошибку у Киннама. Уже то, что Киннамъ и послѣ нигдѣ не упоминаетъ о смерти Бориса, послѣдовавшей, какъ мы знаемъ, въ экспедиціи на Дунай, говоритъ въ пользу того же толкованія. Далѣе есть кое-что его оправдывающее даже въ разсказѣ самого Киннама: между „другими многими народами“, собранными по его словамъ Гейзой [3]), должны были быть и Куманы (Половцы)—изъ предѣловъ ли самой Угріи, или призванные союзники, а Борисъ, по свидѣтельству Оттона, палъ именно отъ руки кумана. Затѣмъ, говоря объ истребленіи почти всѣхъ Угровъ „бывшихъ со Стефаномъ“, Киннамъ ни словомъ не упоминаетъ о спасеніи Стефана, давая этимъ думать, что тутъ же погибъ и онъ [4]). Итакъ и въ этомъ пунктѣ кажущееся несогласіе извѣстій сглаживается. Остается еще прибавить, что къ этому же эпизоду

---

[1]) Васильевскій, тамъ же, стр. 259, пр. 100. Не произвело ли путаницы при этомъ имя союзника угорскаго, бана боснійскаго Борича?

[2]) Otto Fris., l. II, c. 31, ib., p. 414: Non longe ante haec tempora Graecorum princeps cum Boricio contra Ungaros copias mittens, magnum sui detrimentum accepit exercitus, in tantum ut et Boricius a quodam qui secum venerat Cumano, qui et Scitha, sagitta transfixus necaretur. Выраженіе „qui secum venerat", по мнѣнію г. Васильевскаго (стр. 277, прил.) никакъ не значитъ, что половчинъ былъ изъ его воиновъ, т. е. палъ жертвой измѣны, какъ нѣкоторые понимали.

[3]) Cinn., p. 131. ἐκ... ἄλλων τε πλείστων ἑαυτῷ συστησάμενος ἐθνῶν...

[4]) Ibid., p. 132: Οὔννων μὲν τῶν σὺν τῷ Στεφάνῳ σχεδόν τε ἅπαντες, Ῥωμαίων δὲ πολλοὶ ἔπεσον...

смерти Бориса обыкновенно относятъ и извѣстный не на мѣстѣ поставленный разсказъ Никиты Хонскаго о гибели нѣкаго *Каламана* въ экспедиціи противъ произведшихъ набѣгъ Скиѳовъ (Куманъ) [1]: думаютъ, что подъ этимъ Каламаномъ разумѣется никто другой, какъ Борисъ Коломановичъ. По этому разсказу онъ потерпѣлъ совершенное пораженіе, много людей погибло и самъ онъ умеръ отъ полученныхъ ранъ. Дѣйствительно, это дѣло съ Куманами можетъ быть потому съ немалою вѣроятностью пріурочено къ походу 1154 года, что ни о какомъ иномъ самостоятельномъ набѣгѣ Половцевъ послѣ 1148 года извѣстій не имѣется, а что Куманы были въ войскѣ Угровъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Извѣстіе Оттона Фрейзингенскаго о гибели Бориса отъ куманской стрѣлы тоже подтверждается этимъ разсказомъ Никиты [2]. Смѣшеніе именъ могло случиться очень легко. У Бориса былъ сынъ Каламанъ [3], служившій Грекамъ и имя котораго впослѣдствіи неоднократно встрѣчается у Византійцевъ и въ разныхъ документахъ, но его дѣятельность относится къ болѣе позднему времени.

На слѣдующій годъ (1155) весною король угорскій узналъ, что Мануилъ, горѣвшій желаніемъ отомстить Уграмъ за прошлогодній уронъ, идетъ къ Дунаю съ большими военными силами и намѣревается на спеціально для того прибывшихъ судахъ переправиться черезъ Дунай, чтобы перенести войну на угорскую территорію [4]. Эта перспектива вовсе не улыбалась Гейзѣ. Его цѣль отплатить Мануилу за прежде (въ 1150 г.) нанесенный ущербъ, которую онъ долго преслѣдовалъ, была наконецъ блестящимъ образомъ достигнута, а вступать въ новую открытую борьбу съ такимъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ у него не было ни желанія, ни интереса, тѣмъ болѣе, что одной изъ главныхъ причинъ его враждебныхъ къ Византіи чувствъ уже не существовало: умеръ Борисъ Коломановичъ, его безпокойный и на Мануила опиравшійся соперникъ. Вотъ почему онъ

---

[1] Nic. Chon., II, p. 123—124. Καλαμάνος τις...

[2] Къ Борису относилъ разсказъ Никиты Хонскаго уже **Фесслеръ**, о. с. S. 89, пр., подробнѣе обосновалъ это мнѣніе **Васильевскій**, о. с. Прилож., стр. 277.

[3] Онъ могъ принимать также участіе въ предпріятіяхъ отца, и тѣмъ скорѣе могло произойти смѣшеніе его имени съ именемъ Бориса.

[4] Cinn., III, p. 133.

поспѣшилъ отправить почетныхъ пословъ для переговоровъ о мирѣ на достаточно выгодныхъ для Византіи условіяхъ.

Угорское посольство застало Мануила уже на Дунаѣ, готоваго къ переправѣ. Императоръ, хоть и счелъ нужнымъ сперва сдѣлать видъ, что не хочетъ слышать о мирѣ, въ сущности былъ, какъ видно, радъ такому обороту дѣла, ибо принялъ условія, сочтя себя удовлетвореннымъ ими: Угры выдали всѣхъ военноплѣнныхъ и всю военную добычу, какъ напр. оружіе и лошадей, и даже взамѣнъ павшихъ лошадей и вьючныхъ животныхъ, доставили другихъ — угорской породы [1]).

Такъ кончилась военная тревога на Дунаѣ въ этомъ году. На этотъ разъ миръ и съ той и съ другой стороны былъ болѣе искренній. Война между Мануиломъ и Гейзой болѣе не возобновлялась, хотя конечно изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ установились сколько-нибудь дружественныя отношенія между Угріей и Византіей; они были немыслимы при той политической роли, которую заняла Угрія въ борьбѣ запада съ востокомъ, при властолюбивыхъ замыслахъ и мечтаніяхъ Мануила, наконецъ при соперничествѣ обѣихъ державъ въ земляхъ южнославянскихъ...

Въ данный моментъ Мануилъ нуждался въ мирѣ съ Угріей, ибо пришло наконецъ время обратить серіозно свои силы на западъ противъ ненавистныхъ Норманновъ для осуществленія давно задуманнаго и постоянно ускользавшаго изъ рукъ дѣла – возстановленія власти восточной имперіи въ южной Италіи. Къ тому же поводы, вызвавшіе продолжительную войну съ Угріей, пока отчасти были устранены, отчасти исчезли сами собою. Бориса Коломановича уже не было въ живыхъ. Сербы были усмирены и снова признавали верховную власть Византіи. Поддерживать дѣятельно союзъ съ Норманнами (Рожеръ уже умеръ въ 1154 г.) и защищать ихъ власть въ Италіи—не могло теперь входить въ политическія задачи и интересы Угріи. Если мы взглянемъ теперь, въ какомъ положеніи находились дѣла на Руси, гдѣ, какъ мы знаемъ, Византія также имѣла и отстаивала свои интересы, то увидимъ, что и здѣсь исчезли поводы къ столкновенію ея съ Угріей.

---

[1]) Ibid., p. 134; кратко у Никиты Хонскаго: Nic. Chon., III, p. 134.

года Владиміръ отпускалъ въ Угрію свою мать (вторую жену Мстислава и мать Евфросиньи), которая была тамъ очень радушно принята и богато одарена королемъ [1]). Эти-то богатые подарки, привезенные ею домой, и были отняты Мстиславомъ, когда онъ въ слѣдующемъ году выгналъ Владиміра изъ его города, плѣнивъ его жену и мать [2]), т. е. двоюродную сестру (дочь Бѣлуша) и тещу короля угорскаго, такъ что Владиміръ имѣлъ полное основаніе расчитывать на защиту своего зятя, и однакожъ надежды его не оправдались. Очевидно времена были уже не тѣ и въ Угріи...

Всѣ эти перемѣны въ отношеніяхъ Угріи къ Руси и главное — торжество и водвореніе Юрія Долгорукаго въ Кіевѣ, ознаменовавшееся и церковной побѣдой Византіи тамъ—смѣщеніемъ митрополита Климента, поставленнаго соборомъ русскихъ епископовъ при Изяславѣ, и назначеніемъ на этотъ постъ цареградскимъ патріархомъ ученаго грека Константина [3]), — все это было какъ нельзя болѣе пріятно Мануилу, давнему покровителю Юрія Долгорукаго, и теперь тѣмъ болѣе, ибо устраняло поводы къ его столкновенію съ угорскимъ королемъ, что́ ему и было желательно. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобъ измѣнились взгляды Мануила на Угрію. Онъ смотрѣлъ и теперь на нее, какъ на государство, которое рано или поздно должно признать его верховный авторитетъ, какъ его признавалъ напримѣръ Владимірко галицкій, и считалъ первый шагъ къ тому уже сдѣланнымъ [4]). Но въ настоящій моментъ вниманіе Мануила было устремлено въ другую сторону: его призы-

---

[1]) Ипат. лѣт., 1155, стр. 332: Тогда же и Володимеръ Мьстиславичь пусти матерь свою Мьстиславлю въ Угры, ко королеви, зятеви своему; король же вда много имѣния тещи своей.

[2]) Тамъ же, стр. 333: ...Мьстиславъ Изяславичь ѣха... и я жену его (Володимира) и матерь его, и всадивъ я на воза везе я, Лучьску посла...

[3]) Тамъ же, г. 1156, стр. 332—333. Срв. Соловьевъ, И. Р. Г. III, стр. 61—62; Васильевскій, о. с. стр. 261—62, прим. 104.

[4]) Въ одной новеллѣ отъ 1155 г. Мануилъ себя титулуетъ „царемъ .. Далматинскимъ, *Угорскимъ*, Боснійскимъ, Сербскимъ, Чешскимъ" и т. д. (Manuel in Christo Deo fidelis rex Porphyrogenitus, Romanorum imperator, piissimus, semper Sebastus, Augustus... Dalmaticus, Ungaricus, Bosthnicus, Servicus, Zecchicus.... Edictum a. 1155). Novellae Const. ap. *Migne*, 1864. CXXXIII, 774. у Sasink'a, D. U., I, p. 107, пр. 2. Къ сожалѣнію мы не имѣли возможности провѣрить эту ссылку.

вали дѣла италіанскія и занимали связанные съ ними сношенія и переговоры съ Фридрихомъ, съ 1155 г. уже императоромъ.

3. Періодъ третій: 1156—1161 г.

Еще съ 1147—48 г., со времени второго крестоваго похода лично знакомый съ Мануиломъ Фридрихъ, по своемъ вступленіи на престолъ, слѣдуя завѣту своего дяди Конрада, не только не измѣнилъ союзу съ восточной имперіей, но повидимому думалъ даже о его скрѣпленіи новыми брачными узами, такъ что въ 1153 году результатомъ переговоровъ было то, что за Фридриха была просватана племянница Мануила Марія (дочь севастократ. Исаака) [1]. Въ то же время послы Фридриха входили въ соглашеніе съ Мануиломъ относительно войны противъ сицилійскаго короля, ибо новый германскій государь былъ готовъ исполнить обязательства, данныя его отцемъ и имъ самимъ въ этомъ дѣлѣ [2]). Другой вопросъ, были ли всѣ эти переговоры, соглашенія и заключеніе союза искренни со стороны Фридриха.

Что они таковыми не могли быть, на это мы имѣемъ прямое доказательство: въ томъ же 1153 году, одновременно съ переговорами въ Византіи Фридрихъ заключалъ важный для него въ виду предстоявшаго коронованія римскимъ императоромъ договоръ съ папой Евгеніемъ III, по которому они взаимно обязывались не допускать утвержденія Грековъ въ Италіи [3]). Однакожъ переговоры Мануила съ Фридрихомъ длились и въ 1154 году, впрочемъ безъ какого бы то ни было положительнаго результата [4]). Между тѣмъ въ началѣ 1154 г. умеръ Рожеръ, и его преемникъ кор. Вильгельмъ сдѣлалъ

---

[1]) Cinn., p. 134—35.

[2]) Cinn., p. 135. Переписка Мануила у Jaffé, Mon. Corb., Nr. 410, 411, p. 548—550. Otto Fris., l. II, c. 11, p. 395. См. объ этихъ переговорахъ—Jungfer, Untersuch. der Nachr. über Friedr. I griech. u. normann. Politik, Berl., 1874, стр. 11—15. О первыхъ сношеніяхъ Фридриха съ Мануиломъ въ 1153 г. и хронологіи ихъ см. Kap-Herr, Abendländ. Politik Kaiser Manuels, Excurs III. Chronologie der ersten Verhandlungen zwischen Friedrich I und Manuel, S. 148—151.

[3]) Jaffé, Mon. Corb., Wib. Ep., Nr. 407, p. 546—47.

[4]) Ibid., Wib. Epist., Nr. 432, p. 568; Cinn., IV, p. 135; Jungfer, o. c., S. 15—19.

было попытку примиренія съ Византіей. Но Мануилъ ее отвергъ и благодаря ссорѣ Вильгельма съ новымъ папой Адріаномъ IV (съ к. 1154 г.) пріобрѣлъ вскорѣ новаго союзника въ этомъ послѣднемъ, считавшимъ очевидно полезнымъ заручиться поддержкой обоихъ могущественныхъ враговъ норманскаго короля [1]). Входить въ подробное изложеніе всѣхъ этихъ любопытныхъ политическихъ комбинацій, обусловливаемыхъ противоположностью интересовъ и задачъ и временной взаимной поддержкой замѣшанныхъ въ дѣло сторонъ (Норманновъ, папы, Фридриха, византійскаго императора—съ ихъ другими союзниками),—не наше дѣло, тѣмъ болѣе, что отношенія эти достаточно разъяснены другими [2]). Мы отмѣчаемъ лишь главные факты, необходимые для освѣщенія событій, насъ непосредственно интересующихъ.

Въ 1155 г. состоялся давно желанный италіанскій походъ германскаго короля, и Фридрихъ достигъ завѣтной цѣли: получилъ отъ папы императорскую корону—цѣною немаловажныхъ услугъ ему (напр. допущенія казни и сожженія знаменитаго борца за чистоту церкви и противъ свѣтской власти папства, ученика Абеляра Арнольда Брешіанскаго); но не поладивъ затѣмъ съ Адріаномъ и принужденный по причанамъ, отъ него независѣвшимъ (сопротивленію князей), оставить мысль о походѣ противъ Вильгельма, Фридрихъ ушелъ обратно въ Германію. На этомъ пути, около Анконы (лѣтомъ 1155 года) его настигло византійское посольство (Мих. Палеологъ и Іоаннъ Дука), отправленное для новой попытки привлечь Фридриха къ дѣйствіямъ противъ Норманновъ, такъ какъ Мануилъ уже рѣшилъ начать борьбу въ Италіи. Но и эта попытка очевидно не имѣла успѣха [3]). Фридрихъ вернулся домой, а Мануилъ началъ войну своими

---

[1]) Cinn., p. 146, срв. Васильевскій, Изъ ист. Визант. въ XII в., 2 ст. Слав. Сбор. III, стр. 373, 383 и Jungfer, o. c., S. 36—38.

[2]) Васильевскій, только что указанная вторая статья „Южноиталіанская война“ въ Слав. Сбор. III, стр. 372, срв. тоже Успенскій, Цари Ал. и Андр. К., стр. 117—119 (Ж. М. Н. П. 1880, ч. 212). Далѣе въ сочиненіяхъ спеціально посвященныхъ Фридриху Барбар.: Prutz, Kais. Friedr. I, въ особен. Jungfer, Untersuchungen der Nachrichten über Friedrichs I griechische u. normanische Politik bis zum Wormser Reichstage, Berl. 1874, еще Kap-Herr, Die Abenländ. Pol. K. Manuels (Strassburg, 1881).

[3]) Cinn., ib., p. 135—136. Otto Fris., Gesta, II (1155), c. 23, p. 408, шк. изд. c. 36; тамъ же, p. 347 письмо Фридриха къ Оттону Фрейзингенскому.

средствами въ союзѣ съ норманскими врагами Вильгельма и папой. Но и послѣ того сношенія обоихъ императоровъ еще не прекратились, что́ доказываетъ, что союзъ не считался нарушеннымъ. Еще осенью 1155 года въ отвѣтъ на анконское посольство отправляется въ Византію аббатъ Вибальдъ, извѣстный своей вѣрностью дружбѣ съ Мануиломъ и своими стараніями поддержать и укрѣпить расшатывавшійся союзъ имперій.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда въ началѣ 1156 года новое византійское посольство снаряжается въ Германію, въ сопровожденіи возвращавшагося Вибальда, и когда въ переговорахъ еще пока союзныхъ державъ заходитъ рѣчь о другомъ общемъ непріятелѣ—*Угріи*, мысль о которой очевидно не переставала безпокоить Мануила и послѣ мира 1155 года.

Въ то время въ италіанскихъ планахъ императора Фридриха произошла уже рѣзкая перемѣна: онъ пересталъ думать о противонорманскомъ походѣ и серіозно проэктировалъ походъ въ Верхнюю Италію противъ непокорныхъ *ломбардскихъ* городовъ (особенно Милана)—для возстановленія тамъ дерзко попираемой имперской власти. Слѣдствіемъ этого новаго настроенія было то, что Фридрихъ, хоть и не разрывалъ еще съ Византіей, на дѣлѣ пересталъ дорожить ея союзомъ (прежде всего обусловленнымъ отношеніями къ Норманнамъ) и рѣшилъ вступить въ выгодный для его новыхъ плановъ бракъ съ бургундскою наслѣдницей Беатрисою (оставивъ византійскій брачный проэктъ), который и совершился на торжественномъ рейхстагѣ въ Вюрцбургѣ въ іюнѣ 1156 года [1]), какъ разъ когда туда же прибыло греческое посольство съ цѣлью возобновить переговоры о бракѣ Фридриха съ мануиловой племянницей. Пришедшія между тѣмъ извѣстія о побѣдахъ и успѣхахъ Византіи въ южной Италіи (въ которыхъ оказали услугу нѣкія письма императора Фридриха), шедшихъ совершенно въ разрѣзъ съ имперскими идеями и притязаніями императора Фридриха, до того ожесточили его противъ Грековъ, что онъ тутъ же рѣшилъ предпринять походъ про-

---

Впрочемъ и тутъ не Фридрихъ, а нѣмецкіе князья были противъ норманскаго похода, срв. Jungfer, ib., S. 26—27.

[1]) Otto Fris., Gesta Fr. II, c. 29, p. 412—413, у Вайца, c. 48, p. 124.

тивъ нихъ въ Апулію, заручившись и согласіемъ князей ему сопутствовать [1]). Понятно, что послѣ этого о пріемѣ византійскаго посольства, пришедшаго одновременно съ Вибальдомъ, не могло быть и рѣчи: оно могло ожидать самаго оскорбительнаго съ собой обращенія... Если несмотря на это не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ (въ іюлѣ) въ Нюрнбергѣ оно было всетаки принято [2]), то это объясняется лишь вновь полученными извѣстіями о пораженіи Грековъ кор. Вильгельмомъ и уничтоженіи ихъ войска, заставившими тотчасъ отмѣнить задуманный было походъ въ Апулію [3]).

Какъ сказано, греческое посольство имѣло возобновить предложенія о выдачѣ за Фридриха племянницы Мауила Маріи. Но это порученіе послѣ состоявшагося брака императора съ Беатрисой отпадало само собой. Однако византійская миссія этимъ не ограничивалась. На нее было возложено еще и другое дѣло — для насъ наиболѣе интересное. Мануилъ просилъ у своего союзника помощи противъ Угріи, на которую въ отмщеніе за послѣднее пораженіе собирался опять напасть — не далѣе, какъ тою же осенью (въ сентябрѣ) [4]). Очевидно, что онъ продолжалъ энергически преслѣдовать свои властолюбивыя цѣли и относительно Угріи, а Фридриха хотѣлъ впутать въ войну съ Угріей быть можетъ для того, чтобъ отвлечь его отъ Италіи. На это предложеніе Фридрихъ отвѣтилъ однако прямо отказомъ, мотивированнымъ повидимому тѣмъ, что такъ быстро онъ собраться не можетъ [5]).

Что было истинной причиной этого отказа, впрочемъ все еще не нарушившаго мирныхъ отношеній между имперіями? Вѣдь Фридрихъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ самъ затѣвалъ войну съ Угріей и былъ удержанъ отъ нея лишь неодобреніемъ князей, да и послѣ не разъ

---

[1]) Otto Fris., G. F. c. 29—30, p. 413—14, шк. изд. c. 49, p. 125—26.

[2]) Ibid., c. 31, p. 414, шк. изд. c. 52—53, p. 127.

[3]) Ibid. Срв. объ этомъ Jungfer, o. c., p. 38—41, Васильевскій, o. c, p. 393—394.

[4]) Ibid., G. F. II, c. 31 (53): ...Eapropter predicti nuncii non solum ob firmandum conubium ad imperatorem venerant, sed etiam ad vindicandam suam de Ungaris auctoritate principis injuriam... и далѣе.

[5]) Ibid.: In utroque frustrati sunt. Nam... et expeditio contra Ungaros — postulabant enim in proximo eam septembre fieri — tam celeriter ordinari non poterat.

выказывалъ свое враждебное къ ней настроеніе [1]). Но времена съ тѣхъ поръ измѣнились. Новый императоръ былъ увлеченъ теперь своей политикой на югѣ, стремленіемъ наказать строптивость верхне-италіанскихъ городовъ; да и разности интересовъ обоихъ „союзниковъ" все болѣе сказывались. Какъ мы видѣли, походъ противъ гор. Милана уже былъ въ принципѣ рѣшенъ, хотя срокъ его еще не опредѣленъ. Да и собственно относительно Угріи взгляды Фридриха измѣнились – не безъ связи съ италіанскими планами. Это намъ станетъ ясно, если мы посмотримъ на его отношенія въ это время къ недавно сблизившимся съ Угріей князьямъ Генриху Язомирготу австрійскому и Владиславу чешскому.

Мы говорили о сближеніи Генриха съ Гейзой: едва-ли не къ этому уже времени относится первая мысль о впослѣдствіи осуществившихся помолвкѣ и бракѣ малолѣтней дочки Генриха Агнессы съ наслѣдникомъ угорскаго престола Стефаномъ, хотя прямыхъ извѣстій объ этомъ и нѣтъ [2]). Съ Владиславомъ Гейза былъ также въ наилучшихъ

---

[1]) Такъ это настроеніе обнаруживается напр. въ томъ, что нѣкто Конрадъ, графъ Даховскій (de Dachowe) и герцогъ Меранскій съ 1154 г. носитъ титулъ *воеводы* (герцога) *Далмаціи* и *Кроаціи* (Conradus de Dachowe, Croatiae atque Dalmatiae dux), — титулъ полученъ не иначе, какъ отъ Фридриха — не взирая на фактическую принадлежность этихъ земель Угріи (вѣроятно по воспоминаніямъ о каролингскихъ временахъ). См. Otto Fris., I, 25; Rachew. III, c. 31 (29); IV, 18 (14); очевидно Фридрихъ хотѣлъ показать, что и онъ имѣетъ притязанія на эти области. См. данныя о Конрадѣ и Бертольдѣ (Berthold v. Andechs (1168), носившихъ этотъ титулъ, въ указ. сочин Микоція (о банахъ) въ Arkiv za Povjestnicu Jugoslovensku, XI, 57—59, гдѣ авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло лишь съ *почетнымъ титуломъ*. Но для насъ любопытенъ самый фактъ награжденія нѣмецкаго графа такимъ титуломъ. Срв. еще Riezler, Gesch. Baierns, I, 655 и 852; Hannenheim, o. c., S. 38—39, n. 74. Притязанія Фридриха на верховныя права надъ Угріей не разъ просвѣчиваютъ въ современныхъ свидѣтельствахъ, срв. ibid. S. 39, n. 75.

[2]) Срв. Dudik, III, S. 291, 310, безъ ссылки на источникъ. Дѣйствительно, подъ 1155 годомъ упоминаетъ объ этомъ фактѣ брачнаго союза нѣмецкая, именно австрійская (Бабенбергская) хроника (Babenberger Chronik, Archiv. f. k. öster. Geschqu. B. 9 (1853), S. 356, изд. Zeibig'a), но такъ какъ она говоритъ о Стефанѣ, какъ уже о *королѣ* угорскомъ, то почти нѣтъ сомнѣнія, что тутъ ошибка въ годѣ – на десятилѣтіе, и что слѣдуетъ разумѣть не 1155-ый, а 1165 годъ, къ которому въ дѣйствительности относится, если не самый бракъ Стефана съ Агнессой австрійской, то по крайн. мѣрѣ окончательное рѣшеніе вопроса.

отношеніяхъ. Фридриху для успѣшнаго осуществленія его великой задачи надо было окончательно уладить внутреннія германскія дѣла и привлечь какъ можно болѣе силъ къ своему предпріятію: надо было удовлетворить недовольныхъ имъ: Генриха Язомиргота, de facto еще не уступившаго Баваріи вельфу Генриху Льву, и его родственника Владислава, а вмѣстѣ не обидѣть и Вельфовъ; и вотъ на томъ же Вюрцбургскомъ сеймѣ (лѣтомъ 1156 г.), куда явился наконецъ приглашенный на свадьбу императора князь Владиславъ съ епископомъ Даніиломъ, ему была обѣщана корона, дарованная ему спустя два года — на Регенсбургскомъ сеймѣ въ январѣ 1158 года, за что онъ обѣщалъ участіе въ италіанскомъ походѣ, а съ Генрихомъ Язомирготомъ достигнуто соглашеніе, вслѣдствіе котораго онъ въ томъ же 1156 г. (въ сентябрѣ) въ Регенсбургѣ торжественно отказался отъ Баваріи въ пользу Генриха Льва и въ возмѣщеніе возведенъ въ *герцоги австрійскіе* [1]). Весьма возможно, что Фридрихъ тогда уже питалъ надежду — черезъ Генриха и Владислава примирившись съ Гейзой, добыть и его содѣйствіе въ предпринятой имъ борьбѣ съ италіанскими городами, ибо онъ очень скоро затѣмъ дѣйствительно обратился за этимъ содѣйствіемъ. Экспедиція противъ гор. Милана была окончательно рѣшена весной (кон. марта) 1157 г. [2]) и назначена на весну 1158-го. Это хронологическое опредѣленіе, исправляющее прежнее мнѣніе, что рѣшеніе было принято еще лѣтомъ 1156 года, имѣетъ, какъ увидимъ, и для насъ значеніе.

Начало 1157 года ознаменовалось новымъ актомъ сближенія Угріи съ Чехіей, служившаго вмѣстѣ съ такимъ же сближеніемъ ея съ австрійскимъ герцогомъ, однимъ изъ путей закрѣпленія такъ сказать „западнической“ политики Угріи (начавшейся норманскимъ союзомъ 1149 года) и вовлеченія ея въ южноевропейскую политику императора Фридриха. Этимъ актомъ была помолвка старшей дочери

---

[1]) Извѣстія объ этомъ у Otto Fris., Gesta Fr. (c. 32), у Vincent. Annal. Срв. D u d i k, ib., S. 293 — 95; S p o r s c h i l, Gesch. d. Entsteh. d. öster. Mon. S. 142 и слѣд. Срв. H u b e r, Gesch. Oest. B. I, S. 249—251. Генрихъ обѣщалъ Фридриху содѣйствіе и противъ Угріи, если понадобится. См. F e j é r, VII, v. I, p. 149—150 и vol. V, p. 111—116 (еще у П е р т ц а, Leg. IV, p. 99).

[2]) Это видно изъ письма Фридриха къ Вибальду, относящагося къ нач. апр. 1157 г. J a f f é, Mon. Corb., Nr. 456, p. 589. Срв. J u n g f e r, o. c., S. 42—44.

Гейзы Елизаветы, которой въ то время могло быть лѣтъ 9 (род. 1148 г.?), со старшимъ сыномъ кн. Владислава Фридрихомъ. За невѣстой въ самомъ началѣ (янв.) 1157 г. было отправлено почетное посольство, во главѣ котораго стояли епископъ пражскій Даніилъ и братъ Владислава Генрихъ [1]). Они привезли Елизавету въ ея новое отечество для полученія въ немъ воспитанія — по обычаю тогдашняго времени. Итакъ здѣсь мы опять встрѣчаемся съ знаменитымъ епископомъ Даніиломъ, котораго дипломатическая дѣятельность началась съ посѣщенія Вюрцбурга и сближенія тамъ съ Фридрихомъ лѣтомъ 1156 г. и которому принадлежитъ затѣмъ такая выдающаяся роль въ послѣдующихъ европейскихъ событіяхъ.

Но къ январской поѣздкѣ въ Угріи нельзя пріурочивать бывшую въ томъ же году дипломатическую миссію Даніила по порученію Фридриха, какъ нѣкоторые дѣлаютъ [2]), именно потому, что послѣдній рѣшилъ свой италіанскій походъ только въ мартѣ 1157 г. (въ Фульдѣ, и тогда же въ Вормсѣ принята присяга князей), да притомъ есть и прямое лѣтописное извѣстіе о томъ, что Даніилъ былъ у Гейзы по извѣстному политическому порученію въ августѣ того же года. По словамъ Викентія Пражскаго онъ явился къ угорскому королю съ просьбой Фридриха о помощи противъ г. Милана—въ праздникъ св. Стефана (20 авг.) [3]) и вернулся домой богато одаренный, заручившись обѣщаніемъ присылки для сказанной цѣли 500-наго отряда [4]). По всякомъ случаѣ Даніилу была облегчена эта миссія его январскимъ свиданіемъ съ Гейзой, при которомъ онъ, какъ ловкій дипломатъ, могъ уже нѣсколько подготовить дѣло, по-

---

[1]) Cont. Cosm., Mon. Sazaw. a. 1157. Font. R. B. II, p. 264: ...peracto itinere cum domno Daniele pontifice in terram Hunorum abierat, quoniam videlicet idem antistes et Heinricus, frater Wladizlai ducis, cum aliis Boemicae terrae primatibus filiam Ungarici regis Friderico, filio eiusdem ducis, disponsandam detulerunt. О возрастѣ невѣсты см. выше, стр. 96.

[2]) Напр. Hannenheim, o. c., S. 40.

[3]) По другому толкованію, но едва-ли вѣрному, онъ 20 августа уже вернулся домой. См. Dudik, o. c., S. 311.

[4]) Let. Vincent. a. 1158 (вм. 57): Eodem anno domnus Daniel, episcopus Pragensis, in legationem ad regem Ungariae Deucam (Geysa) dirigitur ad rogandum militiam ex parte ejus contra Mediolanenses, qui in festo s. Stephani regis eorum legatione peracta, impetratis videlicet quingentis Sarracenis, cum multis muneribus in Boemiam revertitur (Font., p. 425).

святивъ угорскаго короля въ планы Фридриха и его миролюбивое настроеніе относительно Угріи, и на это вѣроятно расчитывалъ императоръ. Еще тою же осенью Даніилъ явился въ Вюрцбургъ сообщить Фридриху о благопріятномъ результатѣ своей миссіи [1]).

Итакъ мы имѣемъ передъ собою любопытный фактъ довольно быстраго и на первый взглядъ даже неожиданнаго взаимнаго сближенія германскаго государя и угорскаго короля, еще столь недавнихъ и —казалось—непримиримыхъ враговъ... Чѣмъ же объяснить себѣ все это: съ одной стороны самоувѣренное обращеніе Фридриха за военнымъ содѣйствіемъ къ тому самому Гейзѣ, противъ котораго онъ строилъ планы нѣсколько лѣтъ тому назадъ и къ которому вообще не могъ относиться искренно-дружелюбно, съ другой — еще страннѣе!—почти предупредительную готовность Гейзы оказать ему желаемое содѣйствіе?

Конечно нельзя отрицать, что умиротворяющее въ этомъ случаѣ вліяніе могли имѣть добрые посредники — общіе друзья и родственники той и другой стороны, т. е. Генрихъ австрійскій и Владиславъ чешскій (особенно въ лицѣ Даніила), равно какъ отчасти и измѣнявшіяся къ худшему отношенія Фридриха къ Мануилу, этому главному противнику Гейзы. Но однихъ этихъ причинъ было бы недостаточно. Должны были быть еще другія, болѣе важныя, — и таковыя дѣйствительно вслѣдъ за тѣмъ всплываютъ наружу... Вѣроятно на томъ же собраніи въ Вюрцбургѣ (окт. 1157), куда еп. Даніилъ принесъ добрую вѣсть объ обѣщанной угорской помощи, присутствовало и то интересное лицо, въ которомъ олицетворялись эти важныя причины. Лицомъ этимъ былъ родной братъ Гейзы *Стефанъ*, принужденный бѣжать изъ отечества и искавшій защиты и покровительства у императора Фридриха [2]), какъ нѣкогда искалъ того же претендентъ Борисъ Коломановичъ у Конрада III-го. Трудно пред-

---

[1]) Vinc. let., ib., p. 126: Dominus autem Daniel, ...qui ad curiam domni imperatoris ad respondendam legationem Ungaricam Wirzburk ire debebat... Rachewini Gesta Fr. III, 8 (p. 137, цитуемъ по изд. Вайца) говоритъ о пришедшихъ туда разныхъ посольствахъ: diversae legationes, между проч. и изъ Угріи (de Pannonia); но тутъ можетъ быть и разумѣется Даніилъ, прибывшій изъ Угріи, а можетъ быть съ нимъ былъ и какой-ниб. угорскій посолъ.

[2]) Rahewini Gesta Fr., III, 13 (12), p. 144 разсказываетъ объ этомъ уже подъ 1158 г.—по поводу тогдашняго угорскаго посольства.

положить, чтобъ Стефанъ бѣжалъ изъ Угріи уже послѣ осенняго посольства Даніила въ Угрію: зная о происшедшемъ между Гейзой и Фридрихомъ сближеніи—по почину послѣдняго, нуждавшагося въ Угріи, онъ не сталъ бы искать у него поддержки. Очевидно онъ бѣжалъ ранѣе, можетъ быть еще въ концѣ 1156-го или въ началѣ 1157 года, и уже одинъ слухъ о его бѣгствѣ и происшедшей въ Угріи смутѣ могъ внушить Фридриху мысль и рѣшеніе воспользоваться этимъ положеніемъ для своихъ цѣлей, такъ какъ онъ могъ теперь расчитывать на податливость Гейзы. И онъ дѣйствительно, какъ мы видѣли, не ошибся въ этомъ расчетѣ.

О причинахъ бѣгства Стефана къ двору Фридриха и о жалобахъ его на своего брата лѣтописецъ разсказываетъ такъ. Стефанъ былъ обвиненъ передъ своимъ братомъ-королемъ въ томъ, что онъ добивается короны; думали даже, что его совѣтчикомъ въ этомъ дѣлѣ былъ ихъ дядя воевода Бѣла (т. е. Бѣлушъ), человѣкъ умный, но безпокойный (непостоянный), такъ какъ онъ будто-бы своимъ почтительнымъ и внимательнымъ обращеніемъ питалъ его злыя козни. Королю это обращеніе казалось подозрительнымъ, и онъ, опасаясь со стороны брата на дѣлѣ чего-либо худшаго, сталъ обвинять не столько его самого, сколько его друзей и близкихъ, обращая въ дурную, преступную сторону всѣ ихъ поступки и слова. Онъ не только распространялъ худую молву про брата и старался его уличить, но говорятъ даже замышлялъ его тайно убить. Тогда послѣдній, т. е. Стефанъ, слыша, что римская имперія есть убѣжище для всего свѣта, бѣжалъ къ императору и слезно жаловался ему на свою бѣду и на неумолимую жестокость къ нему брата; онъ оправдывался въ взводимыхъ на него обвиненіяхъ, объявляя ихъ клеветами, и утверждалъ, что всѣмъ извѣстна его невинность; никогда не будетъ де недостатка въ клеветникахъ —пока есть люди, дающіе себя обманывать; всего несправедливѣе то, что братъ его не довольствуется тѣмъ, что изгналъ его изъ отцовской области (его удѣла), но хочетъ чтобъ онъ, невиннѣйшій, поплатился головою и жизнью своею [1]).

---

[1]) Rahew. Gesta Fr. l. III, 13 (12), p. 145. ...Siquidem frater eius nomine N., quorumdam criminationibus regi delatus fuerat, quasi ad regnum aspiraret, atque in ea re avunculum amborum, (ducem) Belum, virum valde pruden-

Таковъ разсказъ нѣмецкаго лѣтописца. Мы увидимъ далѣе, какъ объяснялъ дѣло самъ Гейза, по тому же источнику. Къ сожалѣнію въ угорскихъ источникахъ мы не находимъ ровно никакихъ извѣстій объ этой исторіи и должны поэтому дѣлать свои за соображенія и заключенія о ней почти только на основаніи нѣмецкихъ свидѣтельствъ [1]) — съ помощью того, что можно извлечь изъ совокупности намъ извѣстнаго о внутреннихъ дѣлахъ и отношеніяхъ въ Угріи того времени въ связи съ политикой короля Гейзы. Инцидентъ со Стефаномъ конечно не могъ быть чѣмъ-либо случайнымъ и внезапнымъ, обусловленнымъ личною непріязнью или ссорою между братьями. По всей вѣроятности факту бѣгства предшествовали продолжительныя недоразумѣнія и смуты. Въ угорскихъ правительственныхъ сферахъ и у престола давно уже стало быть творилось что-то неладное; а о томъ, въ чемъ оно заключалось, мы можемъ догадываться, принимая въ соображеніе все, что нами замѣчено было уже раньше.

Стефанъ былъ безъ сомнѣнія выдвинутъ и поощряемъ въ своихъ честолюбивыхъ мечтахъ партіей оппозиціонной, недовольной Гейзой и его внѣшней политикой, клонившейся въ сущности къ тѣснѣйшему сближенію Угріи съ западной, римско-католической Европой и къ отторженію ея отъ восточнаго, греко-славянскаго міра. Мы

---

tem ac ad innovandas res ydoneum, suasorem habere putabatur, pro eo quod honorificentius habito adolescenti per studia colendi ferociae visus est nutrimenta suggerere. Rex autem suspectum habens tantum fratris honorem et peiora re ipsa de illo veritus, non tam ipsum quam amicos et familiares eius iam aperte insimulans, omnia facta seu dicta eorum in crimina vertebat. Multisque adversus fratrem vulgatis, pluribus ad contestandum subornatis, per insidias necem fratris dicebatur adoptare. Is antehac compertum habens, quod Romanum imperium totius orbis esset asylum, fugiens ad imperatorem evasit erumpnasque suas ac erga se germani crudelem acerbitatem lacrimabili conquestione deploravit; criminationumque suarum invidiam diluendo, ficta quae adversum se dicebantur asserere, et purgationis suae fidem omnibus constare; numquam calumpniatores defore, dum extet cui persuadeatur; iniquissimum esse, quod fratri non sufficeret paterno eum regno expulisse, nisi de capite quoque suo et vita innocentissima supplicium sumeretur. См. еще Guntheri Ligurinus, De reb. gest. Frid. I. Lib. VI, (изд. Dümge, Heidelb. 1812). Въ такомъ же смыслѣ, т. е. преслѣдованіями брата объяснялъ Стефанъ свое бѣгство потомъ—въ Византіи, что видно изъ Никиты Хонскаго. Nic. Chon., IV, 1, p. 165.

[1]) Византійскіе источники Cinn., V, p. 203 и Nic. Chon. IV, p. 165, подтверждая фактъ бѣгства, не разъясняютъ достаточно его причинъ.

знаемъ о существованіи въ Угріи издавна боровшихся партій: народной (по преимущ. славянской), стоявшей за старую вѣру, старые порядки и самобытность во всемъ, и такъ сказать „западнической," преданной латинству, западной культурѣ и всему иноземному. Когда политика и сочувствія короля рѣзко склонялись въ ту или другую сторону, противная партія всегда усиливала свою дѣятельность и безъ труда выдвигала то или другое лицо изъ королевскаго рода, отличавшееся честолюбіемъ, а часто и положительными достоинствами, выставлявшее и *права свои*—вслѣдствіе неустановившагося закона престолонаслѣдія,—лицо, которое становилось большою угрозой и было готово при благопріятныхъ условіяхъ дѣятельно выступить въ роли претендента на престолъ, а если принуждено было бѣжать изъ отечества, то обращалось въ покорное орудіе вражды, козней и политическихъ притязаній внѣшнихъ враговъ угорскаго государства.

Гейза, благодаря своему происхожденію и окружавшимъ его съ дѣтства вліяніямъ (дяди и воспитателя Бѣлуша), въ началѣ своего правленія держался политики независимой, имѣвшей въ виду народные интересы и естественную связь Угріи съ окружавшимъ ее южнымъ и восточнымъ православнымъ славянствомъ. Родственныя узы его съ излюбленными въ кіевской Руси потомками Мономаха и дѣятельное втѣшательство въ русскія дѣла были результатами преобладанія такого направленія въ правительствѣ угорскомъ. Мы выше имѣли случай замѣтить, что такая политика должна была отчасти примирить съ Гейзой и партію Бориса Коломановича, этого злополучнаго внука Мономаха, популярнаго въ Угріи именно своимъ происхожденіемъ и своими связями съ восточнымъ, православнымъ міромъ, и однакожъ всетаки ничего не достигшаго въ эпоху второго крестоваго похода именно вслѣдствіе надеждъ, которыя возбуждалъ тогда Гейза въ народной партіи. Но противная партія запада и латинства, во главѣ которой стояли высшее латинское духовенство и магнаты иноземнаго происхожденія, употребляли конечно всѣ средства къ совращенію короля съ принятаго имъ пути. Вспомнимъ, какъ они двукратно останавливали Гейзу въ походахъ его на Русь въ помощь шурину Изяславу Мстиславичу. Едва-ли мы ошибемся, предположивъ, что одной изъ главныхъ цѣлей ихъ пропаганды и совращенія была сама королева Евфросинья, какъ живая связь съ востокомъ и вліятель-

вая личность. Историческія обстоятельства и сцѣпленіе событій были на ихъ сторонѣ. Союзъ имперій и агрессивныя стремленія императора Мануила относительно Угріи вовлекли ее въ союзъ съ Норманнами и западноевропейскую коалицію (1149 г.), чѣмъ и не замедлили воспользоваться конечно для своихъ цѣлей угорскіе слуги запада и папства. Гейза постепенно втягивается въ политическіе интересы западноевропейскія. Въ началѣ 50-хъ годовъ происходитъ сближеніе его, очень можетъ быть не безъ старанія этой партіи, съ западными сосѣдями, Генрихомъ Язомирготомъ и Владиславомъ чешскимъ и постепенное отчужденіе въ отношеніи къ Руси и Сербіи — не смотря на родственныя связи. Со смертью в. к. Изяслава Мстиславича (1154) и съ внутренними политическими перемѣнами на Руси мы видимъ здѣсь еще большее отчужденіе.

Народная партія должна была постепенно разочаровываться, а съ тѣмъ вмѣстѣ могли оживиться симпатіи къ Борису Коломановичу, этому орудію греческаго царя, и возрасти число его приверженцевъ. Не потому ли Гейза такъ уклонялся отъ рѣшительной борьбы съ Мануиломъ и былъ уступчивъ съ нимъ? Но въ 1154 умеръ Борисъ, и смерть его должна была произвести тяжелое впечатлѣніе въ лагерѣ его сторонниковъ — угорской оппозиціи. Однако и послѣ него конечно не перестала жить идея, которая давала ему силу. Погибъ одинъ ея носитель, — могъ найтись или быть созданъ другой, ибо людей честолюбивыхъ и авантюристовъ, готовыхъ къ такой роли, вездѣ достаточно, а при тогдашнихъ государственныхъ порядкахъ и бытовыхъ особенностяхъ — тѣмъ болѣе. Замѣтимъ еще, что именно въ данномъ случаѣ, какъ и въ другія времена, въ семейныхъ раздорахъ Арпадовичей не маловажную роль игралъ вопросъ о престолонаслѣдіи, еще не вполнѣ установившемся. Гейза готовилъ къ престолу своего сына, въ чемъ братья его видѣли нарушеніе своихъ правъ *родового старшинства*.

Среди такихъ обстоятельствъ и условій выступленіе Стефана, брата Гейзы, въ той роли, въ какой мы застаемъ его въ 1157 г., становится намъ вполнѣ понятнымъ. Свидѣтельство нѣмецкаго лѣтописца въ общемъ должно быть признано достовѣрнымъ, не заключающимъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Сообщенныя имъ же объясненія и оправданія Гейзы, о которыхъ ниже, еще болѣе могутъ разъяс-

нить дѣло. Судя по приведенному разсказу Стефанъ былъ только заподозрѣнъ Гейзой въ замыслахъ противъ престола, вѣроятно лишенъ своего удѣльнаго владѣнія [1]), и чтобъ избѣжать худшей кары (заключенія и другихъ насилій), рѣшилъ бѣжать и по примѣру многихъ предшественниковъ, находившихся въ томъ же положеніи, обратился за помощью къ западному римскому императору, въ жалобахъ своихъ конечно преувеличивъ еще грозившую ему опасность. Изъ дальнѣйшихъ же разъясненій (со стороны короля) выходитъ, что Стефанъ подвергся дѣйствію правосудія не по однимъ лишь подозрѣніямъ, а вслѣдствіе открытаго возмущенія. Побѣжденному, ему де было еще оказано снисхожденіе, но всеобщая къ нему ненависть и новыя подозрѣнія были причиной его удаленія [2]).

Едва-ли слѣдовательно можно сомнѣваться, что и этотъ князь какъ мы уже сказали выше, былъ орудіемъ недовольной Гейзой народной партіи, стоявшей вмѣстѣ съ тѣмъ за порядокъ престолонаслѣдія по родовому старшинству. Вѣскимъ подтвержденіемъ того служитъ упоминаніе въ томъ же нѣмецкомъ свидѣтельствѣ извѣстнаго бана Бѣлуша въ роли будто-бы *подстрекателя* Стефана [3]). Это показаніе весьма любопытно и важно, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, не можетъ быть понимаемо въ буквальномъ смыслѣ. Сербскій дядя Гейзы, имѣвшій прежде такое огромное вліяніе на короля, какъ его руководитель въ народной, славянской политикѣ, теперь очевидно не могъ уже играть той же роли, хотя и продолжалъ занимать прежній государственный постъ [4]). Происшедшій на его глазахъ поворотъ въ угорской политикѣ безъ сомнѣнія причинялъ ему огорченіе, и онъ раздѣлялъ разочарованіе истинныхъ угорскихъ патріотовъ; лицамъ

---

1) Братья Гейзы еще при жизни отца, по заведенному обычаю, получили въ управленіе области, какъ было упомянуто однажды. Владиславу досталась *Рама*, а Стефану—*Срѣмъ*. Но не произошло ли впослѣдствіи перемѣнъ въ этомъ отношеніи—мы не знаемъ.

2) Rahew. ibid., p. 145—46.

3) Срв. также Gunth. Ligur., G. F., l. c. (Fessler, S. 87).

4) Еще въ 1157 году Бѣлушъ былъ графомъ-палатиномъ: Belo Palatino Comite. См. Wenzel, Cod. Dipl. Arp. Cont., Mon. hist., Dipl. XI, Nr. 48, a. 1157; Fejér, II, p. 144. По послѣдн. докум. онъ былъ еще и *баномъ*, поэтому странно, что въ докум. 1156 года находится на первомъ мѣстѣ — Apa Banus, см. Wenzel, XI, Nr. 47, p. 91.

одинаковаго съ нимъ направленія онъ сочувствовалъ и въ такомъ смыслѣ сперва обнаруживалъ быть можетъ сочувствіе и брату короля Стефану, — тѣмъ болѣе, что и онъ, какъ сербъ, былъ сторонникъ принципа родового старшинства въ престолонаслѣдіи и остался вѣренъ ему, какъ увидимъ, и послѣ смерти Гейзы [1]. Этимъ и пользовались естественно его враги для инсинуацій и клеветъ; но чтобъ онъ дѣйствительно измѣнилъ Гейзѣ и подстрекалъ Стефана въ замыслахъ противъ *его* престола — совершенно неправдоподобно и на него не походитъ; къ тому же будь онъ серіозно замѣшанъ въ это дѣло, онъ не могъ бы уже оставаться въ своемъ положеніи при Гейзѣ, а между тѣмъ мы встрѣчаемъ его имя еще въ документѣ отъ 1158 г. [2]). Но клеветы и интриги сдѣлали всетаки свое дѣло. Мы увидимъ вскорѣ, что исторія Стефана, по стопамъ котораго пошелъ затѣмъ и другой, старшій братъ Владиславъ, не замедлила тяжело отразиться какъ на отношеніяхъ короля къ дядѣ Бѣлушу, такъ и на судьбѣ послѣдняго.

Итакъ Стефанъ бѣжалъ въ Германію — подъ защиту императора Фридриха, котораго враждебныя отношенія къ непризнававшему имперскаго авторитета правителю Угріи были извѣстны. Очевидно это было *до* обращенія Фридриха къ Гейзѣ (ран. осенью 1157 года) за содѣйствіемъ въ его предпріятіяхъ. Фридрихъ былъ слишкомъ занятъ своими приготовленіями къ походу въ сѣверную Италію и слишкомъ интересовался этимъ предпріятіемъ, чтобы думать еще о дѣятельномъ вмѣшательствѣ въ угорскія дѣла. Ему надо было напротивъ уладить свои отношенія къ сосѣдямъ, имѣть въ нихъ пока не враговъ, а союзниковъ, а потому онъ при первомъ слухѣ о надеждахъ Стефана поторопился воспользоваться удобнымъ моментомъ, — и дипломатическая посылка епископа Даніила въ Угрію, увѣнчавшаяся успѣхомъ и доставившая ему вспомогательный угорскій отрядъ, была слѣдствіемъ этого рѣшенія. Та же причина, бѣг-

---

[1]) На основаніи этого принципа вѣдь и самъ онъ могъ имѣть виды на сербскій престолъ по смерти брата Уроша, каковые дѣйствительно вскорѣ и осуществались.

[2]) Fejér, Cod. dipl., II, въ подтвердительной грамотѣ одному бенедиктинскому монастырю 1158 г., p. 148 ...*Beli*, Appae, Henrici, et ceterorum Principum...

ство Стефана въ Германію и опасенія, съ нимъ связанныя, заставили Гейзу удовлетворить императора въ его просьбѣ.

Между тѣмъ Стефанъ уже явился съ своими жалобами къ Фридриху (быть можетъ въ Вюрцбургѣ, осенью 1157 г.), и осторожный монархъ еще не счелъ своевременнымъ совсѣмъ отказать ему, а снисходя къ мольбамъ несчастнаго, послалъ къ угорскому королю просить своимъ императорскимъ авторитетнымъ именемъ — о прощеніи и возвращеніи молодого князя [1]). Это было еще въ концѣ 1157 г., ибо уже въ началѣ 1158-го на собраніе въ Регенсбургѣ явилось отвѣтное посольство отъ Гейзы, представившее объясненія и оправданія по дѣлу Стефана [2]). Фридрихъ своимъ обращеніемъ къ Гейзѣ и ходатайствомъ за Стефана расчитывалъ, и вполнѣ основательно, еще вѣрнѣе обезпечить для себя угорскую помощь, еще болѣе связать угорскаго короля, чего конечно и достигъ; а самаго дѣла Стефана онъ къ сердцу особенно не принималъ и, какъ увидимъ, въ концѣ концовъ на время удовлетворился объясненіями Гейзы.

Въ началѣ 1158 года (январѣ) въ Регенсбургъ на имперское собраніе явились два почетные посла Гейзы, епископъ гор. Рааба Гервасій и графъ Генрихъ [3]). Они должны были опровергнуть

---

[1]) Rahew. ib. l. III, c. 13, p. 145: Tali deprecatione permotus Fridericus, missis in Ungariam legatis, de restitutione iuvenis cogitabat, imperialem precibus adiungens dignitatem et auctoritatem.

[2]) Вслѣдствіе неимѣнія вполнѣ точныхъ хронологическихъ извѣстій о послѣдовательности переговоровъ съ Угріей, можно было бы предположить, что особаго посольства Фридриха по дѣлу Стефана и не было, а ходатайство было поручено еп. Даніилу, вмѣстѣ съ порученіемъ о вспомогательномъ войскѣ, что слѣдовательно появленіе Стефана при императорскомъ дворѣ предшествовало этой миссіи Даніила. Это не измѣняло бы нисколько сущности нашихъ заключеній. Но это менѣе вѣроятно потому, что Гейза поторопился бы представить свои объясненія, воспользовался бы даже быть можетъ для нихъ самимъ Даніиломъ, а не откладывалъ бы ихъ до 1158 года.

[3]) Rahew., ib., p. 145. Rex itaque adversus fratrem duos de optimatibus regni sui dirigit ad curiam, episcopum Gervasium de Castro-ferreo et comitem Heidenricum, viros opulentos et copia dicendi satis instructos... Что Гервасій названъ епископомъ Желѣзн. Града, должно быть недоразумѣніемъ, ибо тамъ не было епископства, а документально извѣстенъ Раабскій епископъ этого имени (Gervasius, episc. Geuriensis, отъ Györ, Jaurinum=Raab, см. Fejér, II, p. 142—144, 146; Wenzel, l. c. VI, p. 59; XI, p. 92), въ эпархіи котораго находился Желѣзн. Градъ. Графа *Генриха* (Heidenricus), какъ „comes curialis“,

обвиненія Стефана и оправдать короля отъ нареканій за изгнаніе брата. Имъ поручено было раскрыть беззаконія и преступленія, въ которыхъ послѣдній провинился, объяснивъ, какъ ему было предоставлено соучастіе въ управленіи государствомъ — настолько, что ему недоставало де только королевскаго титула, пока не были между ними нарушены братскія узы и отношенія. Но затѣмъ Стефанъ, увлекаемый своимъ юношескимъ легкомысліемъ, былъ сбитъ съ толку дурными совѣтами. Это было такъ же, какъ въ тѣлѣ, когда какой-нибудь членъ распухаетъ и болѣетъ и собою разслабляетъ и заражаетъ все тѣло, приходится его отнять, если нѣтъ надежды на исцѣленіе. Когда же онъ, Стефанъ, вызвалъ войну и, будучи побѣжденъ [1]) и не имѣя болѣе возможности жаловаться на обращеніе съ собою, представился готовымъ искать спасенія въ бѣгствѣ, ему всетаки было разрѣшено остаться на родинѣ, пока общая ненависть и враждебность къ нему не возрасли до такой степени, что оказалась необходимость изгнать этого злодѣя и заговорщика, прежде чѣмъ онъ успѣлъ своими преступленіями ввергнуть государство въ кровавую смуту и достиженіемъ самостоятельной княжеской власти нарушить единство монархіи [2]). Таковы были разъясненія пословъ

знаемъ тоже изъ современныхъ грамотъ. Fejér, II, p. 130, 140, 143, 144, 146, etc.; Wenzel, VI, p. 57, XI, p. 92. (Heindricus, Henricus, Heidricus). Онъ впослѣдствіи былъ графомъ-палатиномъ, Fejér, ib., p. 164.

[1]) Это показаніе—въ связи съ упоминаніемъ Стефана у Киннама въ угро-византійской войнѣ 1154 года—заставило нѣкоторыхъ историковъ, но слишкомъ поспѣшно, заключать о бѣгствѣ Стефана сперва къ Мануилу (ок. 1154 года), а потомъ ужъ отъ него къ Фридриху, но на это нѣтъ никакого основанія, и въ данномъ случаѣ рѣчь очевидно идетъ о внутреннемъ возмущеніи, ибо переходъ на сторону Византіи — фактъ слишкомъ крупный, чтобъ о немъ можно было умолчать. Изъ этихъ нѣмецкихъ свидѣтельствъ совершенно ясно, что Стефанъ прибылъ въ 1157 году въ Германію *прямо изъ Угріи*, и что до того онъ въ Греціи не былъ. Что онъ бѣжалъ въ Германію отъ Мануила — невѣроятно уже и потому, что Мануилъ какъ разъ передъ этимъ просилъ у Фридриха помощи противъ Угріи, и получилъ отказъ.

[2]) Rahew., ibid., p. 145. Rex… dirigit ad curiam… viros opulentos…, per quos et obiecta diluere et de fratris eiectione invidiam in eum qui passus erat retorquere satagere, prosequens iniurias et peccata plurima in se admissa: regni consortio secum illum participassė, solo nomine se illo priorem tantum fuisse, quamdiu germanitatis iura inter se inviolata mansissent; deinde pravorum consilia secutum, quae ad pessima studia lubricam in adolescente aetatem impellebant; ita

Гейзы. Мы не можемъ сказать съ достовѣрностью, что въ дѣйствительности все было именно такъ, какъ они разсказывали, но сомнѣваться въ справедливости главнаго, что Стефанъ не только подалъ поводъ къ подозрѣніямъ, но и былъ причиной цѣлой смуты въ Угріи —мы не имѣемъ основанія, тѣмъ болѣе, что послѣдующая роль и образъ дѣйствія Стефана только подтверждаютъ это.

Императоръ, по свидѣтельству того же лѣтописца, выслушавъ обѣ стороны и увидѣвъ, какъ далеко зашло дѣло: что споръ можетъ быть рѣшенъ не иначе, какъ или раздѣленіемъ между обоими власти надъ Угріей, или полнымъ осужденіемъ и изгнаніемъ одного изъ нихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи занятъ своими собственными важными дѣлами, призналъ нужнымъ отложить окончательное рѣшеніе этого междоусобія до болѣе удобнаго времени. Стефана, согласно его просьбѣ, онъ препроводилъ черезъ Венецію въ Грецію, а королевскихъ пословъ отпустилъ домой съ мирными завѣреніями, принявъ отъ нихъ богатый подарокъ почти въ 1000 фунтовъ и въ свою очередь щедро одаривъ ихъ [1]).

Итакъ Фридрихъ пока удовлетворился оправданіями Гейзы, и Стефану было отказано въ поддержкѣ. Но это, какъ и ясно изъ приведеннаго извѣстія, только *пока*, ибо Фридрихъ вовсе не думалъ себя чѣмъ-либо связывать и отказываться впредь отъ вмѣшательства въ угорскія дѣла. Что онъ теперь поступилъ такъ — совершенно понятно въ виду всего вышеизложеннаго. Онъ былъ поглощенъ мыслью о походѣ противъ Милана, расчитывалъ на обѣщан-

---

factum, quemadmodum in corpore, ubi semper dum aliqua pars tumescit suaque corruptione totum corpus debilitat et inficit, ex quo curari desperatur, recidi oportere. Bellum ultro inferentem, postquam superatus sit, queri, quod iniuriam facere nequivisset, fugam ipsum simulasse, in regno manere licuisse, donec odia omnium et inimicicias adeo contra se firmaverit, ut velut crudelem hostem et regni insiadiatorem pellendum arbitrarentur, antequam facinoribus suis illud cruentari et principatus eius monarchiam scindi ac dilacerari contigisset...

[1]) Rahew., ibid, p. 146: Imperator, partibus auditis, cum videret, rem eo venturam, quod aut in communi dividendo aut in uniuscuiusvis condempnatione litem opus esset terminari, conferens quoque in corde suo plurium negotiorum occupationes, ad oportuniora tempora decisionem huius litis placuit protelandam. Itaque rogatus ab adolescente, per Venetias illum transmittit in Greciam; legatos quoque regis, acceptis ab eis muneribus ferme ad mille talenta, simulque eos sua liberalitate honoratos, ad principem suum cum pacis legatione remeare concessit.

ную ему Гейзой военную помощь, и потому не имѣлъ никакого интереса въ данный моментъ выступать противъ угорскаго короля. А тутъ еще имъ получены были щедрые подарки отъ послѣдняго, безъ сомнѣнія сопровожденные подтвержденіемъ обѣщанія прислать вспомогательный отрядъ.

Что онъ однако, успокоивъ пословъ Гейзы и отклонивъ мольбы Стефана, не считалъ еще этого вопроса окончательно порѣшеннымъ и исчерпаннымъ, а предоставлялъ его — въ виду отвлеченія своего вниманія другими важными дѣлами—обсудить и уладить своимъ добрымъ совѣтникамъ-князьямъ, наиболѣе въ немъ компетентнымъ, это видно изъ одного документа, который по всѣмъ признакамъ долженъ быть отнесенъ къ этому же 1158 году [1]). Мы разумѣемъ письмо Фридриха къ маркграфу Оттокару штирійскому по поводу какихъ-то посольствъ изъ Угріи, посланное съ двумя довѣренными лицами, изъ котораго видно, что императоръ, не желая положить окончательнаго рѣшенія по какому-то дѣлу (касающемуся Угріи) безъ совѣщанія съ чешскимъ княземъ Владиславомъ, герц. Генрихомъ Язомирготомъ и Оттокаромъ штирійскимъ, поручаетъ своимъ посламъ сообщить Оттокару все, что нужно по этому дѣлу, и его собственные взгляды и желанія, и проситъ его вмѣстѣ съ Владиславомъ и Генрихомъ и его послами хорошенько обсудить дѣло и рѣшить его, съ каковымъ рѣшеніемъ онъ заранѣе соглашается [2]). Хоть о Стефанѣ

---

[1]) Къ этому году его относятъ Sudendorf, Registrum (Jena, 1849), I, p. 61, Nr. 22; Wilmans, M. G. SS. XX, 424, n. 52; Erben, Regesta Boh. I, Nr. 296, p. 131 и мн. друг.—Wenzel, Mon. hung. Dipl., XI, Nr. 49, p. 93 относитъ его къ 1157 году. Въ такомъ случаѣ пришлось бы пріурочивать его ко времени послѣ Вюрцбургскаго собранія—и передъ извѣстнымъ посольствомъ съ ходатайствомъ за Стефана, но противъ этого говоритъ то, что письмо вызвано угорскими посольствами (auditis,... de Hungaria singulis legationibus). Мнѣніе, что этотъ документъ относится къ смутному времени по смерти Гейзы (1161 г., см. Hannenheim, o. c.; p. 44), по Гизебрехту (Gesch. d. d. Kaiserz. V, 1880, S. 380—81) къ 1163 г., кажется намъ бездоказательнымъ и мало правдоподобнымъ. 1158 г. представляется намъ наиболѣе подходящимъ; такъ принимаетъ и Dudik, III, S. 343—44, полагающій, впрочемъ безъ достаточнаго основанія, что Фридрихъ послалъ это письмо уже изъ Ломбардіи.

[2]) Erben, ib., Nr. 296; Wenzel, ib., XI, Nr. 49: ...Nos itaque auditis singulorum nuntiorum de Hungaria singulis legationibus, sine carissimorum nostrorum ...nihil nunc tractare, nihil ordinare, nihil prorsus terminare volumus. Inde est, quod ex consilio curiae nostrae honorabiles legatos nostros,... tuae honestati a latere

тутъ и не упоминается, но можно догадываться, что рѣчь идетъ именно его дѣлѣ. Къ названнымъ князьямъ Фридрихъ обращался очевидно въ виду ихъ близкихъ отношеній къ Угріи.

Такимъ образомъ дѣло было улажено, дружелюбныя (хоть и изъ корыстной цѣли) отношенія къ Гейзѣ не нарушены, а Стефанъ, согласно своей просьбѣ, препровожденъ въ Византію, гдѣ онъ надѣялся найти то, чего не нашелъ въ Германіи. Очень возможно, что онъ имѣлъ уже въ виду что-нибудь опредѣленное, такъ какъ онъ легко могъ предварительно сговориться относительно переѣзда въ Грецію съ византійскимъ посольствомъ, бывшимъ въ Вюрцбургѣ осенью 1157 года.

Отношенія Фридриха и Мануила другъ къ другу продолжали быть натянуты, хотя и не было открытаго разрыва. Послѣ недружелюбнаго пріема греческаго посольства въ 1156 г. и отказа на просьбу помощи противъ Угріи Фридрихъ послалъ однако съ нимъ и своего посла [1]) — можетъ быть для сообщенія Мануилу своихъ предположеній и разузнанія подробностей относительно его намѣреній. Результатомъ этого было новое византійское посольство, прибывшее на вюрцбургское собраніе осенью 1157 г., но очевидно вовсе не удовлетворившее Фридриха и принятое не лучше предыдущаго, не смотря на принесенные богатые дары и родственныя привѣтствія императрицы Ирины по случаю имѣвшаго быть совершеннымъ по ея же настоянію посвященія въ рыцари ея племянника и сына Конрада III Фридриха: съ трудомъ послѣ слезныхъ просьбъ оно было допущено присутствовать на этомъ торжествѣ [2]). На этотъ разъ, какъ видно изъ лѣтописнаго свидѣтельства, одной изъ главныхъ причинъ такого пріема было то, что въ своихъ надменныхъ и высокомѣрныхъ рѣчахъ греческіе послы не воздавали подобающаго уваженія

---

nostro transmittimus. In quorum ore verba nostra plenarie posuimus; quibus etiam totam voluntatem nostram tibi secretius intimandam commisimus; quae omnia ex ore ipsorum audies et cognosces. Age ergo sicut vir fidelis etc..., una cum Rege Bohemiae et Duce Austriae... Quidquid enim vos tres ex consilio vestro, una cum legatis nostris super hoc verbo ordinaveritis et statueritis, nos absque omni retractione ratum habebimus et gratum.

[1]) Otto Fris., II, c. 53 (31), p. 127—28. Remittitur cum eis Stephanus capellanus imperatoris, per quem princeps de illius principis voluntate amplius cognoscet.

[2]) Rachew., G. F., III, c. 6 (p. 136).

императорскому достоинству Фридриха, какъ „властителя міра и города (Рима)“ [1]). Дѣло въ томъ, что по полученіи императорской короны послѣдній очевидно измѣнилъ свой тонъ въ сношеніяхъ съ византійскимъ императоромъ и требовалъ соотвѣтственнаго измѣненія и въ обращеніи къ себѣ Мануила. И въ данномъ случаѣ рѣчь шла конечно о признаніи и употребленіи Греками его титула римскаго императора, въ чемъ со стороны носившаго этотъ титулъ Мануила ему было отказано. Здѣсь впервые рѣзко обозначилось непримиримое и такъ сказать принципіальное соперничество двухъ императоровъ, выразившееся въ пресловутомъ не разъ потомъ возобновлявшемся спорѣ изъ-за римско-императорскаго титула [2]).

Съ этимъ-то греческимъ посольствомъ (1157 году) Стефанъ угорскій долженъ былъ встрѣтиться при дворѣ Фридриха, и слишкомъ понятно, если обѣ стороны воспользовались этимъ случаемъ для переговоровъ, имѣвшихъ предметомъ какіе-нибудь новые планы и комбинаціи, о сущности которыхъ не трудно догадываться. Естественно послѣ этого, что Стефанъ, потерявъ послѣднія надежды на Фридриха въ Регенсбургѣ въ январѣ 1158 г., пожелалъ немедленно отправиться въ Грецію. Но греческаго посольства уже не было тогда въ Германіи, а потому его и взялся доставить туда Фридрихъ [3]).

Угорскій изгнанникъ былъ принятъ Мануиломъ самымъ радушнымъ образомъ: за него, отличавшагося красивою наружностью [4]),

---

[1]) Ibid.: Quia tamen verba eorum in quibusdam fastum regalem et Grecum in subornato sermone videbantur sapere tumorem.... и далѣе: ....nonnisi eam quam deceret Romanum principem et *orbis ac Urbis dominatorem*, reverentiam suis salutationibus apportarent...

[2]) Срв. объ этомъ Васильевскій, о. с., стр. 396 и пр., также Jungfer, l. c., S. 35—36; Kap-Herr, Die abendländ. Politik K. Manuels, S. 63—64 и сл.

[3]) Греческіе послы, допущенные на торжество посвященія въ рыцари племянника Ирины Фридриха на вюрцбургскомъ сеймѣ 1157 года—тогда же ушли обратно въ Грецію, въ сопровожденіи кажется Вибальда (см. Mon. Corb., Nr. 462, срв. Prutz, Friedr. I, S. 105), котораго потомъ лѣтомъ 1158 года застаемъ въ Греціи, гдѣ онъ и умеръ тогда, а новаго посольства въ янв. 1158 г. не могло быть. Поэтому у Dudik'а, III, S. 320— очевидно ошибка.

[4]) Muglen (y Kovachich), c. LIII, p. 77: ....Stephan belan sun was einer schonen gestalt des gab ym der keyser von kriechen sein swester (ошиб. вм. племянницы).

вслѣдъ за тѣмъ была выдана замужъ прекрасная Марія, племянница Мануила, бывшая невѣста самого императора Фридриха [1]). Понятно, что Стефанъ былъ для византійскаго императора самымъ желаннымъ гостемъ. Своихъ замысловъ относительно Угріи Мануилъ не думалъ оставлять, а претендента Бориса Коломановича уже давно не было въ живыхъ, и для него было очень важно имѣть въ своемъ распоряженіе лицо, которое было бы готово и способно принять на себя ту же роль. И дѣйствительно, Стефанъ съ этой минуты становится орудіемъ политики Мануила.

Приблизительно тогда же, кажется, нѣсколько позже Стефана, бѣжалъ въ Византію и другой братъ Гейзы (старшій послѣ него) Владиславъ, увлеченный повидимому примѣромъ брата [2]). Киннамъ, приписывая бѣгство обоихъ братьевъ ненависти къ нимъ Гейзы, признается, что онъ не знаетъ причины этой ненависти [3]). Никита же Хонскій, отмѣчая о Стефанѣ, что онъ былъ жертвою козней своего брата-короля, говоритъ о Владиславѣ, что онъ послѣдовалъ по стопамъ брата не изъ-за нелюбви къ нему Гейзы или страха замысловъ противъ него, а потому, что былъ увлеченъ молвой о счастливыхъ обстоятельствахъ и удачѣ своего брата [4]). Быть можетъ въ этомъ отчасти и есть правда, но главную причину удаленія изъ Угріи Владислава слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать въ тѣхъ же внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ Угріи, которыя вызвали смуту и бѣгство Стефана. Владиславъ вѣроятно по своему политическому направленію

---

[1]) Cinn., p. 203; Nic. Chon., p. 165: καὶ προσδεχθεὶς ἀσπασίως τῷ αὐτοκράτορι Μανουὴλ ἄλλης τε φιλοφροσύνης ὡς πλείστης ἠμοίρησεν, ἀλλὰ δὴ καὶ Μαρίαν ἔγημε τὴν τούτου ἀνεψιάν, ἣν ὁ σεβαστοκράτωρ ἐφύτευσεν Ἰσαάκιος. Тоже Muglen, ib., S. 77. *О Маріи* срв. Schier, Reginae Hung. pr. st., p. 124—130. Историки, ошибочно относящіе бѣгство Стефана въ Византію къ 1154 г., относятъ къ этому времени и бракъ Стефана (F.-Klein, S. 256), но мы уже доказали, что это мнѣніе не выдерживаетъ критики. Еще доводомъ къ тому можетъ служить выраженіе Киннама (ib., p. 203), что Стефанъ и Владиславъ „прибыли наконецъ въ Грецію послѣ странствованія въ разныя земли“ (μετὰ πολὺν τὸν ἄλλοτε ἀλλαχόθεν δρασμὸν ....), хотя буквально этого и нельзя понимать.

[2]) Cinn. и Nic. Chon., тамъ же (Nic.: μετὰ βραχὺ δε).

[3]) Cinn. ib.: οὐκ οἶδα δὲ ὅ τι προσκεκρουκότε ὑπερφυῶς ἐμισηθήτην αὐτῷ.

[4]) Nic. Chon. (ib. p. 165): ...οὐ τοσοῦτον Ἰατζᾶ καταγνοὺς ὡς μὴ φιλοῦντος ὅσον εἰκός, ἢ ἐξ ἐκείνου ἐπιβουλὴν πτοηθείς, ὅσον τῇ τοῦ ἀδελφοῦ Στεφάνου φήμῃ γοητευθεὶς καὶ πρὸς αὐτὸν τὴν πορείαν τεινάμενος.

былъ солидаренъ съ братомъ, принадлежалъ также къ партіи народной, а важный вопросъ о престолонаслѣдіи всего ближе касался его, какъ старшаго, а потому и на него вѣроятно смотрѣли подозрительно. Что въ этомъ случаѣ не перспектива родственнаго сближенія съ Мануиломъ соблазнила его, доказывается тѣмъ, что онъ отказался отъ очевидно предложеннаго и ему брака съ византійской княжной. Никита прямо разсказываетъ, что онъ былъ принятъ императоромъ сообразно съ своимъ происхожденіемъ и достоинствомъ, и что онъ могъ взять себѣ любую жену — и изъ царскаго рода, но что онъ воздержался отъ брака, боясь, какъ-бы ласки жены, связавъ его, не затруднили ему возвращенія на родину и тѣмъ не повредили его интересамъ [1]). Очень возможно, что причиной тутъ была дѣйствительно предусмотрительность Владислава, боязнь — съ одной стороны потерять популярность въ Угріи, съ другой — впредь поставить себя въ зависимость отъ Византіи, если только не было еще болѣе простой причины, состоявшей въ томъ, что Владиславъ былъ уже женатъ и не имѣлъ никакого желанія бросать свою жену [2]). Когда именно Владиславъ ушелъ въ Грецію — мы въ точности не знаемъ, но едва ли позже 1158 года, что́ можно заключить и изъ свидѣтельства Никиты Хонскаго [3]).

Приблизительно къ тому же времени должно быть отнесено не менѣе знаменательное событіе — удаленіе изъ Угріи еще одного высокопоставленнаго лица, не такъ давно вліятельнѣйшаго совѣтника

---

[1]) Nic. Chon., IV, p. 165: ...καὶ γυναῖκα δὲ ἣν ἠβούλετο ἀγαγέσθαι, καὶ ταύτην ἐκ βασιλείου ἂν ἔτημεν αἵματος. ἀλλὰ γάμου μὲν ἀπέσχετο, ἵνα μὴ τῆς ἐς πατρίδα λαθόμενος ἐπανόδου τὰ ὄκοι διαφθεροῖ τῷ λωτῷ τῆς γυναικὸς προσηλούμενος.

[2]) Fessler, S. 94; Klein, S. 257—258, но безъ всякихъ ссылокъ. Достовѣрнаго извѣстія о бракѣ его нѣтъ, но это предположеніе основано быть можетъ во 1-хъ на одномъ извѣстіи въ т. н. Ann. Cracov. compil. и Ann. Polonorum (Pertz, шк. изд. Hann. 1866, p. 38 и 52) о бракѣ дочери кор. Болеслава III съ сыномъ кор. Бѣлы подъ 1136 г.: Bolezlaus dat filiam regis filio Ungarorum, а во 2-хъ на свидѣтельствѣ у Dandolo l. IX, cap. 14 (Muratori, XII, p. 292) о Маріи, дочери Владислава de stirpe regali, т. е. брата Гейзы II, которое относится впрочемъ уже къ 60-мъ годамъ. Но Киннамъ, Cinn. p. 203, прямо говоритъ, что онъ остался неженатъ: ἄτερος δὲ ἄζυξ διετέλει.

[3]) Nic. Chon., ib., p, 165: μετὰ βραχὺ δὲ καὶ ὁ τῶν ἀδελφῶν τρίτος Βλαδίσθλαβος... Но не вѣрно, что Стефанъ въ 1158 г., прибывъ изъ Германіи, уже засталъ Владислава въ Греціи (Fessler, S. 94).

Гейзы и руководителя угорской политики, а нынѣ очевидно также впавшаго въ немилость. Разумѣемъ заслуженнаго дядю короля, бана Бѣлуша. Изъ исторіи Стефана мы видѣли, что дѣло это не могло не отразиться и на Бѣлушѣ, котораго —вслѣдствіе его народнаго направленія и несочувствія тогдашней западнической политикѣ, а также добрыхъ отношеній со Стефаномъ— противная партія обвиняла въ сообществѣ съ мятежникомъ, братомъ короля и всячески интриговала противъ него. Мы сказали, что не вѣримъ въ дѣйствительное участіе его въ заговорѣ противъ Гейзы; но несомнѣнно, что въ отношеніяхъ племянника и дяди съ нѣкоторыхъ поръ произошло охлажденіе, и интрига противъ бана не была вполнѣ безуспѣшна.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ, былъ ли Бѣлушъ по внушеніямъ враговъ лишенъ своихъ высокихъ должностей (бана и палатина), или подъ давленіемъ тяжелыхъ для него обстоятельствъ — потери довѣрія короля, своего бывшаго питомца, — самъ сложилъ ихъ съ себя, но фактъ тотъ, что онъ, быть можетъ одновременно съ Владиславомъ, оставилъ Угрію съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ выступить въ новой роли — на великожупанскомъ престолѣ сербскомъ. Объ этомъ сообщаетъ Киннамъ, разсказывая о перемѣнахъ въ Сербіи по поводу событій 1161 года [1]). Сколько-нибудь опредѣленныхъ, точныхъ хронологическихъ указаній у него нѣтъ и здѣсь, но, какъ увидимъ, на основаніи другихъ сербскихъ источниковъ и еще нѣкоторыхъ соображеній мы въ правѣ пріурочивать эти перемѣны къ 1158—59 г.

Изъ византійскаго источника мы узнаемъ, что вниманіе Мануила—это должно было быть именно въ 1158 г. — было опять привлечено сербскими дѣлами, которыя очень интересовали его, особенно въ виду его замысловъ противъ Угріи. Пощаженный и оставленный имъ во власти въ 1153 г. Урошъ (Первославъ=Примиславъ) — вопреки всѣмъ своимъ увѣреніямъ и клятвамъ - снова питалъ прежніе свои преступные замыслы, т. е. мечталъ о достиженіи независимости—конечно не иначе, какъ при помощи Угріи. Убѣдившись въ неисправимости этого человѣка, Мануилъ наконецъ отнялъ у него престолъ и передалъ управленіе его брату Бѣлушу. Уроша онъ уда-

---

[1]) Cinn., l. V, p. 204.

лилъ, чтобъ сдѣлать его безопаснымъ, но изъ жалости подарилъ ему плодородную землю. „Впрочемъ Бѣлушъ, продолжаетъ Киннамъ, пробывъ во власти очень не долго, сложилъ ее съ себя и оставивъ родину, ушелъ въ Угрію, гдѣ прожилъ еще довольно долго, пока не умеръ“ [1]). По его удаленіи Мануилъ призвалъ младшаго брата Дѣжу (Δεσέ), владѣвшаго Дендрой, т. е. Стефана Неманю и сдѣлалъ его архижупаномъ [2]).

Итакъ Мануилъ, прогнавъ подозрительнаго ему (т. е. преданнаго Угріи) Уроша, призываетъ на сербскій престолъ его брата Бѣлуша изъ Угріи, правда имѣвшаго повидимому всѣ права къ тому послѣ Уроша, но бывшаго вѣрнымъ слугою его непримиримаго врага, короля угорскаго (не говоря уже о родствѣ ихъ). Очевидно обстоятельства въ Угріи тогда совершенно измѣнились. Трудно сказать, былъ ли Бѣлушъ призванъ прямо изъ Угріи и ради этого покинулъ тамъ свой постъ, или онъ уже не былъ у дѣлъ, когда Мануилъ предложилъ ему престолъ сербскій, — первое впрочемъ вѣроятнѣе, — во всякомъ случаѣ принятіе этого предложенія свидѣтельствуетъ о происшедшей серіозной *размолвкѣ* между нимъ и Гейзой [3]), но однако однюдь не объ измѣнѣ Бѣлуша, безъ сомнѣнія желавшаго только послужить своей истинной родинѣ, а вовсе не расположеннаго служить завоевательнымъ цѣлямъ сербскаго и угорскаго врага Мануила. Это доказывается уже тѣмъ, что Бѣлушъ, убѣдившись вѣроятно въ невозможности сохранить независимость, такъ не долго пробылъ великимъ жупаномъ и вскорѣ вернулся въ Угрію, чтобы вновь служить ей. Что же касается Мануила, то онъ конечно расчитывалъ, оторвавъ Бѣлуша отъ Угріи, пріобрѣсти въ немъ добраго и послушнаго союзника противъ нее, въ чемъ однакожъ сильно ошибся.

Мы замѣтили выше, что все заставляетъ насъ пріурочить эти событія въ Сербіи ко времени до конца 1159 г. Дѣйствительно, изъ

---

[1]) Ibid., p. 204: „ἀλλα Βελούσης μὲν ἐπ' ὀλίγον ἐμπρέψας τῇ ἀρχῇ τό τε τῆς ἡγεμονίας κατέθετο σχῆμα καὶ τῆς πατρίου μεταχωρήσας ἐπὶ τὴν Οὐννικὴν ἦλθεν. ἔνθα πολύν τινα ἐπιβιοὺς χρόνον ἐξ ἀνθρώπον ἠφάνιστο.

[2]) Ibid. О тождествѣ Дѣжи и Немани см Васильевскій, Сл. Сб. II, стр. 281; Голубинскій, Оч. и. ц., стр. 540—42; Новаковичъ, Землиште рад. Нем., стр. 35, прим. Срв. выше стр. 194.

[3]) Срв. Kukuljević-Sakcinski, o. c., стр. 110; также Fessler, o. c., S. 95.

показаній сербскихъ житій, которымъ мы въ данномъ случаѣ не имѣемъ основанія не вѣрить, мы знаемъ, что Стефанъ Неманя вступилъ на великожупанскій престолъ не позже 1159 г. [1]). Въ такомъ случаѣ правленіе Бѣлуша падаетъ на періодъ времени съ полов. 1158 до 1159 г., составляя приблизительно годъ. Этотъ срокъ удаленія Бѣлы изъ Угріи вполнѣ точно подтверждается тѣмъ, что въ одномъ угорскомъ документѣ 1158 года (вѣроятно начала его) еще встрѣчается имя Бѣлуша (какъ перваго сановника), а въ послѣдующихъ актахъ того же года его уже нѣтъ и его замѣняетъ другое лицо (*Агра* или *Арра* Banus) [2]). Ясно слѣдовательно, что онъ оставилъ свой постъ въ теченіе 1158 г. Сложивъ съ себя власть въ Сербіи въ слѣдующемъ году, Бѣлушъ можетъ быть тогда же вернулся въ Угрію, но при Гейзѣ не принималъ уже участія въ управленіи; вновь мы встрѣчаемъ его еще однажды въ прежнемъ достоинствѣ *бана* при братѣ Гейзы Стефанѣ IV (1163) [3]), съ которымъ онъ былъ и прежде въ добрыхъ отношеніяхъ.

Почти одновременное удаленіе изъ Угріи главнѣйшихъ представителей и вожаковъ народной (т. е. православно-славянской) партіи, именно братьевъ короля и бана Бѣлуша, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о прочномъ торжествѣ въ угорскомъ правительствѣ и полнѣйшемъ вліяніи на короля партіи приверженцевъ запада, иноземнаго

---

[1]) Въ житіи Стефана Немани, написанномъ св. Саввой, говорится, что онъ умеръ 1200 г. 87 лѣтъ, а вступилъ на престолъ 46 лѣтъ. У Шафарика, Pam. Dřev. Pisemn. (J. Jireček, 1873); Živ. Sv. Sym. od Sv. Sávy, стр. 14, см. Голубинскій, Оч. и. ц., стр. 541; срв. Васильевскій, о. с. прим., стр. 281. Дата вступленія Стефана Немани на престолъ 1159 г. не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній новѣйшей критики. Срв. Павловичъ, о хронологич. показаніяхъ св. Саввы, Гласник, кн. 47, стр. 302.

[2]) Fejér, II, p. 147, грам. бенедик. мон. „ad radicem montis ferrei" 1158 г.: ...consilio et consensu nostrorum Principum... *Beli*, Appae, Henrici et ceterorum principum... etc., и тамъ же въ слѣд. грамотахъ отъ того же 1158 г. (p. 154—155): in praesentia Lucae Archiepiscopi et *Arpae* (Appae?) *Bani* et aliorum Principum... Этотъ графъ *Аppa* (или *Arpa*) встрѣчается въ документахъ въ числѣ высшихъ сановниковъ уже съ 1148 г., (см. Fejér, p. 130). О немъ срв. цитованн. трудъ Mikoczi, Banorum... series. Arkiv za pov., XI, стр. 56—57.

[3]) См. Грамота этого Стефана IV: Tkalčić, Monum. hist. episcop. Zagrabiensis, I, p. 3; Fejér, II, 1163, p. 165 (гдѣ Belus Banus—какъ „Judex" въ одномъ дѣлѣ); Kukuljev. Sakc., Cod. Dipl. II, p. 66—67 (Fessler, S. 101 относитъ ее ошибочно къ 1162 г.; срв. Klaić, S. 50—къ 1163).

30

наго политическаго вліянія и латинской церкви. Давнишнія старанія и происки послѣднихъ принесли желанные плоды. Королева Евфросинья очевидно не играла уже прежней вліятельной роли, да и сама вѣроятно была уже не та...

Между тѣмъ лѣтомъ 1158 года состоялся грандіозный походъ Фридриха въ сѣверную Италію противъ гор. Милана, въ которомъ согласно обѣщанію Гейзы должны были принять участіе и Угры. Угорскій король не думалъ нарушать своего слова не только потому, что боялся навлечь на себя новую опасность, обманувъ Фридриха, но и потому конечно, что ему было извѣстно, противъ кого была главнымъ образомъ направлена наступательная политика германскаго государя въ Италіи, а дѣйствовать противъ Мануила онъ всегда и вездѣ былъ готовъ.

Еще до похода самого Фридриха, весною 1158 года посольство, отправленное имъ впередъ для возстановленія авторитета западной имперіи въ городахъ сѣверной Италіи, и пресловутое столкновеніе съ Греками въ Анконѣ, кончившееся полнымъ торжествомъ надъ ними [1]), привели къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ. Византія потеряла послѣднюю твердую почву на полуостровѣ и почувствовала себя уже открыто вытѣсняемой оттуда своимъ до тѣхъ поръ замаскированнымъ соперникомъ, и между ними открылась еще бо́льшая пропасть, исключавшая возможность продолженія союза, грозившая полнымъ разрывомъ и обусловившая новыя политическія комбинаціи на европейскомъ югѣ, т. е. главнымъ образомъ примиреніе и союзъ Грековъ съ Норманнами (Вильгельмомъ), а затѣмъ и съ другими италіанскими врагами Фридриха.

Гейза снарядилъ въ помощь Нѣмцамъ отрядъ въ 500 или 600 воиновъ, быть можетъ кумано-печенѣжскихъ отборныхъ стрѣлковъ, если такъ понимать выраженіе „sarraceni“ въ хроникѣ Викентія Пр. и „sagittarii electi“ у продолжателя Оттона Фрейз. [2]) 500 ч.

---

[1]) Донесеніе объ этомъ Фридрихова посла канцл. Рейнальда императору см. Sudendorf, Registrum II, p. 131 (см. еще Chron. regia Coloniensis, a. 1158 (шк. изд. 1880, Hann., p. 95—97). Rahew., l. III, c. 21 (20), p. 153—54.

[2]) Let. Vinc., Font. R. B., ib., p. 425: „impetratis videlicet quingentis Sarracenis"; Rahew., III, c. 26 (25): „cum eis copiae Ungarorum, ferme 600 sagittarii electi"...

было обѣщано Гейзой по словамъ перваго изъ этихъ источниковъ, а приблизительно 600 Угровъ явилось подъ начальствомъ Генриха австрійскаго — по словамъ второго. Угры примкнули, по этому извѣстію, къ войску герцога Генриха австрійскаго и Генриха каринтійскаго и другихъ тамошнихъ графовъ и бароновъ и двинулись съ ними въ Италію черезъ Канале, Фріуль и Веронскую марку [1]). Они раздѣляли съ нѣмецкими войсками и бѣдствія, и успѣхи, и славу побѣды. При переправѣ черезъ рѣку Адду — много Угровъ въ происшедшей страшной давкѣ обрушилось на наскоро построенномъ мосту и погибло въ волнахъ рѣки [2]). Особенно отличились своимъ искусствомъ и храбростью угорскіе стрѣлки во время взятія Милана при штурмѣ однихъ городскихъ воротъ Генрихомъ австрійскимъ [3]).

Послѣ взятія Милана (въ нач. сентября 1158 года) угорскій отрядъ подъ предводительствомъ Генриха Язомиргота вернулся домой еще въ сентябрѣ того же года [4]). Насколько отношенія Гейзы и Фридриха продолжали быть дружественны еще и въ началѣ слѣдующаго года, видно изъ того, что угорскій король, узнавъ о возобновившейся строптивости Миланцевъ (въ концѣ января 1159 г.), не хотѣвшихъ подчиниться постановленіямъ пресловутаго рейхстага на Ронкальскихъ поляхъ (въ концѣ 1158 г.), послалъ къ Фридриху двухъ почетныхъ пословъ, магистровъ Матвѣя и Примогенита съ предложеніемъ предоставить ему опять вспомогательное войско и еще большее, чѣмъ въ прошлый разъ. Фридрихъ отпустилъ пословъ домой съ изъявленіемъ своей признательности и царскими подарками [5]).

---

1) Rahew. III, ibid.

2) Let. Vinc., a. 1158, ib., p. 432: Alii vero Bohemorum alium pontem ad opus suae militiae reparant, verum pro nimia ex utraque parte pressa magna parte pontis ruente, multi tam Boemi quam Ungari naufragio interierunt.

3) Rahew., III, c. 40 (36), ib., p. 171: Igitur universis quos secum habebat armatis, auxiliariis Ungarorum copiis in sagittando optimis etc....

4) Rahew., III, 50 (44). Съ Უграми одновременно вернулся въ Чехію Владиславъ II въ сентябрѣ 1158 г. (Palacky I, č. 2, S. 56).

5) Ibid. IV, 24 (22), ib., p. 213: Rex quoque Ungarorum fama sola Mediolanensium comperiens temeritatem, honorobiles nuncios et litteratos, magistrum Matheum et magistrum Primogenitum, ad curiam destinavit, suos denuo auxiliarios plures quam prius sponte sua principi promittens. Hos singulos et responso prudenti exhilaratos et regalibus donatos muneribus augustus expedivit et ad suos principis remeare concessit. *Magister Primogenitus* — быть можетъ есть встрѣча-

Однако до исполненія этого предложенія дѣло не дошло, ибо возникшая въ этомъ же году великая распря между европейскими государями по поводу раскола на папскомъ престолѣ слишкомъ скоро снова нарушила добрыя отношенія Угріи и Германіи. Въ 1161 г. Угрія уже сама отказала Фридриху въ помощи противъ Милана, о которой онъ тогда опять просилъ [1]).

Къ 1158 году относится еще послѣднее, но на этотъ разъ только дипломатическое вмѣшательство Гейзы въ дѣла Руси, доказывающее еще разъ, какъ перемѣнились здѣсь обстоятельства и отношенія со смерти любимаго шурина и соратника Гейзы—Изяслава Мстиславича (1154 г.). Угорскій король выступаетъ теперь на сторонѣ галицкаго князя Ярослава, сына Владимірка, вмѣстѣ съ другими князьями Мономаховичами — ходатаемъ передъ великимъ княземъ кіевскимъ Изяславомъ Давыдовичемъ въ дѣлѣ извѣстнаго злополучнаго князя-скитальца Ивана Ростиславича Берладника [2]). Однакожъ въ послѣдовавшей изъ-за этого дѣла войнѣ Ярослава и его союзниковъ съ кіевскимъ княземъ, кончившейся пораженіемъ послѣдняго и возвращеніемъ кіевскаго княженія въ родъ Мономаха, Гейза участія очевидно не принималъ. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ.

ющійся въ грамотѣ 1156 г. Primogenitus Varadiensis praepositus, см. Fejér, II p. 143—14.

[1]) Письмо импер. нотарія Бурхарда къ аббату Николаю Зигбургскому въ Registrum II, Sudendorf, S. 137. Объ этомъ еще будетъ рѣчь.

[2]) Иванъ Ростиславичъ (Звениг.) былъ изгнанъ изъ Галича Владиміркомъ. О немъ упоминалось у насъ уже въ нач. 1140-хъ годовъ (Ипат. л. 1144). Нѣсколько насмѣшливое прозвище *Берладника* происходитъ отъ гор. *Берлада*, нын. Бырлата (на р. Берладѣ, притокѣ Серета), служившаго притономъ всякаго бродяжнаго люда, занимавшагося грабежемъ на Черномъ морѣ и по Дунаю. Иванъ Ростиславичъ удалялся неоднократно сюда и на нижн. Дунай, куда достигали въ тѣ времена предѣлы галицкихъ владѣній, какъ это видно изъ многихъ свидѣтельствъ (здѣсь на Дунаѣ гор. Малый Галичъ, нын. Галацъ, извѣстный по грамотѣ Ивана Ростиславича Берладскаго отъ 1134 года), быть можетъ именно Звенигородскій удѣлъ Ивана Ростиславича. См. объ Иванѣ Берладникѣ: Карамзинъ, II, стр. 213, прим. 285; Соловьевъ, II, стр. 117. Еще Иловайскій, Ист. Россіи, ч. II. (1880), стр. 30; Петрушевичъ, Было ли два Галича? Науковый Сборн. I вып. 1865. Еще срв. Roesler, Roman. Stud., S. 323—24, Pič, Ueber die Abst. d. Rum., S. 107—109, и особенно: Н. Барсовъ, Очерки рус. ист. геогр. (Варш., 1885), стр. 112—114, пр. 204, 205. Еще Голубовскій, Печенѣги, Торки и Половцы (Кіевъ, 1884), стр. 207—208.

Еще Юрій Долгорукій, утвердившись въ Кіевѣ, чуть было не выдалъ находившагося у него на службѣ Ивана Берладника своему союзнику и зятю Ярославу Владимірковичу, который побаивался своего двоюроднаго брата, имѣвшаго приверженцевъ въ Галиціи, и искалъ прибрать его въ свои руки [1]). Юрій умеръ въ 1157 году, и на кіевскомъ столѣ сѣлъ опять Изяславъ Давыдовичъ, пріютившій у себя Берладника. Ярославъ, по прежнему опасаясь сношеній Ивана Ростиславича съ Галичанами и домогательствъ его, рѣшился требовать у Изяслава Давыдовича выдачи ему безпокойнаго искателя приключеній; онъ, по словамъ кіевской лѣтописи, заручился противъ послѣдняго содѣйствіемъ русскихъ князей, короля угорскаго и польскихъ князей, и вотъ всѣ они: Ярославъ галицкій, Святославъ Ольговичъ, Ростиславъ Мстиславичъ, Мстиславъ Изяславичъ, Ярославъ Изяславичъ, и другіе князья, король угорскій и Поляки — послали каждый своего посла въ Кіевъ къ Изяславу Давыдовичу — съ коллективнымъ требованіемъ выдать Берладника. Но посольство это не имѣло успѣха: кіевскій князь рѣшительно отказался исполнить его ходатайство [2]). Мы хорошенько не знаемъ, чѣмъ объяснить эту поддержку интересовъ Ярослава галицкаго со стороны столькихъ русскихъ князей и короля угорскаго. Едва-ли у нихъ у всѣхъ былъ одинъ общій мотивъ и едва-ли у союзниковъ Ярослава играла большую роль личность самого Берладника [3]). Скорѣе тутъ выступала вражда противъ кіевскаго князя, особенно со стороны Мстиславичей и желаніе послѣднихъ создать поводъ къ войнѣ и отнятію у него Кіева. Участіе же угорскаго короля можетъ быть объяснено или родственнымъ вниманіемъ къ Мстиславичамъ, или пожалуй скорѣе — возникшими дружественными отношеніями съ княземъ галицкимъ. Иванъ Ростиславичъ однако счелъ послѣ того ненадежнымъ оставаться при кіевскомъ князѣ, бѣжалъ въ степь къ Половцамъ, засѣлъ съ ними въ

---

[1]) Ипат. лѣт., г. 1157, стр. 335.

[2]) Ипат. лѣт., ошибочно относящая эти событія къ 1159 г. чм. 1158-го, стр. 341: „Том же лѣтѣ нача Ярославъ Галичьскый искати Ивана Ростиславича, стрьичича своего; Ярославъ бо бяше подъмолвилъ князѣ Рускиѣ, и *короля*, и Лядьския князя и пр.... И послаша послы Киеву къ Изяславу Давыдовичю .... *король мужа своего* и пр. ...Изяславъ же припрѣ всихъ, и отвѣтъ имъ давъ, отпусти я“.

[3]) Такъ Соловьевъ, II, стр. 201.

подунайскихъ городахъ, ограбилъ два судна (галицкія?) со множествомъ товара и сталъ безпокоить галицкихъ рыболововъ [1]). Замѣтимъ, что это извѣстіе интересно для насъ, какъ одно изъ тѣхъ, на которыя справедливо опирается мнѣніе, что граница русско-галицкихъ владѣній въ ту эпоху подходила къ самому нижнему Дунаю [2]).

Съ Дуная Иванъ Ростиславичъ съ полчищами Половцевъ и 6000 берладниковъ бросился въ сѣверные предѣлы галицкой земли, а оттуда, покинутый Половцами, пошелъ въ Кіевъ на зовъ Изяслава Давыдовича. Этотъ князь въ ожиданіи нападенія Ярослава галицкаго съ союзниками помирился со своими (Святославомъ Ольговичемъ) и пригрозилъ Ярославу общимъ походомъ, чѣмъ дѣйствительно сперва и остановилъ его; но, получивъ новыя тревожныя вѣсти о сборахъ Ярослава и сильно желая доставить галицкій столъ Ивану Ростиславичу, тѣмъ болѣе что послѣдняго звали теперь сами Галичане, Изяславъ всетаки двинулся въ походъ противъ уже шед-

---

3) Ипат. лѣт., тамъ же, стр. 341: Иванъ же тогда уполошивъся ѣха въ поле къ Половцемъ, и шедъ съ Половци и ста въ городѣхъ Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовомъ Галичьскымъ.

4) Выше мы встрѣтили другое такое свидѣтельство въ разсказѣ о походѣ Мануила противъ Половцевъ за Дунай въ 1148 году. (Cinn., l. III, p. 94). Срв. Píč, ib. (Abst. d. Rum, S. 107—109), еще **Барсовъ**, въ указ. соч. стр 113—115. Онъ полагаетъ, что галицко-русскія владѣнія на Дунаѣ (какъ и гор. Берладъ) принадлежали къ удѣлу Ивана Ростиславича, бывшаго княземъ въ Звенигородѣ (на Днѣстрѣ), что Иванъ дѣйствуетъ въ области или прямо ему подчиненной, или стоявшей съ нимъ въ какихъ-то весьма тѣсныхъ отношеніяхъ, еще не разъясненныхъ исторіей, что наконецъ и подунайскіе города составляли только часть бывшаго звенигородскаго удѣла князя Ивана Ростиславича.—О *берладникахъ* (рядомъ съ „бродниками“) см. **Голубовскій**, о. с., стр. 207—209. По его мнѣнію Иванъ Ростиславичъ взялъ себѣ берладскую область (еще при Владимиркѣ—и вопреки ему), которая однако была снова присоединена къ Галичу, пока Иванъ Ростиславичъ скитался по Руси. Въ 1159 году ему снова пришлось занимать подунайскіе города. Мѣстное населеніе было ему очень предано и пока онъ былъ живъ, галицкій князь не могъ присоединить Берлада (или Берлади). „Впрочемъ правильнѣе, говоритъ Голубовскій, Берладь не признавала ничьей власти,“ (208). Кажется это мнѣніе—наиболѣе вѣроятное — Настоящее извѣстіе о Берладникѣ любопытно указаніемъ на существованіе русскаго (галицкаго) судоходства—очевидно торговаго на нижнемъ Дунаѣ. Срв. Píč, Zur Rumänisch. ung. Streitf. (1886), S. 345, a. 98.

шихъ ему навстрѣчу Ярослава и Мономаховичей. Результатомъ была его полная неудача подъ Бѣлгородомъ вслѣдствіе измѣны Берендѣевъ, бѣгство и потеря Кіева, вновь перешедшаго въ руки потомковъ Мономаха (Ростислава Мстиславича въ 1159 г.)[1]. Никакихъ слѣдовъ участія въ этой войнѣ въ войскѣ Ярослава Угровъ — послѣ ихъ участія въ дипломатическомъ давленіи на Изяслава — не имѣется, да и не удивительно. Такое вмѣшательство не однимъ словомъ, но и *дѣломъ* въ русскія отношенія было слишкомъ не въ духѣ тогдашней политики Угріи, подданные которой сражались именно тогда за императора нѣмецкой націи и нѣмецкіе интересы подъ знаменами австрійскаго герцога — подъ стѣнами знаменитаго сѣверо-италіанскаго города....

Впрочемъ не это столь недавно и довольно случайно возникшее и, какъ мы видѣли, до нѣкоторой степени вынужденное съ обѣихъ сторонъ сближеніе Гейзы съ Фридрихомъ было главнымъ моментомъ въ непопулярной въ народѣ угорскомъ западнической политикѣ короля. Главнымъ факторомъ, обусловившимъ эту политику, были огромные успѣхи папской куріи въ Угріи, постепенное подчиненіе самого короля, правительственныхъ сферъ и вообще верхнихъ слоевъ угорскаго общества вліянію западной церкви и культуры, интересамъ латинства и папства, — подчиненіе, начавшее особенно быстро развиваться со времени вступленія Угріи въ западную антивизантійскую коалицію и сближенія съ ея членами: Норманнами, Вельфами, Людовикомъ французскимъ и наконецъ папой.

Такое положеніе Угріи какъ нельзя лучше выясняется въ наступившихъ событіяхъ 1159—1160 гг., какъ въ ознаменовавшей послѣдніе годы правленія Гейзы исторіи великой схизмы на папскомъ престолѣ, быстро нарушившей дружественное сближеніе Гейзы съ западнымъ императоромъ, но въ то же время еще крѣпче связавшей Угрію въ принятомъ ею направленіи, такъ и вообще въ образѣ дѣйствія Гейзы къ концу его жизни, доказавшемъ, насколько онъ попалъ въ руки латинской церкви и ея слугъ.

Папа Адріанъ IV умеръ 1 сентября 1159 года. Большинствомъ кардиналовъ былъ выбранъ уже давнишній врагъ Германіи и импер-

[1]) Ипат. лѣт., г. 1159, стр. 341—343.

скихъ притязаній и сторонникъ союза съ Норманнами Роландъ или Александръ III, а меньшинствомъ — императорскими сторонниками — Октавіанъ, подъ именемъ Виктора IV. Явилось одновременно двое папъ, изъ которыхъ послѣдній былъ конечно немедленно принятъ подъ покровительство Фридрихомъ. Созванный по иниціативѣ императора или вѣрнѣе имъ самимъ (что̀ не было до сихъ поръ въ правахъ императора) соборъ въ Павіи въ февралѣ 1160 года, въ лицѣ значительной части германскаго и италіанскаго духовенства, утвердилъ избраніе Виктора и произнесъ отлученіе надъ Александромъ. Это произвело окончательный расколъ и раздвоеніе въ европейскомъ христіанскомъ мірѣ. Однако большинство его, отрицавшее разумѣется у императора право рѣшать вопросъ о главѣ церкви для всей Европы, признало законно избраннаго Александра III въ то время, какъ за Виктора стоялъ одинъ императоръ Фридрихъ съ нѣмецкими князьями и большинствомъ нѣмецкихъ епископовъ [1]). Посмотримъ же, какъ эти событія отозвались въ Угріи и какое положеніе заняла она по отношенію къ церковному расколу.

На соборъ въ *Павію* для дѣятельнаго въ немъ участія были приглашены и духовные представители (епископы) Угріи рядомъ съ епископами другихъ державъ, какъ Франціи, Англіи, Испаніи, Даніи и пр., какъ видно изъ сохранившихся призывныхъ грамотъ императора къ епископу Герману бриксенскому и канцлеру Роланду (т. е. уже папѣ Александру III) [2]). Но были ли въ Павіи, и главное — причастны ли рѣшенію собора вообще представители Угріи (ужъ не говоря о епископахъ) и подписали ли они его постановленіе — это является вопросомъ, возбуждающимъ большія сомнѣнія за неимѣніемъ прямого достовѣрнаго извѣстія и донынѣ рѣшаемымъ въ наукѣ различно.

---

[1]) Источники для ист. собора: Rahew., Gesta F. IV, a. 1160, c. 74 (64) и слѣд. (p. 253—272) и въ собраніяхъ современныхъ документовъ: Pertz, Mon. IV, 121 и сл., изданія извѣстнаго посланія еще у Martene et Durant, Thesaur. Anecd. v. I и Brown, Appendix ad Fasciculum etc. см. у Reuter, Gesch. Alexand. III, Leip. 1860, B. I, S. 508 Вообще о соборѣ — этотъ трудъ, еще Giesebrecht, Prutz, K. Fr. I и друг.

[2]) Pertz, IV, Leges, II, p. 118; Wenzel, Dipl., XI, p. 96, 98 (episcopos) aliorum regnorum, Franciae videlicet, Angliae, Hispaniae atque Ungariae. Эти, какъ и нѣкоторые другіе документы, касающіеся павійскаго собора еще у Fejér VII, v. I, p. 151 и сл.

Дѣло въ томъ, что въ пресловутомъ документѣ павійскаго собора, т. е. извѣстительномъ о рѣшеніяхъ его посланіи, послѣ подписей главныхъ участниковъ (архіепископовъ германскихъ и ихъ легатовъ) между отмѣтками о прочихъ представителяхъ, принявшихъ будто-бы постановленія собора, находится и такая: Rex Ungarorum per litteras et legatos suos consensit [1]). Это показаніе служило для однихъ ученыхъ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о дѣйствительномъ участіи Угріи своими представителями въ павійскомъ соборѣ и его рѣшеніяхъ, тогда какъ другіе признаютъ эту отмѣтку однимъ изъ тѣхъ подлоговъ, которые, какъ удостовѣрено, позволили себѣ въ данномъ документѣ его авторы—главные дѣятели собора [2]).

При существованіи такого не безосновательнаго подозрѣнія — трудно конечно дать на этотъ вопросъ отвѣтъ категорическій и рѣшительный. За неимѣніемъ другихъ извѣстій и данныхъ для рѣшенія вопроса *о самихъ подписяхъ*—подложны онѣ или нѣтъ, намъ остается только, принявъ въ соображеніе все намъ извѣстное, искать въ немъ указаній и точекъ опоры для сужденія о внутренней правдоподобности и, такъ сказать, внутренней логикѣ того или другого рѣшенія.

Прежде всего спрашивается, какъ могла быть настроена Угрія въ папскомъ вопросѣ на первыхъ порахъ, еще до созванія собора въ Павіи. Быть можетъ высшее духовенство угорское уже тогда склонялось въ пользу Александра, чтó заставляютъ думать близкія его отношенія къ извѣстному зальцбургскому епископу Эбергарду, ревностному стоятелю за право и законность въ церкви (т. е. за папу Александра) [3]), но во всякомъ случаѣ со стороны Гейзы никакого рѣшенія еще не было принято, а легаты папы Александра были въ

[1]) Ibid.: Rahew. IV, c. 80 (70), p. 264—68; Wenzel, ib., p. 99—100. Передъ записью объ Угріи стоитъ запись *анг. кор. Генриха*, а послѣ: записи королей *чешскаго* и *датскаго* и еще разныхъ епископовъ.

[2]) Къ первымъ принадлежитъ Klein, o. c. S. 259, n. 1; Szalay, S. 304; Kap-Herr, o. c. S. 71, n. 5, также Hannenheim, o. c. S. 46, n. 94, но съ ограниченіемъ. Въ *пользу подложности* высказались Baronius, Ann. eccl. ad. a. 1160, t. XII; Katona Hist. Crit. III, 718 и сл., тоже Fessler, II, S. 232. О подлогахъ Reuter, I. B., ib. 511—515, срв. Prutz, o. c. S. 243—244.

[3]) Имѣется въ виду послѣдующая переписка угорскаго архіепископа Луки Банфи и самого Гейзы съ Эбергардомъ. Объ этомъ еще ниже.

Угріи позже. Гейза между тѣмъ былъ еще въ хорошихъ отношеніяхъ съ Фридрихомъ, и получивъ отъ него приглашеніе послать представителей на соборъ въ Павію, едва-ли имѣлъ основаніе или поводъ совсѣмъ не отозваться на него. Если онъ зналъ уже кое-что о характерѣ предстоявшаго собранія и о роли, принимаемой на себя Фридрихомъ, то это очевидно удержало его отъ дѣятельнаго участія въ немъ посылкою уполномоченныхъ высшихъ прелатовъ (епископовъ), каковыхъ и не оказывается въ Павіи, но вовсе не мѣшало посылкѣ обыкновенныхъ легатовъ (дипломатическихъ представителей) — не уполномоченныхъ къ принятію какихъ-либо рѣшеній. Все напротивъ побуждаетъ насъ признать присутствіе такихъ легатовъ на павійскомъ соборѣ. О присутствіи пословъ отъ разныхъ странъ вообще говоритъ продолжатель лѣтописи Оттона Фрейзинг. [1]). Такіе послы несомнѣнно были тамъ отъ государей Франціи (Людовика VII) и Англіи (Генриха II), т. е. отъ государей, отвергшихъ постановленія собора и не признавшихъ Виктора, какъ видимъ изъ одного письма епископа бабенбергскаго къ архіепископу Эбергарду, сообщенноми тѣмъ же Рагевиномъ [2]). Если присутствовали представители такихъ державъ, какъ Франціи и Англіи, то едва-ли могъ уклониться отъ этого и угорскій король. Но совершенно *другой вопросъ*, признали ли угорскіе послы *своею подписью* постановленія собора, т. е. избраніе папы Виктора? На это мы допускаемъ только *отрицательный* отвѣтъ.

Они уже потому не могли ихъ признать, что—какъ лица некомпетентныя—не имѣли къ тому полномочій. Но тѣмъ не менѣе ихъ, какъ и другихъ, записали подъ текстомъ соборнаго документа — какъ присутствовавшихъ и своимъ присутствіемъ уже какъ-бы причастныхъ результатамъ собора. Въ этомъ и состояла недобросовѣтность и неразборчивость въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей — у партіи Виктора. Такой же пріемъ составители акта позволили себѣ и относительно многихъ другихъ, какъ это доказано на основаніи

---

[1]) Rahew.. IV, 74 (64), p. 254. Онъ только ошибался очевидно относительно полномочій этихъ пословъ: Legati quoque diversarum terrarum aderunt, spodentes quicquid a synodo decretum foret indubitanter a suis recipiendum.

[2]) Rahew., ib., c. 81 (71) a. 1160, p. 269.

положительныхъ данныхъ [1]). Въ той же формулѣ, въ какой подписанъ король угорскій, были записаны и *короли Франціи* и *Англіи*, между тѣмъ какъ изъ того же вышеупомянутаго письма епископа бабенбергскаго оказывается, что они положительно уклонились отъ рѣшительнаго отвѣта, и послы ихъ прямо заявили, что обѣ державы для подачи своего голоса будутъ ждать присылки императорскаго посольства [2]). Очень возможно, что такое же заявленіе сдѣлали и угорскіе послы, а быть можетъ и легаты всѣхъ прочихъ странъ, въ которыя вслѣдъ затѣмъ и были отправлены послы для официальнаго сообщенія постановленій собора и для убѣжденія ихъ государей — признать папой Виктора [3]). Викентій Пражскій, показанія котораго, какъ лица, столь близкаго къ тогдашнимъ событіямъ (всюду сопровождавшаго еп. Даніила пражскаго), особенно драгоцѣнны, ни словомъ не упоминая о признаніи соборныхъ рѣшеній — иноземными легатами, прямо говоритъ, что съ собора были отправлены въ разныя земли къ государямъ особые легаты, дабы испросить у нихъ утвержденія (выбора папы) [4]).

Въ Угрію былъ отправленъ Даніилъ, епископъ пражскій [5]), уже прежде, какъ мы знаемъ, съ успѣхомъ ѣздившій туда въ подоб-

---

[1]) Reuter, o. c. I, S. 120, прим., S. 511, 512 и слѣд.; срв. Prutz, o. c. S. 244. Такой обманъ могъ имѣть цѣлью лишь то, чтобы придать бо́льшую силу и убѣдительность документу, имѣвшему быть предъявленнымъ разнымъ государямъ. Этимъ объясняются различія относительно подписей въ дошедшихъ текстахъ соборнаго посланія. (Reut., S. 512). Вѣроятно въ копіи, шедшей напр. къ угорскому королю, исключалась его подпись; въ экземплярѣ, посылавшемся въ Англію—подпись англійскаго короля и т. д.

[2]) Rahew., 81 (71), p. 269 ....Nuncius regis Francorum promisit pro eo neutrum se recepturum, usque dum nuncios domni imperatoris recipiat. Nuncius regis Anglorum idem velle et idem nolle promisit tam in his quam in aliis...

[3]) Ibid., 84 (74), p. 272: Compositis ita rebus et gestis consilii, missis quoque legatis, ut supra dictum est, ad reges Hyspaniae, Angliae, Franciae, Datiae, Boemiae et Ungariae...

[4]) Let. Vinc., Font. R. B., II ib., p. 451: His ita perfectis per diversa regna ad diversos reges, qui hoc annuntient et confiment, diversi mittuntur nuntii То же въ письмѣ одного Генриха prepositi de Berthersgadem къ тому же епископу Эбергарду: Rahew., ib., 82 (72), p. 271: Pro confirmandis omnibus quae facta sont mittuntur legati, domnus... *Bragensis in Ungariam*... etc.

[5]) Let. Vinc., ib.: Daniel, Pragensis episcopus, in Ungariam ad regem Ungarie mittitur. Mon. Sázaw., a. 1160. (Font. R. B., p. 267): Daniel praesul... excellentia quoque functus legationis apostolicae, proficiscitur ad regem Hunorum... Еще олько-что цитованное письмо у Rahew., l. c., p. 271.

ной же роли чрезвычайнаго посла императора. Разсказъ объ этомъ новомъ посольствѣ передаетъ тотъ же обстоятельный чешскій лѣтописецъ.

Въ самый день св. Пасхи (27 марта) 1160 года Даніилъ въ качествѣ папскаго и императорскаго посла былъ встрѣченъ торжественно, съ процессіей, архіепископомъ (остригомскимъ)—примасомъ Лукою (Лукашемъ) и другими угорскими епископами, и съ предиесеніемъ креста отведенъ къ королю Гейзѣ, который принялъ его съ почетомъ и милостиво привѣтствовалъ. По выполненіи имъ своей миссіи, его съ честью проводили въ приготовленное ему помѣщеніе и радушно угощали. Когда же наступилъ день объявленія отвѣта, то самъ король заявилъ, что не можетъ такъ скоро отвѣчать по столь важному дѣлу — особенно не посовѣтовавшись напередъ о томъ съ своимъ духовенствомъ и вельможами. А если епископъ Даніилъ не можетъ дожидаться, то онъ обѣщаетъ прислать обо всемъ отвѣтъ съ своими послами. Получивъ такую отповѣдь вмѣстѣ со многими подарками отъ короля, епископъ Даніилъ вернулся въ свою Прагу [1]).

Итакъ Гейза не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта —очевидно уклонился отъ него. Но можно ли думать, что это были дѣйствительно нерѣшительность и колебаніе, что Гейза еще не склонился ни на ту, ни на другую сторону? Многое заставляетъ насъ придти къ заключенію, что такой отвѣтъ былъ только благовиднымъ способомъ избавиться отъ необходимости прямо отвѣчать отрицательно,—что Угрія едва-ли еще колебалась тогда, на чью сторону стать и что она только медлила заявить себя открыто сторонницей папы Александра. По всей вѣроятности Даніилъ такъ и понялъ отвѣтъ Гейзы

---

[1]) Let. Vincent., ib., p. 451: „In festo pasche predictus episcopus Pragensis a Luca archiepiscopo et ab aliis Ungarie episcopis, sicut nuntius pape et imperatoris papalibus ornamentis insignitus cum processione suscipitur, deinde ad regem cum cruce precedente adducitur, a quo honeste suscipitur, salutatur, legationem profert, qua relata ad hospitium honeste deducitur, benigne tractatur. Tempus et dies responsionis advenit. Rex ipsemet respondet, non posse se de tam arduo negotio tam cito respondere, nisi prius super hoc clerum suum consulat et principes; quod si hoc nolit expectare, per nuncios idoneos omne super hoc ei se dare responsum promittit. Hac responsione episcopus accepta, plurimis a rege muneribus acceptis, in terram suam progreditur.

и безъ всякаго промедленія вернулся домой, ни на что болѣе не расчитывая. Къ такому предположенію объ отношеніи Угріи къ дѣлу приводитъ насъ съ одной стороны та рѣшительность и такъ сказать убѣжденность, съ которой Угрія выступила затѣмъ на сторонѣ законнаго папы Александра, съ другой стороны тѣ извѣстныя намъ опредѣленныя нравственныя вліянія, подъ которыми, какъ ниже увидимъ, съ самаго начала находилась высшая духовная власть въ Угріи, а черезъ нее и Гейза.

Если императоръ Фридрихъ въ 1160 г. (авг.) въ письмѣ къ архіепископу аквилейскому Пелегрину заявляетъ о томъ, что Угрія—рядомъ со многими другими государствами (Испаніей, Даніей, Чехіей) признаетъ папой Виктора [1]), то это объясняется только тѣмъ, что Угрія въ тотъ моментъ не рѣшалась еще выступать открыто противницей послѣдняго, а также и излишнею самоувѣренностью, самообольщеніемъ Фридриха [2]). Чѣмъ же, спрашивается, обусловлено то положеніе, которое сперва втихомолку, а затѣмъ открыто заняла Угрія въ церковномъ спорѣ?

Очень можетъ быть, что на окончательное рѣшеніе ея въ нѣкоторой, но однако едва-ли въ значительной степени повліяло посольство папы Александра въ Угрію, состоявшее изъ епископа Юлія пренестинскаго (Palestrina) и кардинала-діакона Петра [3]). Говоримъ такъ потому, что эти папскіе послы посѣтили Угрію повидимому тогда, когда отношеніе ея къ вопросу уже въ принципѣ опредѣлилось: именно на основаніи одного документа отъ іюля 1161 г., въ которомъ папа Александръ благодаритъ гражданъ г. Салоны за радушный пріемъ, оказанный тѣмъ же самымъ посламъ, посѣтив-

---

[1]) Wenzel, XI, Nr. 55, p. 100—101.

[2]) Помѣщенное подъ 1160 г. извѣстіе въ Chron. reg. Colon. (Ann. Col. max.), ed. sch. p. 104, что на собраніе въ Пармѣ явился къ Фридриху братъ Гейзы Стефанъ, прося цѣною ежегодной уплаты 3000 марокъ возвести его на угорскій престолъ, но что это дѣло не устроилось,— не можетъ потому относиться къ 1160 году, что о какомъ-либо пребываніи императора въ Пармѣ въ этомъ году—ничего не извѣстно. Ниже увидимъ, что это извѣстіе не безъ основанія относятъ къ 1164 году.

[3]) Vita Alexandri III, (Watterich, Pontific. Rom. Vitae, Lips., 1862, T. III, p. 386. Вліяніе этихъ пословъ особенно признаютъ Prutz, o. c., S. 234; Giesebrecht, B. V (1880), S. 257; Dudik, S. 344.

шимъ этотъ городъ вѣроятно по дорогѣ изъ Угріи [1]), можно заключить, что послѣдніе были въ Угріи не ранѣе конца 1160-го или начала 1161 года, такъ что трудно допустить предположеніе, что они предупредили тамъ фридрихова посла епископа Даніила [2]). Съ не бо́льшимъ основаніемъ можно приписывать присоединеніе Угріи къ сторонникамъ папы Александра преимущественно вліянію англо-французскаго собранія въ Тулузѣ, на которомъ обѣими этими державами, долго колебавшимися, былъ признанъ папой Александръ [3]); соборъ этотъ состоялся никакъ не ранѣе осени 1160 года (а по другимъ лишь въ мартѣ 1161 г.) [4]); между тѣмъ какъ – повторяемъ — по многимъ признакамъ въ Угріи уже ранѣе возобладало настроеніе въ пользу Александра. Этимъ мы однакожъ не отрицаемъ, что тулузское постановленіе должно было укрѣпить Угрію на избранномъ ею пути [5]).

Итакъ что же собственно, помимо вліянія самого папы Александра и примѣра дружественнаго Гейзѣ Людовика французскаго, было главной причиной возобладавшаго направленія въ церковной политикѣ Угріи? Разгадку этого вопроса не трудно найти въ близкихъ отношеніяхъ между Угріей и выше нами упомянутымъ знаменитымъ архіепископомъ зальцбургскимъ Эбергардомъ, стойкимъ и вліятельнымъ блюстителемъ права и законности въ католической церкви, а потому авторитетнымъ приверженцемъ папы Александра III. Эти отношенія къ Зальцбургу обусловленныя вліяніемъ Эбергарда, установились, какъ оказывается, не въ данный только моментъ

---

1) Fejér, II, p. 160 (Jaffé, Regesta pontif. Romanor., Berol., 1851, p. 683): ...quod ven. fratrem nostrum, Julium, Praenestinum Episcopum, et dilectum filium nostrum, Petrum, S. Eustachii diaconum Cardinalem, sicut ipsi idem nobis insinuarunt, benigne recipere, et honeste curastis pertractare...

2) Такъ Dudik, o. c., S. 344, ссылаясь на *Baronius*, Ann. eccl., a. 1159, n. 63.

3) Такое вліяніе тулузскаго собора на Угрію особ. признаетъ Kap-Herr, o. c. S. 71, a. 5

4) Къ осени (октябрю) 1160 г., кажется, съ бо́льшимъ основаніемъ относитъ соборъ въ Тулузѣ Reuter, o. c. S. 166, 499 и сл., тогда какъ другіе (Philippson, Gesch. Heinrichs des Löwen, II, S. 10) относятъ его къ марту 1161 году (Kap-Herr, o. c. S. 71). См. о соборѣ этомъ Prutz, ..., S. 163—167.

5) Это ясно изъ письма Гейзы къ Людовику VII, о которомъ ниже.

и не въ недавнее время, а успѣли уже окрѣпнуть, и въ перепискѣ этого заслуженнаго пастыря церкви съ угорскимъ архіепископомъ и королемъ, прекрасно иллюстрирующей эти отношенія, мы находимъ прямыя указанія, что въ вопросѣ о схизмѣ установилось полное единомысліе и солидарность между тою и другою стороною, что самъ король Гейза можетъ быть въ самомъ началѣ и былъ въ нѣкоторомъ колебаніи, но что и онъ очень скоро склонился къ точкѣ зрѣнія и взглядамъ признаваемаго имъ большимъ авторитетомъ Эбергарда — при посредствѣ угорскаго примаса — остригомскаго архіепископа, знаменитаго Луки Банфи.

Предварительно два слова объ этомъ послѣднемъ. *Лука Банфи* (Lucas Bánffius или Pánffius), которому суждено было играть выдающуюся роль въ послѣдующихъ политическихъ событіяхъ въ Угріи, и притомъ роль съ извѣстной, вполнѣ опредѣленной окраской, являетcя крупною и вліятельною личностью въ исторіи угорской церкви. О немъ съ большимъ уваженіемъ говоритъ знавшій его, какъ товарища ученія въ Парижѣ, извѣстный современный ему англійскій церковный и отчасти политическій дѣятель и писатель *Walter Mapes* (или *Map*), отъ котораго мы узнаемъ, что Лука Банфи получилъ высшее образованіе въ Парижѣ — у знаменитаго ученаго, англійскаго богослова и профессора Жирарда la Pucelle (Giraldus Puella † 1184), былъ самъ очень ученъ и отличался многими добродѣтелями [1]). Онъ занялъ архіепископскую каѳедру (остригомскую) уже въ 1158 г. [2]), и ему пришлось играть повидимому немаловажную роль въ выборѣ положенія, занятого Угріей въ церковной смутѣ, охватившей западную Европу съ конца 1159 года.

---

[1]) Walter Mapes въ своемъ сочиненіи „De nugis curialium distinctiones quinque"; изд. Thom. Wright, Lond. 1850 г. (въ предислов. его біографія), D. II, VII (De Luca Hungaro), p. 73: Vidi Parisius Lucam Hungarum in schola magistri Girardi Puellae, virum honestum et bene literatum, cujus mensa communis fuit sibi cum pauperibus, ut viderentur invitati convivae non alimoniae quaestores. Hunc vocavit Dominus per regem Hungariae, per clerum et populum, ad archiepiscopatum Strigoniae. Hujus mihi vitam et mores post archiepiscopatum narravit Hugo vir a Cenomanno natus et Acrensis episcopus (изъ Acerno или Agriensis?). См. о Walter'ѣ Map'ѣ и его сочиненіи Phillips, Walter Map etc. Sitzungsber. d. Wien. Akad. d. Wiss. (1853), B. X, S. 319—399, особ. 331.

[2]) См. грам 1158 года у Knauz, Monum. eccles. Strigoniensis, Strig. 1874, p. 114—115, Nr. 86. Почему онъ въ 1161 году титулуется Strigon. ecclesiae vocatus *electus* — см. Hannenheim, o. c., S. 50, n. 98.

Изъ дошедшаго до насъ письма этого архіепископа къ вышеназванному архіепископу зальцбургскому Эбергарду обнаруживается, что онъ не только находился въ близкихъ отношеніяхъ и подъ вліяніемъ послѣдняго, но и прямо слѣдовалъ его внушеніямъ. Тогда уже почтенный старецъ Эбергардъ, преемникъ намъ извѣстнаго, тоже нѣкогда влiятельнаго и въ Угріи архіепископа зальцбургскаго Конрада, отличался, по свидѣтельству своихъ современниковъ и соотечественниковъ, высокими достоинствами—какъ истинно христіанскій пастырь, церковный дѣятель и человѣкъ, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и высокою, безупречною репутаціей [1]). Изъ нѣмецкаго высшаго духовенства онъ почти единственный призналъ законнымъ папой Александра и уклонился отъ участія въ павійскомъ соборѣ, вернувшись съ дороги и сказавшись больнымъ [2]), потому, что во́ время узналъ или предугадалъ характеръ этого собранія. Не смотря на свое искреннее желаніе избѣгнуть разрыва съ Фридрихомъ, онъ однакожъ не поддался ни на какія его убѣжденія — Фридрихъ всячески старался и все надѣялся сломить его сопротивленіе—и остался непреклоненъ въ своемъ взглядѣ и рѣшеніи; между тѣмъ положеніе его въ виду его одинокости и обостренности отношеній папы Александра къ Германіи и Фридриху было очень трудное. Только высокій авторитетъ и исключительная репутація его останавливали Фридриха отъ рѣзкихъ и насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ нему. Его дѣятельность противъ схизматическаго папы (Виктора) развернулась еще болѣе и стала еще смѣлѣе съ присоединеніемъ къ сторонникамъ Александра—Франціи, Англіи и Испаніи. Понятно, какъ высоко цѣнилъ эту самоотверженную дѣятельность самъ Александръ III [3]).

О роли Эбергарда въ рѣшеніи церковнаго вопроса въ Угріи свидѣтельствуетъ во 1-хъ письмо къ нему Луки Банфи, въ кото-

---

[1]) Rahew., G. F., IV, 83, (73), p. 272.

[2]) Ibid., p. 271—272.

[3]) Срв. о роли Эбергарда: Prutz, o. c., S. 268—270 и Huber, Gesch. Oesterr. I, S. 256—257 и слѣд.; въ спеціальной монографіи Schmidt'a, Die Stellung der Erzbischöfe u. d. Erzstiftes von Salzburg zur Kirche und Reich unter K. Friedrich I, Archiv. f. österr. Gesch. B. 34. Wien, 1865, S. 6—59. Объ отношеніяхъ къ Угріи S. 26—28.

ромъ этотъ послѣдній, выражая свое глубокое уваженіе и удивленіе стойкости, пастырской энергіи и другимъ христіанскимъ добродѣтелямъ Эбергарда, уже давно его приковавшимъ къ нему, заявляетъ о преданности своей, о покорности его, Эбергарда, авторитету и готовности доказать это на дѣлѣ, и сообщаетъ наконецъ о томъ, что ему удалось склонить короля Гейзу къ тому, чтобы папа Александръ былъ признанъ всею угорскою церковью, о чемъ уже и извѣщенъ Александръ письмами [1]).

Это письмо, какъ вполнѣ ясно изъ содержанія, было вызвано настоятельными побужденіями и совѣтами Эбергарда — послѣдовать его примѣру и стать на сторону права противъ схизматическаго папы. Оно такимъ образомъ вполнѣ освѣщаетъ тѣ условія, при которыхъ состоялось рѣшеніе Угріи въ этомъ вопросѣ. Что касается времени этого посланія, то хоть и нѣтъ въ этомъ отношеніи достовѣрнаго и прямого указанія, — однакожъ съ вѣроятностью можно относить его ко второй половинѣ 1160 года, ибо тѣ грамоты къ папѣ Александру съ признаніемъ его — со стороны Гейзы и архіепископа, о которыхъ говорится въ нашемъ письмѣ, были отправлены по всей вѣроятности не ранѣе, а послѣ неудавшейся миссіи епископа Даніила (весной 1160 года). Однакожъ отношенія Угріи въ этомъ дѣлѣ къ архіепископу зальцбургскому еще ближе выясняются изъ письма къ нему самого Гейзы, которое по всѣмъ признакамъ слѣдовало вскорѣ за тѣмъ письмомъ Луки Банфи и должно быть отнесено всего скорѣе къ концу 1160 г., или — самое позднее къ началу 1161-го [2]). Въ этомъ письмѣ король угорскій, выражая полное почтеніе Эбергарду, обѣщаетъ ему свое заступничество противъ гнѣва императора Фридриха, прося его вмѣстѣ съ тѣмъ обуздать нѣкаго Ф. (Фридриха) изъ Птуя (Pettau) и всякаго другого, кто станетъ безпокоить угорскую

---

[1]) Издано письмо у Tengnagel, Vetera Monum. advers. schisimat. (1612, ср. Nr. 70) и друг.; извлеченіе у Fejér, II, 160—161; онъ слѣдуя Hansiz'у (Germania Sacra, II) относитъ его къ 1161 году, но едва-ли съ какимъ-либо уважительнымъ основаніемъ.

[2]) Wenzel, Mon. Dipl. XI, Nr. 57, p. 102 — относится къ 1161 г., но по ходу всей этой исторіи — вѣрнѣе его относить къ 1160. Срв. о времени этихъ писемъ Schmidt, o. c., Archiv. f. oest. G. B. 34, S. 27 и 132, гдѣ мы находимъ приблизительно то же опредѣленіе.

землю [1]). Тутъ, какъ и въ послѣдовавшемъ отвѣтѣ Эбергарда, заключающемъ его благодарность и изъявленія глубокаго почитанія королю, рисуются весьма реліефно вышеупомянутыя отношенія. Гейза сперва напоминаетъ Эбергарду дружественный и услужливый относительно Угріи образъ дѣйствія его предшественниковъ, а затѣмъ выражаетъ желаніе сохранять нерушимо эту установившуюся издавна дружбу, которая де особенно должна оказаться прочною въ годину церковной смуты [2]). Зальцбургскій пастырь въ свою очередь припоминаетъ прежнюю искренность ихъ взаимныхъ довѣрчиво-дружественныхъ отношеній, основанныхъ на мирномъ договорѣ, заключенномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ между Угріей и зальцбургской эпархіей при посредствѣ нѣкаго графа (Wolfh.) [3]) и другихъ угорскихъ уполномоченныхъ; эта дружба была де нарушена съ обѣихъ сторонъ преступленіемъ злыхъ людей, но не сомнѣвайтесь, говоритъ онъ, что это было сдѣлано противъ нашего желанія. Далѣе онъ выражаетъ свою радость и благодарность за то, что король угорскій возстановилъ добрыя отношенія и выступилъ теперь защитникомъ церковной правды и папскаго престола [4]).

---

[1]) Wenzel, ibid. ...Si ergo in pari amicicie soliditate volueritis consistere, animum Imperatoris adversum vos exasperatum, et cujuslibet alterius potentis, nostro suffragio poteritis tolerare. Preterea si nostram amiciciam nolueritis tepescere, sed potius roborare, F. de Pettowe, et quemlibet alium terram nostram perturbantem graviter corripere non differatis (что Ф.=Фридрихъ выясняется изъ современныхъ документовъ).

[2]) Ibid.: Vestre nullatenus credo latere prudentie, qualiter antecessores vestri nostris predecessoribus et nobis, et amicicie fidem servaverint, et prout amicicie norma et ratio postulabat, dignum semper exhibuerunt servitium.... amiciciam inter nostros priores inchoatam eo propensius volumus intemeratam servare; quanto in fide Ecclesie, dum navicula Petri fluctibus persecutionum quatiebatur, cognovimus firmiorem....

[3]) Какъ полное имя этого графа (сокращ. Wolfh.), не знаемъ; иные читаютъ Wolfardus и Wolfradus, но безъ особеннаго основанія. Кажется всего вѣроятнѣе это—графъ Walferus или Wolferus, котораго встрѣчаемъ у Fejér, II, a. 1157, p. 144, быть можетъ изъ рода того *Volphgerus*, о которомъ говоритъ и Туроцій, какъ о переселившемся изъ Германіи при воеводѣ Гейзѣ (dux G.), а не королѣ. Thurocz, cap. XI, p. 106 (de Alamania.... intravit) и Chron. Bud., p. 47. Срв. Hannenheim, o. c., S. 23.

[4]) Wenzel, ib., Nr. 58, p. 103: Meminerit Excellentia vestra, si meminisse placet, ante aliquos annos per beata memorie Wolfh. Comitem et alios nuncios vestros, inter Ecclesiam nostram et Regnum vestrum firmatam fuisse amici-

Итакъ оказывается, архіепископы зальцбургскіе, какъ сосѣди Угріи, издавна старались поддерживать дружественныя съ ней отношенія, встрѣчая такое же стремленіе и съ ея стороны; это было обусловлено прямыми политическими ихъ интересами, желаніемъ оградить себя отъ пограничныхъ столкновеній, обезпечить окраины своей земли, а со стороны Зальцбурга — еще и интересами другого рода: именно притязаніемъ оказывать вліяніе на внутреннія дѣла угорскія, т. е. главнымъ образомъ поддерживать тамъ римскую церковь и латинство [1]). И дѣйствительно, такая цѣль достигалась. Слуги Рима и папства въ Угріи находили себѣ, судя по всему, что мы знаемъ, сильную нравственную поддержку въ зальцбургскихъ архіепископахъ, тѣмъ болѣе, что эта каѳедра замѣщалась въ тѣ времена такими выдающимися дѣятелями, какими были Конрадъ и Эбергардъ, а эти послѣдніе оказывали могущественное вліяніе на положеніе угорской церкви и на торжество въ ней латинства и папства.

Изъ вышеприведенной переписки видно, что въ правленіе Гейзы, быть можетъ не задолго до начала церковной смуты, миръ на угро-зальцбургской границѣ былъ нарушенъ со стороны *нѣмецкой* нѣкимъ Фридрихомъ Птуйскимъ, совершившимъ вѣроятно грабительскій наѣздъ въ угорскую землю и этимъ вызвавшій быть можетъ и месть со стороны Угровъ, какъ можно заключить изъ отвѣта архіепископа [2]). Гейза не хочетъ разрыва, но проситъ Эбергарда обуздать нарушителя мира, что вѣроятно и было исполнено имъ, хоть онъ и уклончиво отвѣчаетъ на это.

Итакъ вотъ главнымъ образомъ, какими условіями и вліяніями опредѣлилось отношеніе Угріи къ церковному расколу. Замѣтимъ

---

tiam etc... Quod quidem propter malorum hominum utrobique incursancium presumpcionem turbatum est; sed tamen contra nostram voluntatem factum esse, vestre debet constare Excellencie etc. etc.... Этотъ отвѣтъ относится къ нач. 1161 года. Срв. Schmidt, o. c., S. 132.

[1]) У насъ есть еще и другое соврем. свидѣтельство о давнихъ близкихъ покровительственныхъ отношеніяхъ *архіепископа зальцбургскаго* къ угорскому королевскому дому: о нихъ говоритъ сестра Гейзы Софія, бывшая невѣста конрадова сына въ своемъ письмѣ къ Конраду архіеп. зальцбургскому о рѣшеніи своемъ поступить въ Адмонтскій монастырь (1146). См. въ ея письмахъ въ Mittheil. d. Instit. für oesterr. Geschsforsch., II Erg.-B., II H., (1888), S. 377: Fidem namque et misericordiam quam meis hucusque progenitoribus a vobis conservari agnovi... См. ниже Приложеніе II, стр. XLV.

[2]) Wenzel, ibid., см. предыдущій текстъ.

еще, что и все населеніе Угріи должно было въ концѣ концовъ отнестись одобрительно къ признанію папы Александра, т. е. что римско-католической паствѣ могли въ извѣстномъ смыслѣ сочувствовать въ этомъ случаѣ и наиболѣе многочисленные въ Угріи приверженцы старой вѣры и восточнаго обряда, ибо на сторону того же папы сталъ въ 1161 году и глава восточно-христіанскаго міра, императоръ византійскій Мануилъ — не смотря на попытку императора Фридриха перетянуть его на сторону Виктора [1]).

Мы сказали выше, что не могъ не укрѣпить Гейзу на избранномъ имъ пути и результатъ *тулузскаго собора*, на которомъ послѣдовало признаніе папы Александра со стороны Франціи и Англіи. Подтвержденіе этого факта мы дѣйствительно находимъ въ сношеніяхъ Гейзы съ королемъ Людовикомъ французскимъ по дѣлу схизмы и возникшихъ оттуда международныхъ отношеній, — сношеніяхъ, свидѣтельствующихъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ, съ какою рѣшительностью и энергіей выступалъ теперь угорскій король въ роли противника церковной схизмы и ея виновника и защитника Фридриха. Дошедшее до насъ письмо Гейзы къ Людовику, время написанія котораго намъ неизвѣстно и которое скорѣе могло быть писано послѣ тулузскаго собора, хотя могло и предшествовать ему, очень любопытно и характеристично для политическаго настроенія Гейзы [2]). Посылая это письмо съ своимъ довѣреннымъ посломъ, нѣкимъ Осбертомъ, угорскій король оговаривается, что послалъ бы болѣе сановное лицо, но что путь (черезъ враждебную Германію) слишкомъ опасенъ [3]). Далѣе

---

[1]) О посольствѣ Фридриха въ Византію скоро послѣ павійскаго собора: Rachew., IV, 84 (74), p. 272—73. Безъ сомнѣнія чтобъ подкупить Мануила—возобновляются при этомъ переговоры объ южноиталіанскихъ дѣлахъ и планахъ противъ Вильгельма сицилійскаго. Папа Александръ III самъ тоже отправлялъ посольство къ Мануилу (Vita Alex., Ib. y Watterich'a, II), которое могло оказать на него вліяніе; но окончательно склонился Мануилъ на сторону Александра—уже въ 1161 г., безъ сомнѣнія главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Людовика французскаго, съ которымъ именно тогда произошло сближеніе и началась переписка—въ видахъ союза противъ Фридриха. Срв. о времени признанія Александра Мануиломъ Kap-Herr, a. c., Excurs IV, S. 152—155.

[2]) Du Chesne, Hist. Franc. script. IV, 578; Fejér, II, p. 163. Оно всего вѣроятнѣе относится къ зимѣ $116^{6}/_{7}$ г.

[3]) ... Mitto ad vos nuncium meum familiarem, et fidelissimum, Oabertum nomine, et maioris quidem dignitatis personam misissem; sed securum iter non patuit-

онъ извѣщаетъ о своемъ признаніи папы Александра и твердомъ рѣшеніи не измѣнять ему; онъ уже знаетъ о таковомъ же признаніи со стороны Людовика, съ которымъ, какъ оказывается, онъ сносился уже передъ этимъ [1]), но онъ всетаки проситъ еще дать ему знать, если король французскій твердо и непоколебимо намѣренъ оставаться вѣренъ названному папѣ. Въ такомъ случаѣ онъ де пошлетъ къ нему еще высокопоставленное лицо для подробнаго сообщенія своихъ намѣреній [2]). Наконецъ—что всего важнѣе — онъ предлагаетъ ему союзъ противъ Фридриха: онъ обѣщаетъ напасть на земли послѣдняго въ случаѣ, если Людовику будетъ что-либо угрожать съ его стороны, и ждетъ того же отъ своего друга и союзника [3]). —Если мы вспомнимъ о давно возникшихъ, еще въ 1147 году, во время второго крестоваго похода, дружественныхъ связяхъ между королями Гейзой и Людовикомъ, то обновленіе этихъ связей теперь —при возникшей враждебности съ обѣихъ сторонъ къ западному императору, становится вполнѣ естественнымъ; вышеотмѣченное обѣщанное Гейзой заступничество архіепископу зальцбургскому противъ Фридриха находится очевидно въ связи съ союзомъ, предложеннымъ Людовику. Тогда уже подготовлялась противъ императора Фридриха коалиція державъ— сторонницъ папы Александра, въ которой особенно интереснымъ явленіемъ было состоявшееся на той же почвѣ, но съ политическими цѣлями еще въ 1161 году сближеніе Франціи съ Византіей (переписка Мануила съ Людовикомъ) [4]). Но Гейзѣ не суждено было

---

[1]) Ego vero... Alexandrum, quem universalis Ecclesia, et Vestrae Regiae dignitatis auctoritas confirmavit, et confirmatum recepit, sicut per nuncios meos mandastis, confirmari, recepi, et ab hoc nullo modo dissentire proposui. Это мѣсто, но, какъ мы показали, безъ достаточнаго основанія, давало поводъ нѣкоторымъ думать, что тулузскій соборъ повліялъ прежде всего на рѣшеніе Гейзы.

[2]) Ibid. ...Ego etenim aliquem de maioribus meis tunc vobis mittam, et per eum voluntatis meae plenitudinem significabo.

[3]) Ib.: Notum itaque vestrae fraternitatis amicitiae firmiter facio, quatinus, si praedictus Imperator vobis, aut Regno vestro aliquid mali machinari voluerit; ego regnum eius in manu forti devastando aggrediar. Hoc idem a vobis, tanquam ab amico, confidenter expectans Срв. объ этомъ письмѣ Гейзы: Philippson, Gesch.Heinrichs d. Löwen. II B., S 8—9 и 407—408.

[4]) Эту переписку см. у Du Chesne, ib. IV; Bouquet, Rerum Gallic. et Francorum Scriptores, XVI. Срв. Kap-Herr, ib. S. 152 и сл. также Muralt, I, p. 179.

быть свидѣтелемъ дальнѣйшаго развитія церковныхъ и политическихъ отношеній Европы, ибо дни его уже были сочтены...

Заботы объ обезпеченіи международнаго положенія Угріи — вслѣдствіе нарушенія добрыхъ отношеній къ могущественному западному сосѣду по поводу схизмы—были повидимому послѣдними государственными заботами Гейзы. Къ сожалѣнію источники не сообщаютъ ничего объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть угорскаго короля, и о причинахъ этой преждевременной смерти [1]). Королю не могло быть болѣе 30 лѣтъ, слѣдовательно онъ только вступалъ въ лучшую, цвѣтущую пору жизни и не достигъ еще полной зрѣлости.

По согласнымъ свидѣтельствамъ угорскихъ источниковъ (и одного иноземнаго), достовѣрность которыхъ не могутъ поколебать нѣкоторыя очевидно неточныя или просто ошибочныя показанія нѣсколькихъ иностранныхъ лѣтописей и хроникъ, Гейза умеръ 31 мая 1161 г. (что приходилось въ среду), процарствовавъ 20 лѣтъ, 3 мѣсяца и 15 дней, какъ отмѣчаютъ тѣ же угорскіе источники и какъ дѣйствительно оказывается по расчету, если считать съ 16-го февраля 1141 года, дня коронованія Гейзы [2]). Тѣло его было похоронено

---

[1]) Только изъ нѣсколькихъ словъ Никиты Хонскаго, что Гейза „умеръ смертью спокойною и что сама природа разстроила гармонію настроеннаго ею иструмента и разобрала его на составныя части", можно заключить, что смерть была вѣроятно дов. быстрая, и безъ особенныхъ страданій. Nic. Chon., l. IV, p. 165: ...καὶ ὁ θάνατος ἥμερος, τῆς φύσεως etc....

[2]) Thurocz, c. 61, p. 182 (M. Chr., c. 71, p. 98): Regnavit autem annis viginti, mensibus tribus, diebus quindecim. Migravit autem ad Dominum anno Domini MCLXI pridie Kalendas Junii feria quarta; cujus corpus Albae quiescit. То же и въ Chron. Budens. (ed. Podhradczky) p.187, съ тою разницей, что въ опредѣленіи времени царствованія очевидно ошибкою diebus *undecim* вм. quindecim. 31 мая 1161 г. дѣйствительно приходится въ среду. Срв. Grotefend, Handb. d. hist. Chronologie (Hann. 1872), S. 170.—Muglen, k. LII (Kovachich, o. c., S. 77) не означаетъ дня смерти, но отмѣчаетъ ту же продолжительность правленія: ...„der kunig geyse waz zweintzig iar gewaldig drew monad und funfzehen tag..." Ту же дату 31 мая находимъ въ Necrologium Salzburg. (монаст. Св. Петра), изд. A. von Meiller, см. Archiv z. Kunde oesterr. Gesch.-Quell. B. 19 (1858), 250, 377: 31 Mai—Geutse Ungarorum rex. На тотъ же 1161 годъ находимъ указаніе у Gerhoh Reichersberg.: „De investigatione antichristi"; авторъ писалъ свой трудъ въ концѣ 1161 и нач. 1162 года, и ему уже извѣстно не только о смерти Гейзы, но и о вступленіи на престолъ Владислава, а потомъ и Стефана. См. Archiv. f. Kunde oest. Gesch. B. 20, S. 171; 1161 годъ — какъ годъ смерти Гейзы, оправдывается и современными угорскими грамотами и до-

въ обычномъ мѣстѣ погребенія угорскихъ королей, въ Стольномъ Бѣлградѣ [1]).

Глубокое и тягостное впечатлѣніе должна была произвести въ Угріи неожиданная смерть молодого, еще полнаго силъ государя. Правда, своею западническою политикой, своимъ потворствомъ всякимъ иноземнымъ вліяніямъ, слабостью къ иностранцамъ [2]) и уступками латинству и Риму [3]), особенно усилившимися въ послѣдній періодъ его правленія, Гейза не могъ не утратить значительной доли той популярности въ народѣ, а отчасти и въ обществѣ, какою онъ пользовал-

---

кументами. Въ пользу того же свидѣтельствуетъ находящееся въ одномъ письмѣ конца 1161 г. (ер. Burchardi Notarii ad Nicolaum abbatum Sigburgensem, Sudendorf, Regist. II, 138 и Chron. Regia Coloniens a 1161 (шк. изд. 1880, p. 108); еще срв. Fechner, Udalrich II von Aquilea u. Otto v. Reitenbuch, Archiv f. K. oest. Gesch. (1858), B. 21, S. 303) извѣстіе о мирѣ Византіи съ Угріей *на 5 л.*, относящемся безъ сомнѣнія ужъ не къ правленію Гейзы (Grecus cum Ungaro treugam fecit per quinquennium). Всего вѣроятнѣе—это было по вступленіи на престолъ Владислава, если только вообще это извѣстіе заслуживаетъ вѣры. Неточно относятъ смерть Гейзы къ 1162 г. An. Contin. Admunt. (P. SS IX, 583), Contin. Claustroneoburg. II (P. SS. IX, 615) и еще друг. Совсѣмъ невѣрно относ. къ 1163 г. Rachew. Appendix. (ed. schol., 277) и Auct. Aquic. (P. SS. VI, 398), и къ 1172 совсѣмъ въ хронологіи несостоятельный Chronicon Posoniense. Endlicher I, p. 57: XCLXXII. Geyza rex appositus est ad patres suos et filius eius Stephanus corona insignitur.

[1]) Thurocz (M. Chr.) и Chron. Bud. ib., (cujus corpus Albe quiescit). H. Muglen, o. c., kap. LXX, p. 77. (kunig geyse... starb und leyt begraben tzu weyssenburg).

[2]) Не говоря уже о нѣмецкой колонизаціи въ Трансильваніи, при Гейзѣ преселилось въ Угрію не мало нѣмецкихъ рыцарей и искателей приключеній. Между прочимъ къ концу царствованія Гейзы относится переселеніе трехъ братьевъ рода *Keleed*, Стефана, Владислава и Григорія, племянниковъ Мишенскаго маркграфа (сына графа Герфорда): Стефанъ бѣжалъ въ Угрію вмѣстѣ съ своимъ родомъ и съ 60 рыцарями, убивъ на одномъ собраніи во Франкфуртѣ Тюрингенскаго ландграфа, и былъ Гейзой радушно принятъ и одаренъ землями. Thurocz, c. 20, p. 110 (M. Chr., c. 27, p. 27).

[3]) Такъ въ концѣ его царствованія (1159) папа присвоилъ себѣ право, прежде ему не принадлежавшее и отнятое у угорскаго короля,—самовластно смѣщать и перемѣщать епископовъ въ угорскихъ владѣніяхъ. Это свидѣтельствуется привилегіей сына Гейзы Стефана (1169), подтверждающей эти папскія права,утвержденныя Гейзой. Срв. Fessler, ib. S. 235, пр. Такъ было напр. съ смѣщеніемъ въ 1161 г. сплѣтскаго архіепископа. Срв. Klein, S. 259. Но повидимому въ этомъ была опять сдѣлана уг. королю уступка папой Александромъ, какъ объ этомъ находимъ извѣстіе въ писанномъ въ концѣ 1161 г. письмѣ императорскаго нотарія Бурхарда къ Николаю аббату Сигбургскому о его миссіи (сам. нач. 1161 г.) въ Аквилею, Зальцбургъ и Угрію. Sudendorf, Registrum, II, S. 138: „Ungaro etiam privilegium contulit (т. е. папа Александръ), ut ipse pallia archiepiscopis Ungarie concedat et det, quotiens eliguntur, et episcopi et clerici illi nisi pro sua voluntate et per se cum Romanis agere non habeant".

ся въ началѣ своего царствованія, въ эпоху войны съ Нѣмцами, сближенія съ Русью и Сербіей, въ эпоху силы и вліянія бана Бѣлуша и королевы Евфросиньй. Но тѣмъ не менѣе Угрія привыкла видѣть въ немъ заботливаго и энергическаго стража и хранителя ея государственной независимости и цѣлости, умѣвшаго во всякомъ случаѣ защищать се отъ явныхъ посягательствъ могущественныхъ сосѣдей, т. е. обѣихъ имперій, не перестававшихъ такъ или иначе, мечемъ или политическимъ вмѣшательствомъ и интригой, пробивать себѣ путь къ осуществленію своихъ имперскихъ притязаній; а потому преждевременная смерть его должна была всѣхъ смутить и возбудить во многихъ справедливыя опасенія относительно будущаго.

Наступилъ благопріятный моментъ для враговъ Угріи, для бывшихъ враговъ и соперниковъ Гейзы. Старшему сыну и наслѣднику Гейзы Стефану было не болѣе 13 лѣтъ (род. въ 1147 году), и его положеніе на престолѣ тотчасъ же не могло не оказаться шаткимъ и ненадежнымъ, такъ какъ виновники недавней смуты при его отцѣ, его родные дяди не дремали и, будучи поддержаны могущественнымъ своимъ покровителемъ—византійскимъ императоромъ, не замедлили выступить претендентами на престолъ, противъ своего племянника. Такимъ образомъ смерть Гейзы сразу ввергла Угрію въ несчастный омутъ внутреннихъ возмущеній, междоусобій, политическихъ интригъ и — благодаря этому — неизбѣжныхъ опасностей извнѣ. Это были конечно прямыя послѣдствія его ненаціональной и потому непопулярной политики.

Гейза, не смотря на то, что смерть постигла его еще въ молодые годы, оставилъ довольно многочисленное семейство. У него было четыре сына и нѣсколько дочерей, но все — малолѣтніе, ибо старшему Стефану было не болѣе 13 лѣтъ при смерти отца; остальные сыновья по старшинству, какъ ихъ отмѣчаютъ хроники, были: Бѣла, Арпадъ и Гейза [1]). Изъ нихъ объ Арпадѣ мы не находимъ никакого упоминанія въ дальнѣйшихъ историческихъ извѣстіяхъ, изъ чего

---

[1]) Chron. Buden., ib., p. 187: ...et genuit quatuor filios, scilicet Stephanum, et Belam, Arpad, atque Geysam (то же въ Chron. M. Varadin.); Muglen, c. LII, p. 77: und hett vier sun Stephanum, belam, arpadanum und geysam...Гейза у Нѣмцевъ назывался Gothard.

можемъ заключить, что онъ умеръ въ дѣтствѣ или отрочествѣ, быть можетъ еще при жизни отца или въ царствованіе брата Стефана. По существовавшему въ Угріи обычаю король назначалъ каждому сыну своему (съ малолѣтства) извѣстный удѣлъ, т. е ту или другую область, которую онъ и получалъ въ пользованіе и управленіе по достиженіи совершеннолѣтія. Такими удѣлами владѣли въ свое время и братья Гейзы, Стефанъ и Владиславъ, но лишились ихъ: первый—вслѣдствіе произведенной смуты, а второй—вмѣстѣ съ удаленіемъ изъ отечества. Безъ сомнѣнія и Гейза при жизни назначилъ своимъ сыновьямъ удѣлы, но къ сожалѣнію никакого прямого извѣстія объ этихъ назначеніяхъ не имѣется. Относительно Бѣлы этотъ вопросъ болѣе или менѣе разъясняется впослѣдствіи. Старшая дочь Елизавета, слѣдовавшая повидимому непосредственно послѣ Стефана и родившаяся не позже $1148/9$ года, какъ мы видѣли, была съ 1157 г. невѣстой старшаго сына кор. Владислава II чешскаго, Фридриха [1]. Затѣмъ слѣдовали Одола или Hulicha впослѣдствіи за мужемъ за другимъ сыномъ Владислава — Святополкомъ [2], и Елена, вышедшая гораздо позже за герцога австрійскаго Леопольда V, сына Генриха Язомирготa [3]. Наконецъ есть указаніе еще объ одной дочерѣ Гейзы, Маргаритѣ [4].

---

1) См. выше, стр. 96, 214—215.

2) Pulkava, Chron.: ad. a. 1164 (см. Dobner, Monum. III, p. 186 и Font. Rer. Bohem.) называетъ ее *Одолой*; Chron. Vincent. a. 1164 не называетъ ее по имени (alteram filiam reginae). Откуда взято стар. авторами имя *Hulicha* (Helicha) (см. Schier, o. c., p. 117, Katona, H. cr. III, p. 744, а ихъ повторяютъ другіе), намъ неизвѣстно.

3) Cont. Claustroneoburg. secunda, ad. a. 1174 (Pertz, SS. IX, 616) и др., см. Schier, p. 116.

4) Она была женою Сюмегскаго графа Андрея по грам. Инокентія III отъ 1208 года, Fejér, C. D. III, v. 1, p. 57, см. Pray, Dissert. de Prioratu Auranae, p. 106), у Fessler'a o. c., S. 218, прим.; срв. Szalay, o. c., S. 305.

II.

Преемники Гейзы и Византія.

I. Смутное время: 1161—1164 г.

Стефанъ Гейзичъ вступилъ на престолъ угорскій не многимъ старше, чѣмъ отецъ его. Несовершеннолѣтній король нуждался въ опекѣ, государство въ регентствѣ. Извѣстій о послѣднемъ не дошло до насъ, но не можетъ быть сомнѣнія, что оно состояло изъ королевы-матери Евфросиньи, которой впрочемъ едва-ли предоставлялась активная роль, и высшихъ сановниковъ государства, т. е. архіепископа остригомскаго и графа палатина. Первымъ былъ Лука Банфи; кто былъ тогда вторымъ съ полною достовѣрностью сказать не можемъ [1]).

Мы видѣли, что дядя Гейзы бывшій банъ Бѣлушъ, по оставленіи сербскаго престола въ 1159 году, по свидѣтельству Киннама, опять вернулся въ Угрію [2]); нѣсколько позднѣе, какъ увидимъ, онъ снова принимаетъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, впрочемъ повидимому только при Стефанѣ IV. Вѣроятно онъ вернулся въ Угрію

---

[1]) Только никакъ не *Діонисій*, какъ думаетъ Klein, S. 260, ибо онъ не значится въ этой должности въ современныхъ актахъ и выступаетъ позже, а вѣроятно заступившій Бѣлуша еще при Гейзѣ, т. е. или банъ *Appa* (док. 1158 г. Fejér, II, p. 154—55), или гр. *Генрихъ*, бывшій палатиномъ въ 1162 г. (Fejér, ib. p. 164). Впрочемъ и графъ Діонисій былъ лицомъ приближеннымъ при Стефанѣ Гейз., какъ видно изъ одного документа, см. Cod. Diplom. Patrius Hung. T. VI, p. 3. Nr. 2—ок. 1162.

[2]) Cinn., l. V, p. 204.

раньше, но при Стефанѣ III въ управленіи государствомъ очевидно роли не игралъ. Онъ оставался безъ сомнѣнія лично преданъ королевскому дому; но слѣдовъ особенно дѣятельнаго его участія въ послѣдовавшихъ смутахъ и междоусобіяхъ не имѣется. Къ братьямъ Гейзы по старымъ связямъ и отношеніямъ наставничества онъ стоялъ ближе, чѣмъ къ дѣтямъ послѣдняго и къ юному королю, котораго быть можетъ даже успѣли еще при жизни Гейзы настроить противъ него. Все заставляетъ насъ думать, что какъ Стефанъ Гейзичъ, такъ и мать его Евфросинья находились всецѣло въ рукахъ той партіи, которая была во власти при Гейзѣ, и главнымъ образомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ высшаго римско-католическаго духовенства, т. е. прежде всего архіепископа Луки Банфи. Евфросинья въ душѣ едва-ли могла особенно сочувствовать этимъ опекунамъ своего сына; но изъ любви къ нему и ради защиты его правъ и интересовъ, противъ которыхъ готовы были подняться оппозиціонные элементы съ дядьями короля—какъ претендентами—во главѣ, она невольно подчинялась вліянію этой клики, и роковымъ образомъ оказывалась въ томъ лагерѣ, съ которымъ находились въ такомъ противорѣчіи ея русское происхожденіе и греческая вѣра.

Угорскія домашнія историческія повѣствованія, т. е. хроники, какъ мы видѣли, покинули насъ еще на половинѣ царствованія Гейзы [1]). Съ этихъ поръ до начала XIII вѣка эти угорскіе источники, почти безъ исключенія, представляютъ бѣлую страницу, ограничиваясь лаконическимъ обозначеніемъ сроковъ вступленія на престолъ и смерти королей съ упоминаніемъ о мѣстѣ ихъ погребенія и изрѣдка съ присоединеніемъ самыхъ скудныхъ замѣчаній о дѣлахъ ихъ управленія. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ одна только хроника Генриха Мюгельнскаго, заключающая нѣсколько цѣнныхъ и повидимому достовѣрныхъ извѣстій для смутной эпохи по смерти Гейзы. Современные документы и акты, не особенно многочисленные, бросая иногда свѣтъ на внутренніе порядки и домашнюю, главнымъ образомъ церковно-благотворительную дѣятельность королей Угріи и ихъ подданныхъ, даютъ очень мало для внѣшней и вообще полити-

---

[1]) Послѣднее извѣстіе Туроція (с. 66, p. 182) касалось похода Гейзы на Русь осенью 1151 г. См выше, стр. 173.

ческой исторіи Угріи за это время. Къ счастію этотъ пробѣлъ въ домашнихъ источникахъ щедро восполняется, какъ и при Гейзѣ, источниками иностранными, на которыхъ изслѣдователь и принужденъ сосредоточивать все свое вниманіе, пользуясь ими конечно во всеоружіи строгой критики. Между ними опять первое мѣсто принадлежитъ византійскимъ историкамъ (Киннаму и Никитѣ Хонскому), что и естественно — въ виду того, что весь интересъ событій этой эпохи въ Угріи концентрируется въ угро-византійскихъ отношеніяхъ и войнахъ, обусловленныхъ наступательной политикой Мануила относительно Угріи. Самое вступленіе на престолъ Стефана Гейзича и послѣдующія смутныя событія отмѣчены, какъ и все прочее, въ главныхъ угорскихъ хроникахъ немногими незначительными словами [1]). Все, что мы знаемъ объ этомъ, мы почерпаемъ изъ византійскихъ и отчасти западныхъ источниковъ [2]).

Мы замѣтили выше, въ какомъ опасномъ и критическомъ положеніи очутился юный король Стефанъ тотчасъ по вступленіи на престолъ лицомъ къ лицу передъ грознымъ союзомъ своихъ домашнихъ соперниковъ съ сильнѣйшимъ внѣшнимъ врагомъ своимъ. Съ юга, изъ Византіи, гдѣ дядья его, Стефанъ и Владиславъ, нетерпѣливые предъявить свои непризнанныя права и выместить на племянникѣ злобу къ покойному брату, заключали сдѣлку съ предпріимчивымъ и хитрымъ Мануиломъ,—оттуда надвигались уже страшныя тучи — и ничто не могло предотвратить грозы... Но развѣ Стефанъ Гейзичъ не былъ вполнѣ законнымъ преемникомъ своего отца, развѣ не могла подняться для защиты его престола вся земля угорская противъ опаснаго врага, посягавшаго на ея независимость, и противъ опиравшихся на него двухъ измѣнниковъ отечеству? Вѣдь

---

1) Thurocz, c. 67, p. 182 (M. Chr., p. 98): Loco ejus coronatur Stephanus filius ejus, et regnavit annis undecim, mensibus novem, dietus tribus. In cujus Imperio Dux Ladislaus filius Regis Belae coeci usurpavit sibi coronam dimidio anno... Дословно также въ Chron. Budens., Podhr., p. 187.— Sim. Kesa, Endlicher, p. 119: Post istum Stephanus frater suus coronam usurpat mensibus V et diebus V tandemque devincitur etc... Chron. Poson. Endl., p. 57 (ошибочно подъ 1172 г.): Geysa rex appositus est ad patres suos et filius eius Stephanus corona insignitur. Ladizlaus et Stephanus fratres Geyze regis de grecia revertentes Ungariam intraverunt et supradicto Stephano corona privato Ladizlaus in regem elevatur.

2) Подробнѣе объ источникахъ см. Приложеніе I.

Угріи не первый разъ приходилось отражать такую силу. Вѣдь Мануилъ поддерживалъ и Бориса Коломановича, и Угрія успѣшно защищалась... Почему же теперь положеніе стало такъ опасно?

Не говоря уже о томъ, что у престола теперь не было такого надёжнаго и мощнаго стража, какимъ былъ банъ Бѣлушъ при юномъ Гейзѣ, и что король находился въ рукахъ непопулярной партіи слугъ римской куріи и латинскаго запада, были тутъ очевидно и особенныя причины, которыя разгадать не такъ трудно. Дѣло въ томъ, что дядья Стефана выступали не просто искателями приключеній, а претендентами, признававшими за собой извѣстныя опредѣленныя права, которыя не отрицались и народомъ въ Угріи, и потому Мануилъ не даромъ расчитывалъ на успѣхъ, принимая на себя выгодную роль возстановителя этихъ правъ. Какія же были эти права? Это были права *родового старѣйшинства*, права дядей надъ племянниками, заявляемыя очевидно благодаря еще неустановившемуся въ Угріи новому принципу престолонаслѣдія (по первородству), какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ факты предшествующей угорской исторіи и какъ на это указываютъ и современныя извѣстія.

Въ угорскомъ государствѣ, первоначально и долго развивавшемся на основахъ славянскаго государственнаго быта и лишь постепенно проникавшемся элементами западноевропейскаго политическаго строя и феодализма, вошелъ издревле въ обычай и усвоился понятіями народа порядокъ престолонаслѣдія, основанный на господствовавшихъ у Славянъ родовыхъ началахъ, т. е. на родовомъ старшинствѣ, вытекавшемъ изъ большей близости къ родоначальнику; по этому принципу государю по его смерти наслѣдовали не сыновья, а братья, за младшимъ изъ которыхъ слѣдовалъ старшій племянникъ; такой порядокъ господствовалъ въ тѣ времена на Руси, держался еще и у другихъ Славянъ, и былъ, какъ извѣстно, одной изъ причинъ пагубной удѣльной системы, раздиравшей не одну русскую, но также и другія славянскія земли въ періодъ сложенія государства. Первоначальная исторія Угріи доказываетъ, что и тамъ издревле привился этотъ порядокъ наслѣдованія, хотя онъ съ самаго начала долженъ былъ выдерживать сильную борьбу съ иными понятіями и вліяніями. Достаточно припомнить нѣсколько примѣровъ изъ XI-го и первой половины XII вѣка. Андрею I наслѣдовалъ братъ Бѣла I, а не сынъ Са-

ломонъ, не смотря на всѣ старанія Андрея обезпечить престолъ за сыномъ. Отъ Гейзы I престолъ перешелъ къ его брату Ладиславу, а не сыну Коломану. Чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе было сопротивленіе королей этому принципу, и система престолонаслѣдія отъ отца къ сыну постепенно все болѣе пускаетъ корни и старается вытѣснить изъ общаго сознанія идею законности другого порядка, основаннаго на родовомъ старѣйшинствѣ. Въ XII в. Коломанъ борется противъ этого стараго принципа (которому ранѣе, по смерти отца, самъ долженъ былъ подчиниться) такъ ожесточенно, что поднимаетъ руку противъ брата Альмуша, чтобъ обезпечить престолъ за сыномъ Стефаномъ II. Борисъ, признававшій себя законнымъ сыномъ Коломана и братомъ Стефана, оспаривалъ престолъ у Бѣлы II на томъ же основаніи. Такимъ образомъ и въ занимающую насъ эпоху новый порядокъ не былъ еще утвержденъ ни обычаемъ, ни закономъ. Гейза былъ озабоченъ тѣмъ же, чѣмъ и его предшественники. Исторія, разыгравшаяся съ его братьями, какъ мы уже однажды замѣтили, была несомнѣнно въ связи съ раздорами, возникшими между ними и Гейзой по этому поводу. Когда Гейза умеръ, оставивъ престолъ своему сыну, вступленіе послѣдняго не могло не быть сочтено нарушеніемъ принципа старшинства — не только самими его дядьями, но и той частью общества и народа угорскаго, которая еще придерживалась старыхъ преданій и понятій.

Эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе и въ свидѣтельствѣ византійца Киннама, близко стоявшаго къ Мануилу и естественно поэтому усвоившаго себѣ мнѣніе о правахъ угорскихъ претендентовъ, дававшее оправданіе и рѣшенію императора помочь возведенію одного изъ нихъ на престолъ. Если Киннамъ говоритъ прямо, что „такъ какъ по смерти Гейзы на основаніи права — власть принадлежала одному изъ его братьевъ (ибо у Угровъ есть законъ, по которому корона всегда переходитъ къ остающимся братьямъ), то царь всячески старался возвратить ихъ въ отечество, между тѣмъ какъ Гейза, обойдя отеческій законъ, передалъ престолъ своему сыну“ [1]), то не слѣдуетъ этого понимать буквально, т. е. что

[1]) Cinn. l. V, p. 203: τότε τοίνυν ἐπειδὴ τοῦ Ἰατζᾶ τετελευτηκότος θάτερον τῶν ἀδελφῶν ἐπὶ τὴν ἀρχὴν ὁ τοῦ δικαίου ἐκάλει θεσμὸς (νόμος γὰρ οὗτος παρὰ τοῖς Οὔννοις ἐστὶν ἐπὶ τοὺς περιόντας ἀεὶ τῶν ἀδελφῶν τὸ στέφος διαβαίνειν),

таковъ былъ дѣйствительно *законъ*. Это былъ старый обычай или порядокъ — завѣтъ старины, который однако не только еще не забылся, но очевидно имѣлъ очень многихъ сторонниковъ — помимо лицъ, въ немъ прямо заинтересованныхъ, ибо еще не изгладились въ народѣ угорскомъ самыя понятія о родовыхъ отношеніяхъ и родовомъ старшинствѣ.

Но въ то время заинтересованная сторона (т. е. братья короля), сама по себѣ, опираясь только на домашнюю свою партію, уже не имѣла силы бороться съ новымъ порядкомъ, за которымъ всегда фактически стояла власть и матеріальная сила, а потому ея единственной надеждой могла быть внѣшняя помощь: и братья Гейзы безъ могущественной поддержки Мануила едва-ли могли бы чего-либо достигнуть, хотя-бы и пользовались сочувствіемъ и популярностью въ значительной части угорскаго народа. Зато эта популярность, обусловленная ненаціональною политикой Гейзы и несимпатичнымъ народу окруженіемъ юнаго Стефана, могла быть важнымъ союзникомъ Мануила, и онъ конечно не напрасно возлагалъ большія надежды на это обстоятельство.

Для Мануила наступилъ дѣйствительно благопріятный моментъ. Цѣль его стремленій относительно Угріи намъ достаточно извѣстна. Посадить на престолъ угорскій своего кандидата, на признательность и зависимость котораго онъ могъ расчитывать, было первымъ важнымъ шагомъ въ его задачѣ. Возмѣщеніемъ за эту поддержку должна была стать уступка Византіи какой-нибудь части угорской территоріи, на которую она особенно имѣла виды. Мы знаемъ, что̀ именно составляло прежде всего предметъ ея желаній: это были уже принадлежавшія ей въ прежнія времена области Срѣмъ съ Землиномъ и Далмація [1]). Далѣе Мануилъ расчитывалъ не только подчинить Угрію

κατάγειν τούτους εἰς γῆν τὴν πατρῴαν βασιλεὺς σπουδῆς εἶχεν. Ἰατζᾶς γὰρ τὸν πάτριον παριδὼν νόμον ἐπὶ τὸν υἱὸν τὴν ἀρχὴν διεβίβασεν. То же выражено у Nic. Chon., l. IV, p. 166 („ὡς δῆθεν εἰς ἀρχὴν δικαιούμενον...").

[1]) *Срѣмъ* (Sirmium=Frankochorion) или земля между Савой и Дунаемъ —ея западную границу точно опредѣлить затруднительно (срв. Píč, Der nation. Kampf. gegen d. Ung. Staatsrecht, S. 90—91) — была чрезвычайно важна для Византіи въ экономическомъ и торговомъ отношеніи. Съ нѣкоторыхъ поръ это былъ важный центръ торговыхъ сношеній (сухопутныхъ) востока съ западомъ и обратно *помимо Византіи*. Чтобъ избѣжать обременитель-

своему всестороннему вліянію, поставивъ ее въ положеніе вассальнаго государства, но со временемъ и въ данническое, и такимъ образомъ постепенно подготовить ея переходъ подъ власть имперіи. Разумѣется Мануилъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ женатаго на его племянницѣ и слѣдовательно болѣе ему преданнаго Стефана. Никита Хонскій достаточно ясно формулируетъ расчеты императора. Онъ де очень обрадовался представившемуся случаю, придя къ заключенію, что если престолъ угорскій перейдетъ къ его родственнику Стефану, то вопервыхъ это будетъ къ его славѣ, а вовторыхъ и римская имперія быть можетъ пріобрѣтетъ извѣстную дань и ужъ навѣрное получитъ въ безспорное владѣніе Землинъ и Франкохорій (т. е. Срѣмъ) [1]).

Къ дѣятельному вмѣшательству въ дѣла Угріи побуждали Мануила и тогдашнія его западноевропейскія, италіанскія отношенія, какъ извѣстно, принявшія совершенно новый оборотъ, не соотвѣтствовавшій его первоначальнымъ цѣлямъ и предположеніямъ. Его предпріятія и чувствительныя военныя неудачи въ южной Италіи кончились, какъ мы видѣли, разрывомъ съ старымъ византійскимъ союзникомъ — Германіей, съ Фридрихомъ Барбаруссой, и миромъ съ старымъ врагомъ—Норманнами (кор. Вильгельмомъ). Такимъ образомъ Мануилъ на время отказывался отъ своихъ завѣтныхъ плановъ въ Италіи; въ прежнемъ союзникѣ онъ видѣлъ теперь главнаго своего соперника и врага, и въ этомъ смыслѣ измѣнилась его

ныхъ торговыхъ пошлинъ Византіи товары съ востока направлялись вдоль береговъ Чернаго моря, лѣвымъ берегомъ Дуная въ Землинъ, и Угрія съ Русью стали соперницами Грековъ въ сухопутной торговлѣ на сѣверѣ, какъ на морѣ Венеціанцы, Пизанцы и Генуезцы. Срв. Finlay, History of Greece, III, p. 173—174. Очевидно, что Византіи не достаточно было владѣть Бѣлградомъ и правымъ берегомъ Савы, а необходимо было захватить и Срѣмскую область съ Землиномъ, т. е. прямыя торговыя сообщенія черезъ нихъ съ востока на западъ. О торговомъ значеніи Дуная и собственно *Бѣлграда* см. еще статью Ч. Мијатовича, Студије за ист. срп. тргов. XIII и XIV в. Гласник, кн. 33, стр. 217—219.

[1]) Nic. Chon., l. IV, p. 165—66: *ὁ δὲ βασιλεὺς ὡς ἐκ ῥίζης ἀνομοίου φυὲν τι κάλλιστον τὸ γεγονὸς ἡγησάμενος, καὶ κατὰ νοῦν ἀναπολήσας ὡς εἰ πρὸς τὸν ἐπ᾽ἀνεψιᾷ γαμβρὸν Στέφανον, ὡς δῆθεν εἰς ἀρχὴν δικαιούμενον, ἡ τῶν Οὔννων μεταβαίη σατράπευσις, σχοίη ἂν τὰ πρῶτα κλέος αὐτός, ἔπειτα ἡ βασιλεία Ῥωμαίων μέρος ἴσως ἐκεῖθεν δασμοῦ, ἐκ τοῦ ἀναντιρρήτου δ᾽οὖν ἀσφαλῆ τὴν τοῦ Ζευγμίνου καὶ τοῦ Φραγγοχωρίου κατάσχεσιν.*

италіанская политика. Онъ соединился теперь съ главными непріятелями Фридриха — съ Ломбардскими городами и съ папой (Александромъ III), котораго надѣялся склонить къ утвержденію за нимъ достоинства и правъ истиннаго преемника римскихъ императоровъ...

Итакъ обстоятельства позволяли ему теперь возобновить наступленіе въ сторону Угріи, притомъ не только не справляясь съ отношеніями къ ней Фридриха, но скорѣе пользуясь происшедшимъ разрывомъ съ нимъ —въ виду извѣстныхъ ему притязаній западнаго императора и Нѣмцевъ на верховную власть надъ Угріей. Мануилъ, не теряя времени, отправилъ сперва пословъ въ Угрію, чтобы они вошли въ переговоры о предоставленіи короны Стефану-дядѣ, какъ имѣвшему на нее законное право. Самъ же императоръ вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Средецъ (Софію) [1], конечно собравъ и войско, чтобы въ случаѣ нужды быть ближе къ угорской границѣ. Изъ словъ Никиты Хонскаго, разсказывающаго объ этихъ сношеніяхъ, можно заключить, что съ византійскимъ посольствамъ былъ отпущенъ въ Угрію и самъ претендентъ Стефанъ [2]).

Спрашивается, къ кому должны были обратиться съ своими предложеніями византійскіе послы? Не къ правительственной же партіи, преданной сыну Гейзы и вдовѣ королевѣ? Безъ сомнѣнія имѣлись въ виду другія вліятельныя лица въ странѣ изъ народной партіи, а также требовалось прислушаться къ общественному и народному мнѣнію. Вѣроятно для надлежащаго направленія пословъ примкнулъ къ нимъ самъ Стефанъ, возлагавшій надежды и на самое появленіе свое въ Угріи. Но и онъ, и Мануилъ ошиблись въ своихъ расчетахъ.

У претендента были конечно друзья въ Угріи, были и приверженцы, но со времени своей женитьбы въ Византіи и отдачи себя подъ покровительство Мануила онъ — какъ видно—утратилъ свою популярность въ томъ многочисленномъ слоѣ угорскаго общества, который, хоть и признавалъ духовныя связи Угріи съ востокомъ, не хотѣлъ однако видѣть ее въ полной *политической* зависимости отъ Византіи Это сказалось тотчасъ, при первомъ слухѣ о цѣли

---

1) Nic. Chon., ib., p. 166.

2) Ibid.: ...καὶ τοὺς κατάγοντας αὐτὸν (Στέφανον)...

греческаго посольства. Угры, говоритъ Никита Хонскій, не хотѣли слышать и имени Стефана, говоря, что они отвергаютъ его — какъ по другимъ причинамъ, такъ особенно за то, что онъ женился у Грековъ [1]). Они считали для себя совсѣмъ неудобнымъ допустить въ правители лицо, связанное родствомъ съ греческимъ царемъ, ибо опасались, какъ-бы такое лицо, управляя ими, не оказалось само подъ властью и въ зависимости у послѣдняго, т. е. царя [2]). Это былъ конечно весьма вѣскій и важный мотивъ. Но между „*другими причинами*“, о которыхъ упоминаетъ историкъ, можно кажется предположить и ту, что эта кандидатура не вполнѣ согласовалась съ принципомъ родового старшинства, выставленнымъ Мануиломъ, ибо Стефанъ былъ не старшій братъ. Поэтому Угры не выказали никакого сочувствія къ явившемуся къ нимъ Стефану и отпустили ни съ чѣмъ прибывшихъ съ нимъ греческихъ пословъ [3]).

Нечего и говорить, какъ боялись этого претендента латинники и вообще приверженцы запада и Рима, для которыхъ торжество Мануила и византійскаго, слѣдовательно восточно-православнаго вліянія казалось равносильнымъ утратѣ того положенія и роли, которую въ теченіе многихъ лѣтъ они пріобрѣли въ Угріи. Латинское духовенство употребило безъ сомнѣнія все свое вліяніе, чтобъ отвратить общественное мнѣніе отъ Стефана, изобразивъ его покорнымъ слугой посягающаго на независимость Угріи византійскаго императора. Но если ему и удалось быть можетъ увеличить уже существовавшее недовѣріе къ этому претенденту, то оно однако было безсильно укрѣпить престолъ за своимъ собственнымъ избранникомъ, юнымъ Стефаномъ Гейзичемъ. Отвѣчавшіе Мануилу отрицательно

---

1) Ibid: ...καὶ δι' ἄλλα μὲν φάσκοντες ἀποπέμπεσθαι τοῦτον, μάλιστα δὲ διὰ τὸ γῆμαι παρὰ Ῥωμαίοις...

2) Ibid., p. 166. Но это мнѣніе было конечно не общимъ, особенно въ народѣ. Православное населеніе, державшееся старой вѣры, т. е. восточнаго обряда, и привыкшее подъ руководствомъ своего духовенства смотрѣть на восточнаго царя, какъ на законнаго главу всего православнаго христіанства, не могло въ душѣ не сочувствовать претенденту, поддерживаемому царемъ и даже состоявшему съ нимъ въ родствѣ. Это обстоятельство сильно сказывается, какъ увидимъ, въ послѣдующихъ событіяхъ.

3) Ibid.: διὰ ταῦτα τοίνυν οὔτε τῷ Στεφάνῳ ἐκεῖσέ ποι ἀφικομένῳ προσέκειντο, καὶ τοὺς κατάγοντας αυτὸν ἐκ βασιλέως ἀπράκτους ἠφίεσαν.

относительно Стефана не думали ссылаться на то, что у нихъ уже есть законный правитель, который имъ любъ. Несомнѣнно, что уже тогда мысль о старшемъ дядѣ короля, Владиславѣ, какъ о наиболѣе подходящемъ и вмѣстѣ правоспособномъ кандидатѣ, занимала очень многихъ, особенно строгихъ приверженцевъ стараго порядка престолонаслѣдія по родовому старшинству.

Когда греческіе послы вернулись ни съ чѣмъ въ сопровожденіи Стефана, Мануилъ рѣшился прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, и, придвинувшись самъ къ Дунаю, къ Браничеву и Бѣлграду, послалъ снова въ Угрію Стефана, давъ ему въ помощь войско подъ начальствомъ племянника своего Алексѣя Контостефана [1]).

Занявъ городъ Храмъ (Χράμος), лежавшій на лѣвомъ берегу Дуная, около впаденія въ него рѣки Неры [2]), Греки со Стефаномъ стали употреблять всѣ возможныя усилія и мѣры для достиженія своей цѣли: по словамъ нашего византійца, они подкупали богатыми дарами вліятельныхъ въ Угріи лицъ (сановниковъ), увлекали ихъ льстивыми ласками, соблазняли большими обѣщаніями, и въ концѣ концовъ достигли того, что на престолъ угорскій былъ возведенъ всетаки не Стефанъ, а старшій братъ его Владиславъ [3]), который также состоялъ подъ покровительствомъ Мануила, но не былъ съ нимъ такъ связанъ. Итакъ вмѣшательство императора всетаки кончилось удачно, увѣнчалось крупнымъ успѣхомъ, хотя и несовсѣмъ такимъ, какого онъ желалъ.

Эта развязка вполнѣ объясняется тѣмъ общественнымъ и народнымъ настроеніемъ и тѣмъ отношеніемъ партій въ Угріи, о ко-

---

1) Nic. Chon. IV, ibid., p. 166.

2) Ibid., IV, p. 167: ...τὸν Χράμον κατέλαβον... Этотъ городъ встрѣчается и ранѣе, и въ послѣдующихъ войнахъ (Cinn. I, p. 1[illegible]; l. V, p. 240). Въ историческомъ атласѣ Спрунера находимъ его подъ именемъ *Harom* (мад. Harom, Haromvar?) на лѣвой сторонѣ рѣки Неры, при впаденіи ея въ Дунай, приблизительно на мѣстѣ нын. гор. Базіаша. Но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что на противоположномъ, правомъ берегу Дуная, противъ впаденія р. Неры, есть нынѣ развалины укрѣпленнаго мѣста *Рам'а*, названнаго очевидно по старому. Современный географъ Идризи не знаетъ Храма. См. Tomaschek, Zur Kunde d. Hämh. II, S. 12.

3) Nic. Chon., ibid., p. 167: ...ἐπέραινον δὲ οὐδὲν ἢ ὅσον Βλαδίσθλαβον τὸν τοῦ Στεφάνου κασίγνητον Οὖννους εἰς ἄρχοντα δέξασθαι.

торомъ мы только-что говорили. Партія приверженцевъ молодого короля не могла и думать о вооруженной защитѣ его престола и сопротивленіи Мануилу, т. е. о войнѣ съ Византіей. Она не имѣла подъ собой никакой почвы и сознавала невозможность удержать позицію и отстоять короля. Къ тому же королева Евфросинья, видя безнадежное положеніе дѣла, поспѣшила удалиться со Стефаномъ и прочими дѣтьми въ Пресбургъ на австрійскую границу, гдѣ и нашла убѣжище [1]. Какъ относились въ Угріи къ претенденту Стефану — мы видѣли выше. Оставался такимъ образомъ Владиславъ, имѣвшій наиболѣе правъ по степени родового старшинства, принадлежавшій и прежде, въ правленіе Гейзы — по всему видно — къ партіи сторонниковъ національной политики, и притомъ предусмотрительно не связавшій себя никакими особенными отношеніями къ Мануилу, хотя и пользовавшійся его поддержкой. Большинство общества и народа угорскаго оказалось на его сторонѣ, тѣмъ болѣе что его избраніемъ давалось удовлетвореніе императору и предотвращалась война; такимъ образомъ общенароднымъ голосомъ былъ призванъ и возведенъ на престолъ Владиславъ II [2], которому однакожъ не суждены были ни долгій вѣкъ, ни долгое царствованіе. Итакъ пока и угроза войны миновала, и уваженъ былъ старый обычай престолонаслѣдія [3].

---

[1] Muglen, c. LIII, ib., p, 77; Chron. Poson. Endl., p. 57, иначе: Ann. vet. Unga-., Archiv. für österr. Gesch., 42, S. 504 (не вѣрно къ 1172 г.); о перевротѣ Chr. Claustroneob. sec., M. G., SS. IX, 615; Cont. Admunt., ib., p. 58?. Судя по одному документу, подлинность котораго представляется намъ впрочемъ не вполнѣ несомнѣнной, юный король со свитой бѣжалъ сперва въ австрійскіе предѣлы, а оттуда уже вернулся въ Пресбургъ, быть можетъ заручившись какими-нибудь обѣщаніями защиты, если понадобится, см. Codex Diplom. Patrius Hung. T. VI, p. 3, Nr. 2. Здѣсь Стефанъ вознаграждаетъ одного своего вѣрнаго слугу (Botus, сынъ Gab'a), съ дѣтства ему служившаго, сопровождавшаго его всюду и въ годину несчастій: „Nam cum in austriam timore fratris (такъ С. величаетъ дядю?) perculsus abscederem et deinde posonium ingrederer me subsecutus est fideliter..." Самый фактъ бѣгства въ Австрію впрочемъ правдоподобенъ, потому что извѣстно, въ какихъ дружественныхъ отношеніяхъ находился Гейза съ австрійскимъ герцогомъ — что повидимому еще при жизни Гейзы была рѣчь о бракѣ Стефана съ дочерью герцога Генриха Язомиргота. Muglen, c. LIV, p. 78 говоритъ, что Стефанъ былъ *прогнанъ* Владиславомъ, слѣдовательно не самъ удалился.

[2] О хронологіи см. ниже.

[3] Эти мотивы избранія Владислава приведены и Киннамомъ. Cinn. V, p. 2?3: Οὖννοι τοίνυν τὸ μέν τι τοῦτον αἰδεσάμενοι τὸν νόμον, τὸ δὲ καὶ τὴν βασιλέως εὐλαβηθέντες ἔφοδον, Στέφανον τὸν Ἰατζᾶ τῆς ἀρχῆς παραλύσαντες θατέρῳ τῶν ἀδελ-

Нашъ главный источникъ, сообщающій объ этихъ событіяхъ, Никита Хонскій, ни словомъ не говоритъ о томъ, чтобъ съ избраніемъ Владислава было такъ или иначе опредѣлено и положеніе его брата Стефана. Но объ этомъ фактѣ, не возбуждающемъ ни малѣйшаго сомнѣнія, свидѣтельствуютъ другіе. Киннамъ говоритъ, что и Стефану было дано достоинство „*Урума*“ (Οὐροὺμ), а это названіе обозначаетъ у Угровъ *наслѣдника престола* [1]). Очевидно этого назначенія достигъ также Мануилъ, который главнымъ образомъ былъ заинтересованъ возведеніемъ на престолъ Стефана. Достигнутый относительно этого послѣдняго успѣхъ и заставилъ его вполнѣ успокоиться и вернуться домой. Мануилу безъ сомнѣнія помогли въ этомъ строгіе приверженцы порядка престолонаслѣдія по старшинству, по которому Стефанъ-дядя— какъ наслѣдникъ — дѣйствительно имѣлъ первенство надъ племянникомъ.

Владиславу потомъ, по его смерти на самомъ дѣлѣ наслѣдовалъ его братъ, такъ что свидѣтельство Киннама подтверждается; но оно подтверждается еще и другимъ источникомъ. Какъ наслѣдникъ престола, Стефанъ по старому угорскому обычаю или праву, долженъ былъ стать владѣтелемъ или удѣльнымъ княземъ (dux) въ одной изъ частей государства. Въ этомъ именно отношеніи весьма любопытно показаніе угорской (нѣм.) хроники Генриха Мюгельна, которая, какъ мы выше замѣтили, восполняетъ нѣсколько пробѣлъ въ другихъ угорскихъ источникахъ за эту эпоху. Мюгельнъ разсказываетъ, что Угры возвели на престолъ Владислава и что „Владиславъ удержалъ за собой двѣ части государства, а его братъ Стефанъ получилъ *третью* часть“ [2]). Выходитъ по этому, что Стефанъ былъ какъ-бы-

---

φῶν τῷ Βλαδισθλάβῳ ταύτην ἀπέδοσαν. Возстановленый такимъ образомъ миръ Мануила съ Угріей, быть можетъ скрѣпленный и письменнымъ договоромъ, отмѣченъ и въ одномъ западномъ источникѣ конца 1161 года—письмѣ Бурхарда нотарія (къ абб. сигбургскому Николаю): Grecus cum Ungaro treugam fecit per quinquennium, Registrum II, Sudendorf'a, p. 138. Только опредѣленіе срока (5 лѣтъ) возбуждаетъ сомнѣніе.

1) Cinn., l. V, p. 203: τῷ γε μὴν Στεφάνῳ, φημὶ τῷ πρεσβυτέρῳ, τὴν Οὐροὺμ ἀπεκλήρωσαν τύχην. βούλεται δὲ τοῦτο παρὰ Οὔννοις τὸν τὴν ἀρχὴν διαδεξόμενον ἑρμηνεύειν τὸ ὄνομα.

2) Muglen, c. LIII, ib. p.77: ...demselben stephan hingen vil tzu der ungern und machten sein pruder lasla tzu einem kunige do behielt der kunig lasla tzway tayl und sein pruder stephan daz dritte alls ez kunig andres ausgelegt het.

привлеченъ къ участію въ управленіи, сдѣланъ соправителемъ, получивъ власть надъ третьей частью Угріи, составлявшею въ старину нѣчто цѣлое подъ наименованіемъ „ducatus", какъ бывало и прежде, напримѣръ при Андреѣ I, предоставившемъ такое же положеніе своему брату Бѣлѣ (ему потомъ и наслѣдовавшему), на что и ссылается Г. Мюгельнъ [1]). Къ сожалѣнію мы не находимъ въ другихъ источникахъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ это показаніе угорской хроники относительно Стефана; вѣдь и титулъ „Урума", данный Стефану и означающій, по Киннаму, *наслѣдника престола*, не даетъ намъ также чего-либо вполнѣ достовѣрнаго въ этомъ отношеніи, хотя современное значеніе его болѣе или менѣе разъясняется [2]). Но отвергать это извѣстіе мы не имѣемъ никакого основанія—

---

[1]) Ibid: ...als ez kunig andres ausgelegt het. См. у Muglen'а же, ibid. c. XXVIII, p. 52: ...Darnach hies der kunig andres das kunigreich in drey taillen und behilt der kunig tzway tail und gab seinem pruder daz dritte und lebten mit einander fridlich... Старый порядокъ, по которому государство раздѣлялось на три части, изъ которыхъ двѣ были соединены съ короной, а третья—составляла *ducatus*, выясняется именно изъ междоусобныхъ войнъ съ Салономомъ. См. Thurocz, cc. 42, 47, 52, 55, 56. Срв. объ этомъ обстоятельнѣе Píč, Der nationale Kampf gegen d. Ungar. Staatsrecht (1882), S. 94—95, пр. 29—31. См. выше, стр. 40—41, пр. 4.

[2]) Οὐρούμ, *Урумъ* трудно истолковать иначе, какъ въ связи съ мад. словомъ *ur*, означающимъ *господинъ*, проникшимъ въ этомъ значеніи и къ Болгарамъ (оуръ). См. Miklosich, въ полемической статьѣ прот. Ганки, въ его Slav. Bibliothek, I B. Wien (1851), S. 299 и въ Lex. ling. palaeoslov. Оно послужило корнемъ для собственныхъ именъ *Оурошь* и *Оурица*, см. ibid. Срв. Roesler, Rom. St., S. 252. Что касается формы Urum, то мадьярскіе ученые видятъ въ ней просто искаженіе производныхъ формъ *uram*, что значитъ „мой господинъ" или *urunk*—„нашъ господинъ." См. Pray, Ann. Rer. Ungar., l. III, p. 148. Это объясненіе довольно правдоподобно, равно какъ очень вѣроятно и то, что дѣйствительно такъ титуловался въ тѣ времена у Угровъ *наслѣдникъ престола* или старшій братъ короля, имѣвшій права на престолъ по родовому старшинству. Г. Гунфальви (Hunfalvy, Ethnographie v. Ungarn, 1877, S. 224) удачно приводитъ въ примѣръ довольно убѣдительную аналогію, что франц. *Monsieur*—какъ одинъ титулъ, безъ собствен. имени употреблялся во Франціи (но не у однихъ только Бурбоновъ, какъ полагаетъ г. Гунфальви) также для обозначенія брата или старшаго изъ братьевъ короля. См. Bouillet, dictionnaire universel d'histoire et de géographie (1852), p. 1207 подъ словомъ Monsieur. Срв. еще по вопросу о производствѣ этого слова—Sasinek, Dejiny kr. uh. (I, 1869), S. 109.— Есть еще подтвержденіе того, что титулъ *Uram* дѣйствительно не только существовалъ въ Угріи, но употреблялся потомъ и не въ одной Угріи, а напримѣръ и въ Босніи; такъ въ боснійской рукописи Хвала, писанной при воеводѣ Хрвоѣ въ 1404

тѣмъ болѣе, что въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Во всякомъ случаѣ Стефанъ, получая права наслѣдника, получилъ и свою (быть можетъ прежнюю) часть въ отцовскомъ наслѣдіи и занялъ первое послѣ короля положеніе въ Угріи.

Остается еще опредѣлить время этого переворота, т е. вступленія на престолъ Владислава; мы до сихъ поръ не затронули этого вопроса потому, что источники наши не даютъ на него прямого отвѣта и не всѣ изслѣдователи рѣшаютъ его одинаково, такъ что удовлетвориться принятіемъ даты, общепризнанной въ угорской исторіографіи, не мотивировавъ этого, мы считаемъ неудобнымъ.

По свидѣтельству угорскихъ хроникъ Владиславъ правилъ полгода [1]). Эти же хроники сообщаютъ дату его смерти, однакожъ очевидно совершенно испорченную [2]), изъ которой видно только одно: что Владиславъ умеръ въ январѣ мѣсяцѣ. Извѣстный мадьярскій историкъ-критикъ Катона сдѣлалъ попытку исправить на основаніи другихъ данныхъ ошибку хроникъ, предложивъ признать датой смерти Владислава — 14 января 1162 г., и такимъ образомъ пріурочилъ его вступленіе во престолъ къ половинѣ іюля 1161 г. [3]).

году, находимъ запись: Ȣрамь Хрьвое, великї славнї воевода босаньскы", гдѣ Ȣрамь очевидно = мадьярское uram — *господинъ* или собственно *мой господинъ*. См. Ил. Руварац, Прилошци к објашненю извора српске историіи, XXIV: О роду Хрвоја... Гласник, кн. XLIX, у Беогр. 1881, стр. 52. У Миклошича, Mon. Serb., p. 253 по Кукулевичу ошиб. стоитъ Ȣхрамь Хрвое; у него же въ другихъ грамотахъ, рядомъ, читаемъ: *Господинъ Хрвое*.—Можно кажется сопоставить съ этимъ еще употребленіе у Сербовъ титула *господина* — самостоятельно, не при другомъ титулѣ, когда онъ придается сыновьямъ владѣтельныхъ особъ. См. Даничича Рјечник из књиж. ст. срп., ч. I подъ словомъ *Господинъ*, стр. 223. Приведемъ примѣръ изъ эпохи сербскаго царства. Племянники царя Душана (сыновья севастократора Дѣяна): старшій Іоаннъ Драгашъ былъ *деспотомъ*, а второй Константинъ титуловался (въ грамотахъ, всегда „*Господинъ*". Miklosich, Mon. Serb., p. 192, 193, 227: благовѣрни деспоть Драгашь и господинь Костандинь. Срв. нашу статью „Лондон. Замѣтки", 1887. Варш. (изъ Русск. Фил. Вѣстн.), стр. 11 и 13.

1) Thurocz, c. 67, p. 182, (M. Chr., p. 98) и Chron. Bud. (Podhr., p. 188): In cuius (Stephani, filii Geysae) imperio Dux Ladislaus filius regis Belae caeci, usurpavit sibi coronam *dimidio anno*.

2) Ibid.: Migravit autem ad Dominum anno Domini millesimo centesimo septuagesimo secundo (1172) IX Kalendas (Bud., а Thur. просто Kalendis) Februarii feria prima; тутъ оказываются не согласными другъ съ другомъ годъ (1172), число мѣсяца (24 янв.) и день (воскресенье).

3) Katona предложилъ читать вмѣсто только-что приведенной (въ пр. 2) даты: „anno Domini MCLXII. XIX Kal. febr. feria prima", что и выходитъ

Эта хронологія и была принята большинствомъ угорскихъ и неугорскихъ историковъ [1]). Выходитъ такимъ образомъ, что Владиславъ вступилъ на престолъ спустя всего полтора мѣсяца послѣ смерти Гейзы (31 мая). Такой краткій промежутокъ времени — надо признаться — на первый взглядъ кажется не совсѣмъ вѣроятнымъ, ибо въ эти полтора мѣсяца должно умѣстить всѣ вышеизложенныя событія, т. е. посылку Мануиломъ посольства со Стефаномъ въ Угрію и вслѣдъ затѣмъ его движеніе въ Софію, ихъ возвращеніе ни съ чѣмъ, передвиженіи Мануила къ Дунаю и вторичную посылку въ Угрію Стефана съ византійскимъ войскомъ, результатомъ которой и было избраніе Владислава. Надо предположить для этого чрезвычайную быстроту въ дѣйствіяхъ Мануила и кромѣ того — что деньги, обѣщанія и войско послѣдняго достигли цѣли съ такою же быстротою, съ какою посольство его и самъ Стефанъ были отвергнуты въ Угріи въ первый разъ. И тѣмъ не менѣе намъ остается только признать все это возможнымъ и вѣрнымъ, ибо имѣются другія хронологическія данныя, провѣрка которыхъ приводитъ насъ къ тому же самому опредѣленію и не допускаетъ пріуроченія этого событія годъ спустя къ іюлю 1162 г., что оставалось бы сдѣлать, ибо опредѣленіе срока мѣсяцами стоитъ, кажется, вполнѣ твердо.

Дѣло въ томъ, что та же угорская хроника даетъ намъ двѣ вполнѣ точныя хронологическія даты, касающіяся правленія Стефана IV, по которымъ это правленіе несомнѣнно падаетъ на первую половину 1162 г., именно отмѣчаетъ день его коронованія 11-ое февраля, приходившееся въ этомъ году какъ разъ въ то воскресеніе, которое показано хроникой (in Dominica Exurge), и день побѣды надъ нимъ возставшихъ Угровъ — въ праздникъ Гервасія и Протасія, т. е. 19 іюня, падающее въ этомъ году на вторникъ, какъ

---

14 янв. и приходится въ 1162 году дѣйствительно на воскресенье (feria prima). Katona, Epitome chronol. I, 311; срв. его же Hist. critica Reg. H. St. Arp. IV, 21—23.

[1]) Fessler, o. c., II, S. 99 — 100; Szalay, o. c. I, S. 307; Horváth, Kurzgef. Gesch. Ung. (1863) I, S. 121; Sasinek, o. c. S. 102; Dudik, o. c., III, S. 361; Kap-Herr, o. c., S. 78 и 142 и друг. Къ 1162 г. относятъ вступленіе Владислава Pray, Ann. reg. Hung. p. 149; Muralt, Chron. Byz., I, p. 180; Klaić, въ означ. статьѣ, стр. 10.

опять таки показано въ хроникѣ (feria tertia), причемъ наконецъ обозначенъ и срокъ царствованія, пять мѣсяцевъ и пять дней, т. е. столько, сколько дѣйствительно протекло отъ 14 января (вступл. на престолъ) до 19 іюня [1]). При такихъ точныхъ показаніяхъ трудно и нѣтъ достаточнаго повода отвергать эту общепринятую хронологію и относить правленіе Владислава къ 1162 г., а Стефана къ 1163 году. Прибавимъ еще, что царствованіе Владислава продолжалось быть можетъ и нѣсколько менѣе полугода (выраженіе хроники безъ сомнѣнія только приблизительное); такимъ образомъ можно принять, что онъ вступилъ во власть около 1 авг. 1161 г., и слѣдовательно для всѣхъ предшествовавшихъ событій остается два мѣсяца — срокъ достаточный, особенно если имѣть въ виду ту поспѣшность, съ которой дѣйствовалъ Мануилъ. Наконецъ у насъ есть еще свидѣтельство одного современнаго писателя (Gerhoh Reichersb.), писавшаго не позже начала 1162 г., которому уже извѣстно вступленіе на престолъ Стефана IV [2]). Мы увидимъ далѣе, что съ этой хронологіей можно безъ труда согласовать и принимаемое нами хронологическое пріуроченье всѣхъ послѣдующихъ событій, о которыхъ наши источники сообщаютъ также безъ прямыхъ хронологическихъ указаній, но время которыхъ мы всеже въ состояніи установить посредствомъ разбора, сопоставленія и критики всѣхъ дошедшихъ до насъ извѣстій.

---

[1]) Thurocz, c. 68, p. 183 (M. Chr., p. 98), Chron. Bud. l. c., p. 188. Привожу нѣсколько болѣе точный текстъ изъ послѣдней: Post hunc Stephanus frater eius usurpavit sibi coronam mensibus quinque, et diebus quinque. Coronatus est autem tertio ydus Februarii, in Dominica Exurge. Devictus est autem in festo sanctorum Gervasii et Protasii, feria tercia. Срв. Muglen, въ гл. LVII (p. 80) (послѣ болѣе подробнаго изложенія событій въ гл. 54) беретъ изъ хроники опредѣленіе времени царствованія и опускаетъ даты коронованія и пораженія Стефана. Dominica Exurge или Sexagesima an. 1162 приходится на 11 февр. (III Idib. Februar.). 19 іюня (Герв. и Протас.) въ 1162 г. приходится дѣйствительно *во вторникъ* (feria tertia). См. Grotefend Handb. d. Hist. Chronol. (1872), S. 154—155. Кромѣ того подтвержденіе находимъ еще въ одномъ спискѣ анн. Contin. Claustroneoburg. II, SS. IX, p. 615, который отмѣчаетъ смерть Стефана тоже подъ 1162 г.

[2]) Gerhoh. Reichersberg. въ упом. сочин. (De investig. antichr.), Archiv für K. d. oest. Gesch., 20 (1858), S. 171: et iam rege novo ibi creato... tamen quia rex ille novus per uxorem grecam greco imperatori aliisque grecis principibus affinitate vinctus est... Очевидно рѣчь идетъ о Стефанѣ IV, женатомъ на Маріи Комниной.

Итакъ черезъ два мѣсяца по смерти Гейзы малолѣтній сынъ его долженъ былъ уступить престолъ своему дядѣ Владиславу II. Съ своей матерью Евфросиньей и съ ближайшими приверженцами онъ удалился, какъ мы видѣли, въ городъ Пресбургъ, который далъ ему пріютъ и оставался ему вѣренъ все время [1]), по всей вѣроятности какъ городъ пограничный, имѣвшій въ своемъ населеніи не мало Нѣмцевъ, а потому и льнувшій къ западу.

Если партія сына Гейзы съ бывшими регентами во главѣ и не была достаточно сильна и многочисленна, а главное не имѣла достаточной опоры въ массахъ населенія, чтобъ съ оружіемъ въ рукахъ бороться за молодого короля со своими многочисленными противниками, поддержанными матеріальной силой могучаго восточнаго царя, то она однакожъ вовсе не примирилась съ положеніемъ дѣлъ и ждала только благопріятной для себя перемѣны обстоятельствъ. Вѣроятно уже тогда она устремляла свои взоры на западъ, гдѣ императоръ Фридрихъ, послѣ окончательнаго разрыва съ Мануиломъ, естественно съ большимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на угорскую политику и притязанія послѣдняго. Впрочемъ она и теперь не стушевалась; во главѣ ея продолжалъ стоять знаменитый примасъ Угріи, архіепископъ остригомскій Лука Банфи, человѣкъ энергическій и непреклонный. Онъ рѣшительно и торжественно протестовалъ противъ признанія Владислава королемъ, отказавшись его короновать и за учиненное беззаконіе относительно короля Стефана предавъ его проклятію и отлученію [2]), рискуя конечно поплатиться за свою смѣ-

---

[1]) Въ благодарность за оказанныя ему услуги, за денежныя жертвы, онъ впослѣдствіи, въ 1165 г. возводитъ 20 гражданъ Пресбурга въ дворянство. См. грамоту у Bel, Notitia Hungariae T. I, p. 114; Fejér, II, p. 173. О содержаніи этой грамоты см. Krainer, Die Urspr. Staatsverf. Ungarns (Wien, 1872), S. 171.

[2]) Muglen, o. c., l. LIII, p. 77. ... do sand luther der ertzpischoff von gran sein poten zu kunig lasla und liess yn pannen darumb daz er sich des reichs stephans des kunigs unterwunten hett an sache... Другое современное свидѣтельство о томъ же у вышеназваннаго англійскаго современнаго писателя Walter Mapes, у котораго находимъ обстоятельныя свѣдѣнія о Лукѣ Банфи, въ назв. сочин. „De nugis curial." (изд. Wright, c. VII, p. 73): Accessit igitur ad Lucam archiepiscopum frater regis, petens ab ipso in regem inungi et coronari. Corripuit ipsum Lucas et proditionis arguit, qui contra jus et morem et fas exhaeredare vellet innocentem, et consentire noluit. Ille... a Luca statim anathemate percussus est...

лость. Но Владиславъ не смутился этимъ [1]): онъ обратился къ другому угорскому архіепископу, т. е. *колочскому* (или бачско-колочскому), какимъ былъ тогда Миконъ (Mico, Николай?), и этотъ послушался и короновалъ его, хотя собственно и превысилъ этимъ свои права [2]). Мнѣніе, что послѣдній рѣшился на это только изъ малодушія или трусливости [3]), не выдерживаетъ критики. Всего естественнѣе поступокъ его приписать тому, что онъ стоялъ во главѣ архіепископіи, въ которой преобладающимъ населеніемъ были Славяне греко-восточной вѣры, преданные Владиславу; подъ этимъ вліяніемъ или и самъ настроенный такъ же архіепископъ сталъ на сторону послѣдняго, согласившись возложить на него корону [4]).

Отказъ Луки Банфи отъ исполненія своей обязанности не прошелъ ему даромъ. По словамъ англійскаго повѣствователя о немъ, король всякими угрозами требовалъ отмѣны произнесенной надъ нимъ церковной кары, но неуспѣвъ въ этомъ, лишилъ его свободы и принудилъ прочихъ представителей церкви не признавать акта отлученія [5]). Разсказывается здѣсь же еще, что нѣкій другъ Луки Банфи тайно доставилъ ему грамоту папы Александра III къ королю объ его освобожденіи, но что арх. Лука не хотѣлъ ею воспользоваться, такъ какъ за нее слѣдовало внести двѣнадцать денаріевъ (что̀ онъ считалъ симоніей), и наконецъ сообщается разсказъ о публичномъ предсказаніи имъ Владиславу смерти черезъ 40 дней, дѣйствительно и испол-

---

1) Muglen, ibid.: Doch acht der kunig lasla des pischoffs panne nicht...

2) W. Mapes, ib.: Ille regem se fieri ab alio ejusdem regni archiepiscopo, ad quem nihil de coronatione regis pertinebat, obtinuit... Что колочскимъ (и бачскимъ) архіепископомъ былъ тогда Миконъ (съ 1149), видно изъ грамотъ, Fejér, II, p. 146, 164, 166. См. Katona, Hist. metropol. Colocensis Eccl. (Colocae, 1800), p. I, p. 183 (у него Мико=Михаилъ, едва-ли вѣрно).

3) Fessler, o. c., S. 100.

4) Въ церковныхъ актахъ (папскихъ буллахъ) конца XII и XIII в. есть прямыя указанія не только на многочисленное православное славянское населеніе въ колочской діоцезѣ, см. напр. Fejér, ad ann. 1198, 1205, 1291, но даже и на существованіе въ ней особаго православнаго (греч.) епископства, Fejér, II, p. 459, a. 1205. См. Píč: Ueber die Abstammung der Rumänen (Leipzig, 1880), S. 211—212.

5) W. Mapes, ib.: qui e vestigio Lucam de absolutione sua minis terribilibus enseque nudato ad rationem posuit, et spretus itemque excommunicatus ipsum violenter detrusit in carcerem, et suspensas ecclesias ab interdicto cessare coegit.

нившемся [1]). Однакожъ въ виду нѣкоторой легендарности всего повѣствованія нельзя его признать безусловно достовѣрнымъ [2]). Такъ же слѣдуетъ повидимому отнестись и къ другому извѣстію, исходящему изъ одного не непосредственнаго источника и провѣрка котораго намъ къ сожалѣнію недоступна,—о томъ, будто Владиславъ—вѣроятно вслѣдствіе ходатайства колочскаго архіепископа или когонибудь другого—получилъ отъ папы Александра освобожденіе отъ церковнаго отлученія, но цѣною ежегоднаго взноса 100 фунтовъ серебра въ папскую казну [3]). Невѣроятнаго тутъ впрочемъ нѣтъ ничего.

---

[1]) Ibid.: Cumque diu teneretur in vinculis Lucas, retulit ab Alexandro papa tertio quidam amicus ejus literas liberationis ejus ad ipsum in carcerem occulte ad regem missas, quibus nullatenus uti voluit Lucas, audito quod duodecim denariorum constitissent ut omnes aliae solent ad bullam, dicens se nolle per simoniam liberari etc. etc. Нельзя не замѣтить, что Генр. Мюгельнъ (c. LIV, ib. p. 78) говоритъ о предсказаніи Луки Банфи, относившемся къ Стефану IV. преемнику Владислава. Быть можетъ тутъ дѣйствительно какое-нибудь смѣшеніе.

[2]) Есть однакожъ одно свидѣтельство, которое подтверждаетъ фактъ опалы, которой подвергся со вступленіемъ на престолъ Владислава и потомъ Стефана IV—архіеп. Лука Банфи, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ интересно для насъ потому, что указываетъ на пошатнувшіяся по смерти Гейзы отношенія между Угріей и папой Александромъ и такъ сказать новыя вѣянія въ церковныхъ дѣлахъ, начавшіяся при вступленіи на престолъ братьевъ Гейзы, вслѣдствіе которыхъ Угрія опять стала было держаться *нейтрально* въ папскомъ вопросѣ. Это одно мѣсто въ сочиненіи писавшаго въ концѣ 1161 и нач. 1162 г. Gerhoh'a von Reichersberg, пробста Рейхерсбергскаго, „De investigatione antichristi" (изд. Stülz, въ Archiv. f. oesterr. Geschforsch. d. Wien. Ak., B. 20, S. 171): ...siquidem et ungaricum regnum in ea parte est hominum, qui nondum hunc vel illum receperunt, quia mortuo rege suo, qui susceperat alexandrum, per hoc ab ipso alexandro recesserunt, quod archiepiscopum per eius legatos firmavit, reprobaverunt et iam rege novo ibi creato nova molimina dicuntur mihi pari que quorsum tendant, id huc (adhuc?) ignoratur, tamen quia rex ille novus per uxorem grecam greco imperatori aliisque grecis principibus affinitate vinctus est, hoc suspicandum relinquitur, quod sicut greci a romanis propter avariciam ut dicunt se alienaverunt, sic et ungari se incipiunt alienare...

[3]) Іоаннъ Бодинъ въ соч. „De Republica" сообщаетъ, что свидѣтельство объ этомъ онъ нашелъ въ ватиканскихъ актахъ. Вотъ его слова: ....Ladislao vero II Regi Hungariae, qui pontificis Romani mandatis minus paruisset, sacris interdictum est; nec aliter veniam obtinuit, quam si centum argenti pondo, annui census nomine, pontifici Romano dependeret". Joan. Bodini, De republica libri sex, Francof. 1622, lib. I, p. 210. Срв. Fessler, o. c., S. 233.

Къ концу 1161 г., къ правленію Владислава относится еще любопытный фактъ, именно новая попытка со стороны Фридриха склонить Угрію на сторону папы Виктора — въ виду происшедшаго въ ней по смерти Гейзы охлажденія къ папѣ Александру [1]) со стороны Владислава — и вообще попытка къ сближенію. Извѣстный нотарій импер. Бурхардъ кёльнскій былъ отправленъ въ восточныя окраины (Каринтію, Штирію, Истрію, Австрію и Угрію) агитировать въ пользу Виктора и призывать всѣхъ на помощь противъ г. Милана. Не онъ впрочемъ, а смѣнившій его епископъ Сигфридъ Падерборнскій посѣтилъ Угрію съ этими цѣлями. Изъ современнаго свидѣтельства оказывается, что онъ не былъ тамъ благосклонно принятъ и ничего не достигъ ни по церковному дѣлу, ни по другимъ: и въ обѣщанной когда-то помощи противъ Милана было отказано, и предложенный какой-то брачный союзъ (касавшійся кажется младшей дочери Гейзы) былъ отклоненъ [2]). Этотъ фактъ достаточно характеризуетъ политическое настроеніе Владислава. Къ сожалѣнію кромѣ этого и приведенныхъ извѣстій по поводу коронованія Владислава до насъ не дошло ни одного акта или письменнаго документа отъ его царствованія, такъ что мы болѣе ничего не знаемъ о его шестимѣсячномъ правленіи, ничего достовѣрнаго и о его семействѣ [3]),

---

[1]) См. свидѣтельство Gerhoh'а выше, прим. 2 на предыд. стр.

[2]) Письмо Бурхарда къ Николаю абб. Сигбургскому, у Sudendorf'а, Registrum II, S. 137: „De cetero Sigefridus prepositus Patherburnensis in Ungariam delegatus, ut breviter dicam, non bene susceptus est, non bene dimissus est. Nam cum legationem haberet de negotio ecclesiae et de filia illius regis filio lantgravij in matrimonio copulanda et de sagittariorum auxilio domino imperatori meo transmittendo, nec perfecit nec perficere voluit, quia statim nequitiam illius persensit". Срв. выше, стр. 236.

[3]) Нѣкоторые историки сообщаютъ, не ссылаясь впрочемъ на источники, что Владиславъ былъ женатъ на княжнѣ польской Юдиѳѣ, которую называютъ дочерью Болеслава III Кривоустаго, и имѣлъ одну дочь. См. Klein, S. 257, а также Fessler, II, S. 94; у Дудика III, S. 360. Мы видѣли выше (стр. 230, пр. 2), что въ польскихъ анналахъ (Ann. Cracov. comp. и Ann. Polonorum, Pertz, l. c., p. 38 и 52) есть дѣйствительно отмѣтка о бракѣ дочери (имени нѣтъ) Болеслава III съ сыномъ угорскаго короля подъ 1136 г., слѣдовательно съ однимъ изъ сыновей Бѣлы Сл. Но историки говорятъ о *Юдиѳи*; а относительно этой есть, какъ извѣстно, разсказъ у польскихъ хронистовъ (Богухвала, Длугоша, Мѣховскаго, Кромера и др.) о выдачѣ ея замужъ за сына короля Коломана (котораго большинство называетъ Стефаномъ — буд. кор. Стеф. II,—а Богухвалъ (великопольская хроника)

равно какъ и о причинахъ и обстоятельствахъ его смерти, последовавшей, какъ уже сказано, 14 января 1162 года [1]).

Смерть Владислава (умершаго безъ мужского потомства) очистила престолъ назначенному по договору съ Мануиломъ наследнику его и брату, настойчивому искателю короны Стефану, который и поспешилъ вступить въ свои права и былъ коронованъ 11 февраля того же года [2]). Но его положеніе было уже не то, что положеніе Владислава, который принялъ власть по призыву огромнаго большинства угорскаго народа. Правда, и у Стефана старшаго были въ Угріи приверженцы, между которыми, кроме известной части населенія (особенно южной Угріи), готовой принять правителя изъ рукъ восточнаго царя, какъ верховнаго главы восточнаго христіанства, мы находимъ, судя по одной относящейся къ его властвованію грамоте, даже стараго дядю его бана Белуша, уже несколько летъ оставившаго сербскій престолъ и вновь переселившагося въ Угрію, а также известнаго боснійскаго бана Борича [3]), но всеже партія его, имевшая характеръ такъ сказать более местный, т. е. происходя главнымъ образомъ изъ некогда удельной его области (Срема), была не многочисленна, какъ это вскоре и обнаружилось. Его не любили и боялись въ остальной Угріи конечно прежде всего изъза его близкихъ отношеній къ Мануилу.

Мы видели, какіе расчеты связывались у византійскаго императора со вступленіемъ на престолъ его родственника Стефана. Едва-ли можетъ быть сомненіе, что последній и далъ ему уже извест-

---

повидимому отождествляетъ съ претендентомъ Борисомъ Коломановичемъ, поставл. будто-бы кор. Галича) и отдачи ей въ приданое Спиша. Въ виду такой сбивчивости и запутанности въ известіяхъ объ этомъ брачномъ союзе Болеслава III съ угорскимъ кор. домомъ, трудно утверждать что-либо решительно о браке Владислава, хотя нельзя не признать, что отметки краткихъ польскихъ анналовъ подъ 1136 г., имеющія по всемъ признакамъ въ виду последняго, на чемъ-либо да основаны. – О дочери Владислава, бывшей за мужемъ за сыномъ венец. дожа, есть известіе у Danduli Chron. l. IX. c. 14, Muratori, XII, p. 292 (относ. къ 1160-мъ годамъ).

[1]) Онъ похороненъ тоже въ стольномъ Белграде см. Thurocz, c. 67, d. 182 и Chr. Bul.: cujus corpus Albae quiescit; Muglen, c. 53, p. 77: und ligt begraben zu Weyssenburg.

[2]) Thurocz, c. 68, p. 83 (M. Chr. p. 98) см. выше, стр. 272—73.

[3]) Fejér, II, p. 165, грам. Стефана IV, a. 1163.

ныя обѣщанія относительно уступки въ ближайшемъ будущемъ той территоріи (Срѣма), на которую давно имѣла виды Византія; а это не могло не стать извѣстнымъ въ Угріи. Если и не было тамъ точныхъ свѣдѣній, то были подозрѣнія и справедливыя опасенія за политическую независимость Угріи въ правленіе человѣка, покорнаго и всѣмъ обязаннаго императору. Понятно, что всего этого было достаточно, чтобы вооружить противъ Стефана то самое національно настроенное большинство общества, которое было предано его брату Владиславу.

Въ томъ же смыслѣ дѣйствовала всячески на общественное мнѣніе и партія Стефана Гейзича. Устраненный юный наслѣдникъ Гейзы пріобрѣлъ теперь массу новыхъ приверженцевъ; враги западнаго вліянія и латинства могли надѣяться, что онъ еще сумѣетъ освободиться изъ подъ этой опеки и этихъ вліяній, тогда какъ отъ его дяди Стефана ожидали одного только содѣйствія порабощенію Угріи — византійской имперіей. Изъ двухъ золъ предпочитали меньшее [1]). Итакъ партія Стефана Гейзича не дремала и безъ сомнѣнія тотчасъ по смерти Владислава энергически стала дѣйствовать и подготовлять переворотъ противъ дяди въ пользу племянника, хотя послѣдній еще не оставлялъ пока своего убѣжища — Пресбурга. Непреклонный архіепископъ Лука Банфи, главная его опора, которому Стефанъ старшій долженъ былъ быть еще болѣе ненавистенъ, чѣмъ Владиславъ, опять энергически выступилъ противъ новаго „узурпатора“ и отказался его короновать, предсказавъ страшный конецъ его царствованію [2]). Повторилась исторія съ коронованіемъ его брата. Коронованіе было совершено помимо его, безъ сомнѣнія

---

[1]) Никита Хонскій прямо свидѣтельствуетъ, что по смерти Владислава Угры опять склонились на сторону Стефана Гейзича. Nic. Chon. IV, p. 167: ἐς τὸν τοῦ Ἰατζᾶ υἱὸν Στέφανον οἱ Οὖννοι πάλιν προσέρρεψαν. Muglen, l. c., LIV, p. 78: Do komen vil der unger tzu dem kunig stephan dez das kunigreich vor was gewesen...

[2]) Muglen, o. c., c. LIV, S. 78: Do wart der gross stephan kunig lasla pruder von etzlichen pischoffen und herren gekront zu dem lande do wolt der ertzpischoff von gran nicht darpey sein und wolt des nicht gestaten und weissagt ym das sein reich ein poss end schold nemen, do wart erfult in kurtzer tzeit etc... W. Mapes, ib. p. 74: Successit ei frater ejus unicus, violentia acqualis priori. Hunc etiam Lucas, datis quadraginta dierum induciis, interfecit spiritu oris in ipsis...

опять тѣмъ же колочскимъ архіепископомъ вмѣстѣ съ прочими епископами (суффраганами?) [1]).

Такимъ образомъ Стефанъ-дядя достигъ наконецъ своей давнишней цѣли, а съ тѣмъ вмѣстѣ — казалось — осуществилась и политическая мечта Мануила. Но мало еще было достигнуть престола; предстояло еще утвердиться на немъ, а это для Стефана было не легкой задачей при томъ сильномъ нерасположеніи и недовѣріи общества, которыя его окружали. Партія его приверженцевъ была слишкомъ незначительна. Въ народѣ угорскомъ вообще онъ очевидно также не пользовался сочувствіемъ. Очень скоро оказалось, что новый король не располагалъ и нужными качествами, чтобъ сколько-нибудь привлечь къ себѣ своихъ подданыхъ. По словамъ Киннама, онъ казался имъ столь тяжелымъ и былъ въ такой степени непріятенъ, что они постоянно его поносили и обнаруживали готовность тотчасъ лишить его власти [2]). Положеніе его становилось очевидно настолько критическимъ, что онъ счелъ себя вынужденнымъ обратиться къ поддержкѣ своего могущественнаго внѣшняго покровителя, императора Мануила, который и не замедлилъ двинуться ему на помощь, ибо не могъ равнодушно относиться къ тому, что дѣлалось въ Угріи [3]). Это было менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ коронованія, въ началѣ марта 1162 года, ибо по словамъ Киннама Мануилъ двинулся во время равноденствія (весенняго, безъ сомнѣнія) и прибывъ въ Филиппополь, сталъ здѣсь лагеремъ съ большею частью войска,

---

[1]) Muglen, ibid., l. c. Въ грамотѣ, имъ впослѣдствіи данной, находимъ на первомъ мѣстѣ того же Микона, но съ титуломъ *бачскаго* (а не *колочскаго*) архіепископа, но надо имѣть въ виду, что обѣ эти эпархіи съ 1135 г. (при Бѣлѣ II) были соединены въ одну, и архіепископъ именуется то колочскимъ, то бачскимъ. См. Katona, Hist. Metrop. Colocens. Eccl. (1800) p. I, p. 9 и слѣд. 179—183 и слѣд. Срв. Schmitth, Archiepiscopi Strigon. p. I (1758) p. 46, 51, 64, и особ. 71. Срв. еще извѣст. парижск. рукоп.: Status regni Hungariae sub. Bela III Rege, Endlicher, Mon. Arp., p. 245: Colocensis sedem habet Bachiensem.

[2]) Cinn., c. V, 5, p. 211: Στέφανος δὲ... τῆς ἀρχῆς ἤδη ἐγκρατὴς γεγονὼς βαρὺς ἐδόκει τοῖς ἀρχομένοις καὶ λίαν ἐπαχθὴς ἦν. ὅθεν δκαὶ ἐλοιδοροῦντο αὐτῷ Οὖννοι τὰ πολλὰ καὶ ἔνδηλοι ἦσαν ὡς αὐτίκα τῆς ἡγεμονίας αὐτὸν κατασπάσοντες. W. Mapes, o. c., p. 74: Successit ei frater ejus unicus, *violentia* aequalis priori...

[3]) Cinn., ibid.: ἐφ'οἷς ὁ Στέφανος ἐκταραχθεὶς βασιλέως καὶ πάλιν ἐδεῖτο etc. Nic. Chon., l. c., p. 167: ἀλλ' οὔτε βασιλεὺς πρᾴως ἤνεγκε τὸ γεγονός...

а остальную часть подъ начальствомъ своего племянника Алексѣя, сына Контостефана, послалъ въ Угрію [1]).

Угроза непріятельскаго вторженія заставила вожаковъ возстанія нѣсколько присмирѣть и пріостановить свои дѣйствія, что́ король Стефанъ принялъ за поворотъ къ примиренію съ нимъ, а потому успокоившись и повѣривъ притворной покорности своихъ враговъ, а быть можетъ и послушавшись ихъ коварныхъ совѣтовъ, онъ отпустилъ греческое войско домой [2]).

Разумѣется его обращеніе за помощью къ непримиримому врагу угорскаго государства не только не могло успокоить умы большинства его подданыхъ, но е́ще болѣе возбудило ихъ и окончательно уронило его въ общественномъ мнѣніи, умноживъ еще ряды Угровъ, готовыхъ ежеминутно открыто возстать противъ него. Всякій зналъ, что Мануилъ не станетъ помогать Стефану безкорыстно, что эта помощь куплена дорогою для Угріи цѣною — прежде всего отторженія отъ нея одной изъ ея областей [3]). Движеніе противъ него все возрастало, и престолъ его не могли болѣе защитить ни немногочисленная партія преданныхъ ему соотечественниковъ, ни облагодѣтельствованные имъ иноземцы, которыхъ онъ призвалъ и пріютилъ въ Угріи для умноженія своихъ приверженцевъ [4]).

Прошло съ небольшимъ три мѣсяца послѣ присылки ему греческой помощи, и постепенно собиравшаяся противъ него гроза на-

---

[1]) Cinn., p. 211: *ἄρας τοίνυν ἰσημερούσης ἤδη τῆς ὥρας ἐπὶ τὴν πόλιν ἐφέρετο Φιλίππου* etc. . .

[2]) Ibid.: *ἐν τούτῳ δὲ Στέφανος Οὔννοις ἤδη διαλλαγῆναι νομίσας οὐκέτι τούτου ἔχρῃζεν, ὅθεν καὶ οἴκοι λοιπὸν ὁ Ῥομαίων ἀνεζεύγνυ στρατός.*

[3]) Достаточно было ожиданія этой уступки и нѣтъ особенной надобности признавать ее уже совершившимся фактомъ, чтобъ объяснить возстаніе противъ Стефана, какъ Ф е с с л е р ъ, o. c. 102; K l e i n, o. c., p. 262. Впрочемъ, такъ сказать, номинально отторженіе уже состоялось; Мануилъ считалъ Срѣмъ своимъ, и на этомъ основаніи успѣлъ настоять на его уступкѣ—въ договорѣ съ Стефаномъ Гейз. въ 1163 году.

[4]) Таково было семейство графовъ изъ Orlamünde (изъ Вартенбурга въ Тюрингіи): графъ Hadolth или Hoholth съ дѣтьми и службой, какъ называетъ ихъ Туроцій. Thurocz, c. 19, p. 109 (M. Chr. p. 27). De generatione Buzad: Hujus enim generatio per Regem Stephanum, filium secundi Belae, in Hungariam adducitur in adjutorium Regis memorati. Ex comitibus enim Orlamundi sunt. Primitus enim, qui venit, Hadolth est vocatus, cujus filius similiter Hadolth et Arnoldus etc. Срв. F e s s l e r, o. c. S. 102.

конецъ разразилась: послѣ единичныхъ вспышекъ [1]) вспыхнуло всеобщее возстаніе, результатомъ котораго было его бѣгство изъ Угріи и возвращеніе на престолъ Стефана Гейзича.

О времени и обстоятельствахъ этого возстанія и пораженія старшаго Стефана мы можемъ себѣ составить довольно опредѣленное представленіе на основаніи извѣстій угорскихъ, особенно Мюгельна, и затѣмъ Киннама, въ общемъ согласныхъ между собой. На короля съ оружіемъ въ рукахъ выступилъ изъ своего убѣжища (Пресбурга) самъ Стефанъ Гейзичъ, окруженный своими приверженцами старыми и новыми [2]). Дядя его собралъ всѣ вѣроятно небольшія силы, которыми располагалъ, и вышелъ къ нему на встрѣчу. 19-го іюня 1162 г., въ день свв. Гервасія и Протасія (вторникъ) произошло рѣшительное столкновеніе, повидимому по близости отъ Стольнаго Бѣлграда [3]). Битва была должно быть жестокая, если судить по словамъ угорской хроники, что погибло много лицъ изъ высшаго сословія (nobiles), вѣроятно и съ той, и съ другой стороны [4]). Дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ Стефана „узурпатора", который оставленный всѣми искалъ спасенія въ бѣгствѣ—конечно опять въ Грецію [5]).

---

[1]) О такомъ возмущеніи рода Чаковъ (Csáky) и другихъ противъ него упоминаетъ Туроцій именно по поводу призыва Стефаномъ иноземцевъ. Ibid: Generatio quidem Chaak, cum aliis quibusdam generationibus, conspiraverunt contra istum Regem; quas per Hoholdum, et suam militiam, quam cum ipso adduxerat, dicitur contrivisse.

[2]) Chron. Posoniense, подъ 1172 (вм. 1162), Endl., p. 57: Item Stephanus filius Geysa de poson exiens armata manu expugnavit Stephanum fratrem Ladizlai.—H. Muglen, l. c. p. 78: selber (Стеф. млад.) tzoh er auf den kunig stephan der im gekorn waz und streyt mit im etc. Срв. Cod. dipl. Patrius Hung. VI, p. 3, Nr. 2. Киннамъ Cinn., p. 212 говоритъ просто о возстаніи Угровъ вообще и о томъ, что они между прочимъ обвиняли его и за то, что при немъ дѣла ихъ пришли въ разстройство: *ἀλλὰ μεταξὺ Οὖννοι αὖθις Στεφάνῳ ἐπισυστάντες ἄλλα τε πολλὰ εἰς αὐτὸν ἀπερρίπτουν καὶ δὴ καὶ ὑπ' αὐτῷ τὰ Οὔννων ἀνατετράφθαι ἰσχυρίζοντο πράγματα.*

[3]) Thurocz, l. c. p. 183 (M. Chr., p. 98): devictus est autem in festo sanctorum Gervasii et Protasii feria tertia. Въ цитованной нами грамотѣ дарственной Стефана своему вѣрному слугѣ есть опредѣленіе мѣста сраженія: Cod. dipl. patr., ib.: „Bello tandem *apud Albam* inito cum fratre nostro Stephano servicium quod probum decuit armis et militia exercuit et ibidem vulnera passus fuit" etc.

[4]) Thurocz, l. c. и Chron. Budens., l. c. p. 188: ubi multi Nobiles Hungarorum corruerunt.

[5]) Ibid: Post hoc expulsus est de Regno... По Мюгельну (l. c.) Стефанъ бѣжалъ, когда ему измѣнили и язычники, т. е. вѣроятно Кумано-печенѣги,

О его бѣгствѣ и о случившемся съ нимъ при этомъ сообщаетъ нѣсколько подробностей хроника Генриха Мюгельна, которой нѣтъ основанія не вѣрить, такъ какъ ничего противорѣчащаго этимъ извѣстіямъ нѣтъ въ другихъ источникахъ [1]). По его разсказу Стефанъ во время своего побѣга рѣшился отдохнуть въ одномъ селеніи по имени „Dyo". Одна женщина (жена нѣкаго Алексѣя) дала ему почлегъ въ своемъ домѣ; когда онъ хотѣлъ затѣмъ продолжать путь, она удержала его подъ предлогомъ, что съ нимъ мало людей (т. е. что ему опасно ѣхать?). Но тутъ вернулся ея мужъ Алексѣй, схватилъ его и препроводилъ къ королю Стефану III. Однакожъ послѣдній, посовѣтовавшись съ архіепископомъ остригомскимъ (Лукою Банфи), разрѣшилъ ему выбраться изъ Угріи, но съ условіемъ никогда болѣе не дѣлать попытокъ возвратиться [2]). Нѣсколько страннымъ кажется намъ это великодушіе совѣтчиковъ Стефана Гейзича. Но задержаніемъ и лишеніемъ свободы свергнутаго Стефана они быть можетъ боялись вызвать немедленную войну съ Мануиломъ, къ которой не были готовы.

Получивъ свободу, Стефанъ старшій ушелъ опять къ византійскому императору, но по разсказу Киннама не прямо, а сперва въ одинъ изъ изкони подвластныхъ Византіи придунайскихъ городовъ (мож. быть Браничево, Бѣлградъ?), а оттуда уже въ Средецъ [3]), гдѣ очевидно находился императоръ, вооружавшійся снова вслѣдствіе происшедшихъ событій въ Угріи [4]).

бывшіе на его сторонѣ: do floh der gross stephan der nu gekorn was wenn die heyden fluhen von im... О бѣгствѣ и Cinn., l. V, p. 212.

1) Muglen пользовался очевилно современнымъ лѣтописнымъ пересказомъ, котораго не имѣли передъ собой другіе хронисты. См. Marczali, Ung. Geschquell., S. 66.

3) Muglen, c. LIV, p. 78: do was der gross stephan mude und wolt ruen pey einem dorff das heyst dyo den nam die fraw allexrn und furt in ein hauss do der kunig stephan geruet und wolt enweg reyten do wolt yn die frawe nicht lassen wann er hett wenig volkes do kam der frawen man alexius und vyng yn und antwurt yn dem kunig stephan der ee gekront waz und den kunig lasla vertribben heten do liess der kunig stephan mit rat dez ertzpischoffs von gran aus dem lande zihen das er nymmer mer darein wolt komen.

3) Ibid: Do tzog der kunig stephan der gross der sust ledig wart tzu dem keyser von Constantinopel... Cinn., l. c. p. 212: Στέφανος .. τὸ μὲν πρῶτον φυγὰς ἐπί τινα τῶν ἐγγυτάτω Ἴστρου πόλεων ἦλθεν, αἳ βασιλέως ἀνέκαθεν κατήκοοι τυγχάνουσιν οὖσαι, ἐκεῖθεν δὲ ἐπὶ Σαρδικὴν μεταβὰς ἐνταῦθα βασιλεῖ συνεγένετο.

4) Cinn. ib.: διὰ ταῦτα βασιλεὺς μὲν στράτευμα καὶ πάλιν ἤθροιζε...

Этотъ разсказъ Мюгельна и замѣчаніе нашего византійца объ остановкѣ Стефана въ придунайскомъ городѣ по пути къ Мануилу важны для насъ сколько по существу, ибо первый сообщаетъ довольно любопытную черту отношеній простого народа къ Стефану-дядѣ [1]), столько и для хронологіи, ибо основываясь на нихъ мы можемъ придти къ выводу, что между пораженіемъ Стефана 19-го іюня и появленіемъ его у Мануила долженъ былъ пройти довольно значительный промежутокъ времени, такъ что къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ императоръ не могъ приступить ранѣе поздней осени, или конца 1162 г., а потому его послѣдовавшія дѣйствія въ Сербіи и переговоры съ Települми могутъ относиться лишь къ веснѣ и лѣту 1163 года.

Итакъ злополучный Стефанъ старшій успѣлъ насладиться властью, да и то отравленной для него всякими заговорами и ненавистью большинства Угровъ, всего пять мѣсяцевъ съ небольшимъ. Теперь онъ снова предсталъ передъ Мануиломъ и снова умолялъ его не оставить его своею помощью [2]). Мануилъ не отказывалъ, но пользовался своимъ положеніемъ и страстнымъ желаніемъ Стефана возвратить себѣ власть въ Угріи и отомстить своимъ врагамъ; у него были свои цѣли, къ которымъ онъ стремился не менѣе страстно. Ранѣе онъ помогъ Стефану, заручившись обѣщаніемъ территоріальной уступки. Онъ уже почти владѣлъ уступленною областью. Теперь онъ уже не могъ удовольствоваться этимъ. По словамъ той же угор. хроники Стефанъ согласился получить Угрію отъ Мануила въ ленное владѣніе, съ тѣмъ, чтобы это отношеніе продолжалось и при его преемникахъ [3]). Конечно—надо полагать—не самъ Стефанъ предложилъ стать вассаломъ императора, а ему было прямо поставлено это условіе.

Мануилъ дорого оцѣнилъ свою помощь: онъ рѣшилъ прямо идти къ своей завѣтной цѣли, и Стефанъ согласился на все, хотя

---

[1]) Это селеніе *Dyo* было очевидно въ мѣстности, которой населеніе стояло за Стефана Гейзича, слѣдовательно оно едва-ли находилось въ самой южной части Угріи (Срѣмѣ или Банатѣ), а скорѣе сѣвернѣе.

[2]) Muglen, c. LIV, p. 78; ...Do tzoh der kunig stephan der gross... tzu dem keyzer von Constantinopel und pat dem keyser daz er ym wider hilff zu dem reich...

[3]) Ibid: ...er wolt ungerland von ym tzu lene emphahen und sein nachkomen.

и трудно сказать, насколько были честны его намѣренія. Императоръ имѣлъ разумѣется въ виду только *свои* интересы; самъ претендентъ, хоть и женатый на его родственницѣ, не могъ внушать ему никакого особеннаго участія, и потому словамъ Киннама о живомъ состраданіи и соболѣзнованіи императора — нельзя придавать значенія [1]).

Итакъ Мануилъ опять снабдилъ Стефана и деньгами, и военными силами, съ которыми онъ и пустился снова добывать угорскій престолъ. Даннымъ ему византійскимъ отрядомъ опять командовалъ тотъ же Алексѣй Контостефанъ. Самъ Мануилъ съ своимъ войскомъ потихоньку двинулся тоже на сѣверъ [2]), чтобы слѣдить за дѣйствіями Стефана и ради своихъ собственныхъ дѣлъ. Мы сказали, что появленіе Стефана въ лагерѣ Мануила (въ Средцѣ) случилось по всѣмъ соображеніямъ уже позднею осенью 1162 г. Въ этомъ году императоръ уже не могъ успѣть предпринять чего-либо. Поэтому мы мы должны признать, что Мануилъ снарядилъ Стефана раннею весною 1163 г., а вслѣдъ за нимъ отправился и самъ [3]).

О дѣйствіяхъ Стефана въ этотъ разъ мы никакихъ извѣстій не имѣемъ, но изъ дальнѣйшаго видно, что онъ не имѣлъ успѣха, что новая его попытка утвердиться въ Угріи привела Мануила къ убѣжденію, что у него слишкомъ мало друзей и сторонниковъ въ Угріи и разочаровала царя въ немъ. Но пока Стефанъ дѣйствовалъ тамъ, у Мануила оказалась еще другая важная забота и дѣло, которымъ онъ и занялся. Это было устройство дѣлъ въ Сербіи. Прибывъ въ Нишъ, центральный пунктъ, гдѣ дорога раздваивалась, и одна

---

[1]) Cinn., p. 212: ὁ δὲ σφόδρα περιαλγήσας τοῖς ξυμπεσοῦσι τῆς τύχης τε τὸν ἄνθρωπον οἰκτισάμενος...

[2]) Ibid.: χρήμασί τε ἐδωρήσατο καὶ δυνάμεσιν ἀποχρώσαις ἐπὶ τὴν πατρῴαν αὖθις κατῆγεν ἀρχήν. ἦρχε δὲ τῶν δυνάμεων τούτων Ἀλέξιος οὗπερ ἤδη ἐμνήσθην, ὁ Κοντοστέφανος, βασιλεὺς δὲ κατόπιν ὀλίγῳ ἐχώρει...

[3]) Если прибытіе въ Византію и трехмѣсячное пребываніе тамъ Иконійскаго султана Килиджъ-Аслана II, съ которымъ Мануилъ заключилъ пресловутый, столь важный въ дальнѣйшихъ судьбахъ Византіи договоръ, относится къ зимѣ 116²/₃ года, то этимъ подтверждалась бы наша хронологія, что Мануилъ на эту зиму возвращался въ Византію, а предпріятія его на сѣверъ относятся уже къ веснѣ 1163 года; объ этомъ договорѣ съ Икон. султ. См. Cinn., p. 205; Nic. Ch. p. 154, срв. Успенскій, Цари Алекс. и Андр. Комн. Ж. М. Н. Пр. 1180. ч. 112, стр. 104—105.

шла въ Угрію, а другая въ Сербію, императоръ увидѣлъ, что поведеніе сербскаго архижупана требуетъ его вмѣшательства, и рѣшилъ заняться этимъ дѣломъ [1]). Посмотримъ же, что творилось въ Сербіи.

Мы видѣли, что въ 1159 г. Бѣлушъ оставилъ сербскій престолъ, на который былъ тогда назначенъ императоромъ младшій братъ его Дѣжа, котораго мы признаемъ за Стефана Неманю, съ условіемъ оставаться ему покорнымъ всю жизнь и уступить Византіи область Дендру (сопредѣльную съ Нишемъ) [2]). Первое время Дѣжа оставался вѣренъ Мануилу, но затѣмъ, пользуясь вѣроятно тѣмъ, что вниманіе послѣдняго было отвлечено угорскими дѣлами, нарушилъ договоръ и снова занялъ Дендру. Мало того: какъ свидѣтельствуетъ Киннамъ, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти извѣстія о дѣлахъ сербскихъ, онъ находился въ сношеніяхъ съ Нѣмцами (т. е. съ Фридрихомъ I), сватая себѣ будто-бы въ жены нѣмецкую принцессу, слѣдовательно вступалъ въ союзъ съ врагами восточной имперіи и вообще дѣйствовалъ во враждебномъ имперіи духѣ [3]). Въ добавокъ ко всему этому онъ оказывался непослушнымъ вассаломъ и не шелъ по призыву Мануила воевать съ нимъ противъ Угріи, т. е. вѣроятно въ помощь претенденту Стефану, питая какія-то надежды и со дня на день откладывая свое выступленіе [4]). Такимъ образомъ причинъ неудовольствія на него Мануила было, какъ видно, достаточно.

Все разсказанное здѣсь о Неманѣ находитъ себѣ полное объясненіе въ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ и международныхъ отношеніяхъ. Неманя мечталъ уже тогда о созданіи единаго и независимаго сербскаго государства, и постепенное освобожденіе сербскихъ земель изъ-подъ византійской власти было его главной

---

[1]) Cinn. ib., p. 212: ἐπειδή τε ἐν Ναΐσῳ πόλει ἐγένετο, ἔννοιά τις αὐτῷ ἐπῆλθεν ἐνταῦθα στρατοπεδευσαμένῳ καὶ τῶν ἀμφὶ τῇ Σερβικῇ ἐν παρέργῳ ἐπιμεληθῆναι πραγμάτων. ἄγει γάρ πως ἐφ' ἑκατέρας Παιονικήν τε καὶ Σερβικήν, ὁ χῶρος οὗτος, καὶ ἔστιν ἀμφοτέραις ἐντεῦθεν δέον ἐνιέναι.

[2]) Cinn., p. 204, см. выше стр. 194—95 и 232.

[3]) Ibid, p. 212: Δεσὲ γαρ ὃς βασιλέως δόντος τῆς Σερβικῆς ἦρχε τῷ τότε, ἐπειδὴ τῆς χώρας ἐγκρατὴς ἤδη ἐγένετο... καὶ τῆς Ῥωμαίων ἀφηνιάζων ἀρχῆς ἐς τε Ἀλαμανοὺς ἔπεμψε, κῆδος ἐντεῦθεν ἑαυτῷ συνάψαι διανοηθείς, καὶ πᾶν ὃ μὴ κατὰ γνώμην Ῥωμαίοις ἦν τρόπῳ παντὶ ἔπρασσε.

[4]) Cinn., p. 212—213: τότε δὴ καὶ βασιλέως αὐτὸν μεταστελλομένου ἐφ' ᾧ κατὰ Παιόνων αὐτῷ συστρατεύσει, ὁ δὲ δύστραπός τις καὶ ἰσχυρογνώμων ἐφαίνετο ἐπὶ μακροτέραις τε ταῖς ἐλπίσιν ᾠχεῖτο καὶ εἰς τὴν ἄφιξιν ὑπισχνεῖτο.

задачей. Одинъ онъ былъ конечно слишкомъ слабъ для этого и естественно онъ искалъ опоры извнѣ, въ союзахъ съ главными противниками византійскаго императора. Онъ стремился сблизиться съ западомъ посредствомъ родственныхъ связей [1]) и съ этою цѣлью сносился съ Фридрихомъ I. Точно такъ же онъ старался укрѣпить старую, основанную тоже на родствѣ связь съ Угріей, но конечно не съ партіей, симпатизировавшей Византіи, а съ враждебнымъ ей большинствомъ, королемъ Стефаномъ Гейзичемъ и его правительствомъ, которые, какъ мы знаемъ, въ свою очередь искали и нашли поддержку на западѣ, тоже у императора Фридриха. Эти близкія отношенія Немани къ Угріи дѣйствительно и обнаруживаются вслѣдъ за тѣмъ; понятно, что онъ всячески уклонялся отъ оказанія военной поддержки претенденту Стефану, къ чему его собственно обязывали вассальныя отношенія къ Византіи. Въ такомъ положеніи засталъ дѣла Мануилъ, прибывъ съ своимъ войскомъ къ Нишу. Оказывалось необходимымъ обуздать непослушнаго и строптиваго вассала.

Узнавъ о грозившей ему опасности, сербскій великій жупанъ поспѣшилъ явиться съ изъявленіями покорности въ греческій лагерь. Киннамъ разсказываетъ дальнѣйшее такимъ образомъ. Императоръ принялъ Дѣжу благосклонно и съ честью. Но это не послужило ему на пользу. Видя, что его безразсудство осталось безнаказаннымъ, сербскій князь снова замечтался и сталъ замышлять противъ Грековъ еще худшее, но замыслы свои держалъ въ тайнѣ [2]). Мануилъ оставался спокойно въ Нишѣ, ожидая результатовъ экспедиціи Стефана-

---

[1]) Говорятъ, будто Неманя, побуждаемый Стефаномъ Гейзичемъ, выдалъ дочь свою за Леонардэ, князя осорскаго (сына венеціанскаго дожа Витала Михаила II), котораго другой братъ Никола, князь рабскій, былъ женатъ на Маріи, дочери Владислава (II) изъ королевскаго рода, т. е. угорскаго. Такъ утверждаютъ, опираясь на хрон. Дандула и понимая подъ его *dux Edessae*—сербскаго в. жупана *Дѣжу* (въ лѣтоп. попа Дуклянскаго онъ назв. *Dessa*). Это конечно правдоподобно. Но во всякомъ случаѣ извѣстіе объ этомъ бракѣ относится къ болѣе позднему времени (1166). См. Danduli Chron. (Muratori XII), p. 292. Lucius, De Regno D. et Cr. l. III, c. 12. Срв. Kukuljević-Sakc. o. c., str. 111. Еще Klaić, Byz. vlad. p. 29, который повидимому понимаетъ это мѣсто Дандула иначе. Также и Гизебрехтъ (Gesch. d. d. Kaiserz. B. V, S. 676), видящій въ „dux Edessae" какого-то угор. воеводу обл. *Deés* (въ Трансильваніи), весьма знатнаго человѣка, но на какомъ основаніи—не знаемъ.

[2]) Cinn. ib., p. 213.

дяди въ Угрію. Между тѣмъ Угры, которымъ становилась крайне тягостной борьба противъ навязываемаго имъ короля, рѣшились очевидно попытаться убѣжденіями подѣйствовать на Мануила и повидимому съ этою цѣлью отправили къ нему пословъ. Эти-то послы встрѣтились, по словамъ нашего историка, съ сербскимъ архижупаномъ и спросили его, какъ идутъ его дѣла, на что онъ откровенно отвѣчалъ, что *идутъ хорошо, что онъ считаетъ себя достойнымъ расположенія къ себѣ ихъ короля, причемъ онъ назвалъ послѣдняго своимъ господиномъ*. Но объ этомъ узналъ Мануилъ отъ свидѣтелей, измѣнившихъ Дѣжѣ, немедленно призвалъ его къ отвѣту, вынудилъ у него признаніе, представивъ ему обвинителей и свидѣтелей, и посадилъ его подъ стражу, не лишая однако чести, т. е. содержа его въ палаткѣ, окопанной валомъ—по обычаю, принятому въ лагеряхъ (съ какихъ поръ это мѣсто въ народѣ слыло *валомъ Дѣжи*). Впослѣдствіи онъ былъ взятъ въ Византію, гдѣ тоже сидѣлъ подъ стражей [1]).

Въ то же самое время, какъ сказано, явились къ Мануилу и послы угорскіе—по поводу новаго предпріятія Стефана-дяди—съ просьбой не навязывать имъ короля, котораго они ни за что не примутъ. Однакожъ Мануилъ, „видя, что они не говорятъ ничего путнаго", тотчасъ отправилъ ихъ во свояси, самъ же перешелъ лагеремъ къ Бѣлграду и тутъ расположился [2]). Это могло быть уже въ началѣ лѣта 1163 года, ибо на всѣ разсказанныя здѣсь событія надо положить два-три мѣсяца.

---

[1]) Ibid. p. 213—214: ἧκον μὲν γὰρ ὀλίγῳ ὕστερον πρέσβεις ἐς βασιλέα παρὰ τοῦ Παιόνων ἔθνους. ὁ δὲ κατά τινα τύχην αὐτοῖς συναντώμενος ὅπη τε τὰ κατ᾽ αὐτὸν ἔχοι πρὸς αὐτῶν ἠρωτημένος, ὥσπερ ἔθος ἐστίν, ἀπαρακαλύπτως ἔφησεν ὡς καλῶς καὶ τῆς πρὸς αὐτὸν ἐπαξίως τοῦ σφῶν ῥηγὸς εὐμενείας, κύριον αὐτὸν διαφανῶς ὀνομάσας. ταῦτα πυθόμενος βασιλεὺς... etc. ... Валъ Дѣжи (Δεσὲ χάραξ), правда, напоминаетъ *Дѣжево поле* (или село), любимое мѣстопребываніе Немани, около Новаго Пазара (Расы), (см. Гильфердингъ, Босн., Герцог. и Стар. Серб.), какъ указываетъ Васильевскій, о. с., стр. 281, но эта мѣстность не сходится съ тою (ок. Ниша), гдѣ повидимому происходило дѣло, такъ что вѣрнѣе искать его по р. Моравѣ, гдѣ есть нынѣ село Тешица, что и принимаетъ Сретьковичъ, Ист. срп. нар. (I кн.) стр. 225.

[2]) Cinn., ib. p. 214: βασιλεὺς δὲ τοῖς ἐκ τῶν Παιόνων ἀφικομένοις χρηματίσας πρέσβεσιν, ἐπειδὴ μηδὲν ὑγιὲς αὐτοὺς ἀπαγγέλλοντας ἔγνω, ἐκέλευεν.... αὖθις πορεύεσθαι etc.

Между тѣмъ въ Угріи дѣла шли вовсе не согласно съ предположеніями и надеждами Мануила. Политическіе его замыслы готовы были потерпѣть полную неудачу и тутъ: захваченная уже было добыча вновь ускользала изъ рукъ. Только этимъ неблагопріятнымъ оборотомъ дѣлъ можно объяснить повидимому довольно внезапный поворотъ въ мысляхъ и планахъ императора, происшедшій теперь, и ту новую политическую комбинацію, которая правда вѣроятно не вдругъ тогда только созрѣла въ его головѣ, а уже раньше была обдумана, но на которую онъ рѣшился только теперь въ Бѣлградѣ. Спрашивается, что именно было причиной этого рѣшенія. Во первыхъ очевидно оказавшаяся несостоятельность Стефана, не находившаго достаточной опоры въ Угріи, и разочарованіе въ немъ Мануила, о чемъ свидѣтельствуетъ и Киннамъ [1]), а затѣмъ можетъ быть еще бо́льшую роль играло тутъ другое обстоятельство, на которое мы тоже находимъ указаніе въ другихъ источникахъ (западныхъ) и которое дѣйствительно было въ состояніи произвести впечатлѣніе на Мануила. Это были недавно завязавшіяся сношенія короля Стефана Гейзича съ императоромъ Фридрихомъ, у котораго онъ искалъ поддержки противъ восточнаго императора: именно къ этому времени слѣдуетъ повидимому пріурочить обращеніе короля къ Фридриху съ предложеніемъ крупнаго денежнаго дара въ 5,000 марокъ, за который нѣмецкій государь обѣщалъ свою помощь Угріи въ случаѣ надобности [2]). Одновременно сносился съ Нѣмцами, какъ мы видѣ-

[1]) Cinn., ib., p. 214: ἐπειδήπερ ὁ βασιλεὺς ἐνταῦθα ἐγένετο, γνοὺς ἀμήχανα εἶναι λοιπὸν Στέφανον γῆς ἄρξειν τῆς Οὔννων (ἤδη γὰρ Στέφανον αὖθις τὸν Ἰατζᾶ κατεστήσαντο φέροντες) ἑτέραν ἐτράπετο.

[2]) Chronic. Austriae (Pez, I, 559) и тоже у Rahewin'a Appendix, o. c., p. 277: 1164 a. dissentientibus inter se fratribus Goizi et filio ejus parvulo, puer imperatorem, datis 5 milibus marcarum, sue parti adiungit. Срв. F.-Klein, o. c., S. 263. На тогдашнія сношенія Угріи съ Фридрихомъ и ожидавшійся его походъ туда, слухъ о которомъ сильно обезпокоилъ папу Александра, указываютъ и нѣкоторые современные документы, на которые справедливо обратилъ вниманіе въ данномъ случаѣ Гизебрехтъ (Giesebrecht, Gesch. V, B. (1880), S. 380, срв. Huber, Gesch. Ung. S. 361), хотя его хронологію угорскихъ событій мы не можемъ признать вѣрною, такъ какъ событія конца 1163 г. перенесены имъ на начало его. Насколько папа Александръ опасался похода Фридриха въ Угрію, могшаго повлечь за собой отпаденіе послѣдней отъ его авторитета, видно изъ письма папы къ архіепископу Эбергарду зальцбургскому съ порученіемъ всячески препятствовать этому

ли, и угорскій союзникъ, сербскій архижупанъ — съ тѣми же надеждами.

Какъ эти послѣднія сношенія не остались тайной для Мануила, такъ не могли укрыться отъ него и сношенія угорскаго короля съ его могущественнымъ врагомъ. Онъ не безъ основанія опасался, что такой союзъ можетъ положить неопреодолимую преграду осуществленію его политическаго замысла, а потому какъ эта причина, такъ и неуспѣхи претендента Стефана въ Угріи заставили его измѣнить политику и придумать новую хитроумную комбинацію для достиженія инымъ путемъ тѣхъ цѣлей, отъ которыхъ отказаться онъ и не помышлялъ. Напротивъ, тѣ препятсвія и неудачи, которыя онъ встрѣчалъ на своемъ пути, еще болѣе его раззадоривали и возбуждали въ немъ духъ предпріимчивости и настойчивость. Киннамъ не даромъ именно по этому поводу свидѣтельствуетъ, что царь „захотѣлъ во что бы то ни стало подчинить себѣ землю Угровъ, расположенную между землями западныхъ народовъ“ [1]). Эти выраженія достаточно характеризуютъ опредѣленность и ширину мануиловыхъ политическихъ стремленій. Прежній планъ его силою водворить сперва свое вліянія, а потомъ и власть въ Угріи не удался. Оказывалось болѣе разумнымъ примириться съ фактами, съ господствовавшимъ въ Угріи отвращеніемъ къ тому лицу, которое онъ ей навязывалъ въ правители, и признать пока королемъ во всякомъ случаѣ законнаго наслѣдника престола и опять на дѣлѣ овладѣвшаго имъ молодого Стефана Гейзича, выговоривъ себѣ за это что нужно, а одновременно требовалось не упустить своей главной задачи: проложить

походу и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и на Луку Банфи, Meiller, Reg. arch. Salisburg. 105 (письмо отъ 29 мая 1163 г.). Гизебрехтъ (тамъ же), а за нимъ Губеръ пріурочиваютъ къ этому же времени и извѣстное письмо Фридриха къ маркграфу Оттокару Штирійскому, въ которомъ онъ поручаетъ рѣшеніе какихъ-то угорскихъ дѣлъ ему, Владиславу чешскому и Генриху Язомирготу (у Sudendorf, Registrum, I, 61), но по нашему мнѣнію несправедливо, ибо съ бóльшимъ вѣроятіемъ этотъ документъ, какъ мы видѣли, пріурочивается къ 1158 году. Теперь, въ 1163 г., Фридрихъ оставилъ мысль похода въ Угрію просто потому, что узналъ о переговорахъ и договорѣ Фридриха I съ Мануиломъ. Срв. еще Kap-Herr, o. c., S. 79. О политической силѣ и роли Фридриха въ то время см. ib. S. 73—5 и сл.

[1]) Cinn., ib. p. 214: Οὐννικῆς γὰρ δυνάμει τῇ πάσῃ καθάπερ εἴρηται μεταποιεῖσθαι ἤθελεν ἐν μεταιχμίῳ τῶν ἑσπερίων κειμένης ἐθνῶν.

новый путь къ постепенному утвержденію своего господства на среднемъ Дунаѣ, и для того удержать Угрію въ сферѣ своего вліянія, подготовивъ новый поводъ къ вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла. Для этого изобрѣтательный Мануилъ задумалъ смѣлый и хитрый планъ, къ исполненію котораго и приступилъ, находясь въ Бѣлградѣ въ началѣ лѣта 1163 г.

Киннамъ, нашъ главный источникъ для этихъ и послѣдующихъ событій, не говоритъ о томъ существенномъ условіи, на которомъ Мануилъ согласился признать Стефана Гейзича королемъ угорскимъ и которое по всѣмъ соображеніямъ состояло въ утвержденіи за Мануиломъ уже уступленной ему по уговору Стефаномъ IV во время его правленія *срѣмской* области. А между тѣмъ это неоспоримо вытекаетъ изо всего хода событій, изъ дальнѣйшихъ прямыхъ свидѣтельствъ (о событіяхъ 1164 г.), изъ того, что область эта съ тѣхъ поръ находилась во власти Византіи, да и изъ самой исторической логики фактовъ. Разъ заполучивъ эту территоріи отъ Стефана IV за оказанныя ему услуги, Мануилъ—если даже фактически не успѣлъ ею овладѣть—не могъ отъ нея отказаться, удовольствовавшись перспективою будущихъ благъ отъ новыхъ связей, завязанныхъ имъ съ королемъ угорскимъ. Это было бы совсѣмъ не въ его духѣ. Киннамъ просто пропустилъ это условіе, что можно заключить изъ того, что онъ потомъ глухо ссылается на него при изложеніи слѣдующаго угро-византійскаго договора 1164 года [1]), какъ это увидимъ ниже.

Въ свою очередь Мануилъ обѣщалъ конечно не поддерживать болѣе Стефана. Новое же его предложеніе состояло вотъ въ чемъ. Онъ задумалъ выдать свою единственную дочь (отъ первой жены Ирины) Марію [2]) за второго сына Гейзы—Бѣлу, и получивъ его, тогда еще 12—13-тилѣтняго мальчика (род. не ранѣе 1150 г.), въ свои руки, воспитать его въ Византіи—съ мыслью быть можетъ приготовить изъ него себѣ наслѣдника, въ виду неимѣнія мужского потом-

---

[1]) Ibid., c. 8, p. 224: οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ὅσα πάλαι, καθάπερ ἔφην, ὑπέσχετο δευτέροις ἐπικατελάμβανεν ὅρκοις.

[2]) См. о ней: Schier, Reginae Hung., l. c. p. 131 и сл. Janisch, o. c., S. 38—40 смѣшиваетъ ее съ Маріей, женой Стефана IV.

ства и малой надежды на таковое. Относился ли тогда самъ Мануилъ серіозно къ этому послѣднему плану, иными словами: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ грандіознымъ и обдуманнымъ планомъ посредствомъ усыновленія и назначенія наслѣдникомъ византійскаго престола угорскаго королевича сразу рѣшить въ пользу Византіи вопросъ о борьбѣ востока и запада на среднемъ Дунаѣ, или лишь съ хитроумной затѣей византійской политики—для лучшаго завлеченія врага въ свои сѣти—сказать нелегко. Очень вѣроятно, что мысль сдѣлать изъ Бѣлы истаго грека и византійца, способнаго стать его достойнымъ преемникомъ и мирно присоединить впослѣдствіи къ восточной имперіи владѣнія угорской короны—уже тогда увлекала Мануила до нѣкоторой степени, какъ не покидала его и позже, но осуществленіе этой мысли должно было зависѣть отъ столькаго въ будущемъ—тѣмъ болѣе, что надежда имѣть сына отъ второй жены Маріи антіохійской, съ которой царь вступилъ въ бракъ въ концѣ 1161 г., еще не изчезла, — что для Мануила этотъ планъ имѣлъ пока всетаки преимущественно значеніе приманки и соблазна для Угровъ; главною же и ближайшею его цѣлью очевидно было теперь, добывъ этимъ путемъ право опеки и надъ наслѣдственною областью Бѣлы, оттянуть отъ Угріи еще часть ея территоріи. Факты очень скоро обнаружили эти истинныя намѣренія императора.

Итакъ въ Угрію былъ посланъ, повидимому прямо изъ Бѣлграда, царскій посолъ севастъ Георгій Палеологъ, которому даны были всѣ инструкціи и поручено вести дѣло о предположенномъ бракѣ, и въ случаѣ успѣха привести Бѣлу въ Византію. Самъ же императоръ отправился назадъ, въ столицу [1]). Палеологъ вступилъ въ переговоры съ Уграми, предложилъ вышеозначенное условіе признать status quo въ Угріи и передалъ царскія предложенія относительно стефанова брата Бѣлы, т. е. предложилъ брачный союзъ его съ царскою дочерью и передачу его на воспитаніе въ Византію съ блестящей перспективой для него стать наслѣдникомъ императора, но съ условіемъ сохраненія за нимъ или предоставленія ему и впредь въ полное владѣніе его наслѣдственаго удѣла, т. е. той

---

[1]) Cinn., p. 215: Γεώργιον μὲν οὖν... Παλαιολόγον... ἐπὶ Οὐννικὴν πέμψας δοκιμάζειν ἐκέλευε περὶ τοῦ κήδους. ὁ δὲ τὴν ἐς Βυζάντιον αὖθις ἐστείλατο.

области, которая ему назначена была удѣломъ еще отцомъ Гейзой [1]). Изъ дальнѣйшаго оказывается, что этою область была *Далмація*, предметъ давнишнихъ притязаній византійскаго императора [2]).

Угры оказались весьма сговорчивы: они приняли всѣ условія Мануила, отпустили съ Палеологомъ брата короля — Бѣлу и даже, по выраженію Киннама, *охотно* предоставили ему наслѣдственную его область [3]), т. е. согласились считать ее по прежнему его удѣломъ. Очевидно они такъ легко согласились на все потому, что были весьма польщены лестными предложеніями Мануила и ихъ особенно соблазняла блестящая перспектива, ожидавшая Бѣлу. У нихъ въ этомъ отношеніи были можетъ быть свои надежды и мечты...

Мы такимъ образомъ нисколько не сомнѣваемся, что намѣренія Мануила насчетъ Бѣлы были ясно выражены его посломъ, именно съ цѣлью такъ сказать отвестиانграмъ глаза отъ ближайшаго замысла императора, хотя объ этомъ и умалчиваетъ Киннамъ. И Угры дѣйствительно пошли на соблазнившую ихъ сдѣлку, ни мало повидимому не сомнѣваясь въ искренности и безобидности предложеній Мануила. Къ тому же страна нуждалась въ мирѣ, а отказъ ихъ, который былъ бы весьма оскорбителенъ для царя, былъ равносиленъ продолженію тяжелой войны—съ сомнительнымъ исходомъ.

---

[1]) Ibid., p. 214—15: Βελᾶν τοίνυν ὃς μετὰ Στέφανον τῷ Ἰατζᾷ παῖς ἦν, Μαρίᾳ τῇ αὐτοῦ θυγατρὶ συνάψαι πρὸς γάμον διενοήθη... и далѣе:. .Βέλαν...ἔδοσαν αὐτῷ καὶ χώραν, ἣν ὁ πατὴρ αὐτῷ περιὼν ἀπεδάσατο, ἄσμενοι ἐκληροῦντο. Киннамъ здѣсь не говоритъ о видахъ Мануила относительно Бѣлы въ будущемъ, но не можетъ быть сомнѣнія, что Уграмъ были сообщены эти виды. Nic. Chon., l. IV, p. 167: καὶ τοῦ βασιλέως τὸν τοῦ Ἰατζᾶ υἱὸν τὸν Βελᾶν εἰς γαμβρὸν ἀνελομένου ἐπὶ τῇ θυγατρὶ ἐκείνου Μαρίᾳ, ὃν καὶ διάδοχον τῆς βασιλείας ἐμελέτα ποιῆσαι. Срв. ibid. p. 179.

[2]) Это видно какъ изъ всего хода дальнѣйшихъ событій, такъ и изъ прямого указанія Киннама въ другомъ мѣстѣ, см. Cinn. IV, p. 248—49. Далмація должна быть принимаема здѣсь не въ узкомъ смыслѣ бывшей собственно византійской Далмаціи, т. е. приморскихъ городовъ съ ихъ округами, какъ у Конст. Багрян. (см. нашу книгу „Изв. Конст. Б. о Серб. и Хорв.“ стр. 44—57), а въ ея болѣе широкомъ значеніи, т. е. со включеніемъ старой Хорватіи (до Савы) и Рамы. Старые историки много путали въ этомъ вопросѣ, но уже Микоци (o. c. Banorum series, 1792) значительно разъяснилъ его, Arkiv, XI, стр. 64 — 66. Ошибочно считаютъ нѣкоторые этимъ удѣломъ Срѣмъ; онъ былъ удѣломъ Стефана-дяди и его уступка была договорена особо.

[3]) Cinn., ib., p. 215: ... ἄσμενοι ἐκληροῦντο.

Итакъ Палеологъ, взявъ съ собой молодого князя Бѣлу и заключивъ договоръ, вернулся въ Византію, успѣшно исполнивъ свою миссію къ немалому удовольствію Мануила. Это по расчету времени могло быть еще лѣтомъ или раннею осенью 1163 года. Императоръ, по словамъ Киннама, занялся приготовленіями къ браку (скорѣе пока только къ обрученію), а Бѣлѣ дано было имя *Алексѣя* и высокій санъ *деспота* [1]). Одновременно по всей вѣроятности онъ былъ присоединенъ и къ греческой церкви [2]), хоть объ этомъ и не сообщается, и конечно Мануилъ не медля позаботился о томъ, чтобы дать ему подобающее воспитаніе и образованіе въ чисто греческомъ духѣ. Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла въ Угріи, Мануилъ устремилъ свое вниманіе въ Азію, гдѣ неблагопріятный оборотъ дѣлъ требовалъ тоже его вмѣшательства; но не успѣлъ онъ обратить туда свои силы, какъ долженъ былъ снова оставить свои азіатскіе планы, ибо событія на Дунаѣ опять призывали его туда [3]).

Эти событія заключались въ томъ, что король угорскій внезапно наложилъ свою руку на наслѣдственное владѣніе своего брата Бѣлы, т. е. на Далмацію. По разсказу Киннама выходитъ, что нарушеніе мира и только-что заключеннаго договора исходило повидимому безъ всякаго повода отъ Стефана Гейзича [4]) и что лишь вслѣдъ за тѣмъ начались опять враждебныя противъ него дѣйствія его дяди Стефана. Но на самомъ дѣлѣ было не такъ. Внимательное чтеніе и разборъ всѣхъ извѣстій убѣждаетъ насъ въ томъ, что поступокъ угорскаго короля былъ вызванъ весьма уважительными причинами, кроющимися прежде всего въ коварномъ и двусмысленномъ образѣ дѣйствія противной стороны. По смыслу договора Мануилъ долженъ былъ совсѣмъ отказаться отъ претендента Стефана, отнять

---

[1]) Ibid: καὶ τὸ ἐντεῦθεν τῶν ἐπὶ τῷ κήδει βασιλεὺς ἐφρόντιζεν, ὅ τε παῖς Ἀλέξιος ἤδη μετωνομάσθη καὶ δεσπότης ἀνεβοήθη. Имя Алексѣя было дано Бѣлѣ, быть можетъ, въ виду того же предсказанія, о которомъ сообщаетъ Никита Хон. и которое побудило дать то же имя впослѣдствіи и сыну Мануила. См. Nic. Chon., V, p. 220.

[2]) Срв. Finlay, o. c., p. 175. Это не помѣшало Бѣлѣ (III-му) впослѣдствіи на престолѣ угорскомъ, стать усерднымъ сыномъ и слугою римской церкви.

[3]) Cinn., ib. p. 216.

[4]) Cinn., ib., p. 216: ὅ τε γὰρ νέος Παιόνων ῥὴξ τοῦ Βελᾶ καὶ πάλιν ἐπαβάτευε κλήρου καὶ παρεσπόνδει καὶ τότε περιφανέστατα...

у него вспомогательное войско и совершенно его обезнадежить въ своемъ участіи. Однакожъ изъ послѣдующаго оказывается, что Стефанъ не только не былъ предоставленъ себѣ и лишенъ поддержки, но по прежнему имѣлъ въ своемъ распоряженіи греческую военную силу, оставаясь даже повидимому въ Срѣмѣ, т. е. близь границы угорской, по прежнему замышлялъ недоброе, и если не смѣлъ еще предпринять ничего новаго, то всеже былъ наготовѣ.

Какъ это обстоятельство, не могшее укрыться отъ угорскаго короля, такъ по всей вѣроятности и какія-нибудь распоряженія Византіи въ наслѣдственномъ владѣніи Бѣлы, т. е. Далмаціи, которую Мануилъ считалъ уже своею, раскрыли глаза Стефану Гейзичу и угорскому правительству насчетъ истинныхъ намѣреній и цѣлей императора, состоявшихъ прежде всего въ присвоеніи еще новой угорской области. Становилось яснымъ, что это было ближайшею цѣлью, а Стефанъ-дядя игралъ роль угрозы — на случай сопротивленія Угровъ. Вотъ почему король Стефанъ Гейзичъ, вовсе не предполагавшій совсѣмъ уступать Далмацію Византіи, а согласившійся лишь признавать ее и впредь удѣльною областью Бѣлы, желая во́-время спасти ее для Угріи и пользуясь удаленіемъ Мануила, поспѣшилъ занять ее своими войсками, а этотъ шагъ былъ сигналомъ для претендента признать свои руки развязанными и предпринять походъ въ Угрію съ цѣлью вновь попытаться утвердить тамъ свою власть [1]).

Вотъ какія происшестія опять призывали Мануила на Дунай. Но пока Мануилъ успѣлъ собраться и съ достаточными для достиженія своихъ цѣлей силами прибылъ къ театру событій, дѣла подвинулись здѣсь значительно впередъ, и Стефанъ старшій быстрыми и рѣшительными дѣйствіями успѣлъ овладѣть довольно сильной позиціей въ Угріи, причемъ къ нему примкнули его прежніе приверженцы, да вѣроятно явились и новые. Источники наши говорятъ очень темно и неопредѣленно объ успѣхахъ и положеніи, достигнутыхъ Стефаномъ-дядей въ Угріи въ этотъ разъ, именно осенью 1163 г., и это обстоятельство даже сбило съ толку многихъ изслѣдователей, почти проглядѣвшихъ этотъ любопытный эпизодъ властвованія претенден-

---

1) Ibid.: καὶ Στέφανος...ἀνακαλεῖσθαι τὴν ἀρχὴν διενοεῖτο.

та въ Угрiи, и было причиной той сбивчивости, которой отличаются изложенiе и хронологiя всѣхъ этихъ событiй у историковъ [1]). Между тѣмъ мы имѣемъ достаточно указанiй и данныхъ для заключенiя, что Стефану на сей разъ сильно повезло и что онъ на нѣкоторое время успѣлъ прiобрѣсти такую позицiю, которая внушала ему большiя надежды и въ которой онъ воображалъ себя уже снова королемъ угорскимъ. Если Киннамъ замѣчаетъ, что Стефанъ приступилъ къ дѣлу опрометчиво и неосмотрительно и попалъ въ опасное положенiе [2]), то это можно отнести лишь къ самому началу его предпрiятiя, когда онъ дѣйствительно быть можетъ рисковалъ, слишкомъ ужъ смѣло бросившись впередъ, но затѣмъ, когда онъ нашелъ сторонниковъ въ Угрiи и особенно съ приближенiемъ на сѣверъ самого Мануила его положенiе очевидно упрочилось.

Мы видѣли, что король Стефанъ занялъ наслѣдственную область Бѣлы, т. е. Далмацiю. Онъ и самъ явился туда, какъ можно судить по данной имъ вѣроятно при этомъ случаѣ подтвердительной грамотѣ архiепископу сплѣтскому Петру, отмѣченной 1163-мъ годомъ — вторымъ его царствованiя [3]). Появленiе его въ Далмацiи было, какъ сказано, сигналомъ для Стефана IV. Не успѣлъ онъ еще по всей вѣроятности вернуться домой, какъ послѣднiй перешелъ угорскую границу и сталъ вербовать себѣ сторонниковъ. Мы выше замѣтили, что Стефанъ пребывалъ передъ этимъ въ Срѣмѣ, вновь подтвержденной за Византiей области. Свидѣтельство Киннама, что онъ вторгся въ Угрiю черезъ Анхiалъ (δι' Ἀγχιάλου) (?) [4]), должно быть признано ошибкою; онъ вступилъ въ Угрiю вѣроятно гдѣ-нибудь около нын.

---

[1]) См. Fessler, o. c. S. 104—105; Klein, o. c. S. 263—64; Sasinek, o. c., str. 110; Klaić, въ указ. брош., str. 15 и друг. Нѣсколько яснѣе у Szalay, o. c. S. 309.

[2]) Cinn., ib.: ἔλαθε δὲ προπετέστερον μᾶλλον ἢ προμηθέστερον τῷ πράγματι ἐπιχειρήσας etc.

[3]) Fejér. II, p. 167—68; Kukuljev.-Sakc., Cod. Dipl. II, 66. Срв. Klaić, ib. 14 (хронологiя у него ошибочна); Dudik, o. c. S. 361. Эта грамота осени 1163 года съ указанiемъ *втораго* года царствованiя Стефана — вполнѣ подтверждаетъ нашу хронологiю; 19 iюня 1163 года исполнился первый годъ его правленiя.

[4]) Cinn., ib., p. 216: δι' Ἀγχιάλου πόλεως ἐπὶ τὴν Οὐννικὴν ποθεν παρεισδύς . .

Петроварадина, т. е. тамъ, гдѣ послѣ шелъ и Мануилъ [1]). Изъ Киннама видно, что король Стефанъ, собравъ войско, былъ сперва готовъ выступить противъ него [2]), и быть можетъ претендентъ одно время и былъ въ опасномъ положеніи, но кажется не долго. Къ сожалѣнію мы не знаемъ никакихъ подробностей о дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ, но ясно одно: что онъ съ помощью своихъ сторонниковъ въ Угріи и въ виду близкой поддержки Мануила овладѣлъ постепенно настолько сильной позиціей, что королю Стефану и его совѣтникамъ пришлось для защиты престола серіозно искать помощи на сторонѣ — внѣ Угріи.

О такомъ положеніи дѣла можно составить себѣ заключеніе не только на основаніи показаній нашихъ источниковъ [3]), хотя они не говорятъ о немъ прямо и опредѣленно, но и на основаніи одного современнаго документа, а именно подтвердительной грамоты Стефана IV, выданной загребскому епископу и церкви, съ датой 1163 года, которую слѣдовательно можно пріурочить только къ этой эпохѣ [4]). Грамота эта, данная въ Остригомѣ, представляя такимъ образомъ важное свидѣтельство о тогдашнемъ положеніи въ Угріи Стефана IV, любопытна и тѣмъ, что поименованіемъ свидѣтелей дѣла сообщаетъ намъ драгоцѣнныя извѣстія о томъ, кто окружалъ претендента, кто были его сторонники и какова была его партія (не только теперь, но и ранѣе). Конечно надо имѣть въ виду, что не многіе переходили къ Стефану-дядѣ изъ личной преданности ему: большинство дѣлало это изъ страха, видя что счастіе клонится на его сторону и что на помощь ему идетъ самъ восточный царь...

---

[1]) Ibid., p. 217. Fessler, S. 104, пр. предлагаетъ читать вм. невѣроятнаго Анхіала—Akimink, т. е. Aciminсum (стар. назв. Петроварадина).

[2]) Ibid., p. 216—17. ὡς γὰρ περιιὼν τῶν Οὔννων ὑπεποιεῖτό τινας, γνοὺς ὁ Στέφανος πανστρατὶ ἐπ' αὐτὸν ἐφέρετο. Здѣсь подъ Стефаномъ разумѣй короля, а не претендента.

[3]) Cinn., p. 217, какъ увидимъ далѣе, и Muglen, c. LIV, p. 79.

[4]) Fejér, II, p. 165 — 66; Kukuljev.-Sakc., ib., p. 66—67. Дата: A. D. J. MCLXIII Indictione XI, Epacta XIV etc. Она не могла быть издана въ первый періодъ правленія Стефана IV, длившійся съ января 1162 по іюнь 1162 г. Равнымъ образомъ ее трудно отнести и къ началу 1163 г. ибо тогда Стефанъ, хотя и былъ въ Угріи, никакого успѣха не имѣлъ. Если дата этой грамоты, по словамъ Катоны (Hist. Crit., IV, p. 44—45) указываетъ на *начало* 1163 года, то мы готовы скорѣе признать какую-нибудь ошибку въ самой датѣ.

Итакъ по свидѣтельству этого документа — Стефана IV на этотъ разъ окружали епископы печухскій (Quinque Ecclesiae), варадинскій и чанадскій съ архіепископомъ бачскимъ (т. е. бачско-колочскимъ) Микономъ (съ свое время короновавшимъ Стефана) во главѣ, снова явившійся на сцену банъ хорв. Бѣлушъ, который оказывается въ роли судьи въ данномъ спорномъ дѣлѣ загребской церкви („huius litigii Belus Banus Judex exstitit“), графъ палатинъ Ѳома, банъ (боснійскій) Боричъ, и нѣсколько другихъ графовъ, между которыми встрѣчаемъ бодрогскаго графа Генриха и чанадскаго графа (Eusa или Esau?) [1]. Если мы вглядимся ближе въ рядъ этихъ приверженцевъ Стефана IV и сопоставимъ ихъ, то замѣтимъ, что всѣ они принадлежатъ *южнымъ* краямъ угорскаго государства и вообще югу, пограничному съ владѣніями имперіи, гдѣ преобладало славянское населеніе греческой церкви. Сюда принадлежали и высшіе духовные сановники, и баны Бѣлушъ и Боричъ, и графы бодрогскій и чанадскій. Такимъ образомъ ясно, что южныя части Угріи признали Стефана IV, тогда какъ весь сѣверъ Угріи остался вѣренъ Стефану Гейзичу. Повторяемъ, такое раздвоеніе въ Угріи и такое усиленіе партіи претендента нельзя относить на счетъ симпатіи къ личности послѣдняго; тутъ дѣйствовали съ одной стороны страхъ передъ Мануиломъ и его матеріальной силой, готовой обрушиться на плохо защищенную страну въ случаѣ сопротивленія, а съ другой—собственно въ народныхъ слояхъ (православно-славянскихъ) покорность высшему авторитету восточнаго царя.

Особенное наше вниманіе среди окружавшихъ Стефана IV обращаютъ на себя два уже давно знакомыя намъ лица, на которыхъ нельзя не остановиться. Это банъ Бѣлушъ и банъ Боричъ. Первый изъ нихъ упоминается здѣсь послѣ своего удаленія изъ Сербіи и возвращенія въ Угрію — въ первый и послѣдній разъ. При Стефанѣ Гейзичѣ онъ не могъ играть роли — по своему извѣстному политическому направленію, но и вообще въ эту смутную эпоху борьбы изъ-за престола онъ повидимому не выступалъ дѣятельно, и теперь въ 1163 г. мы встрѣчаемъ его впервые опять баномъ (хорватскимъ).

---

[1]) Fejér, ib., p. 166; Katona, Hist. Crit., IV, p. 43—44; Kukuljev.-Sakc., Cod. D., p. 66—67.

Занялъ ли онъ снова этотъ постъ только теперь по назначенію Стефана IV, или уже ранѣе — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ очевидно не могъ на немъ удержаться съ окончательнымъ переходомъ власти къ Стефану Гейзичу, — въ документахъ болѣе нѣтъ его имени и къ сожалѣнію вообще никакихъ извѣстій о немъ мы болѣе не имѣемъ.

Банъ боснійскій Боричъ, стоявшій въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Угріи и, какъ мы видѣли, бывшій ея союзникомъ еще въ 50-хъ годахъ въ войнѣ съ Византіей [1]), оказывается теперь также на сторонѣ Стефана IV-го, будучи заодно съ прочими представителями южноугорскихъ земель и вѣроятно находясь въ нѣкоторой степени подъ вліяніемъ страха передъ Мануиломъ, которому близкія отношенія его къ Угріи не могли нравиться и который хорошо помнилъ его роль въ прошлыхъ угро-византійскихъ войнахъ. До насъ дошло извѣстіе, что Стефанъ Гейзичъ отомстилъ бану Боричу очевидно за то, что онъ держалъ сторону его соперника-дяди. Угорскій хронистъ Симонъ Кеза въ своемъ сообщеніи о пришлыхъ въ Угрію дворянскихъ родахъ разсказываетъ о нѣкомъ нѣмецкомъ выходцѣ Готфридѣ (de Mesnensi regione), сынѣ графа Герсфельдскаго (родоначальникѣ фамиліи Kelad), бѣжавшемъ въ Угрію и поселившемся тамъ при королѣ Стефанѣ III: что этотъ король посылалъ его во во главѣ угорскаго войска противъ боснійскаго князя (dux de Bozna), очевидно Борича, и что онъ одолѣлъ послѣдняго, снискавъ себѣ этимъ расположеніе Стефана [2]). Къ сожалѣнію нѣтъ болѣе точнаго указанія о времени этой экспедиціи: предшествовала ли она излагаемымъ событіямъ, или слѣдовала за ними; по вѣроятнѣе, что это произошло позже, что эта расправа съ Боричемъ была именно вызвана выступленіемъ его союзникомъ Стефана IV въ 1163 г.

---

[1]) Cinn., l. III, p. 131: Βορίτζης ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς εἰς συμμάχους τῷ Παιονάρχῃ τελέσας...

[2]) Simon. de Keza, de nobilibus advenis, Endlicher, Rer. Hung. Monum. Arp. (1848), p. 127: Temporibus insuper Stephani regis tercii introiuit in Hungariam quidam miles Gotfridus nominatus de Mesnensi regione etc... quem quidem postmodum adversus ducem de Bozna cum exercitu rex transmittit, quo devicto ad regem reversus, eum favore de cetero pertractatur... У Туроція (c. 20, p. 110) о томъ же переселеніи нѣсколько иначе — при Гейзѣ, выше, стр. 255. Срв. о Боричѣ Klaić, въ указ. ст. стр. 14 и Pov. Bosne (Zagr., 1882), str. 50—51.

Итакъ претендентъ Стефанъ, пріобрѣтя стольких сторонниковъ, занялъ достаточно твердую позицію въ Угріи, особенно когда пришла вѣсть о приближеніи къ границамъ угорскимъ самого византійскаго императора. Весьма возможно даже, что положеніе Стефана упрочилось именно только съ появленіемъ на Дунаѣ Мануила съ большими силами, пришедшаго, по смыслу разсказа Киннама, выручать своего родственника [1]). Занявшійся было азіатскими дѣлами Мануилъ, узнавъ о происшедшемъ на сѣверѣ и объ опасности, грозящей Стефану IV, поспѣшилъ самъ на Дунай, собравъ достаточное войско. По нашему расчету это было позднею осенью 1163 года. Императоръ поставилъ себѣ цѣлью отстоять наслѣдственную область Бѣлы и выручить претендента Стефана [2]), который предоставленный самому себѣ не могъ удержаться въ Угріи, какъ это достаточно выяснилось изъ предшествовавшихъ его предпріятій.

Мануилъ, перейдя Саву, вѣроятно неподалеку отъ Бѣлграда, вступилъ въ уже принадлежавшую ему область срѣмскую и, приблизившись къ Дунаю въ той мѣстности, гдѣ впадаетъ въ него р. Тиса, расположился лагеремъ насупротивъ значительнаго и богатаго мѣстечка Тителія (нынѣ с. Титель), гдѣ-то близь устья Тисы [3]). Отсюда онъ послалъ въ подкрѣпленіе Стефану — Андроника, сына Контостефана съ отрядомъ войска, а самъ поднялся далѣе, вверхъ по Дунаю, и сталъ близь мѣстечка, называемаго Петрикомъ (Πετρίκον) [4]), въ которомъ думаютъ видѣть названіе нын. крѣпости Петроварадина,

---

[1]) Cinn., l. V, ib., p. 217.

[2]) Ibid., p. 217: ... κατὰ νοῦν ἔχων ὡς Βελᾷ μὲν τὸν κλῆρον ἀνασώσαιτο τὸν πατρῷον, Στέφανον δὲ τῶν παρὰ πόδας ῥύσαιτο δυσχερῶν ..

[3]) Ibid.: Σάόν τε περαιωσάμενος ἀντικρὺ Τιτελίου τὸ στράτευμα ἔστησε... Нынѣ на правомъ берегу Тисы, нѣсколько выше устья ея расположено селеніе *Titel*, мад. Titil, Tetel. Это мѣсто, какъ значительное на лѣвомъ берегу Дуная, называетъ и современный арабскій географъ Идриси (въ ф. *Titilôs*) говоря о немъ такъ (во франц. перев.): Titlous... située sur la rive septentrionale du fleuve, est une ville extrêmement riche et peuplée. Les habitants de toute cette contrée, je veux dire de la Hongrie, sont agriculteurs, riches et puissants... Jaubert, Géographie d'Edrisi, II, p. 378, (Recueil de voyages et de mémoires publié par la société de géographie, T. VI, Paris, 1840. Срв. Tomaschek, Zur Kunde d. Häm. II. S. 12. Срв. Приложеніе III, 3.

[4]) Cinn. ib.: καὶ Ἀνδρόνικον... ἅμα στρατεύματι στείλας Στέφανον μὲν ἀνήρπασε τοῦ κινδύνου, ὁ δὲ ἄρας ἐκ Τιτελίου παντὶ τῷ στρατῷ προσωτέρω ἐχώρει. ..βασιλεὺς δὲ ἐπί τινα χῶρον Πετρίκον καλούμενον καταλαβών, ἐνταῦθα ἐσκήνου...

лежащей противъ города Новаго Сада [1]). Здѣсь, по всѣмъ соображеніямъ, императоръ провелъ зиму $116^3/_4$ года [2]), угрожая своимъ врагамъ и поддерживая Стефана IV, который благодаря ему именно въ это время пріобрѣлъ большую силу, множество новыхъ приверженцевъ въ Угріи и полную власть въ южныхъ ея краяхъ [3]). Отсюда же Мануилъ пытался вступить въ переговоры съ королемъ Стефаномъ Гейзичемъ, который, удалившись на сѣверъ, сбирался съ силами и искалъ себѣ союзниковъ [4]).

---

2. Стефанъ III и его борьба съ Мануиломъ: 1164—1173 г.

Юный Стефанъ Гейзичъ и его совѣтники, попавшіе въ ловушку Мануила и думавшіе занятіемъ Далмаціи исправить дѣло и отстоять интересы государства, очутились теперь лицомъ къ лицу съ серіозною опасностью. Соперникъ эксъ-король Стефанъ снова водворился въ странѣ и, благодаря своему могучему покровителю, пріобрѣлъ власть и силу; вся южная половина Угріи уже повиновалась ему, и настоящему королю приходилось удаляться на окраины государства; а съ другой стороны, на порогѣ его стоялъ сильнѣйшій и опаснѣйшій врагъ, готовый вторгнуться внутрь страны, ввергнувъ ее во всѣ бѣдствія опустошительной войны. Силы Стефана Гейзича были слишкомъ ничтожны, чтобъ онъ съ ними могъ рѣшиться на борьбу. Оставалось только одно: искать себѣ союзниковъ извнѣ, что́ и было рѣ-

---

[1]) Такъ еще Du Cange въ коммент. къ Киннаму. см. Ed. Bonn. p, 366. Мѣстность дѣйствительно совпадаетъ, и есть совпаденіе въ звукахъ, хотя въ старину на мѣстѣ Петроварадина былъ г. Aciminсum или Acuminсum. Какъ назв. Петроварадина, такъ и Πετρίκος вѣроятно въ связи съ πέτρα, скала камень; близь сам. Петроварадина находится мѣстечко *Каменица*. Впрочемъ въ славянской топограф. номенклатурѣ встрѣчаются: Петриковъ, Петриковцы и пр. См. Словарь Головацкаго.

[2]) Ибо вступленіе Мануила въ Угрію и дальнѣйшія событія относятся уже къ началу 1164 года, какъ видно изъ западныхъ источниковъ.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ вышеразсмотрѣнный документъ, такъ и слѣдующее показаніе Генриха Мюгельна: Muglen, o. c., c. LIV, p. 78—79: Do erhort yn der Keyser von Kriechen und sament ein gross heer und tzoh in ungerlant und kom uber dy tyber und uber die teyss *do kom vil der Unger von dem cleinen kunig stephan zu dem grossen*...

[4]) Cinn., ib., p. 217.

шено. На эти переговоры съ сосѣдями и сборы пошла зима $1163/4$ года, и король все это время пробылъ въ сѣверныхъ предѣлахъ Угріи, куда, по словамъ византійскаго историка, ему поневолѣ пришлось уйти отъ враговъ своихъ [1]).

Между тѣмъ Мануилъ, который имѣлъ теперь ближайшею цѣлью заполучить Далмацію и выручить слишкомъ увлекающагося Стефана и предпочиталъ конечно достигнуть этого мирнымъ путемъ, сдѣлалъ попытку склонить короля къ уступкамъ. Онъ послалъ ему изъ-подъ Петрика, съ границы угорской [2]), письмо, въ которомъ по сообщенію Киннама писалъ слѣдующее: „Сынъ мой, не для войны съ Уграми пришли мы сюда, а чтобъ возвратить твоему брату Бѣлѣ область, которая досталась намъ не насиліемъ, но отдана была ему тобою и еще раньше вашимъ отцомъ. Еще пришли мы для того, чтобъ избавить отъ опасности ставшаго зятемъ нашего величества — дядю твоего Стефана. Если же тебѣ угодно, чтобъ и Бѣла сталъ нашимъ зятемъ, на что ты уже былъ согласенъ, то не лучше ли уступить ему область и пользоваться нашимъ гостепріимствомъ? Если же ты отвергаешь этотъ бракъ и замышляешь другое, то знай, что мы весьма далеки отъ того, чтобъ подчиниться твоему насилію“ [3]). Однакожъ это письмо не подѣйствовало на короля угорскаго. Онъ вѣроятно уже успѣлъ заручиться иноземною помощью, когда получилъ письмо, и хотѣлъ помѣриться силами съ Мануиломъ.

По свидѣтельству Киннама Стефанъ Гейзичъ собралъ вспомогательное войско изъ Нѣмцевъ, Тавроскиѳовъ, т. е. вѣроятно галицкихъ Русскихъ, и Чеховъ, которыхъ привелъ въ Угрію самъ правитель Чехіи Владиславъ [4]). Итакъ вотъ къ кому обратился за помощью юный король по совѣту своихъ руководителей, т. е.

---

[1]) Cinn. ib., p. 217: ... Στέφανος, ἐπειδὴ μὴ ἐξ ἀντιπάλου δυνάμεως τῷ βασιλεῖ συμπλακήσεσθαι εἶχε, τὸ μὲν πρῶτον σὺν ταῖς περὶ αὐτὸν δυνάμεσι περί που τὰ τῆς Οὐννικῆς ἔσχατα ἐχώρει. ἔπειτα συμμάχους ἐκεῖθεν ἐπαγόμενος Ῥωμαίοις ἀντιτάξεσθαι ἠπείγετο.

[2]) Ibid: ἔστι δὲ ὁ χῶρος οὗτος τῆς εἰς τὴν ἐνδοτέρω Παιονίαν παρελεύσεως ὅρος ὁ πρῶτος...

[3]) Ibid., p. 217—218.

[4]) Cinn., ib., p. 218: ὁ δὲ ἄλλην τε καθάπερ εἴρηται σύμμαχον χεῖρα ἔκ τε Ἀλαμανῶν καὶ τῶν πρὸς τῷ Ταύρῳ ἱδρυμένων ἐπηγάγετο Σκυθῶν, καὶ δὴ τὸ Τζέχων ἑαυτῷ συνεστήσατο ἔθνος, τοῦ ἐν σφίσιν ἄρχοντος πανστρατὶ ἐπ' αὐτὸν ἀφικομένου.

регентовъ. Что касается Нѣмцевъ, то мы сомнѣваемся, чтобъ тутъ разумѣлась помощь, оказанная самимъ императоромъ Фридрихомъ. Мы видѣли, что планъ похода Фридриха въ Угрію въ началѣ 1163 года не осуществился, отчасти быть можетъ потому, что противъ него были высшія духовныя власти Угріи, вѣрныя папѣ Александру, въ виду извѣстныхъ отношеній Фридриха къ послѣднему. Архіепископъ Лука Банфи, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ совѣтниковъ короля Стефана, дѣйствовавшій по внушеніямъ архіепископа зальцбургскаго [1]), не могъ и теперь совѣтовать звать на помощь Фридриха; а потому въ нѣмецкомъ вспомогательномъ войскѣ слѣдуетъ, думается, видѣть или просто наёмниковъ, набранныхъ по сосѣдству, или помощь, посланную герцогомъ австрійскимъ Генрихомъ, вѣроятно по ходатайству его родственника Владислава чешскаго.

Другая помощь пришла изъ галицкой Руси, куда Стефанъ обратился безъ сомнѣнія по совѣту своей матери, королевы Евфросиньи, еще не утратившей вліянія на сына и еще стоявшей у власти. Дружественныя отношенія къ тогдашнему галицко-русскому князю Ярославу Владимірковичу (Осмомыслу) сохранились очевидно — какъ наслѣдіе Гейзы, который, какъ мы видѣли выше, оказалъ ему въ 1158 году дипломатическую поддержку въ распрѣ съ кіевскимъ княземъ (Изяславомъ Давыдовичемъ) изъ-за Ивана Берладника [2]). Евфросинья естественно старалась поддерживать эти отношенія къ своимъ соплеменникамъ, да и у самого Стефана могли быть врожденныя симпатіи къ Руси. Едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что въ это самое время была не только заведена рѣчь о бракѣ короля угорскаго съ дочерью князя Ярослава галицкаго, но тогда совершена и помолвка [3]), хотя повидимому уже раньше имѣлся въ виду другой планъ: родственнаго союза съ австрійскимъ герцогомъ Генрихомъ Язомирготомъ [4]).

---

[1]) Срв. письмо папы Александра къ арх. Эбергарду о противодѣйствіи походу Фридриха—между прочимъ и черезъ арх. Луку Банфи, о которомъ упомянуто выше. См. Giesebrecht, Gesch., V, S. 380. Срв. еще Huber, o. c. I, S. 361.

[2]) См. выше, стр. 236.

[3]) Это обнаруживается изъ сношеній въ слѣдующемъ году Мануила съ Ярославомъ галицкимъ. См. Cinn., ib. p. 235.

[4]) См. выше, стр. 213.

Третьимъ и главнымъ союзникомъ Стефана Гейзича выступилъ король чешскій Владиславъ. Къ нему обратился король угорскій [1]), какъ къ родственнику своему, давнему другу и вѣрному союзнику своего отца Гейзы, уже помогавшему послѣднему противъ Византіи (1154 г.). Правда, въ концѣ правленія Гейзы Угрія и Чехія разошлись въ вопросѣ церковномъ, причемъ Чехія, оставаясь вѣрною германскому императору, примкнула къ схизмѣ (признавъ папой Виктора) — вспомнимъ неудавшуюся миссію архіеп. пражскаго Даніила въ Угрію; но это не нарушило добрыхъ отношеній между ними, и если въ смутную эпоху взаимныя сношенія ихъ какъ-будто прерываются, то лишь потому, что Чехи не были расположены дѣятельно вмѣшиваться во внутреннюю борьбу за престолъ угорскій, а братьямъ короля Гейзы Стефану и Владиславу чешскій король не сочувствовалъ. Теперь, когда молодой Стефанъ находился въ критическомъ положеніи и самъ обратился за помощью въ Чехію, Владиславъ объявилъ себя готовымъ помочь ему, какъ терпѣвшему обиду родственнику (сынъ его былъ уже женатъ на Елизаветѣ, сестрѣ Стефана); есть даже указаніе, что Гейза просилъ (передъ смертью) Владислава быть защитникомъ его сыну [2]); быть можетъ онъ былъ поощряемъ къ тому и со стороны западнаго императора, страшившагося успѣховъ восточнаго царя въ Угріи, но еще болѣе вѣроятно — собственной предпріимчивостью и честолюбіемъ: его соблазняла перспектива выступленія въ защиту слабаго противъ могущественнаго восточнаго царя, относительно котораго онъ себя не считалъ нисколько связаннымъ, хотя Мануилъ готовъ былъ и теперь смотрѣть на него, какъ на своего вассала — въ силу нѣкогда заключеннаго договора, — его наконецъ соблазняли надежды добыть себѣ славу и на востокѣ, какъ онъ уже добылъ ее на западѣ, въ сѣверной Италіи... Политическій союзъ Чехіи съ Угріей былъ скрѣпленъ двойными родственными узами. Незадолго передъ тѣмъ былъ заключенъ бракъ помолвленной еще въ 1157 году четы: Елизаветы угорской и на-

---

[1]) Собственно дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ сношеніяхъ является не самъ Стефанъ—еще несовершеннолѣтній, а мать его, регентша Евфросинья, какъ это видно изъ Викентія Пражск. (Font. R. B., p. 455).

[2]) Let. Vincent. Fontes R. B. II, p. 457: cum et ipse (Wlad.) regem Ungarie *rogatu patris ejus* manuteneat...

слѣдника чешскаго Фридриха, а теперь была выдана младшая сестра Елизаветы Hulicha (или Одола) за другого сына Владислава — Святополка [1]).

Викентій Пражскій разсказываетъ такъ о сборахъ чешскаго короля. Обѣщавъ угорскому королю лично притти на помощь, Владиславъ созвалъ въ Прагѣ земскій сеймъ, который долженъ былъ разрѣшить ополченіе, и объявилъ о своемъ желаніи итти помогать угорскому королю противъ греческаго императора. Многіе одобрили его намѣренье, но образовалась и сильная оппозиція, возражавшая, что — неслыханное дѣло, чтобъ чешскій король возводилъ на престолъ короля въ Угріи, какъ и угорскій — въ Чехіи. Владиславъ отвѣчалъ на это, что онъ не намѣренъ ставить короля въ Угріи, а хочетъ поддержать уже поставленнаго противъ его враговъ, что онъ похвалитъ тѣхъ, кто его поддержатъ въ этомъ, а не желающіе пусть благополучно проводятъ время дома въ праздности и женскихъ играхъ. Услышавъ такую рѣчь, Чехи поспѣшили объявить себѣ готовыми итти всюду, куда король ихъ поведетъ, хотя-бы за предѣлы сарматскіе [2]). Такимъ образомъ у короля составилось большое войско добровольцевъ, съ которыми онъ и двинулся въ Угрію. Насколько это предпріятіе считалось въ Чехіи труднымъ и рискованнымъ, видно изъ того тревожнаго настроенія, которое господствовало тамъ во все время отсутствія Владислава: по словамъ хрониста въ теченіе всего этого времени епископъ Даніилъ съ всѣмъ духовенствомъ и народомъ среди поста, въ еженедѣльныхъ службахъ молился за короля и его войско; а королева Юдиѳь въ свою очередь денно и нощно молилась и служила молебствія за него во всѣхъ монастыряхъ [3]).

---

[1]) Letop. Vincent., Fontes R. B. II, p. 454, a. 1164: Ungari filium regis Deuce parvulum sibi regem constituunt et regem Boemiae Wl. rogant, ut eis veniat auxilio, quod eis rex promittit fideliter et ad maiorem inter se confirmandam concordiam alteram filiam reginae filio suo Svatopluc sumit in coniugem, et plurimis suis inter se datis muneribus ad propia redeunt.

[2]) Let. Vincent., ib., p. 455: Non fit mora; expeditio et conventus primatibus Prage indicitur etc.... Hoc quibusdam optimum, quibusdam videtur absurdum, quidam etenim nobiles dicebant, a seculo se non audiuisse, quod rex Boemie regem constituat in Ungaria, nec quod rex Ungarie regem constituat in Boemia. Quibus rex respondit etc.

[3]) Ibid., p. 457: Interea domnus Daniel de suo rege sollicitus... etc.

Выступленіе Чеховъ въ походъ въ Угрію слѣдуетъ отнести къ началу 1164 года [1]).

Послѣдующія событія въ Угріи, т. е. самый походъ, встрѣча и переговоры съ Мануиломъ и заключенный при посредствѣ Владислава миръ между Уграми и Греками описаны и чешскимъ лѣтописцемъ (Викентіемъ), и византійскимъ историкомъ (Киннамомъ). Оба разсказа, какъ исходящіе изъ противныхъ лагерей, естественно нѣсколько разнятся другъ отъ друга, но критически сопоставивъ и оцѣнивъ ихъ, мы можемъ въ общемъ съ достаточною вѣроятностію воспроизвести весь ходъ событій, и конечный результатъ предпріятія, относительно котораго впрочемъ нѣтъ разногласія и въ источникахъ.

Въ то время, какъ Чехи выступали на помощь Стефану Гейзичу, императоръ Мануилъ, не получивъ отвѣта отъ него на свои письменныя мирныя предложенія, рѣшился вступить изъ окрестностей нын. Петроварадина, гдѣ онъ стоялъ лагеремъ, въ самую Угрію, т. е. перейти черезъ Дунай. Киннамъ передъ разсказомъ объ этой переправѣ сообщаетъ въ высшей степени любопытное для насъ извѣстіе о томъ, какъ встрѣтило Мануила населеніе Угріи. Такъ какъ выходитъ по разсказу, что эта встрѣча произошла до переправы черезъ Дунай, то мы заключаемъ, что это было еще въ Срѣмѣ, т. е. въ уступленной Византіи области, населеніе которой привѣтствовало такимъ образомъ впервые своего новаго властелина. По словамъ византійскаго историка „для принятія царя вышли всенародно всѣ жители. Тутъ было много духовенства, облаченнаго въ шерстяныя одежды, которое въ рукахъ держало священныя книги; тутъ были толпы народа всякаго званія, —и всѣми гармонично пѣлись сочиненные писателями нашими (т. е. греческими) стихи, такъ напр.: „Соратовавшій, Господи, кроткому Давиду“ и т. д.“ [2]). Очевидно такъ

---

[1]) Все предшествующее, т. е. посольство Угровъ, созывъ сейма, сборы въ походъ и т. д. относятся безъ сомнѣнія, какъ это видно изъ хронологической послѣдовательности у Викентія Пражскаго, еще къ 1163 г., хотя у него подведено все это подъ 1164 годъ.

[2]) Cinn., l. V, p. 221: βασιλέα δὲ ἐν τῇ τῶν Οὔννων γεγονότα ἐξῄεσαν οἱ ταύτῃ ἄνθρωποι πανδημεὶ ὑποδεξόμενοι ὅσοι τε ἐς τοὺς ἱερέας κατελέγοντο ἐριουργεῖς ἀναβεβλημένοι στολὰς καὶ τὰ ἱερὰ χερσὶν ἔχοντες λόγια, καὶ ὅσοι ὀχλικὸν καὶ δημῶδες ἦν, ᾠδήν τινα ἐμμελῶς συντεθειμένην ἐκ τῶν παρ᾽ ἡμῖν ἁρμοδιώτατα προσφωνοῦντες. εἶχε δὲ ὧδε· ὦ συμμαχήσας κύριε τῷ πρᾳοτάτῳ Δαβὶδ …

могло встрѣчать православнаго царя только православное населеніе, а потому это извѣстіе есть важное и неопровержимое свидѣтельство о принадлежности къ греческой церкви мѣстнаго срѣмскаго, да и вообще южноугорскаго (славянскаго) населенія, и хорошо освѣщаетъ его отношеніе къ византійскому царю, которое мы имѣли случай характеризовать уже выше [1]). Любопытно и знаменательно намъ кажется и то, что эта торжественная встрѣча греческаго царя съ духовной процессіей произошла, какъ это ясно изъ нашего источника, въ мѣстности нын. Фрушкогорскихъ монастырей и г. Карловцевъ, т. е. нынѣшняго духовнаго и официально-церковнаго средоточія православія австр. Сербовъ. Не даромъ слѣдовательно именно здѣсь образовалось это средоточіе! [2]).

Миновавъ здѣшнія мѣста, продолжаетъ Киннамъ, Мануилъ спѣшилъ переправиться черезъ Дунай, перейдя при этомъ какой-то островъ, и вступить во внутренность страны [3]). Это могло быть какъ разъ близь Петроварадина, но немного выше, гдѣ Дунай образуетъ нѣсколько острововъ. При переправѣ произошелъ эпизодъ, давшій случай Киннаму изобразить въ блестящемъ свѣтѣ своего царственнаго героя за выказанныя имъ мужество, самоотверженіе и человѣколюбіе: Мануилъ, бросившись въ воду, собственноручно будто-бы поддержалъ и спасъ отъ гибели одинъ изъ кораблей, наполненный грузомъ и людьми и начавшій уже тонуть... [4]).

Пепеправившись черезъ Дунай, царь направился къ городу по имени *Пагацію*. „Это — метрополія сирмійской области и мѣстопребываніе архіерея того народа, — оттуда вышли на встрѣчу туземцы въ безчисленномъ множествѣ, чтобъ сопровождать его въ качествѣ почетной стражи“ [5]). Здѣсь-то и расположился Мануилъ, приведя

---

[1]) Мы видѣли выше, что есть и документальныя указанія въ пользу того же взгляда на здѣшнее населеніе. См. стр. 275, пр. 4.

[2]) Безъ сомнѣнія этотъ центръ угро-сербскаго православія возникъ на изстари православно-славянской почвѣ. Срв. Píč, Abstamm. der Rumänen (1880), S. 212.

[3]) Cinn., ib., p. 221: ὁ δὲ τὰ τῇδε χωρία ὑπερβὰς Ἴστρον διαβῆναι ἠπείγετο, τὴν ἐνταῦθά τε νῆσον παρελθὼν ἐπὶ τὰ ἐνδότερα χωρεῖν ἤθελεν...

[4]) Cinn., ib. 221—222.

[5]) Cinn., ib. 222: τότε δ᾽οὖν Ἴστρον ἄνωθέν που διαβὰς ἐπί τινα πόλιν ὄνομα Παγάτζιον ἐφέρετο· ἡ δὲ πόλις μητρόπολις τῶν ἐν Σιρμίῳ τυγχάνει οὖσα. ἐνταῦθά τε διατριβὴν ὁ τοῦ ἔθνους ποιεῖται ἀρχιερεύς. ἔνθα πλῆθος κατοίκων λόγου κρεῖσσον ἐξῄει δορυφορῆσον αὐτόν.

свое войско въ боевой порядокъ. Здѣсь безъ сомнѣнія вслѣдъ за тѣмъ присоединился къ нему и Стефанъ IV. Гдѣ же это было и что за мѣсто слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ Пагацін (Παγάτζιον)?

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что это г. *Бачь*, н. *Бачка*, мад. Bácz, м. б. = Bogača, тогдашній эпархіальный центръ и резиденція архіепископа, прежде бачскаго, а тогда бачско-колочскаго или колочскаго (со времени соединенія этихъ эпархій въ 1135 г.), къ діоцезѣ котораго принадлежалъ и задунайскій Срѣмъ [1]). На Бачь было естественно итти Мануилу отъ мѣста переправы (навстрѣчу Чехамъ), да и названія совпадаютъ: изъ Богачи грекъ легко могъ сдѣлать Παγάτζιον [2]). О Пожегѣ (въ Славоніи), которую многіе здѣсь видѣли, не можетъ быть рѣчи: и названіе не такъ подходитъ, а главное не туда шелъ Мануилъ, и чтобъ итти туда — не надо было переправляться черезъ Дунай [3]).

Итакъ и здѣсь въ Бачѣ, въ резиденціи римско-католическаго архіепископа, византійскаго императора встрѣтили дружелюбно и съ почетомъ. Историкъ нашъ не сообщаетъ о какомъ-либо пріемѣ, оказанномъ здѣсь царю со стороны духовенства и самого архіепископа, а лишь о привѣтственной встрѣчѣ его туземными жителями. Это и естественно: отъ высшихъ представителей подчиненной Риму церкви нельзя было ждать такой демонстраціи, хотя архіепископъ бачско-колочскій Миконъ, въ свое время короновавшій Стефана IV, былъ и теперь

---

[1]) *Бачь* (*Бачка*), мад. Bács, нын. мѣст. Bačka на сз. отъ Нов. Сада въ бачъбодрогскомъ комитатѣ, нѣкогда знач. городъ, давшій имя и области *Бачкѣ*, между Дунаемъ и Тисой, и комитату. Архіепископство было основано здѣсь въ концѣ XI в. (Ладиславомъ свят.), а въ 1135 г. эта эпархія соединена съ *колочской*. См. Katona, Hist. metr. Coloc. eccl. I, p. 178. Срѣмская область, которая въ древности простиралась и по сю сторону Дуная (дѣлясь на Sirmia citerior и ulterior), принадлежала этой эпархіи бачско-колочской, пока въ слѣдующ. вѣкѣ не была создана особая *срѣмская* эпархія. Срв. Katona, Hist. crit., IV, p. 6 —66.

[2]) Bács=Bogača, см. Tomaschek, Zur Kunde d. Hämb., II, S. 12. У Идриси этотъ городъ разумѣется вѣроятно подъ им. Baghas, см. Tomaschek, ibid., (у Жобера ib. p. 375: Baghss), см. Приложеніе III.

[3]) Пожегу предполагалъ еще Du Cange, въ Bon. ed. p. 377; за нимъ повторяли Migne, Muralt и другіе, напр. Píč, Der Nat. Kampf, S. 90. Но уже Katona, Hist. crit. IV, p. 64, и Hist. m. Coloc. eccl. I, p. 184 исправилъ Дюканжа и призналъ здѣсь Bács; за нимъ слѣдовали и нѣк. другіе: Fessler, o. c. S. 105; Sasinek, o. c., p. 111; Marczali, o. c., p. 133; Kap-Herr, o. c., S. 79; Tomaschek, o. c., S. 12.

его сторонникомъ (какъ мы видѣли изъ грамоты), а слѣдовательно служилъ цѣлямъ императора Мануила [1]). Если онъ и не принималъ его торжественно, то и не обнаружилъ очевидно никакой враждебности. Между тѣмъ населеніе бачской эпархіи въ большинствѣ своемъ навѣрно принадлежало греческой вѣрѣ, а потому и встрѣчало сочувственно восточнаго царя. Но этотъ пунктъ былъ предѣломъ движенія Грековъ впередъ; тутъ Мануилъ узналъ, что король угорскій уже не далеко, и поспѣшилъ стать въ боевой порядокъ.

Здѣсь будетъ кстати сказать, что при Мануилѣ, по свидѣтельству чешскаго хрониста [2]), находилось и то лицо, чьихъ интересовъ царь выставлялъ себя защитникомъ, т. е. младшій братъ Стефана Гейзича, почти еще мальчикъ Бѣла, тогда уже деспотъ Алексѣй, на долю котораго выпала съ раннихъ лѣтъ такая важная и необычная политическая роль, полная поистинѣ глубокаго трагизма: въ блестящей роли наслѣдника великаго, но чужого царства — онъ въ рукахъ Мануила былъ невольнымъ орудіемъ коварнаго политическаго замысла противъ своего собственнаго отечества. Сопровождая царя въ его походахъ, онъ долженъ былъ быть безмолвнымъ свидѣтелемъ того, какъ въ защиту будто-бы его интересовъ враги наносили удары его родинѣ и обагряли ее кровью его соотечественниковъ...

Между тѣмъ къ королю угорскому собирались его союзники. Теперь онъ ждалъ только прибытія Владислава съ Чехами. Послѣдній не заставилъ себя долго ждать. Съ огромнымъ войскомъ, въ которомъ находились и полки его сына Фридриха, князя моравскаго — былъ ли онъ самъ во главѣ ихъ, лѣтописецъ умалчиваетъ, — Владиславъ вступилъ въ Угрію [3]). Появленіе массы иноземнаго войска очевидно не составляло отраднаго факта для туземнаго населенія: можно думать, что нагрянувшія чешскія полчища не только не пользовались у него доброй славой, но внушали ему особенный страхъ,

---

[1]) См. Katona, Hist. met. Coloc. eccl. I, p. 185.

[2]) Let. Vincent., l. c., p. 454—55: Imperator Greciae cum Stephano et puerulo fratre regis nouelli Ungariam intrat cum exercitibus plurimis et fortissimis. Быть можетъ присутствіе Бѣлы въ лагерѣ Мануила вліяло и на пріемъ, оказанный царю въ южной Угріи.

[3]) Let. Vincent. l. c. p. 455.

ибо мѣстности, которыми вступали въ Угрію Чехи, оказались совершенно безлюдными и опустѣлыми: всѣ жители разбѣжались [1]).

Правдивый чешскій повѣствователь, показанія котораго въ этомъ случаѣ имѣютъ особенную цѣну, не утаилъ отъ насъ причины и оправданія этого страха. Большая часть Чеховъ, склонныхъ къ грабежу, по его словамъ, разбѣжалась во всѣ стороны, грабила что могла, уводила и убивала массу рогатаго и вьючнаго скота, сжигала селенія со всѣмъ сельскимъ имуществомъ и скарбомъ [2]). Такое отсутствіе дисциплины и необузданность войска въ дружественной странѣ, въ помощь которой оно пришло, объясняется отчасти вѣроятно самымъ характеромъ чешскаго ополченія, въ которомъ было много случайнаго сброду, отчасти быть можетъ и тѣмъ, что за неимѣніемъ правильнаго продовольствія и по скудости угорской казны не могшей прокармливать союзное войско, послѣднее само заботилось о своемъ прокормленіи, при чемъ и не могли быть сдерживаемы его хищные и грубые инстинкты и порывы [3]).

Угорскій король находился въ это время по ту сторону рѣки Тисы, гдѣ онъ занималъ выжидательное положеніе, не рѣшаясь съ наличными силами итти противъ Грековъ. Узнавъ о приближеніи Владислава чешскаго съ такимъ большимъ ополченіемъ, онъ двинулся ему навстрѣчу, приготовляясь къ бою съ Греками и пославъ впередъ къ Чехамъ своихъ начальниковъ, т. е. вѣроятно первыхъ вельможъ. Угры радостно и съ благодарностію привѣтствовали чешскую помощь и приняли короля Владислава съ тѣмъ почетомъ, какой ему подобалъ [4]). Встрѣча произошла вѣроятно уже по сю сторону Тиссы (на правомъ берегу) Надо еще замѣтить, что этотъ фактъ прибытія на помощь королю такой большой военной силы произвелъ

---

1) Ibid: A dextris et a sinistris et ante per longissima terrae spacia nullus Ungarie incola invenitur; omnes, quo quis poterat, fugerant...

2) Ibid: Boemi plurimi, quibus hic amor erat, per Ungariam discurrunt, quae possunt rapiunt, innumerabila armenta, iumenta abducunt, interficiunt, uillas cum suis rebus comburunt.

3) Срв. Fessler, o. c. II, S. 212—213.

4) Let. Vinc., ib., p. 455: Rex Ungariae, qui ultra flumen Tiza fortitudini Grecie contraire formidans cesserat, tanta multitudine Boemorum sibi in adiutorium uenientium audita, contra eos cum suis exercitibus progreditur, cum Grecis pugnaturus, obviam regi Boemie principibus suis missis. Ungari leti cum suo rege de tanto adiutorio regi Boemie occurunt etc.

не малое впечатлѣніе въ угорскомъ обществѣ и поворотъ въ настроеніи очень многихъ, т. е. побудилъ массу людей, между прочимъ и сановниковъ угорскихъ — не стойкихъ и трусливыхъ изъ приверженцевъ претендента Стефана, каковыми они стали также болѣе изъ страха, перейти теперь снова на сторону короля Стефана Гейзича, ибо укрѣпленіе его на престолѣ становилось обезпеченнымъ. Это явленіе мы находимъ ясно отмѣченнымъ въ угорской (нѣмецкой) хроникѣ Мюгельна [1]).

Прибытіе въ Угрію чешскаго вспомогательнаго войска не могло не произвести большого впечатлѣнія и на императора Мануила, — и конечно впечатлѣнія весьма неблагопріятнаго, ибо быть вовлеченнымъ въ серіозную войну было вовсе не въ его планахъ: онъ расчитывалъ достигнуть своихъ цѣлей безъ кровопролитія, одной угрозой и обаяніемъ своей силы и авторитета; первые шаги его въ Угріи доказываютъ, что онъ при слабости своего противника дѣйствительно имѣлъ право на это расчитывать. Теперь же, съ появленіемъ въ Угріи опаснаго союзника Стефана Гейзича, обстоятельства совершенно измѣнились, и Мануилу предстояло найти средство, не рискуя ничѣмъ, избѣжать войны и достигнуть всетаки своего, одолѣвъ и это новое препятствіе.

Ему помогли въ этомъ случаѣ прежнія, въ эпоху второго крестоваго похода образовавшіяся, но потомъ временемъ и ходомъ событій нарушенныя отношенія его къ Владиславу. Онъ послалъ немедленно — для развѣдокъ и съ цѣлью завязать переговоры — въ чешскій лагерь своего довѣреннаго человѣка. Это былъ нѣкій моравaнинъ Богута, когда-то бѣднякъ, сопровождавшій ополченіе Владислава въ крестовомъ походѣ Конрада III (1147 г.) и оставшійся въ Греціи, а потомъ своими талантами и честностью столь возвысившійся, что сталъ однимъ изъ первыхъ вельможъ и приближенныхъ царя (получивъ даже богатый городъ въ даръ отъ него) [2]). Этотъ Бо-

---

[1]) Muglen (ap. Kovachich), c. LIV, p. 79: Do dieselben ungern erhorten, daz der clein kunig stephan vil unger und pehem pey ym heten do tzugen sie wider zu ym wann sie westen nicht welcher unter ynn gerecht waz. Срв. тоже „Лѣтопись Пражск." Fontes R. B. (1164), p. 378 и Продолж. Козьмы, ib., p. 279 (Wl... Ungarorum optimates pacificavit).

[2]) Let. Vinc., ib., p. 456: Imperator Grecorum ...quendam Moravum Bogutam nomine, qui pauper de familia Conradi, ducis Moraviae, Greciam intra-

гута долженъ былъ съ одной стороны напомнить Владиславу о его прежнихъ отношеніяхъ къ царю, объяснить причину и цѣль похода Мануила — въ связи съ защитой интересовъ младшаго брата угорскаго короля Бѣлы и, такъ сказать, сондировать почву для мирнаго соглашенія, а съ другой стороны развѣдать объ истинныхъ силахъ и численности непріятеля, чтобы знать, чего держаться и каковъ будетъ рискъ при возможномъ столкновеніи [1]).

Въ описаніи этой миссіи Богуты, равно какъ и того, что произошло затѣмъ и что предшествовало заключенію мира при посредствѣ Владислава, оба наши источника, Киннамъ и лѣтописецъ чешскій, уже расходятся и каждый представляетъ дѣло въ наиболѣе благопріятномъ для своей стороны свѣтѣ. Сущность этого различія въ разсказахъ состоитъ въ слѣдующемъ. Викентій изображаетъ дѣло такъ, что Владиславъ отвѣтилъ Мануилу довольно рѣзко, во первыхъ *на словахъ*, что онъ пришелъ помогать королю Стефану и что онъ не пойдетъ на сдѣлки, ибо не въ его обычаѣ уклоняться отъ столкновенія (какъ-бы упрекъ царю!), и во вторыхъ *на дѣлѣ* — тѣмъ, что подвинулся впередъ и сталъ вблизи войска греческаго, какъ-бы готовый къ нападенію. Такой отвѣтъ заставилъ де Мануила, послѣ совѣщанія со своими, самого съ частью войска отступить за Дунай и оставить на своемъ мѣстѣ Стефана претендента — съ остальнымъ войскомъ. Но Стефанъ, струсивъ и не чувствуя достаточно силъ для борьбы съ непріятелемъ, тотчасъ предался бѣгству. Замѣтивъ это и видя, что добыча ускользаетъ изъ рукъ, Чехи бросились де пре-

---

verat et per probitatem suam ad tantum honorem deuenerat, quod apud imperatorem Grecum inter primos habebatur, castro quodam ditissimo donatus erat, ad regem Boemie mittit...

[1]) Ibid: et eum monet, ut amicicise antiquae, quam tempore Iherosolimitanae expeditionis a rego Conrado facte inter se contraxerant, sit memor et quod maxime eam intra se teneat, rogat et cetera tamquam secreta tractat negotia, maxime exercitus Boemie considerans. По Киннаму посланный Мануила говоритъ Владиславу и о причинѣ похода царя—за нарушеніе Униграми договора Cinn., l. c. p. 222: Ῥωμαίων δέ τινα τῆς Τζέχων συνιέντα γλώττης προσκαλεσάμενος ἐκέλευε μεταμφιεσάμενον ἐπὶ τὸ τῶν πολεμίων καθυποδῦναι στρατόπεδον εἰς ὄψιν τε τῷ τῶν Τζέχων ἐλθόντα ῥηγὶ τάδε ἀνειπεῖν αὐτῷ. Здѣсь рѣчь Богуты имѣетъ вызывающій и требовательный тонъ и въ этомъ отношеніи оправдываетъ рѣзкій отвѣтъ Владислава (у Викентія), но тѣмъ не менѣе она именно съ этой стороны мало правдоподобна

слѣдовать бѣгущихъ, многихъ убили и захватили въ плѣнъ, овладѣли знаменами и огромной добычей въ ихъ лагерѣ и даже увели въ плѣнъ нѣсколькихъ знатныхъ Грековъ. Несмотря на это, императоръ Мануилъ завязалъ вновь переговоры съ Владиславомъ и, обративъ его въ посредника между собой и Уграми, заключилъ выгодный миръ, такъ что не только достигъ своей цѣли, но и возобновилъ дружбу и союзъ съ королемъ Владиславомъ [1]). Такъ излагаетъ событія чешскій историкъ.

По Киннаму дѣло было иначе: онъ ни словомъ не говоритъ о какомъ-либо отступленіи Мануила и успѣхѣ Чеховъ надъ бѣжавшимъ изъ-подъ гор. Бача Стефаномъ и его войскомъ. Императоръ все время ведетъ переговоры съ Владиславомъ и Уграми изъ своей позиціи (близь Бача) самымъ рѣшительнымъ, авторитетнымъ и даже надменнымъ тономъ, встрѣчаетъ со стороны чешскаго короля полную предупредительность и готовность содѣйствовать дѣлу мира въ интересахъ Византіи и достигаетъ своихъ цѣлей. Однимъ словомъ ту почетную роль, которая въ первомъ разсказѣ принадлежитъ Владиславу – какъ побѣдителю, Киннамъ приписываетъ своему герою Мануилу. Только по заключеніи договора императоръ оставляетъ предѣлы Угріи; претендентъ же Стефанъ вопреки его совѣтамъ остается еще тамъ, и только при выступленіи противъ него ко-

---

[1]) Let. Vincent., ib., p. 456—57: Qui (Boguta) ...revertitur, refert, ipsum regem Boemie in persona sua in auxilium regi Ungarie venisse et huius moris esse, etiam in terra sua nullo modo de prelio cedere, in terra vero aliena nullo modo de vita curare, nisi de victoria. Interea Wl... ante omnes exercitus Ungarie suos movet exercitus etc.... Imperator Grecus relatione Bogute audita ipsam in corde suo firmiter retinet, et in medio noctis silentio de solio glorie descendens, sapientum suorum usus consilio, ultra Danubium, quem transierat, cum paucis exercitibus revertitur, reliquos exercitus ibi cum Stephano... dimittit etc. Далѣе разсказывается эпизодъ со Стефаномъ, кончившійся тѣмъ, что на мѣстѣ стоянки его и Мануила расположился теперь Владиславъ. Далѣе: Grecus imperator hec considerans, electos nuntios ad regem Boemie mittit, bona pace et antiqua amicicia eum salutans et refert, pro bono pacis se Ungariam intrasse, cum iuniorem fratrem regis manuteneat, et non hoc esse mirum, si hoc facit, cum et ipse regem Ungarie rogatu patris eius manuteneat, laborans, ut paterni regni aliquam partem obtineat et ut ad hoc ipsum pari desiderio regio jure laboret, eum monet et rogat. Тогда Владиславъ, на совѣты и рѣшеніе котораго положились Угры, побудилъ ихъ къ заключенію мира. Викентій сообщаетъ объ условіяхъ его и затѣмъ дальнѣйшемъ сближеніи Мануила и Владислава.

роля Стефана возвращается вспять и едва спасается бѣгствомъ изъ рукъ непріятеля [1]).

На чьей же сторонѣ истина? Кому болѣе вѣрить? Уже Катона со своимъ критическимъ чутьемъ отнесся съ недовѣріемъ къ разсказу Киннама, склоннаго вообще превозносить и разукрашивать подчасъ не безъ явнаго ущерба для исторической правды — дѣянія византійскаго императора. Онъ признаетъ и здѣсь намѣренное искаженіе фактовъ и отдаетъ безусловное предпочтеніе повѣствованію Викентія [2]). Большинство историковъ слѣдуетъ этому взгляду, исключительно держась свидѣтельствъ послѣдняго въ своемъ изложеніи [3]). Безпристрастное сопоставленіе и разборъ извѣстій обоихъ источниковъ заставляетъ насъ дѣйствительно признать извѣстную тенденціонность и неточность передачи фактовъ у Киннама и бо́льшую достовѣрность разсказа чешской хроники, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы и у византійца находимъ не мало подробностей, заслуживающихъ вѣры и полнаго вниманія — точно такъ же, какъ признаемъ у Викентія нѣкоторое увлеченіе въ пользу Владислава. Киннамъ служитъ необходимымъ дополненіемъ и отчасти разъясненіемъ из-

---

1) Cinn., ib. p. 222—226. На внушительную и нѣсколько высокомѣрную рѣчь Богуты отъ имени царя, въ которой послѣдній говоритъ съ чешскимъ королемъ, какъ съ своимъ вассаломъ (съ 1147 г.), Владиславъ отвѣчаетъ, что онъ пришелъ защитить кор. Стефана отъ несправедливыхъ нападеній и притязаній его дяди и проситъ царя вступиться за него тоже, обѣщая, что занятая имъ земля Бѣлы будетъ возвращена. Мануилъ, сперва не довѣряя этому и боясь хитрости, посылаетъ еще пословъ для клятвеннаго подтвержденія обѣщаній — какъ этого, такъ и прежнихъ (вѣроятно относ. Срѣма), каковое и даетъ кор. Стефанъ, прося въ свою очередь царя не поддерживать болѣе дядю Стефана. Мануилъ соглашается и оставляетъ Угрію, убѣждая уйти и претендента, при чемъ разсказывается способъ, какимъ царь даетъ ему возможность увѣриться въ своей непопулярности въ Угріи. Но Стефанъ упорствуетъ и царь оставляетъ при немъ войско подъ командою Никифора Халуфы. Король Стефанъ идетъ тогда, чтобъ силою выгнать дядю изъ своей земли. Н. Халуфа хитростью старается вывести Стефана изъ Угріи, и наконецъ самъ отступаетъ въ Срѣмъ. Тогда уже бѣжитъ туда и претендентъ, едва не попавъ въ плѣнъ.

2) Katona, Hist. crit., IV, p. 67—78.

3) См. Fessler, o. c., S. 105 — 107, срв. пр. a (S. 107); Klein, S. 264—65; Dudik, o. c., S. 363—64; Palacky, Dějiny, I, 2. s. 59—60; Giesebrecht, o. c., B. V, S. 438—39 и друг. По Киннаму (болѣе или исключительно) разсказываютъ эти событія Sasinek, o. c., str. 111—114 и Klaić, o. c., s. 16—18.

вѣстій чешской лѣтописи. Попытаемся возстановить на основаніи всѣхъ данныхъ ходъ событій, какъ онъ намъ представляется въ логической связи и естественной послѣдовательности фактовъ.

Мы видѣли выше, что для Мануила встрѣча съ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Владиславъ чешскій, была весьма непріятною неожиданностью [1]). Его первыя мирныя предложенія, обращенныя къ королю Стефану еще изъ Срѣма, были по всей вѣроятности вызваны именно этимъ неожиданномъ слухомъ о скоромъ прибытіи чешской помощи. Императоръ былъ очевидно заинтересованъ тѣмъ, чтобъ достигнуть желаемаго мирнымъ путемъ, и это стремленіе характеризуетъ затѣмъ всѣ его дѣйствія. Вотъ почему миссія мораванина Богуты имѣла цѣлью съ самаго начала дать знать Владиславу о его примирительномъ настроеніи и пустить въ ходъ мысль о соглашеніи — на почвѣ прежнихъ, нѣкогда близкихъ отношеній; а потому и невѣроятна та высокомѣрная и вызывающая рѣчь, съ которой Киннамъ заставляетъ Мануила обращаться къ Владиславу устами Богуты [2]). Эта рѣчь могла скорѣе всего повлечь за собой серіоз-

---

[1]) Присутствіе Богуты въ свитѣ Мануила было бы слишкомъ смѣло объяснять тѣмъ, что Мануилъ, отправляясь въ походъ, уже зналъ, что будетъ имѣть дѣло съ Чехами. Богута, какъ славянинъ, могъ быть нуженъ царю и для сношеній съ Уграми, у которыхъ славянскій языкъ былъ употребителенъ и въ офиціальныхъ сношеніяхъ, и при дворѣ.

[2]) Cinn., ib. p. 222—223. Вотъ эта рѣчь: „Куда это ты идешь? какой походъ предпринимаешь съ своимъ войскомъ? развѣ не знаешь, что ты отваживаешься поднимать руку на великаго царя, съ которымъ трудно бороться и по причинамъ справедливымъ, тѣмъ труднѣе, что онъ боится унизиться предъ Гуннами (Уграми), которые, уступивъ наслѣдіе Бѣлѣ, потомъ отняли его, и обратили свои клятвы въ шутку. Если и заключающій условіе съ частнымъ человѣкомъ отнюдь не остается невиннымъ предъ закономъ, когда нарушаетъ ихъ; то останутся ли ненаказанными Гунны, нарушивъ договоръ съ столь великимъ царемъ? Никакъ не останутся. Не за правду ли воюетъ царь? А успѣхъ войны всегда бываетъ на сторонѣ правды. Расчитай и то. Ты — рабъ, идешь войной на господина, и рабъ не такой, на котораго возложили иго насильно, — иначе было бы нѣкоторое основаніе, такъ какъ подобное рабство естественно бываетъ соединено съ ненавистью къ владѣтелямъ, — а рабъ добровольный или по вашему объясненію ленный (δοῦλος ἐθελόδουλος=τὸ λίζιον). Развѣ изгладилось въ твоей памяти, какія условія заключалъ ты нѣкогда въ Византіи, отправляясь съ Конрадомъ въ Азію? Итакъ, пока исходъ дѣла зависитъ отъ твоего выбора, избирай то, что полезно всѣмъ Чехамъ и тебѣ самому; потому что раскаяніе не во-время обыкновенно менѣе всего приноситъ пользы раскаявшемуся". (р. перев. Карпова, Визант. Истор. Спб. 1859, стр. 246).

ное сопротивленіе, да и было бы со стороны императора слишкомъ наивно называть чешскаго короля добровольнымъ своимъ рабомъ (вассаломъ) и удивляться, что онъ пошелъ противъ своего господина, — на основаніи того, что̀ было почти 20 лѣтъ тому назадъ!

Владиславъ конечно понялъ, чего желалъ царь, и для него возобновленіе дружественныхъ съ нимъ отношеній имѣло свою заманчивость, но начать свою помощь королю угорскому мирными переговорами съ его врагомъ, т. е. тѣмъ, на что не пошелъ передъ тѣмъ самъ Стефанъ, было не согласно съ его достоинствомъ и честью. Вотъ почему и тутъ разсказъ Киннама представляется неправдоподобнымъ, и Викентій опять заслуживаетъ предпочтенія. По его словамъ Владиславъ отвѣчалъ съ большимъ достоинствомъ и съ чувствомъ какъ-бы уязвленнаго самолюбія, что онъ не привыкъ отступать передъ опасностью и въ чужой странѣ и что побѣда для него дороже жизни; Мануилъ послѣ этого снялся съ лагеря (около гор. Бача) и отступилъ за Дунай, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ съ частью войска претендента Стефана, который однако убоялся столкновенія съ Чехами и бѣжалъ за царемъ, причемъ потерпѣлъ большой уронъ отъ преслѣдовавшаго его непріятеля [1]). Но и это не измѣнило миролюбія царя: онъ вторично уже изъ Срѣма отправилъ пословъ для мирныхъ переговоровъ съ Владиславомъ и, заручившись его посредничествомъ, заключилъ миръ на условіяхъ, которыхъ и добивался [2]).

Весь этотъ разсказъ совершенно согласенъ съ обнаруженнымъ уже ранѣе миролюбивымъ настроеніемъ Мануила, т. е. его нежеланіемъ начинать войну: онъ дѣйствуетъ тутъ вполнѣ послѣдовательно и во что бы то ни стало уклоняется отъ столкновенія. Затѣмъ и самый фактъ его отступленія изъ собственной Угріи (изъ нын.

---

[1]) Vincenc. Let., ib. p. 456: Stephanus autem plenus timore, uacuus fortitudine, nulla prelia faciebat in Ungaria, sed tante fortitudini Boemorum resistere non valens, fugam cum suis iniit. Hic rumor ad aures Boemorum in ipso crepusculo pervenit, qui ocius dicto eorum castra irruunt, quos inueniunt vel insequi possunt, capiunt, interficiunt, uexillum eorum auferunt, predam innumerabilem rapiunt, plurimos Grecorum nobiles captos ad regem adducunt et ejus tradunt potestati. Rex autem Boemorum de tanta letus victoria in mediis eorum castris figi precipit uexilla et poni tentoria.

[2]) Ibid., p. 456—57.

Бачки) находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ свидѣтельствахъ, и особенно въ хроникѣ Мюгельна, въ которой, правда, эти событія записаны очень не полно и отрывочно, но поспѣшное удаленіе Мануила изъ Угріи подъ давленіемъ союзниковъ короля угорскаго отмѣчено достаточно ясно [1]), такъ что въ этомъ фактѣ трудно сомнѣваться; Киннамъ же изъ понятныхъ побужденій умолчалъ обо всемъ этомъ.

Но спрашивается, какъ согласить это довольно неблаговидное уклоненіе отъ состязанія и нечувствительность Мануила къ успѣхамъ врага, что́ со стороны должно было казаться просто трусливостью, съ извѣстными намъ личными свойствами царя, съ его храбростью и рѣшительностью, съ его высокимъ мнѣніемъ объ императорскомъ авторитетѣ и достоинствѣ? Затѣмъ — если Владиславъ уже одержалъ такую блестящую побѣду, заставивъ отступить изъ предѣловъ Угріи самого восточнаго императора и нанеся большой уронъ тому, кого тотъ поддерживалъ, то почему онъ вслѣдъ за тѣмъ пошелъ на сдѣлку и промѣнялъ роль побѣдителя, могущаго предписать условія побѣжденному, на роль посредника?

Очевидно тутъ есть что-то неясное; въ извѣстіяхъ нашихъ какъ-будто что-то недосказано или умолчено, о чемъ можно только догадываться... По крайней мѣрѣ такъ намъ представляется, и мы позволяемъ себѣ высказать слѣдующее предположеніе. Первая миссія Богуты къ Владиславу, по нашему мнѣнію, не осталась безплодною. Имѣя въ виду между прочимъ одно выраженіе въ чешской лѣтописи, именно „тайныя дѣла“ (secreta negotia), о которыхъ Богутѣ поручалось вести переговоры [2]), мы думаемъ, что Владиславъ, давая свой отрицательный отвѣтъ — такъ какъ иначе онъ не могъ посту-

---

1) Muglen, o. c., c. LIV, p. 79: Do der keyser von constantinopel daz ersahe daz die unger von seiner geselschaft fluhen und der wenig kunig stephan tzu recht kunig were do tzoh der keyser zu kunig stephan dem grossen des nachtes enweg. Объ изгнаніи Мануила изъ Угріи Владиславомъ и т. п. Пражская лѣтопись, Letop. Pražské подъ 1164 годомъ, Fontes, R. B. II, p. 378: Wladizlaus rex terram Hunorum intravit, regem Grecorum ex ea perturbavit, Ungarorum optimates pacificavit. То же у продолжателя Козьмы, Fontes, ibid., p. 279 (a. 1164); „Ung. optimates pacificavit“ надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ заставилъ перейти на сторону Стефана Гейзича значительное число приверженцевъ его дяди.

2) Let. Vincent., ib., p. 456: et cetera tamquam secreta tractat negotia...

пить — въ то же время, соблазненный обѣщаніями и льстивыми убѣжденіями царя, уже тогда далъ себя уговорить принять на себя посредничество въ греко-угорской распрѣ — въ смыслѣ удовлетворенія притязаній Мануила, и вступилъ съ нимъ черезъ Богуту въ *тайное* соглашеніе: Мануилъ долженъ былъ отступить въ Срѣмъ, чтобы оттуда возобновить переговоры, въ которыхъ ему заранѣе былъ обѣщанъ полный успѣхъ, но могъ оставить Стефана для благовидности и замаскированія дѣла. Такимъ образомъ то, что послѣдовало, явилось только результатомъ тайнаго соглашенія. Выходитъ также, что предупредительный отвѣтъ царю, который Киннамъ влагаетъ въ уста Владислава, не вымышленъ, а составляетъ лишь тайное его сообщеніе [1]). Перейдя Дунай, Мануилъ поспѣшилъ завязать уже открытые переговоры о мирѣ, а Владиславъ выступилъ открыто въ роли посредника и уговорилъ Угровъ принять предложенія царя. При такомъ изображеніи дѣла вполнѣ объясняется на нашъ взглядъ образъ дѣйствія какъ Мануила, такъ и Владислава.

Каковы же были условія Грековъ? Мануилъ требовалъ возвращенія наслѣдственнаго удѣла Бѣлы, т. е. Далмаціи и подтвержденія прежняго договора съ клятвеннымъ обѣщаніемъ исполненія того и другого. По словамъ Киннама онъ настаивалъ на полученіи этихъ клятвенныхъ обѣщаній отъ самого Стефана, ибо не совсѣмъ довѣрялъ словеснымъ завѣреніямъ Владислава и боялся какого-нибудь обмана [2]). Подъ *прежними* обѣщаніями, въ исполненіи кото-

---

[1]) Cinn., l. c., p. 223—224 (отвѣтъ Владислава): „мы являемся здѣсь, добрѣйшій, не для войны съ великимъ царемъ (ибо не забыли заключенныхъ съ нимъ условій), а для защиты Стефана, несправедливо пострадавшаго отъ дяди, который сначала изгналъ его изъ отцовской земли и наслѣдія, а потомъ, когда его право было возстановлено, опять воюетъ съ нимъ и опять рѣшается насильно получить власть, потерянную отъ худого управленія. Для этого я и обращаюсь съ просьбою къ царю и умоляю его — лучше взять сторону сироты. Если же этотъ юноша Стефанъ въ чемъ-либо провинился предъ его царскимъ величествомъ (такъ какъ меня извѣщаютъ, что онъ безъ всякаго права опять занялъ землю Бѣлы), то эта земли при нашемъ посредствѣ тотчасъ будетъ возвращена, и онъ всѣми мѣрами постарается загладить свой поступокъ“. (Рус. пер., тамъ же, стр 297).

[2]) Cinn., ib., p. 224: ὁ δὲ ἤκουσε μὲν τῶν λόγων οὐκ ἀηδῶς, οὐ μέντοι παντάπασι πιστεύειν εἶχεν· ἔννοια γάρ τις αὐτῷ γέγονε, μὴ Βλαδισθλάβῳ οὐκ ἀπὸ γνώμης εἴρηται ταῦτα, ἀλλ' ὑποκάθηται τις καὶ δόλος αὐτοῖς. ἀμέλει καὶ τῶν περὶ

рыхъ долженъ былъ дать вторичную клятву король угорскій, безъ сомнѣнія разумѣется уступка Срѣма, какъ условіе прежняго договора [1]). Угры, т. е. молодой Стефанъ, ввѣрились вполнѣ Владиславу [2]), который и былъ дѣятельнымъ посредникомъ въ переговорахъ: съ той и другой стороны отправлялись сановные послы для ихъ веденія, и всѣ радовались заключенію мира [3]). Угры приняли условія, возвратили область Бѣлы, но въ свою очередь требовали, чтобъ царь отказался отъ Стефана-дяди и не дозволялъ ему болѣе выступать войной противъ Угріи, въ чемъ императоръ и далъ имъ обѣщаніе [4]). Этимъ пока и кончилось столкновеніе, повидимому очень скоро послѣ вступленія Грековъ въ Угрію, т. е. еще въ началѣ 1164 года.

Но сближеніе Мануила съ Владиславомъ пошло еще далѣе. Чешскому королю оно кромѣ матеріальной выгоды — ибо за свою услугу онъ былъ конечно щедро награжденъ — доставляло еще великую честь и славу, особенно при той роли миротворца, которую онъ сыгралъ въ Угріи; а Мануилу оно было нужно въ политическомъ отношеніи, чтобы обезопасить себя съ этой стороны въ случаѣ новаго столкновенія съ Угріей. Сближеніе не ограничилось взаимными любезностями и тѣмъ, что государи одарили другъ друга богатыми подарками [5]): императоръ почтилъ короля чрезвычайно лестнымъ предложеніемъ укрѣпить ихъ дружественный союзъ род-

---

αὐτόν τινας αὖθις ἐς αὐτὸν πέμψας ὅρκοις τὰ δεδογμένα πιστοῦσθαι ἐκέλευε, καὶ ὃς αὐτίκα μηδὲν μελλήσας ἐπιτελῆ ταῦτα ἔθετο. οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ ὅσα πάλαι, καθάπερ ἔφην, ὑπέσχετο δευτέροις ἐπικατελάμβανεν ὅρκοις.

1) См. выше, стр. 291.

2) Let. Vincent., ib., p. 457: Verba predictorum legatorum Greci imperatoris rex Boemie regi Ungarie et principibus refert, qui sese in eius ponunt consilio.

3) Ibid: Ipse autem ad ea, quae pacis sunt, laborans... etc. Ex utraque parte crebro mittuntur nuntii pacem fabricantes, utraque pars de pace futura gaudet.

4) Cinn., l. c., p. 2?4: ὀλίγῳ δὲ κατόπιν καὶ Στέφανος πρέσβεις ἐς βασιλέα πέμψας τήν τε χώραν ἀπεδίδου καὶ παράκλησιν προσῆγε, μηκέτι Στεφάνῳ κατὰ τῆς Οὐννικῆς ἐφιέναι στρατεύειν τῷ θείῳ ἅπερ ὁ βασιλεὺς προσδεξάμενος, τὸν πόλεμον λύσας etc.

5) Let. Vincent., p. 457: His ita peractis rex Boemie domnum Martinum ...cum plurimis et electis regalibus muneribus ad imperatorem Grecum in legationem mittit etc.

ственными узами: онъ просилъ внучку Владислава, дочь его сына Фридриха въ жены своему внуку (кажется вѣрнѣе племяннику),— предложеніе, съ радостью конечно принятое Владиславомъ [1]). Получивъ согласіе, императоръ послалъ чешскому королю новые богатые дары, состоявшіе главнымъ образомъ изъ драгоцѣнныхъ одѣяній, предназначенныхъ для самого короля и королевы [2]).

На обратномъ пути Владиславъ, въ сопровожденіи молодого Стефана Гейзича, заѣхалъ еще къ нему и посѣтилъ его мать королеву Евфросинью. Здѣсь онъ былъ не менѣе щедро одаренъ королемъ и королевой, такъ что лѣтописецъ Викентій отказывается и перечислять всѣ драгоцѣнные дары, — такъ ихъ было много. Цѣлые возы, нагруженные пріобрѣтеннымъ добромъ, сопровождали короля чешскаго въ его обратномъ пути [3]). Торжественно и радостно встрѣтили въ Прагѣ своего увѣнчаннаго побѣдными лаврами, гордаго и счастливаго своими успѣхами короля [4]). Дѣйствительно Владиславъ еще выше поднялся теперь въ глазахъ не только своего народа, но и другихъ сосѣднихъ: слава, добытая имъ только-что на востокѣ, распространялась всюду и на западъ. Успѣхъ имѣлъ и особенное политическое значеніе именно въ отношеніи къ западу. Владиславъ дѣйствовалъ въ Угріи вполнѣ самостоятельно, не только не соображаясь съ политикой западнаго императора, но даже отчасти вопреки ей: онъ заключилъ дружескій союзъ съ главнымъ политическимъ соперникомъ Фридриха—могущественнымъ восточнымъ царемъ. Это внушало ему большую самоувѣренность и смѣлость и повліяло на его дальнѣйшую

---

[1]) Let. Vinc. ibid: Imperator ampliorem amiciciam inter se et regem Boemie confirmare volens, neptem eius, filiam domni Friderici, nepoti suo in matrimonium querit, quam rex ex consilio suorum ei se daturum promittit.

[2]) Let. Vinc., ib., p. 457—58.

[3]) Ibid., p. 458: His ita compositis rex Boemie cum rege Ungarie ad reginam matrem regis leti redeunt, ubi tam a rege quam a regina matre eius et Ungaris diversis et innumerabilibus donatus muneribus. Quod et quales palefridi ei dati fuerunt, scribere superfluum duximus; etenim pauperis est numerare pecus; vasa namque auri et argenti pondera, vestes, pallia diversi generis nonnisi in plaustris ducebantur.

[4]) Ibid. Владислава встрѣтило духовенство съ Даніиломъ во главѣ, дворяне и народъ. Королева Юдиѳь была тоже богато одарена. Владиславъ украсилъ драгоцѣнными дарами много церквей и монастырей.

внѣшнюю политику, прежде всего на занятое имъ положеніе въ папскомъ вопросѣ послѣ смерти папы Виктора (въ апрѣлѣ 1164 г.) [1].

Но что же принесли Угріи всѣ эти подвиги Владислава, ради нея предпринятые? какихъ благъ достигъ для нея торжествующій ея союзникъ? Правда, Стефанъ Гейзичъ укрѣпился на престолѣ, но Византію пришлось всетаки удовлетворить и уступить ей все то, на что она изъявляла притязанія. Юность и неопытность короля и безсиліе правительства дали много пострадать интересамъ Угріи. Ими воспользовались, и на счетъ Угріи обдѣлали свои дѣла — не только давнишній ея врагъ византійскій императоръ, что́ вполнѣ понятно, но и добрый союзникъ и родственникъ король чешскій... Мы не беремся сказать, насколько самъ Владиславъ сознавалъ эту слабую сторону своего блестящаго предпріятія...

Понятно послѣ того, что о прочномъ мирѣ между Византіей и Угріей не могло быть рѣчи. Угрія не могла помириться съ потерей двухъ важныхъ областей, а Мануилъ былъ далекъ отъ точнаго и добросовѣстнаго исполненія своего обѣщанія относительно претендента. Отправляясь домой съ Дуная, Мануилъ, правда, убѣждалъ Стефана оставить безплодныя попытки овладѣть угорскимъ престоломъ и представлялъ ему всю ненависть, которую питаютъ къ нему Угры, самъ же отказывался его поддерживать за неимѣніемъ болѣе повода къ тому, — по крайней мѣрѣ такъ представляетъ дѣло Киннамъ [2], разсказывающій даже мало впрочемъ вѣроятную исторію о томъ, какъ Мануилъ далъ случай Стефану убѣдиться въ несочувствіи къ нему Угровъ [3]. Но во всякомъ случаѣ императоръ, если

---

[1]) Срв. Dudik, o. c. S. 367 и слѣд.

[2]) Cinn., l. c. p. 224: Στεφάνῳ τε παρῄνει ἀπαλλάσσεσθαι ἤδη τῆς Οὐννικῆς καὶ αὐτὸν ἅτε πείρᾳ μαθόντα τὸ περὶ αὐτὸν δύσνουν τῶν ὁμοφύλων. πείθειν δ᾽οὐκ ἔχων τὸν ἄνθρωπον «ἐγὼ μὲν «ἔφη» ἄπειμι ἤδη. ἀνασωσαμένῳ γάρ· μοι τὴν χώραν τῷ Βελᾷ μάχης ὅτι μὴ ἄδικον λόγος ὑπαλέλειπται οὐδείς. etc

[3]) Cinn., ib. По совѣту Мануила эксъ-король послалъ какого-то своего племянника (съ братней стороны) Стефана (ἔστι σοι ἀδελφιδοῦς Στέφανος), чрезвычайно будто-бы на него похожаго, со своимъ войскомъ противъ Угровъ, а самъ укрылся въ лодкѣ у берега Дуная. Не успѣли враги встрѣтиться, какъ находившіеся при Стефанѣ (племянн.) Угры, принимая его за дядю, схватили его и представили къ королю, и только тогда обнаружилась ихъ ошибка. Уже Katona, Hist. crit., IV, p. 76 — 77 призналъ неправдоподобность этого эпизода, и съ нимъ нельзя не согласиться. Самая личность этого Стефана, молод. племянника Стефана-дяди, на него похожаго, весьма

дѣйствительно въ тотъ моментъ и удерживалъ его, всеже не думалъ производить на него давленія и кончилъ тѣмъ, что на всякій случай оставилъ при немъ (въ Срѣмѣ) отрядъ войска съ Никифоромъ Халуфой во главѣ, который очевидно могъ стать къ его услугамъ, но въ этомъ долженъ былъ поступать сообразно съ обстоятельствами [1]).

Но когда царь удалился, Стефанъ не утерпѣлъ и опять перешелъ угорскую границу (по ошибочному изображенію Киннама онъ и не выходилъ изъ предѣловъ Угріи), увлекши за собой и Никифора Халуфу, корторый не рѣшился его оставить [2]). Король угорскій, узнавъ объ этомъ новомъ нарушеніи заключеннаго договора, двинулся противъ претендента, чтобъ изгнать его изъ предѣловъ Угріи. Никифоръ Халуфа убѣдительно совѣтовалъ Стефану во-время вернуться въ Срѣмъ, гдѣ онъ, какъ въ подвластной царю области, никѣмъ не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Когда же тотъ упорствовалъ, то Халуфа, боясь вѣроятно отвѣтственности, самъ (со своимъ отрядомъ) направился къ Дунаю, по свидѣтельству Киннама — подъ предлогомъ, что отъ царя пришла грамота, и онъ долженъ видѣться съ принесшими ее людьми, которые изъ страха передъ Уграми остались на берегу Дуная. Такимъ образомъ Халуфа перешелъ обратно черезъ Дунай — въ срѣмскую область, куда вслѣдъ за тѣмъ спасся бѣгствомъ и едва не попавшійся въ плѣнъ Стефанъ [3]).

загадочна и сомнительна, ибо никакихъ другихъ свѣдѣній о ней въ числѣ потомковъ Бѣлы Слѣп — не имѣется. См. Katona (тамъ же), который справедливо считаетъ неудачною попытку Schier'a, Reg. Hung., o. c., p. 260—261, истолковать это мѣсто Киннама.

1) Cinn., ib. 225: ἐφ' οἷς ἀπειρηκὼς βασιλεὺς Νικηφόρον μὲν τὸν Χαλούφην αὐτοῦ ἔλιπεν ἅμα στρατεύματι, συμπαρεσόμενόν τε τῷ Στεφάνῳ καὶ τὰ παραπίπτοντα συνδιοικησόμενον.

2) Мы видѣли, что Киннамъ умолчалъ о фактѣ отступленія Мануила и Стефана за Дунай подъ давленіемъ Чеховъ, а потому онъ и изображаетъ дѣло такъ, что Стефанъ оставался въ Угріи (Cinn., ib. p. 226). Между тѣмъ это противорѣчитъ самому факту заключенія мира Мануила съ Уграми, ибо невѣроятно, чтобъ царь могъ оставить тамъ свое войско; а затѣмъ въ вышеупомянутомъ разсказѣ Киннама объ эпизодѣ съ молод. Стефаномъ есть прямое указаніе, что Стефанъ дядя (и Мануилъ) былъ на самомъ Дунаѣ (скрыв. въ лодкѣ), т. е. на границѣ угорской.

3) Cinn., ib. p. 226: οὐ πολὺ τὸ μεταξὺ, καὶ πυθόμενος ὁ τῶν Οὔννων ῥὴξ ἐπὶ Οὐννικῆς, Στέφανον εἰσέτι διατριβὴν ποιεῖσθαι, δυνάμεις ἔτι μᾶλλον ἀγείρας πολέμῳ τὸ πᾶν διακρῖναι ἠπείγετο... etc.

Уже изъ того, что Н. Халуфа не только не поддержалъ Стефана, но поспѣшилъ вернуться и оставилъ его на произволъ судьбы, можно заключить, что эта экспедиція Стефана вовсе не входила въ планы Мануила и была предпринята безъ его вѣдома. Оставляя своего полководца при Стефанѣ, Мануилъ имѣлъ быть можетъ именно то въ виду, что онъ будетъ въ состояніи удержать Стефана отъ несвоевременныхъ и опрометчивыхъ дѣйствій, а въ случаѣ надобности будетъ наготовѣ помочь ему. Есть поэтому основаніе предполагать, что въ грамотѣ, полученной Халуфой, давались ему инструкціи именно въ этомъ смыслѣ, и поспѣшное возвращеніе его въ Срѣмъ было вызвано прямо ею. Возможно даже и то, что Мануилъ этою грамотой совсѣмъ отзывалъ своего полководца съ Дуная, не желая пока новаго разрыва съ Угріей. Къ такому заключенію приводитъ насъ то, что скоро затѣмъ, еще въ томъ же году, Никифоръ Халуфа получилъ новое назначеніе, именно къ Венеціанцамъ [1]).

Извѣстіе Киннама, непосредственно слѣдующее за разсказомъ о новой неудачѣ Стефана, что Мануилъ отправилъ въ срѣмскую область значительное войско — для удержанія страны, охраны ея подданыхъ и спасенія Стефана — подъ начальствомъ Михаила Гавры [2]), по всѣмъ соображеніямъ относится ко времени нѣсколько позднѣйшему: эта экспедиція была вызвана уже новыми событіями на Дунаѣ, и самъ Киннамъ, упомянувшій здѣсь вскользь и очевидно не у мѣста объ этой посылкѣ Гавры, разсказываетъ обстоятельно о томъ же въ другомъ мѣстѣ [3]).

Послѣ отозванія Н. Халуфы ексъ-король Стефанъ остался безо всякой поддержки и пока очевидно ни на что расчитывать не могъ. Но потерявъ надежду на Мануила, неугомонный искатель угорской короны кажется и тутъ не успокоился и не остался бездѣйствующимъ. Такъ думать даетъ намъ основаніе одно историческое извѣстіе, которое было вскользь затронуто нами выше [4]) и на которое историки Угріи до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія. Дѣло

---

1) Cinn., ib., p. 228—29.
2) Ibid., p. 326.
3) Ibid., p. 238 и сл.
4) См. стр. 215.

въ томъ, что въ кёльнскихъ анналахъ подъ 1160 годомъ записано извѣстіе о собраніи въ Пармѣ, на которомъ къ императору Фридриху явился Стефанъ-претендентъ, названный тутъ *братомъ* угорскаго короля, и просилъ его о возведеніи на угорскій престолъ, за что онъ обязывался уплачивать ему ежегодную дань въ 3,000 марокъ; однакожъ онъ ничего не добился [1]). Вотъ это-то извѣстіе вмѣстѣ съ другими еще нѣмецкая историческая критика — по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо—предлагаетъ относить не къ 1160-му, а къ 1164 году—на томъ основаніи вопервыхъ, что въ этомъ послѣднемъ году фактъ пребыванія Фридриха въ Пармѣ (въ мартѣ) и созывъ тамъ собранія — внѣ сомнѣнія и подтверждается документально [2]), тогда какъ фактъ созыва подобнаго собранія въ 1160 году никакими иными данными не подтверждается, а во вторыхъ, что нѣкоторыя дѣла, пріуроченныя кёльнскими анналами къ этому собранію, несомнѣнно относятся къ 1164 году [3]).

Мы видѣли выше, что на фактъ обращенія Стефана къ Фридриху въ 1160 году мы ровно никакихъ указаній не имѣемъ, да и трудно его пріурочить къ обстоятельствамъ того времени. Между тѣмъ, будучи отнесено къ 1164 году, обращеніе это находитъ себя полное оправданіе и объясненіе въ тогдашнихъ событіяхъ и отношеніяхъ. Такая ошибка, какъ наименованіе Стефана *братомъ* угорскаго короля, легко могла произойти и можетъ быть объяснена именно ошибочнымъ отнесеніемъ этого эпизода къ 1160 году, когда на престолѣ сидѣлъ еще братъ Стефана. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что Стефанъ, увидѣвъ себя покинутымъ византійскимъ импе-

---

[1]) Chron. regia Coloniens. ad. a. 1160, шк. изд. 1880, p. 104: Illis diebus imperatore curiam habente apud Parmam civitatem Italiae, advenit Stephanus, rater regis Ungariae, regnum laborans percipere ab imperatore, et ei tria milia marcarum per singulos annos persolvere promittebat; sed ea res effectum non habuit.

[2]) См. Stumpf, Die Reichskanzler, II, N. 4009 и сл.; еще тамъ же, III N. 149, 360, S. 197, 513. См. Giesebrecht, B. V, S. 389; Prutz, Friedrich I, S. 350.

[3]) Напр. къ этому году относится посольство еписк. сардинскаго къ Фридриху (въ Парму), посольство венеціанское и пр. Къ 1164 безъ колебанія отнесъ обращеніе Стефана къ Фридриху Giesebrecht, Gesch., B. V, S. 392; за нимъ Hannenheim, o. c., S. 43—44, пр. 83. Повидимому склоняется въ пользу того же мнѣнія Kap-Herr (1881), o. c., S. 79—80, прим. Тоже Huber, Gesch. Oesterr. I, S. 363.

раторомъ, рѣшился еще попытать счастья у императора Фридриха и прямо изъ Срѣма отправился къ нему въ Парму, гдѣ и предлагалъ ему за престолъ угорскій стать его вассаломъ и данникомъ. Но Фридрихъ отвергъ это предложеніе безъ сомнѣнія потому, что былъ связанъ своими отношеніями къ Стефану Гейзичу, который, какъ намъ уже извѣстно, обѣщалъ ему 5,000 марокъ за содѣйствіе [1]), да и потому, что его слишкомъ поглощали собственныя дѣла. Не достигнувъ ничего, Стефанъ вернулся назадъ.

Принятію этого факта не противорѣчитъ и наша хронологія. Послѣднія событія въ Угріи отнесены нами къ началу 1164 года. Фридрихъ былъ въ Пармѣ во второй половинѣ марта, и Стефанъ могъ такимъ образомъ явиться туда какъ разъ въ это время. Возвращеніе его послѣдовало очень скоро, ибо къ концу года онъ уже опять былъ, какъ увидимъ, на Дунаѣ.

Между тѣмъ миръ на греко-угорской границѣ продержался не долго. Когда византійское войско было вызвано изъ Срѣма, и Стефанъ-дядя тоже удалился оттуда, молодой угорскій король почувствовалъ себя наконецъ въ безопасности и вполнѣ утвердившимся на престолѣ, но тѣмъ труднѣе было для него помириться съ тѣмъ чувствительнымъ ущербомъ, который понесло только-что угорское государство, съ потерей срѣмской области и вынужденной уступкой Бѣлѣ Далмаціи. Послѣднее появленіе на угорской территоріи Стефана, да еще въ сопровожденіи греческаго полководца Никифора Халуфы — вслѣдъ за заключеніемъ мирнаго договора, въ чемъ естественно главная вина падала на самого Мануила, сильно раздражило Угровъ и ихъ короля противъ Византіи и возбудило въ нихъ желаніе отомстить Грекамъ и возвратить себѣ потерянное.

Еще въ томъ же 1164 году, вѣроятно позднею осенью Стефанъ Гейзичъ вторгся въ срѣмскую область, возвратилъ ее подъ свою власть, не встрѣчая повидимому никакого сопротивленія, прошелъ до устья р. Савы и сталъ угрожать уже самому гор. Землину (Зевгмину) [2]), гдѣ, какъ потомъ оказывается, заперся претендентъ Стефанъ.

---

[1]) Rahewini G. Fr I, Appendix, l. c., p. 277.

[2]) Cinn., l. V, 10, p. 231: Ὁ δὲ τῶν Παιόνων ῥὴξ Σίρμιόν τε αὖθις Ῥωμαίοις ἀφελόμενος ἔσχε καὶ Ζευγμίνου αὐτοῦ ἤδη μετεποιεῖτο.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, разгнѣванный византійскій императоръ поспѣшилъ послать королю письмо, полное упрековъ и угрозъ. Укоряя его въ несправедливомъ нарушеніи клятвы, данной „относительно Срѣма и другихъ мѣстъ“, царь совѣтуетъ ему скорѣе удалиться, а въ противномъ случаѣ грозитъ новымъ вторженіемъ въ Угрію. При этомъ онъ напоминаетъ ему прошлое. „Развѣ ты забылъ, писалъ онъ, сколькихъ миріадъ народа лишилась нѣкогда Угрія, когда твой отецъ оскорбилъ римскую имперію? но его раскаяніе было для него спасительнымъ. Ты же смотри, какъ-бы и раскаяніе твое (т. е. позднее) не осталось безполезнымъ!...“ [1]). Письмо это осталось однакожъ безъ отвѣта, и король продолжалъ свое предпріятіе. Тогда Мануилъ увидѣлъ себя принужденнымъ серіозно готовиться къ новой войнѣ. Онъ даже, по словамъ Киннама, опять вернулся къ мысли посадить на угорскій престолъ Стефана-дядю, хотя передъ тѣмъ уже отказался было отъ этого плана [2]). Можно сомнѣваться, чтобъ царь дѣйствительно серіозно еще питалъ такую мечту. Онъ имѣлъ достаточно случаевъ вполнѣ разочароваться въ Стефанѣ въ этомъ отношеніи. Но послѣднимъ, его задоромъ и упорствомъ въ преслѣдованіи уже разъ достигнутой, но снова утраченной цѣли можно было еще воспользоваться и опять въ видѣ полезнаго орудія пустить его въ дѣло,—и это-то безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду Мануилъ.

На этотъ разъ императоръ задумывалъ очевидно весьма широкое предпріятіе противъ Угріи: онъ не только готовился самъ выступить со всѣми своими силами, но рѣшился заручиться и иноземною помощью и отвлечь отъ Угріи ея возможныхъ союзниковъ. Но для всего этого нужно было время. Зимой $116^4/_5$ года нельзя было уже предпринять ничего серіознаго, но по нашимъ соображеніямъ раннею весною 1165 года Мануилъ, не будучи еще самъ готовъ къ борьбѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь за участь осажденнаго гор. Землина, рѣшился всетаки принять нѣкоторыя необходимыя предва-

---

[1]) Cinn., ib., p. 231: ταῦτα πυθόμενος βασιλεὺς ἐπέστειλει αὐτῷ τοιάδε. «οὐ δίκαια ποιεῖς, ὦ εὐγενέστατε, ὅρκους ἀτιμάζων, οὓς ἔναγχος κράτει τῷ ἡμετέρῳ Σιρμίου τε ἕνεκα καὶ τῶν ἄλλων ὁμωμοκὼς ἔφθης... ἢ λέληθέ σε ὁπόσων Οὐννικὴ μυριάδων ἐψίλωτο πρότερον πρὸς πατρὸς τοῦ σοῦ τῇ Ῥωμαίων προσκεκρουκότος ἀρχῇ; etc.

[2]) Cinn., ib, p. 231—232.

рительныя мѣры для оказанія ему помощи [1]). Эти мѣры состояли въ слѣдующемъ. Мануилъ рѣшилъ послать къ Землину значительный вспомогательный отрядъ, предводительство надъ которомъ было поручено Михаилу Гаврѣ и Іосифу Вріеннію [2]). Кромѣ того туда же на Дунай, съ тою же цѣлью были отправлены корабли съ войскомъ и множествомъ всякихъ припасовъ, дабы они, поднявшись по Дунаю, доставили все необходимое осажденнымъ, пока не прибудетъ туда самъ царь со всѣми своими силами [3]). О томъ, чего достигла эта посланная Землину помощь, мы узнаемъ позже. Въ то же время царь прилагалъ всѣ свои старанія для пріобрѣтенія союзниковъ противъ Угріи и для того сносился даже съ отдаленными землями. При этомъ онъ имѣлъ въ виду какъ матеріальную помощь, такъ въ иныхъ случаяхъ, можно думать, еще болѣе — лишеніе Угріи возможной поддержки со стороны сосѣдей. Не только своихъ естественныхъ союзниковъ и вассаловъ привлекъ онъ къ дѣлу; онъ рѣшилъ обратиться и на западъ, и на сѣверъ, чтобъ перетянуть на свою сторону — тамъ Германію, здѣсь всю сосѣднюю съ Угріей Русь. Въ извѣстіяхъ нашего источника объ этихъ сношеніяхъ Мануила не мало любопытнаго, но при этомъ — надо замѣтить — эти извѣстія отличаются нѣкоторою запутанностью (особенно въ именахъ русскихъ князей) и сбивчивостью, а потому они требуютъ приведенія въ порядокъ и критической провѣрки. Начнемъ съ извѣстій о сношеніяхъ императора съ Русью („Тавроскиѳіей“).

Туда, говоритъ Киннамъ, отправился нѣкто Мануилъ, „производившій родъ свой отъ Комниновъ“. Онъ долженъ былъ напомнить правителю Руссовъ о заключенномъ съ царемъ договорѣ и упрекнуть его за дружбу къ галицкому князю Ярославу Владимірковичу, нарушителю договора съ Византіей, гостепріимно пріютившему у себя

---

1) Ibid., p. 238: βασιλεὺς δὲ ἐπειδὴ μηδέπω τὰ πρὸς τὴν παρὰ πόδας ἐξαρτυσάμενος ἔτυχε μάχην, δείσας περὶ τῇ πόλει Ζεύγμῃ ἐπὶ πλεῖστον ἤδη πρὸς τοῦ Στεφάνου πυργηρουμένῃ, πρὸ τοῦ τὸν ὑπὲρ τῶν ὅλων ἐκρῆξαι πόλεμον... etc.

2) Cinn., ib., p. 238: .. στράτευμα λόγου ἄξιον βοηθῆσον αὐτῇ ἔστελλεν, ὑπὸ στρατηγοῖς Μιχαὴλ τε τῷ Γαβρᾷ καὶ τῷ Βρυεννίῳ, Ἰωσήφ... Объ этой-то посылкѣ М. Гавры Киннамъ упоминалъ уже ранѣе, p. 226.

3) Ibid.: ἐπὶ πλέον γε μὴν τῇ πόλει ἐπαρκέσαι βουληθεὶς ναῦς ὡσεὶ πλείστας στρατιωτῶν τε καὶ τῶν ἐπιτηδείων ἐμπλησάμενος ἐκέλευε τὸν Ἴστρον παραπλεούσας τοῖς ἔνδοθι παρέχειν τῶν ἀναγκαίων, ἕως αὐτὸς πανστρατὶ ἐπὶ τὴν Οὐννικὴν ἀφίκηται

бѣжавшаго изъ византійской темницы знаменитаго Андроника (по этому поводу Киннамъ разсказываетъ о его бѣгствѣ) [1]. Далѣе Киннамъ передаетъ, что вышеупомянутый посолъ царя Мануила просилъ помощи противъ Угріи у двухъ князей тавроскиѳскихъ — сперва у какого-то Примислава, котораго онъ потомъ опять смѣшиваетъ съ Ярославомъ, а затѣмъ у Ростислава (очевидно вел. князя кіевскаго) — и достигъ всего: польщенные посылкой къ нимъ такого знатнаго посла они де на все согласились [2]. Наконецъ, разсказавъ объ обращеніи царя съ письмомъ къ Ярославу галицкому, тоже для отвращенія его отъ Угріи, историкъ еще разъ говоритъ о томъ, что правитель кіевской Руси (называется тутъ и городъ „Кіама") клятвенно обѣщалъ царю участвовать въ войнѣ противъ Угріи [3].

Кто былъ Мануилъ изъ рода Комниновъ, посланный на Русь, мы не знаемъ. Изъ родни Мануила намъ извѣстенъ только одинъ князь этого имени — сынъ того же пресловутаго Андроника, родоначальникъ трапезунтскихъ императоровъ, помогшій своему отцу, по разсказу Никиты Хонскаго, бѣжать изъ темницы; но едва-ли здѣсь (именно въ виду этой его роли) можетъ быть рѣчь о немъ [4].

Теперь спрашивается, кого разумѣлъ Киннамъ въ первомъ извѣстіи о правителѣ Руссовъ, который уже состоялъ будто-бы въ союзѣ съ царемъ и несмотря на то поддерживалъ дружбу съ Ярославомъ галицкимъ, и въ какомъ отношеніи это лицо находится къ

---

1) Ibid. 232: καὶ δὴ Μανουὴλ μέν, ὃς ἐς Κομνηνοὺς τὸ γένος ἀνέφερεν, εἰς τὸ τῶν Ταυροσκυθῶν ἀφίκετο ἔθνος ὁμολογιῶν τὸν ἄρχοντα σφῶν ἀναμνήσων, ἃς διωμότους ἤδη τῷ βασιλεῖ ἔθετο, πρὸς δὲ καὶ τὴν πρὸς Ἱερόσθλαβον τὸν Γαλίτζης ἡγεμονεύοντα φιλίαν αὐτῷ διονειδίσων... etc. ...

2) Cinn., ib. p. 235: Τῶν εἰρημένων τε ἕνεκα ὁ Μανουὴλ παρὰ Πριμίσθλαβον ἦλθε καὶ ὅπως χεῖρα ἐκεῖθεν σύμμαχον ἐπὶ Ῥωμαίους ἄξῃ. ἐπέσταλτο γὰρ αὐτῷ καὶ Ρωσισθλάβῳ τῷ καὶ αὐτῷ ἐπὶ Ταυροσκυθικῆς ἄρχοντι περὶ συμμαχίας διειλέχθαι. καὶ μέντοι καὶ τετύχηκε τοῦ κατὰ σκοπόν...

3) Ibid., p. 236: ἔστι δέ τις ἐν Ταυροσκυθικῇ πόλις ὄνομα Κίαμα, ἣ πόλεών τε ὑπερκάθηται τῶν ἄλλων ὅσαι τῇδε ἵδρυνται etc....

4) Nic. Chon., l. IV, 2, p. 169. Объ этомъ Мануилѣ см. Куникъ, Основаніе трапезунтской имперіи, въ Учен. Зап. Импер. Акад. Наукъ, II, стр. 709 и 717. Не знаемъ, на какомъ основаніи Muralt, I, p. 186 называетъ Мануила, посланнаго на Русь, двоюроднымъ братомъ (cousin) императора Мануила.—Лишь по недоразумѣнію и вслѣдствіе невнимательнаго чтенія текста могли нѣкоторые вообразить, что Киннамъ говоритъ о путешествіи самого имп. Мануила въ Россію. См. напр. Kap-Herr, o. c. S. 143.

вслѣдъ за тѣмъ упоминаемымъ Примиславу и Ростиславу, „управлявшему тогда Тавроскиѳіей“, и наконецъ къ правителю кіевской Руси? Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ Киннамъ, не имѣя достаточно точныхъ свѣдѣній о томъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло Мануилъ, писалъ по наслышкѣ: оттуда и произошли у него путаница и повторенія, обнаружившія его собственныя плохія знанія русскихъ отношеній. Во всѣхъ приведенныхъ извѣстіяхъ можетъ быть рѣчь только о двухъ русскихъ князьяхъ (не считая Ярослава галицкаго), между которыми первое и главное мѣсто занимаетъ тогдашній великій князь кіевскій Ростиславъ Мстиславичъ, сѣвшій вторично на кіевскій столъ въ 1159 г. [1]). О немъ очевидно историкъ говоритъ по недоразумнѣнію три раза: въ началѣ, приписывая ему дружбу съ Ярославомъ галицкимъ, во 2-ой разъ, называя его по имени (Ῥωσίσθλαβος), какъ властителя надъ Русью, и въ 3-ій — разсказывая еще о князѣ кіевской Руси. Изъ русской лѣтописи мы знаемъ, что какъ разъ передъ тѣмъ великій князь Ростиславъ дѣйствительно находился въ сношеніяхъ съ Византіей и императоромъ по поводу назначенія кіевскимъ митрополитомъ грека Іоанна — безъ предварительнаго согласія великаго князя, желавшаго возвратить этотъ санъ и добыть посвященіе патріарха Клименту; онъ однакожъ согласился принять Іоанна — убѣжденный письмомъ и богатыми дарами Мануила, но съ условіемъ, чтобъ впредь въ Византіи не назначали митрополитовъ безъ согласія великаго князя [2]). О церковныхъ связяхъ Кіева съ Византіей упоминаетъ ниже и Киннамъ [3]). Эти-то дружескія сно-

---

[1]) Ипат. лѣт., подъ 1159 г., стр. 355—13, срв. выше, стр. 239.

[2]) Ипат. лѣт. 1164 (6672): Приде митрополитъ Иванъ в Русь, и не хотѣ его Ростиславъ прияти, занеже....; и присла царь дары многы Ростиславу ... Посолъ же царевъ молвяше Ростиславу: „мольвить ти царь: аще примеши с любовью благословение отъ святыя Софья“... здѣсь въ имѣющихся спискахъ лѣтописи пропускъ, но дополненіе (приведенное у насъ) находимъ въ сводѣ лѣтописей Татищева, и оно не возбуждаетъ сомнѣнія. См. Карамзинъ, II, стр. 414; Соловьевъ, т. III, стр. 62, прим. 140. Срв. Макарій, И. Р. Ц. III, стр. 14; Голубинскій, И. Р. Ц. стр. 272—73; Pelesz, Gesch. d. Union d. ruthen. Kirche, I B. (Wien, 1878), S. 300 и предыдущ.

[3]) Cinn., l. c. p. 236: ἔστι δέ τις ἐν Ταυροσκυθικῇ πόλις ὄνομα Κίαμα... καὶ ὅσα καὶ μητρόπολις τῷ ἔθνει τούτῳ τυγχάνει οὖσα. ἀρχιερεὺς τε γὰρ ἐκ Βυζαντίου παρ' αὐτὴν ἥκει, καὶ τῶν ἄλλων ὅσα ἐς πρεσβεῖον φέρουσι κατεξαίρετον αὐτῇ μέτεστιν.

шенія и разумѣются вѣроятно при новой политической миссіи къ Ростиславу. Упрекъ въ дружбѣ къ галицкому князю можетъ также вполнѣ относиться къ Ростиславу, ибо, какъ извѣстно, онъ въ союзѣ съ Святославомъ Ольговичемъ черниговскимъ не разъ пользовался галицкою помощью въ своей борьбѣ съ Изяславомъ Давыдовичемъ [1]).

Но кромѣ кіевскаго великаго князя царскій посолъ Мануилъ былъ повидимому еще у какого-то русскаго князя, который тоже обѣщалъ свое содѣйствіе. Киннамъ рядомъ съ Ярославомъ называетъ какого-то Примислава (Πριμίσθλαβος). Что касается имени, то оно безъ сомнѣнія перепутано, — такого князя на Руси мы не знаемъ (намъ извѣстенъ только бывшій князь сербскій Примиславъ =Первославъ). Позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что тутъ разумѣется племянникъ Ростислава Мстиславъ Изяславичъ, князь волынскій, самый выдающійся, дѣятельный и храбрый изъ Мономаховичей, которому и дядя Ростиславъ былъ обязанъ кіевскимъ престоломъ. Онъ, племянникъ королевы Евфросиньи, нѣкогда при жизни отца Изяслава былъ въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ съ Уграми и самъ бывалъ тамъ, теперь поддерживалъ добрыя отношенія съ галицкимъ княземъ (приводя Галичанъ на помощь своему дядѣ) и несомнѣнно былъ силою, такъ что естественно, если императоръ Мануилъ признавалъ нужнымъ привлечь и его на свою сторону [2]).

Изъ русскихъ князей — ближайшихъ сосѣдей Угріи оставался еще одинъ, котораго пріобрѣсти въ союзники Мануилу было особенно важно — потому, что онъ былъ тогда въ наиболѣе близкихъ связяхъ съ угорскимъ королемъ. Это былъ галицкій князь, знаменитый Ярославъ, такъ недавно помогавшій Угріи противъ Грековъ и именно тогда, какъ мы предположили, просватавшій свою дочь за молодого короля угорскаго. Мануилъ былъ сильно недоволенъ и золъ на Ярослава какъ за это его сближеніе съ его врагами — онъ считалъ это нарушеніемъ тѣхъ вассальныхъ отношеній къ нему, въ которыя нѣкогда

---

[1]) Ипат. лѣт., г. 1160, 1161, 1162 (стр. 347, 349, 354), срв. Соловьевъ, II, стр. 205, 206, 209.

[2]) Самое имя Мстислава могло скорѣе всякаго другого подать поводъ къ смѣшенію его съ Примиславомъ: Πρι-μίσθλαβος и Μσίσθλαβος (какъ Ρωσίσθλαβος).

сталъ Владимірко, — такъ и за другой его поступокъ: за гостепріимный пріютъ, данный имъ бѣглецу — его двоюродному брату Андронику Комнину, незадолго передъ тѣмъ бѣжавшему изъ заключенія. Но въ виду политическихъ обстоятельствъ, опасаясь усиленія Угріи съ этой стороны, императоръ рѣшилъ, ради полнѣйшаго изолированія своихъ враговъ, попытаться склонить къ себѣ и галицкаго князя. Для этого онъ употребилъ средство, которое разумѣется нельзя назвать благороднымъ, но которое очевидно въ сферѣ политики не представляло тогда ничего неблаговиднаго, — судя по тому, какъ откровенно и наивно разсказываетъ о немъ нашъ историкъ. Мануилъ написалъ письмо Ярославу, въ которомъ, какъ бы платя добромъ за зло, т. е. за его недоброжелательство, предостерегаетъ его отъ угрожающаго ему униженія: старается какъ только возможно очернить и оклеветать угорскаго короля и отговариваетъ Ярослава выдавать свою дочь за такого дурного, легкомысленнаго и безнравственнаго человѣка, для котораго не существуетъ ни правды, ни законовъ, который къ будущей женѣ своей станетъ въ такія же отношенія, какъ ко всякой распутной женщинѣ [1]). По словамъ Киннама Ярославъ „въ невѣжественной простотѣ“ своей попался на удочку царя, сталъ смотрѣть на Стефана Гейзича, какъ на врага, и обѣщалъ всякую помощь Грекамъ [2]). Было ли это въ точности такъ, мы не рѣшаемся утверждать. Во всякомъ случаѣ въ этихъ словахъ Киннама сказалось все высокомѣріе и хвастливость грека. Предположенный бракъ дѣйствительно разстроился, но нѣсколько позже, ибо по другому свидѣтельству того же Киннама невѣста оставалась въ Угріи и послѣ этого эпизода [3]). Однакожъ инсинуаціи Мануила кажется возъимѣли свое

---

[1]) Cinn., ib., p. 235: οὐ μὴν οὐδὲ Ἱερόσθλαβον διὰ ταῦτα βασιλεὺς περιεῖδε· μηχαναῖς δὲ καὶ τοῦτον ἑτέραις κατὰ Στεφάνου ἐξεπολέμωσεν, ἐπιστείλας αὐτῷ οὑτωσί... слѣдуетъ письмо, оканчивающееся такъ: „. ἀνθρώπῳ δὲ ἀπολύτῳ φύσεώς τε καὶ νόμων ὡς ἐπίπαν φερομένῳ πάντα ποιεῖν οἶμαι ῥᾴδιον. οὐκοῦν οὐδὲ ξυνοικήσει σοι Στέφανος τῇ θυγατρί, οὐδὲ τι ἄλλο τῶν κατὰ νόμον ἐπὶ ταύτῃ διαπράξεται. εἰ δὲ καὶ ξυνοικήσει, ἀλλ᾽ ὅσα καὶ τριοδίτιδι ταύτῃ προσενεχθήσεται и проч

[2]) Cinn., ib., p. 235—36: Τούτων ὁ Πριμίσθλαβος (ошиб. вмѣсто Ярослава) σὺν βαρβάρῳ τινὶ ἀφελείᾳ τῶν λόγων ἀκούσας ἑάλω τε αὐτίκα καὶ ὡς πολέμιον τὸν γαμβρὸν (т. е. булущаго зятя) ὑπεβλέπετο, κατ᾽ αὐτοῦ τε Ῥωμαίοις στρατεύουσι παντὶ τρόπῳ συναίρεσθαι ὡμολόγει.

[3]) Cinn., l. VI, p. 262

дѣйствіе; повліялъ на галицкаго князя можетъ быть и примѣръ другихъ русскихъ князей: если онъ и не оказалъ активнаго содѣйствія царю, то помогъ ему тѣмъ, что не далъ своей помощи и Униграмъ. Въ этомъ поступкѣ византійскаго царя невольно обращаетъ на себя наше вниманіе та же роковая черта его политики, на которую мы однажды уже указали: стремясь къ достиженію своихъ завоевательныхъ цѣлей относительно Угріи, онъ своими происками самъ толкалъ ее на путь подчиненія своимъ соперникамъ, латино-германскому западу, ибо, разрушая вновь завязывавшіяся связи Угріи съ православною Русью, именно родственный союзъ ея съ галицкимъ княземъ [1]), онъ этимъ подготовилъ дѣйствительно скоро состоявшійся подобный же союзъ Угріи съ нѣмецкимъ государемъ и помогъ еще новому укрѣпленію связей ея съ западомъ, т. е. дѣйствовалъ на руку своимъ же заклятымъ врагамъ въ той странѣ, которую стремился подчинить своей власти...

Мы видѣли выше, что Ярославъ галицкій возбудилъ противъ себя гнѣвъ царя между прочимъ и тѣмъ, что далъ у себя пріютъ знаменитому Андронику. Этотъ пунктъ заслуживаетъ также быть болѣе выясненнымъ. Раньше было уже говорено о родствѣ Андроника съ галицкимъ княземъ. Они приходились двоюродными братьями, если только мать Андроника была дѣйствительно, какъ предполагаютъ, сестрою князя Владимірка [2]). Во всякомъ случаѣ родство было, и потому неудивительно, что Андроникъ бѣжалъ въ Галицію, и что былъ принятъ тамъ по-родственному. Бѣгство Андроника въ Галицію, описанное византійцами [3]), о которомъ сохранилось дра-

---

[1]) Между тѣмъ могущество и политическое значеніе Ярослава были, особенно позднѣе, такъ велики, что тѣсный съ нимъ союзъ могъ бы оказать не малое вліяніе на угорскія дѣла и отношенія. Вспомнимъ знаменательныя слова въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, обращенныя къ Ярославу: „Ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ столѣ; подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены за облака, творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли; ты отворяешь ворота Кіеву, и стрѣляешь съ отцовскаго золотаго стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ)“... Срв. Иловайскій, Ист. Россіи, ч. II, стр. 31 и сл.

[2]) См. выше, стр. 180, 196.

[3]) Cinn., ib., p. 232—234; Nic. Chon., l. IV, p. 168—172; Срв. Ephraemius, ed. Bonn. (De Manuele Comn.), p. 178—79. Въ разсказѣ Никиты Хон. объ этомъ бѣгствѣ есть упоминаніе *о Влахахъ*, которые схватили Андрони-

гоцѣнное свидѣтельство и въ кіевской лѣтописи, слѣдуетъ, по всѣмъ соображеніямъ, отнести еще къ 1164 году (осени), хотя лѣтопись и отмѣчаетъ это событіе подъ 6673 (1165) годомъ, быть можетъ потому, что возвращеніе Андроника послѣдовало повидимому уже въ началѣ этого года, или вѣрнѣе — вслѣдствіе хронологической неточности въ Ипат. лѣтописи [1]. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ Андроникъ былъ принятъ Ярославомъ съ распростёртыми объятіями, „съ великою любовью“ и получилъ отъ него доходы съ нѣсколькихъ городовъ на свое содержаніе: онъ былъ принятъ домашнимъ человѣ-

---

ка на пути его бѣгства и повели назадъ, чтобъ представить царю, но изъ рукъ которыхъ ему всетаки удалось бѣжать. Это мѣсто о Влахахъ играетъ дов. важную роль въ вопросѣ о давности румынской народности на сѣверъ отъ Дуная. Никита говоритъ, что Андроникъ попался въ руки Влаховъ именно въ тотъ моментъ, когда считалъ себя уже внѣ опасности и касался предѣловъ Галиціи (ἀλλ' ὅτε τοῦ δειμαίνειν ἀπεῖχεν Ἀνδρόνικος, ὡς ἤδη τὰς χεῖρας τῶν διωκόντων λαθὼν καὶ τῶν τῆς Γαλίτζης ὁρίων λαβόμενος... συλληφθεὶς γὰρ παρὰ Βλάχων... p. 171). Защитники стародавности валашскаго населенія на сѣверъ отъ Дуная считаютъ это свидѣтельство — важнымъ аргументомъ въ свою пользу, ибо Влахи поймали де Андроника гдѣ-то въ предѣлахъ нын. Молдавіи. См. Успенскій, Образ. 2-го Болг. ц., стр. 99; Tomaschek, Zur walach. Frage, Oesterr. Gymn. Zschr. 1876, S. 342; Иречекъ, Ист. Болг., стр. 293; Píč, Zur rum. ung. Streitfr. (1886), S. 71; Marczali, o. c., S. 135. — В. Г. Васильевскій, въ рец. на книгу г. Успенскаго (Ж. М. Н. Пр., 1880, ос. оттискъ, стр. 29) находитъ однако, что это свидѣтельство въ данномъ случаѣ едва-ли имѣетъ значеніе, ибо у Киннама рѣчь идетъ о „субъективномъ чувствѣ безопасности у Андроника и пока еще только мысленномъ достиженіи имъ Галиціи“, что онъ могъ еще не переходить Дуная. По нашему мнѣнію слова Киннама можно понимать и въ прямомъ смыслѣ, т. е. что Андроникъ дѣйствительно достигъ уже предѣловъ Галиціи, но такъ какъ граница галицкой Руси, какъ мы уже видѣли, касалась тогда самаго Дуная (нижняго), то надо думать, что именно на берегахъ Дуная Влахи схватили бѣглеца, можетъ быть при самой его переправѣ. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельство подтверждаетъ лишь мнѣніе о поселеніяхъ Влаховъ въ XII в. на *нижнемъ Дунаѣ*, хотя уже и этотъ фактъ невольно побуждаетъ къ болѣе смѣлымъ заключеніямъ.

[1]) Ипат. лѣт. 1165: прибѣже исъ Царягорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь... См. объ этой хронологіи Куникъ, о. с. Уч. Зап. А. Н., т. II, стр. 716, 721, Доп. 788—789, относящій все пребываніе Андроника къ 1164 г., основываясь на томъ, что за этотъ періодъ времени кіевская лѣтопись уходитъ однимъ годомъ впередъ, какъ это показалъ еще Погодинъ, Изслѣдованія и пр. т. IV, стр. 106, 114, 116. Той же хронологіи слѣдуютъ и всѣ другіе ученые. Киннамъ (p. 232) выражается предположительно, что Андроникъ пробылъ въ тюрьмѣ около 9 лѣтъ, а посаженъ туда онъ былъ въ 1154 году, слѣдовательно Киннамъ ошибся не много.

комъ и принималъ дѣятельное участіе не только въ пирахъ и развлеченіяхъ Ярослава, не только въ княжей охотѣ (на дикихъ зубровъ), въ которой особенно отличался, но даже и въ совѣтахъ съ боярами [1]), такъ что ему жилось тамъ очень весело. Но пробылъ онъ тамъ не очень долго, такъ какъ Мануилъ, примирившись съ нимъ, вѣроятно черезъ посредство Ярослава, вызвалъ его обратно; впрочемъ это было нѣсколько позже.

Таковы были сношенія Мануила съ Русью съ цѣлью отвлеченія союзниковъ отъ Угріи [2]). Въ то же время, по словамъ Киннама, царь принималъ мѣры и на западѣ. По утвержденію нашего историка тогда же примирился съ царемъ и король Алемановъ Фридрихъ, убѣдившійся въ невыгодности вражды съ нимъ, такъ какъ византійская политика ему сильно де мѣшала на западѣ (въ Италіи), и обѣщалъ свою помощь противъ Угріи; не отказывался отъ того же будто-бы и Генрихъ Язомирготъ австрійскій, женатый на племянницѣ царя Ѳеодорѣ [3]). Но къ этимъ извѣстіямъ мы можемъ относиться только съ большимъ недовѣріемъ. Всего вѣроятнѣе видѣть въ нихъ доволь-

---

[1]) Nic. Chon., ib., p. 172: τότε δ'οὖν ὑπτίαις ἀγκάλαις πρὸς τοῦ τῆς Γαλίτζης ἐπιτροπεύοντος Ἀνδρόνικος προσδεχθεὶς ἔμεινε παρ'ἐκείνῳ χρόνον συχνόν. οὕτω δὲ πρὸς τὸν ἑαυτοῦ πόθον ὅλον ἐκεῖνον Ἀνδρόνικος ἀνηρτήσατο, ὡς καὶ συνθηρεύειν καὶ συνθωκεύειν ἐκείνῳ ὁμέστιός τε εἶναι καὶ σύσσιτος. Срв. Ephraem., p. 178—79.—Ипат. лѣт., 1165 г. (стр. 359): ...и прия и Ярославъ с великою любовью, и да ему Ярославъ нѣколико городовъ на утѣшение. Срв. Карамзинъ, II, стр. 326, Иловайскій, о. с. стр. 32 и пр.

[2]) Киннамъ (ib., p. 236), говоря объ этихъ сношеніяхъ съ Русью, очевидно кстати сообщаетъ еще извѣстіе, тоже къ нимъ относящееся и дополняющее наши лѣтописныя извѣстія о томъ же предметѣ. Это извѣстіе— о добровольномъ прибытіи около того же времени въ Грецію со всѣмъ семействомъ и дружиной какого-то русскаго князя Владислава (имя можетъ быть спутано!), которому Мануилъ далъ ту придунайскую землю, которою передъ тѣмъ владѣлъ Василько, сынъ Юрія Долгорукаго (ἣν δὲ καὶ Βασιλίκᾳ πρότερον τῷ Γεωργίου παιδί, ὃς τὰ πρεσβεῖα τῶν ἐν Ταυροσκυθικῇ φιλάρχων εἶχε προσελθόντι βασιλεὺς ἔδωκε). О Владиславѣ изъ русскихъ источниковъ ничего не извѣстно, но объ удаленіи въ Грецію дѣтей и жены Юрія Долгор. (не одного Василька) знаемъ изъ Ипат. лѣтоп., подъ 1162 г, стр. 357, срв. Карамзинъ II, стр. 319 и сл. прим. 405.

[3]) Cinn., ib, p. 236: ἐν ᾧ δὲ ταῦτα ἐγίνετο Φρεδερίκος ὁ Ἀλαμανῶν ῥὴξ ἰσχυρῶς ἀντιπράττοντος ἐς τὰ πρὸς δύοντα ἥλιον τοῦ βασιλέως ἤδη αἰσθόμενος, τὰ διάφορα λύσας Ῥωμαίοις ἐσπείσατο, πόλεμόν τε κατὰ Στεφάνου διενεγκεῖν καὶ αὐτὸς τῷ βασιλεῖ διωμολόγηκεν. οὐ μὴν οὐδὲ Ἐρρίκος ταύτης ἀπεῖναι ἤμελλε τῆς μάχης, ὃς Θεοδώρᾳ τῇ βασιλέως ξυνῴκει ἀδελφιδῇ...

по обычное въ нѣкоторыхъ случаяхъ у нашего историка хвастливое и тенденціозное преувеличенье успѣховъ царя, къ которому въ данномъ случаѣ могло дать поводъ то, что Фридрихъ, серіозно занятый и озабоченный тогда своими италіанскими и германскими дѣлами (прежнее счастіе ему какъ-будто измѣняло) [1]), принужденъ былъ относиться пока довольно пассивно къ успѣхамъ Мануила въ борьбѣ съ Угріей. Но чтобы онъ склонился вдругъ на сторону византійскаго императора и обѣщалъ ему помощь противъ Угріи — это совершенно невѣроятно и противорѣчитъ тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ. Не говоря уже о томъ, что Фридрихъ находился еще въ договорѣ съ Стефаномъ Гейзичемъ, обѣщавшимъ ему 5,000 марокъ, на неуплату которыхъ онъ пенялъ ему еще и въ 1165 г. [2]), — договорѣ, на основаніи котораго было только-что отказано въ поддержкѣ и Стефанудядѣ (въ Пармѣ, въ мартѣ 1164 г.), западный императоръ имѣлъ достаточно причинъ относиться тогда съ полнѣйшею враждебностью къ Мануилу — какъ за его антигерманскія интриги въ сѣверной Италіи, доставлявшія ему не мало хлопотъ [3]), такъ и за политическое сближеніе его съ папой Александромъ III и другими врагами и недоброжелателями могущества германскаго государя (напр. кор. Людовикомъ французскимъ), въ видахъ противопоставить ему и его завоевательнымъ цѣлямъ сильную коалицію [4]). Итакъ о союзѣ царя съ Фридрихомъ не можетъ быть рѣчи. Что касается Генриха Язомирготa, то и тутъ лишь родство его съ византійскимъ императо-

---

[1]) Эти поглощавшія Фридриха дѣла и заботы были: неудавшаяся попытка прекратить схизму по его желанію; непокорность ломбардскихъ городовъ; возстаніе въ веронской маркѣ (возбужденное Венеціей), наконецъ нелады между князьями въ самой Германіи Срв. Giesebrecht IV, o. c. S. 423—425 и слѣд.; тоже Prutz, Fried. I, I. S. 352—360 и сл.

[2]) Rahewini G. F. Appendix, a. 1166 (вм. 1165), ib., p. 278: Imperator.... Ungaros, qui ante promissam pecuniam ex maiori parte mentiti fuerant, denuo iurare coegit.

[3]) Византія поддерживала Венецію въ антигерманской политикѣ; ея золотомъ было вызвано и веронское возстаніе (Giesebrecht, ib. S. 424—25, 440—495 и пр.), какъ ея же золото поддерживало и позже ломбардскую лигу. Срв, Успенскій, Цари Алекс. и Андр. Комн., Ж. М. Н. Пр. 1880, ч 212, стр. 120 и сл.

[4]) Giesebrecht, l. c, S. 426—433, 440; срв. Prutz, o. c., S. 361 etc. Успенскій, тамъ же, стр. 119, еще Kap-Herr, o. c., S. 71—78. Послѣдній, стр. 82—83 рѣшительно отвергаетъ правдоподобность свидѣтельства Киннама о примиреніи Фридриха съ Мануиломъ.

ромъ могло послужить мотивомъ для сообщенія Киннама, ибо непрекращавшіяся, сколько намъ извѣстно, дружественныя отношенія герцога австрійскаго къ Угріи и молодому королю Стефану, исключаютъ всякую его вѣроятность.

Зато полнаго довѣрія заслуживаетъ свидѣтельство Киннама о присоединеніи Венеціи къ противоугорскимъ военнымъ приготовленіямъ Мануила: Венеціанцы обѣщали де поставить въ распоряженіе Мануила 100 триремъ и быть врагами также и Фридриху и его союзникамъ [1]). Возобновленіе договора Византіи съ Венеціей, и именно ради противодѣйствія Фридриху въ Италіи, серіозно грозившему и Венеціи, состоялось какъ разъ тогда (1164 г.), первоначально даже независимо отъ угорскихъ обстоятельствъ: самъ Киннамъ передъ тѣмъ разсказываетъ объ удачной миссіи къ нимъ Никифора Халуфы (отозваннаго изъ Срѣма) съ деньгами — въ связи съ мѣрами, принятыми вообще царемъ противъ возраставшаго могущества Фридриха въ Италіи [2]). Быть можетъ о той же миссіи, а возможно, что и о вторичной говоритъ Киннамъ по поводу угорскихъ дѣлъ. Интересы Венеціи и Византіи по отношенію къ Угріи были тождественны — пока Угрія соперничала съ той и другой на адріатическомъ прибережьѣ, а потому Венеція была не прочь содѣйствовать предпріятіямъ Мануила и противъ Угріи [3]). Итакъ всеже и на западѣ онъ нашелъ себѣ союзника. Здѣсь кстати будетъ припомнить еще объ одномъ (западномъ) союзникѣ Византіи, о которомъ Киннамъ не упоминаетъ въ своемъ перечисленіи. Это — чешскій король Владиславъ, недавній соратникъ Стефана Гейзича. Послѣ заключеннаго съ нимъ тѣснаго союза въ началѣ 1164 года императоръ могъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ съ этой стороны. Однакожъ онъ всетаки спѣшилъ на дѣлѣ скрѣпить предположенную родственную связь Комниновъ съ чешскимъ королевскимъ

---

1) Cinn., ib., 237: τηνικαῦτα καὶ Οὐέννετοι στόλῳ τριήρεων ἑκατὸν Ῥωμαίοις ἐς τοὺς κατὰ θάλασσαν συναίρεσθαι ὡμολόγησαν πόνους· τὰς πρότερον τὸ δεύτερον ἀνανεωσάμενοι ξυνθήκας. οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ Φρεδερίκῳ τῷ Ἀλαμανῶν ῥηγὶ πᾶσί τε ἄλλοις τοῖς ἀνὰ τὴν ἑσπερίαν λῆξιν ἀπεναντίας διὰ βίου ἰέναι ἢν ἐπὶ Ῥωμαίους στρατεύοιεν, πίστεις ἔδοσαν.

2) Cinn:. ib., p. 228—231.

3) Срв. Kap-Herr, o. c. S. 81; Giesebrecht, ib., S. 424—425.

домомъ, и подъ 1165 г. чешскій лѣтописецъ дѣйствительно разсказываетъ, что по *убѣдительной* просьбѣ Мануила внучка Владислава (малолѣтняя), дочь его сына Фридриха, была отправлена въ Византію, гдѣ впослѣдствіи выдана замужъ (вѣроятно тогда лишь помолвлена) за племянника Мануила [1]).

Однакожъ заключеніе или скрѣпленіе всѣхъ этихъ союзовъ съ болѣе или менѣе отдаленными государствами имѣли цѣлью, какъ мы уже говорили, главнымъ образомъ изолировать Угрію; активной помощи Мануилъ могъ ожидать развѣ только отъ Венеціи; но не остался онъ и помимо нихъ безъ вспомогательныхъ боевыхъ силъ. По словамъ все того же Киннама къ войскамъ его должны были примкнуть силы подвластныхъ ему Сербовъ и многочисленный отрядъ *Скиѳовъ* [2]), подъ которыми слѣдуетъ разумѣть вѣроятно наемныхъ Куманъ или Печенѣговъ. Наконецъ и султанъ турецкій, въ силу договоровъ, прислалъ вспомогательный отрядъ [3]).

Такъ приготовляяся къ новой войнѣ съ Угріей Мануилъ зимою $116^4/_5$ года, пославъ временно, какъ выше было упомянуто,

---

[1]) Let. Vinc., 1165 a. (Fontes R. B., p. 458): Rex Wladizlaus neptem suam, filiam domni Friderici filii sui, maximo Grecorum imperatoris rogatu, per comitem Zezemmam, ...nepoti eius in coniugem transmittit. Qui expletis feliciter nuptiis pluribus preciosis donatus muneribus incolumis gratia dei ad priopria revertitur, et pro tantis laboribus in maximam tam regis quam reginae gratiam recipitur. Ни изъ Викентія, ни изъ другихъ современныхъ источниковъ намъ не извѣстны имена жениха и невѣсты; но изъ Бальбина (Tab. V. Přemysl. stirpis), не сообщающаго къ сожалѣнію своего источника, мы узнаемъ, будто невѣсту звали *Еленой*, а жениха *Петромъ*. Срв. Dudik o. c. S. 364—366. Тогда, въ 1165 г., рѣчь могла быть только о помолвкѣ; невѣсту по обычаю отвезли для воспитанія въ Византію. Еленѣ по нашему расчету могло быть только около 2-хъ лѣтъ. Ея мать Елизавета угорская, какъ мы видѣли, была помолвлена съ Фридрихомъ чешскимъ въ 1157 году, но бракъ ихъ могъ состояться не ранѣе 1163 года, такъ какъ Елизавета только тогда достигла подходящаго возраста (15—16 лѣтъ): Гейза женился въ 1146 году, а Елизавета, слѣдовавшая за Стефаномъ, родилась не ранѣе 1148 года. Итакъ рожденіе ея дочки Елены можно отнести только къ 1164 году, и она была малюткой, когда Мануилъ настоялъ—ради политическихъ цѣлей - у чешскаго короля— на присылкѣ ея въ Грецію. Срв. выше, стр. 45 и 137. Мнѣніе, что уже въ 1157 году былъ бракъ Елизаветы (Palacky и др.), не выдерживаетъ критики.

[2]) Cinn., ib., p. 236: ἀλλὰ Σκυθῶν ἀπειροπληθὴς στρατιὰ καὶ Σερβίων τῶν Ῥωμαίοις κατηκόων...

[3]) Ibid.: ὅτε σουλτὰν κατὰ τὰ ξυγκείμενα δυνάμεις αὐτῷ τὰ ξυμμαχίδας ἔστελλε.

на Дунай въ помощь осажденному Землину корабли съ припасами и отрядъ войска подъ начальствомъ М. Гавры и I. Вріеннія.

Что же творилось въ это время на Дунаѣ? Угры упорно продолжали осаду Землина. Суда, посланныя Мануиломъ прибыли гораздо ранѣе сухопутнаго войска, а можетъ быть и отправлены были ранѣе, и стали доставлять все нужное осажденнымъ, подкрѣпляя ихъ и людьми и принимая у нихъ раненыхъ. Видя, что при такихъ обстоятельствахъ взять городъ невозможно, Угры рѣшились прибѣгнуть къ другому средству — пока не пришло еще войско Гавры и Вріеннія: они рѣшились, собравъ свой флотъ, сдѣлать нападеніе на римскія суда и потопить ихъ, чтобъ затѣмъ безъ труда одолѣть врага, хотя многіе не одобряли этого плана въ виду неуклюжести и неповоротливости угорскихъ кораблей. Это предпріятіе оказалось дѣйствительно безуспѣшнымъ, ибо Угры принуждены были отступить, потерявъ одинъ корабль. Тогда, по словамъ Киннама, у котораго излагаются эти событія [1]), Угры рѣшились овладѣть Землиномъ совсѣмъ инымъ способомъ. Они подкупомъ убѣдили своихъ соотечественниковъ, служившихъ при Стефанѣ эксъ-королѣ, который руководилъ защитой Землина, извести его хотя-бы при помощи яда, т. е. отравить его. Это и было исполнено, и тогда осажденные Греки и Угры, состоявшіе при Стефанѣ, сдали городъ, выговоривъ себѣ полную свободу. Трупъ Стефана подвергся всяческому поруганію [2]).

Фактъ умерщвленія Стефана посредствомъ яда, имѣвшій результатомъ взятіе Землина, сообщается и Никитой Хоніатомъ, и притомъ съ бо́льшими подробностями. И онъ приписываетъ иниціативу этого дѣла Უграмъ, въ чемъ сомнѣваться [3]) нѣтъ основанія, ибо

---

[1]) Ibid., p. 238 — 239, отъ словъ: Οὖννοι δὲ, ἐπειδὴ πολὺν τινα χρόνον ἀμφὶ τῷ περιβόλῳ ἐνδιατρίψαντες...

[2]) Ibid., p. 239: τῶν γὰρ τῷ Στεφάνῳ διυπηρετουμένων Οὔννων χρήμασί τινας ὑποκλέψαντες δηλητήριον τῷ ἀνθρώπῳ κεράσαι ἀνέπεισαν, κἀντεῦθεν ἥ τε πόλις ἑάλω καὶ Σίρμιον ἅπαν ὑπὸ Οὔννους αὖθις ἐγένετο. οἱ μέντοι ἔνδον Ῥωμαῖοί τε καὶ Οὖννοι, ὅσοι σὺν τῷ Στεφάνῳ ἐτάττοντο ἀσινεῖς διεγένοντο, ἅτε ὁμολογίᾳ τοιαύτῃ τὴν πόλιν ἐνδόντες αὐτοῖς...

[3]) Fessler, o. c., S. 110, пр. въ порывѣ мадьярскаго патріотизма съ негодованіемъ отрицаетъ возможность такого поступка со стороны Угровъ.

мы знаемъ, какъ большинство Угровъ относилось къ Стефану, котораго считали многіе главнымъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій отечества. Безъ сомнѣнія соучастниками были и окружавшіе Стефана Угры; Никита разсказываетъ, что исполнителемъ задуманнаго преступленія—поднесенія смертоносной чаши—согласился быть, впрочемъ за деньги, одинъ изъ слугъ Стефана, Ѳома, человѣкъ всегда готовый на убійство и мастеръ этого дѣла. Онъ придумалъ нѣсколько иной способъ примѣненія яда. Когда Стефанъ нечаянно порѣзалъ себѣ жилу до крови, Ѳома приложилъ ему къ ранѣ повязку, помазанную ядомъ. Отъ этого зараженія крови послѣдовала смерть [1]). Нѣтъ причинъ не довѣрять этому разсказу, тѣмъ болѣе, что въ краткомъ извѣстіи Генр. Мюгельна о смерти Стефана можно видѣть его подтвержденіе [2]). Фактъ смерти Стефана-дяди въ гор. Землинѣ подтверждается и старой угорской хроникой [3]). Это событіе произошло въ апрѣлѣ 1165 года; точную дату сообщаетъ та же хроника, но очевидно совершенно ошибочную (11 апр. 1173 г.) [4]). Такъ

---

1) Nic. Chon., l. IV, p. 167—168.

2) Muglen, c. LIV, p. 79: Darnach lies der kunig Stephan der gross zu der menig ader und starb derselb ligt begraben zu weyssenburg. Сомнѣнія относительно такой смерти Стефана у Катоны, Hist. IV, p. 86—87, повторяемыя Huber'омъ, Gesch. I, S. 364, не представляются намъ основательными.

3) Thurocz, c. 68 (и Marci Chron.), p. 183: Obiit in castro Zemlen; Chron Budens. (Podhr.), p. 188; Muglen, въ гл. 57 (составл. повтореніе): ...und starb auf der purg Zenim.; тоже Sim. Keza, Endlicher, Mon. Arp., p. 119: demum venit in Zemin, ubi et finivit vitam suam. Albe requiescit.

4) Thurocz, ib.: anno Domini millesimo centesimo septuagesimo tertio Idus Aprilis feria quinta; тоже и въ Chron. Bud., (Podhr. p. 188), что́ читается иными: 1170, III Idus apr. (Dudik, o. c., S. 365), другими: 1173 Idus apr. (13 апр. см. Kap-Herr, o. c., S. 144), или наконецъ многими: 1173, III Idus apr. Такъ и въ Marci Chron., изд. Toldy (1867), стр. 98 (такъ чит. Katona, Hist. Cr., IV, p. 88). Ясно, что прежде всего septuagesimo стоитъ вмѣсто sexagesimo, какъ такая же ошибка встрѣтилась уже въ с. 67—въ опредѣленіе года смерти Владислава. III Idus apr., т. е. 11 апр. падаетъ на четвергъ (feria quinta) именно въ 1163 году, что́ и заставило многихъ, начиная съ самого Катоны, относитъ смерть Стефана именно къ 1163 году (11 апр.), пріурочивая къ этой хронологіи всѣ прочія событія до и послѣ смерти Стефана (такъ Fessler, o. c., S. 110 и друг.). Но можно было видѣть изъ нашего изложенія, основаннаго на сопоставленіи наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, что эта хронологія не выдерживаетъ критики, что смерть Стефана невозможно относить ни къ 1163 г., ни даже къ 1164 (какъ Klein, 265 и Huber, 363),—а лишь къ 1165 году. Слѣдовательно прихо-

трагически сошелъ съ исторической сцены поистинѣ злополучный Арпадовичъ! Съ паденіемъ Землина и вся срѣмская область перешла снова въ руки короля угорскаго [1]). Все это произошло очень быстро, по всему видно — еще до прибытія на Дунай византійскаго войска съ Гаврой и Вріенніемъ, ибо о нихъ во всемъ этомъ разсказѣ о паденіе Землина нѣтъ никакого упоминанія [2]).

Какъ только вѣсть о случившемся дошла до Мануила, онъ, безъ сомнѣнія сильно пораженный и огорченный ею, немедленно двинулся самъ въ походъ противъ Угровъ, несмотря на тяжелую болѣзнь императрицы. Мануилъ направился сперва въ Сардику (Софію), гдѣ былъ сборный пунктъ его войскамъ и гдѣ онъ вѣроятно дождался ихъ прибытія [3]). Очень возможно, что къ этому времени, если не къ болѣе раннему, относится примиреніе императора съ двоюроднымъ братомъ Андроникомъ (гостившимъ у Ярослава галицкаго), происшедшее по почину Мануила. По словамъ Никиты Хонскаго онъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ считалъ свою размолвку съ Андроникомъ дѣломъ весьма невыгоднымъ и даже опаснымъ, тѣмъ болѣе, что ходили уже какіе-то слухи, будто послѣдній затѣваетъ втор-

---

дится признать ошибку не только въ годѣ, но и въ датѣ мѣсяца; напр. принимая дату III Idus apr. читать feria prima (ибо 11 апр. въ 1165 г. приходилось въ воскресеніе), или признать невѣрнымъ число мѣсяца (III Id. apr.). Довольно удачное исправленіе этого показанія находимъ у Kap-Herr'a, въ цит. кн., стр. 144. Онъ предлагаетъ въ текстѣ Туроція, исправивъ septuagesimo на sexagesimo, переставить quinta и tertio, т. е. читать: anno D. millesimo centessimo sexagesimo *quinto*, Idus aprilis feria *tertia*, что будетъ 1165 года, 13 апрѣля, во вторникъ. Оказывается дѣйствительно, что въ 1165 г. 13 апрѣля приходилось во вторникъ. Это опредѣленіе можетъ быть принято съ большой вѣроятностью.— По согласному показанію всѣхъ угорскихъ хроникъ Стефанъ былъ похороненъ въ Ст. Бѣлградѣ Но это могло быть сдѣлано позже, а потому Киннамъ (p. 240) можетъ быть тоже правъ.

1) Cinn., ib., p. 239: καὶ Σίρμιον ἅπαν ὑπὸ Οὔννους αὖθις ἐγένετο...

2) Предшествующее разсказу о взятіи Землина Греками сообщеніе Никиты Хонскаго (Nic. Chon., ib. p. 173—174) о пораженіи, нанесенномъ Уграми (Діонисіемъ) Мих. Гаврѣ и Мих. Вранѣ съ эпизодомъ обвиненія перваго вторымъ въ трусости, помѣщено несомнѣнно не на мѣстѣ, какъ и многое въ сбивчивомъ и мало хронологическомъ разсказѣ Никиты, и относится къ слѣдующему 1166 году, какъ это явствуетъ изъ Киннама, у котораго очевидно то же самое разсказывается далѣе въ кн. 6, Cinn., p. 258—259. Поэтому пріуроченье нѣкоторыми (Sasinek, o. c. str. 116) этого сообщенія Никиты къ экспедиціи Гавры и Вріеннія на Дунай невѣрно.

3) Cinn., ib., p. 240.

женіе въ византійскіе предѣлы, для чего собираетъ скиѳскую конницу. И вотъ Мануилъ рѣшился предложить ему примиреніе и черезъ пословъ пригласилъ его вернуться въ отечество, на что тотъ и согласился. Послѣ взаимныхъ дружескихъ завѣреній императоръ побратски принялъ Андроника [1]). Это свидѣтельство вполнѣ подтверждается и русскою лѣтописью, которая разсказываетъ подъ 1165 г., что царь прислалъ въ Галичъ посольство съ двумя митрополитами во главѣ — для приглашенія къ себѣ Андроника, что князь Ярославъ, который служилъ вѣроятно посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, „съ великою честью“ отпустилъ своего гостя въ сопровожденіи галицкаго епископа Козьмы и знатныхъ бояръ [2]). Надо полагать, что при этомъ случаѣ обмѣнялись дружескими завѣреніями и князь Ярославъ съ византійскимъ царемъ, о письменныхъ сношеніяхъ которыхъ по поводу угорскихъ дѣлъ ранѣе сообщалъ Киннамъ.

Итакъ Мануилъ, съ которымъ опять былъ молодой Бѣла, какъ оказывается изъ дальнѣйшаго, прибылъ сперва въ Средецъ (Софію), гдѣ былъ сборный пунктъ его войскамъ, и выступивъ оттуда въ исходѣ іюня, по словамъ Киннама, явился на Дунай [3]), конечно съ ближайшею цѣлью снова отнять у Угровъ Землинъ. Эта экспедиція Мануила и результатъ ея — возвращеніе города въ руки Грековъ — описаны Киннамомъ особенно обстоятельно и съ большими подробностями. Изъ словъ нашего историка видно, что онъ самъ былъ очевидцемъ этихъ событій [4]), а потому его разсказъ на сей разъ заслуживаетъ большаго довѣрія. Мы передадимъ его, опуская лишь второстепенныя и мелкія подробности и соображаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ гораздо болѣе краткимъ, но тоже заслуживающимъ вниманія изложеніемъ Никиты Хонскаго [5]).

---

[1]) Nic. Chon., p. 172—173. Срв. Cinn., p. 246.

[2]) Ипат. лѣт., 1165 года (стр. 359): ...потомъ же присла царь два митрополита, вабя и къ собѣ, Ярославъ же пусти къ нему с великою честью, приставивъ к нему пискупа своего Кузму, и мужа своя передния.

[3]) Cinn., ib., p. 240: Ἰουνίου δὲ φθίνοντος ἐκεῖθεν ἄρας ἐπὶ τὸν Ἴστρον ἦλθε.

[4]) Ibid., p. 241: εἰ μὴ παρὼν ἐτύγχανον τῇδε τῶν πραττομένων αὐτόπτης γενόμενος...

[5]) Nic. Chon., p. 174—177. Пользуясь иногда Никитой, мы будемъ дѣлать на него ссылки. Все остальное въ изложеніи принадлежитъ Киннаму.

Чтобы обезпечить себѣ переправу къ Землину, Мануилъ прибѣгъ къ слѣдующему маневру: онъ поставилъ отборную часть своего войска противъ угорскаго города Храма (уже извѣстнаго намъ), дѣлая видъ, что намѣренъ здѣсь переправиться, и такимъ образомъ дѣйствительно привлекъ къ этому пункту угорское войско; послѣ того, на разсвѣтѣ, онъ внезапно двинулся къ Бѣлграду и этимъ маневромъ принудилъ непріятелей раздѣлить свои силы. Тѣмъ не менѣе греческому войску пришлось при переправѣ черезъ рѣку (Саву) отбиваться отъ Угровъ, которые всячески усиливались имъ затруднить переходъ [1]). Греки даже какъ-будто струсили сначала, и только рѣшительность и личное мужество Мануила, безстрашно бросившагося впередъ, ободрила ихъ и заставила преодолѣть это препятствіе. Угры должны были отступить, равно какъ принуждены были обратно скрыться въ городъ сдѣлавшіе было изъ него вылазку. Но Землинъ и не думалъ сдаваться при появленіи царя, какъ послѣдній надѣялся [2]), и тогда было приступлено къ правильной его осадѣ. Мануилъ дѣятельно повелъ ее, но осажденные храбро защищались, такъ что въ первые дни ни съ той, ни съ другой стороны не было достигнуто важныхъ результатовъ.

По словамъ нашего историка во время осады случилось не мало примѣчательнаго, но особенно возбуждала его удивленіе [3]) отважность самого царя, который вездѣ хотѣлъ быть первымъ и рвался впередъ, такъ что съ трудомъ былъ сдерживаемъ главными военачальниками. Во время разгара осады, когда подведенная къ городу стѣнобитныя машины успѣшно работали, а Угры продолжали съ одушевленіемъ отбиваться, подкрѣпляя себя надеждою на скорое прибытіе новыхъ силъ, греческіе развѣдчики принесли извѣстіе о приближеніи большого войска, о чемъ они заключили по густой пыли, высоко поднимавшейся въ воздухѣ. Одинъ знатный угорскій перебѣжчикъ по имени Васакъ утверждалъ также, что король угорскій идетъ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находятся между про-

---

[1]) Nic. Chon., p. 174.

[2]) Ibid.

[3]) По этому поводу Киннамъ и говоритъ о своемъ присутствіи: онъ де не повѣрилъ бы разсказамъ другихъ, еслибъ не былъ самъ очевидцемъ всего.

чимъ Куманы Русскіе и („Скиѳы“ и „Тавроскиѳы“), съ которыми будто-бы идетъ опять и правитель Чеховъ со своимъ войскомъ, и что они уже не далеко [1]). Эта тревога была очевидно ложная, ибо о прибытіи угорскаго войска далѣе нѣтъ и рѣчи (Никита Хонскій совсѣмъ не упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ); къ тому же прихода русскихъ и чешскихъ вспомогательныхъ отрядовъ нельзя было и ждать въ виду только-что скрѣпленныхъ Мануиломъ союзовъ съ этими угорскими сосѣдями [2]). Поэтому не это именно, а вообще слухъ о приближающейся угорской помощи не могъ не произвести впечатлѣнія на Грековъ и на самого царя, и онъ по этому случаю призвалъ военачальниковъ для совѣщанія о томъ, какъ поступить. Киннамъ подробно разсказываетъ объ этомъ совѣщаніи и передаетъ рѣчь Мануила, за точность которой нельзя конечно поручиться. Суть въ томъ, что императоръ совѣтовалъ хорошенько обсудить дѣло въ виду важности той борьбы, которая ведется съ возставшими на Византію Уграми ради возвеличенія имперіи и „достиженія ея древняго благосостоянія“, – цѣли еще не вполнѣ достигнутой, — и имѣть въ виду, что и совершенное уклоненіе отъ встрѣчи съ сильнѣйшимъ врагомъ, вызванное необходимостью, будетъ для имперіи вполнѣ благовиднымъ [3]). На это одни совѣтовали перенести лагерь на Саву и тамъ окопаться [4]), а другіе—оставить осаду города и итти со всѣмъ войскомъ противъ приближающихся Угровъ. Мануилъ однакожъ не одобрилъ ни того, ни другого; первое было бы сочтено трусостью, а второе неблагоразумно, ибо дало бы возможность осажденному городу получить еще подкрѣпленіе. Онъ рѣшилъ поэтому оставить слабѣйшую часть войска у Землина, а съ остальною итти

---

[1]) Cinn., p. 242: ....οὐ μακρὰν ἄποθεν εἶναι τὸν Παιόνων ἰσχυρίζεται ῥῆγα, ἄλλους τε ἀριθμοῦ κρείσσους καὶ δὴ καὶ Σκύθην ὁμοῦ καὶ Ταυροσκύθην ἄγοντα στρατόν, πρὸς οἷς καὶ τὸν Τζέχων ἔλεγε δυνάστην πανστρατὶ καὶ πάλιν σὺν αὐτῷ ἥκειν.

[2]) Впрочемъ подъ Тавроскиѳами на этотъ разъ можетъ быть разумѣемо русское населеніе сѣверовосточной Угріи, хотя это кажется намъ менѣе вѣроятнымъ.

[3]) Cinn., ib, p. 243: ...καὶ τῇ Ῥωμαίων τοίνυν ἀρχῇ, εἰ καὶ τῆς παλαιᾶς οὔπω τετύχηκεν εὐκληρίας, ἀλλὰ (σὺν θεῷ φάναι) πολλῷ βελτίονι ὑφ' ἡμῖν ἀναφανείσῃ προασπισταῖς, εἰς εὐδοξίαν περιστήσεται πάντως ἐκ ποδῶν τῷ Οὔννων γενέσθαι ῥηγί...

[4]) Это значило отступить отъ Землина значительно на югъ, къ берегу Савы, расположенному противъ Бѣлграда.

противъ Угровъ. Выступленіе было уже назначено на слѣдующій день, но, не получивъ никакихъ вѣрныхъ извѣстій о непріятелѣ, Греки рѣшили сдѣлать еще одинъ, третій приступъ (слѣдовательно было уже два).

Завязалась новая битва; греческія осадныя машины сокрушительно дѣйствовали на стѣну города, которая въ одномъ мѣстѣ сильно пострадала и готова была уже рухнуть. Особенно удачно, по разсказу Никиты Хонскаго, дѣйствовала одна машина, которою орудовалъ Андроникъ, отличавшійся при этомъ своею ловкостью [1]). Мы не знаемъ навѣрно, идетъ ли тутъ рѣчь о двоюродномъ братѣ Мануила, вернувшемся тогда изъ Галича и дѣйствительно принимавшемъ участіе въ этой осадѣ, какъ узнаемъ изъ Киннама [2]); дѣло въ томъ, что послѣдній разсказываетъ о подвигахъ храбрости другого Андроника—Дуки [3]), служившаго подъ начальствомъ знаменитаго Андроника Комнина, и нѣтъ ничего невозможнаго, что о томъ же лицѣ говоритъ Никита.

Не мало кровавыхъ сценъ и трагическихъ подробностей находимъ мы еще въ разсказахъ нашихъ писателей объ этой осадѣ [4]); пересказывать ихъ заняло бы слишкомъ много мѣста. Послѣдній рѣшительный приступъ Грековъ поставилъ осажденныхъ въ такое положеніе, что они послали къ царю предложеніе сдать городъ, но съ условіемъ выйти изъ него невредимыми. Мануилъ отвѣтилъ, что согласится на это лишь тогда, когда Григорій (вѣроятно главнокомандующій) и другіе угорскіе жупаны предстанутъ передъ нимъ съ веревками на шеѣ, босоногими и съ непокрытыми головами. Но не успѣли еще посланные вернуться съ этимъ отвѣтомъ, какъ подъ новымъ напоромъ осаждавшихъ, рухнула часть стѣны, и Греки ворва-

---

1) Nic. Chon., p. 175—76.

2) Cinn., p. 246.

3) Ibid., p. 246: Ἀνδρόνικος ὁ Δούκας... Ἀνδρονίκῳ τῷ βασιλέως ἐξαδέλφῳ προσιών, ὑφ' ὃν τελεῖν ἔλαχεν ἤδη ἐκ Ταυροσκυθῶν ἀφικόμενον ἵλεώ τε τοῦ βασιλέως τυχόντα...

4) Одна такая сцена, довольно впрочемъ неприличная, съ женщиной, *колдовавшей* на городской стѣнѣ (съ цѣлью *околдовать осаждавшихъ* и предотвратить опасность) и пораженной греческой стрѣлой въ обнаженную заднюю часть тѣла, — представляетъ любопытную культурно-бытовую черту для характеристики *суевѣрнаго* настроенія въ угорскомъ народѣ. Cinn., p. 246. Срв. Ducange, коментар. въ бонн. изд. p. 381—82. Срв. Marczali, o. c., S. 134.

лись въ городъ [1]) и овладѣли имъ, причемъ произвели еще жестокое кровопролитіе и грабёжъ. Тогда вышеназванный Григорій и другіе военачальники явились къ императору съ плачемъ — въ упомянутомъ видѣ, въ жалкихъ одеждахъ. Онъ сперва не хотѣлъ-было и смотрѣть на нихъ, но затѣмъ по усиленному ходатайству Бѣлы [2]) отмѣнилъ смертную казнь и немедленно отправилъ ихъ въ темницу [3]). Итакъ юный Бѣла находился тогда въ свитѣ Мануила и былъ свидѣтелемъ жестокой расправы со своими соотечественниками. Ему было тогда уже 15 лѣтъ, — и эти впечатлѣнія, полагаемъ, не могли исчезнуть безслѣдно изъ его сознанія. Его усиленное заступничество за плѣнныхъ Угровъ — довольно ясное указаніе въ этомъ отношенію. Такъ былъ взятъ Землинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ возстановлена византійская власть и во всей срѣмской области.

Но военныя дѣйствія противъ Угріи, предпринятыя Мануиломъ, на этотъ разъ не ограничились дунайскимъ театромъ. Оказывается, что одновременно была снаряжена экспедиція и въ Далмацію, въ которой царь, не довѣряя Уграмъ, хотѣлъ наконецъ на дѣлѣ прочно водворить свою власть.

Вѣроятно, уже отправляясь на Дунай, Мануилъ послалъ туда войско подъ начальствомъ Іоанна Дуки, поручивъ ему „либо силою, либо посредствомъ переговоровъ занять страну, предназначавшуюся съ согласія самихъ Угровъ въ наслѣдство Бѣлѣ“ [4]). Дука, пройдя черезъ Сербію (подвластную и безъ того), вступилъ въ Далмацію и въ короткое время подчинилъ ее византійской власти, безъ сомнѣнія потому, что страна и такъ считала себя, какъ наслѣдіе Бѣлы, подъ покровительствомъ императора. Быть можетъ помогли Византіи и Венеціанцы своимъ флотомъ, такъ какъ передъ тѣмъ съ ними былъ заключенъ союзъ, по которому опи обязались помогать Ма-

---

[1]) Nic. Chon., p. 176, Cinn., p. 245.

[2]) Cinn., ib.: ...πολλὰ τοῦ Βελᾶ παραιτησαμένου ... Угорскій королевичъ названъ тутъ своимъ прежнимъ, національнымъ именемъ, хотя онъ, какъ извѣстно, уже носилъ греческое имя *Алексѣя*. Но тогда онъ еще не былъ оффиціально признанъ наслѣдникомъ византійскаго престола.

[3]) Все это описано у Киннама, p. 240—248, но не совсѣмъ послѣдовательно и систематически.

[4]) Cinn., p. 248: ἔφθη γὰρ αὐτὸν δυνάμεσιν ἅμα ἐνταῦθα στεῖλαι ἐφ' ᾧ ἢ βίᾳ ἢ ὁμολογίᾳ ταύτην ἑλεῖν, τῶν Οὔννων τῷ λόγῳ δῆθεν Βελᾷ πρὸς κλῆρον καὶ ταύτην ἀφοριζόντων.

нулу. Далмацію слѣдуетъ понимать здѣсь не въ узкомъ смыслѣ (прибрежной полосы съ городами, составлявшей нѣкогда собственно византійскую Далмацію) [1], а въ болѣе употребительномъ у византійцевъ широкомъ значеніи: сюда входили и прежняя Хорватія (на югъ отъ Савы) и такъ назыв. Рама, если не вся Босна, и наконецъ собственная Далмація [2]). По свидѣтельству Киннама Грекамъ покорились всѣ города Далмаціи числомъ 57, и между ними онъ называетъ Трогиръ, Шибеникъ, Сплѣтъ и Салону, Скрадинъ, Островицу и наконецъ знаменитую Дуклю и сербо-хорватское племя Качичей [3]).

---

[1]) Въ такомъ тѣсномъ смыслѣ (собств. Далматинскихъ городовъ) употребляетъ это названіе напр. Константинъ Багрянор., см. „Извѣстіе К. Б. о Серб. и Хорв.", стр. 24, 44—57.

[2]) Что въ это опредѣленіе входила и Босна, можно заключить какъ изъ словъ Киннама, что Дука вступилъ туда (Далмацію), миновавъ Сербію (ὁ δὲ τὴν Σερβίων παραμείψας χώραν, ἐπειδὴ εἰς ταύτην εἰσελαβε...), причемъ о Боснѣ не упоминается, тогда какъ самъ Киннамъ въ другомъ мѣстѣ строго отдѣляетъ Босну отъ Сербіи (Cinn. p. 104), такъ и изъ количества подчинившихся городовъ. Срв. Klaić, Poviest Bosne, (1882), стр. 52, пр. 2. Босна, какъ мы видѣли, до тѣхъ поръ была въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Угріи.

[3]) Cinn., p. 249: ὅτε δὴ Τραγούριόν τε ὑπὸ Ῥωμαίους ἐγένετο καὶ Σεβένικος, πρὸς δὲ καὶ Σπάλαθος καὶ τὸ Κατζικίων ἔθνος Διόκλειά τε πόλις περιφανής... Κάρδων τε καὶ Ὀστρομπίτζα καὶ Σάλων, καὶ ὅσαι ἐπὶ Δαλματικῇ Γέρονται ἄλλαι, ἑπτὰ καὶ πεντήκοντα ἅπασαι... Изъ этого свидѣтельства ясно, что власть Византіи признали и тѣ области южной Далмаціи, которыя до тѣхъ поръ имѣли независимыхъ князей, напр. Дукля. Упоминаніе Діоклеи — города (Διόκλειά τε πόλις περιφανής) въ этомъ мѣстѣ возбуждаетъ сомнѣніе у нѣкоторыхъ ученыхъ, тогда какъ другіе (начиная съ Шафарика) на основаніи показанія Киннама заключали, что гор. Діоклея процвѣталъ и въ XII вѣкѣ. По Шафарику Dümmler, Die älteste Gesch. der Slaven in Dalm. и Rački, Docum. Hist. Croat., p. 415). Сомнѣніе раздѣляетъ и Ил. Руварацъ, Прилошци к објашн. изв. срп. ист., Гласникъ, 49, стр. 5—8. По его словамъ (которыхъ мы однако не имѣли возможности провѣрить) въ изданіи Киннама Корнелія Толли (Франкф. 1652, p. 272) это мѣсто читается нѣсколько иначе: вмѣсто Διόκλεια τε πόλις— читается κλεῖς τε πόλις (г. Clis, Klis, отличившійся вскорѣ потомъ ок. 1170 г. своимъ сопротивленіемъ византійской власти), и это чтеніе находимъ у Луція. De regno Dalm. et Croatiae l. III, c. IX, p. 204 и у всѣхъ у него черпавшихъ. Г. Руварацъ, отклоняя отъ себя сужденіе о томъ, какое чтеніе вѣрнѣе, ничего не имѣетъ противъ послѣдняго въ виду того, что противъ существованія г. Діоклеи въ XII в. ясно говоритъ домашній сербскій источникъ (Житіе Св. Симеона, нап. Стеф. Перв., не упоминающее Діоклеи между городами „Діоклитіи и Далмаціи"). Мы полагаемъ, что оставаясь при нашемъ чтеніи, слѣдуетъ сдѣлать поправку лишь въ томъ смыслѣ, что вмѣсто гор. Діоклеи разумѣть *область Дуклю*, такъ какъ

Покоривъ такимъ образомъ всю страну, Дука передалъ управленіе ею, по предписанію Мануила, Никифору Халуфѣ [1]). Таковы были успѣхи византійскаго оружія противъ Угровъ въ 1165 году [2]).

Когда до короля угорскаго дошла вѣсть о паденіи Землина, который онъ считалъ, какъ хорошо снабженный водою посредствомъ канала изъ Дуная, внѣ опасности и для Грековъ неприступнымъ, и о томъ, что царь принимаетъ мѣры къ укрѣпленію и другихъ мѣстъ на Дунаѣ, то онъ отправилъ къ царю посольство, состоявшее изъ именитыхъ мужей и епископа, прося мира и соглашаясь отдать Византіи срѣмскую область и всю Далмацію. Послы исполнили свою миссію и убѣдительно просили царя обратить свой гнѣвъ на милость. По этому случаю Киннамъ влагаетъ въ уста Мануила слѣдующую полную горькой и злой ироніи рѣчь: „Поистинѣ, почтенные послы, важнымъ было бы дѣломъ, еслибъ кто отдалъ то, что у него уже отнято! Срѣмъ въ нашихъ рукахъ, Землинъ нами взятъ, Далмаціей мы наконецъ также владѣемъ. Мы полные господа надъ всѣмъ тѣмъ, что̀ Вы, потерявъ, намъ теперь отдаете. Или быть можетъ у Васъ есть еще другой Срѣмъ, другой Землинъ, другая Далмація, для отдачи которыхъ Вы теперь пришли къ намъ? Если есть, покажите намъ ихъ, чтобъ мы тотчасъ наложили на нихъ свои руки. Мы знаемъ, правда, что не обезпечено то, что мы получили отъ Васъ, ибо Вы не стѣсняетесь дѣйствовать противозаконно, однакожъ силою мы съ Божьей помощью, ужъ какъ-нибудь удержимъ полученное. Если же все въ нашей власти, то у Васъ не ока-

---

о распространеніи на нее византійской власти тогда свидѣтельствуетъ грамота слѣдующаго 1166 тода, гдѣ говорится о византійскомъ правителѣ въ *Далмаціи* и *Діоклеи*, см. слѣдующее примѣчаніе Что касается племени Κατζικίων, то тутъ разумѣютъ племя *Качичей* — въ приморьѣ нѣкогда наречанскомъ (отъ Наренты, Неретвы). См. Klaić, Byz. Vlad. u Hrv., p. 24 и 40, Kukuljević, o. c., p. 119.

1) Cinn., p. 248. Въ слѣд. 1166 году въ одной грамотѣ которск. епископа находимъ правителемъ (княземъ) Далмаціи и Дукли нѣкаго Исаака: „duce existente Dalmacie atque Dioclie kyr Izanacio. Cod. Dipl. (Kukul.-Sakc.), II, XCV, p. 73. Быть можетъ онъ управлялъ южной Далмаціей рядомъ съ Н. Халуфой (Klaić, Byz. Vl., 24) или былъ назначенъ послѣ него?

2) Нѣкоторые историки, какъ Klaić, Kukuljević, Васильевскій и др., безъ основанія относятъ этотъ походъ въ Далмацію, къ 1166 г. Изъ Киннама вполнѣ очевидна его одновременность съ осадой Землина, несомнѣнно бывшей лѣтомъ 1165 года.

зывается ничего, чѣмъ Вы обѣщаете насъ подарить, какія же могутъ быть условія мира? что можетъ примирить насъ?“ Такъ сперва отвѣчалъ Мануилъ, но затѣмъ другимъ уже тономъ сказалъ: „знайте, что мы совершенно безкорыстно хотимъ примириться съ Вами, какъ съ христіанами,—принесите же клятву“. Угры послѣ этого клятвенно подтвердили все, т. е. уступку Срѣма и Далмаціи [1]), и этимъ кончились предпріятія этого года. Сдѣлавъ распоряженія о возстановленіи землинскихъ стѣнъ и укрѣпленіи нѣкоторыхъ другихъ городовъ и оставивъ въ Срѣмѣ часть войска съ Мих. Гаврой и Мих. Враной [2]), Мануилъ покинулъ берега Дуная [3]) и съ большимъ тріумфомъ вернулся въ свою столицу [4]).

Оставленный имъ на Дунаѣ дядя его Константинъ Ангелъ и Василій Трипсихъ, по словамъ Никиты Хонскаго, занялись отстройкой и исправленіемъ твердынь Землина, съ большою заботливостью отнеслись къ укрѣпленіямъ бѣлградскимъ, обнесли даже стѣною гор. Нишъ и заселили новыми пришельцами Браничево [5]). Быть мо-

---

[1]) Cinn., p. 247—248. Никита Хон. ничего не говоритъ о мирѣ и вообще о мирныхъ предложеніяхъ Угровъ. Но это еще не даетъ намъ права сомнѣваться въ достовѣрности сообщенія Киннама, лично участвовавшаго въ этомъ походѣ, какъ сомнѣвается и потому отвергаетъ это извѣстіе напр. Fessler, S. 113, прим.—Никита ничего не знаетъ повидимому и объ экспедиціи въ Далмацію.

[2]) Это ясно изъ дальнѣйшаго разсказа Киннама. Cinn., p. 258.

[3]) Повидимому къ этому пребыванію Мануила на Дунаѣ думалъ Карамзинъ III, стр. 35, пріурочивать одно любопытное русское лѣтописное извѣстіе о бывшемъ въ присутствіи Мануила (стоявшаго на какой-то рѣкѣ) ожесточенномъ спорѣ между болгарскимъ еп. Адріяномъ и извѣстнымъ епископомъ суздальскимъ Леономъ, виновникомъ надѣлавшей много шума ереси „леонтіанской“ о томъ, что не нужно поститься въ господскіе праздники, когда они приходятся въ среду и пятницу.—Русск. лѣтопись (Лаврент. и другіе списки) относятъ возникновеніе этой ереси къ 1164 г. (только Ипатск. относитъ къ 1162 г.), когда изгнанный Леонъ отправился въ Грецію, такъ что хронологія позволяетъ отнести этотъ эпизодъ къ довольно продолжительному пребыванію царя на Дунаѣ въ 1165 г. Но дѣло въ томъ, что едва-ли есть достаточное основаніе понимать слова лѣтописи (Лавр., 1164, стр. 334): „стоящю цесарю товары надъ рѣкою“ въ смыслѣ воени. стоянки царя на Дунаѣ! Другіе (Соловьевъ, III, стр. 66) полагаютъ, что дѣло было въ Византіи, ибо лѣтопись говоритъ ранѣе, что Леонъ отправился именно туда.

[4]) Cinn., p. 249.

[5]) Nic. Chon., 177—78: καὶ οὗτοι τὰ ἐντεταλμένα περατοῦντες τό τε Ζεύγμινον ἠρτίωσαν, ὅσαι κατηρείποντο τύρσεις ἐπισκευάσαντες, καὶ τῆς ἄλλης ὁμαλῶς

жетъ это же разумѣетъ и Киннамъ, говоря о заселеніи Мануиломъ новопостроенной крѣпости срѣмскими Уграми, такъ называв. Халисами (Хвалисами) [1].

Мы видѣли такимъ образомъ, что успѣхъ, достигнутый на этотъ разъ Мануиломъ, былъ очень значителенъ и важенъ. Не только срѣмская область, но и всѣ сербо-хорватскія владѣнія Угріи на югъ отъ Савы перешли въ руки византійской имперіи, и затѣмъ оставались за нею, хотя и не безъ вторичнаго оспариванія ихъ соперникомъ, до самой смерти Мануила (1180). Далмація продолжала, правда, считаться наслѣдственнымъ владѣніемъ королевича Бѣлы или деспота Алексѣя, который повидимому носилъ даже соотвѣтственный титулъ [2], но вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ считалъ теперь это новое пріобрѣтенье (которое впрочемъ было лишь возстановленіемъ тамъ старыхъ государственныхъ правъ имперіи) вполнѣ обезпеченнымъ за Византіей, потому что положеніе въ Греціи законнаго владѣтеля Далмаціи, королевича Бѣлы, какъ жениха единственной дочери и наслѣдницы Мануила Маріи, казалось уже вполнѣ упроченнымъ.

Дѣло въ томъ, что приблизительно къ тому времени слѣдуетъ относить весьма важное событіе — оффиціальное провозглашеніе Маріи и Алексѣя-Бѣлы наслѣдниками императорской власти и принятіе присяги имъ въ вѣрности. Никита Хонскій помѣщаетъ свое извѣстіе объ этомъ почти вслѣдъ за разсказомъ о войнѣ 1165 г. [3] Въ пользу того же, по нашему мнѣнію, говоритъ и тотъ фактъ, что въ въ слѣдующемъ (1166) году Мануилъ вмѣсто себя посылаетъ на

φρουρᾶς πεφροντίκασι, καὶ τὰ ἐν Βελεγράδοις πολίχνια πλείστης ὅσης ἐπιμελείας ἠξίωσαν. καὶ αὐτὸν δὲ τὸν Νίσον τείχεσι περιέβαλον, καὶ τὴν Βρανίτζοβαν συνῴκισαν...

[1]) Cinn., p. 247: ...ἕτερόν τι φρούριον ἐνεούργει, ἐν ᾧ πολλοὺς τῶν ἐν Σιρμίῳ φέρων ᾤκίσατο Οὔννων, οὓς παρ' αὐτοῖς Χαλισίους ἔθος καλεῖν ἐστι (καὶ εἰσιν ἑτερόδοξοι, καθάπερ ἤδη ἔφην, Πέρσαις ταυτοφρονοῦντες)... *О Хвалисахъ* см. выше стр. 163.

[2]) Такъ можно заключить на основаніи одной монеты византійскаго происхожденія, на которой читаютъ имя *Бѣлы* — короля Рамы: † *Moneta Bele regis R.* (literis styli orient.). Ее описываетъ, считая ее образчикомъ монеты, которую ковалъ Бѣла, какъ краль Рамы (почему только Рамы?) въ Византіи, Rupp, Num. Hung. p. 79 у S. Ljubić'a, Opis jugoslavenskih novaca, u Zagr. 1875, p. 195, прим. 2.

[3]) Nic. Chon., p. 179.

Дунай противъ Угровъ деспота Алексѣя и ввѣряетъ ему большое войско [1].

О присягѣ Алексѣю и Маріи, какъ наслѣдникамъ престола, Никита разсказываетъ слѣдующее. „Такъ какъ преемство Мануилова рода держалось единственно на дочери его Маріи (отъ перваго брака съ Ириной нѣмецкой), то онъ обязалъ всѣхъ клятвою признавать послѣ его смерти эту Марію и жениха ея Алексѣя (родомъ изъ Угріи)—наслѣдниками его власти и, какъ римскимъ императорамъ, оказывать имъ повиновеніе и почитаніе" [2]). Всѣ подчинились этому, кромѣ Андроника Комнина. Онъ говорилъ, что „весьма еще возможно, что у царя будетъ мужское потомство отъ второго брака и что въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе необходимости предоставить тогда престолъ и присягать будущему сыну его, настоящая присяга его дочери окажется ложною. Притомъ со стороны царя это — сумасбродство считать всякаго ромея (византійца) недостойнымъ женихомъ для своей дочери и избирать для того иноземца и пришельца („человѣка приписаннаго"), къ позору Ромеевъ предоставлять ему царство надъ ними и ставить его господиномъ надъ всѣми!" [3]) Но эти дѣльныя слова, продолжаетъ историкъ, нисколько не убѣдили царя. Онъ отнесся къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ болтовнѣ человѣка, любящаго противорѣчить и упрямаго. Но были однако лица, которыя и послѣ данной присяги соглашались съ Андроникомъ, а нѣкоторые не скрывали своего мнѣнія, а другіе, хоть и не высказывались, но рѣшительно стояли на томъ, что не будетъ на пользу ни царской дочери, ни имперіи привитіе иноплеменнаго ростка къ пле-

---

[1]) Наконецъ и присутствіе Андроника въ Византіи во время этого событія провозглашенія наслѣдника (по Никитѣ Х.) подтверждаетъ эту хронологію, ибо Андроникъ дѣйствительно послѣ похода 1165 года и передъ своимъ назначеніемъ въ Киликію долженъ былъ провести нѣкоторое время въ столицѣ.

[2]) Nic. Chon., p. 179: …ὅρκοις πάντας κατασφαλίζεται μετὰ τὴν αὐτοῦ μοῖραν αὐτήν τε τὴν Μαρίαν καὶ τὸν μνήστορα ταύτης Ἀλέξιον, ὃς, ὡς εἰρήκαμεν, ἐξ Οὐγγρίας ὥρμητο, κληρονόμους τῆς οἰκείας ἔχειν ἀρχῆς καὶ ὡς Ῥωμαίων ἄνακτε τιμᾶν καὶ προσκυνεῖν.

[3]) Ib. p. 179: καὶ ἄλλως δὲ τίς ἂν τῷ βασιλεῖ θεοβλάβεια, ὡς πάντα μὲν Ῥωμαῖον τοῦ θυγατρίου κρίνειν ἀπόβλητον, τὸν δ' *ἀλλογενῆ καὶ παρέγγραπτον* τοῦτον εἰς ὄνειδος Ῥωμαίοις Ῥωμαίων βασιλεύειν προκαθέζεσθαι καὶ ὑπερκαθῆσθαι πάντων ὡς κύριον…

довитому коренному стволу и предпочтительное передъ всѣми облеченіе его властью [1]).

Это сообщеніе Никиты Хонскаго весьма любопытно и хорошо освѣщаетъ отношеніе окружавшихъ царя и Византійцевъ вообще къ мануилову плану относительно Бѣлы. Самъ Мануилъ руководствовался въ данномъ случаѣ своими, хорошо намъ извѣстными политическими мечтами и государственными соображеніями. Достигнуть этимъ путемъ той завѣтной цѣли, которая такъ давно его прельщала, но достиженіе которой обычными средствами оказывалось ему не подъ силу, т. е. распространенія византійской власти до средняго Дуная, или попросту присоединенія Угріи къ имперіи — представлялось ему дѣломъ возможнымъ и конечно желательнымъ. Съ другой стороны, не имѣя мужского потомства, онъ не могъ не думать заранѣе объ упроченіи престолонаслѣдія на случай своей смерти, о предотвращеніи всякихъ случайностей и споровъ за корону. Онъ справедливо боялся этихъ возможныхъ смутъ, способныхъ разрушить всѣ результаты его политической дѣятельности возстановителя могущества и славы имперіи, и потому хотѣлъ заблаговременно приготовить себѣ преемника. Весьма вѣроятно, что и свойства и характеръ юнаго жениха его дочери укрѣпляли его въ надеждахъ имѣть въ немъ достойнаго преемника [2]). Возможность имѣть еще потомство конечно не упускалась имъ изъ виду, но въ такомъ случаѣ всегда было время измѣнить дѣло, и тогда королевичу Бѣлѣ не трудно было бы дать другую подходящую роль.

Иначе должны были относиться къ этому выбору царя другіе члены императорскаго дома, видѣвшіе въ немъ обиду и нарушеніе своихъ правъ, и въ особенности двоюродный братъ и товарищъ дѣтства Мануила Андроникъ, натура крайне честолюбивая, энергическая и увлекающаяся, а вмѣстѣ даровитая и блестящая. Неудивительно, что въ немъ Мануилъ встрѣтилъ сильную и, если вѣрить Никитѣ, откровенную оппозицію и порицаніе своего образа дѣйствія. Въ немъ и Алексѣй по вступленіи на престолъ нашелъ бы опасна-

---

[1]) Ibid., p. 179—180.

[2]) H. Muglen, o. c., c. LV, p. 79: Darnach wuchs der kunig bela kunig stephans des wenigen pruder an weysheit an tugent...

го врага и соперника; но этому не суждено было сбыться, ибо обстоятельства, какъ увидимъ, очень скоро кореннымъ образомъ измѣнились и именно въ смыслѣ высказанныхъ Андроникомъ предположеній.

Что касается Угріи, то тамъ вполнѣ поняли конечную цѣль политическихъ вожделѣній Мануила и перестали придавать значеніе его мирнымъ, но коварнымъ завѣреніямъ. Результаты византійской политики относительно Угріи были на лицо: потеря не только срѣмской области, но и Далмаціи, права на которую Угрія по договору съ Византіей согласилась признавать только за королевичемъ Бѣлой, была совершившимися фактомъ, который ложился пятномъ на царствованіе Стефана Гейзича. Съ нимъ Угрія не могла примириться; отказаться хоть на время отъ потерянныхъ областей значило дать Византіи укрѣпиться въ нихъ. Надо было спѣшить возвратить ихъ себѣ, пока Греки не успѣли еще стать въ нихъ твердой ногой. И дѣйствительно, король угорскій не терялъ времени.

Успѣхи императора Мануила въ его завоевательномъ движеніи на сѣверъ не могли не вызвать тревожныхъ опасеній и на западѣ, въ великомъ соперникѣ восточнаго царя въ Италіи и на Дунаѣ—имп. Фридрихѣ, котораго, какъ мы видѣли, только серіозныя италіанскія и германскія дѣла и папскій расколъ могли отвлечь отъ восточныхъ границъ имперіи. Лѣтомъ 1165 г. Фридрихъ съ извѣстнаго вюрцбургскаго собранія, на которомъ были приняты важныя рѣшенія относительно признанія преемника папы Виктора—Пасхалія III, отправился въ Баварію, а оттуда въ австрійскія земли и въ Вѣну, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Генрихомъ Язомирготомъ и Владиславомъ чешскимъ [1]). Едва-ли мы ошибемся, если предположимъ, что однимъ

---

[1]) Ann. Reichersperg. a. 1165. (Pertz, XVII, 472); Rahewini Append. (l. c., p. 278) ошибочно подъ 1166. Срв. Prutz, Fried. I, S. 390—391; Dudík, ц. с. 369—370. Здѣсь Владиславъ представляетъ Фридриху и поручаетъ его покровительству какого-то русскаго князя, ближайшее къ сожалѣнію не означеннаго: Ubi rex Boemorum quemdam de regalis Ruthenorum sanguine principem adduxit ejusque illum ditioni subdidit. Rahew., ib., p. 278; Cont. Admunt. Pez Scr. R. Austr. I, 560. Ужъ не былъ-ли это возвращавшійся около того времени въ Россію изъ Греціи князь Всеволодъ Юрьевичъ (см. о немъ Карамзинъ II, стр. 396, Соловьевъ, II, стр. 243), избравшій почему-либо западный путь? Дѣло въ томъ, что впослѣдствіи въ 1189 г. Фридрихъ, повидимому ради знакомства съ Всеволодомъ Юрьевичемъ суздальскимъ, ока-

изъ предметовъ обсужденій и обмѣна мыслей на этомъ вѣнскомъ свиданіи были и угорскія дѣла, т. е. успѣшное наступленіе восточнаго царя на Угрію; хотя результаты войны еще и не были вѣроятно извѣстны тогда — это было во второй половинѣ іюля или нач. августа, — но ихъ уже можно было предвидѣть. Не знаемъ навѣрно, имѣлъ ли Фридрихъ въ Вѣнѣ свиданіе и съ представителями Угріи, но въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, ибо именно при этомъ случаѣ онъ побуждалъ Угровъ къ уплатѣ остававшагося на нихъ долга [1]), и вѣроятно дѣлалъ это не черезъ другихъ, а имѣлъ дѣло съ ихъ собственными представителями. Съ Генрихомъ Язомирготомъ и Владиславомъ чешскимъ, какъ съ лицами, состоявшими въ дружественныхъ отношеніяхъ съ угорскимъ королемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и въ извѣстныхъ связяхъ и даже родствѣ съ восточнымъ императоромъ — Генрихъ былъ женатъ на Ѳеодорѣ Комниной, а Владиславъ недавно заключилъ родственный союзъ съ Мануиломъ — Фридрихъ могъ совѣщаться о мѣрахъ къ воспрепятствованію дальнѣйшему наступательному движенію Византіи къ среднему Дунаю и о новыхъ для того политическихъ комбинаціяхъ. Вѣроятно уже эти совѣщанія подготовили выступленіе Генриха Язомиргота въ той роли посредника, въ которой мы его встрѣчаемъ въ слѣдующемъ году. Очень возможно, что уже здѣсь, въ Вѣнѣ, была рѣчь и о прочнѣйшемъ скрѣпленіи связей Угріи съ западомъ и Нѣмцами посредствомъ родственныхъ узъ, — плана не новаго, но временно забытаго вслѣдствіе иныхъ комбинацій и вліяній [2]).

Мы сказали, что угорскій король, не теряя времени, готовился къ новой войнѣ для обратнаго отвоеванія отторгнутыхъ областей.

зываетъ радушный пріемъ бѣжавшему къ нему племяннику Всеволода, галицкому князю Владиміру. Ипат. лѣт., 1190 г., стр. 448. Карамзинъ, III, стр. 83 („Императоръ Фридрихъ неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ велик. князя суздальскаго".)

[1]) Rahew., ib., p. 278 (ошиб. 1166): Imperator circa festum sancti Petri descendens, Ungaros, qui ante promissam pecuniam ex maiori parte mentiti fuerant, denuo iurare coegit... Срв. Giesebrecht, Gesch. der deutsch. Kaiserzeit, V B. (Leipz. 1888), S. 474.

[2]) Это было сближеніе съ Ярославомъ галицкимъ въ 1164 г. — по совѣту кор. Евфросиньи — и помолвка Стефана съ его дочерью, тогда же кажется привезенною въ Угрію. Бракъ Стефана съ Агнессой, дочерью Генриха австр., относится однако не къ 1165 г. (Dudik, ib., S. 370), а къ слѣд. 1166 г.

Эта угорская экспедиція относится къ слѣдующему 1166 году [1]. Стефанъ Гейзачъ, разсказываетъ Киннамъ, опять нарушилъ договоръ и послалъ съ большимъ войскомъ своего вельможу и опытнаго полководца Діонисія — для занятія Срѣма [2]. Оставленные тамъ римскіе вожди, Михаилъ Гавра, которому вѣрено было и управленіе областью (δοὺξ), и Мих. Врана, собственно командовавшій войскомъ [3]), узнавъ о приближеніи непріятеля, стали совѣщаться о томъ, что̀ предпринять. Но вражда и соперничество ихъ мѣшали имъ сговориться: они преслѣдовали лишь личные интересы и прежде всего думали о себѣ и своей выгодѣ. Оба они пользовались хорошею военною репутаціей, но Врана въ этомъ отношеніи превосходилъ своего товарища. Послѣ долгихъ пререканій они согласились наконецъ напасть на Діонисія ночью и со всѣмъ войскомъ двинулись противъ него. Надо предположить, что Угры еще были на своей территоріи и что Греки перешли черезъ Дунай (вѣроятно немного выше впаденія Савы), ибо затѣмъ говорится о ихъ нахожденіи въ непріятельской землѣ. Прибывъ на мѣсто стоянки Діонисія,

---

1) Киннамъ еще раньше описанія этой войны, тотчасъ послѣ разсказа о предшествующихъ побѣдахъ Мануила (въ Далмаціи), lib. V, p. 219, прибавляетъ: „но не прошло еще довольно времени, какъ Мануилъ узналъ о новыхъ волненіяхъ Сербовъ и Угровъ, и спѣшилъ предупредить ихъ нашествіе. Но они, какъ только услышали о его приближеніи, тотчасъ остановили свое движеніе и продолжали нерушимо хранить договоръ“. Мѣсто этого извѣстія, способъ выраженія и все вообще заставляетъ насъ думать, что тутъ идетъ рѣчь не о какомъ-либо особомъ эпизодѣ, предшествовавшемъ тѣмъ событіямъ 1166 года, о которыхъ предстоитъ говорить, а вообще о возобновленныхъ Уграми попыткахъ возвратить свои владѣнія. Упоминаніе Сербовъ указываетъ именно, что имѣются въ виду не только событія 1166—67 года на Дунаѣ, но и въ Далмаціи, а можетъ и событія 1165 года въ собственной Сербіи. Довольно обычныя хвастливость и тенденціозность автора сказались и въ этомъ извѣстіи.

2) Гр. Діонисій занималъ повидимому спеціально постъ главн. военачальника. Напрасно нѣкоторые историки (Klein, o. c. S. 260, Szalay, S. 311, Marczali, S. 134) приписываютъ ему должность высшаго сановника, королев. намѣстника-*палатина*. Тогда былъ палатиномъ (кажется съ 1165 г.) и вмѣстѣ *баномъ*, какъ это видно изъ всѣхъ современныхъ документовъ, хорошо извѣстный и послѣ *Ampudinus* или Ampudius или Ompud, занимавшій это мѣсто все время при Стефанѣ Гейзичѣ. См. Fejér, II, грам. съ 1164 г. и до 1171 г., p. 169—185, въ томъ числѣ и отъ 1166 г., стр. 175—176, и у Wenzel'a, XX. См. о немъ Mikoczy, o. c., Arkiv. XI, 66—68.

3) Cinn., p. 258: ὅς τε Γαβρᾶς ἐπεκέκλητο δοὺξ τῆς τῇδε χώρας τελῶν, καὶ ὁ Βρανᾶς στρατεύματος ἰδίᾳ κατάρχων καὶ αὐτὸς etc.

они нашли лагерь пустымъ, — непріятеля не было. Это обстоятельство и незнакомство съ мѣстностью въ чужой землѣ — привели ихъ въ робость и смущеніе. Они принялись всетаки искать непріятеля, но стало уже разсвѣтать — ибо они выступили слишкомъ поздно, — и Угры ихъ примѣтили и бросились къ своимъ лошадямъ; мигомъ выстроились они въ боевой порядокъ и бросились на Грековъ, хотѣвшихъ было помѣшать ихъ сбору, опрокинули и погнали ихъ. Шедшія навстрѣчу главныя силы Грековъ тоже не выдержали и, испуганныя своими же, стали также отступать и вскорѣ предались постыдному бѣгству, потерявъ голову и вообразивъ себѣ непріятеля гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ [1]). Византійскіе вожди пытались было собственнымъ примѣромъ удержать бѣгущихъ, но подъ конецъ сами предались бѣгству.

Описывая это бѣгство, Киннамъ сообщаетъ одинъ эпизодъ, въ которомъ выразились весьма характерно съ одной стороны соперничество и вражда между ними, сказавшіяся уже при первомъ выступленіи въ походъ и несомнѣнно повліявшія на исходъ дѣла, а съ другой — ихъ трусость, особенно Гавры. О томъ же самомъ, но нѣсколько иначе и подробнѣе разсказываетъ Никита Хонскій, но, какъ мы видѣли, не на своемъ мѣстѣ (до взятія Землина Греками) [2]). Суть въ томъ, что М. Врана, всетаки нѣсколько отбивавшійся отъ преслѣдовавшаго непріятеля во время бѣгства и пытавшійся, но безуспѣшно ободрить своего бѣгущаго товарища, уличилъ его затѣмъ передъ императоромъ въ трусости. Эпизодъ этотъ рисуетъ и современныя византійскія придворныя нравы. Киннамъ сообщаетъ лишь о томъ, что̀ было во время бѣгства: именно, что Врана, посмѣиваясь надъ Гаврой, бѣжавшимъ безъ оглядки, еще тогда призывалъ его въ свидѣтели того, что онъ, Врана, мужественно отбивался отъ врага — даже когда гнались за нимъ [3]). Никита Хонскій разсказываетъ о дальнѣйшемъ: какъ вождямъ пришлось давать отвѣтъ царю въ своемъ поведеніи и какъ при этомъ Врана подвелъ своего товарища. Говоря вкратцѣ, дѣло было такъ. Родственники жены Гавры Евдокіи Комниной (бывшей любовницы Андроника) превозносили пе-

---

[1]) Ibid., p. 258.
[2]) Nic. Chon., IV, p. 173—174.
[3]) Cinn., p. 259.

редъ царемъ Гавру за его храбрость въ походѣ противъ Угровъ, вѣроятно по поводу справедливыхъ нареканій на него за неудачу, и ссылались при этомъ на Врану, какъ на свидѣтеля, съ которымъ у того можетъ быть и былъ уговоръ другъ друга поддерживать. Царь пригласилъ Врану, предварительно заставивъ его поклястьса головою царя, засвидѣтельствовать всю правду. Тогда Врана началъ съ того, что просилъ Гавру, какъ главнокомандующаго, засвидѣтельствовать сперва о проявленной имъ самимъ, Враной, храбрости при встрѣчѣ съ Уграми. Когда Гавра дѣйствительно засвидѣтельствовалъ объ особомъ его мужествѣ (о чемъ у Киннама), то Врана на это замѣтилъ, что онъ съ своей стороны не можетъ искажать правды передъ царемъ, заставившимъ его поклястьса своею головою,—что Гавра не выдержалъ натиска враговъ, но въ страхѣ предался бѣгству, несмотря на то, что онъ, Врана, пытался остановить его [1]). Такъ Врана насолилъ своему сопернику. Къ сожалѣнію историки не сообщаютъ, какъ императоръ отнесся къ этимъ свидѣтельствамъ.

Итакъ византійское войско было разбито и бѣжало: оно отступило повидимому къ самой Савѣ, и вѣроятно укрылось въ Землинѣ, ибо одинъ угорскій отрядъ преслѣдовалъ его „до самаго Землина“ [2]). Побѣдитель Діонисій, собравъ тѣла убитыхъ Грековъ, воздвигъ надъ ними, безъ сомнѣнія на угорской землѣ, слѣдовательно на лѣвомъ берегу Дуная большой курганъ, который долженъ былъ стать навсегда видимымъ памятникомъ блестящей побѣды Угровъ [3]). Это было, по нашему расчету, раннею весною 1166 года.

Мануилъ былъ возмущенъ этимъ новымъ нарушеніемъ мира со стороны Угріи, и хотѣлъ было самъ опять предпринять походъ въ ихъ землю, но затѣмъ перемѣнилъ намѣреніе и придумалъ по-

---

[1]) Nic. Chon., l. c. Срв. Finlay, Hist. of Greece, III, p. 177 прим.

[2]) Cinn. p. 259: τῶν γάρ τις ἐκ πεζικῶν καταλόγων φυγὰς ἄχρι καὶ ἐπὶ Ζεύγμην ἦλθε...

[3]) Ibid., p. 259. Киннамъ старается всячески умалить пораженіе Грековъ, и говоритъ, что Діонисій собралъ *немногія* тѣла убитыхъ и воздвигъ *большой* курганъ, чтобы по его размѣрамъ судили о числѣ убитыхъ Грековъ. Но потери послѣднихъ должны были быть весьма значительны. Объ этомъ фактѣ сооруженія кургана упоминаетъ позже и Никита Хонскій по другому случаю: Nic. Chon., p. 199.

вый планъ войны съ ними. Самъ Мануилъ, чтобъ быть на всякій случай ближе къ театру дѣйствій, расположился въ Средцѣ: по крайней мѣрѣ тамъ мы находимъ его по окончаніи кампаніи осенью 1166 года [1]). На Дунай же онъ отправилъ будущаго своего зятя Алексѣя (Бѣлу), тогда уже провозглашеннаго наслѣдникомъ престола, ввѣривъ ему многочисленное войско, состоявшее подъ непосредственнымъ начальствомъ протостратора Алексѣя (Аксуха). Это войско должно было сдѣлать видъ, что намѣрено вторгнуться въ Угрію въ обычныхъ пунктахъ, и такимъ образомъ держать враговъ въ страхѣ и привлекать все ихъ вниманіе въ эту сторону. Между тѣмъ одновременно Мануилъ послалъ другое значительное войско подъ начальствомъ Льва Ватацы для нападенія на Угровъ съ другой стороны. Ватаца долженъ былъ вторгнуться въ землю Гунновъ „изъ мѣстностей, лежащихъ у такъ называемаго Евксинскаго Понта (т. е. Чернаго моря), откуда никто никогда искони не нападалъ на нихъ“ [2]). Очевидно здѣсь рѣчь идетъ о нынѣшней Валахіи, о вторженіи въ Угрію съ южной стороны Трансильваніи, и опредѣленіе Киннама (земли около Чернаго моря) слѣдуетъ понимать въ болѣе широкомъ смыслѣ. По его же словамъ „въ греческомъ войскѣ была на сей разъ масса Влаховъ, почитавшихъ себя древними выходцами изъ Италіи“ [3]).

Это и есть знаменитое киннамово свидѣтельство о Влахахъ, которому рядомъ съ вышеупомянутымъ извѣстіемъ Никиты Хонскаго о нихъ (о Влахахъ, поймавшихъ бѣглеца-Андроника) отводятъ столь важную роль въ вопросѣ о времени образованія валашской народности на сѣверѣ отъ Дуная. Такъ какъ Киннамъ самъ не пріурочиваетъ этихъ Влаховъ въ войскѣ Ватацы къ какой-либо опредѣленной мѣстности и говоритъ только объ италіанскомъ происхожденіи ихъ предковъ, то это и подало поводъ къ различному тол-

---

1) Cinn., p. 261: Въ Средецъ является къ нему тогда для мирныхъ переговоровъ Генрихъ Язомирготъ.

2) Cinn., p. 260: ἐκ τῶν πρὸς τῷ Εὐξείνῳ καλουμένῳ πόντῳ χωρίων ἐμβαλεῖν ἐκέλευεν εἰς τὴν Οὐννικὴν, ὅθεν οὐδεὶς οὐδέποτε τοῦ παντὸς αἰῶνος ἐπέδραμε τούτοις. Историкъ разумѣетъ тутъ вѣроятно государей византійскихъ, не принимая въ расчётъ набѣговъ Печенѣговъ и Половцевъ.

3) Ib., p. 260: καὶ δὴ καὶ Βλάχων πολὺν ὅμιλον, οἳ τῶν ἐξ Ἰταλίας ἄποικοι πάλαι εἶναι λέγονται...

кованію его свидѣтельства. Защитники мнѣнія о существованіи раннихъ поселеній Влаховъ на нынѣшней ихъ территоріи, равно какъ и теоріи ихъ стародавности здѣсь — утверждаютъ, что у Киннама идетъ рѣчь о Влахахъ, жившихъ именно на сѣверъ отъ Дуная (въ нын. Валахіи и Молдавіи?) [1]), тогда какъ ихъ противники, относящіе начало переселеній Влаховъ на сѣверъ къ болѣе позднему періоду (не ранѣе XIII в.), видятъ въ этихъ Влахахъ Киннама — поселенцевъ Балканскаго полуострова [2]). Конечно одно это извѣстіе византійскаго историка само по себѣ по своей неопредѣленности не можетъ быть принимаемо — какъ *рѣшительный* и неопровержимый аргументъ въ пользу того или другого изъ двухъ крайнихъ взглядовъ, но тѣмъ не менѣе правильное истолкованіе этого извѣстія, сопоставленнаго съ предшествовавшимъ (у Никиты Хонскаго), можетъ имѣть значеніе для разъясненія этого темнаго вопроса. Намъ кажется, что самое участіе Влаховъ въ задуманной Мануиломъ экспедиціи противъ Угровъ изъ странъ нижнедунайскихъ — не случайно, иначе говоря, что это участіе уже бросаетъ свѣтъ и на вопросъ, о какихъ Влахахъ тутъ можетъ быть рѣчь: по всѣй вѣроятности къ участію въ этомъ походѣ были привлечены Влахи, жившіе на нижнемъ Дунаѣ въ сѣверовосточной окраинѣ имперіи, а быть можетъ и по ту сторону рѣки: имъ были лучше извѣстны тѣ мѣстности, по которымъ должно было итти греческое войско и они уже въ этомъ отношеніи могли принести большую помощь; такимъ образомъ мы думаемъ, что тутъ идетъ рѣчь о тѣхъ же самыхъ Влахахъ, которые два года передъ тѣмъ задержали Андроника Комнина: разсмотрѣніе обоихъ извѣстій приводитъ насъ къ пріуроченію этой народности къ одной

---

1) Напр. Píč, Zur Rum.-ung. Strfr. S. 71, прим.; его же Les lois roumaines, p. 44. Только авторъ ошибочно приводитъ при этомъ 1164 г. вмѣсто 1166. Tomaschek, Zur Kunde der Hämushalbinsel, I (1882) S. 51, II (1887), S. 15. Срв. Român. Revue, 1887, H. VIII, стр. 405 — 406 (статья Mangiuca) и другіе.

2) Roesler, Rum. Studien, S. 85 (тоже ошибочно къ 1164 г.). Онъ предполагаетъ, что тутъ идетъ рѣчь о валашскихъ поселеніяхъ на берегу Черн. моря, между Византіей и Балканами, ибо о нижнедунайскихъ земляхъ нельзя было сказать, что оттуда никогда никто не нападалъ на Угровъ. Но историкъ имѣлъ тутъ въ виду визант. имперію, т. е. Грековъ, а не кочевниковъ въ родѣ Печенѣговъ и Куманъ. Между тѣмъ говорить о нападеніи на Угрію изъ забалканскихъ странъ (ок. Анхіала) было бы слишкомъ нелогично.

и той же мѣстности — берегамъ нижняго Дуная. Отсюда они вѣроятно уже тогда расселялись и далѣе на сѣверъ [1]).

Итакъ Алексѣй Аксухъ съ Алексѣемъ-Бѣлой, прибывъ на Дунай вѣроятно лѣтомъ 1166 г., дѣлали приготовленія ко вторженію въ угорскіе предѣлы и произвели этимъ должное впечатлѣніе на непріятелей [2]). О томъ, что́ далѣе было на этомъ театрѣ войны, нѣтъ прямого извѣстія. Но что и тутъ были столкновенія и схватки съ Уграми, быть можетъ вызванныя послѣдними, на это нашъ историкъ дѣлаетъ указаніе позже въ разсказѣ о случившемся съ Алексѣемъ Аксухомъ и о доносѣ на него нѣкаго Кассіана, будто онъ измѣннически велъ себя уже — воюя вмѣстѣ съ Бѣлою противъ Гунновъ (Угровъ) [3]).

Между тѣмъ Ватаца вторгся въ Угрію съ другой (юговосточной) стороны и, произведя тамъ сильное опустошеніе и кровопролитіе, вернулся съ большой добычей: пригналъ оттуда цѣлыя стада всякаго скота, лошадей и проч. [4]).

Но Мануилъ и этимъ не довольствовался; онъ отправилъ въ ту же сторону другое войско подъ главнымъ начальствомъ Іоанна Дуки и подъ частнымъ предводительствомъ Андроника Лампарды и Никифора Петролифа и другихъ съ приказаніемъ сдѣлать вторже-

---

[1]) Здѣсь на сѣверѣ они встрѣчались съ своими трансильванскими родичами. Мы не входимъ здѣсь подробнѣе въ этотъ вопросъ, а отсылаемъ читателя къ спеціальнымъ трудамъ уже выше упомянутымъ, см. стр. 55, 333.

[2]) Cinn., ib., p. 260.

[3]) Cinn., p. 268. Алексѣй Аксухъ былъ вѣроятно вслѣдствіи придворныхъ интригъ обвиненъ въ измѣнѣ, и въ числѣ другихъ доносовъ на него былъ и доносъ Кассіана о томъ, будто онъ „воюя вмѣстѣ съ Бѣлою въ угорской землѣ через-чуръ ужъ уклонялся отъ столкновенія съ Уграми“ и, когда Кассіанъ старался возбудить въ немъ духъ къ борьбѣ, отвѣчалъ ему, что онъ удерживается отъ военныхъ дѣйствій „изъ жалости къ человѣческому роду“, а на возраженіе Кассіана замѣтилъ, что царь, желая непредвидѣнно истребить Грековъ, приказалъ ему посылать ихъ во всѣ схватки, какія только представятся, и просилъ молчать объ этомъ. Конечно это была клевета, и если Аксухъ дѣйствительно уклонялся отъ серіозныхъ столкновеній, то скорѣе всего подъ вліяніемъ юнаго Бѣлы, щадившаго кровь своихъ родичей.

[4]) Ibid., p. 260: πρὸς δὲ καὶ ζώων ἀγέλας ἵππων τε καὶ ἄλλων παντοδαπῶν ἐκεῖθεν ἐλάσας ἐπὶ βασιλέα ἦλθεν. Это извѣстіе по нашему мнѣнію говоритъ ясно въ пользу преобладанія пастушескаго населенія (Валаховъ?) въ горахъ Трансильваніи.

ніе въ Угрію еще сѣвернѣе, т. е. съ востока, „съ горныхъ возвышенностей напасть на Угровъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Русью“ (Тавроскиѳіей)[1]). Чтобъ попасть туда, греческое войско должно было въ короткое время совершить путь по весьма пространнымъ и непроходимымъ мѣстностямъ и по странѣ совершенно безлюдной. Безъ сомнѣнія тутъ разумѣется нын. Молдавія и Буковина, земли, входившія тогда въ предѣлы галицкой Руси, но весьма мало населенныя и невоздѣланныя [2]). Оттуда византійское войско вторглось въ Угрію (въ сѣверную часть Трансильваніи или т. н. Мармарошъ?), опустошило и разграбило тамошнія многолюдныя поселенія, овладѣло огромной добычей, истребило и плѣнило множество беззащитнаго народу. Уходя оттуда, Греки воздвигли на мѣстѣ своихъ подвиговъ мѣдный крестъ съ надписью, которую также позаботился сообщить историкъ. Эта надпись гласила:

„Здѣсь нѣкогда безчисленные роды угорскаго племени
Пали отъ руки грознаго Марса и Авзоніевъ,
Когда въ Римѣ царствовалъ славный божественный Мануилъ—
Гордость и честь державныхъ и доблестныхъ Комниновъ“. [3])

Эта вторая экспедиція могла быть окончена только позднею осенью 1166 года.

Угрія дѣйствительно серіозно поплатилась за свою непокорность. Мало того, что она ничего не получила обратно отъ Византіи, но населеніе ея понесло еще чувствительный ущербъ на юго-восточныхъ и восточныхъ угорскихъ окраинахъ. Перевѣсъ въ борьбѣ явно и рѣшительно склоняется на сторону Мануила, у котораго вмѣстѣ съ успѣхами растутъ и энергія и упорство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, растутъ и политическія притязанія.

---

[1]) Ibid: καὶ πάλιν ἐπ' αὐτοὺς ἔπεμψεν ἐπιστείλας ἄνωθέν ποθεν ἐς τοὺς προσοικοῦντας τὴν Ταυροσκυθικὴν ἐμβαλεῖν Οὔννους... Срв. Васильевскій, рец. на кн. Успенскаго „Обр. второго Болг. ц.“ стр. 91.

[2]) О принадлежности этой земли Галичу говорено выше, стр. 134, 234, пр., 238. Такъ же характеризуетъ эти земли Оттонъ Фрейзинг. De Gest. Frid. l. I, c. 31, см. выше стр. 56, пр. 5 и стр. 59.

[3]) Cinn., p. 261: „Ἐνθάδε Παννονίης ποτὲ ἄκριτα φῦλα γενέθλης
Δεινὸς Ἄρης καὶ χεὶρ ἔκτανεν Αὐσονίων
Ῥώμης ὁππότε κλεινῆς δῖος ἄνασσε Μανουήλ,
Κομνηνῶν κρατόρων εὖχος ἀριστονόων.“

Не только въ Угріи, но и на западѣ побѣды византійскаго царя производятъ удручающее впечатлѣніе и вызываютъ серіозныя опасенія. Западъ въ лицѣ латинской церкви и германства въ послѣднія десятилѣтія — со времени поворота въ политикѣ Гейзы II — одержалъ подъ шумокъ внутри Угріи столько побѣдъ и столько пріобрѣлъ силы вопреки всѣмъ проискамъ и стараніямъ Византіи, а отчасти именно благодаря характеру ея политики, что дѣло упроченія его вліянія тамъ казалось весьма надёжно поставленнымъ, — и вдругъ рядъ блестящихъ и существенныхъ военныхъ успѣховъ Мануила грозитъ снова подвергнуть опасности результаты мирныхъ завоеваній запада въ Угріи и вырвать изъ рукъ его драгоцѣнную добычу. Интересы его требовали во́-время остановить неравную борьбу, не дать Угріи попасть въ еще болѣе критическое и затруднительное положеніе, а для этого требовалось вмѣшательство въ разгорѣвшуюся распрю. На дѣятельную военную помощь запада король угорскій не могъ тогда расчитывать. Западный императоръ былъ слишкомъ поглощенъ своей италіанской политикой. Но возможно было по крайней мѣрѣ дипломатическое вмѣшательство. Вотъ чѣмъ объясняется появленіе осенью 1166 года въ Софіи, гдѣ тогда находился Мануилъ, герцога австрійскаго Генриха Язомирготa вмѣстѣ съ женой Ѳеодорой, племянницей царя, — съ цѣлью политическихъ переговоровъ.

Мы видѣли, что свидѣтельство Киннама о будто-бы происшедшемъ примиреніи Фридриха съ Мануиломъ въ 1164 году не можетъ быть признано правдоподобнымъ, что отношенія ихъ продолжали оставаться враждебными вслѣдствіе дѣятельнаго, хотя и тайнаго противодѣйствія Византіи италіанскимъ планамъ Фридриха и политическаго сближенія царя съ папой Александромъ. Лѣтомъ 1165 года западный императоръ, какъ выше разсказано, былъ недалеко отъ угорской границы — въ Вѣнѣ и имѣлъ свиданіе съ Генрихомъ австрійскимъ и Владиславомъ чешскимъ, а также угорскими представителями. Мы сдѣлали предположеніе, что уже тогда Фридрихъ, озабоченный исходомъ угро-византійской борьбы, совѣщался объ этомъ предметѣ съ преданными ему Генрихомъ и Владиславомъ. Не знаемъ, заходила ли уже тогда рѣчь о дипломатическомъ посредничествѣ Генриха, какъ родственника Мануила, но во всякомъ слу-

чаѣ миссія, порученная герцогу теперь въ 1166 году, была подготовлена вѣнскимъ свиданіемъ.

Генрихъ отправился въ Грецію въ сопровожденіи своей жены и пфальцграфа Оттона Виттельсбахскаго [1]) съ двоякою цѣлью. Первою изъ нихъ было уладить взаимныя отношенія западнаго императора и Мануила: онъ долженъ былъ передать послѣднему какія-то предложенія касательно италіанскихъ дѣлъ и враждебнаго Фридриху вмѣшательства въ нихъ Византіи,—предложенія, которыя вѣроятно клонились къ тому, чтобъ связать византійскаго царя въ его западной политикѣ. Такъ должно понимать слова Киннама, что Фридрихъ „подъ видомъ дружбы старался отклонить царя отъ враждебныхъ противъ него намѣреній“ [2]). Второю цѣлью миссіи Генриха было ходатайство о прекращеніи войны и о мирѣ съУграми [3]). Въ этомъ дѣлѣ Генрихъ дѣйствовалъ едва-ли по почину самихъ Угровъ и прямо отъ ихъ имени, хотя вѣроятно и получилъ отъ нихъ извѣстныя полномочія. По всей вѣроятности и тутъ онъ еще болѣе исполнялъ порученіе западнаго императора, являлся представителемъ въ сущности не столько угорскихъ, сколько западно-европейскихъ интересовъ.

Свиданіе состоялось, какъ мы видѣли, въ Софіи. Мануилъ принялъ своего нѣмецкаго родственника, съ которымъ не видѣлся почти 20 лѣтъ (со времени крестоваго похода), весьма милостиво и радушно. По его убѣдительной просьбѣ онъ изъявилъ свое

---

[1]) Cinn., p. 261: ἐν ᾧ δὲ ταῦτα ἐγίνετο, Ἑρρῖκος Ὀστριχίων δοὺξ σὺν τῇ γυναικὶ Θεωδώρᾳ τῇ βασιλέως ἀδελφιδῇ ἐπὶ Σαρδικὴν ἦλθε. Ibid., p. 262: ...ἐπὶ τὴν δι᾽ Ἑρρίκου τούτου καὶ Βλαδιγράτζου ἐπεῖδε πρεσβείαν... Βλαδίγρατζος очевидно Pfalzgraf, comes palatinus. Rahew. Appendix, l. c. p. 278 (подъ 1167 г.): Eodem anno dux Austriae H. et O. palatii comes maior in Greciam destinati, sine effectu ...revertuntur. Еще: Cont. Zwetlens. pr. 1166, M. S. IX, p. 538; Contin. Claustro-Neoburg. sec. ibid., p. 615 (a. 1165); Chron. Admont. M. S., XI, a. 1166. Срв. Dudik, S. 370; Kap-Herr, S. 84—85; Giesebrecht, o. c., S. 675.

[2]) Cinn., p. 262. Къ тому, что онъ говоритъ о военныхъ замыслахъ Фридриха противъ Византіи, и къ другимъ подробностямъ его разсказа нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ, хотя несомнѣнно одной изъ причинъ неудовольствія Фридриха были тогдашнія сношенія Мануила съ папой Александромъ по вопросу объ уніи и объ римско-императорскомъ достоинствѣ, и Генрихъ по порученію Фридриха затрогивалъ быть можетъ и эту тему.

[3]) Ibid., p. 261: ...καὶ πολέμων ἐκεχειρίαν Οὔννοις ἐξαιτησόμενος...

согласіе на перемиріе съ Уграми [1]), т. е. обѣщалъ вѣроятно не нападать на нихъ, если они сами не будутъ подавать къ тому повода, а на счетъ этого завѣрялъ его безъ сомнѣнія Генрихъ. По другому же дѣлу, касавшемуся соглашенія съ западнымъ императоромъ, Мануилъ не далъ никакого положительнаго отвѣта, понимая тайныя цѣли Фридриха и не желая ничѣмъ себѣ связывать [2]). Съ этимъ въ общемъ мало удовлетворительнымъ результатомъ Генрихъ и сопровождавшіе его были отпущены домой, щедро одаренные царемъ [3]).

Генрихъ отправился къ себѣ черезъ Угрію, дабы сообщить королю о согласіи Грековъ на перемиріе. Къ этому пребыванію его въ Угріи, по свидѣтельству Киннама — въ этомъ случаѣ не возбуждающему сомнѣній, относится окончательное рѣшеніе вопроса о бракѣ Стефана Гейзича съ старшей дочерью Язомиргота Агнессой, который и былъ очевидно заключенъ тогда же, т. е. въ концѣ 1166 года [4]). Это хорошо характеризуетъ намъ тогдашнее настроеніе Генриха въ отношеніи къ восточному царю, на которое личная любезность послѣдняго очевидно не повліяла нисколько. Киннамъ говоритъ, что „Генрихъ на возвратномъ пути домой, находясь въ Угріи, убѣдилъ Стефана, по изгнаніи отъ себя русской (тавроскиѳской) невѣсты, жениться на его дочери“ [5]). Изъ этого видно, что дочь Яро-

---

1) Cinn., p. 262: ἀλλὰ βασιλεὺς .. Ἐρρίκον μὲν σὺν εὐμενείᾳ εἶδεν ἄνεσίν τε πολέμου Οὔννοις αἰτησαμένῳ ἐπένευσε...

2) Ibid.: τῶν δὲ ἀμφὶ τῷ Φρεδερίκῳ πέρατι δέδωκεν οὐδὲν.

3) Rahew. App., ib., p. 278: Dux Austriae H. et O. ...sine effectu, praeter quod magnifice donati sunt, revertuntur. Выраженіе sine effectu очевидно относится собственно къ дѣламъ Фридриха.

4) Cinn., p. 262 и Rahewini App., p. 278: вслѣдъ за извѣстіемъ о путешествіи Генриха въ Грецію: Heinricus dux filiam suam regi Ungarie conjugio copulavit. Cont. Claustroneoburg. sec. (M. G. SS. IX, p. 616) относитъ бракъ къ 1165 году, но быть можетъ потому, что тогда, въ 1165 г. на вѣнскомъ свиданіи дѣло было рѣшено. Мы упоминали однажды, что по всей вѣроятности тотъ же 1165-й годъ и по той же причинѣ имѣетъ въ виду вѣм. австрійская (бабенбергская) хроника, въ которой находимъ не безъинтересное свидѣтельство объ этомъ ошибочно подъ 1155 годомъ: A. D. 1155 ward Steffan fraw geyseln sun des chunigreichs in ungern wider gewaltig, von dem er verstossen was, derselb chunich Steffan nam fraun agnesen herczog hainreichs tochter von osterreich. Babenberger Chronik, въ Beiträge zur österr. Geschichte, Zeibig, Archiv f. K. oest. Geschsq., B. 9 (1853), S. 356.

5) Cinn., p. 262: ἀλλὰ Ἐρρίκος ἐπὶ οἴκου ἀναχωρῶν, ἐπειδήπερ ἐν Παιονίᾳ ἐγένετο, Στέφανον ἀναπείθει τὴν Ταυροσκυθίδα διωσάμενον κόρην θυγατέρα τὴν αὐτοῦ ἀγαγέσθαι...

слава галицкаго, ставшая невѣстой Стефана еще въ 1164 году и привезенная тогда въ Угрію, до послѣдняго времени еще оставалась тамъ, и брачное дѣло не считалось еще окончательно рѣшеннымъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что отношенія между Стефаномъ и Ярославомъ со времени извѣстной интриги Мануила и послѣдовавшаго въ нач. 1165 года сближенія послѣдняго съ галицкимъ княземъ измѣнились къ худшему; послѣдній не поддержалъ Угріи военною помощью въ 1165 г., и слѣдствіемъ этого было возобновленіе брачнаго плана съ Генрихомъ еще на вѣнскомъ свиданіи. Разумѣется и окружавшая короля сильная партія приверженцевъ запада и латинства постаралась о томъ, чтобъ отвлечь его отъ снова завязавшихся было связей съ Русью и напротивъ упрочить связь съ нѣмецкимъ западомъ. Трудно допустить, чтобъ такой премѣнѣ могла сочувствовать мать Стефана Евфросинья: она безъ сомнѣнія была причиной сближенія съ Ярославомъ галицкимъ и конечно дорожила дружественными отношеніями съ Русью и перспективой русскаго родства. Но несмотря на свое вліяніе на сына и на то уваженіе, съ которымъ онъ всегда, особенно въ началѣ правленія относился къ ней и къ ея совѣтамъ [1]), она въ данномъ случаѣ не могла, а быть можетъ подчиняясь тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ и вліянію приближенныхъ, и не хотѣла препятствовать осуществленію плана, въ сущности уже довольно давно намѣченнаго.

Итакъ еще въ концѣ 1166 года состоялся бракъ Стефана Гейзича съ Агнессой австрійской, старшей дочерью Генриха [2]). Угрія

---

[1]) Видно изъ грамотъ, напр. Fejér, II, p. 167, 182 и др.; срв. Fessler, o. c., S. 129.

[2]) Кромѣ Киннама объ этомъ бракѣ свидѣтельствуютъ западные хроники и анналы. Rahew. App., какъ мы видѣли, подъ 1167 г. (ошиб. вм. 1166). Ann. Cont. Claustroneoburg. sec. (M. G. IX, 616) ошибочно къ 1165 г. (тогда могли быть переговоры въ Вѣнѣ): Stephanus Rex Ungariae duxit uxorem Agnem filiam Heinrici Ducis Austriae. Еще Chron. Admont. и Contin. Zwetlens. pr. и пр. Объ Агнессѣ срв. Schier, Reginae Hung. p. 121; онъ (p. 119), а за нимъ и Janisch, Gesch. d. Hung. König., S. 36—38, считаютъ ее второю женою Стефана, полагая, что Стефанъ уже былъ не только помолвленъ, но и женатъ на дочери Ярослава и даже имѣлъ отъ нея сына (Merisa?); но такое мнѣніе не находитъ себѣ никакого подтвержденія въ источникахъ. Напротивъ, Киннамъ ясно называетъ дочь Ярослава (когда ее отвергъ Сте-

сдѣлала еще шагъ на пути отчужденія отъ греко-славянскаго, православнаго востока и сродненія съ латино-германской Европой. Но это обстоятельство могло только еще болѣе подзадорить восточнаго царя въ преслѣдованіи намѣченныхъ цѣлей. Теперь, послѣ одержанныхъ побѣдъ его безъ сомнѣнія серіозно уже начиналъ занимать планъ доставленія угорскаго престола своему будущему зятю Бѣлѣ-Алексѣю. Онъ передъ этимъ согласился на перемиріе, но лишь уступивъ ходатайству посредника, которому не хотѣлъ отказывать: онъ однакожъ несомнѣнно предвидѣлъ, что борьба возобновится очень скоро, потому что Угрія не можетъ такъ легко примириться съ понесенными территоріальными потерями. И Мануилъ не ошибся: перемиріе было нарушено очень скоро.

Оно было нарушено въ Далмаціи (еще въ концѣ 1166 года), которая со времени присоединенія до этой минуты оставалась вѣрною Византіи [1]). По словамъ Киннама „Угры задумали снова отнять Далмацію" и послали туда войско для этого [2]). Но по другимъ источникамъ, болѣе близкимъ къ театру дѣйствій и которымъ нельзя не вѣрить, дѣло было не совсѣмъ такъ.312Уграмъ дѣйствительно принадлежитъ наступательная роль, но толчокъ къ этому былъ данъ повидимому изъ самой Далмаціи, на что впрочемъ есть указаніе и у византійскаго писателя. Несомнѣнно очень многимъ тамъ не нравилось византійское господство, и въ приверженныхъ Угріи слояхъ населенія существовало вѣроятно броженіе, которое поддерживалось агитаціею изъ самой Угріи. Многіе ея преданные сторонники даже ушли тогда изъ Далмаціи, и въ томъ числѣ извѣстный архіепископъ сплѣтскій Петръ, который нашелъ радушный пріютъ у ко-

---

фанъ) *дѣвушкой, невѣстой* (ибо въ его словахъ Ταυροσκυθίδα διωσάμενον κόρην θυγατέρα τὴν αὐτοῦ ἀγαγέσθαι (Cinn. p. 262) слово κόρην слѣдуетъ скорѣе относить къ Ταυροσκυθίδα, чѣмъ къ θυγατέρα). Уже Katona, Hist. Cr. IV, p. 139—148 справедливо раскритиковалъ и отвергъ мнѣніе Шира.

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ напр. документъ 1166 года, въ которомъ Мануилъ названъ властителемъ *Далмаціи* и *Діоклеи*. Kukul.-Sakc., Cod. diplom., II, p. 73 (Wenzel, Mon. H. Hist. XI, 107, та же грамота, но не точно изд.): imperante piissimo et semper triumphatore Hemanuhele, duce existente Dalmacie atque Dioclie etc.

[2]) Cinn., p. 262: καὶ Οὖννοι οὐ πολλῷ ὕστερον Δαλματίαν αὖθις ἀφελέσθαι διενοήθησαν. ἄλλα τε οὖν στρατεύματα παρ' αὐτὴν ἦλθον.

роля угорскаго, гдѣ скоро постигла его смерть [1]). Безъ сомнѣнія онъ убѣждалъ короля не оставлять Далмаціи: въ этомъ быть можетъ даже состояла главная цѣль его поѣздки; онъ могъ засвидѣтельствовать передъ королемъ о сильной угорской партіи, призывающей его вновь овладѣть областью. Король не хотѣлъ терять времени и случая; пріобрѣтеніе союзника на западѣ въ лицѣ австрійскаго герцога сдѣлало его смѣлѣе, и онъ не замедлилъ откликнуться на призывъ.

Въ Далмацію было послано войско подъ начальствомъ лица, носившаго санъ жупана (не бана ли?) [2]), которое дѣйствительно встрѣтило тамъ вѣроятно сильную поддержку и сочувствіе, ибо ему удалось не только одолѣть византійскую военную силу, но и захватить въ плѣнъ главнаго военачальника и правителя Никифора Халуфу. Напрасно Киннамъ, сообщающій этотъ послѣдній фактъ, старается умалить торжество Угровъ, увѣряя, что этою войною Угры не достигли ничего кромѣ того, что захватили въ плѣнъ Н. Халуфу и затѣмъ удалились [3]). Извѣстія, которыми мы располагаемъ [4]), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Угры вновь захватили власть надъ Далмаціей, хотя и не надолго.

Киннамъ сообщаетъ еще одну подробность о плѣненіи Халуфы, въ которой можно видѣть подтвержденіе того факта, что противъ Грековъ возстали и мѣстные элементы. Ник. Халуфа, узнавъ о появленіи Угровъ, вышелъ де изъ Сплѣта съ своимъ небольшимъ отрядомъ. Но по пути его слѣдованія сопровождавшіе его понемногу отставали и расходились, такъ что онъ, несмотря на мужественное

---

[1]) Thomas archidiac. (Hist. Salon. pontif.), Schwandtner, III, p. 560. Hic itaque (Petrus). ...profectus in Ungariam, mortis debitum soluit; sepultus est in ecclesia sanctae Mariae in Alba, etc...

[2]) Cinn., ibid.: ...καὶ ὁ παρ' αὐτοῖς τὴν ζουπάνου ἔχων ἀρχὴν (βούλεται δὲ τοῦτο τὸν μετὰ τὸν ῥῆγα παρὰ τῷ ἔθνει δεδυνημένον). Тутъ свѣдѣнія Киннама очевидно не точны; ужъ скорѣе это опредѣленіе подходило бы къ достоинству бана, хотя и это не точно.

[3]) Ibid., p. 263: ἀλλὰ πολέμῳ μὲν τῶν τῇδε περιγενέσθαι οὐδαμῇ ἴσχυσαν, τὸν Χαλούφην δὲ ὑπὸ χερσὶ θέμενοι ἀνεχώρησαν.

[4]) Такъ Danduli, Chron. Muratori, XII, p. 292; Thom. Arch., l. c., p. 560—61, и нѣкоторые современные документы. Срв. Katona, Hist. cr., IV, p. 151—52. Наконецъ и взятіе въ плѣнъ Халуфы достаточно говоритъ о томъ же.

сопротивленіе, сталъ легкою добычею врага [1]). Это извѣстіе мы понимаемъ такъ, что византійскій начальникъ, имѣя при себѣ лишь самый незначительный греческій отрядъ, долженъ былъ съ нимъ однимъ итти противъ Угровъ, такъ какъ мѣстныя оборонительныя силы отказались ему повиноваться. Греческій же отрядъ по своей малости потерялъ всякое мужество передъ несравненно болѣе многочисленнымъ непріятелемъ и отчасти разбѣжался, отчасти безъ труда достался въ руки Угровъ вмѣстѣ съ начальникомъ. Итакъ вся Далмація снова перешла во власть Угріи. Это случилось еще въ концѣ 1166 года, на что есть подтвержденіе въ документахъ [2]).

Одинъ только городъ Задръ (съ нѣкоторыми островами — Кркомъ, Рабомъ, Хваромъ и др.) оставался по прежнему (съ 1124 г.) во власти Венеціи. Но жители Задра не симпатизировали ей и были не прочь признать также власть угорскаго короля, чѣмъ послѣдній вскорѣ и воспользовался, оказавъ имъ содѣйствіе въ сверженіи венеціанскаго господства, несмотря на состоявшееся незадолго передъ тѣмъ сближеніе его, Стефана, съ венеціанской республикой [3]). Но это случилось нѣсколько позже, не ранѣе второй половины 1167 года, ибо еще въ началѣ этого года Задромъ владѣла Венеція [4]). Подготовленное Уграми вспыхнуло въ Задрѣ возстаніе, венеціанскій правитель Доминикъ Мавроцено былъ изгнанъ и городъ отдался въ руки Угровъ. Венеціанскій дожъ Михаилъ Виталисъ пе-

---

[1]) Cinn., p. 263: οὗτος στράτευμα Οὐννικὸν ἐπὶ χώρας γενέσθαι πυθόμενος ὀλίγους τῆς περὶ αὐτὸν ἐπιθέμενος στρατιᾶς ἐξῄει τοῦ Σπαλαθᾶ. ἐν ᾧ δὲ τὴν πορείαν ἐτίθετο, οἱ πλείους τῶν αὐτῷ ἑπομένων κατ' ὀλίγους ἀπορρέοντες ἀεὶ εὐχείρωτον τοῖς πολεμίοις τὸν ἄνθρωπον ἔθεντο. περιστάντες οὖν αὐτὸν ἔργα χειρὸς ἐργασάμενον ἁδρᾶς αἰχμάλωτον ἔσχον.

[2]) Это видно изъ одной дарственной грамоты 1166 года монастырю свв. Козьмы и Даміана въ Далмаціи, данной Стефаномъ Гейзичемъ. Помѣщ. у Farlati; Illir. Sacr., t. IV, p. 7, срв. Katona, Hist. Crit,. IV, p. 151, 153—54. Свидѣтельство Dandul'a о переходѣ въ руки короля угорскаго городовъ Сплѣта, Трогира и Шибеника и о дарованіи имъ широкихъ привилегій (Muratori, XII, p. 292) относится къ тому же времени. Относительно Шибеника это подтверждается и грамотой (1167). Kukuljević-Sakc., II, p. 74, XCVII.

[3]) Danduli, ib. (l. IX, c. 15): Inter haec Stephanus rex Ungariae cum Duce amicitiam fingens etc. Тогда именно была выдана дочь умершаго короля Владислава II Марія за сына венец. дожа графа Николая Рабскаго (Dand., ib.). Срв. Giesebrecht, o. c. V, S. 676.

[4]) Kukul.-Sakc., II, p. 73, XCVI.

медленно отправился туда съ 30 кораблями и пытался снова завладѣть Задромъ, но безуспѣшно, ибо на помощь городу прибыли уже Угры, и принужденъ былъ вернуться ни съ чѣмъ [1]). Угорскому королю очевидно опять улыбнулось счастіе; но противникъ его былъ слишкомъ упоренъ, энергиченъ и силенъ, чтобъ позволить ему долго оставаться торжествующимъ.

При свиданіи съ Генрихомъ Язомирготомъ въ Софіи Мануилъ согласился на перемиріе, сознавая однако при этомъ, что о прочномъ мирѣ еще не можетъ быть рѣчи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія соглашенія съ западнымъ императоромъ—какъ потому, что противоположность ихъ интересовъ и имперскихъ воззрѣній не представляла удобной почвы для такого соглашенія, такъ и потому, что оно вовсе не входило въ его тогдашнюю политику и расчеты. Стремясь къ достиженію во что бы то ни стало своихъ цѣлей въ Угріи, онъ, послѣ своихъ неудавшихся южно-италіанскихъ военныхъ предпріятій, все время велъ, какъ мы видѣли, посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ, интригъ и золота активную политику противъ Фридриха въ сѣверной Италіи и въ Римѣ, и это конечно прежде всего для поддержанія своихъ интересовъ на западѣ и своего престижа, но также и съ побочною цѣлью—доставить Фридриху какъ можно более дѣла на югѣ и помѣшать его дѣятельному вмѣшательству въ угорскія дѣла.

Именно тогда завязывались у Мануила оживленныя сношенія съ папой по важному вопросу, сильно волновавшему умы на востокѣ и западѣ, о возсоединеніи церквей и о возвращеніи византійскому царю его исторически-законнаго титула римскаго императора. Мануилъ, какъ извѣстно, заводилъ переговоры объ уніи и съ предшественниками Александра (Евгеніемъ III и Адріаномъ IV) и повидимому вѣрилъ въ возможность ея осуществленія. Теперь политическія обстоятельства заставляли его съ особенною настойчивостью искать сближенія съ папой Александромъ, въ надеждѣ цѣною уніи церквей получить отъ него признаніе его римско-императорскаго ти-

---

[1]) Danduli Chron., ib., p. 292. Срв. Klaić, o. c. стр. 33. См. также грам., касающ. монастыря въ Бѣлградѣ близъ Задра, Fejér, II, p. 175.

тула [1]), и онъ старался своимъ личнымъ вліяніемъ преодолѣть упорство представителей греческой церкви, не соглашавшихся ни на какія догматическія уступки [2]). Сношенія Византіи съ Римомъ происходили и до 1167 года и послѣ [3]). Однакожъ папа, поддерживая и растягивая переговоры изъ своихъ политическихъ соображеній, едва-ли серіозно вѣрилъ въ ихъ успѣхъ, ибо удовлетвореніе главнѣйшихъ притязаній Мануила (относительно императорскаго титула) не согласовалось въ сущности съ его истинными интересами, связанными съ романо-германскимъ западомъ, да и примиреніе церковныхъ интересовъ востока и запада — тамъ, гдѣ они соприкасались, казалось дѣломъ слишкомъ несбыточнымъ [4]). Вотъ почему ни теперь, ни послѣ сношенія Мануила съ папой не привели ни къ какому положительному результату [5]). Тѣмъ не менѣе они имѣли свое немаловажное значеніе въ тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ: они не только еще усиливали враждебное настроеніе западнаго императора къ Византіи, но — какъ кажется — оказали вскорѣ нѣкоторое вліяніе даже и на угро-византійскія отношенія, къ которымъ мы теперь вернемся.

Извѣстіе о происшедшемъ въ Далмаціи застало царя еще въ Софіи. Но время года не позволяло предпринять немедленное отмщеніе. Ожесточенный новой неудачей Мануилъ рѣшилъ возобновить борьбу, не щадя силъ. Не только были затронуты его честь и честь имперіи; дѣло шло о защитѣ наслѣдственнаго достоянія того, кто былъ уже предназначенъ въ наслѣдники византійскаго престола [6]).

---

[1]) Объ этомъ и Cinn., p. 261—262; затѣмъ Vita Alexandri, Watterich, o. c. II, 403. Срв. Kapp-Herr, o. c., p. 87.

[2]) Напр. на синодѣ 1166 г. Срв. Kap-Herr, ib. S. 86.

[3]) Ibid., S. 87—88; Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserz., B. V, S. 426—29, 496—98, 641.

[4]) Срв. Reuter, Gesch. Alex. d. III, B. II, S. 246—248; Kap-Herr, o. c. S. 89—91; Giesebrecht, ib., S. 496—97, 641. Мы достаточно уже видѣли, въ какой ожесточенной борьбѣ находились эти интересы напр. въ Угріи. Подобную же борьбу латинства съ греческой церковью видимъ въ другихъ пограничныхъ земляхъ, въ Далмаціи и Венеціи.

[5]) Срв. Kap-Herr, S. 88—91.

[6]) Въ Угріи были повидимому убѣждены, что Мануилъ стремится при первой возможности доставить Бѣлѣ и угорскій престолъ. И у Бѣлы были приверженцы въ Угріи. На это находимъ указаніе въ свидѣтельствѣ Генриха Мюгельна. Muglen, o. c., c. LV (p. 79): Darnach wuchs der kunig

Царь хотѣлъ раннею весною самъ выступить съ еще большими чѣмъ прежде, военными силами на Дунай, но былъ нѣсколько задержанъ болѣзнью (полученными ушибами при паденіи съ лошади во время гимнастическихъ упражненій). Онъ однако, кое-какъ поправившись, двинулся изъ Византіи въ первыхъ числахъ апрѣля, провелъ Пасху (8 апрѣля) въ Силимвріи, а оттуда прибылъ вскорѣ въ Филиппополь, гдѣ ему представились прибывшіе изъ Угріи послы [1].

Очевидно Угры, предвидя новую жестокую войну, хотѣли попытаться хотя-бы временно уладить дѣло мирнымъ образомъ. Изъ словъ Киннама, что они не возвѣстили ничего путнаго, а только всячески старались добиться перемирія и предупредить войну [2], не видно, съ чѣмъ собственно они пришли. Но можно догадываться, что они объясняли свое водвореніе въ Далмаціи возстаніемъ населенія противъ Грековъ и изъявляли готовность признавать Далмацію и впредь наслѣдіемъ Бѣлы, готовы были конечно выдать и Халуфу, — только бы Мануилъ не возобновлялъ войны. Но царь не могъ разумѣется согласиться на такія предложенія, отпустилъ пословъ домой и отправилъ съ ними своего посла — съ требованіемъ немедленно безо всякихъ условій выдать Халуфу. До этого онъ не хотѣлъ вести переговоровъ. Въ случаѣ отказа онъ грозилъ тотчасъ же вторгнуться въ Угрію. Послѣ этого онъ отправился въ Софію и сталъ собирать войска и готовиться въ походъ [3].

Во время пребыванія императора въ Софіи разыгралась исторія съ Алексѣемъ Аксухомъ, который былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, именно въ заговорѣ противъ царя вмѣстѣ съ дружиной Скиѳовъ (Куманъ), призванныхъ Греками на помощь противъ Угровъ, и въ наказаніе постриженъ въ монахи [4]. Кромѣ Скиѳовъ Греки располагали, какъ потомъ оказывается, вспомогательными отрядами Турокъ, и наемныхъ Нѣмцевъ, Италіанцевъ (не Влаховъ-ли?) и Сербовъ [5].

---

bela... an dem hyngen vil ungern und dyntem ym und schriben dem keyser von krichen daz das kunigreich zu ungern von recht sein were. Do sament der keyser ein gross heer etc. Срв. Rahew. App., a. 1168, l. c., p 278.

[1]) Cinn., p. 265: ἔνθα δὴ πρέσβεσι χρηματίσας ἐκ Παιόνων ἀφικομένοις...

[2]) Cinn., ib: ἐπειδὴ μηδὲν ὑγιὲς αὐτοὺς ἀπαγγέλλειν ἔγνω, ἐκεχειρίαν δὲ μόνον καὶ ἀνοχήν τινα τοῦ πολέμου ἐκ παντὸς τρόπου πειρῶντας λαβεῖν...

[3]) Cinn., ibid.

[4]) Cinn., p. 267—269.

[5]) Cinn., p. 271.

Оба византійца, и Киннамъ и Никита Хонскій съ большими подробностями описываютъ событія этого предпріятія противъ Угріи [1]). Ихъ разсказы, различаясь въ частностяхъ, сходятся въ общемъ и дополняютъ другъ друга. У Никиты описано подробнѣе то, что предшествовало военнымъ дѣйствіямъ, приготовленія къ нимъ, а у Киннама находимъ долѣе обстоятельное описаніе самого боя, а потому къ повѣтствованію обоихъ слѣдуетъ относиться съ одинаковымъ вниманіемъ. У Никиты мы находимъ еще нѣкоторыя любопытныя подробности о томъ, что происходило въ Софіи во время военныхъ приготовленій. Такъ сообщается одинъ эпизодъ, характеризующій суевѣрное настроеніе Мануила. Въ Византіи на площади Константиновой находились двѣ мѣдныя статуи, изъ которыхъ одна называлась *Римлянкой*, а другая *Венгеркой* [2]). До царя дошелъ слухъ, что подъ вліяніемъ времени статуя, извѣстная подъ именемъ Римлянки, упала со своего основанія. Пораженный этимъ царь приказалъ возстановить ее, а вмѣсто того низвергнуть статую Венгерки, думая этимъ содѣйствовать успѣху войны съУграми [3]). Въ разсказѣ Никиты проглядываетъ осужденіе такого ребяческаго недостойнаго поступка.

Когда войска собрались, Мануилъ предложилъ рѣшить вопросъ, итти ли ему самому во главѣ войска противъ Угровъ, или ввѣрить начальство кому-либо изъ вождей. Всѣ подали голоса за второе, ибо тогда въ случаѣ пораженія стыдъ будетъ менѣе чувствителенъ: такимъ образомъ былъ назначенъ главнымъ предводителемъ начальникъ флота Андроникъ Контостефанъ. Между тѣмъ пришли извѣстія о томъ, что Угры уже предприняли наступленіе и угрожаютъ Срѣму. Императоръ, снарядивъ войско, старался одушевить его къ мужественному бою съ врагами сильною рѣчью, въ которой далъ

---

1) Cinn., p. 270—274. Nic. Chon., l. V, p. 196—204.

2) Nic. Ch., p. 196. Объ этихъ статуяхъ въ описаніи Константинополя: Σκαρλάτου τοῦ Βυζαντίου, Ἡ Κωνσταντινούπολις. т. I (Аѳины, 1851, с. 429) у **Успенскаго**, Виз. пис. Никита Акоминатъ изъ Хонъ (Спб. 1874) стр. 46.

3) Nic. Chon., p. 196: ...πέμψας εὐθὺς τὴν μὲν ἀνέστησε τὴν δ᾽ἀνέτρεψε καὶ κατήνεγκε, ταῖς τῶν εἰκόνων μετασκευαῖς μεταβαλεῖν καὶ μεθαρμόσειν οἰόμενος καὶ τὰ πράγματα,... etc.

главному начальнику подробныя инструкціи относительно времени и плана военныхъ дѣйствій [1]). Рѣчь Мануила, прослушанная съ большимъ вниманіемъ, была покрыта шумными и восторженными восклицаніями войска, которое выражало готовность сражаться до послѣднихъ силъ и требовало, чтобъ его немедленно вели въ дѣло. Случившееся тутъ же въ лагерѣ приключеніе съ однимъ откуда-то взявшимся угромъ, скакавшимъ во весь опоръ и свалившимся вмѣстѣ съ лошадью, будучи сочтено за доброе предзнаменованіе, увеличило еще болѣе радостное одушевленіе войска и царя [2]). Наконецъ Греки выступили въ походъ, перешли черезъ Саву около Зевлина и вступили въ срѣмскую область.

Между тѣмъ Угры также снарядили большое войско, во главѣ котораго былъ поставленъ все тотъ же знаменитый ихъ полководецъ Діонисій, который, по словамъ Никиты, кичился своими прежними побѣдами надъ Греками и теперь увѣрялъ, что онъ опять воздвигнетъ себѣ въ видѣ трофея холмъ изъ костей павшихъ въ бою Грековъ [3]). По византійскимъ свѣдѣніямъ Угры получили помощь и у сосѣдей своихъ, между прочимъ у Нѣмцевъ [4]). Относительно послѣднихъ извѣстіе дѣйствительно подтверждается: это была помощь стефанова тестя, австрійскаго герцога Генриха, о которой свидѣтельствуютъ и западные источники [5]).

Византійское войско, перейдя Саву (а по словамъ Никиты и Дунай), приблизилось скоро къ мѣсту расположенія угорскаго войска. Спрашивается, гдѣ находились Угры и гдѣ на сей разъ произошла

---

[1]) Nic. Chon., p. 197—98, тоже Cinn., p. 270.

[2]) Nic. Chon., p. 198. Какъ очутился венгерецъ въ лагерѣ Грековъ? Быть можетъ приходило въ Софію новое угорское посольство по поводу требованія выдачи Никифора Халуфы, или были Угры въ войскѣ Грековъ —изъ приверженцевъ королевича Бѣлы?

[3]) Nicet. Ch., ib., p. 199: Οὗτος δὲ ὁ Διονύσιος... γεγαυρωμένος ὢν ἐπὶ ταῖς πρότερον νίκαις ἃς ἤρατο κατὰ Ῥωμαίων etc.

[4]) Ibid.: ... καὶ συμμαχικὸν ξενολογήσαντες οὐκ ὀλίγον ἐκ τῶν ὁμορούντων σφίσιν ἐθνῶν καὶ ἐξ αὐτῶν δὲ Ἀλαμανῶν, ὡς ἐλέγετο...

[5]) Rachew., App. a. 1168 (вм. 1167): Ungarus, sibi auxilium prestante H. duce Austriae, socero suo, bellum movet Grecorum imperatori pro eo quod fratrem suum regnum affectantem suscepit et fovit, conjugio fillae ditavit. Cont. Zwetlens. prima, M. G. SS. IX, p. 538, a. 1167: Hainricus dux Austriae in Ungriam profectus, in auxilium eorum adversus Grecos.

встрѣча и жестокій бой Угровъ съ Греками? Наши историки въ своихъ показаніяхъ какъ-будто расходятся въ этомъ пунктѣ. По Киннаму, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ можно бы скорѣе заключить, что все происходило въ срѣмской области между Савой и Дунаемъ, куда Угры уже успѣли вступить, такъ какъ онъ говоритъ о вступленіи Угровъ въ Срѣмъ и о переходѣ Грековъ только черезъ Саву, послѣ чего византійское войско очутилось вблизи отъ угорскаго лагеря [1]). Между тѣмъ по словамъ Никиты Хонскаго, говорящаго о переходѣ Угровъ черезъ Дунай туда и обратно, выходитъ скорѣе, что столкновеніе произошло на угорской землѣ, на которой съ самаго начала находился лагерь Діонисія. Вопреки общепринятому изображенію дѣла въ первомъ смыслѣ [2]) мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ второе — согласно съ яснымъ разсказомъ Никиты, и думаемъ, что въ сущности Киннамъ только подтверждаетъ то же самое. По нашему мнѣнію Угры стояли лагеремъ на своей, лѣвой сторонѣ Дуная неподалеку отъ устья Савы (повыше его). Если Киннамъ говоритъ о вступленіи Угровъ въ Срѣмъ (Сирмій), то не забудемъ, что и область по сю сторону Дуная въ старыя времена тоже носила иногда названіе Срѣма (Sirm. citerior) [3]). Слова Киннама, что, перейдя Саву, Греки находились не далеко отъ угорскаго лагеря, тоже не противорѣчатъ нашему представленію, ибо этотъ лагерь былъ въ близкомъ разстояніи отъ Дуная, нѣсколько выше гор. Землина. Наконецъ въ пользу того же говоритъ по нашему мнѣнію разсказъ Киннама же о прохожденіи византійскаго войска около пресловутаго могильнаго холма Діонисія, ибо этотъ холмъ, какъ мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ, находился скорѣе на землѣ угорской, т. е. на лѣвомъ берегу Дуная [4]). Изложеніе Никиты какъ нельзя болѣе подтверждаетъ нашъ взглядъ, ибо онъ ясно

---

[1]) Cinn., p. 270: Ἀνδρόνικος οὖν ἐπὶ Σάον διαβάς, ἐπειδὴ ἄγχιστα τοῦ Οὔννων ἐγένετο στρατοπέδου .. далѣе: ὅπως τε .. ἐπὶ Σίρμιον ἀφίκονται Οὖννοι...

[2]) См. Katona, Hist. cr. IV, p. 165 и сл.; Fessler, o. c., S. 118—119; Klein, o. c. S. 267; Sasinek, S. 119; Szalay, o. c., I, S. 314 и друг.

[3]) См. выше, стр. 308, пр. 1.

[4]) Слова Киннама (p. 274), что спасшіеся бѣгствомъ съ поля сраженія Угры, прибывъ къ рѣкѣ, были перехвачены здѣсь — греческимъ флотомъ, могутъ быть пожалуй толкуемы въ пользу противнаго взгляда, но они отнюдь не противорѣчатъ и нашему: если этимъ бѣглецамъ было отрѣзано

говоритъ, что дѣло происходило на Дунаѣ [1]), именно на угорской его сторонѣ, и что послѣ боя Греки переправлялись обратно на другой берегъ на транспортныхъ судахъ, которыя были введены въ въ Дунай [2]). Тутъ очевидно разумѣется отступленіе изъ непріятельской земли, а потому и нельзя тутъ думать о переправѣ черéзъ Саву, чтó было бы равносильно предоставленію всего Срѣма练 Уграмъ! Но возвратимся къ разсказу.

По прибытіи византійскаго войска на мѣсто (въ Срѣмъ) Андроникъ поручилъ нѣсколькимъ воинамъ изловить кого-нибудь изъ непріятельскаго войска, чтобъ отъ него узнать о силахъ Угровъ и о ихъ намѣреніяхъ. Порученіе было вскорѣ исполнено и угорскій плѣнникъ сообщилъ Грекамъ всю правду: по его словамъ Уграми начальствовали 37 вождей, но главное начальство принадлежало Діонисію; войско состояло де изъ 15,000 человѣкъ разныхъ родовъ оружія и всѣ де полны такой смѣлости, что не сомнѣваются въ побѣдѣ. Выслушавъ все, Андроникъ отпустилъ плѣнника, велѣвъ передать Діонисію, что царь не можетъ болѣе сносить дерзости Угровъ, и что близокъ тотъ, отъ котораго они потерпятъ должное наказаніе [3]).

Бой былъ заранѣе назначенъ на день св. Прокопія (8 іюля) [4]). Андроникъ построилъ войско въ боевой порядокъ, о которомъ особенно подробно сообщаетъ Киннамъ. Авангардъ составили отряды Кумано-печенѣговъ (Скиѳовъ) и Турокъ. Затѣмъ на обоихъ флангахъ шли греческія фаланги подъ начальствомъ Кокковасилія, Татикія и другихъ, затѣмъ латники и тяжело-вооруженные Турки. Далѣе на лѣвомъ крылѣ шли отряды Іосифа Вріеннія, Георгія и Димитрія Враны, а на правомъ — Андроника Лампарды съ отборными Греками,

---

отступленіе, они могли броситься къ Дунаю и искать спасенія въ переправѣ на ту сторону.

[1]) Такъ рѣчь свою, произнесенную передъ битвой, Андроникъ говорилъ очевидно въ виду Дуная, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ фраза (Nic. Chon., p. 201): ἀράτω τὰς φωνὰς τῶν βαρβάρων ὁ βαθυδίνης οὑτοσὶ Ἴστρος ἐπιτριβομένων etc.

[2]) Nic. Chon., p. 204: ...ὁ δ' Ἴστρος εἶχε τὰ πορθμεῖα καθειλκυσμένα, καὶ ὁ στρατὸς εἰς τὴν περαίαν ἀνήγετο...

[3]) Cinn., p. 270—271.

[4]) Nic. Chon., p. 199.

Нѣмцами и Турками. Тутъ же былъ и самъ главнокомандующій Андроникъ, окруженный свитой знатныхъ лицъ и сопровождаемый италіанскими наемниками и Сербами, вооруженными копьями и длинными щитами. Наконецъ сзади шли резервные полки [1]).

Пока Андроникъ былъ занятъ расположеніемъ войска, прибылъ вдругъ посланный отъ царя съ письмомъ, содержавшимъ предписаніе перенести сраженіе съ того дня, какъ несчастнаго будто-бы для военнаго дѣла, на другой, который и назначался въ той же грамотѣ. Дѣло въ томъ, что „Мануилъ, по словамъ Никиты, всѣ важнѣйшія и величайшія дѣла, получающія тотъ или другой исходъ отъ Бога, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, ставилъ въ зависимость отъ звѣздъ, ихъ положенія и движенія и вѣрилъ предсказаніямъ астрологовъ, какъ изреченіямъ божества" [2]). И въ настоящемъ случаѣ императоръ, вѣря вполнѣ въ астрологическія предсказанія и получивъ указаніе, что день св. Прокопія сулитъ несчастіе, поспѣшилъ отмѣнить сраженіе, въ этотъ день назначенное. Но Андроникъ спряталъ царскую грамоту запазуху, искусно скрылъ отъ прочихъ военачальниковъ ея содержаніе и не обратилъ на него никакого вниманія, рѣшивъ не отсрочивать битвы [3]). Онъ считалъ очевидно неблагоразумнымъ медлить и упускать время, казавшееся ему благопріятнымъ для наступленія. Зная, какъ полезно бываетъ своевременное ободреніе войска, онъ передъ тѣмъ, какъ двинуться въ путь, обратился къ нему съ одушевленною рѣчью, переданною намъ Никитой. Въ ней онъ старался внушить войску увѣренность въ своихъ силахъ и мужество, указывая на преимущества Грековъ передъ варварами — Уграми, и особенно настаивалъ на томъ, что только отважное наступленіе даетъ побѣду, что не слѣдуетъ падать духомъ предъ лицомъ опасности и отступать, ибо немного уступить значитъ уже все погубить [4]).

---

[1]) Cinn., p. 271; Nic. Chon., p. 199.

[2]) Nic. Chon., p. 200. Изъ тона, какимъ разсказываетъ объ этомъ Никита, можно заключить, что онъ самъ не вѣрилъ въ астрологію и не сочувствовалъ суевѣрію царя. Срв. Успенскій, Никита А. изъ Хонъ, стр. 63—64 и 145.

[3]) Nic. Chon., p. 200: δεξάμενος οὖν ὁ στρατηγὸς τὸ βιβλίον εἰς τὸν οἰκεῖον καθῆκε κόλπον, μήτε τοῖς γραφομένοις προσσχὼν μήτε τοῖς συνοῦσι μεγιστᾶσι δῆλα τὰ προσταττόμενα θέμενος...

[4]) Nic. Chon., p. 200—202.

Тутъ намекается по всей вѣроятности на суевѣрную боязливость царя [1]). Послѣ этой рѣчи византійское войско двинулось впередъ, перешло черезъ Дунай и пошло навстрѣчу500грамъ. Проходя мимо извѣстнаго могильнаго холма, сооруженнаго Діонисіемъ, Греки остановились и, горячо оплакивая своихъ убитыхъ товарищей и родныхъ, клялись умереть за нихъ [2]).

Между тѣмъ и Угры, узнавъ о приближеніи непріятеля, стали готовиться къ битвѣ. Въ лагерѣ ихъ, по разсказу обоихъ историковъ, господствовало радостное и самоувѣренное настроеніе. Діонисій готовился къ дѣлу съ веселымъ видомъ и ликованіемъ, какъ-будто шелъ на игры, и простёръ свое дерзкое увлеченіе до того, что въ насмѣшку приказалъ Уграмъ взяться за чаши и пить за здоровье Грековъ [3]). Затѣмъ войско ихъ построилось въ обычной боевой порядокъ. Не распредѣляясь на отдѣльные отряды и фаланги, оно стало въ одинъ сомкнутый сплошной строй. Впереди шло какъ всегда самое отборное войско [4]). Никита рисуетъ картину величественнаго выступленія Угровъ, весьма характерную своими подробностями, и потому не лишенную бытового интереса. „Высоко было поднято знамя Діонисія, развѣвавшееся по вѣтру на какомъ-то толстомъ и высокомъ шестѣ или мачтѣ, которую везли на колесахъ четыре пары воловъ. Эта шедшая навстрѣчу боевая вражеская сила представляла поистинѣ страшное, ужасающее зрѣлище. И не только люди имѣли съ ногъ до головы прекрасное вооруженіе, но были видны діадемы и на лошадяхъ, убранныхъ наплечниками, налобниками и нагрудниками, защищавшими ихъ отъ стрѣлъ“ [5]). Итакъ враги шли навстрѣчу другъ другу. Когда они сошлись и Ан-

---

1) Срв. Успенскій, o. c., стр. 145.

2) Cinn., p. 271 — 272: ἐπειδὴ δὲ εἰς τὸν χῶρον ἦλθον, ἔνθα Διονύσιος τὸν τύμβον ἐγείρας ἔτυχε, τῶν ἵππων ἀποβάντες ἀνῴμωξάν τε θερμῶς καὶ πίστεις ἀλλήλοις ἔδοσαν ὑπὲρ τοῦ ὁμοφύλου τεθνάναι καὶ συγγενοῦς ἕκαστον.

3) Nic. Chon, p. 202; Cinn. p. 272: Διονύσιος δὲ... θάρσους ὑποπλησθεὶς σὺν εἰρωνείᾳ πολλῇ ἀκρατίζεσθαι Οὔννους ἐκέλευεν εἰς ὑγίειαν τὴν Ῥωμαίων προϊεμένους τὸ ἔκπομα... Въ этой торжественной пирушкѣ или попойкѣ передъ битвой видятъ также бытовую черту; у Мадьяръ таковая называется „áldomás.“ См. Marczali, o. c. S. 134.

4) Nic. Chon., p. 202; Cinn., p. 272.

5) Nic. Chon., p. 202; о знамени см. и Cinn., p. 274. Эта колесница въ родѣ италіанскаго (милан.) carroccio; срв. Giesebrecht, o. c. S. 676.

дроникъ счелъ моментъ благопріятнымъ для нападенія, онъ приказалъ своимъ передовымъ отрядамъ съ обоихъ фланговъ аттаковать Угровъ, осыпая ихъ стрѣлами; когда же тѣ понесутся на нихъ, то обратиться въ притворное бѣгство, но въ разныя стороны, чтобъ такимъ образомъ разорвать угорскій строй.

Греки при первомъ нападеніи дѣйствительно бѣжали, но слишкомъ неудержимо, изо всѣхъ силъ, такъ что добѣжали до самой Савы, т. е. вѣроятно до мѣста ея впаденія въ Дунай, а это только помогло ихъ врагамъ и разстроило ихъ собственные ряды. Угры съ особенной силой ударили въ ихъ лѣвое крыло, которое не выдержало и было смято, такъ что въ немъ уцѣлѣло только два отряда. Одинъ изъ начальниковъ Дмитрій Врана, оставшись съ 80 чел., геройски врѣзался въ ряды непріятелей и тяжело раненый — былъ взятъ въ плѣнъ. Его братъ Георгій принужденъ былъ отступить.

Между тѣмъ на правомъ крылѣ дѣло приняло совершенно иной оборотъ: тутъ счастье было явно на сторонѣ Грековъ. Діонисій, видя это, хотѣлъ было аттаковать греческій отрядъ, въ которомъ находился самъ военачальникъ Андроникъ, но смущеніе, происшедшее въ средѣ его собственнаго отряда, помѣшало ему въ этомъ. Притомъ одинъ изъ византійскихъ вождей Андроникъ Лампарда, замѣтивъ намѣренье Діонисія и желая предупредить его движеніе, самъ устремился противъ него: тутъ начался между ними отчаянный бой; Греки начинали уже уставать, когда на помощь Лампардѣ бросился со своимъ отрядомъ самъ главный начальникъ (Андроникъ): битва стала тогда еще упорнѣе и ожесточеннѣе; при первой же стычкѣ пало, по Киннаму, 80 Грековъ и несравненно болѣе Угровъ. Но Греки вскорѣ рѣшительно одолѣли, опрокинули и погнали непріятеля. Тутъ произошло страшное избіеніе Угровъ, которыхъ били подъ конецъ дубинами, когда были переломаны копья и мечи. Угорское знамя было отбито; самъ Діонисій едва успѣлъ спастись, но конь его былъ захваченъ [1]).

---

[1]) Все это подробное описаніе находимъ у Cinn., p. 272—274. У Никиты—только въ общихъ чертахъ. Этотъ результатъ экспедиціи Грековъ 1167 года и сущность разсказовъ византійцевъ подтверждается и краткимъ сообщеніемъ хроники Г. Мюгельна. Muglen, l. c., c. LV, p. 79—80: Do sament der keyser ein gross herr uud kam in ungern uber das wasser die saw genant

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

¹) C... p. 274.

²) N... Chon... p. 234.

³) C... p. 2..

⁴) Въ 1.71 году византійскимъ правителемъ Далмаціи въ Сплѣтѣ является, по одной грамотѣ, севастъ Константинъ, какъ „... Dalmatiae et Croatiae"; C... Kukuljev.-Sak., Cod. Dipl. II, p. 88, Nr. CXIX. Срв. ... p. 125. Изъ этого однакожъ не слѣдуетъ, чтобъ только въ этомъ 1.71 году была покорена Далмація, какъ Giesebrecht, o. c., S. ... и Huber, ... S. 367. Срв. о византійской власти въ Далмаціи за этотъ періодъ времени Klaić, o. c., str. ...—5.. О милостяхъ Мануила относительно Далматинцевъ и о томъ уваженіи, какимъ пользовались восточный императоръ и имперія въ Далмаціи — въ эпоху византійскаго господства свидѣтельствуетъ Ѳома Сплѣтскій: Thom. Arch. d. c. XXII, p. 350. см. ...

кромѣ того объ этомъ фактѣ ясно свидѣтельствуетъ нашъ западный источникъ — венеціанская хроника [1]). Мы однакожъ не можемъ въ точности опредѣлить, когда именно Мануилъ снова возстановилъ свою власть и управленіе въ Далмаціи: отправился ли туда тотъ же Андроникъ Контостефанъ прямо съ Дуная и прогналъ оттуда Угровъ, что весьма возможно, или это произошло нѣсколько позже [2]). Приблизительно въ то же время, а можетъ быть и позднѣе (1170), по извѣстію той же хроники – венеціанскій дожъ вторично снарядилъ экспедицію противъ г. Задра и на этотъ разъ Венеціанцы выгнали оттуда Угровъ, и Задръ снова призналъ власть Венеціи [3]).

Мануилъ, ожидавшій исхода войны въ Софіи, узнавъ о побѣдѣ своего войска надъ Діонисіемъ, послалъ въ столицу сперва грамоту съ извѣщеніемъ объ этомъ радостномъ событіи, а затѣмъ и самъ съ большимъ тріумфомъ вернулся въ Византію [4]).

Этой войнѣ 1167 года, какъ увидимъ, суждено было стать *послѣдней* войной Мануила съ Уграми; а между тѣмъ очевидно конечная цѣль Византіи еще далеко не была достигнута, и въ самой Угріи не произошло никакой перемѣны, которая сколько-нибудь обезпечивала бы миръ или способна была бы измѣнить политическія задачи Византіи. Съ другой стороны нельзя было ожидать, чтобы и Угрія, лишенная своихъ южныхъ областей, такъ скоро и легко отказалась отъ нихъ и примирилась съ фактами. Поэтому причины этого явленія приходится искать въ какихъ-либо особыхъ политическихъ условіяхъ и обстоятельствахъ времени, которыя не дали вновь возгорѣться распрѣ на Дунаѣ: удержали Угрію отъ новыхъ попытокъ возвращенія подъ свою власть Срѣма и Далмаціи, и временно оста-

---

1) Danduli Chr. l. IX, cap. 15, Muratori XII, p. 292. Тоже подтверждается и Генр. Мюгельномъ: по словамъ его война кончилась договоромъ, по которому Угрія осталась за Стефаномъ, а герцогство (т. е. Далмація) за герцогомъ (т. е. за Бѣлой) (ib. p. 80): Darnach wart der kunig und der hertzog bericht miteinander daz dem kunig das kunigreich plaib und dem hertzogen das hertzogthum.

2) Умолчаніе объ этомъ фактѣ византійцевъ, объяснимое быть можетъ просто тѣмъ, что фактъ подразумѣвался самъ собой, какъ результатъ побѣды Грековъ, говоритъ болѣе въ пользу того, что возвращеніе Далмаціи произошло вслѣдъ за побѣдой Андроника на Дунаѣ и что туда не было особой экспедиціи позже.

3) Danduli Chr., ib., p. 292.

4) Nic. Chon., p. 204—206.

вовали Мануила въ его упорной наступательной политикѣ относительно Угріи. Мы скоро увидимъ, что это были за условія и обстоятельства.

Если Угры послѣ пораженія 1167 г. и не возобновляли военныхъ дѣйствій, то это вовсе еще не избавляло Мануила отъ тревогъ и хлопотъ по обезпеченію и поддержанію византійской власти на южныхъ границахъ Угріи и во вновь присоединенныхъ областяхъ, именно въ Далмаціи. Не прошло и году, какъ ему пришлось вооружаться для усмиренія своего безпокойнаго сербскаго вассала Стефана Немани (Дѣжи), не оставлявшаго своихъ политическихъ затѣй и попытокъ въ освобожденію и постоянно дружившаго съ угорскимъ королемъ, а въ то же время приходилось зорко слѣдить за дѣлами въ Далмаціи въ виду строптивости нѣкоторыхъ далматинскихъ общинъ и измѣнившихся къ худшему отношеній въ Венеціи, обусловленныхъ какъ италіанской политикой Византіи, такъ и утвержденіемъ ея въ Далмаціи, и обратившихся вскорѣ въ полный разрывъ между ними. Такимъ образомъ уже эти усложнившіяся западныя дѣла должны были нѣсколько отвлекать вниманіе Мануила отъ угорскихъ его плановъ, хотя разумѣется эти планы и задачи нисколько не измѣнились и не потеряли своей жизненности.

1168 годъ прошелъ въ Угріи мирно, повидимому безо всякихъ выдающихся событій, какъ можно судить по молчанію источниковъ. Очевидно Угрія чувствовала потребность въ отдыхѣ послѣ ряда внутреннихъ смутъ и слѣдовавшихъ за ними въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жестокихъ войнъ и напряженія силъ. Ничѣмъ не обезпеченный миръ и тревожная неизвѣстность будущаго заставляли Угровъ предусмотрительно собираться съ новыми силами и готовиться.

Къ 1168 году относится новая попытка возмущенія со стороны сербскаго архижупана Стефана Немани и удачное усмиреніе его византійскимъ царемъ. Прямое извѣстіе объ этомъ событіи, точно пріурочивающее его къ лѣту 1168 года, сообщаетъ одинъ западный источникъ, именно извѣстный Вильгельмъ Тирскій, посѣтившій какъ разъ тогда императора Мануила съ политическимъ порученіемъ отъ іерусалимскаго короля Амальриха [1]. О томъ же самомъ по всей

[1]) Wilh. Tyr. arch. historia, XX, c. 4, Receuil des histor. des Croisades, Paris, (1844), T. I, p. II, p. 946.

вѣроятности разсказываетъ Никита Хонскій, но, какъ часто съ нимъ бываетъ, совсѣмъ не на мѣстѣ, т. е. послѣ разсказа о взятіи Землина Мануломъ въ 1165 г. [1]). У Киннама не находимъ объ этомъ особаго разсказа, а лишь отмѣтку въ общихъ выраженіяхъ о попыткахъ Сербовъ съ возстанію и притомъ также помѣщенную, какъ мы уже видѣли, въ другомъ мѣстѣ —ранѣе [2]). Вспомнимъ, какъ въ послѣдній разъ Мануилъ въ 1163 году лично усмирялъ Стефана Нѣманю (или Дѣжу), уклонявшагося отъ своихъ вассальныхъ обязанностей и поддерживавшаго дѣятельныя сношенія съ врагами Византіи— съ угорскимъ королемъ Стефаномъ Гейзичемъ и даже императоромъ Фридрихомъ. Принужденный тогда къ покорности, онъ однакожъ искренно вовсе не думалъ смиряться и, если въ слѣдующіе годы не затѣвалъ ничего важнаго, то всетаки не оставлялъ своихъ плановъ и по прежнему дружилъ съ тѣми, въ комъ расчитывалъ найти опору противъ царя [3]). Безъ сомнѣнія и теперь онъ возставалъ не безъ опредѣленныхъ расчетовъ. Кажется не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что онъ дѣлалъ это не безъ предварительнаго уговора съ угорскимъ королемъ, что быть можетъ въ случаѣ удачи его предпріятія — въ борьбу должны были вмѣшаться и Угры для отвоеванія своихъ областей, а одновременно должно было начаться антивизантійское движеніе и въ Далмаціи. Но расчеты эти не оправдались, ибо сербское движеніе было въ самомъ началѣ подавлено.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ достовѣрный свидѣтель Вильгельмъ Тирскій, пользуясь этимъ случаемъ, чтобъ познакомить

---

[1]) Nic. Chon., l. IV, 4, p. 178—179. Къ 1168 г. пріурочиваетъ это свидѣтельство и В. Г. Васильевскій, о. ст. Прилож., стр. 282—83. Но должно замѣтить, что этотъ разсказъ Никиты подходилъ бы и къ событіямъ 1163 года, разсказаннымъ Киннамомъ, p. 212—214; см. стр. 286—88. Надо еще прибавить, что у Никиты (p. 206 — 7) послѣ событій 1167 г., т. е. именно подъ 1168 годомъ разсказывается также о возмущеніи Стефана Немани и мѣрахъ противъ него Мануила, но этотъ разсказъ очевидно относится къ событіямъ 1173 года, см. Васильевскій, тамъ же, стр. 284.

[2]) Cinn., l. V, p. 249: οὔπω δὲ συχνὸς ἐξῆκε χρόνος, καὶ αὖθις Σερβίους τε ὠδίνειν καὶ Παννόνων τὸ ἔθνος μεμαθηκὼς προφθάνειν ἠπείγετο τὴν ὁρμήν. ἀλλ᾽ ἄρτι προσιόντα τοῦτον ἤκουσαν, καὶ τῆς ὁρμῆς ἀνακοπέντες ἀπαράλυτα τὰ δεδογμένα ἐτήρησαι...

[3]) Такъ мы выше видѣли, что Стефанъ Неманя черезъ угорскаго короля сблизился и породнился съ венеціанскимъ дожемъ Михаиломъ Вит. Danduli l. IX, c. 15 (Muratori, XII, p. 292).

своихъ читателей въ немногихъ, но полныхъ интереса чертахъ съ сербской землей и сербскимъ народомъ. „Въ это время (въ концѣ лѣта 1168 г.) императоръ находился въ Сербіи; это—гористая и поросшая лѣсами, трудно доступная страна, лежащая по серединѣ между Далмаціей, Угріей и Иллирикомъ. Сербы возмутились, надѣясь на тѣснины путей, ведущихъ въ нимъ, и на непроходимость своей страны. Древнія преданія говорятъ, что весь этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе отъ ссыльныхъ и отправленныхъ въ изгнаніе, которые осуждены были ломать камни и добывать металлы въ этихъ мѣстахъ,— отсюда онъ получилъ имя, указывающее на рабство. Теперь это народъ необразованный, безъ всякой дисциплины, обитатель горъ и лѣсовъ, незнакомый съ земледѣліемъ; Сербы богаты стадами домашняго и вьючнаго скота, молокомъ, сыромъ, масломъ, мясами, медомъ и воскомъ. Они имѣютъ правителей, называемыхъ жупанами, иногда служатъ императору, а иногда, выходя изъ горъ и лѣсовъ, опустошаютъ всю окрестную страну, такъ какъ они люди смѣлые и воинственные. Именно вслѣдствіе такихъ невыносимыхъ обидъ противъ сосѣдей императоръ пошелъ на нихъ съ большою храбростью и съ безчисленнымъ войскомъ. Покоривъ ихъ и наложивъ руки на главнаго ихъ князя, онъ воротился въ провинцію Пелагонію, гдѣ мы и встрѣтились съ нимъ въ городѣ Битолѣ“ [1]). Никита Хонскій въ указанномъ мѣстѣ, относящемся по всѣмъ признакамъ къ тѣмъ же событіямъ, изображаетъ дѣло нѣсколько подробнѣе. Царь поспѣшилъ въ Сербію отомстить Дѣжѣ, „который къ своимъ прежнимъ дѣламъ присоединилъ еще худшія“. Дѣжа, боясь вреда и непріятностей отъ вторженія Мануила въ его страну, черезъ пословъ просилъ царя позволенія явиться къ нему. Получивъ таковое, онъ дѣйствительно явился; но царь встрѣтилъ его упреками, отослалъ его отъ себя и отказалъ въ мирѣ. „Онъ даже подвергся опасности быть задержаннымъ; однакожъ ему позволили воротиться домой, послѣ того какъ онъ обязался стран-

---

[1]) Wilh. Tyr. Hist. l. c., p. 946: ...Ob haec ergo intolerabilia vicinis eorum maleficia, ingressus erat ad eos in virtute multa et innumera manu dominus imperator; quibus subactis et praecipuo eorum principe mancipato, redeunti domino... in civitate Butella occurimus. Русск. перев. у Васильевскаго стр. 283.

ными клятвами перемѣнить свое поведеніе и впредь не дѣлать ничего противнаго царю". Однакожъ отпущенный на свободу Дѣжа уже раскаивался, что приходилъ къ царю и что клятвами стѣснилъ свои дѣйствія. Впрочемъ эти клятвы не долго смущали его; онъ очень скоро пренебрегъ ими, „облекшись въ обычную кожу барса" [1]). Къ сожалѣнію и изъ этого сообщенія мы не узнаемъ ничего о томъ, въ чемъ именно заключалась непокорность и невѣрность сербскаго архижупана. Изъ того и другого мы можемъ извлечь лишь то, что Стефанъ къ чему-то готовился, а быть можетъ и предпринялъ уже что-нибудь въ духѣ независимости отъ Византіи, что Мануилъ немедленно выступилъ съ тѣмъ, чтобъ обуздать его, и благодаря этому успѣлъ предупредить развитіе движенія, заставивъ Стефана смириться и возобновить клятвы въ вѣрности. При этомъ послѣдній едва не поплатился свободой, и во всякомъ случаѣ съ нимъ обошлись довольно круто [2]).

Прошелъ и 1168 годъ. Уже весной 1169 года могло проникнуть въ Угрію извѣстіе о беременности императрицы Маріи, о томъ, что осенью ожидалось приращеніе въ византійской царственной семьѣ. Вѣсть эта должна была сильно занимать умы въ Угріи. У Мануила могъ родиться сынъ — естественный наслѣдникъ престола, и тогда роль Бѣлы должна была совершенно измѣниться, а съ ней измѣнилось бы многое въ политическихъ отношеніяхъ и для Угріи... Для нея и особенно для короля Стефана Гейзича эта перспектива заключала въ себѣ, какъ можно легко себѣ представить, не мало тревожнаго и даже угрожающаго. Правда, съ потерей угорскимъ королевичемъ его высокаго назначенія Мануилъ лишался самаго благовиднаго мотива защиты его наслѣдственныхъ правъ — въ отстаиваніи своей власти надъ Далмаціей противъ притязаній угорскаго короля; но что было въ этомъ проку, когда наслѣдственная область Бѣлы уже находилась de facto во власти Византіи, которая считала ее вполнѣ своею и ни въ какомъ случаѣ добровольно не отказалась бы отъ нея. Это безъ сомнѣнія хорошо понимали въ Угріи и на какія-либо благопріятныя перемѣны касательно утра-

---

[1]) Nic. Chon., l. c., p. 178—179; срв. Васильевскій, ib., стр. 282.

[2]) Это довольно ясно выражено въ обоихъ источникахъ.

женнаго удѣла Бѣлы не могли расчитывать. Не легко было также разстаться съ заманчивой и льстившей національному самолюбію мыслью о томъ, что арпадовичъ долженъ былъ занять престолъ восточнаго царства,—мыслью, съ которой конечно у многихъ въ Угріи связывались широкія національно-политическія мечтанія на счетъ будущаго. Но и съ исчезновеніемъ этихъ иллюзій можно было примириться. Самое безотрадное и тревожное состояло въ другомъ. Можно было безошибочно предвидѣть не только, что за Бѣлой останется и теперь выдвинется роль претендента на угорскій престолъ,—та роль, которую нѣкогда занимали въ рукахъ Мануила Борисъ Коломановичъ и братья Гейзы, но и то, что какъ Мануилъ будетъ считать своей ближайшей политической задачей и пожалуй даже „нравственнымъ долгомъ“ доставить Бѣлѣ угорскую корону, такъ и самъ Бѣла, лишившись въ Византіи блестящаго и заманчиваго будущаго, станетъ энергически добиваться того же и найдетъ себѣ навѣрно сильную партію сторонниковъ въ Угріи.

Такимъ образомъ рожденіе сына у Мануила грозило Угріи новыми внутренними смутами, бѣдствіями новыхъ войнъ и вражескихъ нашествій, а также въ случаѣ торжества враговъ — и ущербомъ для государственныхъ интересовъ, ибо вѣроятно угорское правительство предвидѣло и то, что возведеніе Бѣлы на отцовскій престолъ византійскими силами означало вмѣстѣ съ тѣмъ окончательную уступку и отторженіе отъ государства захваченныхъ Греками областей. Но могла точно также родиться и дочь у Мануила, и тогда все осталось бы по прежнему. Понятно, съ какимъ тревожнымъ настроеніемъ ожидали въ Угріи, какъ и въ Византіи, рѣшенія великаго вопроса....

10-го сентября 1169 года [1]) императрица Марія къ искренней радости царя и ко всеобщему ликованію Грековъ разрѣшилась отъ бремени *сыномъ*, которому дано также, какъ и Белѣ, имя Але-

---

[1]) По византійскому календарю былъ уже (съ 1-го сентября) 1170 годъ. Точное опредѣленіе времени этого событія находимъ у Кодина: Georg. Codinus, de annorum et Imperatorum serie, Ed. Bonn., p. 159: Κατὰ τὴν ί (10) μηνὸς Σεμπεμβρίου ἰνδικτιῶνος γ΄ (3) ἔτους ,ςχοή (6678), ἤγουν ἐν τῷ κή (28) ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ, εἰγεννήθη ὁ κάλλιστος υἱὸς αὐτοῦ ὁ πορφυρογέννητος κύριος Ἀλέξιος ὁ Κομνηνός. ἐστέφθη δὲ παρ᾽ αὐτοῦ ὁ τοιοῦτος εἰς βασιλέα κατὰ ἰνδικτιῶνα ἐ τοῦ ,ςχπ΄ (6680) ἔτους.

ксѣя [1]). Это было событіемъ глубокой исторической важности: продолженіе рода Комниновъ по прямой линіи оказывалось теперь до извѣстной степени обезпеченнымъ; устранялись разныя опасности для имперіи, сопряженныя съ той комбинаціей, которая была придумана политическою изобрѣтательностью и завоевательнымъ властолюбіемъ Мануила, такъ какъ сама собой упразднялась почва для мечтаній царя и многихъ другихъ о мирномъ сліяніи земель угорской короны съ византійской имперіей. Съ этой точки зрѣнія нельзя не признать особенно важнаго значенія за даннымъ событіемъ. Еслибъ Мануилъ умеръ дѣйствительно безъ мужского потомства и на византійскій престолъ вступилъ его зять Арпадовичъ Алексѣй, то политическія событія и въ имперіи и въ Угріи приняли бы совершенно иной оборотъ, а переходъ угорскаго престола къ императору византійскому изъ рода Арпадовичей— еслибъ это дѣйствительно состоялось —могъ бы имѣть неисчислимыя послѣдствія для всего юго-востока Европы.

Теперь съ рожденіемъ прямого наслѣдника византійскаго престола будущее значительно прояснилось. Но Мануилъ дѣйствовалъ съ большою осторожностью: новорожденный Алексѣй не былъ тотчасъ же провозглашенъ наслѣдникомъ, а граждане еще не освобождены отъ присяги, данной Бѣлѣ. Царь считалъ очевидно нужнымъ съ одной стороны дать ребенку нѣсколько окрѣпнуть и возрасти, съ другой— выждать, чтобъ всѣ привыкли къ предстоящей перемѣнѣ, и кромѣ того онъ изъ политическихъ соображеній не желалъ рѣзкимъ и поспѣшнымъ образомъ дѣйствія слишкомъ взволновать правительство и общественное мнѣніе въ Угріи. Итакъ Бѣла еще и послѣ того продолжалъ оффиціально признаваться наслѣдникомъ престола въ качествѣ жениха мануиловой дочери [2]).

---

[1]) О рожденіи Алексѣя съ нѣкоторыми подробностями сообщаетъ Никита Хон. Nic. Chon., p. 219—220: ...„когда же младенецъ вышелъ изъ утробы и оказался мальчикомъ, и наука предрекла, что онъ будетъ счастливъ, покровительствуемъ судьбою и наслѣдуетъ царскую власть, тогда принесены были Богу молитвы и было всеобщее рукоплесканіе и ликованіе" и т. д. Имя *Алексѣя* было дано — на основаніи предсказанія, о которомъ тутъ же сообщаетъ Никита.

[2]) Nic. Chon. V. p. 220.

Между тѣмъ поистинѣ сенсаціонная и важная вѣсть не замедлила долетѣть и до Угріи; она конечно произвела тамъ глубокое впечатлѣніе и была оцѣнена въ полной мѣрѣ. Надо однакожъ полагать, что не всѣ въ Угріи отнеслись къ ней одинаково. Мы уже замѣтили однажды, что и Бѣла имѣлъ своихъ сторонниковъ въ отечествѣ; это были рѣшительные противники западнаго вліянія и латинской церкви, недовольные политическимъ направленіемъ Стефана Гейзича, въ свое время принимавшіе сторону бывшихъ претендентовъ. Они съ надеждою смотрѣли на юнаго королевича, воспитаннаго въ Византіи. Мы увидимъ, что они вскорѣ (по смерти Стефана) и выступили въ дѣйствующей роли.

Пока — политическое положеніе вполнѣ опредѣлилось; Угріи, казалось, нечего было болѣе ожидать. Довольно естественно было бы, еслибъ король угорскій, не дожидаясь какихъ-либо новыхъ наступательныхъ шаговъ со стороны императора, вновь предпринялъ теперь возвращеніе подъ свою власть отнятыхъ областей, ибо для этого не оставалось болѣе никакого иного способа, кромѣ военной силы. Но на дѣлѣ такой попытки уже не было при кор. Стефанѣ. Фактъ этотъ слѣдуетъ объяснить быть можетъ просто тѣмъ, что Угрія была истощена и не готова къ новой войнѣ, на быстрое окончаніе которой нельзя было расчитывать. Возможно впрочемъ, что на ея сдержанную политику повліяли и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Такое вліяніе имѣлъ вѣроятно и выше упомянутый осторожный и политичный образъ дѣйствія Мануила, заинтересованнаго тогда сохраненіемъ мира на Дунаѣ и отложившаго на нѣкоторое время предстоявшій актъ назначенія новаго наслѣдника престола и устраненія Бѣлы. Но кромѣ того мы позволимъ себѣ высказать для лучшаго объясненія миролюбиваго настроенія Угріи послѣ 1167 года и другую догадку. Король Стефанъ Гейзичъ, какъ намъ извѣстно, находился подъ сильнымъ вліяніемъ высшаго римско-католическаго духовенства (архіеп. Луки Банфи), въ свою очередь послушнаго римской куріи и внушеніямъ папы, тогда Александра III. Вспомнимъ теперь о сближеніи восточнаго императора съ послѣднимъ по вопросу о церковной уніи и императорскомъ титулѣ. Переговоры по этому дѣлу еще не совсѣмъ прекратились и въ 1169 году. Очень возможно, что папа Александръ дѣйствовалъ тогда въ роли миротворца

между Византіей и Угріей, —что, получивъ какія-нибудь мирныя завѣренія отъ Мануила, онъ оказывалъ свое вліяніе и на угорскаго короля въ томъ же умиротворяющемъ смыслѣ.

Это тѣмъ вѣроятнѣе допустить, что какъ разъ тогда, въ 1169 году былъ посланъ въ Угрію папскій легатъ по дѣламъ церкви, миссія котораго ознаменовалось чрезвычайно важнымъ въ церковной исторіи Угріи и ея отношеніяхъ къ Риму актомъ. Это былъ данный королемъ Стефаномъ [1]) по иниціативѣ папскаго кардинала-легата (Альберта Моры) и кажется не безъ одобренія архіепископа Луки эдиктъ „о свободѣ“ угорской церкви, въ которомъ король, слѣдуя будто-бы примѣру своего отца Гейзы II [2]), прежде всего отказывался отъ стариннаго права смѣщенія и перемѣщенія епископовъ безъ согласія папы, и который вообще ограничивалъ свободу и прежнія права и привиллегіи угорской церкви и угорскихъ епископовъ, причемъ по смыслу документа особенно имѣлся въ виду колочскій архіепископъ – по поводу злоупотребленій, ему приписываемыхъ [3]). Болѣе подробное разсмотрѣніе этого любопытнаго акта не входитъ здѣсь въ нашу задачу. Для насъ важно его общее значеніе: это былъ новый важный и существенный успѣхъ Рима и папства въ Угріи, пріобрѣтавшихъ надъ нею этимъ путемъ новую силу и вліяніе, а съ ними какъ всегда должны были усилиться и вообще западническіе, иноземные элементы, вліятельные въ высшихъ сферахъ, но возбуждавшіе къ себѣ всегда недовѣріе и подозрительность народныхъ массъ и особенно державшихся восточнаго церковнаго обряда.

Итакъ, повторяемъ, папскій легатъ, бывшій въ Угріи по дѣ-

---

[1]) Принадлежность этого эдикта Стефану III, а не Бѣлѣ III, какъ прежде полагали нѣкоторые, принимая ошибку въ годѣ (въ нов. вр. Reuter, Gesch. Alexand. d. III, L. 1864, III, S. 489), достаточно убѣдительно доказана еще Катоной, Hist. Crit., IV, p. 183—194; см. и Fessler, o. c., S., 196, 234—237, съ нимъ согласно большинство историковъ. Срв. еще Kap-Herr, o. c. S. 90, прим. 1.

[2]) Только въ этомъ документѣ мы и находимъ указаніе на подобную же уступку Риму со стороны Гейзы, ибо отъ него не сохранилось подобнаго акта, см. стр. 255, пр. 3.

[3]) Fejér, II, p. 180—182. Срв. Fessler, l. c.; Reuter, l. c. S. 489—490, Kap-Herr, S. 90. Указаніе на колочскаго архіепископа подтверждаетъ мнѣніе о его болѣе самостоятельномъ и, такъ сказать, нѣсколько оппозиціонномъ отношеніи къ римской куріи.

ламъ церкви, могъ имѣть отъ папы и другое порученіе, именно — повліять на угорскаго короля въ смыслѣ миролюбія и отклоненія его отъ начатія новой кровопролитной войны.

Что касается Мануила, то политическіе мотивы, заставлявшіе его не желать немедленнаго возобновленія войны на Дунаѣ, заключались безъ сомнѣнія главнымъ образомъ въ происшедшемъ у него разрывѣ съ Венеціей и въ тѣхъ осложненіяхъ, къ которымъ привелъ этотъ разрывъ въ италіанской политикѣ Византіи. Венеція, интересы которой существенно страдали отъ утвержденія византійской власти въ Далмаціи, а съ другой стороны въ Анконѣ, измѣнила ломбардской лигѣ и перешла на сторону императора Фридриха, желая всячески противодѣйствовать усиленію Византіи на Адріатическомъ морѣ и въ Италіи. Прямымъ слѣдствіемъ этой перемѣны былъ союзъ Византіи съ соперницами Венеціи Генуей (1169), а затѣмъ и Пизой (1170), перешедшими такимъ образомъ на сторону ломбардской лиги, противъ Фридриха, и предоставленіе имъ правъ жительства въ столицѣ [1]). Мануилу было очень важно сломить противодѣйствіе Венеціи его политикѣ, и онъ настойчиво повелъ съ нею борьбу. Одинъ изъ послѣдующихъ актовъ этой борьбы разыгрался, какъ извѣстно, въ Византіи, гдѣ сталкивались торговые интересы Венеціи съ таковыми же генуезскими, которые Мануилъ теперь сталъ открыто поддерживать въ ущербъ первымъ. Столкновеніе между жившими въ столицѣ представителями Венеціи и Генуи и разграбленіе генуезскаго квартала Венеціанцами, въ чемъ подозрѣваютъ подстрекательство византійскаго правительства, окончилось крутой мѣрой – приказаніемъ Мануила заключить всѣхъ проживающихъ въ имперіи Венеціанцевъ въ темницы и конфисковать ихъ имущество Это повело къ окончательному разрыву, къ войнѣ и къ продолжительной враждѣ [2]). Вотъ обстоятельства, которыя не могли не

---

[1]) См. Успенскій, Цари Алекс. и Андр. Комн., стр. 120 — 121, Kap-Herr, l. c., S 96—98; Giesebrecht, o. c., S. 677—678. Срв. также Васильевскій, „Союзъ двухъ имперій", Сл. Сборн. III, стр. 378 и Heyd, Hist. du commerce du Levant au moyen age (ed. Raynaud), Leipz. 1883, p. 200 и слѣд.

[2]) Cinn., p. 282 –284, Nic. Chon., p. 223 — 225. Срв. Успенскій, o. c., стр. 121—122; Kap-Herr, S. 99 и слѣд.; Giesebrecht, o. c., S. 678—80, еще Finlay, o. c, III, p. 179—181. Срв. еще Heyd, Histoire du

оказать своего вліянія на временное миролюбіе Мануила по отношенію къ Угріи.

Благодаря такому обороту дѣлъ для Угріи наступила наконецъ, хотя и на весьма неопредѣленное время — мирная пора, или вѣрнѣе передышка, въ которой она такъ нуждалась и которая давала ей возможность привести нѣсколько въ порядокъ свои внутреннія дѣла и собраться съ силами для возможныхъ въ недалекомъ будущемъ новыхъ политическихъ усложненій, ибо не могли же въ Угріи заблуждаться насчетъ истинныхъ мыслей и намѣреній императора Мануила и хорошо знали, что какъ скоро произойдетъ оффиціальная перемѣна въ положеніи Бѣлы и онъ лишится своей прежней роли, такъ ему будетъ обѣщано всякое содѣйствіе къ полученію угорскаго престола, а за поводомъ къ возобновленію борьбы съ Угріей у Мануила дѣло не станетъ.

Къ сожалѣнію извѣстій о послѣднихъ годахъ царствованія Стефана (1168—1173) дошло до насъ крайне мало — какъ относительно его внутренней дѣятельности, такъ и внѣшнихъ дѣлъ. Повидимому ничѣмъ выдающимся, кромѣ вышеупомянутаго акта усиленія зависимости Угріи отъ Рима, это время и не ознаменовалось. Что касается внѣшнихъ отношеній Угріи къ другимъ сосѣдямъ, то они весьма слабо освѣщаются двумя - тремя случайными извѣстіями.

Есть упоминаніе въ русской лѣтописи, хотя и въ одномъ только никоновскомъ лѣтописномъ сводѣ, объ Уграхъ, какъ вспомогательномъ отрядѣ въ войскѣ князя Андрея Боголюбскаго при взятіи имъ Кіева въ 1169 году [1]), и оно потому не можетъ быть пройдено молчаніемъ, что у насъ нѣтъ достаточнаго основанія заподозривать достовѣрность этого извѣстія. Хорошо знакомый намъ князь Мстиславъ Изяславичъ, сѣвшій тогда снова въ Кіевѣ, вооружилъ противъ себя большинство южно-русскихъ князей, во главѣ которыхъ сталъ ростовскій и суздальскій князь Андрей, тоже питавшій къ не-

---

commerce, ibid., p. 200—217 и слѣд., гдѣ подробно разсмотрѣны отношенія Византіи къ Венеціи, Генуѣ и Пизѣ.

[1]) Никон. лѣтоп. П. С. Р. Л. т. IX, стр. 237, срв. Карамзинъ примѣч. 422 къ II т., стр. 287.

ну ценность. Какъ нѣкогда Юрій Долгорукій, считая нарушенными свои права старшинства, воевалъ съ Изяславомъ Мстиславичемъ за Кіевъ, такъ теперь изъ-за того же выступилъ противъ изяславова сына Мстислава Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія. Въ союзѣ съ 11 князьями онъ весной 1169 г. осадилъ Кіевъ, который, мужественно оборонялась за любимаго имъ князя, всѣми оставленнаго, былъ наконецъ взятъ *впервые* силою, причемъ Мстиславу удалось бѣжать, а городъ былъ разграбленъ и разоренъ ¹). Вотъ при этомъ-то знаменательномъ и великомъ по своимъ послѣдствіямъ событіи въ союзномъ войскѣ Андрея и участвовалъ, по лѣтописному извѣстію, угорскій отрядъ. Угры упоминаются притомъ не одни, а вмѣстѣ съ Чехами, Поляками и Литвою. Но на этомъ фактѣ, если онъ и не сочиненъ, было бы однакожъ рисковано строить какіе-либо выводы о новомъ сближеніи Угріи съ Русью, или угорскаго короля съ княземъ сѣверовосточной Руси. Мы думаемъ скорѣе, что тутъ просто идетъ рѣчь *о наемномъ* угорскомъ отрядѣ, какъ и о чешскихъ и другихъ еще наемникахъ. Со времени размолвки между Стефаномъ Гейзичемъ и Ярославомъ галицкимъ и сближенія западно- и южно-русскихъ князей съ Византіей (1164 г.) — между оффиціальной Угріей и Русью произошло еще бо́льшее охлажденіе, и какое бы то ни было вмѣшательство въ русскія отношенія шло въ разрѣзъ съ политическимъ направленіемъ угорскаго правительства. Это однакожъ не исключаетъ возможности набора наёмниковъ въ Угріи — для князя Андрея суздальскаго и союзниковъ — противъ Мстислава Изяславича, тѣмъ болѣе, что кіевскій князь дружилъ съ враждебнымъ Угріи Ярославомъ галицкимъ и что его противникомъ былъ его дядя Владиміръ Изяславичъ, родной братъ королевы Евфросиньи. Изъ уваженія и любви къ своей матери, Стефанъ Гейзичъ и могъ разрѣшить въ своей землѣ наборъ наемнаго войска въ интересахъ ея русской родни ²).

---

¹) Тамъ же, и Лавр. лѣт., подъ год. 1168 и 1169, стр. 336 и сл. Ипатьевск. лѣт., ошиб. къ 1170—1171 г., стр 372. Срв. Карамзинъ, II, стр. 335—36; Соловьевъ, II, 218—219, прим. 302.

²) По лѣтописнымъ извѣстіямъ въ этой войнѣ по сторонѣ Андрея участвовалъ и вернувшійся уже тогда изъ Греціи братъ его Всеволодъ Юрьевичъ. Не былъ ли онъ вызванъ оттуда братомъ (Андреемъ), и не

Мы назвали взятіе и разореніе Кіева союзными силами Андрея Юрьевича въ 1169 г. событіемъ знаменательнымъ и великимъ своими послѣдствіями. Такимъ оно дѣйствительно и было—потому, что Андрей Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ и великокняжескимъ столомъ, не сѣлъ въ этомъ старомъ и старшемъ русскомъ центрѣ и „матери городовъ русскихъ“, какъ водилось до сихъ поръ, а остался на сѣверѣ, въ своемъ юномъ Владимірѣ Клязменскомъ, и этимъ произвелъ глубокій переворотъ въ русской жизни и въ процессѣ строенія русскаго государства. Этотъ великій поворотъ русской исторіи, подготовленный постепеннымъ паденіемъ Кіева и обособленіемъ сѣвера, обусловленный цѣлымъ рядомъ внутреннихъ причинъ, достаточно оцѣненъ въ русской исторіографіи [1]). Фактъ перенесенія центра русской государственности съ югозапада на сѣверовостокъ,—перенесенія туда политическаго и культурнаго центра тяжести русскаго народа, и послѣдовавшаго затѣмъ еще бо́льшаго разъединенія Руси западной и сѣверовосточной—вмѣстѣ съ государственными единодержавными стремленіями Андрея Боголюбскаго—имѣлъ, разумѣется, огромныя и неисчислимыя слѣдствія для историческаго развитія русской народности во всѣхъ ея вѣтвяхъ и русскаго государства.

Но не только на самой Руси сказались эти важныя послѣдствія. Тотъ новый путь, по которому отнынѣ двинулась русская исторія, не могъ не отразиться въ большей или меньшей степени и на сосѣдяхъ Руси, на западныхъ и южныхъ ея соплеменникахъ, славянскихъ народахъ, даже на всемъ юговостокѣ Европы, и вотъ потому-то это историческое явленіе останавливаетъ здѣсь наше вниманіе. Угрія издавна находилась въ живыхъ и разнообразныхъ связяхъ съ Русью. Мы видѣли, какъ особенно усилились и окрѣпли эти связи въ первую половину царствованія Гейзы II благодаря его женитьбѣ на Евфросиньѣ Мстиславовнѣ - въ эпоху силы и дѣятельности въ южной Руси энергическаго и умнаго князя Изяслава Мстиславича. Послѣ его смерти (1154) связи Угріи съ Русью все слабѣютъ по мѣ-

---

имъ ли были приведены наемные отряды Угровъ, Чеховъ, Поляковъ? срв. выше, стр. 352, пр.

[1]) Особ. Соловьевъ, ист. Р. т. II, стр. 234—244 и въ друг. мѣст. Срв. Кояловичъ, Чтенія по исторіи зап. Россіи, Спб. 1884, стр. 59 и слѣд.

рѣ возобладанія западнической политики Гейзы и усиленія въ Угріи приверженцевъ запада и латинства. Это постепенное политическое удаленіе Угріи отъ Руси конечно не случайно совпадаетъ съ постепеннымъ государственнымъ паденіемъ Кіева послѣ смерти Изяслава, завершившимся въ 1169 году перенесеніемъ главнаго центра русской государственности изъ близкаго къ Угріи Кіева на далекій отъ нея сѣверовостокъ. Чѣмъ болѣе утрачивались политическое значеніе и сила сосѣдней съ Угріей югозападной Руси, тѣмъ менѣе въ Угріи могли дорожить связями съ нею, а слѣдовательно тѣмъ скорѣе ослаблялись эти связи, а всякія противныя имъ западныя, германо-латинскія вліянія тѣмъ легче опутывали Угрію и династію Арпадовичей и отрывали ихъ отъ православнаго востока.

Къ 1170 году или вѣрнѣе къ концу 1169-го относится вынужденное удаленіе изъ Чехіи въ Угрію одного изъ чешскихъ зятьевъ угорскаго короля, второго сына Владислава II – Святополка. Поводомъ къ тому, по разсказу чешскаго лѣтописца (Ярлоха), послужило слѣдующее. При дворѣ Владислава возвысился тогда и пріобрѣлъ большое вліяніе и значеніе нѣкто Воиславъ, занимавшій придворныя должности и пользовавшійся повидимому *особенною* благосклонностью королевы (Юдиѳи). Человѣкъ гордый и надменный, онъ вооружилъ противъ себя очень многихъ; второй сынъ Владислава (отъ первой жены) Святополкъ по чему-то ненавидѣлъ его и искалъ случая его погубить. Воспользовавшись въ 1170 году отъѣздомъ короля на имперское собраніе въ Нюрнбергъ, онъ напалъ на Воислава и собственноручно убилъ его въ рукахъ королевы Юдиѳи, хотѣвшей его защитить, и даже ранилъ при этомъ послѣднюю въ руку. Владиславъ, возмущенный этимъ злодѣяніемъ, выгналъ своего сына изъ предѣловъ Чехіи, такъ какъ не могъ его поймать, и тотъ бѣжалъ въ Угрію, гдѣ у своего шурина короля Стефана могъ скорѣе всего найти убѣжище [1]). Вѣроятно онъ и былъ принятъ здѣсь

---

[1]) Let. Jarloch., a. 1170 (вѣрнѣе конецъ 1169 г.), Fontes R. B. II, p. 463—64: His diebus Zvatopulc ....memoratum virum inter manus reginae cultellis confossum interfecit, et eam in manibus, sicut dicitur, cum ipsum defendere vellet, vulneravit. Unde pater eius graviter indignatus, quem capere non potuit, patria pepulit et usque in Ungariam fugavit. Inde namque ambo germani, Fridericus scilicet et Zvatopulc, duas sorores, filias regis Ungariae duxerant, unde et

по родственному, хотя объ этомъ лѣтопись ничего не сообщаетъ. Но это обстоятельство не оказало повидимому неблагопріятнаго вліянія на политическія отношенія между Чехіей и Угріей. Очень возможно, что Владиславъ заставилъ сына удалиться изъ Чехіи лишь ради удовлетворенія правосудія и дѣлая уступку возмущенному общественному мнѣнію, а не изъ личнаго злобнаго чувства, и это тѣмъ вѣроятнѣе, если однимъ изъ мотивовъ поступка Святополка — были подозрѣнія въ невѣрности королевы Юдиѳи его отцу и слишкомъ интимныя ея отношенія къ Воиславу. А въ такомъ случаѣ Владиславъ и не могъ гнѣваться на Стефана Гейзича за пріютъ, оказанный его сыну, правда совершившему дерзкое преступленіе, но увлеченному благороднымъ порывомъ — въ защиту отцовской чести. Впрочемъ къ характеристикѣ тогдашнихъ чешско-угорскихъ отношеній мы должны замѣтить, что они послѣ результата войны 1164 г. и родственнаго союза чешскаго короля съ Мануиломъ не могли быть уже такъ искренно дружелюбны, какъ прежде, и угорскій король не могъ уже питать безусловнаго довѣрія къ своему чешскому союзнику и родственнику.

Въ отношеніяхъ Угріи къ императору Фридриху и къ Нѣмцамъ за эти годы видимыхъ перемѣнъ не произошло. Дружественныя связи королевскаго дома съ тестемъ короля Генрихомъ Язомирготомъ ничѣмъ не нарушались, а съ Фридрихомъ отношенія по прежнему были не близки и даже нѣсколько натянуты, главнымъ образомъ изъ-за продолжавшаго раздѣлять римско-католическую Европу папскаго вопроса: Угрія была усердной сторонницей папы Александра III (какъ и Генрихъ австрійскій), а партія императора Фридриха по смерти Пасхалія III въ 1168 г. выбрала новаго антипапу Каликста III († 1178 г.) [1]. Не могъ быть доволенъ Фридрихъ и тѣмъ, что Угрія вообще держала себя самостоятельно въ отношеніи къ нему и что онъ не располагалъ достаточными силами и средствами, чтобы втянуть ее въ свою нѣмецкую политику и привести

Hunc potius, quam alias fugit. Срв. Dudik, o. c. S. 396—97; Tomek, Dějepis m. Prahy, I, 1 kn., str. 130.

[1]) См. Reuter, Alex. III, B. III, S. 6—7. О будто-бы угорскомъ происхожденіи Каликста III (Ioannes) см. Katona, Hist. cr. IV, p. 194 — 198.

ее въ извѣстную зависимость отъ имперіи, какъ это давно уже было напримѣръ съ Чехіей.

Годы 1171 и 1172 прошли также тихо для Угріи, какъ и предшествующіе. Въ современныхъ европейскихъ дѣлахъ, напр. въ относящейся къ 1172 году экспедиціи Фридриха противъ Польши, при чемъ въ числѣ его союзниковъ является и Владиславъ чешскій [1]), Угрія не принимала рѣшительно никакого участія. Но во второй половинѣ 1172 года въ Византіи произошло событіе, къ которому Угрія во всякомъ случаѣ не могла остаться равнодушной. Это было совершеніе Мануиломъ того акта относительно Бѣлы-Алексѣя и своего малолѣтняго сына, который въ принципѣ былъ рѣшенъ при рожденіи послѣдняго, но исполненіе котораго было по нѣкоторымъ причинамъ отсрочено [2]). Маленькому Алексѣю еще не минуло и 3-хъ лѣтъ (род. 10 сент. 1169 г.), но Мануилъ нашелъ теперь своевременнымъ утвердить за нимъ права на престолъ, отнявъ ихъ у своей старшей дочери Маріи и ея жениха деспота Алексѣя-Бѣлы. Для этого онъ не ограничился актомъ освобожденія гражданъ отъ данной имъ присяги и новой присягой его сыну, но рѣшилъ еще разлучить свою дочь Марію и жениха ея Бѣлу, чтобъ отнять у послѣдняго всякій поводъ къ возобновленію притязаній и вполнѣ обезпечить престолъ за своимъ сыномъ.

Объ этомъ важномъ событіи свидѣтельствуютъ согласно оба наши историка, Киннамъ и Никита Хонскій. По словамъ Никиты — когда дитя начало подрастать и развиваться, царь перенесъ на сына присягу, которая прежде дана была дочери его Маріи и ея жениху венгерцу Алексѣю, для чего всѣ собрались въ славномъ Влахернскомъ храмѣ Богоматери. Передавъ такимъ образомъ посредствомъ присяги скипертъ своему сыну, Мануилъ „спустя немного

---

[1]) Ann. Prag., Fontes R. B., II, p. 379, a. 1172: „Wladislaus rex cum cesare Poloniam intravit“. Тоже срв. у продолж. Козьмы, тамъ же (Wýpisky z Vincentia, Gerlacha, etc.), p. 279. Объ этомъ походѣ Ann. Palidens., 1172 (Pertz, XVI, p. 94) и друг., Ann. Colon. max. a. 1173.

[2]) Время этого событія опредѣляется по запад. источнику — письму папы Александра III отъ авг. 1172 г. см. Bouquet, o. c. XV, p. 925; G. Codinus, o. c., ib., p. 154 (см. стр. 384). Срв. у Катоны, o. c., p. 208—209. Mouralt, Chron., I, p. 199.

времени разлучаетъ свою дочь съ женихомъ ея Алексѣемъ и обручаетъ его съ родной сестрой своей жены, незадолго передъ тѣмъ прибывшей изъ Антіохіи съ братомъ Бальдуиномъ" [1]). Изъ Киннама мы узнаемъ, что изобрѣтательный Мануилъ нашелъ теперь и законный предлогъ противъ брака своей дочери съ Бѣлой угорскимъ: оказывалось, что препятствіемъ былъ „законъ родства", въ каковомъ состояли женихъ и невѣста [2]). Родство дѣйствительно было по матери Мануила Иринѣ —Бѣла былъ правнукъ ея двоюроднаго брата Альма, а Марія—ея внучка,—но очевидно родство не столь близкое, чтобъ помѣшать браку; къ нему придрались лишь для того, чтобъ съ формальной стороны придать законность разлученію обрученныхъ. Истинная же причина, какъ мы сказали, была опасенія царя, какъ-бы по его смерти Бѣла не выступилъ соперникомъ Алексѣю [3]).

Однакожъ распорядившись такъ угорскимъ королевичемъ и лишивъ его такого блестящаго будущаго, царь не думалъ бросать его на произволъ судьбы: Бѣла оставался для него всетаки весьма нужнымъ человѣкомъ, и роль его опредѣлялась теперь сама собой. Онъ естественно предназначался Мануиломъ на престолъ угорскій и вѣроятно самъ сталъ горячо стремиться къ этому. Очень возможно, что ему было заранѣе обѣщано энергическое содѣйствіе—какъ только наступитъ благопріятный моментъ въ дѣлахъ угорскихъ. При такомъ планѣ царю было важно какъ можно прочнѣе связать Бѣлу съ собой и съ Византіей, и вотъ почему онъ тогда же обручилъ его съ своей свояченицей Агнессой или у Грековъ—Анной антіохійской [4]), почтивъ его еще титуломъ *кесаря* [5]). Однакожъ въ этомъ

---

[1]) Nic. Chon., V, p. 220 — 221: ....„μετὰ βραχὺ τοῦ μνήστορος Ἀλεξίου τὸ θυγάτριον ἀποζεύγνυσι, καὶ αὐτῷ μὲν εἰς γυναῖκα ἐγγυᾶται τὴν τῆς γυναικός οἱ ὁμόσπορον, ἄρτι σὺν τῷ ἀδελφῷ Βαλδουίνῳ τῆς Ἀντιοχείας ἀπάρασαν.

[2]) Cinn., l. VI, p. 287: ἐτύγχανε δὲ ὁ Βελᾶς εἰς γαμβρὸν τῷ βασιλεῖ ἀφορισθεὶς πρότερον, ὡς ἐν τοῖς ἔμπροσθέν μοι ἐρρήθη. νόμου δὲ ξυγγενείας ἐμποδὼν αὐτῷ γεγονότος, τὴν Αὐγούστης ἔγημεν ἀδελφήν.

[3]) Къ тому же Мануилъ проэктировалъ тогда бракъ дочери Маріи съ сыномъ импер. Фридриха, съ которымъ именно въ то время (1171—1172) велъ переговоры. Срв. Giesebrecht, o. c. S. 680.

[4]) См. о ней Schier, o. c. p. 140—141 и сл. Janisch, o. c S. 40—41. Срв. Katona, ib., 209—210.

[5]) Cinn., ib., p. 287: καῖσαρ δὲ διὰ τοῦτο ἀναρρηθεὶς ἀξιώματι τῶν ἐν Βυζαντίῳ τηνικάδε ἐκρατίστευε μεγιστάνων.

случаѣ расчётъ едва-ли былъ вѣренъ: на дѣлѣ этотъ бракъ не могъ быть особенно благопріятенъ интересамъ восточной имперіи и восточной культурѣ въ Угріи, ибо родственно связывалъ Бѣлу и съ романскимъ, т. е. латинскимъ западомъ.

Хотя въ Угріи уже успѣли свыкнуться съ мыслью о перемѣнѣ, ожидавшей королевича Бѣлу благодаря рожденію сына у Мануила, и о грозившихъ Угріи въ связи съ этимъ опасностяхъ, однакожъ пока отстраненіе Бѣлы отъ византійскаго престола еще не было совершившимся фактомъ — угорское правительство и его приверженцы могли еще утѣшать себя разными надеждами и иллюзіями. Но вотъ актъ передачи наслѣдственныхъ правъ 3-хъ-лѣтнему царевичу Алексѣю наконецъ совершился, и извѣстіе объ этомъ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на короля и народъ угорскій, не могло не взволновать умовъ въ виду той роли, въ какой долженъ былъ отнынѣ — всякій понималъ это — выступить молодой Бѣла въ рукахъ Мануила. Вмѣстѣ съ тѣмъ обращало на себя всеобщее вниманіе и то важное обстоятельство, что у женатаго уже нѣсколько (почти 5) лѣтъ (съ конца 1166 г.) короля Стефана не было дѣтей. Приверженцы Бѣлы и сближенія съ Византіей могли конечно только радоваться этому; но самого короля и всю западническую, антивизантійскую и латинскую партію это серіозно тревожило и пугало. Бездѣтность Стефана Гейзича — въ случаѣ ея продолженія — прямо открывала путь къ престолу его брату Бѣлѣ, а слѣдовательно доставила бы торжество Мануилу и византійскому вліянію. Латинское духовенство безъ сомнѣнія въ ту пору не переставало возносить усердныя молитвы къ Богу о скорѣйшемъ дарованіи королю потомства... Относительно Византіи было по всей вѣроятности рѣшено высказывать и впредь миролюбіе, чтобъ не подать Мануилу и малѣйшаго повода къ нарушенію мира и къ вооруженному поддержанію претендентства Бѣлы.

Но Провидѣніе рѣшило по своему. Не только имѣть наслѣдника не суждено было злополучному Стефану Гейзичу, но и самому ему не суждено было долѣе жить и царствовать. Въ началѣ слѣдующаго 1173 года Угрія была вновь глубоко потрясена неожиданнымъ и роковымъ событіемъ — внезапною и довольно загадочною смертью полнаго силъ, едва вступившаго въ цвѣтущую пору молодости

25-ти-лѣтняго короля. Событіе это, приходившееся какъ нельзя болѣе на руку и византійскому императору и его свояку претенденту Бѣлѣ, должно было стать, какъ увидимъ, естественной развязкой той трагической и кровавой борьбы, которая въ послѣднія десятилѣтія такъ упорно велась на Дунаѣ и въ Угріи между представителями латино-германскаго запада и православнаго востока. Оно — казалось бы — могло стать началомъ новой эры, поворотнымъ моментомъ въ политической и культурной исторіи Угріи....

Смерть Стефана Гейзича случайно совпала съ путешествіемъ черезъ Угрію отправлявшагося въ Святую Землю одного изъ нѣмецкихъ князей, знаменитаго герцога саксонскаго и баварскаго Генриха Льва. Этому обстоятельству мы обязаны сохраненіемъ нѣкоторыхъ подробностей объ этой смерти у описавшаго этотъ походъ Генриха современнаго хрониста Арнольда Любекскаго [1]).

Генрихъ Левъ выступилъ въ походъ съ большой свитой и 500-мъ отрядомъ весной 1173 года [2]). Онъ шелъ на поклоненіе Святымъ мѣстамъ побуждаемый не однимъ только порывомъ христіанскаго благочестія. Имъ руководили и политическіе мотивы, желаніе лично сблизиться съ восточнымъ императоромъ, вытекавшее изъ его извѣстныхъ политическихъ замысловъ и ревниво-враждебныхъ отношеній къ императору Фридриху [3]). Арнольдъ разсказываетъ такъ о его вступленіи въ Угрію и объ одновременно происшедшей смерти короля угорскаго.

Въ февралѣ мѣсяцѣ Генрихъ двинулся въ Австрію къ своему вотчиму, австрійскому герцогу Генриху Язомирготу, который торже-

---

[1]) Arnoldi Chron. Slavor., Pertz, M. G. SS. XXI, p. 116 и сл. (только хронологія 1171 г. совершенно не вѣрна!).

[2]) Chron. Regia Colon., ad a. 1173 (вѣрно): Ipso anno Heinricus dux Saxonum Iherosolimam cum 500 fere militibus tetendit... (шк. изд. p. 123). Эта дата согласуется съ вполнѣ точной и достовѣрной датой смерти Стефана III въ угорскихъ хроникахъ (4 марта 1173). Къ 1172 году очевидно ошибочно относятъ походъ. Cont. Admunt. M. G. SS. IX, 584, Ann. Stadens. Ann. Egmundani, M. G. SS. XVI, 347, 467 и напрасно нѣкоторые на нихъ основываютъ свою хронологію (Huber, o. c., S. 367 a. 2, слѣдуя Philippson'у, II, S. 172; тоже Giesebrecht, o. c., S. 681).

[3]) Мануилъ самъ былъ не прочь завязывать сношенія съ внутренно-германскими врагами Фридриха. Онъ уже ранѣе того сносился съ Генрихомъ Львомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Гельмольдъ: Helmol', Chron. Slav. M. S. XXI, 91.

ственно встрѣтилъ его въ Клостернейбургѣ и съ почётомъ проводилъ въ свою столицу Вѣну. Здѣсь путешественникъ пробылъ нѣкоторое время и, когда суда были снаряжены и нагружены всякими припасами, онъ отплылъ внизъ по Дунаю въ сопровожденіи австрійскаго герцога, который хотѣлъ проводить его въ Угрію и представить своему зятю Стефану Гейзичу. Тутъ хронистъ упоминаетъ, что съ баварскимъ герцогомъ ѣхалъ и епископъ вормскій (Конрадъ) съ порученіемъ императора Фридриха въ Византію касательно проэктированнаго брака сына Фридриха съ дочерью Мануила Маріей (бывшей невѣстой Бѣлы), а вѣрнѣе де ради того, чтобы этимъ способомъ обезпечить Генриху Льву благосклонный и милостивый пріемъ въ византійской имперіи [1]). Но главный затаённый мотивъ, здѣсь не высказанный, былъ, какъ кажется, недовѣріе Фридриха къ Генриху и подозрѣнія его, обусловившія порученіе вормскому епископу слѣдить за сношеніями Генриха съ Мануиломъ [2]).

Оба герцога Генриха, продолжаетъ свой разсказъ Арнольдъ, прибыли къ угорской границѣ, въ гор. Мошонь („Mesenburg"— Mosonium) нын. Wieselburg близь Дуная, гдѣ саксонскаго герцога встрѣтилъ присланный королемъ Стефаномъ легатъ Флорентій; оттуда послѣдній сопровождалъ почетныхъ гостей до города Остригома (Грана). Но великую скорбь застали они здѣсь, ибо въ ту самую ночь скончался угорскій король, отравленный будто-бы ядомъ, подмѣшаннымъ ему въ пищу, какъ говорятъ, по внушенію его брата — изгнанника [3]). И Генрихъ Левъ и Язомирготъ были глубоко опеча-

---

[1]) Arnold, ib. XXI p. 117.

[2]) На это справедливо указываютъ Philippson, Gesch. Heinr. d. Löwen, II, 172 и Kap-Herr, o. c. p. 100.

[3]) Arnold. Chron., ib. p. 117: ...Cum magna ergo commoditate ad civitatem, quae Mesenburg dicitur, pervenerunt, quae sita est in confinio terrae Ungariae, ubi legatus regis Ungarorum, Florentius dictus, paratus fuit ad excipiendum ducem Saxoniae una cum duce orientalis Austriae, cuius sororem (filiam) rex habebat; et ita procedentes cum summa tranquillitate applicuerunt ad urbem quamdam, quae naturaliter est munitissima. Nam ex uno latere cingitur Danubio, ex alio alveo profundissimo, qui Grana dicitur, a quo urbs et civitas, quae in altera ripa sita est, nomen accepit. Gravis enim moestitia duces illic percutit. *Nam ipsa nocte rex veneno interiit, appotiatus, ut dicitur, a fratre suo, quem de terra ejecerat.* Очевидно разумѣется Бѣла; только причина его пребыванія внѣ родины не была извѣстна автору.

лены этимъ событіемъ. Первый былъ озабоченъ своимъ путешествіемъ черезъ Угрію и опасался, что теперь по смерти короля ему не будетъ обезпеченъ благополучный проходъ черезъ угорскую землю; второй былъ еще болѣе огорченъ столь внезапною смертью короля — своего зятя, тѣмъ болѣе, что онъ умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія, и оставилъ его, Генриха, дочь — вдовою безправною, безъ наслѣдника престола, хотя и беременною [1]). Отъ Генриха Льва было послано нѣсколько духовныхъ лицъ къ архіепископу остригомскому (слѣдов. къ Лукѣ Банфи), чтобъ испросить у него распоряженій относительно устройства надежнаго пути черезъ Угрію. Архіепископъ отнесся къ этому благосклонно и по совѣщаніи его съ вельможами былъ назначенъ вышеупомянутый Флорентій для сопровожденія Генриха Льва по угорской территоріи [2]).

Таково интересное и безспорно важное свидѣтельство современнаго писателя. Стефанъ Гейзичъ умеръ, по точному опредѣленію угорскихъ хроникъ, 4-го марта 1173 года и былъ похороненъ въ Остригомѣ [3]), что вполнѣ согласуется съ извѣстіемъ и общими хронологическими указаніями западнаго хрониста. Хронологія угорскихъ источниковъ въ данномъ случаѣ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній [4]).

---

[1]) Ibid.: Nec minus alter affligebatur de tam subito regis interitu, eo quod intestatus obiisset, et sororem (filiam) suam viduam, praegnantem tamen, quasi exsortem regni sine herede reliquisset.

[2]) Ibid., далѣе. Срв. Giesebrecht, o. c., S. 694.

[3]) Marci Chronica (ed. cit.), p. 98: Idem vero rex Stephanus filius Geysae migravit ad Dominum anno Domini MCLXXIII, quarto nonas Martii, feria prima, cujus corpus Strigonii quiescit; Turocz, o. c., p. 183; Chron. Budens., o. c., p. 188 прибавляетъ migravit *sine herede.* Muglen, l. c., въ c. LV, p. 80 говоритъ очевидно о смерти Стефана; ошибкою переписчика вѣроятно стоитъ Bela: darnach starb der hertzog Bela (читай Stephan) kurtzlich und ligt begraben tzu gran (Бѣла былъ похороненъ въ Стольномъ Бѣлградѣ).

[4]) 1173 г. quarto nonas Martii feria prima. 4 марта 1173 году дѣйствительно падаетъ на *воскресеніе* (feria prima), см. Grotefend, Handb. d. Chronol., S. 154). Кромѣ того угорскія хроники точно опредѣляютъ и продолжительность правленія Сефана: Marci Chr., p. 98: regnavit annis undecim, mensibus novem, diebus tribus. То же и Туроцій и Chron. Budens. p. 187. Если счесть время со смерти Гейзы, т. е. отъ 31 мая 1161 года до 4 марта 1174, то дѣйствительно получимъ *одинадцать лѣтъ, девять мѣсяцевъ и три дня,* и слѣдовательно показаніе хроники вѣрно. Погребеніе Стефана въ Остригомѣ, а не въ обычномъ мѣстѣ—Стольномъ Белградѣ—подтверждается и по-

Въ своемъ разсказѣ Арнольдъ любекскій сообщаетъ интересное для насъ извѣстіе, будто Стефанъ *умеръ отъ яду*. Передавая это — какъ фактъ въ категорической формѣ, онъ прибавляетъ къ этому слухъ [1]), что преступленіе это было дѣломъ пребывавшаго на чужбинѣ брата Стефана, т. е. конечно Бѣлы. Какъ отнестись къ этому слуху, очевидно не выдуманному хронистомъ, а дѣйствительно ходившему не въ одной только Угріи, а затѣмъ и къ самому извѣстію о смерти короля отъ отравленія? Что мнѣніе объ отравленіи короля и о виновникѣ его могло возникнуть и безъ достаточнаго основанія — этого нельзя отрицать, и въ этомъ не было бы ничего удивительнаго. Внезапная смерть 25-ти лѣтняго хотя-бы даже и не крѣпкаго здоровьемъ молодого человѣка (но о болѣзненности Стефана мы ничего не знаемъ) не могла не показаться загадочною и не возбудить разныхъ толковъ и подозрѣній. А тутъ еще усугубляли такого рода настроеніе умовъ слишкомъ естественныя соображенія о томъ, что Стефанъ Гейзичъ такъ внезапно сошелъ съ исторической сцены какъ разъ въ ту пору, когда это было всего нужнѣе его врагамъ и брату-сопернику... Это соображеніе получаетъ особенную силу, если вѣрно извѣстіе того же источника, что королева Агнесса была беременна. Рожденіе у Стефана сына и наслѣдника могло опять парализовать политическіе расчеты и происки императора Мануила и разрушить радужныя надежды и планы королевича Бѣлы. И вотъ эта роковая для нихъ развязка предотвращена неожиданною смертью короля, не успѣвшаго сдѣлать никакихъ распоряженій о своемъ преемникѣ. Понятно, что это сцѣпленіе обстоятельствъ заставило общественное мнѣніе искать виновниковъ катастрофы во враждебномъ королю византійскомъ лагерѣ. Нѣкоторые угорскіе историки не колеблятся взваливать на самого Мануила тяжелое подозрѣніе въ отравленіи Стефана [2]). Другіе вѣрятъ сообщенному Арнольдомъ слуху о Бѣлѣ, какъ братоубійцѣ [3]). Не имѣя никакихъ дру-

---

казаніемъ Арнольда о смерти Стефана: (ib.) ...archiepiscopus, qui tunc in civitate constitutus erat, regii funeris exsequiis occupatus.

[1]) Arn. Chron., l. c.: „ut dicitur".

[2]) Fessler, o. c., S. 120; но Klein, S. 268 не рѣшается повторить его подозрѣнія.

[3]) Sasinek, o. c., стр. 121; но Szalai, S. 316 кажется справедливо защищаетъ Бѣлу отъ такого обвиненія.

гихъ положительныхъ уликъ, мы никакъ не рѣшаемся на произнесеніе тяжкаго приговора въ томъ или другомъ смыслѣ, но не можемъ не признать факта преждевременной и внезапной смерти Стефана довольно загадочнымъ и подозрительнымъ. Смерть его дѣйствительно была желанною для Мануила и Бѣлы. Но вытекаетъ ли изъ этого, какъ прямое слѣдствіе, подозрѣваніе именно ихъ въ такомъ злодѣяніи? Не надо же забывать, что въ самой Угріи у Стефана, какъ государя, предававшаго отечество въ руки запада и Рима, было много жестокихъ враговъ, а у его брата Бѣлы-полувизантійца много горячихъ приверженцевъ! Развѣ не могъ король пасть жертвою заговора, составленнаго въ самой Угріи? Какъ бы то ни было трагическая смерть молодого угорскаго короля сразу повернула ходъ историческихъ событій согласно давнишнимъ стремленіямъ и цѣлямъ мануиловой политики. Съ внѣшней стороны по крайней мѣрѣ торжество ея было уже близко.

Генрихъ Левъ, пустившійся изъ Остригома при первой возможности въ дальнѣйшій путь черезъ Угрію — въ Византію, вѣроятно первый принесъ туда важную и въ то же время радостную для Мануила вѣсть о кончинѣ угорскаго короля.

О посѣщеніи Генрихомъ Византіи сообщаетъ и Киннамъ, но ошибочно приписываетъ ему цѣль примиренія Фридриха съ византійскомъ императоромъ и даже достиженіе этой цѣли [1]). Мы видѣли, какія дѣла могъ имѣть герцогъ Генрихъ къ Мануилу. Порученіе отъ Фридриха относительно брачнаго союза было дѣйствительно дано, но не Генриху, а сопровождавшему его епископу вормскому, по словамъ Арнольда любекскаго — только ради того въ сущности, чтобъ доставить саксонскому герцогу почетный и милостивый пріемъ въ Византіи [2]). Тайная же цѣль этого посольства была — какъ выше замѣчено — имѣть надёжнаго шпіона при Генрихѣ, котораго Фридрихъ справедливо подозрѣвалъ уже тогда въ коварныхъ намѣреніяхъ заручиться содѣйствіемъ восточнаго царя въ своихъ козняхъ противъ него Фридриха [3]). Какого-либо искренняго желанія сближенія съ Визан-

[1]) Cinn., p. 286.

[2]) Arnoldi Chron. Sl., l. c.

[3]) Фридрихъ имѣлъ послѣ вѣрныя свѣдѣнія о тайномъ союзѣ Генриха съ Мануиломъ противъ него, и прямо уличалъ въ этомъ Генриха. Срв. Кap-Herr, o. c. S. 100—101.

тіей со стороны Фридриха не могло быть, несмотря на попытки Мануила въ этомъ смыслѣ, начавшіяся уже незадолго передъ тѣмъ быть можетъ вслѣдствіе разрыва съ Венеціей и продолжавшіяся еще и послѣ [1]). Очевидно и теперь миссія епископа Конрада въ Византію не привела ни къ чему, ибо въ томъ же 1173 г. Нѣмцы снова сталкиваются съ Греками въ Анконѣ. Мы не знаемъ, въ чемъ состояли и чѣмъ кончились переговоры Генриха Льва съ Мануиломъ, но несомнѣнно для послѣдняго въ тотъ моментъ все стушевывалось въ сравненіи съ принесенною герцогомъ изъ Угріи великою и счастливою новостью...

Угрія была безъ короля. Передъ Мануиломъ открывался свободный путь къ осуществленію его давнишней цѣли посадить на угорскій престолъ своего преданнаго кандидата. Къ тому же Бѣла имѣлъ всѣ права, какъ естественный и законный наслѣдникъ своего бездѣтнаго брата. Мануилъ не терялъ времени. Онъ хорошо сознавалъ, какъ важно было для него выступить въ дѣятельной роли, главнымъ инициаторомъ при водвореніи Бѣлы въ Угріи, — сколь многое въ будущемъ зависѣло отъ этого. Вотъ почему онъ немедля снарядилъ въ путь съ подобающей торжественной обстановкой королевича Бѣлу и самъ сопровождалъ его до Софіи, какъ разсказываютъ Киннамъ и Никита Хонскій [2]). Онъ зналъ конечно, что Бѣла несмотря на свои права имѣетъ въ Угріи много сильныхъ враговъ и что на пути его могутъ встрѣтиться препятствія, для преодолѣнія которыхъ понадобится пожалуй о сила. До него вѣроятно уже доходили и слухи о возникшихъ въ Угріи несогласіяхъ по вопросу о преемникѣ Стефана. Такъ разсказываетъ и Киннамъ. „По смерти Стефана, правившаго землею угорскою, тамъ произошла большая смута. Подстрекаемый этимъ царь отправляется въ Сардику“ [3]).

Что же именно творилось въ Угріи и въ чемъ состояла смута? Къ сожалѣнію мы не имѣемъ какихъ-либо прямыхъ извѣстій о происходившемъ въ Угріи вслѣдъ за смертью короля, но, зная обстоя-

---

[1]) Тамъ же, стр. 98, 102 и сл.; срв. Giesebrecht, o. c., S. 680.

[2]) Cinn., p. 286, Nic. Chon., p. 221.

[3]) Cinn., ib.: ...Στεφάνου δὲ ὃς τῆς Οὐννικῆς ἦρχε τὸν βίον ἀπολιπόντος ταράχου πλέα τὰ τῇδε κατέστησαν ὑφ' ὧν κινηθεὶς βασιλεὺς ἐπὶ τὴν Σαρδικὴν ἀφικνεῖται...

тельства и существовавшія тамъ политическія теченія, мы можемъ довольно легко представить себѣ сущность дѣла, не рискуя слишкомъ ошибиться. Мы знаемъ, изъ какихъ партій состояло угорское общество. Со смертью Стефана эти партіи не замедлили выступить совершенно открыто, ничѣмъ не стѣсняемыя, со своими различными, непримиримыми стремленіями и интересами. Каждая предлагала свой планъ дѣйствія, имѣя въ виду своего кандидата на престолъ. Начались партійная борьба и агитація со стороны вождей различныхъ партій, чтобъ пріобрѣсти въ массахъ какъ можно болѣе приверженцевъ и достигнуть такимъ образомъ своей цѣли.

По смерти Стефана Гейзича во главѣ правленія оказалась конечно его партія, т. е. партія германо-латинская, съ архіепископомъ остригомскимъ Лукою Банфи во главѣ. Мы видѣли, что по извѣстію Арнольда любекскаго вдова Агнесса осталась беременною [1]). Признавать достовѣрность факта на основаніи одного этого показанія невозможно, но позволительно утверждать, что мнѣніе о беременности было распространено въ Угріи и вѣроятно съ извѣстной стороны усердно поддерживалось. Не можетъ быть сомнѣнія, что этою стороною была именно правительственная партія, въ интересахъ которой было образовать регентство при молодой вдовѣ, королевѣ Агнессѣ и дождаться ея разрѣшенія отъ бремени, если она дѣйствительно была беременна, и во всякомъ случаѣ рѣшительно противодѣйствовать призванію на престолъ полугрека Бѣлы [2]), о которомъ эта партія и слышать не хотѣла. Однакожъ отецъ Агнессы, герцогъ Генрихъ Язомирготъ, предвидѣвшій смуту и внутреннюю борьбу въ Угріи, небезопасную для его дочери, тотчасъ по оконча-

---

[1]) Arnoldi Chr. Sl., l. c.: (sororem) filiam suam viduam *praegnantem tamen*, quasi exsortem regni, sine herede reliquisset.

[2]) S. de Keza, Endlicher, Mon. Arp. p. 119: sed post hunc regnavit *Bela Grecus* . . ., слѣдов. онъ прямо называетъ его Грекомъ. Къ этому Кеза прибавляетъ еще: quem Bocha et Gregor apud imperatorem Grecorum diutius tenuerunt. Къ сожалѣнію фактъ, къ которому относится эта слишкомъ отрывочная и неопредѣленная фраза, остается невыясненнымъ. Здѣсь Кеза очевидно сохранилъ обрывокъ старѣйшей редакціи хроники. Любопытно, что то же извѣстіе съ небольшимъ варіантомъ встрѣчается въ Chron. Danduli l. X, c. I, p. III (Muratori, XII, 298): Deinde regnavit Bela frater Stephani Graecus, quem Geysa et Gregor apud imperatorem diu tenuerunt. Это сходство бросаетъ свѣтъ на родство этихъ источниковъ, замѣчаемое и въ другихъ мѣстахъ.

ніи траурныхъ церемоній въ Остригомѣ взялъ ее съ собой домой въ Австрію, откуда она больше уже не возвращалась [1]), и вслѣдствіе того ея партія съ Лукою Банфи должна была въ значительной мѣрѣ потерять подъ собою почву. Однакожъ противъ кандидатуры Бѣлы она не переставала возставать, и, какъ извѣстно, даже по его воцареніи архіепископъ Лука рѣшительно отказался его короновать.

Представителями королевскаго дома въ Угріи оставались еще вдовствующая королева Евфросинья и младшій братъ Стефана и Бѣлы—Гейза, любимый сынъ Евфросиньи. Мы видѣли уже ранѣе не разъ въ исторіи прежнихъ претендентовъ Стефана IV и Ладислава, что опасенія латинниковъ и приверженцевъ запада — съ принятіемъ въ короли византійскаго кандидата поставить Угрію подъ верховную власть восточной имперіи и лишить ее политической независимости раздѣлялись очень многими угорскими патріотами, и не принадлежавшими къ помянутой партіи. Эти-то стоятели за полную самостоятельность Угріи, боявшіеся всякаго внѣшняго вмѣшательства, не рѣшались склониться въ пользу Бѣлы — несмотря на его непререкаемыя права, — ибо сильно опасались его греческихъ связей и зависимости отъ Мануила. Вотъ почему они сгруппировались теперь вокругъ королевы Евфросиньи и ея сына Гейзы, выставляя послѣдняго самымъ подходящимъ и удобнымъ преемникомъ Стефана. Къ нимъ могли примкнуть и многіе изъ первой, правительственной партіи, особенно когда расчетъ послѣдней на Агнессу сталъ разрушаться. Сама Евфросинья, какъ это обнаруживается изъ послѣдующихъ событій, открыто и энергически стояла за своего очевидно любимаго сына Гейзу. Бѣла, удаленный отъ нея 12-тилѣтнимъ мальчикомъ и получившій воспитаніе на чужбинѣ, внѣ всякаго вліянія своей семьи, былъ конечно до извѣстной степени чуждъ ея сердцу и на возстановленіе сыновнихъ его отношеній къ ней она не расчитывала. Напротивъ, Гейза былъ при ней неразлучно и выросъ подъ непо-

---

[1]) Вопросъ о ея беременности остается нерѣшеннымъ. Невѣроятнаго въ этомъ слухѣ нѣтъ ничего. Однако о потомствѣ ея отъ Стефана никакихъ извѣстій нѣтъ. Есть извѣстіе, что послѣ она вышла за мужъ за герцога Германа I каринтійскаго и имѣла дѣтей. Cont. Klaustroneoburg. pr, M. G. SS IX, p. 640; Schier, Reg. Ung., p. 123; Janisch, o. c. S. 37. Срв. Dudik, S. 412.

средственнымъ ея наблюденіемъ и вліяніемъ. Никто не могъ сомнѣваться въ доброкачественности этого вліянія въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Но можно спросить себя, могли ли приверженцы латинства и сближенія съ западомъ вполнѣ довѣрять вліянію Евфросиньи, какъ русской женщины, въ смыслѣ политическаго и національнаго направленія. Приходится думать, что подобное вліяніе, если оно и было, парализовалось другими вліяніями, напр. латинскаго духовенства, а потому не внушало серіозныхъ опасеній противникамъ православно-славянскаго духа. Однимъ изъ усердныхъ приверженцевъ Гейзы и опорой королевы Евфросиньи, какъ видно опять-таки изъ послѣдующаго, былъ занимавшій тогда видный постъ (comes curialis) графъ Лаврентій, не оставившій Гейзу и позже [1]).

Но если означенныя партіи австрійской Агнессы и молодого Гейзы и могли быть довольно многочисленны въ высшемъ угорскомъ обществѣ и среди иноземныхъ элементовъ населенія, онѣ всеже не могли сравняться съ партіей королевича Бѣлы — главнымъ образомъ потому, что не имѣли вовсе опоры въ народныхъ массахъ и что не на ихъ сторонѣ было право. Въ томъ и другомъ отношенію положеніе Бѣлы было совсѣмъ иное, несравненно выгоднѣйшее.

Бѣла былъ прежде всего единственнымъ *законнымъ* наслѣдникомъ престола, и это уже доставляло его кандидатурѣ огромный перевѣсъ въ общественномъ и народномъ мнѣніи. Затѣмъ за него энергически высказывалась та не особенно сильная въ высшихъ сферахъ, но могущественная сочувствіемъ народныхъ массъ партія сближенія съ православно-восточнымъ міромъ и Византіей, которая уже возводила на престолъ угорскій прежнихъ далеко менѣе популярныхъ претендентовъ и на которую опирался Мануилъ. Она видѣла въ немъ всѣ данныя, способныя сдѣлать изъ него идеальнаго правителя Угріи въ ея духѣ и смыслѣ, и она поддерживала кредитъ Бѣлы тѣмъ успѣшнѣе, что въ Угрію не могли не проникнуть слухи о выдающихся достоинствахъ и подготовленности послѣдняго къ царствованію. Но былъ и еще могучій мотивъ, заставлявшій патріоти-

---

[1]) Онъ бѣжалъ впослѣдствіи съ Гейзой въ Австрію. Chron. Posoniense, Endlicher, Mon. Arp., p. 57; упоминается въ актахъ 1171 и 1172 г. Fejér, II, p. 185.

чесное большинство Угровъ становиться на сторону Бѣлы. Это была надежда, что со вступленіемъ на престолъ Бѣлы Угріи легче будетъ возвратить себѣ его наслѣдственную область Далмацію, что Бѣла поставитъ себѣ долгомъ чести—достигнуть этого. Во всякомъ случаѣ, разсуждали они, будучи призванъ на угорскій престолъ самимъ народомъ, Бѣла будетъ себя чувствовать менѣе связаннымъ своими отношеніями къ Византіи, болѣе независимымъ, чѣмъ если онъ утвердится на престолѣ лишь при помощи императора, никогда не дѣйствующаго безкорыстно; между тѣмъ не трудно было предвидѣть, что въ концѣ концовъ при существующихъ условіяхъ и партійной борьбѣ въ Угріи никакому правительству не устоять противъ Мануила и Бѣлы, и при такой развязкѣ дѣла политическое положеніе Угріи было бы несравненно хуже и стѣснительнѣе. Итакъ не безъ значительнаго вліянія этихъ соображеній на сторонѣ Бѣлы очутилось огромное большинство общества и народа въ Угріи, такъ что меньшинству поневолѣ пришлось уступить. Быть можетъ и въ этомъ антивизантійскомъ меньшинствѣ были проницательные люди, расчитывавшіе, что въ душѣ Бѣлы должно остаться затаённое чувство досады и непріязни противъ того, кто во первыхъ неумолимо заставлялъ его, ради данной ему почетной роли, быть свидѣтелемъ кровопролитной расправы съ его соотечественниками и посылалъ на войну съ ними, а затѣмъ внезапно отнялъ у него блестящую перспективу обладанія византійскимъ престоломъ, и что это чувство вмѣстѣ съ національнымъ сознаніемъ окрѣпнетъ въ немъ, когда онъ вернется въ Угрію на престолъ отцовъ. Только отъявленные враги Византіи, латинники съ высшими представителями римской церкви во главѣ продолжали бояться его, выросшаго и воспитаннаго въ православной средѣ, привыкшаго къ обрядамъ восточной церкви, боялись его въ этомъ отношеніи опаснаго вліянія въ Угріи. Но противодѣйствовать общему рѣшенію они конечно не могли.

Мы не знаемъ, получило ли это рѣшеніе форму правительсвеннаго или народнаго постановленія о призваніи Бѣлы на престолъ; но какъ бы то ни было рѣшили, не теряя времени, звать королевича занять отцовскій престолъ, ибо предвидѣли, что и Мануилъ не станетъ медлить. Дѣйствительно, угорскіе послы, вѣроятно высшіе сановники, на которыхъ было возложено это порученіе, застали

Бѣлу въ сопровожденіи самого Мануила уже въ Софіи, какъ свидѣтельствуетъ Киннамъ [1]), быть можетъ выжидавшаго тамъ, чтобъ выяснилось положеніе Угріи [2]). Имъ оставалось только исполнить тутъ свою миссію, что́ они и сдѣлали.

Между тѣмъ Мануилъ, шедшій тоже съ тѣмъ, чтобъ посадить Бѣлу на престолъ угорскій, конечно успѣлъ уже заранѣе обезпечить свои интересы. Если Киннамъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ это, т. е́. взялъ извѣстныя обѣщанія съ Бѣлы, отпуская его съ женой въ въ Угріи [3]), то это можно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что эта мѣра была принята уже *предварительно*, какъ непремѣнное *условіе* содѣйствія Мануила. Совершенно не вѣроятно, чтобъ царь сдѣлалъ это только тогда, когда Бѣлѣ была предложена корона самими Уграми, тѣмъ болѣе, что онъ могъ даже предвидѣть такую развязку. Бѣла долженъ былъ заранѣе дать клятвенное обѣщаніе соблюдать на будущія времена въ теченіе всей жизни своей интересы императора и Грековъ [4]), и онъ не могъ не дать этого обѣщанія, ибо находился въ рукахъ Мануила, отъ котораго все зависѣло и который могъ не пустить его въ Угрію. Понятно, что по смыслу этихъ обѣщаній Бѣла долженъ былъ отказаться отъ всякихъ притязаній на бывшія угорскія области, не только на Срѣмъ, но и на Далмацію. Только заручившись такими обязательствами, Мануилъ повелъ Бѣлу въ Угрію. Теперь, когда въ Софію прибыли угорскіе послы съ извѣстными предложеніями, онъ могъ только радоваться такому обороту дѣла.

Въ Угріи не знали о томъ, что Бѣла уже связалъ себя обѣщаніями вѣрности восточному царю, и Бѣла разумѣется на первыхъ порахъ скрылъ это обстоятельство отъ своихъ соотечественниковъ, опасаясь неблагопріятной для него перемѣны въ ихъ настроеніи. Принявъ лестное предложеніе, онъ тотчасъ снарядился въ путь.

---

[1]) Cinn., p. 286: ἔνθα διατριβὴν ποιουμένου, πέμψαντες Οὖννοι Βελᾶν ᾐτοῦντο σφίσι ῥῆγα πεμφθῆναι.

[2]) На это намекаетъ выраженіе: „διατριβὴν ποιουμένου“.

[3]) Cinn., p. 287: ῥῆγα τοίνυν αὐτὸν ἀνειπὼν ἐπὶ Οὐννικῆς σὺν τῇ γυναικὶ ἔπεμψεν ὅρκοις τηρήσειν ἐπαγγειλάμενον...

[4]) Ibid.: ... ὅρκοις τηρήσειν ἐπαγγειλάμενον ὅσα βασιλεῖ καὶ Ῥωμαίοις συνοίσειν τοῦ παντὸς ἔμελλον αἰῶνος.

Мануилъ не хотѣлъ однакоже поступиться и видимостью своего вліянія и силы и до конца хотѣлъ выдержать свою роль относительно Бѣлы и даже выставить ее на показъ передъ Уграми. „Онъ отправилъ Бѣлу съ блестительною свитою и съ широкой царской обстановкой (процессіею) принять власть надъ Угріей и царствовать надъ своими соплеменниками“, говоритъ Никита Хонскій [1]. „Его сопровождали, по словамъ Киннама, со стороны царя лица, долженствовавшія возвести его на престолъ, Іоаннъ протосевастъ и другія именитыя особы“ [2]. Этимъ давалось понять, что всетаки царь Византіи, а не другой кто-либо доставилъ Бѣлѣ престолъ угорскій... Бѣла же охотно мирился съ такой обстановкой своего воцаренія, коль такъ она въ глазахъ Угровъ могла, такъ сказать, оправдывать его будущую политику относительно Мануила, а онъ въ этомъ случаѣ твердо рѣшился оставаться вѣренъ своему слову и своему долгу....

Такимъ образомъ еще въ 1173 году престолъ угорскій мирно перешелъ ко второму сыну Гейзы, бывшему наслѣднику византійскаго престола, кесарю Алексѣю, царствовавшему подъ именемъ *Белы III-го* [3]. Несмотря на нѣкоторыя въ началѣ воздвигнутыя препятствія и козни противъ него со стороны противной ему партіи младшаго брата его, королевича Гейзы, и отказавшагося на отрѣзъ его короновать Луки Банфи (вслѣдствіе чего съ согласія папы короновалъ его архіепископъ Колочскій) ему всетаки удалось благодаря своему уму и такту довольно скоро укрѣпиться на престолѣ, который онъ благополучно и не безславно занималъ 23 года († 1196).

---

[1] Nic. Chon., p. 221: ὁ Μανουὴλ... πέμπει τὸν Ἀλέξιον εὐθὺς μετὰ λαμπρᾶς δορυφορίας καὶ βασιλείου πλείστης παρασκευῆς, τὴν Παιονικὴν παραληψόμενον ἡγεμονίαν καὶ βασιλεύσοντα τῶν ὁμοφύλων.

[2] Cinn., p. 287: εἵποντο δὲ αὐτῷ ἐκ βασιλέως οἱ ἐπὶ τὴν ἀρχὴν καταστήσοντες Ἰωάννης τε ὁ πρωτοσέβαστος καὶ τῶν ἐπὶ δόξης ἄλλοι“.

[3] Приблизительно въ то же время произошла перемѣна и въ Чехіи. Еще весною 1173 г. сошелъ со сцены король Владиславъ II, передавъ правленіе старшему сыну Фридриху, который однакожъ долженъ былъ уступить престолъ кандидату императора Собеславу II. Владиславъ умеръ въ 1174 г. (см. Dudík, S. 415—417). Въ 1173-мъ же году умеръ въ Польшѣ Болеславъ Кудрявый, а въ 1174-мъ на Руси убитъ Андрей Боголюбскій.

Императоръ Мануилъ могъ чувствовать себя удовлетвореннымъ. Совершилось въ концѣ концовъ безъ новой траты силъ и кровопролитія то, что въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ составляло постоянный предметъ его помысловъ, было главнѣйшею цѣлью его угорской политики, и это счастливое событіе—рядомъ съ тѣмъ, что уже было достигнуто продолжительными войнами, т. е. рядомъ съ отторженіемъ отъ Угріи двухъ важныхъ областей (Далмаціи и Срѣма) являлось огромнымъ политическимъ успѣхомъ. На престолъ угорскій вступилъ не только византійскій кандидатъ и близкій родственникъ императора, но лицо, связанное съ Византіей повидимому еще болѣе прочными и глубокими узами, — лицо, проведшее тамъ, въ средоточіи византійской культуры и православія 10 лѣтъ своей юности и первой молодости, получившее греческое воспитаніе и образованіе, и притомъ такое, какое давалось наслѣдникамъ византійскаго престола,— наконецъ лицо съ благороднымъ характеромъ, на честность и преданность котораго повидимому можно было расчитывать. И такое лицо становилось властителемъ Угріи не силою и не вопреки народной волѣ и общественному мнѣнію, какъ это было нѣкогда со Стефаномъ IV, а призывалось на отцовскій престолъ, какъ законный преемникъ умершаго короля самою страною, огромнымъ большинствомъ угорскаго общества.

Отнынѣ Мануилъ дѣйствительно могъ считать свое государство обезпеченнымъ на сѣверѣ, какъ оно до его смерти (1180) на дѣлѣ и было. Отнятыя у Угріи земли были закрѣплены за имперіей торжественными обязательствами Бѣлы – до конца жизни соблюдать византійскіе интересы. Непокорная и безпокойная Сербія не могла болѣе расчитывать на поддержку Угріи [1]). Однимъ словомъ Мануилъ достигъ пока съ этой стороны всего, чего только могъ желать, оставаясь въ предѣлахъ дѣйствительно достижимаго и не переходя въ область безплодныхъ политическихъ мечтаній.

Но что же далѣе? Византія несомнѣнно торжествовала и на нѣкоторое время обезпечила свои интересы со стороны Угріи; но уже совсѣмъ другой вопросъ, какъ отразилась *на самой Угріи*

---

[1]) Въ томъ же 1173 году Мануилъ усмирялъ возставшаго было въ надеждѣ на замѣшательства въ Угріи в. ж. Стефана Неманю и даже уводилъ его, какъ плѣнника, въ Византію Cinnam, p. 286—287; Nic. Chon., p. 206—207.

эта побѣда Византіи стало ли это, такъ сказать, внѣшнее торжество византійской политики вмѣстѣ съ тѣмъ торжествомъ культурнаго вліянія востока надъ вліяніемъ запада въ угорскомъ государствѣ, самобытныхъ народныхъ началъ надъ навязываемыми извнѣ латино-германскими, торжествомъ родной угорскому народу греческой церкви, въ лонѣ которой съ 12 лѣтъ выросъ и новый король, надъ чуждымъ ему латинствомъ? Повелъ ли Угрію ея новый государь по новому пути сравнительно съ тѣмъ, на который она вступила со времени возобладанія западническаго направленія въ ея внутренней жизни и внѣшней политикѣ? восстановлены ли были ея старыя естественныя культурныя связи съ греко-славянскимъ православнымъ востокомъ, другими словами — удержалъ ли ее византіецъ по воспитанію Бѣла III отъ постепеннаго поглощенія западной Европой и латинствомъ и отъ германизаціи?

Достаточно извѣстно, что исторія все таки рѣшила этотъ великій для Угріи вопросъ *отрицательно*, т. е. въ пользу запада и латинства... Какими именно историческими причинами и факторами обусловливается это интересное и поучительное явленіе — это можетъ вполнѣ разъяснить только *исторія правленія Бѣлы III* (1173 — 1196) и современныхъ европейскихъ событій и отношеній востока и запада, а также исторія *внутренней* жизни и развитія Угріи какъ въ эту и послѣдующую, такъ и предшествующую эпоху.

Мы позволимъ себѣ въ заключеніе нашего труда сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній о занимавшемъ насъ періодѣ угорской исторіи.

При сравненіи Угріи 1173 года съ Угріей 1141-го приходится отмѣтить существенную перемѣну. Если сильная, благоустроенная и успѣшно отстаивавшая свою самобытность почти во всѣхъ сферахъ жизни Угрія Ладислава Святого и Коломана значительно опустилась въ своемъ внутреннемъ благоустройствѣ и политическомъ значеніи при недостойныхъ преемникахъ ихъ — Стефанѣ II и Бѣлѣ Слѣпомъ, то за время послѣдующихъ нами разсмотрѣнныхъ 32 лѣтъ

она понесла еще болѣе важныя утраты, хотя и успѣла все-же отстоять свою политическую независимость. Утраты были двоякаго рода — и матеріальныя и духовныя.

Первыя состояли главнымъ образомъ въ потерѣ важныхъ областей на югѣ, Срѣма и Далмаціи, отвоеванныхъ императоромъ Мануиломъ, а также въ томъ матеріальномъ истощеніи, которое причинили ей продолжительныя кровопролитныя войны и внутреннія смуты. Вторыя, менѣе осязательныя, но еще болѣе важныя и не могущія укрыться при внимательномъ изученію хода событій, заключались въ существенныхъ уступкахъ, сдѣланныхъ врагамъ угорской самобытности и національной церкви, т. е. въ уступкахъ латинству и всякимъ западно-европейскимъ вліяніямъ, отрывавшимъ Угрію отъ восточнаго греко-славянскаго міра и втягивавшимъ ее и въ политическомъ и въ культурномъ отношеніяхъ — въ міръ западный, латино-германскій.

Гейза II, какъ мы видѣли, въ первую половину своего царствованія еще не измѣнялъ традиціоннымъ связямъ съ православнымъ востокомъ подъ вліяніемъ умнаго дяди, серба Бѣлуша и благодаря браку съ русской княжной Евфросиньей Мстиславной и вообще сближенію съ Русью; но затѣмъ со времени вступленія въ антивизантійскую коалицію латинскаго запада онъ постепенно перешелъ на путь всяческаго сближенія съ латино-германской Европой и папскимъ престоломъ и одновременнаго отчужденія отъ греко-славянскаго востока и къ концу своего правленія попалъ окончательно въ руки римской куріи и ея угорскихъ представителей и приспѣшниковъ. Въ послѣдующую смутную эпоху и при Стефанѣ Гейзичѣ направленіе угорской политики осталось такимъ же и указанный процессъ въ историческомъ развитіи Угріи все подвигался впередъ. Одержанныя Византіей побѣды надъ Угріей и успѣхи мануиловой политики были торжествомъ чисто внѣшнимъ и не вели за собой съ этой стороны воздѣйствія духовнаго или культурнаго, которое могло бы стать противовѣсомъ вліянію латинскаго запада; послѣднее было уже такъ сильно, что противъ него не устоялъ даже и полувизантіецъ Бѣла III, политически остававшійся, правда, вѣрнымъ имперіи, но только до смерти Мануила. Это впрочемъ зависѣло отчасти и отъ наступившаго затѣмъ полнаго политическаго паденія Византіи, став-

шей наконецъ черезъ 2—3 десятка лѣтъ легкой добычей латинской Европы.

Какими же, спрашивается, историческими явленіями и факторами была обусловлена эта довольно жалкая политическая судьба и это направленіе государственнаго развитія Угріи въ данную эпоху?

Нельзя не замѣтить предварительно, что значеніе и сила этихъ историческихъ условій и внѣшнихъ факторовъ въ развитіи Угріи находится въ естественной зависимости отъ ея общаго характера или, такъ сказать, природы (т. е. этническаго состава, не говоря уже о географическомъ положеніи), въ силу которой она вообще въ старину почти не развивала опредѣленной, твердой и рѣшительной политической дѣятельности, не выступала съ ясными и неизмѣнными политическими задачами, а по большей части играла роль, такъ сказать, служебную въ великихъ европейскихъ политическихъ и культурныхъ движеніяхъ, въ вѣковой борьбѣ греко-славянскаго востока съ романо-германскимъ западомъ.

Дѣйствительно, причина этого явленія кроется наиболѣе въ ея своеобразныхъ этническихъ отношеніяхъ. Стоявшее на самой низкой культурной ступени потурченное финское племя Мадьяръ, завоевавшее территорію и покорившее народы Угріи, объединившее и сплотившее ихъ государственно, связавшее части угорской державы въ единый организмъ, —разумѣется не могло само отъ себя дать политикѣ ея какое-либо опредѣленное направленіе или идею, не принадлежа притомъ по своему типу и развитію ни къ той, ни къ другой половинѣ культурнаго міра Европы, ни къ греко-славянской, ни къ латино-германской. Мадьяры, какъ и другіе слившіеся съ ними въ теченіе первыхъ вѣковъ ихъ жизни на Дунаѣ азіатскіе турецкіе элементы, напр. Печенѣги и Половцы, представляли такимъ образомъ лишь культурный матеріалъ, легко поддававшійся тому или другому культурному и политическому воздѣйствію. Но если властвовавшее въ Угріи племя являлось въ этомъ отношеніи столь пассивнымъ, то и другія несравненно превосходившія ихъ культурой народности (главнымъ образомъ Славяне) не были въ состояніи направить Угрію на единую вполнѣ опредѣленную политическую стезю. Ихъ собственныя національныя, а позднѣе и культурныя стремленія или

врозь благодаря тому, что ихъ, такъ сказать, племенные центры тяготѣнія лежали за предѣлами политической границы государства, которому они принадлежали. Славяне русской вѣтви, населявшіе востокъ и сѣверо-востокъ Угріи, естественно тянули къ своимъ сосѣдямъ и соплеменникамъ, вообще къ христіанскому востоку. Сербохорватское населеніе угорскаго юга не менѣе живо сознавало свою связь съ соплеменниками задунайскими; наконецъ словенское населеніе сѣверозапада въ значительной степени тяготѣло къ ближайшимъ своимъ соплеменникамъ въ Моравіи и Чехіи, входившимъ уже въ сферу латино-германской политики и культуры. Если несмотря на это Угрія не распадалась и представляла достаточно крѣпкій государственный организмъ, то это — благодаря принципамъ своего государственнаго устройства (автономіи). Понятно однако, что Угрія постоянно втягивалась въ дѣла сосѣднихъ славянскихъ государствъ, искавшихъ въ ней опоры въ своемъ политическомъ ростѣ и развитіи, да и сама нерѣдко пользовалась ихъ силами въ борьбѣ съ своими главными врагами. При всемъ этомъ примемъ въ расчетъ, что латино-германскій западъ весьма рано, еще въ періодъ сложенія угорскаго государства, свилъ себѣ тамъ прочное гнѣздо и сталъ дѣятельно укрѣплять и расширять свое вліяніе и энергически работать въ свою пользу, т. е. латинить и нѣмечить Угрію въ ущербъ народной самобытности и началамъ восточно-христіанской культуры, — и мы легко увидимъ, подъ вліяніемъ какихъ разнообразныхъ факторовъ должна была слагаться политика Угріи, какъ мало могло быть въ ней опредѣленности и устойчивости. Если такая устойчивость и твердость характеризовали, какъ сказано, внутренній государственный бытъ Угріи благодаря поставленнымъ въ его основаніе началамъ, то такими свойствами совсѣмъ не отличалась внѣшняя политика Угріи, ея политическія, религіозныя и культурныя отношенія къ западу и востоку.

Поэтому-то въ исторіи этой политики и этихъ отношеній мы видимъ постоянную, жестокую борьбу различныхъ партій, различныхъ племенныхъ и культурныхъ стремленій, поощрявшую и дававшую особый политическій смыслъ частымъ распрямъ членовъ королевскаго дома за престолъ, обусловленнымъ отсутствіемъ твердыхъ законовъ престолонаслѣдія, — борьбу не только лишавшую

Угрію роли самостоятельнаго и сильнаго политическаго дѣятеля, какимъ она могла бы быть по своему государственному объему и матеріальнымъ средствамъ, но и дѣлавшую изъ нея удобное орудіе въ рукахъ ея враговъ. Только при исключительно сильныхъ и даровитыхъ государяхъ (какими были напр. Ладиславъ Св. и Коломанъ) политика Угріи принимала вполнѣ положительное и рѣшительное направленіе. Обыкновенно же это направленіе опредѣлилось тѣмъ, какіе факторы и политическія стремленія въ данное время одерживали верхъ въ борьбѣ.

Въ занимающую насъ эпоху исключительныхъ условій не было, а потому Угрія въ это время не только не является самостоятельнымъ и сильнымъ политическимъ дѣятелемъ, съ опредѣленными задачами, но болѣе чѣмъ когда-либо оказывается политически колеблющеюся и увлекаемою то въ ту, то въ другую сторону. Она въ ту пору то служитъ южному славянству въ его освободительномъ движеніи противъ византійской имперіи — благодаря родственнымъ связямъ съ сербской династіей, то сближается съ Русью и принимаетъ участіе въ ея междоусобіяхъ, то наконецъ служитъ латинскому западу въ его коалиціи противъ восточнаго царства и союза двухъ имперій; постепенно втягиваясь въ западную политику, она то поддерживаетъ Вельфовъ противъ Гогенштауфеновъ, то помогаетъ послѣднимъ противъ ломбардской лиги, то опять беретъ сторону независимаго папства и его неограниченной власти противъ политики Фридриха I. При всемъ томъ однакожъ одна сторона, какъ болѣе сильная и дѣятельная, даетъ ей въ концѣ концовъ болѣе опредѣленное направленіе, заставляя ее служить своимъ политическимъ цѣлямъ и задачамъ.

Первымъ самымъ существеннымъ моментомъ въ историческомъ развитіи угорскаго государства съ самаго его основанія и непрерывно дѣйствовавшимъ также и въ XII вѣкѣ, былъ конечно *враждебный натискъ латино-германскаго запада* на Угрію, какъ первоначально еще входившую въ сферу или систему восточнаго, греко-славянскаго міра, и тотъ отпоръ, который онъ встрѣчалъ въ Угріи въ элементахъ отстаивавшихъ народную самобытность, старую вѣру и ея начала Если собственно германское государство (имперія) не всегда могло въ равной мѣрѣ обращать свои наступательныя силы

противъ Угріи вслѣдствіе отвлеченія ихъ другимъ и въ другую сторону, напр. борьбой съ папствомъ и Италіей, италіанской политикой вообще и внутренними междоусобіями, какъ это было въ теченіе XII вѣка, то тѣмъ не менѣе германизмъ и западноевропейскій духъ не переставали и въ это время дѣлать соціальныя и культурныя завоеванія на среднемъ Дунаѣ и успѣшно одолѣвали противныя теченія. Не забудемъ, что ихъ вѣрнымъ орудіемъ была римская церковь и латинство, которыя неустанно работали въ ихъ пользу независимо отъ нѣмецкаго меча и прямого военно-политическаго давленія. А насколько германство было вообще одушевлено тогда идеей расширенія своего господства на востокѣ и поглощенія непокорныхъ народностей— это доказывается жестокой и безпощадной расправой Нѣмцевъ съ сѣверными Славянами полабскими и балтійскими, великими успѣхами ихъ въ колонизаціи и германизаціи этихъ странъ, относящимися именно ко второй четверти и второй половинѣ XII вѣка. (Альбрехтъ Медвѣдь и Генрихъ Левъ). Вспомнимъ нѣмецкій крестовый походъ 1147 года противъ этихъ несчастныхъ Славянъ-язычниковъ для ихъ обращенія въ христіанство или совершеннаго истребленія, послѣ котораго еще быстрѣе пошло водвореніе Нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ. Къ тому же времени относится и усиленный натискъ нѣмецкаго вліянія въ Чехію и Польшу. Наконецъ тогда же нѣмецкіе купцы и миссіонеры проникаютъ и далѣе на востокъ, къ самымъ устьямъ Двины и здѣсь подготовляютъ почву для нѣмецкаго завоеванія.

Совершенно естественно, что въ эпоху такой оживленной германизаціонной дѣятельности не могла оставаться и Угрія въ сторонѣ отъ нея. Но здѣсь по преимуществу впереди ея шла римская церковь и латинство вмѣстѣ съ западными соціальными порядками и понятіями. Въ нашемъ историческомъ изложеніи мы не разъ встрѣчались съ симптомами и проявленіями этого латино-нѣмецкаго напора. Но нѣкоторыя крупныя историческія явленія этой эпохи исторіи Угріи по преимуществу послужили факторами и проводниками этого западнаго вліянія, и должны быть особенно подчеркнуты.

Такими явленіями нельзя не признать во 1-хъ — второй крестовый походъ, который не могъ пройти безслѣдно для угорской жизни и угорскаго населенія и въ политическомъ отношеніи сблизилъ Гейзу

II-го съ королемъ Людовикомъ, повидимому повліявшимъ на его образъ мыслей; во 2-хъ — сближеніе Угріи съ западноевропейской латинской коалиціей противъ восточной имперіи, вызванной союзомъ двухъ имперій, т. е. сближеніе съ Норманнами, Вельфами, папствомъ и французскимъ королемъ; въ 3-хъ — усиленная нѣмецкая колонизація (въ Трансильваніи, а быть можетъ и другихъ частяхъ Угріи), независимо отъ которой нѣмецкій элементъ проникалъ и въ высшія административныя сферы; въ 4-хъ — сближеніе, родственныя связи и дружба Гейзы II и его сына Стефана III съ герцогомъ сосѣдней нѣмецкой земли Австріи - Генрихомъ Язомирготомъ, который пользовался большимъ вліяніемъ въ Угріи и конечно былъ дѣятельнымъ проводникомъ нѣмецкихъ интересовъ и латинства на берегахъ средняго Дуная. Наконецъ въ 5-хъ — вліяніе и авторитетъ, пріобрѣтенные въ Угріи (въ мѣстной латинской іерархіи и у престола) сосѣднимъ нѣмецкимъ княземъ церкви, именно зальцбургскимъ архіепископомъ (вспомнимъ Конрада и Эбергарда!) - вліяніе, имѣвшее между прочимъ своимъ послѣдствіемъ рѣшительное выступленіе Угріи на сторонѣ папы Александра III въ исторіи вызванной Фридрихомъ I схизмы и въ отплату за то — властное вмѣшательство этого папы въ дѣла угорской церкви въ ущербъ ея самостоятельности при Гейзѣ и его сынѣ.

Другимъ важнѣйшимъ факторомъ политической судьбы Угріи, не постояннымъ, а характеризующимъ именно вторую половину XII вѣка была безспорно энергическая *завоевательная политика Византіи*, именно *императора Мануила* въ Европѣ вообще и въ отношеніи къ Угріи въ особенности. Одушевленный широкими политическими задачами, Мануилъ стремился вернуть восточной имперіи ея прежнее могущество и блескъ и не только отвоевать ея бывшія владѣнія на сѣверѣ и западѣ (въ Италіи), но по возможности расширить свое политическое господство еще далѣе. Какъ на западѣ его главнымъ врагомъ и соперникомъ были Норманны, такъ на сѣверѣ неминуемо приходилось столкнуться съ Угріей, которая не только владѣла территоріей, нѣкогда входившей въ составъ имперіи, но и служила опорой для добивавшихся независимости южно-словянскихъ (сербскихъ) подданыхъ Византіи. Освободительныя стремленія послѣднихъ представляли для нея большую опасность и это сильно подстрекало [illegible] [illegible]іи на сѣ-

верную сосѣдку Мануилъ имѣлъ цѣлью во 1-хъ отнять отъ нея нѣкогда греческія и важныя для византійскихъ интересовъ области, во 2-хъ обезопасить свою имперію и власть съ этой сѣверной стороны, а для этого по крайней мѣрѣ забрать въ свои руки, иначе говоря, сдѣлать своимъ вассаломъ угорскаго короля. Нѣтъ сомнѣнія, что пылкое его воображеніе и властолюбіе сулили ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ даже полное присоединеніе угорскаго королевства къ византійской имперіи... Сближеніе Угріи съ западными латинскими врагами Византіи, поддержка ею сербскаго возстанія, обращеніе къ Мануилу претендента Бориса Коломановича и проч. не замедлили привести къ разрыву и ожесточенной войнѣ, которая тянулась затѣмъ съ перерывами почти 20 лѣтъ и за это время поглощала почти всѣ силы и вниманіе Угріи. Мануилъ поддерживалъ и нравственно и матеріально — военною силою — послѣдовательно всѣхъ претендентовъ на корону угорскую, начиная съ Бориса Коломановича, хотя и безъ большого успѣха — Владиславъ и Стефанъ IV владѣли ею слишкомъ не долго, — пока наконецъ не былъ посаженъ имъ на угорскій престолъ впрочемъ самимъ народомъ призванный византійскій кандидатъ и въ нѣкоторой степени воспитанникъ царя — цесарь Алексѣй или Бѣла III, котораго одна угорская хроника называетъ прямо *грекомъ*. Такимъ важнымъ успѣхомъ увѣнчались многолѣтнія усилія императора; съ другой стороны этимъ же вооруженнымъ вмѣшательствомъ въ угорскія дѣла Византія отвоевала у Угріи тѣ области, на которыя мѣтила, т. е. Срѣмъ и Далмацію.

Можно бы думать, что такіе успѣхи Мануила въ его угорской политикѣ въ значительной мѣрѣ парализуютъ латино-германскій напоръ на Угрію, замедлятъ настойчивыя, хотя и мирныя завоеванія въ ней западной Европы. Но въ дѣйствительности этого не было. Мы въ своемъ мѣстѣ отмѣтили трагизмъ этой политической борьбы. Мануилъ хотѣлъ отвоевать Угрію у запада, а между тѣмъ своей политикой, несмотря на внѣшніе свои успѣхи, еще болѣе оттолкнулъ это государство отъ Византіи и восточнаго христіанскаго міра и далъ утвердиться въ немъ злѣйшимъ врагамъ и его и своей [illegible]нтійской имперіи... Его побѣды въ Угріи не ознаменовались для [illegible] ными духовными и культурными результа-

тами въ смыслѣ напр. поддержки народной церкви и православныхъ началъ противъ латинства. И это вполнѣ понятно, ибо самый характеръ и пріемы завоевательной политики Византіи не имѣли ничего общаго съ духомъ и характеромъ латино-германскаго Drang nach Osten. Притомъ императоръ Мануилъ по своимъ личнымъ свойствамъ, какъ человѣкъ, руководимый въ своей дѣятельности прежде всего мотивами непомѣрнаго политическаго властолюбія и стремленіями къ внѣшнему блеску и величію, готовый ради своихъ цѣлей на всякія сдѣлки и духовныя уступки врагамъ греческой вѣры и культуры, былъ менѣе чѣмъ кто-либо способенъ быть убѣжденнымъ и дѣятельнымъ стоятелемъ за интересы восточной вѣры, за православныя культурныя начала даже въ самой имперіи, а тѣмъ менѣе за ея предѣлами, хотя-бы въ странѣ, которую онъ хотѣлъ подчинить своему вліянію. Итакъ наступательная политика Мануила не только не была въ состояніи затормазить бывшій въ полномъ ходу процессъ олатиненья и вмѣстѣ онѣмеченія угорской державы, но даже еще ускорила его... Посмотримъ теперь на другіе внѣшніе факторы ея политическаго развитія и роли.

Важное мѣсто между ними принадлежитъ отношеніямъ ея *къ южнымъ Славянамъ*, именно къ *Сербо-хорватамъ* (Болгары послѣ паденія перваго царства не играли еще тогда политической роли). Въ этихъ отношеніяхъ наступила новая эпоха со времени распространенія угорской власти на Хорватію и Далмацію. Съ тѣхъ поръ Угрія стала болѣе интересоваться южными сосѣдями и входить въ болѣе близкія отношенія съ сербскими подданными византійской имперіи. Явнымъ выраженіемъ этого сближенія былъ бракъ Бѣлы Слѣпого съ дочерью сербскаго великаго жупана Уроша Еленой, имѣвшій важныя для Угріи послѣдствія, а также признаніе Босніей верховной власти Угріи. Это поступательное движеніе Угріи къ Адріатическому морю и въ предѣлы восточной имперіи шло прямо противъ послѣдней и наперекоръ всѣмъ расчетомъ и политическимъ видамъ Комниновъ, и слѣдовательно не могло не вызвать самаго враждебнаго отношенія съ ихъ стороны. Когда же Угрія выступила не только подстрекательницей Сербовъ къ отложенію отъ Византіи, но и помощницей ихъ въ этомъ освободительномъ движеніи, то имперія

въ лицѣ Мануила не замедлила взяться за оружіе съ цѣлью отмщенія и выполненія собственныхъ завоевательныхъ плановъ.

Въ Угріи сербскій элементъ и сербскіе интересы были представлены не только матерью короля Гейзы II Еленой, но еще болѣе и особенно энергически ея братомъ, игравшимъ такую видную роль въ дѣлахъ Угріи въ первую половину правленія Гейзы, баномъ и палатиномъ Бѣлушемъ. Онъ пользовался большимъ авторитетомъ и вліяніемъ въ угорской внѣшней политикѣ и внутреннихъ дѣлахъ того періода и, пока не потерялъ довѣрія Гейзы, составлялъ съ своей партіей, къ которой примыкали, какъ мы видѣли, и братья Гейзы, довольно сильную оппозицію вліянію и интригамъ латино-германскимъ; но какъ сербъ и братъ сербскаго великаго жупана, онъ въ то же время былъ всетаки противникомъ властолюбивой политики Мануила, а потому не могъ достаточно противодѣйствовать вызванному ею политическому сближенію Угріи съ западомъ; такимъ образомъ его дѣятельность и вообще сербское вліяніе не могли предохранить Угріи отъ происковъ латино-нѣмецкихъ, тѣмъ болѣе, что Бѣлушъ принужденъ былъ уже въ 50-хъ годахъ сойти со сцены — оклеветанный своими врагами по поводу исторіи гейзиныхъ братьевъ Владислава и Стефана. Зато съ другой стороны Угрія въ эту пору - нельзя не признать этого — оказала не малую услугу воскресавшему южному славянству, именно сербскому народу, поддерживая его, конечно изъ своихъ политическихъ видовъ, въ его стремленіяхъ и предпріятіяхъ къ освобожденію изъ византійской власти.

Если связи Угріи съ Сербіей всетаки до извѣстной степени хоть временно являлись противовѣсомъ вліянію латинской Европы на Угрію, то этого уже никоимъ образомъ нельзя сказать объ *отношеніяхъ и связяхъ съ Чехіей*, которыя также не послѣднимъ факторомъ ложились на политическіе вѣсы угорскаго государства въ разбираемую эпоху. Чехія давно уже вступила въ вассальныя отношенія къ западной имперіи, и политическая жизнь ея была въ тѣсной связи съ политикой Германіи. Чешскіе князья считались князьями имперіи, были по бо́льшей части покорными слугами императора, служили его планамъ и цѣлямъ, хотя-бы они были направлены противъ ихъ соплеменниковъ — другихъ западныхъ Славянъ; особенно послушны они были, когда расчитывали на добрую награду,

могшую придать блескъ ихъ престолу, а такою высшею наградою была разумѣется королевская корона, изъ-за которой и приносилось ими много жертвъ.... Вмѣстѣ съ тѣмъ латинство и нѣмецкій духъ уже успѣли овладѣть тамъ крѣпкой позиціей. Понятно, что сближеніе Угріи съ такой страной, какъ Чехія, всего менѣе могло служить къ поддержанію ея народной самобытности и независимости отъ латино-германскаго запада, и это тѣмъ болѣе, что населеніе значительной части Угріи было связано близкимъ племеннымъ родствомъ съ народомъ чехо-моравскимъ.

Отношенія угро-чешскія были и въ XII вѣкѣ, какъ и прежде и послѣ, измѣнчивы и непостоянны, завися главнымъ образомъ отъ дружественныхъ и родственныхъ отношеній государей и отъ другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Но въ интересующій насъ періодъ эти отношенія къ Чехіи были почти все время самыя дружественныя и близкія, и это не могло не отразиться въ извѣстномъ смыслѣ на тогдашней политической жизни и роли Угріи. Чешскій князь Владиславъ II, несмотря на свою энергію, властолюбіе и нѣкоторое стремленіе къ самостоятельности, былъ все-же усерднымъ слугою имперіи и орудіемъ нѣмецкой политики и дѣйствовалъ, какъ князь имперіи, въ интересахъ латинскаго запада и Нѣмцевъ. Въ этомъ отношеніи на его политическую роль вообще нисколько не вліяли его связи и родственные союзы то съ Русью, то съ Византіей. Онъ подобно другимъ имперскимъ князьямъ принималъ участіе во второмъ крестовомъ походѣ, вѣрно служилъ Фридриху, за что и получилъ корону, помогалъ ему не только противъ Италіи, но и противъ Польши, однимъ словомъ служилъ нѣмецкимъ интересамъ, — вспомнимъ при этомъ роль и дѣятельность епископа пражскаго Даніила, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ императора Фридриха.

Само собой разумѣется, что, находясь въ дружбѣ съ королемъ угорскимъ (Гейзой II, а потомъ его сыномъ Стефаномъ), Владиславъ могъ быть только невольнымъ проводникомъ туда всякихъ латино-германскихъ идей, политическихъ стремленій и вліяній. Онъ дѣйствительно не разъ являлся въ роли такого посредника между западомъ и Угріей, совершенно въ томъ же духѣ, какъ его другъ и родственникъ герцогъ австрійскій Генрихъ Язомирготъ. Черезъ нихъ происходило сближеніе Гейзы съ Фридрихомъ; имъ обоимъ послѣдній поручалъ

улаживать угорскія дѣла (по поводу обращенія къ нему гейзина брата Стефана); при посредствѣ чешскаго епископа императоръ старался перетянуть Угрію на свою сторону въ исторіи папскаго раскола. То же продолжалось и позже при Стефанѣ Гейзичѣ, когда Владиславъ защищалъ его противъ Мануила (въ интересахъ того же запада), или когда напр. Фридрихъ совѣтовался съ Генрихомъ Язомирготомъ и чешскимъ королемъ объ угорскихъ дѣлахъ (1165). Итакъ мы, думается, не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что отношенія къ Чехіи и чешское вліяніе, какъ факторъ въ политической судьбѣ Угріи того времени, играли почти такую же роль, какъ и связи ея съ нѣмецкими сосѣдями, напр. съ австрійскимъ герцогомъ...

Намъ остается [1]) сказать еще объ одномъ внѣшнемъ факторѣ въ тогдашней политической исторіи Угріи, который могъ бы имѣть важное и благотворное значеніе для нея, именно въ смыслѣ опоры самобытности, но который къ сожалѣнію былъ рано парализованъ какъ совокупностью другихъ ему противныхъ, болѣе дѣятельныхъ факторовъ, такъ и вообще направленіемъ историческихъ событій. Это были связи съ славянскимъ востокомъ, съ *православною Русью*. Эти издавно начавшіяся разнородныя сношенія обусловливались и родствомъ русской Угріи съ Русью сосѣднихъ княжествъ и вообще съ южною Русью, и политическими интересами Угровъ, побуждавшими ихъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла русскихъ князей, которые часто сами призывали ихъ себѣ на помощь, и много значившими въ тѣ времена родственными связями государей.

Мы видѣли, что такое сближеніе съ Русью настало вскорѣ по вступленіи на престолъ Гейзы II. Не можетъ быть сомнѣнія, что тому значительно способствовало вліяніе православно-славянскаго, именно сербскаго элемента самой королевской семьи: во главѣ правленія до совершеннолѣтія Гейзы, какъ знаемъ, стояли его мать Елена и дядя банъ Бѣлушъ изъ православнаго великожупанскаго сербскаго рода, и ихъ симпатіи не могли не принадлежать славянству

---

[1]) Отношенія къ *Польшѣ* не могутъ быть поставлены здѣсь на ряду съ отношеніями къ Сербіи, Чехіи и Руси, ибо они въ тотъ періодъ были очень слабы и незначительны.

вообще и восточному въ частности. Сближеніе выразилось бракомъ короля съ внучкой Мономаха, умной и энергической Евфросиньей Мстиславовной, которая, какъ королева угорская, пользовалась на своей новой родинѣ большимъ уваженіемъ и не малымъ вліяніемъ. Бракъ этотъ дружески сблизилъ съ Гейзой его шурина, дѣятельнѣйшаго и даровитаго южнорусскаго князя Изяслава Мстиславича, который, ведя упорную борьбу за кіевскій столъ со старшею, суздальскою линіей Мономаховичей, опирался на Угрію, на всегда готоваго помогать ему зятя Гейзу. Такимъ образомъ Угрія была втянута въ русскія дѣла и отношенія и помогла Изяславу утвердиться на кіевскомъ престолѣ. Но преждевременная смерть этого князя, послѣдовавшія событія на Руси и новыя политическія вліянія въ самой Угріи постепенно измѣнили интимный и дружескій характеръ угро-русскихъ отношеній.

Въ самой Угріи въ продолженіе всего царствованія Гейзы и послѣ него неустанно дѣйствовали противъ этихъ связей съ цѣлью ихъ подрыва элементы имъ глубоко враждебные, латино-германскіе и, когда наконецъ не стало естественной, живой и дѣятельной поддержки этихъ связей въ лицѣ Изяслава Мстиславича († 1154), то этимъ элементамъ быстро удалось преодолѣть вліяніе прочей русской родни короля и, быть можетъ, даже отчасти опутать своими сѣтями королеву Евфросинью, которая одна не могла боротъся противъ сильнаго противнаго теченія. Такой перемѣнѣ въ политическомъ настроеніи Гейзы содѣйствовали и другія одновременныя внутреннія условія и внѣшнія отношенія, какъ напр. исторія съ братьями короля и перемѣна въ положеніи бана Бѣлуша, могущественное вліяніе архіепископа остригомскаго Луки Банфи, политическое сближеніе сперва съ Фридрихомъ, а потомъ и съ папой Александромъ III и проч.

Въ началѣ правленія Стефана Гейзича былъ опять моментъ оживленія угро-русскихъ связей, когда произошло — не иначе какъ подъ вліяніемъ единственнаго живого связующаго звена, т. е. вдовствующей королевы Евфросиньи — сближеніе съ Ярославомъ Владим. галицкимъ и помолвка короля съ дочерью послѣдняго. Но, какъ мы видѣли, съ одной стороны византійская интрига, съ другой безъ

сомнѣнія и происки латинства не замедлили разорвать эти отношенія.

Это явленіе отчужденія между Угріей и Русью съ 50-хъ годовъ XII вѣка разъясняется еще болѣе, если не оставлять безъ вниманія еще одного важнаго факта, о которомъ у насъ была уже рѣчь въ своемъ мѣстѣ: пока Угрію въ политическомъ и культурномъ отношеніяхъ отрывали отъ Руси вліянія латино-нѣмецкія, которымъ какою-то ироніей судьбы помогала политика Мануила, на Руси тѣмъ временемъ совершался процессъ перемѣщенія государственнаго и политическаго средоточія съ югозапада на сѣверовостокъ, изъ Кіева въ земли суздальскую и ростовскую, поворотнымъ моментомъ котораго было взятіе Кіева Андреемъ Боголюбскимъ (1169) и утрата этою „матерью городовъ русскихъ" своего первенствующаго значенія и роли. Это удаленіе на сѣверовостокъ, далеко отъ западныхъ окраинъ—русской государственной силы и главнаго узла русскихъ политическихъ интересовъ не могло не отразиться не только на судьбахъ самихъ западно- и южно-русскихъ краевъ, предоставленныхъ съ тѣхъ поръ однимъ своимъ силамъ, но и на политическомъ и національномъ бытіи западныхъ, сопредѣльныхъ съ Русью славянскихъ народностей, особенно ближайшаго угорскаго славянства, ибо съ этимъ переворотомъ естественно должна была ослабѣть сила взаимнаго тяготѣнія обоихъ государствъ вслѣдствіе разобщенія ихъ интересовъ. Надо замѣтить однакожъ, что связи Угріи съ западно-русскими княжествами, особенно съ галицкимъ, не могли прекратиться уже въ силу непосредственнаго сосѣдства и одноплеменности населенія по обѣ стороны Карпатовъ. А для политическихъ властолюбивыхъ видовъ Угріи, съ теченіемъ времени возраставшихъ, обособленіе, уединенность западной Руси являлись даже обстоятельствомъ благопріятнымъ и выгоднымъ.

Итакъ мы разсмотрѣли здѣсь вкратцѣ главнѣйшіе элементы и внѣшніе факторы, опредѣлявшіе собою политическое развитіе и политическую роль Угріи во вторую и третью четверть XII вѣка. Мы видимъ, что одни изъ этихъ факторовъ дѣйствовали въ интересахъ народной самобытности, въ защиту старой вѣры и связанныхъ съ нею соціальныхъ и бытовыхъ началъ, въ пользу удержанія Угріи въ тѣсной связи съ греко-славянскимъ востокомъ и его культурой;

другіе, роковымъ образомъ влекшіе ее въ совершенно противоположную сторону, служили проводниками западноевропейскаго общественнаго и государственнаго строя, латинства и папской власти, наконецъ германизаціи, и втягивали ее въ чуждый міръ латино-германскій. Слишкомъ очевидно изъ всего изложеннаго, что преобладающая сила и перевѣсъ находились на сторонѣ не первыхъ, а послѣднихъ, несмотря на внѣшніе успѣхи завоевательной политики тогдашняго главы восточнаго царства, императора Мануила и на довольно сильную еще въ самой Угріи враждебную западу народную партію.

Занявшая насъ эпоха является такимъ образомъ лишь новымъ и притомъ весьма замѣтнымъ шагомъ Угріи по тому пути, на который латинскій западъ издавна тянулъ ее и который въ концѣ концовъ совершенно измѣнилъ ея прежній характеръ и политическую роль.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Обозрѣніе важнѣйшихъ источниковъ исторіи Угріи съ 1141 по 1173 г.

А) ДОМАШНІЕ ИСТОЧНИКИ [1]).

Угорская старая хроника, сохранившаяся къ сожалѣнію лишь въ позднѣйшихъ обработкахъ (конца XIII — XV в.) представляетъ нѣсколько редакцій.

Самая ранняя по времени у *Сим. Кезы* (Sim. de Kézai Gesta Hungarorum), составленная около 1285 г., по новѣйшимъ критическимъ изысканіямъ, оказывается вовсе не первоначальною: Кеза—по всему видно—самъ воспользовался болѣе старой редакціей, которая намъ извѣстна въ болѣе позднихъ спискахъ и обработкахъ XIV—XV вв. [2]).

Оригиналомъ этихъ послѣдующихъ обработокъ, очень близкихъ другъ къ другу, послужила, какъ думаютъ, хроника, составленная около 1330 г. въ Будинѣ (Офенѣ) въ миноритскомъ монастырѣ, на что есть ясныя указанія (см. Марцали).

Изъ этихъ обработокъ старшею не безъ основанія нѣкоторые признаютъ *Будинскую* (Офенскую), какъ наименѣе распространенную и разукрашенную подробностями (ея изданіе 1838 г. *Chronicon Budense*, Podhradczky, Budae, съ цѣнными примѣчаніями). Она отличается точными хронологическими отмѣтками и бóльшею сжатостью изложенія.

Затѣмъ слѣдуетъ болѣе распространенная переработка такъ назыв. *Иллюстрированная хроника* (Chron. Picturatum,

---

[1]) Для общей характеристики угорскихъ хроникъ отсылаемъ читателя къ труду Marczali, Ungarns Geschquell. im Zeitalt. d. Arpáden, Berlin 1882, S. 38—40, 102—106.

[2]) Къ этому выводу пришелъ Марцали въ Ung. Geschichtsquellen (идя по стопамъ Toldy); съ нимъ согласились и послѣдующіе критики, гг. Губеръ и Ганненгеймъ (о нихъ трудахъ см. ниже).

Bilderchronik, рук. 1358), изданная Toldy съ ученымъ предисловіемъ подъ именемъ *Marci Chronica* (Pest, 1867; довед. до 1330), ибо издатель считаетъ авторомъ ея, на основаніи показаній нѣкоторыхъ писателей XVI в., нѣкаго *Марка* (Marcus), лице— впрочемъ намъ совершенно неизвѣстное. Эта редакція была переработана въ XV в. (продолжена и нѣсколько передѣлана) магистромъ *Ioan. Туроціемъ* (протонотаріемъ короля Матвѣя Корвина): *Ioann. de Thurócz, Chronica Hungarorum* (рукоп. конца XV вѣка) довед. до 1464 года. Изданіе ея (кромѣ старыхъ) у Schwandtner'a, Scriptores rerum Hungaricarum, T. I.

Нѣмецкую переработку этой редакціи или нѣмецкій переводъ такой переработки, мѣстами болѣе полной, представляетъ хроника *Генриха Мюгельнскаго*, или *Мугленова*: Chronik von *Heinrich v. Muglen* (v. Mügeln) тоже изъ XIV в. (пис. ок. 1365, рук. изъ XV в.); авторъ – нѣмецкій рыцарь, жившій между прочимъ и при дворѣ короля Людовика Великаго. Издалъ ее Kovachich въ Sammlung kleiner noch ungedruckter Stücke, Ofen, 1805, съ предисловіями Энгеля и самого Ковачича.

Далѣе слѣдуютъ болѣе второстепенныя, тоже позднія, редакціи: *Римованная* (латинск.—по нѣм. хр. Мюгельна) только до 1070 г. (изд. Энгелемъ въ Monumenta Ungrica, Wien, 1809); *Дубницкая, Вел.-Вараждинская* и др.

Наконецъ первоначальной хроникой, послужившей оригиналомъ и основой для вышеназванныхъ переработокъ, воспользовался, какъ сказано, въ концѣ XIII в. *Симонъ Кеза, Simon de Kézai* для своихъ *Gesta Hungarorum* (рук изъ XV в.). Это—единственная хроника съ именемъ автора и время составленія которой извѣстно. Она доведена до 1282 г. и написана именно тогда, въ 80-хъ годахъ, въ концѣ правленія короля Владислава Кумана (1272—1290). Издана (кромѣ стар. изд.) у Endlicher'a, *Rer. Hung. Monumenta Arpadiana*, Sangalli, 1848.

Въ извѣстной зависимости отъ старой редакціи хроники находятся такъ назыв. (но неточно) *Пресбургскіе анналы* — очень скудные, и незначительные, съ перепутанной хронологіей: *Annales Posonienses* (рук. XIII в.), изд. у Pertz, M. G. SS. XIX, 571, у Endlicher'a, Mon. Arp. (p. 55)—подъ им. *Chronicon Posoniense*, и Ваттенбахомъ подъ болѣе правильнымъ названіемъ *Annales veteres Ungarici* въ Archiv für Oesterr. Geschichte, B. XLII, 502—506.

Совсѣмъ особо стоитъ хроника *Анонима, Нотарія короля Бѣлы* (вѣроятно IV-го), повѣствующая лишь о древнѣйшей эпохѣ—преимущественно завоеваніи угорскихъ земель Мадьярами.

Что же даютъ намъ, для нашей эпохи, разныя редакціи старой угорской хроники? Къ сожалѣнію—очень и очень мало. Болѣе подробное повѣствованіе о событіяхъ первой половины XII в. (хотя уже менѣе содержательное, чѣмъ до конца XI-го) обрывается въ хроникѣ Марка-Туроція какъ разъ въ серединѣ царствованія Гейзы II го, на 1147 г., а у другихъ даже ранѣе, и обращается въ голое и сухое перечисленіе королей съ означеніемъ времени вступленія на престолъ, коронаціи, смерти и мѣста погребленія, и съ упоминаніемъ крайне рѣдко другихъ историческихъ фактовъ. Такой характеръ хроника имѣетъ до начала XIII в., до правленія Андрея II, съ котораго начинается опять болѣе подробный разсказъ. Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ хроника *Мюгельна* (Мугленa), въ которой находимъ хоть какой-нибудь разсказъ (хотя и не очень подробный) о событіяхъ въ правленіи Гейзы II и его ближайшихъ преемниковъ, за которымъ слѣдуетъ всетаки тотъ же перечень королей за это время, что́ и въ другихъ редакціяхъ. Очевидно хроника Мюгельна имѣетъ для насъ безспорную цѣну, особенно если мы убѣдимся въ первоначальности или древности ея источниковъ.

I. Хроника Марка-Туроція.

Такъ какъ хроника въ ред. Марка и Туроція всетаки заключаетъ въ себѣ небезъинтересный разсказъ о началѣ правленія Гейзы II, которымъ мы пользуемся, то для насъ имѣетъ значеніе вопросъ о томъ, къ *какому времени* относится запись событій этого времени, отъ чего зависитъ конечно степень ея достовѣрности. Вопросъ этотъ спорный и о немъ существуютъ различныя мнѣнія, которыя сводятся къ слѣдующему.

Г. Марцали въ своемъ первомъ и единственномъ пока трудѣ объ источникахъ угорской исторіи (Hein. Marczali, Ungarns Geschichtsquellen im Zeitalter der Arpáden, Berlin, 1882), пришелъ къ выводу, что первая запись („erste Fixirung“) исторіи королей угорскихъ относится именно ко времени, когда обрывается болѣе подробный разсказъ, т. е. къ половинѣ XII вѣка, къ 1150—1160 (стр. 80), въ какомъ случаѣ разумѣется извѣстія о началѣ правленія Гейзы II (1141—1147) пріобрѣтаютъ большую цѣну и достовѣрность, какъ записанныя современникомъ. Главный аргументъ г. Марцали состоитъ въ

томъ, что способъ выраженія и отзывы хрониста (чрезвычайно хвалебные, такъ сказать дифирамбическіе) о короляхъ Бѣлѣ II и Гейзѣ II явно обличаютъ современника, равно какъ въ пользу того же говоритъ пристрастное, недоброжелательное отношеніе его къ Коломану и его сыновьямъ Стефану II и Борису рядомъ съ расположеніемъ къ Альму—отцу Бѣлы II.

Послѣдующую, *вторую* запись исторіи Марцали относитъ ко времени короля Андрея II (около 1230 г.), и наконецъ *новую* редакцію, сведшую воедино предыдущія, къ 30-мъ годамъ XIV в. (Marci Chronica—1330), исполненную въ офенск. миноритскомъ монастырѣ.

Этотъ взглядъ Марцали, главнымъ образомъ относительно времени первой записи оспариваетъ г. Губеръ въ своей критикѣ его труда (Huber въ Mittheil. des Instit. für Oesterr. Geschichtsforsch., IV Band. 1883, S. 132—137). Еслибъ первая часть хроники возникла между 1150 и 1160 гг., то по его мнѣнію извѣстія о событіяхъ первой половины XII в., особенно о времени Бѣлы II и Гейзы II, должны бы быть вполнѣ точны. Между тѣмъ такой точности нѣтъ; изложеніе болѣе драматическое, чѣмъ историческое, и въ добавокъ встрѣчаются грубыя ошибки, въ которыя не могъ де впасть современникъ. Въ доказательство критикъ приводитъ разсказъ о войнѣ Угровъ съ Австріей въ 1146 г.: тутъ не вѣрны де имена нѣмецкихъ графовъ, завладѣвшихъ Пресбургомъ; герц. баварскій Генрихъ ошибочно называется dux (герцогъ) Austriae, каковаго тогда еще не было, и вообще невѣрно то, что о немъ сообщается (о его отношеніяхъ къ Генриху Льву; о томъ, что онъ привелъ съ собой omnes bellatores изъ Саксоніи и Баваріи); далѣе Губеръ указываетъ на смѣшеніе Софіи, жены короля Саломона, съ Софіей —дочерью Бѣлы II (какъ будто обѣ были въ Адмонтѣ), и на то еще, что о Бѣлѣ Слѣпомъ находимъ въ хроникѣ не только хвалу, но и противоположное, напр. показаніе о его страсти къ вину. На этомъ основаніи критикъ относитъ первую запись ко времени не ранѣе конца правленія Андрея II или даже нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе, но не позже 1280 г., ибо ею уже воспользовался Кеза. Еще позже, въ періодъ до половины XIV в. она была распространена въ своей части отъ 1052 до 1146 г. цѣлымъ рядомъ сказочныхъ чертъ и риторическихъ украшеній (стр. 136). При такомъ взглядѣ, само собой разумѣется, интересующія насъ извѣстія (40-хъ годовъ XII в.) много теряютъ относительно своей достовѣрности и слѣдова-

тельно важности [1]). Но это мнѣніе Губера въ свою очередь нашло себѣ критика въ г. Ганненгеймѣ, авторѣ монографіи „Ungarn unter Bela II und Geisa II“ (Hermannstadt, 1884), рѣшительно выступающемъ сторонникомъ Марцали. Онъ довольно удачно опровергаетъ аргументы Губера: неточность и самый характеръ изложенія легко де объясняются происхожденіемъ хроникъ изъ подъ пера лицъ духовныхъ, далеко стоявшихъ отъ описываемыхъ событій, да и тѣмъ, что дошли лишь поздніи переработки; отмѣчаемыя Губеромъ невѣрности разсказа о войнѣ 1146 г. вовсе не такъ грубы: незнаніе именъ упомянутыхъ нѣмецкихъ графовъ для угорскаго хрониста простительно, если ихъ не знаетъ и Оттонъ Фрейзингенскій, а названный хроникой Rapolt могъ участвовать въ дѣлѣ и рядомъ съ другими; наименованіе Генриха Язомирготы „dux Austriae“ можетъ быть промахомъ, а незнаніе въ точности отношеній его къ Генриху Льву понятно у иностранца, хотя и современника; выраженіе omnes bellatores de Saxonia et de Bavaria есть просто риторическое преувеличеніе. Что касается показанія о Софіи, женѣ Саломона, то критикъ вовсе не усматриваетъ въ немъ смѣшенія, которое видитъ Губеръ. Наконецъ свидѣтельство о Бѣлѣ II, именно о его страсти къ вину, хотя и идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ превознесеніемъ его ранѣе, однакожъ не такъ, чтобъ его совсѣмъ затмить (Escurs, III—V) [2]). Итакъ и этотъ изслѣдователь признаетъ извѣстія о началѣ правленія Гейзы II записанными современникомъ (1150—1160) и принимаетъ воззрѣніе Марцали, съ тою разницею, что по его мнѣнію первая эпоха (до Коломана) была записана еще ранѣе половины XII в., а въ 1150—60 гг. была переработана ея послѣдняя часть и составлено продолженіе до 1147 г. (стр. X.); дальнѣйшее же продолже-

---

1) Съ недовѣріемъ къ выводамъ Марцали объ отношеніи хроники Кезы къ другимъ редакціямъ, основаннымъ будто-бы на первоначальномъ сводѣ, и о составленіи послѣдняго уже въ полов. XII в. отнесся и русскій рецензентъ труда Марцали г. В. Кракау въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1883 г. т. 227, стр. 123 — 126, хотя онъ и не отрицаетъ возможности составленія того или другого разсказа, вошедшаго въ позднѣйшую переработку XIII—XIV в., и въ половинѣ XII в. (1150 — 1160), но только отдѣльно, а не въ лекстѣ первоначальной хроники, въ которой, по его мнѣнію, могло заключаться „лишь то, что находится у Кезы.“

2) Вѣроятно это неблагопріятное Бѣлѣ извѣстіе внесено было уже при позднѣйшей переработкѣ хроники изъ другого источника, а въ первоначальной редакціи его не было, какъ нѣтъ и въ хроникѣ Генр. Мюгельнскаго.

ніе (послѣ 1141 г.) онъ относитъ ко времени болѣе позднему, чѣмъ Марцали, именно къ правленію королей Бѣлы IV и Стефана V, и въ этомъ не очень расходится съ Губеромъ.

Разницу между хроникой „Marcus-Turócz" и *Будимской*, въ которой и первая пол. XII в. состоитъ только изъ краткихъ хронологическихъ отмѣтокъ и гдѣ не имѣется насъ занимающаго разсказа, онъ объясняетъ такъ. Въ пору составленія перваго продолженія (въ полов. XII в.)—послѣднее было прибавлено къ одному списку; другіе остались безъ него до полов. XIII в., когда новое продолженіе (съ Андрея II) было сперва приставлено къ такому неполному списку, а промежутокъ былъ заполненъ краткимъ хронологическимъ перечнемъ королей,—*такъ получился оригиналъ Будимской хроники*; позднѣйшій переписчикъ нашелъ редакцію, хватавшую до 1147 г. и присоединилъ къ ней упомянутое новое продолженіе,—*такъ получился прототипъ хроники Marcus-Thurócz*.

Мы съ своей стороны должны сказать, что находимъ такое объясненіе довольно правдоподобнымъ и вообще склоняемся на сторону Марцали и Ганненгейма въ вопросѣ о близкой къ совершенію событій записи разсказа о 1146 и 1147 гг., и слѣдовательно о достовѣрности передаваемыхъ имъ фактовъ.

По нашему мнѣнію, основанному на разборѣ данныхъ извѣстій хроники, фактическая ихъ сторона свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ принадлежности эпохѣ близкой къ событіямъ, ибо, не говоря уже объ убѣдительности аргумента г. Марцали объ обличающемъ современника отношеніи къ Гейзѣ и его отцу и дѣду, оба разсказа – о войнѣ 1146 г. и крестовомъ походѣ 1147 г. (инцидентъ съ Борисомъ Коломановичемъ) носятъ слѣды еще довольно живыхъ впечатлѣній, да и въ общемъ подтверждаются другими современными свидѣтельствами. Вышеуказанные (Губеромъ) неточности или промахи не мѣшаютъ намъ допустить, что хронистъ, не близко стоявшій къ событіямъ и официальному міру и мало знакомый съ дѣлами иноземными, писалъ въ послѣдніе годы правленія Гейзы (ок. 1160 г.), когда отчасти уже могли и изгладиться изъ памяти подробности событій минувшихъ десятилѣтій, когда съ другой стороны напр. Генрихъ Язомирготъ былъ уже дѣйствительно dux Austriae—герцогъ Австрійскій. То, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ позднѣйшей переработкой хроники (изъ XIV в.), не возбуждаетъ въ насъ излишняго скептицизма; переработкѣ принадлежать несомнѣнно эпическій колоритъ разсказа и риторическія прикрасы, характеризующіе эту редакцію вообще, но ихъ не трудно

отдѣлить отъ части фактической, которая не была сочинена, а имѣлась въ текстѣ старѣйшей редакціи, или пожалуй существовала въ видѣ отдѣльнаго разсказа. Вотъ почему мы рѣшительно признаемъ интересующій насъ разсказъ хроники о событіяхъ первыхъ годовъ правленія Гейзы II заслуживающимъ полнаго вниманія наравнѣ съ другими современными, иностранными извѣстіями: тѣ и другія взаимно себя дополняютъ и исправляютъ; иногда версію хроники приходится даже предпочесть иностранному источнику (напр. о Борисѣ въ 1147 г.). Что касается отношенія редакціи Marcus-Thurócz къ *Будинской*, то мы готовы присоединиться къ мнѣнію и гипотезѣ г. Ганненгейма. Будинская дѣйствительно должна быть ближе къ прототипу, и ея болѣе точныя хронологическія даты придаютъ ей большую цѣну—также и для нашего времени.

---

2. Хроника Генриха Мюгельнскаго.

Особенную цѣну, какъ мы видѣли, имѣетъ для насъ, а слѣдовательно и особаго вниманія заслуживаетъ нѣмецкая редакція хроники—*Мюлена* (Генр. Мюгельнскаго) [1]), заключающая въ себѣ такія извѣстія о времени правленія Гейзы II и его преемниковъ до Бѣлы III, какихъ не имѣется ни въ одной редакціи, и такимъ образомъ *до нѣкоторой степени* пополняющая большой пробѣлъ въ угорскихъ хроникахъ. Какъ вполнѣ доказалъ Марцали (стр. 63), это не есть самостоятельный нѣмецкій трудъ, а *переводъ* латинской компиляціи или извлеченія изъ бо́льшаго свода. Спрашивается только, къ какому времени можетъ относиться запись важныхъ для насъ извѣстій изъ второй половины XII в. Непрерывность изложенія въ ней событій *до* и *послѣ* 1147 года, отсутствіе какой-либо взаимной склейки на томъ пунктѣ, гдѣ обрывается разсказъ у Markus-Thurócz'а, говоритъ ясно въ пользу того, что мы имѣемъ дѣло не съ позднѣйшей вставкой, а съ правильнымъ продолженіемъ первоначальной записи (до 1147 г.); съ другой стороны самое содержаніе извѣстій, ихъ историческое правдоподобіе и частое согласіе съ другими современными источниками [2]), при всѣхъ неточностяхъ и значительной запутанности изложенія, не допускаютъ и мысли о томъ, что они изложены въ

---

[1]) Mügeln въ Саксоніи, въ стар. Мишеньскомъ маркграфствѣ.

[2]) Они оцѣнены еще Энгелемъ въ изданіи Ковачича. См. стр. XXII—XLIII, а потомъ Marczali, o. c. S. 65—66.

позднѣйшее время, а напротивъ служатъ сильнымъ ручательствомъ ихъ достовѣрности и современнаго происхожденія. Любопытнымъ фактомъ, раскрывающимъ нѣсколько возникновеніе и пріемы компиляціи Муглена или его латинскаго оригинала (если считать его только переводчикомъ), является то, что къ подробному самостоятельному разсказу о событіяхъ до Бѣлы III (гл. LII—LV вкл.) присоединенъ механически тотъ перечень королей за это время, что̀ имѣется въ другихъ хроникахъ (гл. LVI—LVIII), и притомъ очень неловко,—такъ что Стефанъ III оказывается своимъ собственнымъ сыномъ (Cap. LVI: wie Kunig Stephan Kunig Stephans sun gekront ward). На это обстоятельство обратилъ уже должное вниманіе г. Ганненгеймъ (S. XI—XIII) и на немъ построилъ свое объясненіе происхожденія компиляціи, переведенной Мюгельномъ, которое справедливость требуетъ признать весьма правдоподобнымъ — при неимѣніи данныхъ для какого-либо иного объясненія и при еще недостаточномъ сравнительномъ критическомъ изслѣдованіи и изученіи всѣхъ имѣющихся текстовъ хроникъ—въ ихъ цѣломъ и въ частяхъ [1]).

Г. Ганненгеймъ представляетъ себѣ дѣло такъ. То продолженіе хроники, которое мы находимъ только у Мюгельна (съ 1147 г. до Бѣлы III), было сдѣлано въ одномъ изъ списковъ первоначальной хроники, вскорѣ послѣ окончанія перваго продолженія (до 1147 г.), и осталось неизвѣстнымъ послѣдующимъ составителямъ того свода (Marcus-Thurócz). Мюгельнъ или вѣрнѣе переписчикъ латинскаго его оригинала очевидно имѣлъ передъ собой двѣ редакціи—продолженную послѣ 1147 г. и оставшуюся не продолженной — и воспользовался обѣими очень неумѣло и механически: дойдя до половины XII в., онъ взялъ сперва первую изъ нихъ, а когда она была исчерпана, онъ обратился къ другой и помѣстилъ ея краткій разсказъ съ того пункта, на которомъ раньше остановился въ пользованіи ею, не потрудившись даже разобрать дѣло и какъ-нибудь ловчѣе сдѣлать переходъ; подробный разсказъ оканчивается правленіемъ Стефана III въ гл. LV, а главою LVI начинается другой, краткій перечень королей съ того же Стефана III, котораго такимъ образомъ авторъ принимаетъ за сына предыдущаго Стефана, т. е. своего собственнаго.... Какъ

---

[1]) Такой недостатокъ предварительныхъ изученій и критики текстовъ признаетъ и этотъ ученый (см. S. XIV), отдавая однакожъ должное трудамъ Марцали, Toldy, Губера.

бы то ни было — повторяемъ — сообщенія хроники Мюгельна о Гейзѣ II и его преемникахъ, не смотря на всѣ неисправности дошедшей рукописи, весьма цѣнны, и при критической провѣркѣ служатъ важнымъ дополненіемъ другихъ современныхъ извѣстій.

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе угорскіе историческіе источники (повѣствовательные), касающіеся эпохи, насъ занимающей. Г. Марцали въ своемъ трудѣ причисляетъ къ угорскимъ источникамъ эпохи Арпадовичей еще:

1. Угорскія извѣстія во *Всемірной хроникѣ Альберика* (изд. Pertz. SS. XXIII, p. 631 — 950; ed. Scheffert-Boichorst; о ней Wilmans въ Arch. f. deutsche Gesch. X, S. 174 и Wattenbach, D. Geschquell.) изъ половины XIII вѣка (—1241).

2. *Ѳома архидіаконъ Сплѣтскій.* Thomas arch. Spalat.: Historia Salonitanorum pontificum atque Spalatensium (изд. Lucius, De Regno Dalm. et Croat., и Schwandtner, Scr. R. H., III) тоже изъ XIII в.

Но въ первой (хроникѣ *Альберика*) извѣстія, хотя и почерпнутыя очевидно изъ угорскихъ источниковъ, для нашего времени не представляя ничего самостоятельнаго и новаго, отличаются сбивчивостью, безпорядочностью и невѣрностями. Трудъ *Ѳомы Сплѣтскаго* — за то имѣетъ важное значеніе спеціально для исторіи Дальмаціи, а черезъ нее и для Угріи.

Что касается *документальныхъ* угорскихъ источниковъ, какъ-то грамотъ, посланій и другихъ актовъ, то таковые, хотя для середины XII вѣка, къ сожалѣнію, еще и немногочисленны, тѣмъ не менѣе представляютъ разумѣется очень цѣнный матеріалъ нетолько для внутренней исторіи Угріи, но въ извѣстной степени и для нашихъ цѣлей, т. е. для изслѣдованія ея политической исторіи. Эти документы для второй половины XII вѣка изданы въ собраніяхъ: Fejér, Codex diplomat. Hungariae (Budae, 1829), tom. II и VII, и продолженіе: Wenzel, Codex Diplom. Arpadianus continuatus въ Monumenta Hungariae historica, Diplomataria, T. VI, XI, XX и др. томы этого изданія. Затѣмъ также Kukuljević Sakcinski, Codex diplomaticus Regni Croatiae, Slavoniae et Dalmacie, II (Zagr. 1876) и въ другихъ изданіяхъ.

Особо можетъ быть отмѣченъ здѣсь извѣстный документъ изъ XII в.—объ объемѣ, церковномъ подраздѣленіи Угріи и доходахъ короля и епископовъ при Бѣлѣ III, очевидно имѣющій значе-

ніе и для предшествующаго времени. Это Status regni Hungariae sub Bela III Rege: Regni Ungarie fines et dominatus amplitudo (въ парижск. рукоп. XII в.), изд. у Endlicher'a Monum. Arpad., p. 245.

Наконецъ выдающееся значеніе и интересъ для того времени представляютъ нѣсколько новооткрытыхъ писемъ изъ половины XII в. Гейзиной сестры, несчастной *Софіи*, бывшей невѣсты Конрадова сына Генриха, къ ея брату Гейзѣ, матери Еленѣ и архіеп. Зальцбургскому Конраду. Они недавно найдены и изданы впервые г. Якшемъ въ Mittheil. d. Instit. f. Oesterr. Geschforschung, II Ergänz.-B., 2 H. (1888). См. приложеніе II.

В) ИНОСТРАННЫЕ ИСТОЧНИКИ.

I. Византійцы.

Излишне говорить о томъ, какой неисчерпаемый драгоцѣнный источникъ важныхъ и достовѣрныхъ извѣстій представляетъ византійская исторіографія для государствъ и народовъ, сосѣднихъ съ восточной имперіей и находившихся въ болѣе или менѣе близкихъ съ нею сношеніяхъ.

Угрія въ этомъ отношеніи не составляетъ исключенія. И для ея исторіи, особенно для нѣкоторыхъ періодовъ, *византійцы* являются первостепеннымъ источникомъ: чѣмъ болѣе интересы византійской политики обращались къ Угріи, тѣмъ болѣе вниманія посвящали ей разумѣется и византійскіе историки. Понятно поэтому, что въ XII в., когда съ политическимъ возвышеніемъ Византіи при могущественныхъ Комнинахъ Угрія стала одной изъ главныхъ цѣлей ихъ широкихъ политическихъ стремленій и замысловъ, особенно наступательной политики Мануила, греко-угорскія отношенія и дѣла не могли не стать однимъ изъ излюбленныхъ предметовъ историческаго повѣствованія византійскихъ писателей той эпохи. Дѣйствительно, два главные, знаменитѣйшіе историка царствованія Мануила—*Іоаннъ Киннамъ* и *Никита Акоминатъ изъ Хонъ* занесли въ свои труды рядъ важныхъ и любопытныхъ свѣдѣній объ угро-византійскихъ отношеніяхъ въ XII в., о жестокихъ войнахъ Византіи съ Угріей, объ угорской политикѣ Мануила и кое-что о внутреннихъ дѣлахъ Угріи, и благодаря этому, особенно при скудости домашнихъ угорскихъ свидѣтельствъ, стали капитальнымъ источникомъ для исторіи Угріи въ интересующую насъ эпоху.

Іоаннъ Киннамъ.

Іоаннъ Киннамъ, безспорно одинъ изъ лучшихъ византійскихъ историковъ вообще, представляетъ для насъ важнѣйшій и драгоцѣннѣйшій источникъ. Онъ, какъ и его младшій современникъ Никита Хонскій, являясь непосредственнымъ продолжателемъ двухъ первыхъ знаменитыхъ историковъ эпохи Комниновъ—*Никифора Вріеннія* и *Анны Комнины*, описываетъ вкратцѣ царствованіе императора Іоанна, и весьма подробно правленіе Мануила (1143 — 1180) до 1176 г., на которомъ обрывается его повѣствованіе, и такимъ образомъ главная часть его труда заключаетъ въ себѣ какъ разъ періодъ времени соотвѣтствующій избранному нами въ исторіи Угріи (1141 до 1173 г.). Очень возможно, что его сочиненіе не дошло до насъ въ полномъ видѣ,—что по крайней мѣрѣ царствованіе Мануила было описано Киннамомъ до конца. Киннамъ жилъ во второй половинѣ XII и началѣ XIII в., и если не могъ быть свидѣтелемъ начала царствованія Мануила (ибо родился уже послѣ смерти императора Іоанна въ 1143 г.), то всеже былъ къ нему близокъ (какъ и ко времени Іоанна) и къ тому же съ ранней молодости вращался при дворѣ Мануила, такъ что могъ черпать свои свѣдѣнія и о болѣе раннемъ времени изъ надежныхъ источниковъ. О позднѣйшихъ годахъ (съ конца 50-хъ) онъ уже писалъ какъ современникъ и очевидецъ—какъ по личнымъ впечатлѣніямъ и наблюденіямъ, такъ и по разсказамъ другихъ, вообще по живымъ и свѣжимъ еще слѣдамъ пережитыхъ событій (онъ занялся своей исторіей уже по смерти Мануила). Онъ могъ пользоваться и несомнѣнно пользовался оффиціальными документами, доступными ему по его должности *императорскаго секретаря* (младшаго, βασιλικὸς γραμματικός). Это оффиціальное положеніе и близость къ имп. Мануилу не могли не отразиться и на его трудѣ, въ которомъ проглядываетъ большею частью оффиціальная точка зрѣнія и выдается хвалебный тонъ по отношенію къ Мануилу. По его собственнымъ словамъ, онъ съ юныхъ лѣтъ сопровождалъ императора въ его предпріятіяхъ на западѣ и востокѣ, былъ очевидцемъ многихъ войнъ и славныхъ дѣлъ его, и при этомъ имѣлъ случай непосредственно познакомиться со многими странами и народностями, что́ конечно еще поднимаетъ цѣну его извѣстій. Будучи человѣкомъ умнымъ, хорошо образованнымъ и даже ученымъ, Киннамъ имѣлъ свой опредѣленный взглядъ и воззрѣнія на современныя историческія событія и отношенія, на латинскій западъ и его дѣятелей, съ которыми Византіи приходи-

лось тогда имѣть такъ много дѣла, и конечно обнаруживалъ эту свою византійскую, вообще несочувственную латинскому западу точку зрѣнія въ своемъ повѣствованіи. Такое небезразличное отношеніе къ дѣлу также придаетъ особый интересъ труду Киннама и несомнѣнно, конечно, не умаляетъ его значенія важнаго источника: дѣло исторической критики—отдѣлить въ его свидѣтельствахъ то, что можетъ быть поставлено на счетъ нѣкоторой тенденціозности и пристрастія, къ какимъ не могъ конечно не проникнуться и нашъ писатель. Уже изъ всего этого видно, съ какимъ важнымъ и первоклассным источникомъ мы имѣемъ дѣло.

Если у такого писателя, какъ Киннамъ (при всѣхъ его недостаткахъ), мы находимъ рядъ самыхъ интересныхъ извѣстій, касающихся Угріи и нашего предмета и притомъ пополняющихъ большой пробѣлъ въ угорскихъ источникахъ, то понятно, съ какимъ вниманіемъ мы должны отнестись къ нимъ. Критическій разборъ всѣхъ этихъ извѣстій убѣдилъ насъ вполнѣ въ дѣйствительно высокой важности и—говоря вообще—большой достовѣрности сообщеній Киннама. Надо замѣтить, что къ Киннаму западноевропейская историческая критика не была до сихъ поръ достаточно справедлива и не благоволила къ нему—очевидно вслѣдствіе неблагосклоннаго его отношенія къ западу, обнаруженнаго по поводу крестоваго движенія и вообще притязаній латинства на востокѣ; только въ новѣйшее время онъ лучше и безпристрастнѣе оцѣненъ, какъ историкъ второго крестоваго похода (Kugler, Stud. z. Gesch. d. zweit. Kreuzzug, Stuttg. 1866, S. 36 и слѣд.; срав. Giesebrecht, Gesch. d. deutsch. Kaiserzeit, IV (1875), S. 408, также Kap-Herr, Die Abendländ. Politik Kais. Manuels, Strassb. 1881. S. 119 — 121). Въ мадьярской исторіографіи и вообще въ трудахъ, посвященныхъ угорской исторіи XII в., также издавна замѣчается наклонность умалять цѣну извѣстій Киннама—сравнительно съ сообщеніями Никиты Хонскаго и отзываться о немъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Приходится поэтому и тутъ нѣкоторымъ образомъ принять подъ свою защиту репутацію нашего историка.

Мы не станемъ уже говорить о томъ, что исторія юго-восточной Европы вообще и Угріи въ частности въ XII в. – обязана Киннаму рядомъ самыхъ интересныхъ свидѣтельствъ, достовѣрность и важность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ изученія занимавшихъ насъ разсказовъ этого историка мы вынесли убѣжденіе, что свѣдѣнія его о политическихъ и воен-

ныхъ дѣяніяхъ императора Мануила — конечно благодаря его выгодному оффиціальному положенію — были весьма обильны и достовѣрны, что онъ съ интересомъ и послѣдовательно слѣдилъ и за угро-византійскими отношеніями, что съ 60-хъ годовъ (несомнѣнно съ 1165 г., когда онъ былъ при осадѣ Земліна) онъ былъ и самъ очевидцемъ дѣйствій Мануила противъ Угріи, что матерьялъ его (отчасти и оффиціальнаго происхожденія) хорошо разработанъ и приведенъ въ порядокъ, что наконецъ онъ въ изложеніи держится опредѣленной системы и въ главномъ строгаго хронологическаго порядка, давая иногда и довольно точныя указанія, такъ что хронологія его въ общемъ представляетъ полную достовѣрность и сравнительно не часто нуждается въ исправленіяхъ. Очевидно, все это—важныя достоинства въ историкѣ. Но признавая достоинства Киннама, мы отнюдь не хотимъ умалять и недостатковъ его, которые никакъ не дозволяютъ относиться къ нему съ безусловнымъ довѣріемъ.

Читатель могъ замѣтить, что мы постоянно критически относимся къ свидѣтельствамъ какъ Никиты Хонскаго, такъ и Киннама, и къ послѣднему не рѣдко даже съ большою осторожностью и недовѣріемъ. Да иначе и нельзя къ нему относиться; ибо онъ далеко не безпристрастенъ, не чуждъ лести своему герою Мануилу (хотя и открещивается отъ нея), сильно грѣшитъ національнымъ высокомѣріемъ и хвастливостью, а потому не всегда отличается правдивостью и откровенностью. Онъ несомнѣнно имѣетъ подъ руками напр. самыя точныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ угро-византійскихъ отношеніяхъ, переговорахъ и войнахъ, но — не говоря уже о томъ, что смотритъ на все съ точки зрѣнія Мануила и его политики — частенько изображаетъ событія и отношенія въ искаженномъ видѣ, по своему вкусу, то умалчивая о неудачахъ византійцевъ или маскируя ихъ, то неумѣренно восхваляя и разукрашивая дѣла своихъ соотечественниковъ, и особенно своего героя Мануила и идеализуя его намѣренія и побужденія, то стараясь выставить въ невыгодномъ свѣтѣ враговъ (Угровъ), то наконецъ даже извращая и присочиняя факты—все съ тѣми же цѣлями—умалить успѣхъ или славу противника и польстить своимъ.

Но всѣ эти недостатки и грѣхи присущи не одному Киннаму, представляютъ довольно обыкновенное явленіе въ историографіи того времени, и къ Киннаму, какъ источнику исторіи Угріи, должна быть приложена столь же строгая критика, какъ и къ большинству иноземныхъ источниковъ, повѣству-

ющихъ объ угорскихъ дѣлахъ. Если намъ приходится нерѣдко уличать его въ искаженіяхъ или тенденціозности, то это все-же не мѣшаетъ намъ признавать за его свидѣтельствами по исторіи Угріи въ XII вѣкѣ первостепенную важность: критикуя и исправляя его, мы всетаки такъ сказать полными руками черпаемъ интересныя и цѣнныя свѣдѣнія изъ его основательно и методически написаннаго труда. Объ угро-византійскихъ отношеніяхъ при Мануилѣ до половины 60-хъ годовъ онъ — главнѣйшій нашъ источникъ. Съ этихъ поръ равноправное съ нимъ мѣсто начинаетъ занимать Никита Акоминатъ, его младшій современникъ, который съ 1176 года (на которомъ останавливается Киннамъ) остается уже одинъ и пріобрѣтаетъ исключительно важное значеніе и цѣну.

Мы пользуемся *боннскимъ* изданіемъ Киннама: *Ioannis Cinnami Epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum, rec. Aug. Meineke, Bonnae,* 1836 г., снабженнымъ еще не совсѣмъ потерявшими цѣну комментаріями Дюканжа. Киннамъ былъ изданъ впервые голландскимъ ученымъ Толліемъ въ 1652 году (изд. неисправно и латинскій переводъ плохой); въ 1670 вышло парижское изданіе Дюканжа съ богатымъ ученымъ аппаратомъ. Объ этихъ изданіяхъ и трудахъ Дюканжа см. Васильевскій, Обозрѣніе трудовъ по византійской исторіи, Ж. М. Н. Пр., 1887, ч. CCLIII (ст. II), стр. 127 — 130. Русскій переводъ Киннама подъ редакціею проф. Карпова въ изд. „Визант. Историки", перевед. при СПб. Дух. Академіи, Спб. 1859.

Никита Акоминатъ изъ Хонъ.

Никита жилъ также во второй половинѣ XII в. и въ началѣ XIII (ум. 1215), но былъ моложе Киннама, и какъ общественная и государственная его дѣятельность, такъ и историческія его занятія относятся къ болѣе позднему времени. Никита пережилъ всѣ бѣдствія имперіи въ смутную эпоху послѣ Мануила и завоеванія Византіи Латинами (1204), и уже послѣ того въ изгнаніи, окончивъ свое государственное поприще, писалъ свой трудъ,—обстоятельство, которое впрочемъ можетъ считаться лишь благопріятнымъ для исторіографической работы. Никита былъ и опытнымъ практическимъ дѣятелемъ и высокообразованнымъ даровитымъ писателемъ съ весьма основательной подготовкой. У него было и свое опредѣленное политическое направленіе и свое міровоззрѣніе, отли-

чавшееся глубокимъ пониманіемъ тогдашнихъ обстоятельствъ и взаимныхъ отношеній міровъ — восточнаго и западнаго. Въ своей служебной карьерѣ Никита прошелъ цѣлый рядъ должностныхъ степеней и достигъ самыхъ высшихъ и почетныхъ, былъ между прочимъ и секретаремъ императора и логоѳетомъ, и филиппопольскимъ губернаторомъ и сенаторомъ; впрочемъ болѣе значительной роли онъ достигъ лишь къ концу правленія Мануила, и главная его дѣятельность принадлежитъ времени его преемниковъ. По своему положенію онъ былъ очевидно вполнѣ посвященъ въ государственныя дѣла и располагалъ обильными и достовѣрными источниками. Онъ началъ трудъ свой, какъ и Киннамъ, съ царствованія Іоанна Комнина, которое описываетъ тоже кратко. Какъ очевидецъ, онъ писалъ со времени нѣсколько позднѣйшаго, чѣмъ Киннамъ, и по своему еще скромному тогда положенію для правленія Мануила не располагалъ такими непосредственными и живыми свѣдѣніями, какъ постоянный спутникъ Мануила — Киннамъ. Впрочемъ и въ описаніи этой эпохи у него встрѣчаются самостоятельныя извѣстія и подробности, иногда дополняющія или разъясняющія Киннама. Для позднѣйшаго времени, о которомъ онъ писалъ, не только какъ очевидецъ, но и какъ выдающійся дѣятель, а именно съ прекращеніемъ труда Киннама (1176 г.)—онъ становится единственнымъ и драгоцѣннѣйшимъ источникомъ.

Никитой всегда болѣе занимались, чѣмъ Киннамомъ, и внимательнѣе изучали его. Западные историки, подкупленные съ одной стороны проявленнымъ имъ сочувствіемъ идеѣ крестоваго движенія противъ ислама, хотя при этомъ въ немъ и крѣпко было византійское міровоззрѣніе на латин. западъ, съ другой—его возвышенной христіанско-нравственной точкою зрѣнія въ историческомъ изложеніи, издавна отвели ему почетнѣйшее мѣсто среди византійскихъ историковъ и вполнѣ, а по мнѣнію иныхъ (K u g l e r, o. c., S. 38—43) даже слишкомъ высоко оцѣнили его, такъ что во всякомъ случаѣ и личность его является достаточно выясненною, и историческій трудъ его внимательно изученнымъ и оцѣненнымъ, особенно если имѣть въ виду, что Никитѣ весьма посчастливилось и у нашихъ современныхъ византинистовъ: достаточно назвать русскій капитальный и важный трудъ о немъ Ѳ. И. У с п е н с к а г о (Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ, Спб. 1874).

За Никитой уже давно установилась репутація *правдиваго* историка, добросовѣстно пользующагося своимъ матеріа-

ломъ,—и дѣйствительно нельзя оспаривать такого мнѣнія; но при этомъ, намъ кажется, слѣдуетъ оговориться. По отношенію къ Киннаму признаніе такого качества за Никитой является вполнѣ мотивированнымъ потому, что въ той части своего труда, которая соотвѣтствуетъ исторіи Киннама (до 1176 г.) и гдѣ можно ихъ сравнивать, Никита дѣйствительно и несомнѣнно пишетъ гораздо безпристрастнѣе и объективнѣе Киннама, ибо стоитъ дальше отъ событій и лицъ, не былъ близокъ къ императору Мануилу и двору, ни въ чемъ не былъ замѣшанъ лично, а потому и относится къ предмету и самому главному герою повѣствованія—равнодушно и даже критически. Но едва-ли то же можно сказать о его описаніи позднѣйшей эпохи, когда онъ самъ игралъ дѣятельную роль и не могъ безразлично относиться къ лицамъ и фактамъ. Тутъ и у него не можетъ не проглядывать часто и пристрастіе и нѣкоторая тенденція, а потому нельзя прилагать ту же мѣрку ко всѣмъ частямъ его сочиненія, хотя нельзя не признать, что обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ, дали ему возможность отнестись спокойнѣе и объективнѣе и къ пережитой имъ эпохѣ, чѣмъ это было-бы возможно, еслибъ онъ оставался на государственной службѣ—въ правительственныхъ сферахъ.

Мы уже сказали, что Никита располагалъ весьма надежными и обильными источниками; но послѣдніе были очень разнообразны и разнородны, и этого также нельзя опускать изъ виду при опредѣленіи достовѣрности его показаній (объ источникахъ Никиты см. Успенскаго, тамъ же, стр. 149—160).

Что касается отношенія Никиты къ Киннаму, — вопроса весьма любопытнаго—то на этотъ счетъ мнѣнія ученыхъ расходятся. Изъ словъ самого Никиты выходитъ, что ему не былъ извѣстенъ какой-либо историческій трудъ о царяхъ Іоаннѣ и Мануилѣ, что онъ также непосредственно продолжаетъ исторію Анны Комнины; но его словамъ, положимъ, нельзя безусловно довѣриться, зная обычаи и пріемы тогдашнихъ историковъ вообще и византійскихъ въ частности. Есть ученые, не сомнѣвающіеся въ томъ, что Никита пользовался Киннамомъ, распространялъ и видоизмѣнялъ его разсказы, искусно прикрывая свои заимствованія (см. Marczali, Ung. Geschquell., S. 234 — 235), и даже столь спеціально изучавшій Никиту его критикъ и біографъ г. Успенскій готовъ склониться въ пользу предположенія, что Никита имѣлъ въ рукахъ и былъ знакомъ съ трудомъ Киннама; ибо можно замѣтить нѣкоторую близость и родство въ извѣстіяхъ, въ кругѣ наблюденій и во-

зрѣній того и другого; мѣстами они де производятъ такое впечатлѣніе, что „Никита вышиваетъ только новые узоры по канвѣ Киннама“, такъ что во всякомъ случаѣ пришлось бы признать, что оба пользовались однимъ и тѣмъ же неизвѣстнымъ намъ источникомъ (Успенскій, ib., стр. 153—160). Но странно то, что полнаго сходства мы всетаки не находимъ, и надо предположить у Никиты чрезвычайное стараніе и особенный талантъ — скрывать секретъ своей работы, если признавать у него заимствованіе изъ Киннама. Сличеніе извѣстій Киннама и Никиты по предмету насъ занимающему не даетъ намъ основанія и повода склониться въ пользу предположенія о заимствованіи. Тѣ небольшія совпаденія и сходства, которыя встрѣчаются въ этихъ извѣстіяхъ, могутъ происходить и изъ пользованія однимъ общимъ источникомъ. Еслибъ Никита, лично не бывшій, какъ Киннамъ, очевидцемъ борьбы на Дунаѣ, имѣлъ въ рукахъ записки Киннама и черпалъ изъ нихъ, то это едва-ли бы могло быть до того замаскировано имъ.

Такимъ образомъ мы считаемъ болѣе правдоподобнымъ мнѣніе, что Никита не былъ знакомъ съ трудомъ Киннама, а что извѣстная близость ихъ объясняется пользованіемъ одними источниками (Васильевскій, Изъ ист. Виз. въ XII в. Слав. Сб. II, 263, 265, Kap-Herr, o. c., S. 122); не маловажнымъ доводомъ въ пользу этого является и крайне запутанное и сбивчивое, хронологически несостоятельное изложеніе Никиты, какъ контрастъ систематичности Киннама. Еслибъ Киннамъ служилъ ему *канвой*, то такой рѣзкой разницы въ этомъ отношеніи у нихъ не могло бы быть.

Значеніе извѣстій Никиты Хонскаго находится въ нѣкоторой зависимости и отъ характера его изложенія, въ чемъ онъ весьма отличается отъ Киннама, и нельзя сказать, чтобъ сравненіе обоихъ оказывалось въ его пользу. Не говоря уже о его поучительной и резонерской манерѣ, вредящей иногда объективности разсказа, его риторическіе пріемы, цвѣтистость и высокопарность изложенія также наносятъ ущербъ точности и фактической опредѣленности его показаній.

Ненадежность и сбивчивость повѣствованія Никиты относительно *хронологіи* слишкомъ извѣстны и объ нихъ достаточно было говорено. Въ этой истинѣ мы имѣли довольно случаевъ убѣдиться и въ нашемъ изслѣдованіи. Хронологическую систему Никиты уразумѣть очень трудно. По этому предмету отсылаемъ читателя къ разсужденіямъ Успенскаго (означ. соч., стр. 160—174) и В. Г. Васильевскаго (въ

указ. статьѣ въ Слав. Сбор. Приложеніе 2-ое, стр. 262 — 265; также въ рец. на кн. Успенскаго „Образ. 2-го Болг. царства“, Ж. М. Н. Пр. 1879, отд. отт., стр. 30—40); срв. Кар-Herr, o. c., S. 123—125.

Для исторіи Угріи и угро-византійскихъ отношеній Никита становится особенно важенъ и незамѣнимъ съ 1176 года, гдѣ обрывается разсказъ Киннама. Эти угорскія отношенія за время Мануила онъ зналъ несомнѣнно хуже Киннама, близкаго къ царю и очевидца его дѣяній, и писалъ о нихъ по чужимъ разсказамъ или письменнымъ источникамъ. Тѣмъ не менѣе и для этой эпохи угорской политики Византіи встрѣчаются у него независимыя и часто интересныя извѣстія, которыя дополняютъ, а мѣстами разъясняютъ или исправляютъ показанія Киннама, ибо въ этихъ извѣстіяхъ Никита—во всякомъ случаѣ правдивѣе и безпристрастнѣе относится къ дѣятельности и политикѣ Мануила, не ослѣпленъ и не связанъ близкими къ нему отношеніями: онъ не идеализуетъ его цѣлей и намѣреній, не преувеличиваетъ его успѣховъ. Итакъ и для нашего изысканія, обнимающаго періодъ лишь до 1173 года, Никита, хотя и не имѣетъ того первостепеннаго значенія, что Киннамъ, всетаки представляетъ весьма цѣнный и важный источникъ.

Мы пользуемся *боннскимъ* изданіемъ Никиты: *Nicetae Choniatae Historia, ex recensione Imm. Bekkeri, Bonnae,* 1835. Первое изданіе съ лат. переводомъ относится къ XVI в. и принадлежитъ Вольфу въ Базелѣ (1557). Затѣмъ Никита издавался въ Парижѣ, Франкфуртѣ, Женевѣ, Венеціи. Къ 1647 г. относится *парижское* изданіе Фабро́. Затѣмъ слѣдовало еще венеціанское изд. (1729), боннское и у Миня (Patrologia, P. 139). См. Успенскій въ упом. трудѣ, и Васильевскій въ „Обозрѣніи трудовъ по Виз. ист.“ Ж. М. Н. Пр., т. 252, стр. 135.—Русск. перев. подъ редак. Долоцкаго въ „Визант. Истор.“ Спб. 1860, въ 2-хъ томахъ.

На нѣкоторыхъ другихъ второстепенныхъ для насъ византійцахъ, отрывочными указаніями которыхъ намъ иногда приходится пользоваться, мы не считаемъ нужнымъ останавливаться здѣсь.

II. Западные источники.

1. ГЕРМАНСКІЕ.

Издавна начавшіяся и съ теченіемъ времени постепенно развивавшіяся многообразныя отношенія между Угріей и Германіей, государи которой энергически выступали по отношенію къ востоку, какъ римскіе императоры съ ихъ идеей главенства надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ; соотвѣтствующія этому стремленія германской политики и римской церкви—въ лицѣ нѣмецкихъ же архіепископовъ — водворить свою власть и вліяніе въ Угріи, и успѣхи ихъ на этомъ пути, однимъ словомъ постепенное втягиваніе Угріи въ міръ германскій въ области политики и культуры обусловливаютъ тотъ фактъ, что германскіе истор. труды, анналы и хроники, являются вообще важными источниками и для угорской исторіи, а особенно для внѣшне-политической конечно. Нѣмецкіе лѣтописцы и хронисты, преимущественно изъ восточно-нѣмецкихъ земель, внимательно слѣдили за ходомъ дѣлъ на славянскомъ и угорскомъ востокѣ и тщательно отмѣчали все важное, доходившее до ихъ слуха, такъ что иногда ихъ сообщенія бросаютъ свѣтъ даже и на внутреннія дѣла угорскія. Но эти нѣмецкіе свидѣтели объ угорскихъ дѣлахъ раздѣляли конечно точку зрѣнія западной имперіи и вообще романо-германскаго міра на восточныхъ сосѣдей: на угорское государство они смотрѣли, какъ на предназначенное рано или поздно стать леномъ римскаго императора нѣмецкой націи, а на Славянъ и Угровъ — какъ на варваровъ, долженствующихъ быть покоренными власти запада и культурѣ его, подвергнуться германизаціи. Понятно, что такой взглядъ не могъ не сказываться въ ихъ писаніяхъ и сужденіяхъ о событіяхъ въ Угріи: онъ заставлялъ ихъ смотрѣть на послѣднія подъ своимъ, чисто нѣмецкимъ, большею частью тенденціознымъ угломъ зрѣнія и не рѣдко искажать факты или по своему толковать ихъ. Все это нельзя не имѣть въ виду при пользованіи нѣмецкими источниками, которые тѣмъ не менѣе имѣютъ для историка Угріи огромную цѣну, особенно при скудости домашнихъ угорскихъ извѣстій.

Къ сожалѣнію для занимающей насъ эпохи, вообще для XII в. нѣмецкіе источники, за малыми исключеніями, сравнительно менѣе обильны извѣстіями объ Угріи, и потому въ общемъ не такъ цѣнны и интересны, какъ византійскіе или нѣкоторые славянскіе.

Заслуживаютъ упоминанія и труды самого пробста *Gerhoh v. Reichersberg*, одного изъ интереснѣйшихъ писателей XII в. и въ частности — по вопросу о папскомъ расколѣ при Фридрихѣ I. Такъ его с. „*De investigatione Antichristi*", въ которомъ имѣется описаніе второго крестоваго похода, и любопытное указаніе на отношенія Угріи къ папскому расколу въ 1161—1162 г., тотчасъ по смерти Гейзы II. Изд. Штюльцемъ: Stülz, Archiv f. K. Oest. Gesch., 20 (1858), S. 127. Объ извѣстіяхъ о второмъ крестовомъ походѣ Kugler, Stud. z. Gesch. d. 2 Kr., S. 34—36. Еще его же (Gerhoh) Expositio in psalmum LXIV (S. *Baluzii* Miscellanea, Lucae, 1761, T. II, p. 197) съ случайнымъ извѣстіемъ, касающ. Угріи. Вообще о *Gerhoh*'ѣ см. Stülz въ Denkschr. d. Ak. d. W. I, 113; Bach, Oesterr. Vierteljahrschr. f. Kath. Theol., 1865, I, 19; Wattenbach, D. Geschq. II, 237—240 и Giesebrecht, Gesch. d. d. Kaiserz. IV (1875), S. 402). Еще Mühlbacher, объ одномъ письмѣ Gerhoh'a, Archiv. f. Oest. G., B. 47 (1871), S. 355.

---

4. Между другими современными нѣмецкими источниками должна быть упомянута заключающая въ себѣ нѣсколько небезъинтересныхъ для насъ извѣстій:

Historia Welforum Weingartensis, въ нов. изд. Weiland'a M. G., SS. XXI, 457—472, писанная около 1170 г., еще при жизни Вельфа (VI) въ вельфскомъ монастырѣ *Вейнгартенъ* (въ Баваріи). Основаніемъ послужилъ трудъ Оттона Фрейзинген., но онъ распространенъ и измѣненъ согласно вельфскимъ интересамъ; вообще исторія писана съ вельфской точки зрѣнія. См. Wattenbach, o. c., S. 257; также Giesebrecht, Gesch. d. D. Kaiserzeit., IV B. (1875), S. 401.

---

5. *Оттонъ Фрейзингенскій.*

Мы черпаемъ извѣстія объ Угріи изъ обоихъ трудовъ его: 1. *Chronicon mundi* и 2. *Gesta Friderici I Imperat.* у Pertz'a M. G., SS. XX ed. Wilmans; еще Waiz, *Ottonis et Rahewini Gesta Frider. I Imper.* Hannov. 1884, — лучшее изданіе.

Что Оттонъ Фрейзингенскій дѣйствительно самый замѣчательный нѣмецкій историкъ среднихъ вѣковъ и что какъ исторія Германіи эпохи Конрада III и Фридриха I, такъ и исторія сосѣднихъ государствъ и народовъ, въ томъ числѣ и Угріи, ему обязана очень многимъ — этого никто не будетъ

оспаривать; но это не должно мѣшать справедливо и безпристрастно оцѣнивать Оттона, какъ историка вообще, съ точки зрѣнія строгой исторической критики. Въ этомъ отношеніи Оттонъ, не смотря на свое высокое для того времени образованіе и блестящую ученую подготовку, на свою несомнѣнную оригинальность какъ писателя,—всетаки не составлялъ явленія исключительнаго и платилъ дань времени и средѣ, которой принадлежалъ, въ своемъ міровоззрѣніи, своихъ понятіяхъ и наконецъ своеобразномъ, можно сказать, схоластическомъ отношеніи къ задачѣ историка, такъ что мы напрасно бы искали у него настоящей объективности и безпристрастія, преобладанія внутренняго фактическаго содержанія надъ дидактическимъ элементомъ съ одной стороны, и надъ формой и внѣшними литературными пріемами — съ другой. Къ тому же и общественное положеніе и связи Оттона Фрейзингенскаго стѣсняли его и всегда обусловливали его довольно колеблющіеся взгляды на описываемыя событія. Вотъ почему Оттонъ, какъ историческій источникъ вообще и по предмету нашего изслѣдованія, всетаки нѣсколько теряетъ при сравненіи какъ съ византійцами, такъ особенно съ лѣтописями русскою и даже чешскою,—не смотря на то, что располагалъ богатымъ историческимъ (документальнымъ) матеріаломъ изъ первыхъ рукъ. Всего драгоцѣннѣе конечно приводимые имъ подлинные документы.

Оттонъ Фрейзингенскій былъ сынъ маркграфа австрійскаго Леопольда Благочестиваго и бывшей съ нимъ во второмъ бракѣ дочери императора Генриха IV Агнессы. Такимъ образомъ онъ приходился внукомъ этому императору, единоутробнымъ братомъ короля Конрада III и дядей императора Фридриха I Барбаруссы. Роднымъ братомъ его былъ герцогъ Генрихъ Язомирготъ, а сестры его, какъ мы знаемъ, были замужемъ за государями Чехіи (Владиславомъ II) и Польши (Владиславомъ II Болесл.). Разумѣется благодаря такому высокому родству Оттонъ находился въ самыхъ выгодныхъ условіяхъ относительно достовѣрности источниковъ для своихъ историческихъ трудовъ. Но высокое его положеніе дѣлало его также и непосредственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ важнѣйшихъ современныхъ политическихъ событій, въ которыя онъ слѣдовательно былъ не только вполнѣ посвященъ, но часто и заинтересованъ. Вотъ именно это положеніе и эти связи являются вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы сказали, причиною того, что Оттонъ пишетъ не всегда безпристрастно, а съ опредѣленной тенденціей и отражая взгляды и стремленія выс-

шихъ придворныхъ сферъ и самого главнаго героя своего (въ Gesta Fr. I.) императора Фридриха.

Оттонъ Фрейзингенскій родился не ранѣе 1111 г., былъ съ дѣтства предназначаемъ отцомъ въ духовное званіе, высшее образованіе получилъ въ Парижѣ, затѣмъ вступилъ въ цистерціанскій орденъ и былъ не долгое время аббатомъ въ монастырѣ Morimund'ѣ; въ 1137 г. онъ былъ назначенъ архіепископомъ Фрейзингенскимъ и оставался на этомъ посту до самой смерти (1158 г.). Между 1143 и 1146 г. онъ написалъ свою *Всемірную хронику* („de duabus civitatibus"), пріобрѣтшую широкую извѣстность и легшую въ основаніе многихъ позднѣйшихъ историческихъ компиляцій. Этотъ трудъ его очень мало походитъ на прежніе нѣмецкіе исторіографическіе труды этого рода; одна общая идея проходитъ въ немъ отъ начала до конца: авторъ, усвоившій себѣ историческое воззрѣніе блаж. Августина и пессимистически настроенный подъ вліяніемъ обстоятельствъ времени, хочетъ доказать, что мірское царство скоропреходяще и шатко, что только божеское царство, т. е. церковь—прочно и вѣчно. Благодаря искусному и весьма литературному изложенію историческаго матеріала, освященнаго ясною руководящею мыслью — хроника Оттона не могла не имѣть успѣха. Хотя многое въ сообщеніяхъ историка не точно, обо многомъ умалчивается, иное представляется въ неправильномъ освѣщеніи,—всеже это сочиненіе представляетъ весьма цѣнный историческій источникъ. Авторъ довелъ свой трудъ до 1146 г. (Его продолжалъ до 1209 г. *Otto de S. Blasio* въ M. G. SS., XX, p. 302—324). Въ началѣ 1156 г. Оттонъ препроводилъ хронику своему племяннику императору Фридриху, на котораго съ самаго начала возлагалъ большія надежды—въ отношеніи къ управленію государствомъ, и выразилъ готовность описать и его время, если онъ того пожелаетъ, и сообщитъ ему необходимые матеріалы. Фридрихъ принялъ предложеніе, написавъ Оттону письмо (дошедшее до насъ), въ которомъ бросилъ общій взглядъ на свою дѣятельность. Такимъ образомъ возникъ второй драгоцѣнный трудъ Оттона — *Gesta Friderici Imperatoris*, изображающій дѣянія первыхъ лѣтъ царствованія великаго государя. Достоинства и недостатки этого труда опредѣляются тѣмъ отношеніемъ автора къ своему дѣлу и задачѣ, о которомъ выше было говорено. Оттонъ успѣлъ довести его только до 1156 г., ибо умеръ уже въ 1157 г., поручивъ продолженіе труда своему ученику и секретарю *Рагевину*.

Угріи и угорскихъ дѣлъ Оттонъ много разъ касается и въ хроникѣ и въ „Gesta". Внимательно слѣдя за политикой Конрада и Фридриха и будучи проникнутъ патріотическими настроеніемъ и идеями, онъ естественно интересовался угорскимъ государствомъ, гдѣ имперскія властолюбивыя притязанія Германіи постоянно встрѣчали энергическій отпоръ. Оттонъ Ф. зналъ Угрію и изъ личныхъ наблюденій, такъ какъ посѣтилъ ее какъ участникъ второго крестоваго похода (1147), и эти свои наблюденія онъ сообщилъ въ краткомъ очеркѣ государственнаго устройства и быта Угріи, который предпослалъ описанію угронѣмецкой войны (1146), — очеркѣ, разумѣется, чрезвычайно важномъ и цѣнномъ для историка Угріи; онъ былъ очевидно написанъ въ періодъ разочарованія Оттона во внутреннемъ политическомъ положеніи и порядкахъ германскаго государства (при Конрадѣ III), а потому — какъ справедливо замѣчено — въ немъ сквозитъ желаніе поставить въ примѣръ своему отечеству извѣстныя ему симпатичныя черты угорскаго государственнаго быта, такъ что авторъ скорѣе склоненъ идеализировать послѣдній, чѣмъ унижать. Какъ бы то ни было эти сообщенія его въ высшей степени интересны.

Но пользуясь вообще свидѣтельствами Оттона Фрейзингенскаго о дѣлахъ и отношеніяхъ угорскихъ, не слѣдуетъ забывать тѣхъ вышеотмѣченныхъ сторонъ и условій писательства Оттона, которыя вообще не позволяютъ относиться къ его показаніямъ слишкомъ и всегда одинаково довѣрчиво.

Кромѣ указанныхъ изданій Оттона Ф. въ M. G. (SS. XX), и Вайца, см. о немъ Huber, Otto v. Freising. etc. München, 1847; Wattenbach, D. Gq., S. 206 — 212; Giesebrecht, o. c., S. 394—399; Grotefend, Der Werth der G. Frid. Hann., 1870; еще Marczali, o. c., S. 150 — 152 (по отношенію къ Угріи); Kugler, Studien etc., S. 7 — 10 по отнош. ко второму крестовому походу, и друг. Срв. еще у Осокина, Исторія Среднихъ Вѣковъ, т. I (1888), прилож., стр. 49—52. Интересная статья о воззрѣніяхъ и филос. идеяхъ Оттона: E. Bernheim, Der Charakter Ottos v. Fresing und seiner Werke, Mittheil. d. Instit. f. oesterr. Gesch VI B. (1885), S. 1—51.

---

6. Трудъ Оттона Фрейзинг. продолжалъ, по его порученію, его ученикъ и нотарій *Рагевинъ* (*Ragewin, Rachewin*) — подъ тѣмъ же названіемъ „*Gesta Friderici Imperatoris*", издано тѣмъ же въ M. G. SS. XX, p. 415 и Вайцемъ, вм. съ Отто-

номъ Ф. Онъ довелъ свое продолженіе до 1160 г., пользуясь матеріаломъ, оставленнымъ и заготовленнымъ Оттономъ, и черпая вообще свои свѣдѣнія также изъ первыхъ рукъ, изъ офиціальнаго источника. Рагевинъ получилъ также высшее образованіе (думаютъ, тоже въ Парижѣ) и былъ вполнѣ подготовленъ къ порученному труду.

Свидѣтельства Рагевина—уже по свойству его источниковъ—представляютъ высокій интересъ на равнѣ съ сообщеніями самого Оттона. Но кромѣ того справедливость требуетъ отмѣтить, что по степени своей достовѣрности они не только не уступаютъ послѣднимъ, а пожалуй даже превосходятъ ихъ. Отсутствіе односторонняго философско-религіознаго направленія мыслей и предвзятой точки зрѣнія могли только выгодно отозваться на трудѣ Рагевина. Онъ вполнѣ добросовѣстно и правдиво группируетъ факты и приводитъ доступные ему документы, имѣя въ виду чисто историческую задачу; такимъ образомъ къ его показаніямъ нельзя не относиться съ большимъ довѣріемъ. Только въ своемъ изложеніи Рагевинъ слишкомъ любитъ подражать старымъ авторамъ, и это конечно недостатокъ, который историческая критика всегда должна имѣть въ виду. Для историка Угріи трудъ его имѣетъ также большое значеніе. Къ его изложенію событій (до 1160) присоединенъ Appendix, именно краткія отмѣтки о времени отъ 1160 до 1170 года. Издатель Вильмансъ приписываетъ и ихъ Рагевину, что весьма вѣроятно.

О *Рагевинѣ* см. Wattenbach, o. c., S. 212—215. Еще Prutz, Radewin's Forsetzung d. G. Fr., Danz., 1873. См. еще Martens, Ein Beitrag zur Kritik Ragewins, Greifsw., 1877, G. Jordan, Ragewins G. Frid. imp., Strassb. 1881.

Назовемъ здѣсь еще эпопею о дѣяніяхъ Фридриха—итальянца *Готфрида изъ Витербо*: Gotifredi Viterbiensis Gesta Friderici I и его же Pantheon (всеобщ. ист.), изд. Waitz, M. G. SS. XXII (1872).

---

7. Изъ второстепенныхъ для насъ нѣмецкихъ анналовъ, случайно отмѣчающихъ факты изъ угорской исторіи, можно еще назвать здѣсь:

Кёльнскіе анналы: т. наз. *Chronica Regia* (раньше изв. подъ имен. хроники *св. Панталеона*)—издан. подъ назв. *Annales Colonienses maximi* (доведен. до 1176 г. и потомъ продолженіе) у Пертца, M. G. SS. XVII, p. 723—847. (нов. изд. Вайца: Chronica Regia Coloniensis, Hannov. 1880). См. о ней Wattenbach, o. c., S. 337—339.

Ann. Palidenses (Poehlder Chronik),—продолж. хр. *Эккегарда*, M. G., SS. XVI, p. 48—98. (W a t t e n b a c h, S. 332).

Ann. S. Disibodi (изъ мон. Disibodenberg), M. G., SS. XVII, p. 23—27 (W a t t e n b a c h, S. 331).

Ann. Magdeburgenses (—1180) (преж. Chronographus Saxo), M. G. SS. XVI, 105 (W a t t e n b a c h, S. 335).

Ann. Erphesfurdenses, M. G., SS. VI, p. 536 (W a t t e n b a c h, S. 191); *Ann. Stadenses* (ib. XVI) и другіе.

Кромѣ того заслуживаютъ упоминанія еще два историческіе труда, въ которыхъ мы находимъ интересныя извѣстія касающіяся и событій нашего періода; это

8. *Arnoldi Lubec. Chronica Slavorum.* Любекская хроника, составляющая продолженіе *Гельмольда* (Helm. Chr. Slav.) въ M. G., SS. XXI, 142 (—до 1209 г.). Это очень достовѣрный и правдивый хронистъ: важенъ для событій конца XII в.: для крестоваго похода Фридриха I (1189). Онъ сообщаетъ любопытныя для насъ свѣдѣнія о путешествіи черезъ Угрію въ 1173 году Генриха Льва на пути въ Св. Землю, и о смерти короля Стефана III.

О немъ спец. D a m u s, Die Slavenchronik Arnolds von Lübeck, Lüb. 1872. Срав. W a t t e n b a c h, o. c., S. 263—264 и M a r c z a l i, S. 149—150.

---

9. *Гербордова біографія (діалогъ) Оттона, еписк. Бамбергскаго: Herbordi Dialogus de vita Ottonis* въ M. G. SS. XX, 697—769 и у J a f f é, Bibl. R. G. p. V. Mon. Bamberg. 693.

Въ этомъ сочиненіи есть разсказъ о *Софіи*, сестрѣ Гейзы II, невѣстѣ Генриха, сына Конрада III, слышанный вѣроятно Гербордомъ при поѣздкѣ его въ Адмонтскій монастырь (1160 г.). Въ литературномъ отношеніи это одно изъ лучшихъ мѣстъ діалога, но въ историческомъ—разсказъ легендаренъ и его подробности опровергаются новооткрытыми письмами Софіи.

О Діалогѣ и объ этомъ мѣстѣ — А. Л. П е т р о в ъ (Ж. М. Н. Пр. 1882, ч. 222 — 225, ч. 224, и особ. кн., стр. 184—185), довольно довѣрчиво еще относящійся къ этому разсказу.

---

10. Изъ эпистолярной литературы XII в. наиболѣе важной и интересной вообще для эпохи является переписка *аббата мон. Корвейскаго Вибальда*, ближайшаго совѣтника Конрада III, а также монарховъ между собой и пр. Это *Wibaldi*

Epistolae изд. Яффé въ Monumenta Corbeiensia, Berl., 1864, въ I т.: Bibliotheca Rerum Germanicarum. (Срв. Wattenbach, o. c., S. 205—206). Также Du Chesne (Hist. Franc. SS.) и Bouquet (Rer. Gall. etc. SS.) и др.

---

2. ДРУГІЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКІЕ.

Изъ *французскихъ* писателей XII в. скорѣе всего должны были коснуться Угріи и ея отношеній историки крестовыхъ походовъ, столь много способствовавшихъ дѣлу ознакомленія запада съ восточными государствами и народами. И дѣйствительно, одинъ изъ интересныхъ повѣствователей о второмъ крестовомъ походѣ извѣстный *Одонъ изъ Дейля* (Deuil) — *Odo de Diogilo* (*Deogilo*) является источникомъ и для событій угорской исторіи въ эту эпоху (1147). Изд. у Migne, Patrologia latina, Tom. 185 и въ извлеченіи у Pertz, M. G. SS. XXVI.

Одонъ, сперва монахъ въ St. Denis, потомъ аббатъ въ Compiegne и наконецъ преемникъ аббата Сугерія въ St. Denis, сопровождалъ короля Людовика VII въ качествѣ капеллана во второмъ крестовомъ походѣ, былъ очень къ нему близокъ, и слѣдовательно посвященъ въ дѣла. Онъ сообщаетъ довольно подробныя извѣстія о прохожденіи крестоносцевъ черезъ Угрію и объ инцидентѣ съ Борисомъ Коломановичемъ во французскомъ лагерѣ; разсказъ его объ этомъ *въ общемъ* сходится съ угорской хроникой. Цѣнность его показаній не подлежитъ сомнѣнію. (О немъ Kugler, Studien etc. S. 11—13, Marczali, o. c., S. 158). См. Приложеніе III. О другихъ историкахъ крестоваго движенія (напр. о Вильгельмѣ Тирскомъ, ум. 1188) не говоримъ здѣсь особо, какъ неимѣющихъ спеціальнаго значенія для исторіи Угріи.

Изъ *англійскихъ* писателей XII в. служитъ источникомъ для событій смутнаго времени въ Угріи по смерти Гейзы II— выдающійся англійскій писатель и дѣятель на государственномъ и ученомъ поприщахъ *Walter Mapes* (соб. *Map*), именно его трудъ (пис. около 1200 г.) Gualteri Mapes De nugis curialium distinctiones quinque, изд. Thom. Wright, 1850— благодаря его случайнымъ знакомству и связямъ съ извѣстнымъ архіепископомъ Остригомскимъ *Лукою Банфи*, съ которымъ онъ вмѣстѣ слушалъ ученаго богослова Girald'a Puella въ Парижѣ. Очвидное эти связи доставили ему кое-какія свѣдѣнія объ угорскихъ дѣлахъ въ смутное время, которыя онъ

и включилъ въ свое собраніе любопытныхъ и важныхъ для характеристики времени историческихъ замѣтокъ, наблюденій и сказаній, требующихъ впрочемъ строгой критики, ибо часто носящихъ легендарный характеръ.

О немъ срв. P h i l i p p s, Walther Map, Wien. S. Ber. X, 319 — 399, особ. 331. Vermischte Schriften, B. 3; W a t t e n b a c h, o. c., II, S. 374.

Изъ *италіанскихъ* источниковъ угорской исторіи естественно касаются спеціально *Венеціанскіе.* Для нашей эпохи, именно для далматинскихъ дѣлъ и отношеній, имѣютъ большую цѣну Анналы Андрея *Дандоло* (жив. XIV в.): *Andreas Dandolo*, *Annales* или *Chronicon Venetum* въ 10 книг., изд. у M u r a t o r i, Script. Rer. Italic., XII. Доведены они до 1280 г., и продолжены до 1389 г. Андрей Дандоло пользовался много далматинскими источниками; его хроника содержательна и написана весьма безпристрастно. Она мѣстами обнаруживаетъ родство съ угорскими хрониками (напр. съ Кезой).

III. Славянскіе источники.

Близкія и живыя связи Угріи съ окружающимъ ее славянствомъ: южнымъ, русскимъ, польскимъ и чешскимъ, то дружественныя, то враждебныя политическія отношенія и вмѣшательство въ дѣла соседей, не могли не сказаться въ томъ интересѣ, который удѣляли Угріи и ея дѣламъ лѣтописцы и бытописатели славянскіе. Такимъ образомъ въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы находимъ интересныя и драгоцѣнныя извѣстія о связяхъ и сношеніяхъ ихъ родины съ Угріей.

Конечно, обиліе и важность такихъ касающихся исторіи Угріи извѣстій опредѣляется успѣхомъ и характеромъ лѣтописанія вообще въ занимающихъ насъ славянскихъ странахъ. Гдѣ этотъ родъ письменности стоялъ выше, тамъ, разумѣется, оказывается у лѣтописцевъ болѣе широкій кругозоръ, болѣе обильный и болѣе достовѣрный источникъ извѣстій объ отношеніяхъ къ сосѣдямъ вообще и къ Угріи въ частности, болѣе добросовѣстная ихъ передача. Такимъ образомъ наибольшую цѣну и интересъ представляютъ современные лѣтописцы *русскіе* и затѣмъ *чешскіе.* *Польскіе* отходятъ на задній планъ для нашей эпохи — какъ по своему характеру и болѣе позднему происхожденію, такъ и по скудости относящихся

къ нашему предмету извѣстій, вслѣдствіе политической разобщенности Польши и Угріи — именно въ ту пору (2-ая половина XII в.); *южнославянскихъ* — современныхъ источниковъ почти не имѣемъ; позднѣйшіе, далеко не изобилуя сообщеніями вообще о старинѣ и о данной эпохѣ, заставляютъ многаго желать въ отношеніи къ исторической цѣнности и достовѣрности. Итакъ вниманіе наше сосредоточивается по преимуществу на *русскихъ лѣтописяхъ* и современной *чешской анналитикѣ*.

---

1. РУССКІЯ ЛѢТОПИСИ.

Распространяться здѣсь о значеніи и исторической достовѣрности и вообще достоинствахъ нашихъ лѣтописей — было бы конечно излишне. Они достаточно извѣстны и общепризнаны. Оба древнѣйшіе лѣтописные свода, и *Лаврентьевскій*, и *Ипатскій* служатъ намъ источниками важныхъ извѣстій объ угро-русскихъ отношеніяхъ, но по преимуществу привлекаетъ наше вниманіе обиліемъ, обстоятельностью и точностью свидѣтельствъ, разумѣется вполнѣ самостоятельныхъ, — *сводъ Ипатскій* или *Кіевская лѣтопись*, какъ ее принято называть, примыкающая также къ первоначальной „Повѣсти временныхъ лѣтъ".

Такъ назыв. *Лаврентьевскій сводъ* (по имени Лаврентія) изъ XIV в. (1377 г.) заключаетъ въ себѣ кромѣ первоначальной „Повѣсти" (доход. до 1110 г.) — продолженіе лѣтописной записи *суздальскаго* извода о событіяхъ въ приднѣпровской Руси, но особенно въ сѣверной Руси — суздальской и новогородской. Впрочемъ и этотъ сводъ иногда касается также событій южной и западной Руси, а потому и въ немъ встрѣчаются цѣнныя извѣстія объ *угро-русскихъ* отношеніяхъ.
(Изд. археогр. ком. Спб. 1872 г.: Лаврентьев. лѣтопись).

Несравненно важнѣе для насъ *Ипатскій (Ипатьевскій) списокъ* (назв. по нах. въ Ипатьевскомъ костромскомъ монастырѣ) или сводъ, заключающій въ себѣ вслѣдъ за „Повѣстью врем. лѣтъ" такъ назыв. *Кіевскую лѣтопись* или *югозападную* (доходящую съ 1111 г. до 1201 года) и затѣмъ лѣтопись *Галицко-Волынскую* — съ 1201 до 1292 г., писанную въ галицкой Руси, какъ свидѣтельствуетъ языкъ ея. Этотъ Ипатьевскій списокъ относится къ концу XIV и началу XV вв.

(Изд. Лѣтописи по *Ипатскому* списку археограф. комм. Спб. 1871). Болѣе нов. списки этого свода: Хлѣбниковскій, Погодинскій, Ермолаевскій.

Для нашей эпохи (XII в.) важнымъ источникомъ въ этомъ лѣтописномъ сводѣ является разумѣется ея средній отдѣлъ, т. е. такъ наз. *Кіевская лѣтопись* (1111—1201). Эта лѣтопись имѣетъ явно составной характеръ, причемъ ея составныя части—лѣтописныя замѣтки и отдѣльныя сказанія, почерпнутыя изъ разныхъ источниковъ, связаны весьма неискусно и на скорую руку. Составъ и источники этого свода спеціально и основательно разобраны К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ его извѣстномъ изслѣдованіи „О составѣ русскихъ лѣтописей" (Лѣтоп. Зан. Археол. Комм. 1865 — 1866, вып. IV, Спб. 1868, стр. 72); срв. Русс. Ист. I, ст. 27.

По мнѣнію критики для періода 1146—1154 г. главнымъ источникомъ свода послужило „подробное сказаніе объ Изяславѣ Мстиславичѣ, писанное его современникомъ, сторонникомъ и вѣроятно даже соратникомъ" (стр. 79). Къ сожалѣнію это повѣствованіе дошло до насъ не въ полномъ видѣ, ибо часто прерывается вставками, очевидно заимствованными совершенно изъ другихъ источниковъ (стр. 80), притомъ исходящихъ частью изъ противнаго Изяславу лагеря (Ольговичей). Бестужевъ-Рюминъ подробно разбираетъ лѣтописный разсказъ и старается опредѣлить, что̀ принадлежитъ первоначальному тексту, что̀ другимъ подобнымъ же сказаніямъ, что̀ наконецъ—недошедшимъ лѣтописямъ. Во всякомъ случаѣ извѣстія этой кіевской лѣтописи вообще, какъ въ частности и касающіяся нашего предмета, имѣютъ характеръ полной достовѣрности и исторической точности и даютъ намъ не только рядъ высоко-интересныхъ свидѣтельствъ объ угро-русскихъ отношеніяхъ занимающей насъ эпохи, но и не мало вполнѣ надежныхъ точекъ опоры—для хронологическаго опредѣленія современныхъ событій изъ исторіи Угріи, о которыхъ недостаетъ точныхъ указаній въ другихъ нашихъ источникахъ.

Въ этомъ смыслѣ вполнѣ оцѣнилъ извѣстія кіевской лѣтописи и воспользовался ими съ большимъ успѣхомъ В. Г. Васильевскій въ часто цитованной нами статьѣ своей „Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ" (Слав. Сбор., II). Не можемъ не привести здѣсь его вполнѣ справедливаго сужденія объ этомъ предметѣ (Прилож. IV, стр. 288): „Во всей исторической литературѣ того періода (середины XII в.), говоритъ онъ, трудно найти другой источникъ, по живости, подробности, полнотѣ и отчетливости могущій сравниться съ извѣстіями кіевской лѣтописи, касающимися Изяслава Мстиславича и заимствованными, какъ полагаютъ, изъ записокъ какого-либо со-

ратника Изяслава Мстиславича. Ни риторическія произведенія византійской исторической музы, ни сухія и краткія лѣтописи запада не представляютъ ничего подобнаго. Что касается хронологіи, то, благодаря послѣдовательности разсказа и многочисленнымъ указаніямъ на дни недѣли и числа мѣсяца, на времена года,— она стоитъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ, и можетъ служить повѣркою для другихъ источниковъ, между прочимъ и византійскихъ".

Слѣдуетъ прибавить, что и внѣ того періода, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. періода дѣятельности князя Изяслава Мстиславича (1146—1154), кіевская лѣтоп. вообще даетъ цѣнныя и достовѣрныя указанія для угро-русскихъ отношеній —хотя-бы въ предѣлахъ нашего изслѣдованія. Такой взглядъ на значеніе и цѣну русской лѣтописи заставлялъ насъ все время внимательно слѣдить за ея извѣстіями и стараться не упустить ничего, что могло бы бросить какой-либо свѣтъ на занимавшіе насъ вопросы.

Извѣстія русскихъ лѣтописей не только даютъ намъ рядъ драгоцѣнныхъ данныхъ о сближеніи Угріи съ Русью въ первый періодъ правленія Гейзы II (бракъ его съ Евфросиньей Мстиславов.), о взаимныхъ сношеніяхъ и вмѣшательствѣ Угровъ въ усобицы русскихъ князей, о послѣдовавшихъ затѣмъ еще при Гейзѣ и его преемникахъ перемѣнахъ въ этихъ отношеніяхъ, но и даютъ намъ возможность разъяснить себѣ многое, особенно относительно *хронологіи*, въ отношеніяхъ угро-византійскихъ, въ ходѣ многолѣтней борьбы на Дунаѣ, современной оживленію угро-русскихъ связей. Наконецъ, они бросаютъ свѣтъ и на отношенія внутренноугорскія.

---

2. ЧЕШСКІЯ ЛѢТОПИСИ.

Послѣ русскихъ лѣтописей первое мѣсто среди славянскихъ источниковъ той эпохи безспорно занимаютъ чешскіе лѣтописи. Анналистика (на латин. яз.) въ Чехіи, успѣшно начатая знаменитымъ *Козьмой Пражскимъ*, котораго лѣтопись прерывается съ его смертью (ум. 1125), и слѣдовательно не касается нашей эпохи (изд. въ Fontes Rerum Bohemicarum, p. II и у Пертца, M. G. SS. IX), была непрерывно продолжаема въ XII и XIII вв. — современниками событій, часто близко стоявшими къ нимъ и располагавшими хорошими свѣдѣніями. Не говоря уже о значеніи ихъ трудовъ собственно въ чешской исторіографіи, надо признать, что эти чешскія

лѣтописи являются цѣнными источниками и для общеевропейской исторіи, особенно германской, а также и для исторіи другихъ сосѣднихъ съ Чехіей земель — славянскихъ и Угріи. Чѣмъ живѣе были связи и политическія отношенія у Чеховъ съ этими сосѣдями, тѣмъ обильнѣе и чаще отмѣтки чешскихъ лѣтописцевъ объ этихъ отношеніяхъ.

Первымъ продолжателемъ Козьмы Пражскаго былъ неизвѣстный намъ ближе *Каноникъ Вышеградскій*, котораго лѣтопись, описывающая событія съ 1126 по 1142 г., и слыветъ подъ этимъ именемъ (Cont. Cosm. *Kanownik Wyšehradský*). Она издана въ Fontes. Rer. Bohem. T. II (Prameny dějin českých) Pr. 1874, p. 201, и Köpke въ M. G. SS. IX, p. 132—148. Каноникъ Вышеградскій заноситъ свои лѣтописныя замѣтки какъ современникъ и не рѣдко какъ прямой свидѣтель того, что́ отмѣчалъ, такъ что свидѣтельства его отличаются полною достовѣрностью. Онъ описывалъ событія царствованія Собѣслава I и самаго начала правленія Владислава и къ первому изъ нихъ высказываетъ особенную преданность.

Второй продолжатель Козьмы — тоже ближе неизвѣстный — *Монахъ Сазавскаго монастыря*, писавшій во второй половинѣ XII в., дополнялъ Козьму разными извѣстіями, особенно касавшимися Сазавскаго монастыря, и затѣмъ съ 1126 г. продолжалъ его до 1162 г. (правленія Собѣслава I и Владислава II). Писалъ онъ повидимому не раньше 1173 г., но также какъ современникъ, а потому и его лѣтопись отличается достовѣрностью. Издана тамъ же въ Fontes R. B., II, стр. 238 и M. G. SS. IX, p. 148—163 (Köpke).

И у того и у другого лѣтописца имѣются извѣстія объ угро-чешскихъ отношеніяхъ, однакожъ вообще не обильныя.

Рядомъ съ лѣтописью Козьмы и съ ея продолженіями дошли до насъ нѣкоторые лѣтописные отрывки (особ. изъ XIII вѣка). Въ разныхъ чешскихъ монастыряхъ дѣлались лѣтописныя выписки какъ изъ Козьмы Пражскаго, такъ и изъ продолжателей его, и туда же вплетались извѣстія изъ другихъ источниковъ, напр. иноземныхъ анналовъ; а о современныхъ событіяхъ авторы этихъ выписокъ дѣлали нерѣдко свои собственныя отмѣтки.

Изъ такихъ отрывковъ можетъ быть упомянута здѣсь напр. такъ назыв. *Пражская лѣтопись — Annales Pragenses*, составленная кѣмъ-то, быть можетъ при пражскомъ епископск.

костелѣ. Изд. у Pertz'a M. G. SS. V, 119. Font. R. B., T. II, стр. 376. Въ ней встрѣчаются отмѣтки, касающіяся и Угріи.

Относящаяся также къ XII вѣку такъ назыв. *Градишско-Опатовицкая* лѣтопись, начатая въ Градищенскомъ монастырѣ въ Моравіи (—1145) и продолженная (—1158—63) въ Опатовицкомъ (куда были переведены монахи-бенедиктинцы изъ перваго), почти не заключаетъ въ себѣ извѣстій, спеціально относящихся къ Угріи, но вообще представляетъ не малый интересъ для историка той эпохи, и потому не должна быть оставлена безъ вниманія; основываясь въ общемъ на лѣтописяхъ Козьмы и продолжателей, она заключаетъ въ себѣ много самостоятельныхъ извѣстій — изъ источниковъ, намъ неизвѣстныхъ. Она издана въ Fontes R. B., T. II, стр. 386 и въ M. G. SS. XVII, 644—653 подъ наз. Annales Gradicenses et Opatovienses. См. о нихъ при изданіи въ Fontes, ib., и у Wattenbach'a, D. Gqu., II, S. 245—46.

Совершенно особенное и исключительно важное для нашей эпохи и нашего предмета мѣсто среди чешскихъ лѣтописей занимаетъ высоко-интересная и дѣйствительно замѣчательная лѣтопись каноника *Викентія Пражскаго*. Важность этого источника обусловливается положеніемъ и ролью самого лѣтописца, бывшаго капланомъ при епископѣ пражскомъ Даніилѣ и сопровождавшаго его почти во всѣхъ его политическихъ миссіяхъ и путешествіяхъ. Самъ Викентій въ посвященіи своего труда королю Владиславу II и королевѣ Юдиѳи называетъ себя *каноникомъ пражской церкви и нотаріемъ* (S. Pragensis ecclesie canonicus et notarius). Политическая роль епископа Даніила и его положеніе при императорѣ Фридрихѣ I достаточно извѣстны. Понятно, что и сопровождавшій Даніила Викентій долженъ былъ быть хорошо посвященъ въ европейскія политическія отношенія, и его лѣтопись, удѣляющая не мало мѣста этимъ отношеніямъ, является драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи средней Европы серед. XII в. вообще, напр. для италіанскаго похода Фридриха 1158 года.

Правдивость и добросовѣстность Викентія стоятъ внѣ сомнѣнія, а потому его свидѣтельства имѣютъ характеръ полной достовѣрности. Какъ это все, такъ и прекрасное изложеніе Даніила даютъ его труду почетное мѣсто среди историковъ XII в. Онъ излагаетъ событія съ 1140 г. (со вступленія на

престолъ Владислава) до 1167 года; онъ писалъ около 1173 года. До 1158 г. извѣстія его не такъ точны и опредѣленны, какъ послѣ. Хронологическія неточности его лѣтописи могутъ быть объяснены тѣмъ, что нѣкоторыя части ея остались вѣроятно безъ хронологическихъ отмѣтокъ и таковыя были приставлены уже позднѣе переписчикомъ.

Описывая событія чешской исторіи въ правленіе Владислава II въ связи съ политикой императора Фридриха и съ современными международными отношеніями, въ которыхъ играла роль Чехія, Викентій часто касался и событій *угорской исторіи*, и благодаря этому мы находимъ у него рядъ интересныхъ и достовѣрныхъ извѣстій о дѣлахъ угорскихъ за это время, напр. о борьбѣ за угорскій престолъ послѣ Гейзы, въ которой участвовалъ и Владиславъ чешскій (война съ Мануиломъ 1164 г.), объ отношеніи Угріи при Гейзѣ къ папскому вопросу и проч. Викентій былъ знакомъ съ Угріей и изъ личныхъ наблюденій. Довольно сказать, что онъ сопровождалъ епископа Даніила въ Угрію въ его миссіи по дѣлу о признаніи папы Виктора IV.

Изд. Викентія въ Font. Rer. Boh. II (1876), p. 407—460 и въ Mon. G. SS. XVII, 654—710.

Продолжателемъ лѣтописи Викентія былъ *Ярлохъ* (Герлохъ), аббатъ Милевскаго (Mühlhausen) премонстр. монастыря; онъ продолжалъ Викентія съ 1167 г. и доводитъ свой трудъ до 1198 г. Было впрочемъ и продолженіе, но къ сожалѣнію оно не дошло до насъ. Писалъ онъ уже въ первой четверти XIII в. (ок. 1220 г.). Лѣтопись Ярлоха не уступаетъ викентіевой въ обстоятельности, правдивости и достовѣрности. Къ сожалѣнію угорскихъ дѣлъ она касается очень мало. Ярлохъ сохранилъ въ своемъ трудѣ знаменитую исторію *Ансберта* о третьемъ крестовомъ походѣ Фридриха I. Лѣтопись Ярлоха (назыв. также Chronogr. Siloensis) издана тамъ же, рядомъ съ Викентіемъ: Fontes. R. B., II, p. 461—516 и Pertz, M. G. SS. XVII.

Еще можно упомянуть дошедшую изъ второй половины XII вѣка компиляцію или *„выписки изъ старыхъ чешскихъ лѣтописей“*, т. е. изъ продолженіи Козьмы, Викентія, Ярлоха и другихъ, принадлежащая какому-нибудь духовному праж-

ской церкви; въ ней есть между прочимъ извѣстіе объ угорской войнѣ 1164 г. Изд. въ Fontes R. B., II, p. 270 подъ именемъ: „Výpisky z Vincentia, Gerlacha a jinych starších letopiseů českých и въ M. G. SS. IX, 162 (изд. Köpke) въ Canonicorum Pragensium Continuationes Cosmae.

У позднѣйшихъ историковъ чешскихъ (напр. *Пулкавы*) лишь весьма рѣдко попадаются имѣющія какое-либо значеніе извѣстія о событіяхъ столь стараго времени (XII в.).

---

3. ПОЛЬСКІЕ ИСТОЧНИКИ.

Благодаря вообще близкимъ отношеніямъ Польши къ Угріи, между прочимъ и вслѣдствіе стараго соперничества ихъ въ политическихъ притязаніяхъ на прикарпатско- и галицко-русскую землю, и частаго вмѣшательства Поляковъ въ угро-русскія отношенія—польскіе источники содержатъ въ себѣ не мало разсказовъ, касающихся дѣлъ угорскихъ. Однакожъ для насъ эти источники имѣютъ—и то очень рѣдко—лишь весьма второстепенное значеніе какъ потому, что въ эпоху собственно насъ занимающую угро-польскія отношенія временно очень ослабѣли и потеряли живой политическій интересъ, такъ и вообще въ виду ихъ характера — мало достовѣрнаго, часто сказочнаго и позволяющаго пользоваться ими всегда, а особенно въ извѣстіяхъ о событіяхъ, отдаленныхъ отъ писавшаго и временемъ и мѣстомъ, лишь съ величайшею осторожностью и строжайшей критикой. Болѣе извѣстій даютъ польскіе источники объ угорскихъ дѣлахъ, а потому и обращаютъ на себя нѣсколько бо́льшее вниманіе во 1-ыхъ *для первой пол. XII в.*, особенно для 20—30-хъ годовъ: для вмѣшательства Стефана II въ галицкія дѣла и для войнъ Болеслава III съ Бѣлой Слѣп. въ интересахъ Бориса Коломановича, и во вторыхъ *для конца XII вѣка* и политики Бѣлы III въ Галиціи. Такъ какъ въ нашемъ трудѣ затрогивается эпоха 20—30 годовъ, то не мѣшаетъ отмѣтить здѣсь главные польскіе источники, содержащіе эти извѣстія.

Во второй половинѣ XII вѣка и въ началѣ XIII в. жилъ *Викентій Кадлубекъ* (Vincentius Kadłubek), бывшій епископомъ краковскимъ (1208—1218) и подъ старость удалившійся въ монастырь (ум. 1223), гдѣ и написалъ вѣроятно свой трудъ. Онъ оставилъ хронику (—до 1205), состоящую изъ четырехъ книгъ (перв. 3 въ формѣ діалога), въ которой однакожъ исто-

рическіе факты перемѣшаны съ сказками, баснословными преданіями, заимствованіями изъ классиковъ и измышленіями фантазіи, такъ что по характеру своему она скорѣе заслуживаетъ названія „произведенія литературы“, чѣмъ историческаго источника. Въ виду этого къ ея разсказамъ о войнахъ съ Угріей изъ-за Бориса Коломановича (какъ и о походахъ Бѣлы III въ Галицію) слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Хроника Кадлубка издана въ послѣдній разъ и всего лучше Bielowski'мъ, Monum. Poloniae, II. О ней Zeissberg, Die Polnische Geschichtschreib. d. Mittelalt., Leip. 1873, S. 48 — 78. Срв. Wattenbach o. c., S. 275—276.

Къ XIII вѣку относили, а теперь относятъ къ болѣе позднему времени (къ XIV в.) такъ назыв. *Великопольскую хронику*, которой главную часть приписывали до сихъ поръ *Богухвалу* (Bogufał, Boguchwał), епископу Познанскому (съ 1242), а продолженіе — *Годиславу Павлу* (Паско, Башко — Pasko, Basko, Baszko). Но вопросъ о происхожденіи ея остается еще нерѣшеннымъ, особенно послѣ новѣйшихъ работъ надъ ней Вармскаго и другихъ, которые своимъ критическимъ анализомъ обнаружили ея компилятивный характеръ и истинное историческое значеніе. Во всякомъ случаѣ она возникла въ Познани.

Однимъ изъ источниковъ этой компиляціи былъ Кадлубекъ, но авторъ пользовался и многими другими источниками (напр. безъименными монастыр. лѣтописями, Ann. Major. Poloniae). Не говоря уже о сказочномъ характерѣ хроники, она писана съ большимъ пристрастіемъ и съ извѣстной тенденціей, ради которой часто искажаются факты. Объ угорскихъ дѣлахъ (первой пол. XII вѣка и особенно для XIII в.) у него довольно много сообщеній, но недостовѣрныхъ. Изд. хроники: Bielowski, Mon. Polon. II; о ней Zeissberg, ib. S. 99—106; M. Warmski, Die grosspolnische Chronik, eine Quellenuntersuchung, Krakau, 1879 (еще Perlbach).

Довольно рано стали вестись *лѣтописи* въ польскихъ монастыряхъ (напр. въ Краковѣ), отъ которыхъ лишь недавно найдены отрывки и извлеченія, представляющія иногда значительный интересъ, но являющіяся компиляціями изъ болѣе старыхъ анналовъ—примыкающихъ къ западнымъ, нѣмецкимъ. Въ нихъ попадаются отмѣтки, касающіяся и Угріи въ XII в. Эти анналы были разобраны и изданы подъ им. *Annales Polonorum* Рёппелемъ и Арндтомъ у Пертца въ M. G. SS. XIX,

574—689; нов. изд. Бѣлевскаго въ Mon. Polon II. См. о нихъ Zeissberg въ указанномъ трудѣ [1]).

Изъ *позднѣйшихъ* польскихъ хронистовъ, у которыхъ встрѣчаются извѣстія, иногда не сходныя съ болѣе старыми свидѣтельствами, и которые имѣли возможность пользоваться разнообразными источниками (въ томъ числѣ и угорскими) можно упомянуть здѣсь *Яна Длугоша*, истор. XV в. (у. 1480): Dlugosz, Hist. Polonica (изд. Лейпц. 1761, и полное собраніе сочиненій изд. Пржездзецкаго въ Краковѣ 1867—1880), но пользоваться имъ можно только съ величайшею осторожностью, какъ историкомъ совершенно некритичнымъ, часто фантазирующимъ и тенденціознымъ.

(О немъ Zeissberg, ib., S. 197, 291, 299).

---

4. Южнославянскіе источники.

Къ сожалѣнію этотъ разрядъ славянскихъ источниковъ имѣетъ для насъ (и то спеціально почти лишь для сербскихъ дѣлъ) по своему характеру и болѣе позднему происхожденію— весьма второстепенное значеніе. Даже такіе вопросы, какъ о генеалогіи, порядкѣ и времени правленія первыхъ Неманичей, или о началѣ борьбы Сербовъ за политическую свободу (въ концѣ XI и первой полов. XII вв.) разъясняются не изъ домашнихъ сербскихъ, а изъ иноземныхъ (преимущественно византійскихъ) источниковъ. Дѣло въ томъ, что современныхъ южнославянскихъ источниковъ изъ XII в. мы не имѣемъ. Единственное повѣствованіе изъ конца XII или даже нач. XIII в. *Лѣтопись попа Дуклянскаго* не даетъ почти ничего для нашего предмета и доходитъ лишь до половины XII в., не говоря уже о весьма сомнительномъ историческомъ значеніи этого памятника. Другіе сербскіе домашніе источники со стороны фактическихъ показаній, особенно для эпохи древнѣйшей—чрезвычайно скудны и несообщительны. Притомъ не будучи современны событіямъ

---

[1]) Почти излишне упоминать здѣсь о происходящей изъ конца XII вѣка такъ назыв. *угро-польской хроникѣ* (Bielowski, M. P. I, 487, Endlicher, Mon. Arp. 64), совершенно забракованной критикой (особенно мадьярской) за свою сказочность, но однакожъ кое-какими извѣстіями все-таки заслуживающей вниманія,—излишне потому, что она не доходитъ до нашей эпохи.

и часто принадлежа болѣе позднимъ эпохамъ, они не отличаются достовѣрностью.

Итакъ изъ произведеній старой южнославянской исторіографіи мы можемъ отмѣтить лишь слѣдующее:

1. Изъ отдѣла *житій сербскихъ кралей*, имѣющихъ спеціально церковный, притомъ панегирическій характеръ, представляющихъ болѣе памятники письменности, чѣмъ произведенія исторіографіи и дающихъ вообще мало цѣннаго историческаго матеріала, нашей эпохи касаются только *Житья св. Симеона* (Стефана Немани, съ 1159 г.), принадлежащія Стефану Первовѣнчанному, св. Саввѣ и Доментіану. Изд. Шафарикомъ (Památky dřevního písemnictví Jihoslovanův, Pr. 1873), Мартыновымъ въ Пам. Древ. Письм. к. III, 1880 (Житье Симеона, пис. Ст. Первовѣнч.) и Даничичемъ (Доментіан. жит. Сим. и Саввы, Бѣлг. 1865). Еще см. И. Павловиħ, Домаħи извори за српску историју, Житиа краль срьбьскыихь, 1877.

2. *Сербскія лѣтописи*, не имѣющія ничего общаго ни съ русскимъ лѣтописаніемъ, ни съ западнославянской (чешской или польской) исторіографіей, представляютъ въ высшей степени скудный, жалкій и мало достовѣрный источникъ, писаный притомъ въ духѣ сербскихъ житій и на нихъ главнымъ образомъ опирающійся. Возникновеніе лѣтописей относится къ поздней эпохѣ (конецъ XIV в.), чѣмъ также обусловливается ихъ малое историческое значеніе для болѣе древнихъ періодовъ. Изд. у Шафарика въ „Паматкахъ" (1873 г.), въ „Гласникѣ срп. уч. друштва" к. I, V, X, XI, XXI, XXXII, XXXV. (О нихъ въ нов. время Rački, Ocjena star. izv., Književnik, I; Новаковиħ въ Starine, кн. IX, и Ягичъ, въ Archiv f. sl. Phil., II: Ein Beitrag z. serb. Annalistik).

3. Вышеупомянутая *Дуклянская лѣтопись* (Presb. Diocl.) изъ второй полов. XII или быть можетъ даже нач. XIII вѣка, разсматриваемая критикой скорѣе какъ литературный памятникъ, чѣмъ какъ историческій источникъ—вслѣдствіе преобладанія элемента сказочнаго, недостовѣрнаго, доходитъ лишь до половины XII в. Изд. Črnčić, Popa Dukljanina Letopis po latinsku i toga nekoliko i jos nešto po hrvatsku, U Kraljevici, 1874.

4. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о важномъ источникѣ для исторіи Далмаціи: хроникѣ *архидіакона Ѳомы Сплѣтскаго* (жилъ 1200 — 1268), Historia salonitanorum pontificum atque spalatensium. Изд. у Schwandtner'a, Script. Rer. Hungar., T. III. О ней уже сказано выше.

О старомъ періодѣ сербской исторіи, о первыхъ Неманичахъ и проч. сообщаютъ еще кое-какія извѣстія, хотя тоже къ сожалѣнію сбивчивыя и отрывочныя

5. *Дубровницкіе и далматинскіе лѣтописцы*, правда, очень поздніе и также некритичные, но очевидно пользовавшіеся многими старыми, отчасти намъ неизвѣстными источниками; вслѣдствіе скудости нашихъ извѣстій о началахъ сербской государственности вообще и Неманичахъ въ частности—не могутъ быть оставляемы безъ вниманія, рядомъ съ другими немногочисленными источниками, и извѣстія этихъ дубровицкихъ источниковъ. Такія свидѣтельства встрѣчаются у дубровн. историковъ: *Сер. Рацци* (Razzi), пис. въ концѣ XVI в. ист. Дубровника, къ сожалѣнію безъ критики, путающаго много и въ генеалогіи и въ хронологіи; *Червы Тубер.* (XV—XVI в.), *Мавро Орбини* (Mauro Orbini, Il regno degli Slavi, 1601), *Юнія Растича* (†1735. Giugno Resti, Chroniche di Ragusa—неизд.), *Луккарича* (P. Luccari, 1605) и другихъ. См. Макушева, Объ историческихъ памятникахъ и бытописателяхъ Дубровника, Спб. 1867, стр. 91—113 и сл.

II.

Нѣсколько новооткрытыхъ писемъ Софіи, сестры короля Гейзы II.

Въ виду новизны находки позволяю себѣ здѣсь перепечатать и снабдить русскимъ переводомъ эти нѣсколько новыхъ любопытныхъ писемъ, разъясняющихъ вопросъ о судьбѣ несчастной дочери короля Бѣлы II, отвергнутой невѣсты сына короля Конрада III Генриха, поступившей въ эпоху написанія этихъ писемъ (1146 г.) въ Адмонтскій монастырь и тамъ проживишей до смерти (годъ смерти неизвѣстенъ, но день—15 сент. въ Necrol. Admunt., Pez, Scr. rer. Austr. II, s. 207), —писемъ вообще важныхъ для характеристики нравовъ того времени и современныхъ угро-нѣмецкихъ отношеній.

Историческое значеніе и хронологія этихъ писемъ удовлетворительно выяснены г. Якшемъ, открывшимъ ихъ недавно въ одной пергамен. рукописи XII вѣка (происх. вѣроятно изъ Адмонта) въ Клагенфуртѣ въ числѣ 11-ти формулъ писемъ, и обнародовавшимъ ихъ въ Mittheilungen des Instit. für oesterr. Geschichtsforsch., II Ergänzugsband. II Heft (1888), S. 372—375.

---

1. Письмо Софіи къ брату кор. Гейзѣ II.
(изъ Регенсбурга, весной 1146).

Domino G. fratri suo Ungarorum gentis regi potentissimo exul illa et peregrina soror eius N. dulciss(imum) cum servicio germanitatis affectum. Dum gloriam magnificentiae regni tui perpendo, dum excellentiam nominis tui, frater amantissime, attendo, ipsa prosperitas rerum tuarum fit quodam modo quasi dulce levamen innumerabilium quas actenus perpessa sum miseriarum. Ex quo enim in exterras regiones deveni, die ac nocte panem doloris comedi et ultra quam regiam prolem decuit, confusio faciem meam cooperuit. Non enim ut regina regis filio desponsata, sed nec, ut ita dicam, quasi vilissima procurata sum pedissequa. Proinde, quia experta sum exul in exilio quam miserabilis sit, quanta qualisque sit humane vite miseria, quam lacrimabilis sit captivitas Babilonica, inspirante deo decrevi in animo meo contempnentem me regem terrestris Babilonie pro amore immortalis sponsi forti constantia contempnere. Ne autem arbitretis, frater karissime, ob illatas ab eo iniurias ad eius nolle pervenire nuptias, scias, pro certo scias, quod ipsum solum, sed et tocius terre principes amor Christi mihi fecit con-

---

Господину брату Г(ейзѣ) могущественному королю угорскаго народа отъ изгнанницы и странницы сестры его N. (Софіи) —нѣжнѣйшая братская любовь и преданность. Когда я измѣряю славу величественнаго твоего царства, когда я размышляю о величіи твоего имени, любимѣйшій братъ мой, то ужъ одно благополучіе твое (успѣхи) въ дѣлахъ становится какъ-бы сладкимъ облегченіемъ тѣхъ безчисленныхъ несчастій, которыя я до сихъ поръ перенесла. Съ тѣхъ поръ какъ я прибыла въ чужія страны, я и днемъ и ночью вкушала отъ хлѣба скорби, и смущеніе покрывало лицо мое болѣе, чѣмъ прилично королевской дочери. Ибо со мной обращались не какъ съ королевной, обрученной съ королевичемъ, нѣтъ, даже — я сказала бы — не какъ съ самой послѣдней служанкой. Испытавъ такимъ образомъ, какъ жалокъ изгнанникъ въ изгнаніи, какъ велика и какова нищета человѣческой жизни, какъ достойно слёзъ плѣненіе вавилонское, я по божественному внушенію рѣшила въ душѣ своей, ради любви къ безсмертному жениху, съ постоянствомъ платить презрѣніемъ за презрѣніе ко мнѣ короля земного Вавилона. Не думай же, дражайшій братъ, что я не хочу вступить въ бракъ изъ за нанесенныхъ имъ оскорбленій, но знай, знай за вѣрное,

temptibiles. Ea propter, frater, quasi ad turrem fortitudinis confugio ad te tueque pietatis consilium humiliter quero rogans, ut pro spe eterne retributionis petitionem non spernas desolate conditionis. Opto sane et desidero fraterno tui auxilio ad portum monasterii et quietis nuda saltem et despoliata ex huius mundi fugere naufragio. Est quippe monasterium Admuntesse reverentissimo Salzpurgensi archiepiscopo subditum in quo religiosorum virorum ac mulierum multitudinem deo servientium esse comperi. Hunc ergo locum pre ceteris nominatissimum tuoque regno contiguum deo volente et tui gratia subveniente cupio inhabitare, quatinus inter deo conversantes digne eterno regi irreprehensibiliter merear militare. Noveris autem, frater karissime, non per hominem neque ab homine tale me consilium accepisse sed hec que per multas tibi scripsi lacrimas, magnus ille consilii angelus cordis mei installavit auribus. Quod si ipso inspirante parte voti mei compos, quantotius affecta fuero, non minus pro te quam pro me sine intermissione supplicabo domino.

что любовь ко Христу сдѣлала для меня презрѣнными какъ его, такъ и вообще государей всего міра. Поэтому, братъ мой, прибѣгаю къ тебѣ, какъ къ крѣпости, и уничиженно ищу совѣта твоей братской любви, умоляя, чтобы ты въ надеждѣ вѣчной награды не отринулъ мольбы, вызванной отчаяннымъ положеніемъ. Я стремлюсь именно и желаю съ твоею братскою помощью спастись отъ кораблекрушенія сей жизни въ пристань монастыря и его тишины, хотя бы нагая и ограбленная. Есть нѣкій монастырь Адмунтскій, подчиненный достопочтенному архіепископу Зальцбургскому, въ которомъ, какъ я узнала, находится множество служащихъ Богу духовныхъ, мущинъ и женщинъ. Въ этомъ славнѣйшемъ изъ всѣхъ и пограничномъ съ твоимъ королевствомъ мѣстѣ—по волѣ Божьей и при содѣйствіи твоей милости желаю я поселиться, насколько я заслуживаю неукоризненно воинствовать среди имѣющихъ достойное небеснаго царя общеніе съ нимъ. Но знай, дражайшій братъ, что такое рѣшеніе принято мною не по чьему-либо внушенію; все то, что я написала тебѣ сквозь обильныя слёзы, вложилъ въ мое сердце тотъ великій ангелъ мудрости. И ежели вдохновленная имъ я достигну своего желанія, то какъ скоро это случится, я буду непрестанно молить Господа не менѣе и за тебя, чѣмъ за самое себя.

2. *Письмо Софіи къ архіепископу Зальцбургскому Конраду I и епископу Гуркскому Роману I.*

(изъ Адмонта, весной же 1146).

Reverentissimis dominis et patribus C. Salzb(urgensis) ecclesie deo digno archie(piscopo) R. Gurz(ensis) ecclesie episcopo S. quondam regis filia nunc autem devota ipsorum ancilla de Admuntes(ibus) una ob(edientiam) subiectionem or(ationem) servicium. Quod spreto terreni principis thalamo eterno regi licet indigna copulari desidero, vestre, patres et domini, excellentie eo minus displicere timeo, quo et omnium hominum bonam voluntatem et actionem vobis complacere audio. Ideoque de toto mundo in vestro episcopatu locum N. ad serviendum deo elegi, ubi sub vestro patrocinio celesti sponso, si eius misericordie ita complacuerit, subarrari proposui. Fidem namque et misericordiam quam meis hucusque progenitoribus a vobis conservari agnovi, mihi quoque licet indigne vel immerite ancille tamen v(os) exhibere non dedignemini, ut filiam et ancillam me suscipite, paternam quam quero, dilectionem non negate. Fratris quoque mei animum, si quid erga me quod absit, habet commotionis, nuntiis, queso, et litte-

---

Достопочтеннымъ господамъ и отцамъ К(онраду), достойному архіепископу Зальцбургской церкви и Р(оману) епископу Гуркской церкви отъ С(офіи), нѣкогда королевской дочери, а нынѣ одной изъ преданныхъ адмунтскихъ рабъ ихъ—послушаніе, преданность и т. д. Если я, пренебрегши бракомъ съ земнымъ государемъ, желаю соединиться, хотя и недостойная, съ вѣчнымъ царемъ, то въ этомъ я, отцы и господа мои, тѣмъ менѣе боюсь вызвать недовольство Вашего Преосвященства, что слышу, какъ доброе намѣреніе и доброе дѣло всякаго человѣка встрѣчаютъ ваше одобреніе. Поэтому на всемъ свѣтѣ я избрала для служенія Богу именно мѣстечко N. въ вашей эпархіи, гдѣ намѣреваюсь подъ вашимъ покровительствомъ вступить въ союзъ съ небеснымъ женихомъ, если на то будетъ его милосердіе. И тѣ покровительство и милость, которыя Вы, какъ мнѣ извѣстно, оказывали моимъ предкамъ, удостойте оказать и мнѣ, хотя и недостойной и незаслуженной рабѣ, примите меня какъ дочь и рабу, не лишите меня просимой мною отеческой любви Вашей. Прошу Васъ также, смягчите черезъ пословъ и письма настроеніе брата моего, если онъ—избави Богъ—сколько-нибудь возбужденъ противъ меня,

ris v(estris) mitigate eumque secundum datam vobis a deo sapientiam commonere curate, quatinus germanam dilectionem a me ideo non avertat, quod terrenum sponsum pro celesti commutaverim.

---

3. Письмо Софіи къ архіепископу Зальцбургскому Конраду.

(Адмонтъ, до 20 августа 1146).

Rever(endo) d(omino) et p(atri) Salzpurgensi arch(iepiscopo) N. pauper illa et exigua Admunt(essis) cenobii inclusa obed(ientiam), subiect(ionem) servicium. Benedicta gloria domini qui in brachio sue virtutis dies multiplicavit venerande vestre senectutis, quod in hoc uti credo, humilitati mee previdit quam sub umbra manus v(estre) confovendam prescivit. Ego inquam, pater et domine, prevenire litteris faciem tante presumo maiestatis. Sum exul illa et peregrina olim regis filia cui, ne sequi amatores alienos liceret, rex summus et prepotens viam spinis pridie circumsepsit et nunc dulci inspiratione in secretoria cubiculi sui introduxit. Et, quod pater meus et mater mea omnisque parentela mea non modicam in conspectu vestro invenerunt gratiam, ego tantilla eadem confidentia maiest(atem) v(estram) humiliter supplico, ut parvitas mea hoc apud misericordiam v(estram) obtineat, ut in festo sancti Stephani fratri meo

---

и сообразно данной Вамъ Богомъ мудрости постарайтесь уговорить его, дабы онъ не отнялъ у меня братской любви своей изъ-за того, что я обмѣняла земного жениха на небеснаго.

Достопочтенному господину и отцу архіепископу Зальцбургскому N. отъ бѣдной и ничтожной отшельницы Адмунтскаго монастыря — послушаніе, преданность... Благословенная, славная воля Господа, который рукою своей благости умножилъ дни Вашей почтенной старости, чѣмъ я здѣсь думаю воспользоваться, предусмотрѣла мое ничтожество и предназначила мнѣ быть согрѣтой подъ сѣнью руки Вашей. Итакъ, говорю я, отецъ и господинъ мой, я хочу напередъ предстать посредствомъ письма предъ лицо Преосвященства Вашего. Я есмь та изгнанница и пилигримка, нѣкогда королевская дочь, которой высочайшій и всемогущій Владыка, дабы предотвратить преслѣдованія постороннихъ искателей, заранѣе оградилъ путь терніемъ, и теперь сладкимъ вдохновеніемъ ввелъ въ таинствен-

regi Ungarorum gentisque principibus ad eundem diem festum convenientibus statum rerum mearum litteris notum fieri iubeat, qualiter cum licentia regis Romanorum filiique eius cui desponsata eram, de ferrea Egypti fornace exierim et monasterium N. vestre sanctitati subditum absque omni coactione celesti sponsa nuptura inhabitare ceperim. Rogo ergo et obsecro, ut magnalia dei in me facta paterna v(estra) ammonitione idem frater meus diligat laudet et magnificet et locum N. omnes quibus cohabitare proposui, honorare dignetur et venerari. Et quia semel cepi ad dominum m(eum) loqui, loquar et adhuc humiliter supplicando, ut prefatum regem Romanorum v(estra) commonere dignetur excellentia, ut quemadmodum secundum regni sui honorem in has partes deveni, ita et ipse regie maiestatis in me non immemor existat et de multis que ad ipsum detuli, vel pauca saltim mihi restituat. Preterea d(omine) pater, etiam illud almittatem v(estram) non lateat, quod prefectus urbis Ratisponensis multa de suppellectili mea retinet, multa pro vadimonio distribuit. Pro his ergo, ut iuste mihi respondeat, ad-

---

ную сѣнь своего покоя. И какъ отецъ мой и мать и вся родня встрѣчали большое благоволеніе въ особѣ Вашей, такъ и я съ тѣмъ же довѣріемъ униженно умоляю Ваше Преосвященство, чтобы милосердіемъ Вашимъ оказано было мнѣ ничтожной слѣдующее. Прикажите въ день св. Стефана письменно сообщить брату моему, королю угорскому и всѣмъ собравшимся къ этому празднику вельможамъ о положеніи моихъ дѣлъ, какимъ образомъ я съ позволенія римскаго короля и его сына, съ которымъ была обручена, вышла изъ желѣзной печи египетской и безъ всякаго принужденія поселилась въ монастырѣ N., подчиненномъ Вашему Преосвященству, какъ небесная невѣста. Прошу и умоляю, чтобы все великое содѣянное надо мной Богомъ, братъ мой по Вашему увѣщанію сочувственно принялъ, одобрилъ и оцѣнилъ, чтобы онъ удостоилъ своимъ уваженіемъ и почтеніемъ мѣсто N. и всѣхъ моихъ сожителей. А такъ какъ я разъ уже обратилась къ моему господину, то скажу и еще, униженно умоляя, чтобы Ваше Преосвященство соизволило уговорить и вышеупомянутаго короля римскаго, дабы какъ я прибыла въ эти земли ради чести его государства, такъ и онъ не забывалъ бы во мнѣ королевскаго достоинства и возвратилъ бы мнѣ по крайней мѣрѣ что-нибудь изъ многаго, что́ я ему принесла. Кромѣ того, господинъ и отецъ мой, да не будетъ

5. *Письмо Софіи къ брату Гейзѣ II.*

(изъ Адмонта, 1146 г., послѣ 11 сент.) [1]).

Gloriosissimo domino et fratri suo N. regi Hunorum victoriosissimo, N. quondam germana nunc Christi et ipsius ancilla deb(itum) orationis et servitutis obsequium. Quoniam pie et misericorditer recordatus es nominis mei, frater dulcissime, grates et gratias humiliter refero regali magnificentie tue. Licet enim inestimabiles mihi videantur divicie pro ipso qui pro nobis pauper factus est, me pauperem esse de muneribus tamen regie liberalitatis hac de causa gaudeo, quia magis in his tue salutis quam mee utilitatis commodum quero. Ad hec etiam non modicum mihi intulit gaudium, quod dulcissima legatione et regii muneris largitate specialiter honorare dignatus es specialem p(ersonam) m(eam). Qui me specialem elegit sibi filiam et paterne suavitatis mihi exhibens fidem et gratiam, et te nichilominus ut pater filium ut servus dominum veneratur et diligit et pro salute nominis t(ui) regi regum domino assiduis supplicare precibus non desin(et).

Преславному господину и брату N. (т. е. Гейзѣ), побѣдоносному королю угорскому — отъ N. (Софіи), нѣкогда сестры, нынѣ же рабы Христа и его — должная покорность и послушаніе подданной. Такъ какъ ты, милѣйшій братъ, отечески и милосердно вспомнилъ обо мнѣ, то я почтительно приношу свою благодарность твоему королевскому Величеству. Ибо хотя и неоцѣнимыми мнѣ представляются богатства — ради того, кто сталъ для насъ бѣденъ, я всетаки радуюсь, что остаюсь бѣдною и послѣ даровъ королевской щедрости — по той причинѣ что болѣе ищу въ нихъ пользы твоему спасенію, чѣмъ своей собственной выгоды. Къ тому же великою для меня было радостью, что ты удостоилъ особливо почтить мою особу любезнѣйшимъ посольствомъ и пышностью царскаго подарка. Тотъ, кто спеціально избралъ меня своею дочерью и оказываетъ мнѣ покровительство и благоволеніе отеческой любви, и тебя не менѣе почитаетъ и любитъ, какъ отецъ сына и слуга господина своего, и не престаетъ усердными молитвами молить Царя царей и Господа о твоемъ благоденствіи.

---

[1]) Выраженіе „victoriosissimo" указываетъ на время — послѣ извѣстной побѣды надъ Нѣмцами, 11 сент. 1146 года.

6. *Письмо Софіи къ матери Еленѣ.*

(Адмонтъ, 1146 г., около того же времени).

Excellentissime matri sue N. regine nobilissime N. Christi et ipsius ancilla videre d(ominu)m d(eum) in Syon vel regem r(egum) cum decore s(alutem). Audita dulcissima legatione v(estra), mater et domina, qua humilitatem m(eam) clementer salutare dignata estis excellentia v(estra), gaudens et exultans vehementer in domino grates devotissimas serenitati v(estre) humiliter refero. Et quia dixistis speciale vobis esse gaudium pro amore sponsi celestis devotissimarum deo feminarum me elegisse contubernium, quid elegerim, quid invenerim vobis, domina, paucis intimare decrevi.—Dum serenitatis vestre misericordiam oculo cordis intueor, mater et domina, qua me vobis commanentem amplecti fovere nutrire vestra dignata est excellentia, quicquid honoris et glorie, quicquid iocunditatis et gratie vel leticie excogitare filialis valet dilectio, totum vobis unice matri intima devotione exhibeo. Verum tamen, quia gaudium m(eum) gaudium v(estrum) esse non ambigo, facta in me magnalia dei

---

Ея Высочеству матери N. (т. е. Еленѣ), славнѣйшей королевѣ отъ N. (т. е. Софіи), рабы Христа и ея, — (желаніе) узрѣть Господа Бога на Сіонѣ или Царя царей и съ честью спасенія. Выслушавъ ваше любезнѣйшее посольство, которымъ Ваше Высочество, мать и госпожа моя, удостоили благосклонно привѣтствовать мое ничтожество, въ радостномъ возбужденіи и восторгѣ, я нижайше приношу свою преданнѣйшую благодарность Вашей свѣтлости. И такъ какъ Вы высказали, что для Васъ особенная радость, что я ради любви къ небесному жениху избрала общежитіе самыхъ преданныхъ Богу женщинъ, то я рѣшила Вамъ въ немногихъ словахъ повѣдать, чтó я избрала и чтó я нашла.—Видя и сознавая очами сердца своего все милосердіе Вашей свѣтлости, моя мать и госпожа, съ которыми Ваше Высочество удостоили меня любить, согрѣвать и питать — пока я жила съ Вами, я единственно только Вамъ, моей матери, съ глубочайшей преданностью оказываю все то, чтó только по части славы и чести, ласки, благодарности или радости можетъ измыслить сыновняя любовь. И тѣмъ не менѣе однакожъ, такъ какъ я не сомнѣваюсь, что радость моя есть вмѣстѣ съ тѣмъ и Ваша, я желаю повѣдать Вамъ, госпожа мать моя, великія дѣла содѣянныя надо мною Богомъ.

orientem Rama, inter aquilonem et item orientem Pecenatorum et Falonum, maximam venationum copiam habente, sed vomere ac rastro pene experta campania.

Crebras vero barbarorum irruptionês passa, haud mirum, si moribus aut lingua agrestis manet et insulsa. Nam primo, quod alibi latius a nobis dictum est, Hunorum, qui iuxta Iordanum ex incubis et meretricibus orti fuerant, direptioni patuit, postmodum Avarorum crudis et immundis carnibus vescentium conculcationi, ad ultimum Ungarorum a Scythia egressorum, qui et adhuc eam incolunt, relicta est possessioni. Sunt autem praedicti Ungari facie tetri, profundis oculis, statura humiles, moribus et lingua barbari et feroces, ut iure fortuna culpanda vel potius divina patientia admiranda sit, quae, ne dicam hominibus, sed talibus hominum monstris tam delectabilem exposuit terram. In hoc tamen Graecorum imitantur solertiam, quod nullam rem magnam sine crebra et longa consultatione aggrediuntur. Denique cum vilissima in vicis vel oppidis ibi, id est ex cannis tantum, rara ex lignis, rarissima ex lapidibus habeanter habitacula, toto aestatis vel autumpni tempore papiliones inhabitant. Ad curiam regis sui, singulis ex primoribus sellam secum portantibus, conveniunt, ac de suae rei publicae statu pertractare et discutere non negligunt, hyemis algore in domiciliis quae habent, id ipsum facientês. At omnes sic principi suo obsequuntur, ut unusquisque, ne dicam manifestis illum contradictionibus exasperare, sed et occultis susurris lacerare nefas arbitretur. Hinc est, ut, cum praedictum regnum per 70 vel amplius divisum sit comitatus, de ômni iusticia ad fiscum regium duae lucri partes cedant, tertia tantum comiti remaneat, nullusque in tam spacioso ambitu, rege excepto, monetam vel theloneum habere audeat. Quod si aliquis ex comitum ordine regem vel in modico offenderit, vel etiam de hoc quandoque non iuste infamatus fuerit, quilibet infimae conditionis lixa, a curia missus, eum, licet satellitibus suis stipatum, solus comprehendit, in vinculis ponit, ad diversa tormentorum genera trahit. Nulla sententia a principe, sicut apud nos moris est, per pares suos exposcitur, nulla accusato excusandi licentia datur, sed sola principis voluntas apud omnes pro ratione habetur. Si quando vero exercitum rex ducere voluerit, cuncti sine contradictione quasi in unum corpus adunantur. Coloni quidem, qui in vicis morantur, novem decimum, vel etiam septem octavum, vel infra, si necesse fuerit, cum supellectili ad bellum necessaria instruunt, caeteris pro cultura terrae domi relictis. Qui vero de

militum ordine sunt, nulla occasione nisi gravissima domi remanere audebunt. At in ipsa regis acie hospites, quorum ibi magna copia est, et qui apud eos principes dicuntur, latus principis ad muniendum ambiunt. Omnes pene tetri tetris in armis procedunt, nisi quod iam ab hospitibus, quos nunc solidarios dicimus, educati, vel ab eisdem etiam geniti, quandam non innatam sed quasi extrinsecus affixam virtutem trahentes, principes tantum et hospites nostros in pugnandi peritia armorumque splendore imitantur. Sed de praedictae gentis ritu haec dicta sufficiant.

2. Изъ Одона Дейльскаго, историка второго крестоваго похода, сопровождавшаго короля Людовика VII.

Хотя у него посвящено и не много словъ описанію (географическому) Угріи, однакожъ и эти краткія путевыя впечатлѣнія не лишены интереса, и потому мы позволяемъ себѣ привести здѣсь этотъ отрывокъ изъ труда Одона.

„*Ex Odonis de Deogilo libro de via Sancti Sepulchri a Ludovico VII Francorum rege suscepta*".—M. G. SS. XXVI, p. 62.

....Igitur Mettis, Warmasia, Wirceburgis, Ratispona, Batavia, civitates opulentissime, tribus diebus a se invicem distant. A postremo nominata 5 dies sunt usque ad Novam-urbem [1]), ab hac una usque ad portas Hungariae. Quae interiacent nemorosa sunt, et nisi deferantur de civitatibus, non sufficiunt exercitui victualia ministrare. Rivis tamen habundant et fontibus et pratis. Cum transirem regionem istam, aspera mihi montibus videbatur; nunc autem planam iudico respectu Romaniae. Hungaria ex hac parte aqua lutosa cingitur, ex alia vero a Bogaria amne lucido separatur. In medio sui fluvium habet Droam, qui stanni more unam ripam proclivem habet et alteram arduam. Unde modica pluvia effluit, et adiutus vicinis paludibus, etiam aliquanto remota submergit. Audivimus, eum multos Alemannorum qui nos precesserant subito inundasse; nos autem ubi castra eorum fuerant vix potuimus transvadare. In hoc parvas naves habuimus et paucas, et ideo fuit opus equos natare, qui facilem ingressum et egressum difficilem habentes, cum labore quidem, sed tamen Deo volente sine dampno transibant. Cetera omnis aqua terre huius lacus sunt et paludes et fontes, si ta-

[1]) Neustadt.

men fontes sunt, quos paululum fossa humo etiam in estate faciunt transeuntes; excepto Danubio, qui hanc satis in directum preterfluit et multarum regionum divitias nobili civitati Estrigun [1]) navigio convehit. Terra hec in tantum pabulosa est, ut dicantur in ea pabula Julii Cesaris extitisse. In hac pro voto nobis fuerunt et forum et concambium. Hec dietas quindecim habet. Deinde Bogaria in ingressu castrum attollit quod Bellagrava [2]) dicitur Bogarensis respectu cuiusdam quae in Hungaria est eiusdem nominis civitatis. Inde ad unam dietam, interposito quodam fluvio, Brundusium [3]) civitatem pauperculam. Quod de illa superest, ut ita dixerim, pratum est nemorosum vel nemus pabulosum. Bonis abundat que sponte nascuntur et ceteris est habilis, si colonos haberet. Non plana iacet nec montibus asperatur, sed inter colles vineis et segetibus habiles rivis et fontibus lucidissimis irrigatur. Caret fluviis; sed nec usque Constantinopolim exinde nobis navibus opus fuit. Hec ad quintam dietam primam, sed modicam ex hac parte Greciae civitatem Nit ostendit...

---

3. Арабскій географъ XII вѣка Идриси.

Знаменитый авторъ большого и для того времени замѣчательнаго географическаго труда, обнимающаго всю Европу (и неевропейскіе берега Средиземнаго моря), удѣлившій въ немъ мѣсто даже самымъ далекимъ сѣвернымъ и восточнымъ странамъ ея, не опустилъ и Угріи въ своемъ обозрѣніи. Его свидѣтельства, касающіяся топографіи угорской земли, представляютъ несомнѣнный интересъ и цѣну — особенно при скудости дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ изъ эпохи Арпадовичей. Идриси писалъ свой трудъ именно въ половинѣ XII вѣка (кончилъ его въ 1153 г.), и слѣдовательно сообщенія его относятся какъ разъ къ занимающему насъ времени. Онъ жилъ при дворѣ короля сицилійскаго Рожера II и почерпалъ свои свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ устъ купцовъ арабскихъ, еврейскихъ, норманскихъ, греческихъ и западноевропейскихъ, ѣздившихъ по всѣмъ краямъ Европы и имѣвшихъ хорошія свѣдѣнія о торговыхъ центрахъ и торго-

---

[1]) Остригомъ.
[2]) Бѣлградъ.
[3]) Браничево.

выхъ путяхъ. Согласно этому и отмѣчаемые Идриси города, пункты и пути имѣютъ значеніе прежде всего въ торговомъ отношеніи. Вотъ почему напр. и въ Угріи мы не находимъ у Идриси упоминанія такихъ центровъ, о существованіи которыхъ въ ту эпоху мы достовѣрно знаемъ, но которые очевидно не имѣли особенно выдающагося торговаго значенія.

Къ сожалѣнію насколько интереса представляютъ извѣстія Идриси, настолько затруднительно оказывается пользованье ими—благодаря трудности справиться съ арабской передачей географическихъ названій, въ большинствѣ случаевъ очевидно искаженныхъ. Не говоря уже о томъ, что до Идриси могли доходить и просто невѣрныя свѣдѣнія и извращенныя названія,—даже и вѣрныя должны были подвергаться звуковымъ измѣненіямъ подъ перомъ арабскаго писателя, неспособнаго къ точному произношенію многихъ звуковыхъ сочетаній; сверхъ того пониманіе арабскаго текста затруднено еще и свойствами арабскаго письма, въ которомъ малѣйшее измѣненіе въ діакритическихъ значкахъ, можетъ совершенно исказить слово и сдѣлать его неузнаваемымъ [1]). При такомъ положеніи дѣла крайняя неисправность и совершенная ненадежность изданія Идриси, свойства, которыми къ сожалѣнію отличается единственная цѣльная, для всѣхъ доступная французская передача этого писателя (у Жобера, см. ниже), лишаетъ изслѣдователя сколько-нибудь твердой почвы и основанія для приведенія въ ясность отдѣльныхъ показаній Идриси [2]). Въ занимающихъ насъ теперь топографическихъ сообщеніяхъ объ Угріи лишь немногіе пункты являются вполнѣ ясными и безспорными. Остальное представляетъ широкое поле для критическихъ соображеній, сближеній и догадокъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что отмѣчаемыя Идриси разстоянія между отдѣльными пунктами не только не облегчаютъ разгадки послѣднихъ, а напротивъ часто еще бо-

---

[1]) Tomaschek, Zur Kunde der Hämushalbinsel, II, S. 5.

[2]) О достоинствахъ этого перевода можетъ свидѣтельствовать хотя-бы то, что Жоберъ, по отзыву спеціалистовъ, часто принимаетъ собственныя имена арабскаго текста за нарицательныя и наоборотъ. Подробная критика работы Жобера, хотя и относящаяся къ одному ея отдѣлу, но конечно характеризующая всю ее, находится въ предисловіи къ труду: Description de l'Afrique et de l'Espagne par Edrîsi,—par R. Dozy et I. de Goeje (Leiden) 1866. Пользуюсь случаемъ, чтобы высказать мою искреннюю признательность нашему извѣстному арабисту барону В. Р. Розену за любезное сообщеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній, касающихся жоберова перевода Идриси.

дѣе сбиваютъ съ толку и производятъ путаницу — вслѣдствіе неопредѣленности и повидимому разнообразія путевыхъ мѣръ (не одинаковое значеніе „*мили*" и неопредѣленность измѣренія *днями* пути!) [1]).

Полный текстъ Идриси (во французскомъ переводѣ) представляетъ лишь вышеупомянутое изданіе Жобера — въ Recueil de voyages et de mémoires publié par la société de géographie, T. VI, Paris 1840: Géographie d'Édrisi, p. Am. Jaubert (traduite de l'arabe en franҫais) 2 тома. (Извѣстія объ Угріи въ II томѣ: Sixième Climas, II и III section, p. 370—373; 375—380). Къ сожалѣнію это изданіе, какъ сказано, оказывается совершенно неудовлетворительнымъ въ научномъ отношеніи и неточнымъ (что выяснилось изъ сличенія его съ двумя существующими парижскими рукописями А. и В.), а между тѣмъ до появленія новаго изданія, каковаго повидимому пока не имѣется въ виду, большинство изслѣдователей, отваживающихся заниматься Идриси, обречено основываться почти исключительно на Жоберѣ въ своихъ работахъ надъ его извѣстіями, по крайней мѣрѣ касающимися странъ сѣверныхъ и восточныхъ вообще и славянскихъ въ частности.

Попытку истолкованія занимающей насъ *угорской топографіи у Идриси* (впрочемъ лишь между прочимъ) находимъ только у двухъ ученыхъ: во 1-хъ у Лелевеля, который въ своей Géographie du moyen age (T. III—IV, Bruxelles, 1852) подвергъ разслѣдованію всѣ географическія свидѣтельства Идриси о европейскихъ странахъ, въ томъ числѣ и Угріи (тоже въ „Polska wieków średnich", Pozn. 1856, T. II, str. 353—363), во 2-хъ въ новѣйшей работѣ Томашка, посвященной разъясненію извѣстій Идриси о Балканскомъ полуостровѣ, т. е. восточной имперіи (Romania), гдѣ авторъ удѣлилъ вниманіе и нѣкоторой части показаній его объ угорскихъ городахъ: W. Tomaschek, Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II, Die Handelswege im 12 Jahrh. nach den Erkundigungen des Arabers Idrîsî, Wien, 1887 (Sitzungsber. d. Wien. Ak. d. Wiss., B. 113, S. 292—294; отд. отт., стр. 10—12 („Ungarische Städte"). Но и послѣ этихъ попытокъ, изъ которыхъ вторая несомнѣнно внесла болѣе свѣту въ эту область (такъ какъ авторъ могъ пользоваться отчасти и самымъ текстомъ соч. Идриси), многое остается неразъясненнымъ и спорнымъ, или совсѣмъ темнымъ и представляетъ все еще широкое поле для конъектуръ, тѣмъ

[1]) Tomaschek, ib., s. 5—6.

болѣе, что и послѣдній ученый (Томашекъ) не исчерпываетъ всего матеріала топографіи Угріи.

Въ виду сказаннаго о неудовлетворительности изданія Идриси, ненадежности текста, и так. образ. шаткости почвы для изслѣдованія, при невозможности пользоваться самимъ арабскимъ текстомъ сочиненія Идриси, а также и въ виду неимѣнія подъ руками необходимыхъ пособій и помощи для повѣрки своихъ предположеній и догадокъ съ компетентной стороны, т. е. со стороны арабиста, мы не рѣшаемся пускаться въ спеціальное изысканіе по данному предмету, въ эту безбрежную область догадокъ, которымъ—какъ-бы онѣ ни были повидимому удачны и правдоподобны—всетаки будетъ недоставать реальной почвы (по невозможности повѣрять ихъ самымъ текстомъ сочиненія Идриси), равно какъ считаемъ излишнимъ представлять здѣсь относящійся къ Угріи весь текстъ Идриси (во французскомъ переводѣ) — въ виду сказанной его неудовлетворительности, а ограничимся лишь упоминаніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ свидѣтельствъ, которыя представляютъ для насъ болѣе живой интересъ - по значенію тѣхъ пунктовъ, къ которымъ они относятся и которые отличаются сравнительно большею или меньшею ясностью.

Надо замѣтить, что Идриси имѣлъ очень неясное представленіе о границахъ самой Угріи (именно западныхъ). На основаніи неточныхъ извѣстій онъ несообразно разпространяетъ сосѣдящія съ Угріей съ запада области *Богемію* (Boêmia) и *Каринтію* (Qarantâna)—на счетъ *Угріи* (Ungaria), которую онъ ограничиваетъ территоріей, лежащей только на востокъ отъ средняго Дуная (Потисье). Западная, задунайская Угрія, между Дунаемъ и Дравой, оказывается у него „Карантаніей“, и въ ней *Стольный Бѣлградъ*; а сѣверозападная часть Угріи (Словачина)—„Богеміей“, въ которой столицей является *Остригомъ* (Гранъ) [1]). Выходитъ изъ этого, какъ-будто Идриси сдѣлалъ свое опредѣленіе политическихъ границъ на основаніи показаній, имѣвшихъ въ виду распредѣленіе *этническое*, ибо какъ Словаки составляли одно этническое цѣлое съ населеніемъ Моравіи и Чехіи, такъ преобладавшіе въ западной Угріи (между Дунаемъ и Дравой) Славяне примыкали этнографически къ Славянамъ Штиріи, Каринтіи и Крайны.

Итакъ Идриси извѣстны оба главнѣйшихъ центра Угорской

---

[1]) Jaubert, o. c. II, p. 371, 372, 375.

земли (одинъ—церковно-административный, другой—государственно-королевскій), имѣвшіе и важное торговое значеніе, но которые онъ по недоразумѣнію помѣщаетъ въ предѣлахъ Чехіи и Каринтіи. Это во 1-ыхъ *Ostrikuna*, *Ostrikona*, *Ostrogôna*, т. е. *Остригомъ*, *Esztergom*, *Gran* (Strigonium)—на Дунаѣ, резиденція архіеп.-примаса Угріи, о которой Идриси свидѣтельствуетъ, что это городъ знаменитѣйшій, обширнѣйшій и населенный, столица и главный центръ управленія [1]) и

во 2-ыхъ *Belgraba*, *Belegrâba*, или *Belegrâda*, т. е. *Стольный Бѣлградъ*, *Alba regalis*, мад. *Székes-Fehervár*, нѣм. *Stuhlweissenburg* („Wizzenburch")—старая угорская столица и главное мѣсто погребенія угорскихъ королей. О ней Идриси отзывается, какъ о городѣ замѣчательномъ красотою своихъ зданій, окруженномъ крѣпкими стѣнами, отличающимся своими базарами, торговлею, промышленностью и оживленіемъ. Она окружена плодородными и обработанными полями. Этотъ городъ, по его словамъ, находится въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Дуная и отдаленъ отъ Дравы на 70 миль и отъ Остригома на 30 миль [2]).

Кромѣ этихъ главныхъ центровъ Идриси упоминаетъ о цѣломъ рядѣ городовъ съ торговымъ значеніемъ въ разныхъ частяхъ Угріи, въ его „Карантаніи" и „Богеміи", въ Славоніи, по теченію Дуная. Названія многихъ изъ нихъ неузнаваемы. Нѣкоторымъ можно легче подыскать довольно правдоподобное толкованіе, хотя они всетаки остаются подъ сомнѣніемъ. Лишь очень не многія отличаются полною ясностью и сомнѣній не возбуждаютъ. Назовемъ нѣкоторыя болѣе выдающіяся изъ второй и третьей категорій.

Въ „Богеміи" (въ землѣ Словаковъ):

„Neïtherm" (Jaub.), „Nîtraw" (Tom.)—очевидно гор. *Нитра* (Nitria).—„Agra" (Jaub.) „Aqra" (Tom.)=л. *Agria*, слов. *Jager* (Ягеръ), мад. *Egör*, нѣм. *Erlau*.

Въ западной (задунайской) Угріи:

„Chebrouna" (Jaub.), „Šibrôna" (Tom.) вѣроятно =*Sopronium*, *Šoproń*, мад. *Soprony*, нѣм. *Oedenburg*.

По линіи Дуная:

„Bouzana" (Jaub.), „Bûzâna" (Tom.) можетъ быть = *Budin*, мад. *Búda*, *Будинъ* (*Офенъ*).

---

1) Ibid., p. 371, 375. Срв. Lelewel, Polska wiek. średn., str. 356; Tomaschek, o. c. S. 11.

2) Jaubert, p. 372, 376. Срв. Lelewel, str. 354; Tomaschek, ib.

„Bedhrawara, Bedhrawa" (Jaub.), или „Bedhwâra, Bedžwâra" (Tom.) = можетъ быть *Péczvar* (по Томаш., стр. 11), или *Vukovar* (по Лелевелю), а по Jaub.=*Peterwaradin.*

„Afrankbila" (Jaub.) и Afrank-bila (Tom.) — очевидно Francavilla (въ извѣстіяхъ крестоносцевъ), греч. Φραγγοχώριον — (нын. серб. Фрушкагора) = стар. *Срѣмъ* (Sirmium), нын. *Митровица.*

Baghss (Jaub.) или „Baghas" (Tom.); по мнѣнію Томашка = вѣроятно Παγάτζιον (Киннамъ). сл. *Бгачa*, *Бачъ*, мад. *Bacz*—архіеп. резиденція.

„Titlous" (Jaub.) или Titilôs (Tom.) очевидно городъ *Тителъ*, мад. *Titel*, *Tetel*, *Titul*, при впаденіи Тиссы въ Дунай, у Кинн. Τιτέλιος.

Наконецъ „Baussïn" (Jaub.) или „Bansîf" (Tom.) „знаменитый старый городъ, торговый и промышленный, въ которомъ проживаютъ дѣятельные Греки"—по всей вѣроя тности = *Панчево*, мад. *Panczova*, при впад. р. Темеша въ Дунай.

Изъ другихъ извѣстныхъ современныхъ путешественниковъ по Европѣ былъ упомянутъ нами (стр. 36) *еврейскій* путешественникъ Веніаминъ Тудельскій, ѣздившій по Европѣ въ 1160—1173 гг. У него находится одно небезъинтересное извѣстіе объ оживленной *торговлѣ Угріи съ Византіей* (особенно шелковыми товарами). Изданія его:

Elzevir, Leiden, 1633; *Tafel*, De Thessal. ejusque agro, p. 476, и особ. новое англійское изданіе *Acher*, The Itinerary of Rabbi Beniamin of Tudela, London, 1840.
